

Журнал по психологическим
и когнитивным наукам

Психология.
Историко-критические
обзоры и современные
исследования

Том 13, № 1А, 2024.
С. 1-379.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Psychology
and Cognitive Science

Psychology.
Historical-critical
Reviews and Current
Researches

January 2024, Volume 13, Issue 1A.

Pages 1-379.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» Том 13, № 1А, 2024

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Семёнов Игорь Никитович, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, *Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ)* – главный редактор журнала.

Савина Надежда Николаевна, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук, профессор – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и когнитивистики. Материалы открывают дискуссии по проблемам общей, возрастной, педагогической, социальной, коррекционной, клинической психологии и смежных наук. Журнал также пропагандирует идеи символизма и коннекционизма и содействует распространению знаний о моделировании когнитивных систем. В статьях формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование психодиагностической и психокоррекционной деятельности.

Авторами статей являются ведущие специалисты в области психологии и когнитивной науки, а также исследователи, работающие над диссертациями по проблемам психологических наук и междисциплинарных исследований мозга и языка.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	И.Н. Семенов, доктор психологических наук (5.3.1)
Зам. главного редактора	Н.Н. Савина, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43674 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5477.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».

Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»:

43049 «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования».

Цена договорная. Печ. л. 49,75. Формат 60х90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2024.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7524.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" January 2024, Volume 13, Issue 1A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Semenov Igor' Nikitovich, Doctor of Psychology (5.3.1), Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; *Moscow City University* – editor-in-chief.

Savina Nadezhda Nikolae vna – Doctor of Psychology (5.3.1), Doctor of Pedagogy, Professor – deputy editor-in-chief.

The journal publishes the results of theoretical and applied research in the field of psychology and cognitive science. The materials stimulate discussions on the problems of general, developmental, educational, social, correctional, clinical psychology and related sciences. The journal also promotes the ideas of symbolism and connectionism and contributes to the dissemination of the knowledge of cognitive modeling. The articles formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving psychodiagnostic and psychocorrective activities.

The articles are written by leading experts in the field of psychology and cognitive science, as well as researchers working on dissertations devoted to the problems of psychological sciences and interdisciplinary studies of the brain and language.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" ("*Psikhologiya. Istorikokriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	I.N. Semenov, Doctor of Psychology (5.3.1)
Deputy editor-in-chief	N.N. Savina, Doctor of Psychology (5.3.1), Doctor of Pedagogy
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43674 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5477.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press":

43049 "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches".

Contract price. 49.75 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2024.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7524.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Мазилев Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского.

Савина Надежда Николаевна – заместитель главного редактора, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук, профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.3.2. Психофизиология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Каменская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии, психофизиологии и, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Котова Светлана Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент, директор Института Психологии, РГПУ им. А.И. Герцена.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Сыманюк Эльвира Эвальдовна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, директор Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

по направлению: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Клейберг Юрий Александрович – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, президент АНО «Академия Национального образования и науки», Международная ассоциация девиантологов, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

Миронова Оксана Ивановна – доктор психологических наук, профессор, Деаартамент психологии, Высшая школа экономики.

по направлению: 5.3.6. Клиническая психология

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.3.7. Возрастная психология

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.8. Коррекционная психология и дефектология

Волкова Ирина Павловна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой основ дефектологии и реабилитологии, Институт дефектологического образования и реабилитации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.12.1. Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской Академии образования.

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.12.2. Междисциплинарные исследования мозга

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

Сердечная Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет.

по направлению: 5.12.4. Когнитивное моделирование

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской академии образования.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

по направлению: 3.2.5. Медицинская психология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Editorial board

5.3.1. General psychology, personality psychology, history of psychology

Mazilov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia).

Savina Nadezhda Nikolaevna – Deputy Chief Editor, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.3.2. Psychophysiology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Kamenskaya Valentina Georgievna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology, Psychophysiology; Bunin Yelets State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Kotova Svetlana Arkad'yevna – PhD in Psychology, Associate Professor, Director of the Institute of Psychology, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSEES) (Russia).

Sokol'skaya Marina Vyacheslavovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov Medical University) (Russia).

5.3.4. Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

Borzova Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pacific National University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Symanyuk El'vira Eval'dovna – Doctor of Psychology, Professor, Director of the Ural Humanitarian Institute, Ural federal University; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology

Kozlov Vladimir Vasil'evich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social and Political Psychology, Yaroslavl State University (Russia).

Klayberg Yurii Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor, President of Academy of National Education and Science, International Association of Deviantologists, Laureate of the State Prize of the Government of the Russian Federation in Education (Russia).

Mironova Oksana Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Higher School of Economics (Russia).

5.3.6. Clinical psychology

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.3.7. Age psychology

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

5.3.8. Correctional psychology and defectology

Volkova Irina Pavlovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Fundamentals of Defectology and Rehabilitation, Institute of Defectology Education and Rehabilitation, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.12.1. Interdisciplinary research on cognitive processes

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSEES) (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.12.2. Interdisciplinary brain research

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.12.3. Interdisciplinary language studies

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

Serdechnaya Vera Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Literature and Comparative Cultural Studies, Kuban State University (Russia).

5.12.4. Cognitive modeling

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

3.2.5. Medical psychology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Belov Vasili Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Содержание

Общая психология, психология личности, история психологии

Грекова-Кононова Алина Игоревна Костромина Светлана Николаевна Динамика образа мира личности при разном типе переживания утраты.....	7
Кравченко Светлана Витальевна Соотношение понятий смысл жизни, удовлетворенность жизнью, качество жизни, счастье и субъективное благополучие	22
Романова Ксения Вячеславовна Влияние технологий цифрового образования на уровень экзаменационного стресса личности	32
Голубев Александр Владимирович Методы саморегуляции в профессиональной деятельности.....	43
Паневин Алексей Святославович Актуальные вызовы методологии критического мышления	51
Радзион Наталья Геннадьевна Особенности проявления психологических свойств параллельной карьеры	58
Зиман Марина Алексеевна Методологические основания понятия «ресурс личности» в зарубежной и отечественной психологии.....	66
Лобанова Юлия Игоревна О роли эмоций в динамике стиля автовождения субъекта.....	73
Ложкарев Александр Игоревич Савич Игорь Иванович Социальный феномен предательства: психолого-политические аспекты личности предателя	88

Психофизиология

Барабанов Родион Евгеньевич Психотехнологии дискурсивно-оценочных практик в социально-оценочных сетях XXI века как фактор улучшения качества жизни лиц с патологией голосового аппарата.....	98
--	----

Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Стариков Павел Анатольевич Малинникова Александра Алексеевна Вдохновение и творческое хобби как фактор здоровья офисных работников	109
Саранцева Светлана Геннадьевна Обучение с подкреплением и его применение в менеджменте.....	120
Александров Георгий Валерьевич Моргунова Наталья Викторовна Характеристики психологического профиля сотрудников полиции: анализ и перспективы	129
Гирфанова Евгения Борисовна Психологические аспекты профессионального развития персонала в организации	139

Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Зак Анатолий Залманович Формирование когнитивных и метакогнитивных действий у младших школьников	147
--	-----

Рамазанова Евгения Алексеевна Игра цвета как стимул к становлению и развитию коммуникативной компетентности у детей с ОВЗ	161
Сиволобов Владимир Сергеевич Рошка Елена Владимировна Динамика изменения склонности к виктимному поведению у студентов-психологов в процессе обучения	178
Сандакова Елена Николаевна Борзова Татьяна Владимировна Процессы проблематизации контекста в обучении студентов вуза	186
Никулина Татьяна Викторовна Смирнова Дарья Евгеньевна Современные подходы к организации социально-психологического сопровождения обучающихся	195
Погорова Райшат Исмаиловна Албакова Зара Абдул-Мажитовна Актуальность интеграции искусственного интеллекта в процесс диагностики депрессивных состояний у лиц в период зрелости	201
Одинцов Александр Сергеевич Нейрогимнастика как средство психологической подготовки спортсменов-батутистов	209
Ладыкина Татьяна Александровна Формирование нравственно-эстетической культуры личности будущего юриста в образовательном пространстве вуза	216
<i>Социальная психология, политическая и экономическая психология</i>	
Одинцова Мария Олеговна Психологическая диагностика перетренированности и эмоционального выгорания в спорте	225
Слабкая Диана Николаевна Индивидуально-дифференцированный подход в противодействии криминальной субкультуры среди несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях ФСИН России	231
Искандаров Роберт Рафаилович Кряжева Светлана Геннадьевна Слабкая Диана Николаевна Алкоголь как фактор противоправной (криминальной) агрессии: современное состояние проблемы	239
Конджарян Арсен Артурович Нурiev Тахир Вугароглы Балина Татьяна Николаевна Социально-психологические факторы виктимизации в реальной и цифровой среде	247
Михайленко Ольга Ивановна Догучаева Танзиля Ахматовна Пшигаушева Рузана Заурбиевна Исследование ценностных ориентаций личности студента (на примере Кабардино-Балкарского государственного университета)	257
Боровицкая Юлия Витальевна Гайцук Сергей Григорьевич Психологический феномен подвига как результат проявления личностных качеств победителя	266

Галкина Наталия Александровна Исследование психологической готовности будущих логопедов-дефектологов к работе в специализированном (коррекционном) образовательном учреждении	275
Кычкин Иннокентий Иннокентьевич Слюгрова Мариана Сергеевна Григорьева Полина Максимовна Психосемантическое исследование межэтнической напряженности среди русских и якутских студентов ДВФУ	287
Андреев Павел Олегович Динамика обращения на телефон доверия при нарушенной психической адаптации различного уровня на примере Чувашской Республики	295
Алексеева Алина Юрьевна Николаев Евгений Львович Проблемы психологического влияния коронавирусной инфекции на здоровье студентов вуза	303
Рагулина Марина Владимировна Ткач Елена Николаевна Проблема любви и зависимости в парных отношениях в современном гуманитарном знании	313
Корнев Сергей Михайлович Цифровое пространство как средство формирования социализирующейся личности.....	322
Кожевникова Марина Владимировна Взаимосвязь ограничивающих убеждений руководителей малого бизнеса с особенностями построения внутренней корпоративной коммуникации.....	331
Родермель Татьяна Алексеевна Шамухаметова Елена Сафиулловна Обобщение результатов психологического исследования проявления сексуальности у женщин среднего возраста	343
<i>Возрастная психология</i>	
Сафонов Павел Александрович Концептуальное сопоставление различных типов психологического кризиса в зарубежной литературе	353
Газизова Регина Расиховна Усманова Софья Ганизяновна Сайфуллина Гузель Флюоровна Коррекция тревожности у подростков, склонных к девиантному поведению	360
Лутошлива Екатерина Станиславовна Архипова Мария Сергеевна Носов Николай Сергеевич Связь самооценки и самоповреждающего поведения у подростков	369

Contents

General psychology, personality psychology, history of psychology

Alina I. Grekova-Kononova

Svetlana N. Kostromina

The dynamics of the personality's world image with different types of loss experience 7

Svetlana V. Kravchenko

Correlation of the concepts meaning of life, life satisfaction, quality of life, happiness and subjective well-being..... 22

Kseniya V. Romanova

The influence of digital education technologies on the level of personal exam stress..... 32

Aleksandr V. Golubev

Methods of self-regulation in professional activities 43

Aleksei S. Panevin

Current challenges in critical thinking methodology 51

Natal'ya G. Radzion

Features of the manifestation of psychological properties of a parallel career 58

Marina A. Ziman

Methodological foundations of the concept of "personality resource" in foreign and domestic psychology 66

Yuliya I. Lobanova

On the role of emotions in the dynamics of the subject's driving style 73

Aleksandr I. Lozhkarev

Igor' I. Savich

The social phenomenon of "betrayal": psychological and political aspects of the traitor's personality 88

Psychophysiology

Rodion E. Barabanov

Psychotechnologies of discursive-evaluative practices in social-evaluative networks of the 21st century as a factor in improving the quality of life of people with pathology of the vocal apparatus..... 98

Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics

Pavel A. Starikov

Aleksandra A. Malinnikova

Inspiration and creative hobbies as a factor of office workers' health 109

Svetlana G. Sarantseva

Reinforcement learning and its application in management 120

Georgii V. Aleksandrov

Natal'ya V. Morgunova

Characteristics of the psychological profile of police employees: analysis and perspectives 129

Evgeniya B. Girfanova

Psychological aspects of professional development of personnel in organizations 139

Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

Anatolii Z. Zak

Formation of cognitive and metacognitive actions among younger schoolchildren 147

Evgeniya A. Ramazanova Play of colour as an impetus for formation and development of communicative competence in children with limited health capabilities	161
Vladimir S. Sivolobov Elena V. Roshka Dynamics of changes in the propensity to victimize behavior among psychology students during their studies	178
Elena N. Sandakova Tat'yana V. Borzova The Processes of Problematizing Context in University Student Education	186
Tat'yana V. Nikulina Dar'ya E. Smirnova Modern approaches to the organization of socio-psychological support for students	195
Raishat I. Pogorova Zara A.-M. Albakova Relevance of integrating artificial intelligence into the process of diagnosing depressive states in persons in the period of maturity	201
Aleksandr S. Odintsov Neurogymnastics as a means of psychological preparation of trampolian athletes	209
Tat'yana A. Ladykina Formation of the moral and aesthetic culture of the personality of the future lawyer in the educational space of the university	216
<i>Social psychology, political and economic psychology</i>	
Mariya O. Odintsova Psychological diagnostics of overtraining and emotional burnout in sports	225
Diana N. Slabkaya An individually differentiated approach to combating the criminal subculture among minors held in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia	231
Robert R. Iskandarov Svetlana G. Kryazheva Diana N. Slabkaya Alcohol as a factor of criminal aggression: current state of the problem	239
Arsen A. Kondzharyan Takhir V. Nuriev Tat'yana N. Balina Socio-psychological factors of victimization in real and digital environments	247
Ol'ga I. Mikhaïlenko Tanzilya A. Doguchaeva Ruzana Z. Pshigausheva The study of the value orientations of the student's personality (on the example of Kabardino-Balkaria State University)	257
Yuliya V. Borovitskaya Sergei G. Gaitsuk The psychological phenomenon of the feat as a result of the manifestation of the personal qualities of the winner	266
Nataliya A. Galkina A study of the psychological readiness of future speech pathologists to work in a specialized (correctional) educational institution.....	275

Innokentii I. Kychkin Mariana S. Slyugrova Polina M. Grigor'eva	Psychosemantic research of interethnic tension among russian and yakut students of FEFU	287
Pavel O. Andreev	The dynamics of contacting the helpline in case of impaired mental adaptation of various levels, using the example of the Chuvash Republic	295
Alina Yu. Alekseeva Evgenii L. Nikolaev	Problems of psychological impact of coronavirus infection on the health of university students	303
Marina V. Ragulina Elena N. Tkach	The problem of love and dependence in couple relationships in modern humanities knowledge	313
Sergei M. Kornev	Digital space as a means of forming a socializing personality	322
Marina V. Kozhevnikova	The relationship of the limiting beliefs of small business leaders with the peculiarities of building internal corporate communication	331
Tat'yana A. RodermeI' Elena S. Shamukhmetova	Generalization of the results of psychological research manifestations of sexuality in middle-aged women	343

Age psychology

Pavel A. Safonov	Conceptual comparison of different types of psychological crisis in foreign literature	353
Regina R. Gazizova Sofya G. Usmanova Guzel' F. Saifullina	Correction of anxiety in adolescents prone to deviant behavior	360
Ekaterina S. Lutoshliva Mariya S. Arkhipova Nikolai S. Nosov	The relationship between self-esteem and self-harming behavior in adolescents	369

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.20.87.001

Динамика образа мира личности при разном типе переживания утраты

Грекова-Кононова Алина Игоревна

Аспирант кафедры психологии личности,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
e-mail: alina-kononova-2013@mail.ru

Костромина Светлана Николаевна

Доктор психологических наук, профессор,
завкафедрой психологии личности,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
e-mail: s.kostromina@spbu.ru

Аннотация

В статье представлены результаты исследования динамики образа мира при разном типе переживания утраты. В лонгитюдном исследовании, включающем три замера с разницей в три месяца, приняли участие 110 человек, столкнувшиеся с утратой близкого от 1 месяца до 5 лет назад (1 замер). Из них 80 человек, которые пережили смерть близкого от 1 месяца до 2 лет назад, приняли участие во 2 и 3 этапе исследования. Для исследования переживания утраты и динамики образа мира использовались интервью, модифицированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда, тест экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле, технология «Глубина осмысленности жизни» П. Иберсола, опросник посттравматического роста Р. Тадеша и Л. Калхауна. Статистические методы: контент-анализ, частотный анализ, описательные статистики, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), таблицы сопряженности и критерий Хи-квадрат Пирсона, кластерный анализ методом k-средних (K-Means). В результате исследования сделаны следующие выводы: 1) группы людей различаются в зависимости от типа переживания утраты; 2) у людей с разным типом переживания утраты наблюдается разная динамика образа мира.

Для цитирования в научных исследованиях

Грекова-Кононова А.И., Костромина С.Н. Динамика образа мира личности при разном типе переживания утраты // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 7-21. DOI: 10.34670/AR.2024.20.87.001

Ключевые слова

Динамика образа мира, переживание утраты, ожидаемая утрата, неожиданная утрата, растянутая утрата, психология личности.

Введение

Сегодня, в условиях неопределённой и изменчивой реальности, в психологии личности востребовано изучение «изменяющейся личности в изменяющемся мире» [Артемьева, Стрелков, Серкин, 1983, 2], которое активно развивается в рамках процессуального подхода к исследованию личности [Рубинштейн, 2003; Брушлинский, 1997; Анцыферова, 1981; Костромина С.Н., Гришина, 2018; Костромина, 2021; Асмолов, 2018; Марцинковская, 2018]. Данная статья представляет собой продолжение развития идей процессуального подхода в психологии, в фокусе внимания находятся изменения образа мира личности при разном типе переживания утраты.

Вслед за А.Н. Леонтьевым [Леонтьев, 1983], С.Л. Рубинштейном [Рубинштейн, 2003] и В.П. Серкиным [Серкин, 2006] мы понимаем образ мира как «интегральную индивидуальную систему значений» [Серкин, 2008, 91] личности, смысловую составляющую её взаимодействия с миром. Теоретический анализ понятия «образ мира», с опорой на существующие модели [Артемьева, Стрелков, Серкин, 1983; Серкин, 2008], позволил поуровнево раскрыть структуру образа мира: 1) перцептивный слой, 2) семантический слой, 3) ядерный слой [Кононова, Костромина, 2023].

Для многих утрата и процесс горевания становятся поворотным событием жизни, связанным с изменением представлений человека о мире, его отношениях и способах взаимодействия с ним. Мы понимаем процесс переживания утраты как «смысловую реконструкцию» [Neimeyer, 2001], где в фокусе внимания находится процесс изменения внутренних смыслов и значений.

Несмотря на актуальность и значимость данной темы, можно констатировать дефицитность имеющихся знаний о феноменологии переживания утраты. Данных о том, как влияет тип переживания утраты на изменения образа мира, недостаточно.

Цель исследования – определить динамику образа мира в группах с разным типом переживания утраты.

Гипотезы исследования: 1) группы людей различаются в зависимости от типа переживания утраты; 2) у людей с разным типом переживания утраты наблюдается разная динамика образа мира.

Описание выборки исследования

В первом этапе исследования приняли участие 110 человек (93 женщины и 17 мужчин) в возрасте от 19 до 59 лет ($M=31,09$, $\sigma=8,70$), пережившие утрату близкого человека от 1 месяца до 5 лет назад. Во втором и третьем этапах исследования приняли участие 80 человек из 110, включившихся на первом этапе (среди них 66 женщин и 14 мужчин), в возрасте от 19 до 57 лет ($M=30,37$, $\sigma=8,37$), столкнувшихся со смертью близкого от 1 месяца до 2 лет назад (к 3 замеру срок утраты вырос до 2 лет и 6 месяцев назад).

Методы и организация исследования

Участие в исследовании проходило на добровольной основе. Выборка набиралась с помощью социальной сети ВКонтакте. Исследование носило лонгитюдный характер и было проведено в три этапа (3 замера): 1) заполнение Google Forms с методиками и прохождение интервью с автором исследования (110 человек); 2) через 3 месяца участники исследования (80

человек из 110) вновь заполняли форму с методиками и проходили интервью; 3) еще через 3 месяца респонденты (80 человек из 110) заполняли методики и проходили заключительный этап интервью. Таким образом, всего было собрано 270 анкет с заполненными методиками и проведено 270 интервью.

В эмпирической части исследования были использованы следующие методы:

- 1) Авторское полуструктурированное интервью для феноменологического описания как проживания потери, так и изменений образа мира в связи с этим событием. Вопросы интервью представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Вопросы интервью, направленные на исследование переживания утраты

№	Интервью №1	Интервью №2	Интервью №3
1	Можем ли мы сейчас поговорить об утрате, которая произошла? Расскажите, пожалуйста, о том, что произошло. Кого Вы потеряли? Как давно это случилось? Где и при каких обстоятельствах узнали о смерти близкого?	Можем ли мы сейчас вернуться к утрате, которая у Вас произошла?	Можем ли мы сейчас вернуться к утрате, которая у Вас произошла?
2	Какие мысли у Вас возникли, когда Вы узнали о потере близкого человека?	Как Вы сейчас переживаете утрату своего близкого человека? Возвращаетесь ли мысленно к своей потере? Если да, то о чём размышляете?	Как Вы сейчас переживаете утрату своего близкого человека? Возвращаетесь ли мысленно к своей потере? Если да, то о чём размышляете?
3	Что Вы чувствовали в этот момент?	Что Вы чувствуете, когда размышляете о своей утрате? Как это событие влияет на жизнь?	Что Вы чувствуете, когда размышляете о своей утрате? Как это событие влияет на жизнь?
4	Способны ли Вы были что-то делать в этот момент?		
5	Каким представлялся мир? Как бы Вы это описали?		
6	Есть ли что-то, чего Вы не успели сделать или сказать?	Остаётся ли сейчас ощущение недосказанности по отношению к ушедшему человеку? Если да и сейчас есть такая возможность, то что бы Вы хотели ему сказать?	Остаётся ли сейчас ощущение недосказанности по отношению к ушедшему человеку? Если да и сейчас есть такая возможность, то что бы Вы хотели ему сказать?

- 2) Психодиагностические методики:

- модифицированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда [Серкин, 2008] для исследования перцептивного слоя образа мира. Респондентам предлагалось оценить характеристики мира с помощью 25 пар прилагательных-антонимов (например, «лёгкий – тяжёлый» и т.д.) по семибалльной шкале относительно выраженности данных качеств в мире.
- тест экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле в адаптации В.Б. Шумского, Е.М. Уколовой, Е.Н. Осинной, Я.Д. Лупандиной [Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лупандина, 2016] для изучения семантического слоя образа мира. Данная

- методика позволяет выявить уровень экзистенциальной исполненности личности и на основании выраженности четырёх фундаментальных мотиваций: 1) фундаментальное доверие; 2) фундаментальная ценность; 3) самооценочность; 4) смысл жизни, оценить отношение к миру, с собой и другими людьми;
- технология «Глубина осмысленности жизни» (Meaning In Life Depth (MILD)) П. Иберсола [Ebersole, Quiring, 1991], представляющая собой короткое эссе, в котором участники исследования отвечают на вопрос о смысле собственной жизни, для исследования ядерного слоя;
 - опросник посттравматического роста (ОПТР) Р. Тадеши и Л. Калхауна в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова [Магомед-Эминов, 2007] для оценки позитивных жизненных изменений после утраты близкого человека на уровне ядерного слоя образа мира. Опросник измеряет степень позитивных изменений, произошедших после травматического события (в данном случае – утраты близкого) и состоит из пяти подшкал: 1) отношение к другим; 2) новые возможности; 3) сила личности; 4) духовные изменения; 5) повышение ценности жизни.
- 3) Статистические методы. Данные, полученные в результате исследования, были обработаны при помощи компьютерной программы IBM SPSS Statistics 22. Статистическая обработка результатов исследования включала контент-анализ, описательные статистики, частотный анализ, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), таблицы сопряженности и критерий Хи-квадрат Пирсона, кластерный анализ методом к-средних (K-Means).

Результаты исследования

Результаты интервью обрабатывались с помощью контент анализа, где были выделены категории, относящиеся к переживанию утраты. Затем на выборке в 110 человек (замер №1) мы провели частотный анализ для подсчёта частоты встречаемости выделенных категорий.

Частотный анализ показал, что чаще всего в нашей выборке встречаются респонденты, переживающие потерю как растянутую (45,5%). При этом чаще всего остаётся нереализованная надежда на выживание близкого (45,5%). Среди долженствований до ухода близкого большинству важно быть рядом с близким человеком во время болезни (32,7%), а после – организовать его похороны (49,1%). Мир в момент утраты представляется мрачным (несправедливым, жестоким, злым, небезопасным, неконтролируемым) (38,2%). Мысли в момент утраты характеризуются невозможностью вспомнить мысли или мысль, что случившееся не является правдой (33,6%), чувства – направленные на себя (шок, грусть, печаль, тоска и т.д.) (84,5%), высокая степень реакций на уровне тела (70,9%). Действия в момент утраты чаще активные (60,0%). При этом, с одной стороны, у респондентов чаще всего нет невысказанных слов (50,9%), но есть нереализованные поступки, относящиеся к жизни ушедшего (53,6%). Чаще всего происходит разрушение иллюзии бессмертия (65,5%), что характерно для столкновения с утратой.

После проведения частотного анализа мы разделили выборку на группы в зависимости от типа переживания утраты в момент потери. Для этого нами был проведён кластерный анализ методом к-средних (k-means), где использовались переменные из контент-анализа интервью, полученные из ретроспективных воспоминаний горюющих людей о дне потери. В результате кластеризации получилось три кластера, значимость различия которых затем проверялась с помощью таблиц сопряженности (Хи-квадрат Пирсона) (таблица 2).

Таблица 2 – Кластеры по типу переживания утраты (N=110)

Категория	Подкатегория	Конечные центры кластеров			Хи-квадрат Пирсона (p-уровень значимости)
		1	2	3	
Характер утраты	ожидаемая	0,36	0,14	0,05	0,006
	неожиданная	0,18	0,37	0,10	0,025
	растянутая	0,36	0,39	0,80	0,003
	множественная	0,10	0,10	0,05	0,779
Нереализованные надежды	выживание	0,28	0,53	0,60	0,023
	спасение	0,05	0,16	0,05	0,181
Долженствования до ухода близкого	быть рядом во время болезни	0,41	0,31	0,20	0,255
	успеть попрощаться	0,10	0,02	0,10	0,213
Долженствования после ухода близкого	организовать похороны	0,62	0,43	0,40	0,149
	сообщить другим о смерти близкого	0,21	0,06	0,00	0,019
	помогать близким, взять на себя обязанности ушедшего	0,23	0,33	0,20	0,402
	продолжать жить	0,05	0,08	0,00	0,422
Представление о мире в момент утраты	мир не изменился, остался таким же, как и был или мир прежний, изменилось моё состояние/настроение	0,51	0,02	0,45	0,000
	мрачный мир (несправедливый, жестокий, злой, небезопасный, неконтролируемый)	0,23	0,63	0,05	0,683
	рухнувший, бессмысленный и одинокий мир (моё горе никто не разделяет)	0,10	0,33	0,25	0,000
	замерший, остановившийся, сузившийся мир	0,18	0,29	0,20	0,038
	другое: мир как возможность, загробный мир	0,05	0,02	0,05	0,409
Мысли в момент утраты	состояние шока, отрицания, непонимания, что происходит / невозможно вспомнить мысли или мысль, что случившееся не является правдой	0,13	0,59	0,10	0,000
	о себе	0,10	0,14	0,35	0,041
	об ушедшем	0,33	0,18	0,10	0,075
	о других людях	0,28	0,12	0,15	0,124
	о конкретных действиях или дальнейших планах	0,18	0,08	0,30	0,05
	разные мысли, так как множественная утрата	0,10	0,08	0,05	0,779
Чувства в момент утраты	социальные (вина, стыд)	0,08	0,27	0,60	0,000
	интрасубъективные (направленные на себя)	0,79	0,90	0,80	0,313
	интерсубъективные (направленные на других)	0,15	0,20	0,25	0,668
	разные чувства, так как множественная утрата	0,08	0,08	0,05	0,91
Телесные, физиологические проявления в момент утраты	есть (слёзы, «ком в горле», дрожание рук и тела, сильное сердцебиение, сбивающееся дыхание, мигрень, головная боль)	0,51	0,92	0,55	0,000
	нет	0,46	0,12	0,45	0,001

Категория	Подкатегория	Конечные центры кластеров			Хи-квадрат Пирсона (p-уровень значимости)
		1	2	3	
Действия в момент утраты	активные	0,87	0,29	0,85	0, 000
	пассивные	0,03	0,33	0,15	0, 001
	автоматические	0,03	0,31	0,00	0, 000
	разные действия, так как множественная утрата	0,08	0,06	0,00	0,461
Невысказанные слова ушедшему	слова любви	0,03	0,41	0,75	0, 000
	слова прощения ушедшего или извинения перед ним	0,00	0,18	0,25	0, 009
	вопросы о прошлом ушедшего	0,10	0,12	0,35	0,028
	нет невысказанных слов	0,87	0,43	0,00	0, 000
Нереализованные поступки	относящиеся к жизни ушедшего	0,31	0,69	0,60	0, 001
	относящиеся к уходу ушедшего	0,08	0,29	0,55	0, 000
	нет нереализованных поступков	0,62	0,14	0,05	0, 000
Разрушение базисных иллюзий	разрушение иллюзии бессмертия	0,51	0,67	0,90	0, 012
	разрушение иллюзии справедливого мира	0,10	0,49	0,00	0, 000
	разрушение иллюзии собственного всемогущества	0,13	0,20	0,15	0,678

Ориентируясь на значимые различия, можно следующим образом описать выделенные кластеры (группы) по типу переживания утраты в момент потери:

Группа № 1 характеризуется переживанием утраты как ожидаемой, то есть люди в этой группе знали о скором уходе из жизни близкого, так как был поставлен смертельный диагноз, либо для них потеря близкого случилась раньше, чем фактическая смерть (например, в случае разрушения личности ушедшего вследствие психиатрического диагноза). При этом после ухода из жизни близкого их обязанностью (долженствованием) являлось сообщение о факте смерти другим близким и родственникам. В момент утраты мир для них не изменился, остался таким же, как и был, или изменилось только их состояние/настроение, у них не было физиологических реакций на смерть близкого, их действия были активными (звонки родственникам, обращение за помощью, организация похорон), они находились в состоянии мобилизации, у них не было сожаления о невысказанных словах и нереализованных поступках по отношению к ушедшему. Судя по всему, такое переживание потери связано с тем, что горюющие уже как бы «заранее» пережили эту потерю и были к ней внутренне готовы.

Группа № 2 характеризуется переживанием потери как неожиданной, что было связано либо с внезапной болезнью ушедшего (инфаркт, инсульт, оторвался тромб), либо с гибелью в результате несчастного случая, убийства, самоубийства, при этом сюда относятся так же и те люди, у близкого которых была смертельная болезнь, но они не знали об этом, не успели подготовиться к возможной потере. Мир в момент потери горюющие люди из этой группы описывают как рухнувший, бессмысленный и одинокий или замерший, остановившийся, сузившийся до уровня произошедшего горя. При попытке вспомнить свои первые мысли в момент потери люди из этой группы чаще говорят о невозможности вспомнить мысли или называют мысль, что случившееся не является правдой. Они вспоминают своё состояние шока, отрицания, непонимания, что происходит. Также эти люди упоминают о сильной телесной и физиологической симптоматике в момент потери в виде слёз, «кома в горле», дрожания рук и

тела, учащённого сердцебиения, сбивающегося дыхания, мигрени, головной боли и т.д. Действия в момент потери были либо пассивными (что проявлялось в виде невозможности что-либо делать, застывшем смотреии в одну точку, полной апатии, ступора), либо автоматическими, когда действия выполнялись машинально, без осознания происходящего. У них осталось сожаление о нереализованных поступках, относящихся к жизни ушедшего, которые были направлены как на ближайшее время (не успел свозить в путешествие, не успела подарить ему подарок, не успели вместе дорисовать картину, не показал фильм, не отдал продукты, не позвонила, не взяла трубку), так и на отдалённую перспективу будущего (он не успел увидеть главные события моей жизни, он не успел вырастит моего сына (своего внука), я ему не родила внука). При этом люди из этой группы говорили о таких состояниях, которые можно отнести к разрушению базисной иллюзии справедливого мира: «Мир несправедлив», «Так не должно быть... не должен умирать человек, который только что родил ребенка и младше тебя на 5 лет». Такое переживание потери, на наш взгляд, связано с её внезапным характером.

Группа № 3 характеризуется растянутым переживанием утраты, когда не было поставлено смертельного диагноза, но присутствовало плохое состояние здоровья близкого (хроническая болезнь ушедшего, длительное нахождение в реанимации, плохое состояние здоровья в старости, ковид). Для этой группы людей характерны нереализованные надежды на выживание ушедшего, мысли о себе («Такого не может со мной произойти», «Я больше не смогу позвонить ей», «Как мне дальше жить без мамы?»), о конкретных действиях («Что делать дальше?», «Как приехать на похороны? Купить билеты? Как всё организовать?») или о дальнейших планах («Хочу усыновить ребенка» (после утраты ребенка), «Как теперь изменится наша жизнь? Теперь ничего не будет прежним. Как быть дальше?») в момент утраты, социальные чувства (вины и стыда), невысказанные слова (любви, прощения, извинения, вопросы о прошлом ушедшего), нереализованные поступки, относящиеся к уходу близкого (не попрощался, не приехал на похороны, не видела тело в гробу, не была с ним в реанимации), происходит разрушение иллюзии бессмертия («Смерть стала реальностью, «Все мы смертны», «Смерть может произойти в любую минуту», «Смерть из абстрактной идеи стала опытом, да, не опытом самой смерти, но опытом переживания потери близкого»). Такое переживание утраты может быть связано с её растянутым характером, когда люди длительное время находились, с одной стороны, в ситуации неопределённости и хронического напряжения, с другой стороны, у них сохранялась надежда на выживание (так как смерть близкого, даже несмотря на плохое состояние здоровья, длительное время не наступала).

По результатам кластерного анализа из выборки в 110 человек в первую группу (ожидаемая утрата) вошло 39 человек, во вторую (неожиданная утрата) – 51 человек, в третью (растянутая утрата) – 20 человек.

Затем, в соответствии с целью нашего исследования, мы проанализировали динамику образа мира в выделенных группах по типу переживания утраты с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) (для семантического дифференциала, теста экзистенциальных мотиваций и опросника посттравматического роста) и критерия Хи-квадрат Пирсона (для технологии «глубина осмысленности жизни»). Для этого мы проанализировали выборку из 80 человек, которые приняли участие во всех трёх замерах (ожидаемая утрата – 30 человек, неожиданная – 32, растянутая – 18).

Динамика перцептивного слоя образа мира

На уровне перцептивного слоя образа мира в 1 замере наблюдается одно значимое отличие между группами по типу переживания утраты по характеристике «дешёвый-дорогой» ($p=0,015$). Во втором и третьем замере отличий становится больше: «унылый-жизнерадостный» (замер 2: $p=0,047$), «дешёвый-дорогой» (замер 2: $p=0,019$; замер 3: $p=0,039$), «напряжённый-расслабленный» (замер 2: $p=0,018$; замер 3: $p=0,043$), «медленный-быстрый» (замер 2: $p=0,013$; замер 3: $p=0,031$), «замкнутый-открытый» (замер 2: $p=0,016$; замер 3: $p=0,024$) (рис. 1-5).

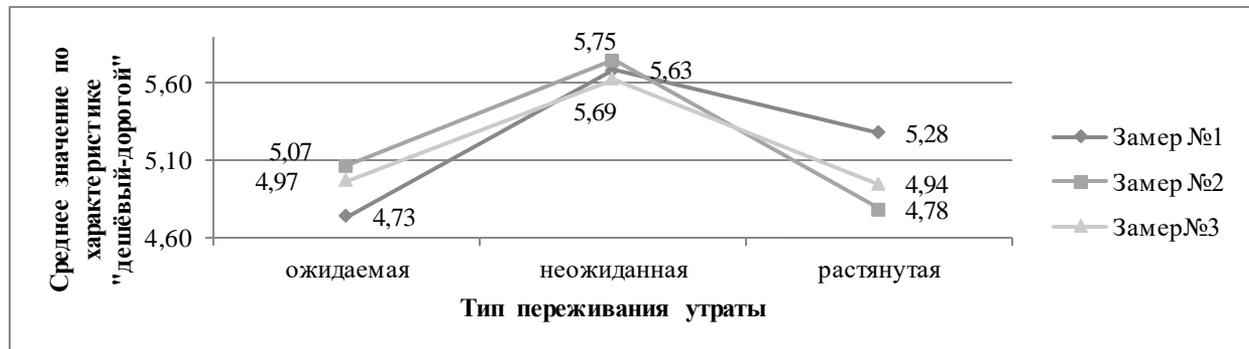

Рисунок 1 – Различия в группах с разным типом переживания утраты по характеристике мира «дешёвый-дорогой» (среднее значение, замер №1,2,3)

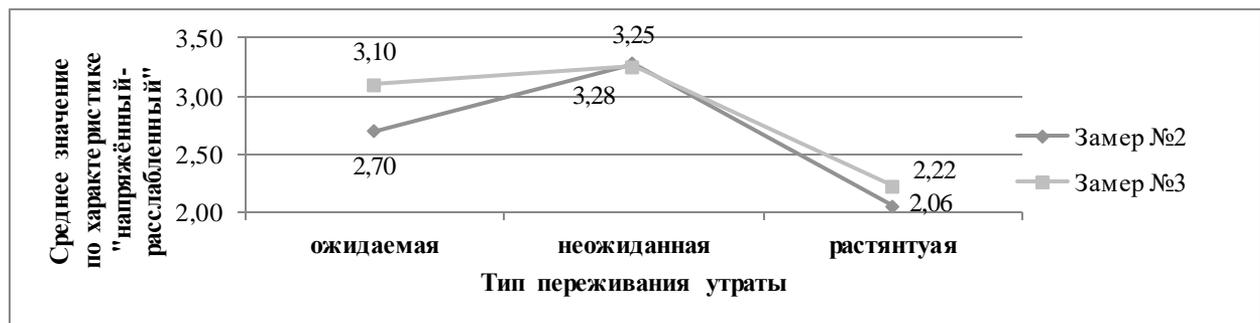

Рисунок 2 – Различия в группах с разным типом переживания утраты по характеристике мира «напряжённый-расслабленный» (среднее значение, замер №2,3)

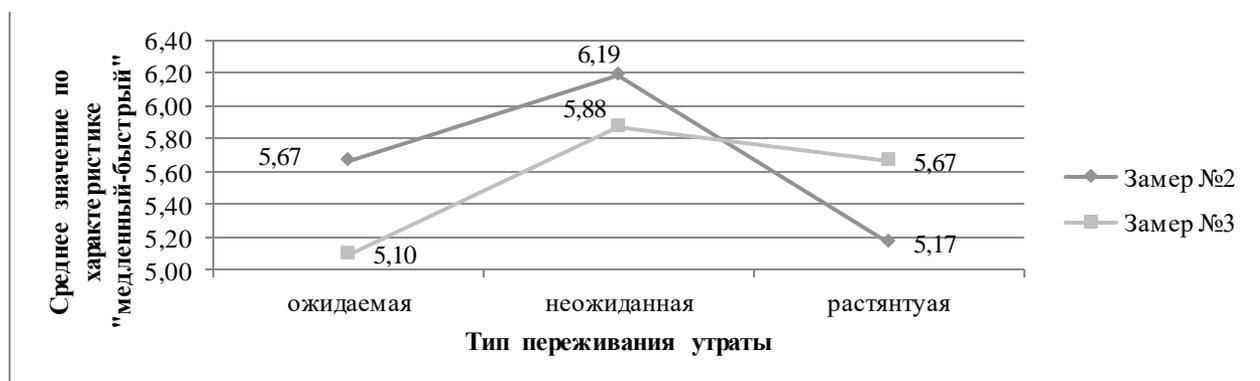

Рисунок 3 – Различия в группах с разным типом переживания утраты по характеристике мира «медленный-быстрый» (среднее значение, замер №2,3)

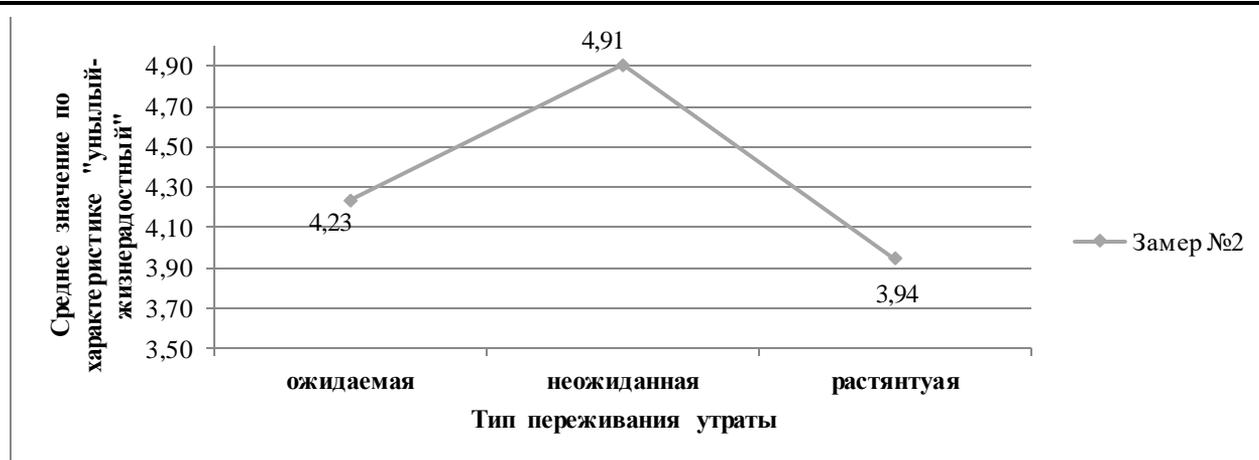

Рисунок 4 – Различия в группах с разным типом переживания утраты по характеристике мира «унылый-жизнерадостный» (среднее значение, замер №2)

Рисунок 5 – Различия в группах с разным типом переживания утраты по характеристике мира «замкнутый-открытый» (среднее значение, замер №2,3)

Исходя из представленных графиков, можно увидеть, что в группе с типом переживания утраты как неожиданной наблюдаются более высокие значения по всем значимым характеристикам мира: они воспринимают мир как более дорогой, менее напряжённый, более быстрый, жизнерадостный и открытый, чем в группах с ожидаемым и растянутым типом утраты. Это может говорить о том, что в ситуации внезапной потери в большей степени происходит перестройка и трансформация представлений о мире.

Динамика семантического слоя образа мира

На уровне семантического слоя образа в первом и третьем замере не наблюдаются значимые различия. Во втором замере респонденты с разными типами утраты различаются по первой фундаментальной мотивации «Фундаментальное доверие» ($p=0,032$) и по показателю «признание ценности» ($p=0,049$) (рис. 6-7). В третьем замере есть значимые отличия по показателям «защищённость» ($p=0,034$) и «время» ($p=0,048$) (рис. 8).

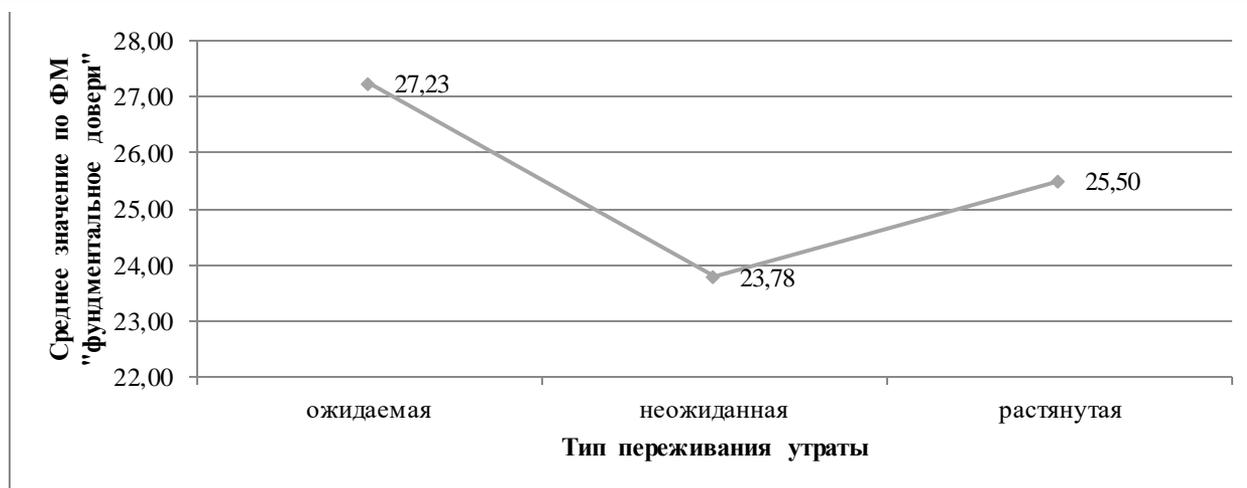

Рисунок 6 – Различия в группах с разным типом переживания утраты по первой фундаментальной мотивации «Фундаментальное доверие» (среднее значение, замер №2)

Рисунок 7 - Различия в группах с разным типом переживания утраты показателю «признание ценности» (среднее значение, замер №2)

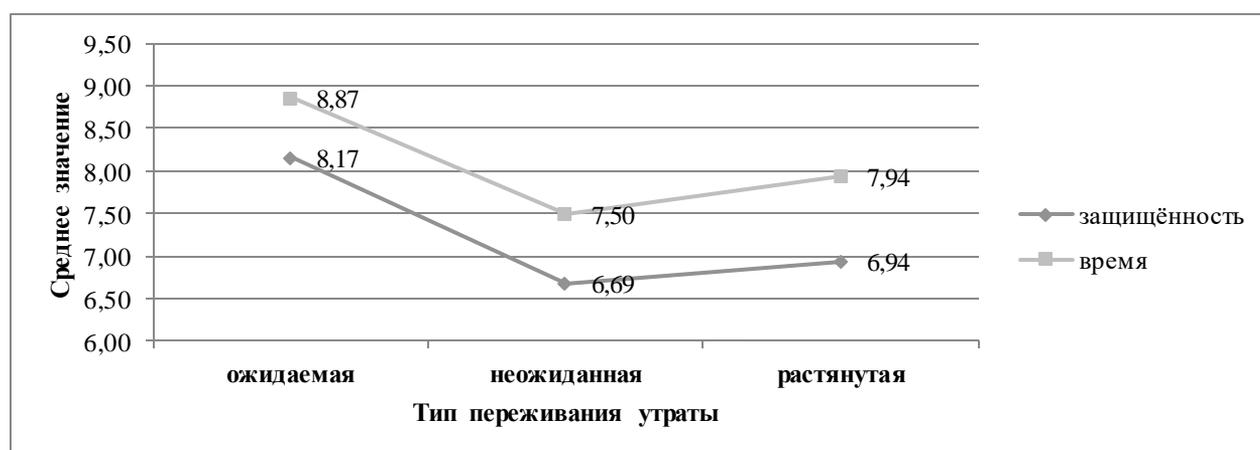

Рисунок 8 – Различия в группах с разным типом переживания утраты по показателям «защищённость» и «время» (среднее значение, замер №3, N=80)

Исходя из представленных графиков, можно увидеть, что в группе с типом переживания утраты как неожиданной во втором и третьем замере ниже значения по первой фундаментальной мотивации «Фундаментальное доверие» и по показателям «защищённость», «время», в то время как наиболее высокие значения по данным показателям представлены у людей с ожидаемым типом утраты. Следовательно, люди с неожиданным типом утраты меньше доверяют себе, не чувствуют защищённость и безопасность в мире, в меньшей степени уделяют время построению отношений по сравнению с теми, кто переживал утрату как ожидаемую. Это может быть связано с разрушением базового отношения к миру как к месту, которому можно доверять. При этом в группе с растянутым типом утраты ниже значения по показателю «признание ценности», что говорит о меньшем ощущении самооценности по сравнению с группой с ожидаемым типом утраты.

Динамика ядерного слоя образа мира

На уровне ядерного слоя образа по методике посттравматического роста в первом замере и третьем замере не наблюдается значимых отличий. Во втором замере респонденты с разными типами утраты различаются как по общему показателю посттравматического роста ($p=0,005$), так и по таким его показателям, как «отношение к другим» ($p=0,029$), «новые возможности» ($p=0,008$), «повышение ценности жизни» ($p=0,001$). Различия представлены на рисунках 9-10.

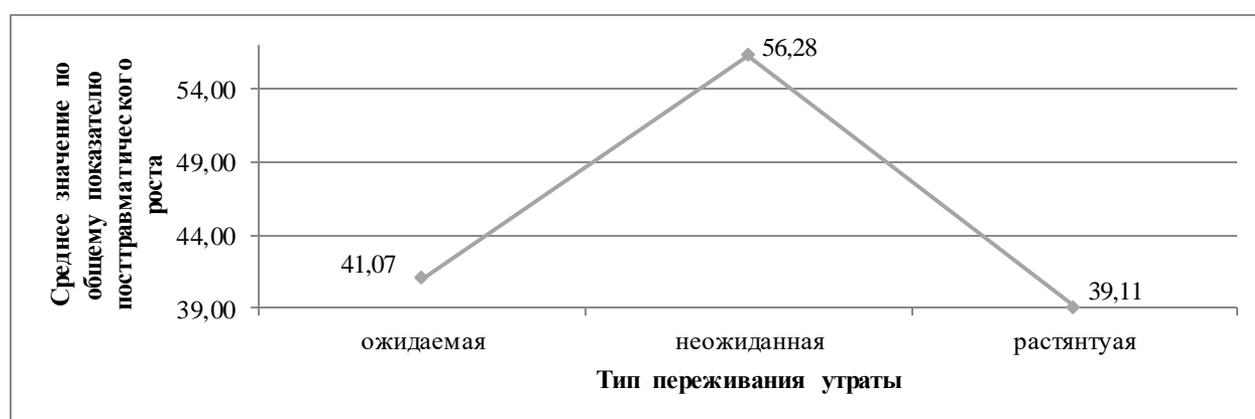

Рисунок 9 – Различия в группах с разным типом переживания утраты по общему баллу посттравматического роста (среднее значение, замер №2)

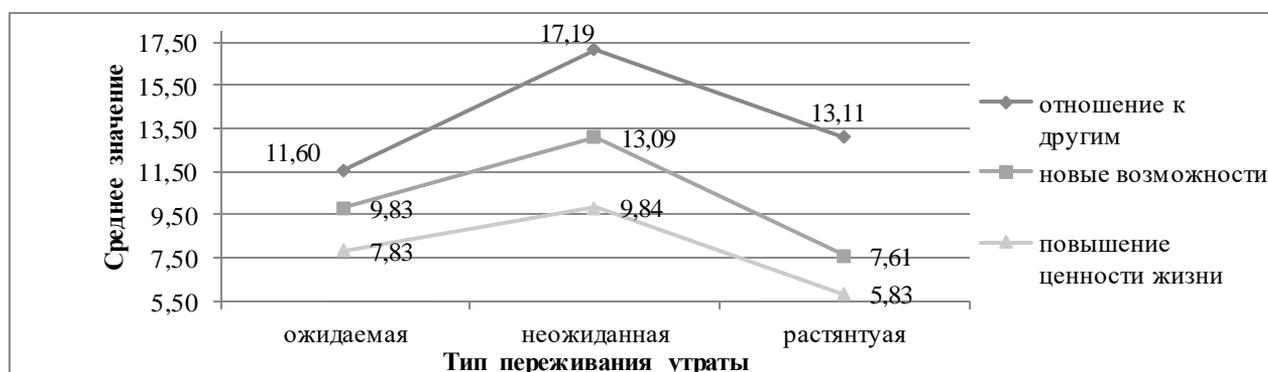

Рисунок 10 – Различия в группах с разным типом переживания утраты по показателям «отношение к другим», «новые возможности», «повышение ценности жизни» (среднее значение, замер №2)

Как можно увидеть, у людей с неожиданным типом утраты выше значения как по общему баллу посттравматического роста, так и по показателям «отношение к другим», «новые возможности», «повышение ценности жизни». По всей видимости, неожиданный тип утраты является наиболее травматичным, вследствие чего повышается посттравматический рост и усиливается ценность отношений и жизни, появляется осознание своих возможностей.

По смыслам жизни наблюдается одно значимое различие в третьем замере по смыслу «личностный рост» (Хи-квадрат Пирсона, $p=0,010$), который чаще встречается у людей с неожиданной потерей. В этой группе актуализировался смысл личностного роста, они хотят изменить себя, стать лучше, в чём-то развиваться, что может быть связано с травматичным характером потери и согласуется с результатами по методике посттравматического роста.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Группы людей различаются в зависимости от типа переживания утраты по её характеру. Выделяются группы с ожидаемым, неожиданным и растянутым типом утрат.

2. У людей с разным типом переживания утраты наблюдается разная динамика образа мира. При неожиданной потере наблюдается рост показателей на уровне перцептивного и ядерного слоя образа мира и снижение показателей по семантическому слою (за исключением показателя «признание ценности», который ниже у людей с растянутым типом утраты). Возможно, более позитивное восприятие мира, повышение показателей посттравматического роста и смысла личностного роста, но при этом недостаточное ощущение доверия к миру, связаны с травматичным характером данного типа утраты. В группах с ожидаемым и растянутым типом утраты наблюдается обратная тенденция: в целом у них ниже значения показателей на уровне перцептивного и ядерного слоя образа мира и выше – на уровне семантического слоя.

Таким образом, гипотезы нашего исследования подтвердились.

Библиография

1. Анцыферова Л.И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8-18.
2. Артемьева Е.Ю., Стрелков Ю.К., Серкин В.П. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи // Межвузовский тематический сборник «Мышление. Общение. Опыт». Ярославль: Ярославский университет, 1983.
3. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [II Приглашение к диалогу] // Асмолов А.Г. (ред.) *Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен*. М.: МГУ, 2018.
4. Брушлинский А.В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия. 1997. С. 208-268.
5. Кононова А.И., Костромина С.Н. Теоретические основания процессуальной модели образа мира личности // Национальный психологический журнал. 2023. № 2 (49). С. 14-28.
6. Костромина С.Н. Классический «парадокс личности»: есть ли теоретические и методологические основания для решения? // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 7-30.
7. Костромина С.Н., Гришина Н.В. Процессуальный подход в психологии личности // Знакова В.В., Журавлева А.Л. (ред.) *Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности*. М.: Институт психологии РАН, 2018.
8. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 2 «Образ мира». М.: Педагогика, 1983.
9. Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология человека. М.: ПАРФ, 2007.
10. Марцинковская Т.Д. Транзитивное общество как психологический феномен // Асмолов А.Г. (ред.) *Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен*. М.: МГУ, 2018.

11. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
12. Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М.: ПЧЕЛА, 2008. 382 с.
13. Серкин В.П. Пять определений понятия «образ мира» // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 2006. № 1. С. 11-19.
14. Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 4. С. 763-788.
15. Ebersole P., Quiring G. Meaning in Life Depth: The Mild // Journal of Humanistic Psychology. 1991. No. 31(3). P. 113-124.
16. Neimeyer R.A. Reauthoring life narratives: grief therapy as meaning reconstruction // The Israel journal of psychiatry and related sciences. 2001. Vol. 38. No. 3-4. P. 171-183.

The dynamics of the personality's world image with different types of loss experience

Alina I. Grekova-Kononova

Postgraduate Student of the Department of personality psychology,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alina-kononova-2013@mail.ru

Svetlana N. Kostromina

Doctor of Psychological Sciences,
Professor,
Head of the Department of personality psychology,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: s.kostromina@spbu.ru

Abstract

The article presents the results of the dynamics of the image of the world with a different type of loss experience. The longitudinal study, which included three measurements with a difference of three months, involved 110 people who faced the loss of a loved one from 1 month to 5 years ago (1 measurement). Of these, 80 people who experienced the death of a loved one from 1 month to 2 years ago took part in the 2nd and 3rd stages of the study. To study the experience of loss and the dynamics of the image of the world, we used interview, a modified version of the semantic differential of Ch. Osgood's test of existential motivations A. Langle, technology "Depth of meaningfulness of life" by P. Ibersol, questionnaire of post-traumatic growth by R. Tadeshi and L. Calhoun. Statistical methods are content analysis, frequency analysis, descriptive statistics, univariate analysis of variance (ANOVA), conjugacy tables and Pearson Chi-squared criterion, cluster analysis by k-means (K-Coupling). As a result of the study, the following conclusions were

drawn: 1) groups of people differ depending on the type of bereavement experience. 2) people with different types of loss experience have different dynamics of the image of the world.

For citation

Grekova-Kononova A.I., Kostromina S.N. (2024) Dinamika obraza mira lichnosti pri raznom tipe perezivaniya utraty [The dynamics of the personality's world image with different types of loss experience]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 7-21. DOI: 10.34670/AR.2024.20.87.001

Keywords

Dynamics of the image of the world, experience of loss, expected loss, unexpected loss, extended loss, personality psychology.

References

1. Antsyferova L.I. (1981) O dinamicheskom podkhode k psikhologicheskomu izucheniyu lichnosti [On a dynamic approach to the psychological study of personality]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2 (2), pp. 8-18.
2. Artemeva E.Yu., Strelkov Yu.K., Serkin V.P. (1983) Opisanie struktur sub"ektivnogo opyta: kontekst i zadachi [Description of the structures of subjective experience: context and tasks]. *Mezhvuzovskii tematicheskii sbornik «Myshlenie. Obshchenie. Opyt»* [Interuniversity thematic collection "Thinking. Communication. Experience"]. Yaroslavl: Yaroslavl University.
3. Asmolov A.G. (2018) Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya [II Priglasenie k dialogu] [Psychology of modernity: challenges of uncertainty, complexity and diversity [II Invitation to dialogue]]. In: Asmolov A.G. (ed.) *Mobilis in mobile: lichnost' v epokhu peremen* [Mobilis in mobile: personality in the era of change]. Moscow: Moscow State University.
4. Brushlinskii A.V. (1997) Iskhodnye osnovaniya psikhologii sub"ekta i ego deyatelnosti [The initial foundations of the psychology of the subject and his activity]. *Psikhologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya* [Psychological science in Russia of the XX century], pp. 208-268.
5. Ebersole P., Quiring G. (1991) Meaning in Life Depth: The Mild. *Journal of Humanistic Psychology*, 31(3), pp. 113-124.
6. Kononova A.I., Kostromina S.N. (2023) Teoreticheskie osnovaniya protsessual'noi modeli obraza mira lichnosti [Theoretical foundations of the procedural model of the image of the world of personality]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2 (49), pp. 14-28.
7. Kostromina S.N. (2021) Klassicheskii «paradoks lichnosti»: est' li teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya dlya resheniya? [The classic "paradox of personality": are there theoretical and methodological grounds for solving it?]. *Novye psikhologicheskie issledovaniya* [New psychological research], 2, pp. 7-30.
8. Kostromina S.N., Grishina N.V. (2018) Protsessual'nyi podkhod v psikhologii lichnosti [Procedural approach in personality psychology]. In: Znakova V.V., Zhuravleva A.L. (eds.) *Psikhologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatelnosti* [Human Psychology as a subject of cognition, communication and activity]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
9. Leont'ev A.N. (1983) *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya. V 2 t. T. 2 «Obraz mira»* [Selected psychological works: in 2 vols. Vol. 2. The image of the world]. Moscow: Pedagogika Publ.
10. Magomed-Eminov M.Sh. (2007) *Pozitivnaya psikhologiya cheloveka* [Positive human psychology]. Moscow: PARF Publ.
11. Martsinkovskaya T.D. (2018) Tranzitivnoe obshchestvo kak psikhologicheskii fenomen [Transitive society as a psychological phenomenon]. In: Asmolov A.G. (ed.) *Mobilis in mobile: lichnost' v epokhu peremen* [Mobilis in mobile: personality in the era of change]. Moscow: Moscow State University.
12. Neimeyer R.A. (2001) Reauthoring life narratives: grief therapy as meaning reconstruction. *The Israel journal of psychiatry and related sciences*, 38 (3-4), pp. 171-183.
13. Rubinshtein S.L. (2003) *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and the world]. Saint Petersburg: Piter Publ.
14. Serkin V.P. (2008) *Metody psikhologii sub"ektivnoi semantiki i psikhosemantiki* [Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics]. Moscow: PChELA Publ.

-
15. Serkin V.P. (2006) Pyat' opredelenii ponyatiya «obraz mira» [Five definitions of the concept "image of the world"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14 «Psikhologiya»* [Bulletin of Moscow University. Episode 14 "Psychology"], 1, pp. 11-19.
 16. Shumskii V.B., Ukolova E.M., Osin E.N., Lupandina Ya.D. (2016) Diagnostika ekzistentsial'noi ispolnennosti: original'naya russkoyazychnaya versiya testa ekzistentsial'nykh motivatsii [Diagnostics of existential fulfillment: the original Russian version of the test of existential motivations]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 13 (4), pp. 763-788.

УДК 159.9**DOI: 10.34670/AR.2024.31.55.002****Соотношение понятий смысл жизни, удовлетворенность жизнью, качество жизни, счастье и субъективное благополучие****Кравченко Светлана Витальевна**

Соискатель,
Новосибирский государственный университет,
630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Пирогова, 2;
e-mail: kravsve@gmail.com

Аннотация

В статье представлен актуальный анализ, выявлены отличительные черты и установлены взаимодействия между понятиями «смысл жизни», «удовлетворенность жизнью», «качество жизни», «счастье» и «субъективное благополучие». Исследование призвано осветить ключевые положения перечисленных понятий в разрезе психологии с учетом понимания осуществления жизнедеятельности человека, его психологического состояния и проявления эмоций. Статья рассматривает влияние смысла жизни на мотивацию человека, раскрывает взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и смыслом жизни, устанавливает критерии оценивания качества жизни и его роль в формировании счастья, значение счастья в удовлетворенности жизнью, важность субъективного благополучия для психического здоровья человека.

Для цитирования в научных исследованиях

Кравченко С.В. Соотношение понятий смысл жизни, удовлетворенность жизнью, качество жизни, счастье и субъективное благополучие // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 22-31. DOI: 10.34670/AR.2024.31.55.002

Ключевые слова

Смысл жизни, удовлетворенность жизнью, качество жизни, счастье и субъективное благополучие.

Введение

Современный человек находится в условиях, в которых его базовые потребности реализованы, поэтому устремления индивидуума в большей степени направлены на поиск смысла жизни и счастья. Психология рассматривает понятия «смысл жизни», «удовлетворенность жизнью», «качество жизни», «счастье» и «субъективное благополучие» как основные показатели психического здоровья и благополучия человека. Вследствие чего существует необходимость в актуализации, уточнении и сравнительном анализе этих понятий.

Одна из ключевых проблем настоящего исследования заключается в том, что большинство исследователей, занимающихся изучением обозначенных вопросов, сводят свои научные труды к определению компонентов данных понятий. При этом практически никто не занимается разработкой самих понятий и их соотношением. Так, выдвигаются различные предложения, что входит в понятие «качества жизни», что влияет на удовлетворенность жизни, из чего складывается ощущение субъективного благополучия. Счастье преимущественно трактуется через перечисление областей жизни, в которых человек чувствует удовлетворение. А смысл жизни определяется через направленность устремлений, целей человека. Однако такой подход представляется односторонним и упрощенным. Он не позволяет на более глубоком уровне сопоставить данные понятия, определить их природу и сущность.

Основная часть

Определяя понятие «смысл жизни» важно отметить, что на всем протяжении изучения данного вопроса философией, социологией, психологией и другими науками, определение понятия «смысл жизни» кардинально менялось.

Н. П. Никандрова анализирует понятие смысл жизни, определяя следующие характерные черты. Смысл жизни представляет из себя главную ценность, содержание которой является индивидуальным и уникальным, при этом каждый человек будет по-своему воспринимать и ощущать эту ценность и действовать исходя из нее. Человек может не осознавать своего смысла жизни в полной мере, тем не менее жизненный опыт, социальная среда, возрастные изменения будут постепенно побуждать его к формированию смысла жизни [Никандрова, 2023, с. 102].

А. В. Глузман, Е. И. Поротникова выделяют несколько подходов к понятию смысл жизни. Смысл жизни сводится к получению человеком общественного признания, поскольку внутренний и внешний мир личности неразрывно связаны друг с другом. Другой подход объединяет смысл жизни с мотивацией, со способностью личности достигать поставленных целей. Смысл жизни позволяет человеку чувствовать опору, быть устойчивым к неблагоприятным проявлениям и жить полноценно не испытывая страх перед будущим [Глузман, 2023 с. 170].

Е. В. Головина, А. И. Дворниченко, Т. Н. Савченко рассматривают смысл жизни в парадигме концепции «Я-Я», акцентируя внимание на сохранение человеком собственной личности. Человек способный выстроить систему целей в гармонии с собственными жизненными принципами и ценностями обладает смыслом жизни. Личность, наделенная смыслом жизни, легче достигает поставленных целей, лучше адаптируется в социуме, умеет защитить свои интересы [Головина, 2023 с. 124].

Т. И. Куликова продолжает идею, что смысл жизни – это отличительное качество сформированной личности, человек обладающий смыслом жизни направляет и контролирует

свою жизнь, не зависит от окружающей его среды. Смысл жизни настолько важен для человека, что его утрата может привести к разрушительным последствиям для жизни индивида [Куликова, 2023, с. 169].

Понятие «смысл жизни» освящают Н. А. Ильиных, В. В. Сундукова, отмечая, что смысл жизни в зарубежной психологии имеет в своей основе три ипостаси, сводящиеся к свободе выбора, выбору смыслов и смыслу жизни. В российской психологической науке жизненный смысл рассматривается во временной системе координат, определяя отношение человека к смыслу жизни в прошлом, настоящем и будущем [Ильиных, 2023, с. 115].

В целом, обобщая научные подходы, можно выделить следующие: смысл жизни в чувствовании и наслаждении (гедонистический подход); смысл жизни в стремлении к получению (эвдемонистический подход); смысл жизни в стремлении к действию (деятельности подход).

Независимо от подхода можно сказать, что смысл жизни — это нечто индивидуальное, нечто очень личное, различающееся от человека к человеку. Человеческое ощущение смысла жизни крайне субъективно, глубоко лично по своему характеру. В его основе лежит внутренняя мотивация – желание и потребность в лично определенном смысле и цели жизни.

Удовлетворенность жизнью является компонентом субъективного благополучия личности. Удовлетворенностью жизнью отражает оценку субъекта своей собственной жизни и ее аспектов в данный момент времени, это не постоянное образование, оно может меняться.

Л. А. Длужневская, И. Г. Длужневский отмечают, что понятие удовлетворенности жизнью, с одной стороны, рассматривается в контексте качества жизни и одновременно с этим выступает синонимичным к понятию счастье. Удовлетворенность жизнью направлена на освещение внутреннего мира человека посредством проживания значимых для него событий. Удовлетворенность жизнью обладает множеством компонентов и составляющих, которые в совокупности находят отражение в формировании этого понятия. Таким образом, было установлено, что удовлетворенность жизнью включает в себя: проявление интереса к жизни, умение правильно ставить цели и добиваться их, уверенность в себе и собственных силах, объективная оценка собственных способностей, одобрительное отношение к себе и своей деятельности, получение положительных эмоций [Длужневская, 2022, с. 107, 108].

Под удовлетворенностью жизнью также понимается осуществление постоянного мониторинга человеком своих действий на протяжении жизни с целью внесения коррективов в собственное поведение. Если человек обнаружит, что он не доволен собственным положением дел, он может проявить волю и изменить развитие событий в лучшую для себя сторону [Найденова, 2022, с. 33, 34]. В психологии удовлетворенность жизнью находит связь с успешной психологической адаптацией человека в социальной среде, которая имеет отношение к самопознанию и самоопределению и с обусловлена постоянными изменениями на протяжении жизни человека [Головина, 2022, с. 106, 107].

Многие ученые характеризуют понятие «удовлетворенность жизнью» как более узкое и конкретное по сравнению с общим термином «счастье», который охватывает более широкий круг процессов и явлений. Некоторые исследователи, сравнивая эти понятия, указывают также на наличие оценочного элемента в феномене удовлетворенности жизнью.

Понятие счастья - состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего призвания, самореализации.

Понятие счастья труднее всего поддается определению, поскольку оно содержит в себе

наибольшее количество интерпретаций в науке. М. П. Сухарькова делает акцент на таких аспектах счастья как: эмоциональное ощущение счастья, общее удовлетворение своей жизнью, личное благополучие, высокий уровень жизни и социальный статус. Счастье является очень субъективным понятием, счастье практически не представляется возможным измерить посредством существующих показателей. Каждый человек будет вкладывать в счастье уникальные характеристики, смыслы и идеи. Представление человека о счастье зависит от культурной и социальной среды, в которой он находится, от его позитивного и негативного жизненного опыта. Научные исследования показывают, что люди стремятся к получению счастья, при этом достижению счастья способствует реализация социальных потребностей человека [Сухарькова, 2022, с. 34-35].

Е. И. Медведева, А. В. Ярашева, С. В. Макара исследуют понятие счастье в контексте разных научных подходов. Слово счастье имеет отличающееся по смыслу значения среди различных народов, что указывает на отсутствие одинакового восприятия этого понятия в странах и культурах. Счастье можно разделить на идеальное или недостижимое, которое длится постоянно и не прекращается во времени, а также на реальное счастье, под которым подразумевается стремление человека к счастью. Счастье представляет из себя комплекс социокультурных аспектов, существующих в обществе, каждый из которых представляет ценность для отдельного индивида. Большое количество счастливых людей, составляющих общество определяет это общество как благополучное и привлекательное для нахождения в нем. Понятие счастья в психологии выражается в определенном поведении человека, которое заключается в проявлении положительных эмоций, ощущением позитивного состояния, при этом счастье связано с получением удовольствия и с удовлетворением желаний [Медведева, 2023, с. 16, 17].

При соотношении понятий смысла жизни и счастья следует обратить внимание на такой аспект. Бесконечное стремление к счастью скорее всего не полезно. «Ряд исследований показал: люди, старающиеся жить со смыслом, чаще сохраняют живость ума в старости, здоровее психически и даже живут дольше, чем те, чья цель - ощущение счастья». Счастье как ощущение максимального удовольствия, как яркие положительные эмоции не предполагает стремления к дальнейшему развитию и поиску. Если предположить, что ощущение счастья будет длиться долго, не сложно определить, что стремления такого человека сойдут на нет. Счастье как ощущение полной удовлетворенности жизнью очевидно может переживаться лишь эпизодически. Только в таком понимании счастье не будет тормозить развитие человека, не станет сдерживать его потенциал. Очевидно, что стремление к счастью не должно являться самоцелью. Подлинное счастье переживается как сопутствующее ощущение. В отличие от счастья, смысл жизни – осознанная, объективная значимость жизни.

Качество жизни — восприятие индивидуумом его положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых индивидуум живет, и в связи с целями, ожиданиями, стандартами и интересами этого индивидуума. То есть качество жизни характеризует уровень удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей человека, а также степень обеспечения комплексной безопасности жизни с учетом субъективной оценки индивида различных сторон жизни.

Понятие «качество жизни» включает в себя такие показатели как физическое, психологическое и социальное состояние человека. С. А. Дружилов при изучении понятия «качество жизни» устанавливает объективный и субъективный подходы. Объективный подход характеризуется условиями социальной среды и материальной среды, в которой существует

человек, субъективный – внутренними процессами, происходящими внутри личности, определяющими ее потребности, возможности, самооценку и оценку собственного благополучия. В рамках качества жизни С. А. Дружилов особое внимание уделяет оценке здоровья человека, поскольку от нее зависит самооценка индивида и удовлетворенность жизнью [Дружилов, 2023, с. 6, 7].

М. Е. Ильина предлагает для определения критериев качества жизни рассмотреть человека как мини-организацию, наделенную возможностями регулирования внешних и внутренних ресурсов. Поэтому можно сказать, что человек является одновременно потребителем, руководителем и исполнителем в своей жизни. Качество жизни в целом складывается из потребностей человека, основанных на желаниях, его способностях и талантах, жизненного уклада, а также требований предъявляемых обществом и внутренних обязанностей [Ильина, 2023, с. 99, 100].

В научной работе Г. Г. Семеновой-Полях, Т. А. Трифионовой, Н. Г. Климановой под качеством жизни понимается наличие согласия человека с самим собой и окружающим миром. В комплексе качество жизни состоит внешних проявлений - из материальных благ, возможностей получения образования, доступности здравоохранения, экологической обстановки, развитой инфраструктуры и т. п. Из внутренних аспектов – межличностные взаимоотношения, отношения человека с обществом, внутреннее отношение человека к себе [Семенова-Полях, 2022, с. 385, 386].

М. В. Чалдышкина проводит исследование понятия качества жизни, в результате которого формируются следующие подходы. Качество жизни определяется как критерий оценки уровня развития социума и определенного человека. С другой стороны, качество жизни представляет из себя достоинство человека, складывающееся из ценностно-смыслового наполнения жизни и волевых характеристик. Одно из центральных направлений качества жизни занимает комфортное существование человека в окружающей среде, активно поддерживаемое со стороны производителей материальных благ. Человек имеет право на материальное благополучие, однако, в контексте «общества потребления», приобретение различных товаров и услуг принимает первостепенную важность, становится избыточным и в конечном счете может навредить человеку. Поэтому современные люди все чаще задумываются о следовании минимализму в своем потребительском поведении, об экологичности производства товаров и о возможности вторичной переработки и правильной утилизации [Чалдышкина, 2021, с. 67-69].

Субъективное благополучие можно рассматривать с позиции гедонистического и эвдемонистического подходов. Исходя из гедонистического подхода субъективное благополучие означает максимальную удовлетворённость субъектом своей жизнью. В эвдемонистическом подходе благополучие рассматривается как сложный составной конструкт, включающий взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов.

Субъективное благополучие является динамической когнитивно-эмоциональной оценкой человека качества своей жизни в целом и отдельных его сфер в частности. Такая оценка формируется на основе объективных факторов, которые являются воспринятыми и усвоенными личностью с учетом ее индивидуально-типологических особенностей. Субъективное благополучие как оценка личностью себя и своей жизни является тем персональным конструктом, который имеет проявление в трех формах – аффективной, когнитивной и поведенческой.

Е. С. Ермакова определяет субъективное благополучие как благополучие, обусловленное

личностными особенностями человека и связанными с ним межличностными отношениями, интересами, убеждениями, устремлениями и идеалами [Ермакова, 2023, с. 171].

С. Ф. Титова, А. В. Горбушина исследуют когнитивное благополучие, приводя определение Е. Е. Бочарова, в котором под субъективным благополучием понимается комплексный подход, в состав которого входят:

- положительные чувства и эмоции;
- когнитивные особенности, указывающие на способность человека к умственному восприятию своего благополучия;
- конативные или волевые характеристики, позволяющие человеку добиваться поставленных целей, направленных на достижение благополучия;
- социально-психологическая деятельность способствует налаживанию отношений с окружающими людьми;
- социально-психологические установки формируют паттерны поведения, жизненные программы [Титова, 2023, с. 267].

К. С. Корацио-Эренверт, Ж. М. Елисеева дают определение субъективному благополучию как идеологии, которая включает в себя наличие в жизни человека большого количества положительных эмоций и прекрасного расположения духа, при этом негативные эмоции сведены к минимуму, а удовлетворенность жизнью находится на высоком уровне.

Субъективное благополучие в рамках психологии изучает баланса внутри человека, структуру баланса, эмоции и поведение человека, а также пути достижения душевной гармонии для личности и достижения субъективного баланса. [Корацио-Эренверт, 2022, с. 1]

На рисунке 1 представлена схема концепции, отражающая ключевые аспекты понятий смысл жизни, удовлетворенность жизнью, качество жизни, счастье и субъективное благополучие и их взаимосвязь и влияние друг на друга.

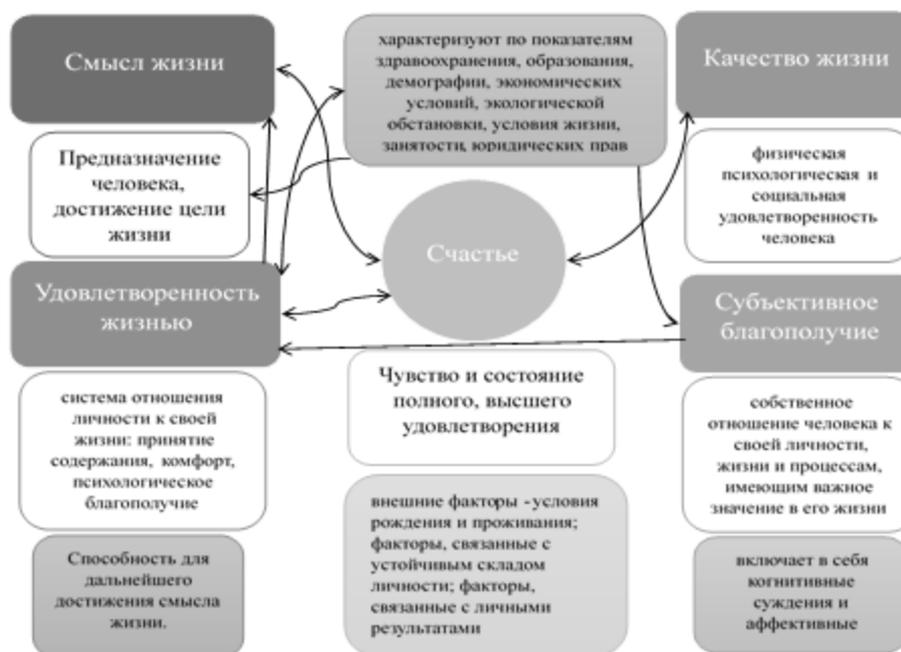

Рисунок 1. Концепция соотношения понятий смысл жизни, удовлетворенность жизнью, качество жизни, счастье и субъективное благополучие

Заключение

Смысл жизни для каждого человека будет иметь свои уникальные характеристики, смысл жизни присущ сформированной личности, он обладает мощной мотивационной силой, люди, имеющие смысл жизни легче, определяют цели и достигают их.

Удовлетворенность жизнью отличается способностью человека не терять интереса к жизни, добиваться намеченных целей, сохранять позитивное эмоциональное состояние, обладать способностью к изменениям.

Под счастьем понимается набор индивидуальных социокультурных составляющих, которые в совокупности приносят удовлетворение индивиду. Люди, социальные потребности которых удовлетворены чаще бывают счастливы, немаловажным фактором счастья является проявление положительных эмоций.

Качество жизни обусловлено высокими показателями физического и психического здоровья и социального статуса, при этом особое внимание уделяется наличию здоровья, поскольку плохое самочувствие человека значительно снижает качество жизни. Приметой времени является стремление к сокращению потребления товаров, в пользу сохранения экологии и окружающей среды.

Субъективное благополучие представляет субъективную оценку человека своему благополучию, оно смещает акцент на внутреннее состояние человека, на создание и сохранение баланса внутри личности.

Понятия смысла жизни, счастья, удовлетворённости жизнью, качества жизни, субъективного благополучия находятся в одном онтологическом пространстве. Безусловно, это разные понятия и смешивать ни одно из них с другим не стоит. Но при этом нельзя не отметить присущие им схожие черты. Качество жизни напрямую влияет на удовлетворенность жизнью. Субъективное благополучие выступает составным элементом удовлетворенностью жизнью. Счастье также связано с указанными категориями, но в силу субъективности переживания вполне может ощущаться и при отсутствии любого из этих компонентов. Смысл жизни наиболее тесно связан с понятием счастья, поскольку осмысленность позволяет ощущать счастье.

Библиография

1. Глузман А. В. Смыслжизненные ориентации людей пожилого возраста как психолого-педагогическая проблема / А. В. Глузман, Е. И. Поротникова // Гуманитарные науки (г.Ялта). – 2023. – № 1(61). – С. 164-174. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=52285237> (дата обращения: 12.01.2024)
2. Головина Г. М. Различия в проявлениях эскапизма разных динамических типов удовлетворенности жизнью / Г. М. Головина, Т. Н. Савченко // Прикладная юридическая психология. – 2022. – № 4(61). – С. 104-116. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50011162> (дата обращения: 13.01.2024)
3. Головина, Е. В. Особенности Я-концепции у людей средней взрослости / Е. В. Головина, А. И. Дворниченко, Т. Н. Савченко // Прикладная юридическая психология. – 2023. – № 2(63). – С. 114-128. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54175911> (дата обращения: 12.01.2024)
4. Длужневская Л. А. Влияние смысложизненных ориентаций на удовлетворенность жизнью / Л. А. Длужневская, И. Г. Длужневский // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 2(125). – С. 106-114. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49064528> (дата обращения: 13.01.2024)
5. Дружилов С. А. Здоровье, качество жизни, благополучие и адаптация человека: взаимосвязи явлений // МвК. – 2023. – №4. – С. 5-13 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-kachestvo-zhizni-blagopoluchie-i-adaptatsiya-cheloveka-vzaimosvyazi-yavleniy> (дата обращения: 12.01.2024).
6. Ермакова Е. С. Креативность, самоактуализация и субъективное благополучие студентов / Е. С. Ермакова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2023. – № 2. – С. 169-186. – URL:

- <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54093909> (дата обращения: 13.01.2024)
7. Ильина М. Е. Систематизация потребностей человека как основа для управления качеством его жизни / М. Е. Ильина // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2023. – № 3. – С. 99-105. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54017185> (дата обращения: 12.01.2024)
 8. Ильиных Н. А. Особенности смысложизненных ориентаций тубинфицированных осужденных с акцентуацией характера / Н. А. Ильиных, В. В. Сундукова // Вестник Самарского юридического института. – 2023. – № 1(52). – С. 114-118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53749225> (дата обращения: 12.01.2024)
 9. Корацио-Эренверт К. С. Особенности субъективного благополучия и толерантности у студентов гуманитарного направления / К. С. Корацио-Эренверт, Ж. М. Елисеева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 12(126). – С. 1-5. - URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49967213> (дата обращения: 13.01.2024)
 10. Куликова Т. И. Особенности смысложизненных ориентаций у студентов-девушек разного возраста / Т. И. Куликова // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2023. – № 7. – С. 169-176. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54235201> (дата обращения: 12.01.2024)
 11. Медведева Е. И. Счастье и благополучие: основные детерминанты в современном мире / Е. И. Медведева, А. В. Ярашева, С. В. Макара // Дискуссия. – 2023. – № 2(117). – С. 14-26. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54220587> (дата обращения: 13.01.2024)
 12. Найденова Е. В. Влияние синдрома отложенной жизни на удовлетворенность жизнью личности / Е. В. Найденова // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2022. – Т. 5, № 3. – С. 31-42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49540361> (дата обращения: 13.01.2024)
 13. Никандрова, Н. П. Смысловая сторона направленности личности студентов-первокурсников / Н. П. Никандрова // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2023. – № 2(62). – С. 101-108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54236562> (дата обращения: 12.01.2024)
 14. Семенова-Полях Г. Г. переживание качества жизни экстерналами и интерналами в период взрослости / Г. Г. Семенова-Полях, Т. А. Трифонова, Н. Г. Климанова // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 32, № 4. – С. 385-394. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49984323> (дата обращения: 12.01.2024)
 15. Сухарькова М. П. Представление волонтеров о счастье / М. П. Сухарькова // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – № 1(44). – С. 34-45. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48442931> (дата обращения: 13.01.2024)
 16. Титова С. Ф. Особенности субъективного благополучия студентов младших курсов / С. Ф. Титова, А. В. Горбушина // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2023. – № 11. – С. 266-272. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54952426> (дата обращения: 13.01.2024)
 17. Чалдышкина М. В. Философский, культурный и медицинский контекст понятия "качество жизни" / М. В. Чалдышкина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2(31). – С. 66-70. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46207086> (дата обращения: 13.01.2024)

Correlation of the concepts meaning of life, life satisfaction, quality of life, happiness and subjective well-being

Svetlana V. Kravchenko

Applicant,
Novosibirsk State University,
630090, 2, Pirogova str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: kravsve@gmail.com

Abstract

The article presents an actual analysis, identifies distinctive features, and establishes interactions between the concepts of the “meaning of life”, “life satisfaction”, “quality of life”, “happiness”, and “subjective well-being”. The study is designed to highlight the key provisions of the listed concepts in the context of psychology, considering the understanding of the realization of

human life activity, its psychological state and manifestation of emotions. The article considers the influence of the meaning of life on human motivation, reveals the relationship between life satisfaction and the meaning of life, establishes the criteria for assessing the quality of life and its role in the formation of happiness, the importance of happiness in life satisfaction, the importance of subjective well-being for human mental health.

For citation

Kravchenko S.V. (2024) Sootnoshenie ponyatii smysl zhizni, udovletvorennost' zhizn'yu, kachestvo zhizni, schast'e i sub"ektivnoe blagopoluchie [Correlation of the concepts meaning of life, life satisfaction, quality of life, happiness and subjective well-being]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 22-31. DOI: 10.34670/AR.2024.31.55.002

Keywords

Meaning of life, life satisfaction, quality of life, happiness and subjective well-being.

References

1. Gluzman A.V. Meaningful life orientations of elderly people as a psychological and pedagogical problem / A.V. Gluzman, E.I. Porotnikova // *Humanities (Yalta)*. – 2023. – No. 1(61). – pp. 164-174. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=52285237> (access date: 01/12/2024)
2. Golovina G. M. Differences in the manifestations of escapism of different dynamic types of life satisfaction / G. M. Golovina, T. N. Savchenko // *Applied legal psychology*. – 2022. – No. 4(61). – pp. 104-116. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50011162> (access date: 01/13/2024)
3. Golovina, E. V. Features of self-concept in people of middle adulthood / E. V. Golovina, A. I. Dvornichenko, T. N. Savchenko // *Applied legal psychology*. – 2023. – No. 2(63). – pp. 114-128. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54175911> (access date: 01/12/2024)
4. Dluzhnevskaya L. A. The influence of life-meaning orientations on life satisfaction / L. A. Dluzhnevskaya, I. G. Dluzhnevsky // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. – 2022. – No. 2(125). – pp. 106-114. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49064528> (access date: 01/13/2024)
5. Druzhilov S.A. Health, quality of life, well-being and human adaptation: relationships between phenomena // *MvK*. – 2023. – No. 4. – P. 5-13 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-kachestvo-zhizni-blagopoluchie-i-adaptatsiya-cheloveka-vzaimosvyazi-yavleniy> (date of access: 01/12/2024).
6. Ermakova E. S. Creativity, self-actualization and subjective well-being of students / E. S. Ermakova // *Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin*. – 2023. – No. 2. – P. 169-186. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54093909> (access date: 01/13/2024)
7. Ilyina M. E. Systematization of human needs as the basis for managing the quality of his life / M. E. Ilyina // *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*. – 2023. – No. 3. – P. 99-105. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54017185> (access date: 01/12/2024)
8. Ilyinykh N.A. Features of the life-meaning orientations of tubi-infected convicts with accentuation of character / N.A. Ilyinykh, V.V. Sundukova // *Bulletin of the Samara Legal Institute*. – 2023. – No. 1(52). – pp. 114-118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53749225> (access date: 01/12/2024)
9. Koratsio-Erenvert K. S. Features of subjective well-being and tolerance among students of the humanities / K. S. Koratsio-Erenwert, Zh. M. Eliseeva // *International scientific research journal*. – 2022. – No. 12(126). – P. 1-5. - URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49967213> (access date: 01/13/2024)
10. Kulikova T. I. Peculiarities of life-meaning orientations among female students of different ages / T. I. Kulikova // *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. – 2023. – No. 7. – P. 169-176. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54235201> (access date: 01/12/2024)
11. Medvedeva E. I. Happiness and well-being: the main determinants in the modern world / E. I. Medvedeva, A. V. Yarasheva, S. V. Makar // *Discussion*. – 2023. – No. 2(117). – P. 14-26. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54220587> (access date: 01/13/2024)
12. Naydenova E. V. The influence of delayed life syndrome on a person's life satisfaction / E. V. Naydenova // *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*. – 2022. – T. 5, No. 3. – P. 31-42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49540361> (access date: 01/13/2024)

-
13. Nikandrova, N.P. The semantic side of the personality orientation of first-year students / N.P. Nikandrova // Humanities (Yalta). – 2023. – No. 2(62). – pp. 101-108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54236562> (access date: 01/12/2024)
 14. Semenova-Polyakh G. G. experiencing the quality of life by externals and internals during adulthood / G. G. Semenova-Polyakh, T. A. Trifonova, N. G. Klimanova // Bulletin of the Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2022. – T. 32, No. 4. – P. 385-394. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49984323> (access date: 01/12/2024)
 15. Sukharkova M.P. Volunteers' idea of happiness / M.P. Sukharkova // Vectors of well-being: economics and society. – 2022. – No. 1(44). – P. 34-45. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48442931> (access date: 01/13/2024)
 16. Titova S. F. Features of subjective well-being of junior year students / S. F. Titova, A. V. Gorbushina // Scientific and methodological electronic journal "Concept". – 2023. – No. 11. – P. 266-272. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54952426> (access date: 01/13/2024)
 17. Chaldyshkina M.V. Philosophical, cultural and medical context of the concept of “quality of life” / M.V. Chaldyshkina // Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities studies. – 2021. – No. 2(31). – P. 66-70. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46207086> (access date: 01/13/2024)

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.83.33.003

Влияние технологий цифрового образования на уровень экзаменационного стресса личности

Романова Ксения Вячеславовна

Аспирант,
Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4;
учитель,
Школа № 2116 «Зябликово»,
115682, Российская Федерация, Москва, проезд Задонский, 34/3;
e-mail: romanovakv@mgru.ru

Выражаю благодарность моему научному руководителю доктору психологических наук, профессору Шиловой Тамаре Алексеевне за помощь в подготовке материала статьи.

Аннотация

Активное внедрение технологий цифрового образования в психолого-педагогическую практику становится все более заметным. Многие образовательные учреждения уже применяют такие технологии при проведении контрольных работ и других экзаменационных мероприятий. Однако, вопрос об их влиянии на эмоциональное состояние личности обучающихся остается открытым и требует дальнейшего исследования. Воздействие технологий цифрового образования на эмоциональное состояние личности не всегда однозначно. Одним из ключевых аспектов исследуемой темы является разработка и апробация контрольно-измерительных материалов, организованных с помощью технологий цифрового образования, чтобы проанализировать их эффективность и влияние на эмоциональное состояние личности обучающихся. Цель данного исследования заключается в изучении специфики применения технологий цифрового образования для решения учебных задач и их воздействия на негативные эмоциональные состояния личности (тревожность, стресс и страх).

Для цитирования в научных исследованиях

Романова К.В. Влияние технологий цифрового образования на уровень экзаменационного стресса личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 32-42. DOI: 10.34670/AR.2024.83.33.003

Ключевые слова

Технологии цифрового образования, эмоции личности, экзаменационный стресс, тревожность, страх, Интернет-экзамен.

Введение

В современной психолого-педагогической практике наблюдается активное интегрирование технологий цифрового образования в процесс обучения, находя применение как в повседневных учебных занятиях, так и в выполнении домашних заданий, последние представлены в форме цифровых тестов, например, цифровые домашние задания (ЦДЗ) в общеобразовательных школах.

В рамках образовательного взаимодействия личности обучающегося с обучающим контентом возникает сущностный аспект учебных задач, особый акцент которого лежит на тестовых и контрольных работах, а также экзаменах. На сегодняшний день некоторые экзамены уже организованы посредством применения технологий цифрового образования, например ОГЭ/ЕГЭ по географии, информатике, устная часть по английскому языку, а также проведение диагностик МЦКО (Московский центр качества образования). Исследований в контексте влияния технологий цифрового образования на эмоциональное состояние личности при написании экзаменационных работ нами не обнаружено, и это требует дальнейшего исследования.

Воздействие технологий цифрового образования на эмоциональное состояние личности далеко не всегда поддается однозначной категоризации как положительного или отрицательного характера. Период подготовки и сдачи экзаменов, а также написания тестовых и контрольных работ, представляет собой интенсивный фазис эмоционального напряжения, который может вызвать маркированные изменения в функциональной и физиологической динамике психосоматического состояния личности.

Исследуемая проблема включает в себя не только разработку и апробацию контрольно-измерительных материалов, организованных посредством технологий цифрового образования, но также требует выявления влияния этих технологий на эмоциональное состояние личности. Цель исследования заключается в изучении специфики условий технологий цифрового образования по решению учебных задач (экзаменационных, контрольных и тестовых работ) по отношению к негативным личностным эмоциональным состояниям (тревожности, стрессу и страху).

Основное содержание

Негативные эмоциональные состояния, такие как тревожность, стресс и страх, проявляются у личности в процессе написания экзаменационных работ и являются сопутствующими явлением экзаменационного стресса. Экзаменационный стресс представляет собой сложное состояние психического напряжения, выражающееся сильным чувством тревожности, нервозности и беспокойства, которое охватывает психический аспект личности перед предстоящими экзаменами, такими как контрольные работы или тесты [Сурина, 2014, с. 47].

Важно отметить, что причины экзаменационного стресса многообразны. Согласно исследованию Ф. Тейлора, стресс, связанный с экзаменами, может быть вызван неопределенностью, страхом неудачи, социальным давлением, опасениями быть оцененным и другими аспектами (Ф. Тейлор, 1911). Эти факторы часто приводят к формированию у личности негативного стрессового эмоционального состояния.

В контексте технологий цифрового образования, которые активно интегрируются в современный учебный процесс, есть перспективы в смягчении экзаменационного стресса. С. Корсен подчеркивает роль технологий в создании адаптивных методов оценивания, которые

учитывают индивидуальные особенности личности и способствуют более комфортной атмосфере во время тестирования [Корсен, 2013].

Рост воздействия факторов информационной среды проходит стремительно, однако детальное и комплексное исследование последствий на индивидуальное и общественное здоровье, включая психологическое благополучие, значительно отстает от данного темпа. Это влияние было выделено впервые ещё в 1980-х годах, однако большинство исследований в основном фокусировались на физическом воздействии [Купари, Ваурас, Канкаанпя, 2020, с. 1072].

Исследования, посвященные воздействию информационных потоков, включая их содержание и интенсивность, на эмоциональное состояние личности, оставались менее изученными. Научное понимание влияния технологий цифрового образования на психологическое состояние индивида продолжает эволюционировать, но представленная тема стала объектом изучения и исследования последние 30 лет [Гончарова, 2016].

Технологии цифрового образования представляют собой систему организации современного образовательного пространства, фундаментом которой являются передовые цифровые технологии. Технологии цифрового образования охватывают современные информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), внедряемые в образовательные процессы [Гончарова, 2016, с.47]. К основным технологиям цифрового образования относят персональный компьютер (ноутбук), интерактивную SMART-доску и мобильный телефон.

Внедрение технологий цифрового образования оказывает влияние эмоциональную сферу личности в множестве аспектов. Наша задача выяснить, снижает ли уровень тревожности, стресса и страха у личности использование технологий цифрового образования на тестовых, контрольных и экзаменационных работах.

В рамках образовательного процесса, персональный компьютер (ПК) определяется как вычислительное устройство, целью которого является интеграция средств информационных технологий для усовершенствования методов обучения и обеспечения более эффективного учебного опыта. В частности, ПК используется как инструмент обучения, способствующий доступу к образовательным ресурсам, развитию информационной грамотности и цифровых навыков, а также индивидуализации обучения через использование специализированных программ и интерактивных образовательных средств. В словах психолога и образовательного исследователя Джона Хэтти: «Технологии поддерживают обучение, которое адаптировано к индивидуальным потребностям каждого» [Хэтти, 2012].

Исследования также рассматривают влияние персонального компьютера на уровень экзаменационного стресса у личности. Использование ПК может способствовать снижению уровня стресса, предоставляя более комфортные условия для выполнения заданий. Эмоции, связанные с оценкой, имеют ключевое значение в экзаменационном процессе, поскольку «эмоции могут существенно влиять на обучение и успеваемость» [Перкун, Гойтц, Френзен, Барчфилд, Перри, 2011]. Эмоциональные реакции личности могут быть тесно связаны с восприятием отношения преподавателя [Шутц, Кросс, Хонг, Осбон, 2007].

Однако, технологический стресс может стать дополнительным фактором экзаменационного стресса, так как поведение ПК не всегда предсказуемо, создавая бесконтрольные ситуации. Таким образом, мнения психологов относительно воздействия ПК на эмоциональное состояние личности могут различаться. Использование ПК на экзаменах вызывает противоречивые реакции в психологической литературе, что подчеркивает необходимость учета индивидуальных особенностей личности и обеспечения надежности технологической базы для минимизации возможных стрессовых ситуаций.

В рамках анализа технологий цифрового образования, рассмотрим пример интерактивных SMART-досок. В своем исследовании о цифровизации образования Дж. Пауэлл определяет SMART-доску как электронное устройство, объединяющее проекцию изображения с сенсорными возможностями, предназначенное для взаимодействия с пользователями в процессе обучения (Дж. Пауэлл, 2019). Андреас Шлейхер, глава ОЭСР по вопросам образования, отмечает, что «интерактивные доски могут поддерживать улучшение обучения, стимулируя внимание обучающихся и обеспечивая доступ к разнообразным ресурсам» (OECD, 2015). По словам Ж. Вонга грамотное использование интерактивных технологий способствует повышению вовлеченности личности в учебный процесс и созданию позитивной обучающей среды (Ж. Вонг, 2009).

Однако, когда речь идет о применении интерактивных досок на экзаменационных мероприятиях, важно обратить внимание на психологические аспекты. Стресс, вызванный интерактивными SMART-досками, может возникнуть из-за неопытности в их использовании или беспокойства о возможной неудаче. Проблемой также является зрение, которое может вызывать стресс у личности во время написания тестов. Не все обучающиеся могут увидеть информацию с доски.

Специфика использования SMART-досок на экзаменах заключается в том, что они предоставляют более интерактивные и визуальные методы оценки знаний. Однако этому подходу требуется более тщательная подготовка и контроль технических аспектов, чтобы избежать возможных трудностей.

В контексте исследований технологий цифрового образования, мобильные телефоны рассматриваются с разных точек зрения. Дж. Пауэлл определяет мобильный телефон как портативное электронное устройство для связи, обладающее широким спектром функций, включая доступ к интернету и образовательным ресурсам [Пауэлл, 2019].

Использование мобильных телефонов в образовании вызывает различные точки зрения. Ларри Розенштейн, автор «Опасности социальных сетей», выдвигает вопросы об отвлекающем воздействии мобильных телефонов на внимание личности [Розенштейн, 2018]. Однако исследования, такие как работа Шарплеса, подчеркивают, что мобильные технологии не только эффективны для обучения и доступа к образовательным ресурсам, но также могут быть полезны при написании экзаменов [Шарплес, 2016].

С точки зрения психологии обучения использование мобильных телефонов на экзаменах может сопровождаться определенными проблемами. С. Корсен в своей работе подчеркивает, что наличие мобильных телефонов во время экзамена может вызвать стресс у личности, так как они могут столкнуться с соблазнами использовать их для недобросовестных практик [Корсен, 2013]. Специфика использования мобильных телефонов на экзаменах требует тщательного контроля и регулирования для предотвращения недопустимого использования.

Современные социально-экономические трансформации в России требуют переосмысления содержания и форм обучения на всех уровнях образовательной системы. Внедрение новейших технологий и компьютеризации в образовательные процессы усиливает эту неотложную необходимость, подчеркивая актуальность адаптации образования к быстро меняющимся условиям современного мира.

В связи с этим актуальным вызовом предлагаются новые подходы к оценке усвоения знаний, включая экзаменационные процедуры, организованные с использованием технологий цифрового образования. Один из таких подходов – компьютерное тестирование в реальном времени, или, как оно называется, Интернет-экзамен.

Эта форма экзамена обладает рядом преимуществ, среди которых следует выделить

повышение объективности процедуры оценки знаний, снижение уровня стресса обучающихся и эффективное использование времени. Наше исследование фокусируется на психологических аспектах данного процесса, с основным вниманием уделяемым стрессогенности, свойственной данной форме экзамена.

Экзамен – это значимое событие, способное вызвать у личности чувство стресса, требующего не только адаптации, но и эффективных стратегий преодоления. Рассматривая экзаменационный стресс в рамках концепции стресса как «сложной совокупности физиологических, когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций на угрозу благополучия», становится ясно, что индивидуальные особенности и контекст влияют на восприятие и преодоление этого стрессора [Сурина, 2014 с. 49]. Наше исследование ориентировано на анализ эмоционального компонента данной экзаменационной ситуации.

Данное исследование встроено в контекст теории стресса, описанной в трудах Г. Селье [Романова, 2011], который выделяет стресс как непроизвольную реакцию организма на внешние вызывающие факторы, и Р. Лазаруса [Немов, 2022], предложившего концепцию стресса как результат субъективной оценки ситуации.

Гипотеза исследования состоит в том, что разные технологии цифрового обучения являются новой учебной задачей, предполагающей разные степени познавательной активности личности, характеризуются разными личностными эмоциональными состояниями: так мобильный телефон вызывает тревожность у личности, интерактивная доска вызывает стресс, а компьютер вызывает страх. Познавательные возможности личности обеспечиваются усилиями обучения, проявляющимися в различных эмоциональных состояниях и положительная динамика связана с успешностью обучения. При использовании технологий в цифровом образовании снижается уровень тревоги, экзаменационного стресса и страха при условии, что:

- разработанные цифровые контрольно-измерительные ресурсы предоставляют возможность для персонализации и индивидуализации процесса контроля и соответствуют образовательной программе;
- системы оценки и обратной связи при использовании технологий цифрового образования способствуют снижению тревожности, стресса, страха, создавая более поддерживающую образовательную среду;
- инфраструктура и доступность технологий цифрового образования обеспечивают равные возможности для каждой личности;
- преподаватель обладает необходимой компетентностью в использовании технологий цифрового образования и может эффективно интегрировать их в учебный процесс;
- личность исходит из позитивного восприятия технологий цифрового образования при контроле знаний и навыков.

Для подтверждения гипотезы, в рамках текущего исследования, на уроках английского языка был реализован эксперимент продолжительностью 2,5 месяцев на базе ГБОУ «Школы № 2116 «Зябликово». В исследовании приняли участие около 350 обучающихся 9 и 11 классов, поделенные на контрольную и экспериментальную группы. В течение второй и третьей четверти обучающиеся написали восемь работ: по три теста по модулям по английскому языку и по две итоговые контрольные работы. Обучающиеся контрольной группы проходили традиционные тесты, представленные в письменной форме на листах А4.

Экспериментальная группа, в свою очередь, проходила идентичные по наполнению тестовые и контрольные работы с одним единственным отличием: тесты были организованы с помощью технологий цифрового образования с использованием платформ Wordwall и Google

Forms на мобильных устройствах и школьных персональных компьютерах (Интернет-экзамен). Результаты тестирований нацелены на проверку знаний предмета (английского языка) по пройденным тематическим модулям учебника, представлены в Таблице 1.

Таблица 1 - Результаты тестирований

	Контрольная группа		Экспериментальная группа	
	ср. балл	ур.с.	ср. балл	ур.с.
Тест по 1 модулю	3.58	74%	3.6	57%
Тест по 2 модулю	3.46	62%	3.47	52%
Тест по 3 модулю	3.53	79%	3.51	34%
Итоговая контрольная работа по результатам 1ой четверти	3.24	85%	3.39	72%

Итак, наблюдается тенденция, что средний балл в контрольной и экспериментальной группах меняется незначительно, в отличие от процентного соотношения уровня стресса. В экспериментальной группе по результатам опросов уровень стресса снизился в среднем на 15-25%.

Исследование уровня тревожности, экзаменационного стресса и страха было осуществлено с применением авторского опросника. Основной задачей опроса было изучение стрессогенности ситуации Интернет-экзамена в контексте общеобразовательной школы в сравнении с другими формами контрольных работ.

С целью провести анализ психологического состояния обучающихся в период проведения Интернет-экзамена в сравнении с традиционным письменным форматом, исследователями был предложен следующий вопрос: «Каким образом ваше эмоциональное состояние во время Интернет-экзамена различается от обычного письменного тестирования?». Этот вопрос способствовал осуществлению анализа индивидуальных переживаний и взглядов обучающихся на различные способы организации тестирования.

Тем не менее, лишь 37 респондентов отметили, что их эмоциональное состояние во время Интернет-экзамена не отличается от традиционного. Важно подчеркнуть, что примерно равное количество обучающихся выразило предпочтение обоим форматам тестирования. Таким образом, 142 человека предпочли традиционный формат экзамена, в то время как 168 склонились к новой форме экзамена - компьютерному тестированию. Эти наблюдения акцентируют внимание на разнообразии восприятия и предпочтениях обучающихся относительно различных форм экзаменов, подчеркивая значимость изучения их психологических реакций на подобные ситуации.

Результаты этого исследования означают значительный интерес обучающихся к новым технологиям в образовательном процессе и подчеркивают важность психологического изучения их влияния на эмоциональное состояние личности в контексте экзаменационных ситуаций.

В ходе анализа полученных ответов мы смогли получить следующие результаты. Анализируя большинство ответов, составляющих 56% от общего объема данных, мы выявили описания психологического состояния обучающихся и их отношения к компьютерному тестированию. Эти описания ярко выделялись словами и выражениями, направленными на пояснение снижения уровней тревожности и напряженности во время проведения Интернет-экзамена, составляя 22% от общего числа ответов.

Важными элементами в предоставленных ответах были выражения, отражающие уровень комфорта и удовлетворенности обучающихся во время использования компьютерного тестирования. Например, терминология, используемая для описания снижения тревожности,

свидетельствует о положительных эмоциональных трансформациях, происходящих в рамках данного формата экзамена. Этот результат является ключевым фактором при оценке эффективности Интернет-экзамена с психологической точки зрения.

Полученные данные позволяют сделать вывод о благоприятном влиянии компьютерного тестирования на психологическое благополучие обучающихся, способствуя смягчению негативных эмоций, включая тревожность и напряжение. Это, в свою очередь, может повысить общий опыт прохождения экзаменов и улучшить его эффективность. Ответы респондентов подчеркивают, что такой формат тестирования более удобен и позволяет им глубже погрузиться в изучаемый материал, сосредоточив внимание.

Однако не все участники эксперимента оценили Интернет-экзамен положительно. Многие высказали мнение о повышенной стрессогенности и сложностях с концентрацией внимания. 12 респондентов не выразили четкого предпочтения в выборе формы экзаменационной процедуры.

Преимущество Интернет-экзамена заключается в отсутствии необходимости тщательно разрабатывать и формулировать ответы. Тем не менее, несмотря на это преимущество, включение в тест вариантов ответов вызывает смешанные оценки. С одной стороны, этот формат упрощает задачу, облегчая процесс ответа; с другой стороны, обучающиеся выражают опасения относительно его потенциального влияния на развитие интеллектуальных способностей. Такой формат тестирования, требующий лишь механического и односложного воспроизведения информации, предоставляет ограниченные возможности для творческого самовыражения и способствует поверхностному пониманию материала.

Несмотря на то, что многие обучающиеся отметили снижение уровня тревожности и стресса, участники исследования подчеркивают увеличение уровня тревожности как перед экзаменом, так и во время тестирования, объясняя это неопределенностью, непредсказуемостью и неожиданностью вопросов. Эти факторы усложняют задачи и вносят элемент стресса в ситуацию экзамена. По мнению обучающихся, этот вид экзамена выходит за пределы просто средства оценки знаний и напоминает ситуацию, сравнимую с лотереей, где успех зависит от случая. Это особенно актуально при проведении многоуровневого компьютерного тестирования (диагностика МЦКО), что дополнительно усиливает уровень неопределенности.

Критически важно подчеркнуть, что текущая версия Интернет-экзамена не учитывает концепцию зоны ближайшего развития, предложенную Л.С. Выготским. Эта зона, обычно выявляемая взаимодействием с учителями и сверстниками в традиционных форматах экзаменов, включает в себя поддержку и помощь со стороны других. Следовательно, Интернет-экзамен в настоящее время не предоставляет адекватных условий для развития обучающихся в контексте социально-психологического взаимодействия и поддержки, что может сказаться на общей эффективности и успехе образовательного процесса.

Среди недостатков традиционного формата экзаменов выделяется выраженный страх не соответствовать ожиданиям и повредить свою репутацию. Этот страх может активировать защитные механизмы личности обучающихся, выявляя проблемы в их самопредставлении, включая аспекты, такие как самоуважение и самооэффективность.

В организационно-процедурном измерении сохраняется важность предпочтения формата экзамена. Это измерение включает в себя заранее установленные временные рамки для экзамена, возможности взаимодействия с одноклассниками, уровень усилий, вложенных в подготовку, а также возможность коррекции и уточнения неопределенных моментов. Большинство обучающихся признают повышенную гибкость в ответах на вопросы, выраженную в возможности пропустить задания, вернуться для пересмотра и внести поправки в ответы. Эта гибкость существенно снижает уровень стресса во время экзаменов, способствуя

более высокому уровню уверенности.

Согласно отзывам участников, Интернет-экзамен воспринимается как более эффективный с точки зрения затраченного времени, предоставляя каждой личности достаточно времени для завершения теста. Многие также подчеркивают уменьшение физических, психологических и интеллектуальных ресурсов, необходимых для подготовки к Интернет-экзамену, а также возможность обсуждения ответов, получения поддержки и помощи.

Выделенные участниками исследования преимущества Интернет-экзамена включают в себя его повышенную объективность в оценке, отсутствие субъективного предвзятого влияния со стороны преподавателей и отсутствие внешнего давления. Тем не менее некоторые участники высказывают опасения относительно категоричности оценки правильности ответов и невозможности внесения изменений или коррекций после завершения тестирования, что может вызвать дополнительный стресс в ожидании результатов.

Вышеописанные факторы, выделенные в процессе анализа опроса, отражают неоднозначное отношение обучающихся к Интернет-экзамену и значительные различия в их предпочтениях. Эта динамика хорошо соотносится с результатами исследований, приведенных в научной литературе, которые выявляют различия в восприятии стрессогенности экзаменационной ситуации среди разных типов личности.

Тревожность у личности наступает непосредственно перед началом экзаменационной процедуры. Однако существует несколько методов управления тревожностью, и одним из эффективных подходов являются дыхательные практики (Н.А. Стрельникова, А.Н. Прихожан). Она предлагает использовать специальные дыхательные техники, например, глубокое брюшное дыхание, чтобы снизить уровень тревожности. Пример дыхательной практики, рекомендованной Н.А. Стрельниковой, включает в себя медленный и глубокий вдох через нос, задержку дыхания на несколько секунд, а затем медленный выдох через рот. Эта методика помогает улучшить кислородное обеспечение организма, стабилизировать сердечный ритм и снять физическое напряжение.

Многие исследования также подтверждают эффективность дыхательных практик в снижении уровня тревожности. Например, исследование, проведенное в Университете Стэнфорда, показало, что глубокое дыхание способствует активации парасимпатической нервной системы, что, в свою очередь, снижает уровень тревожности. Авторы психологических практик, такие как Джон Кабот-Зинн и Дэвид Голдберг, также подчеркивают важность внимания к дыханию в контексте управления эмоциональным состоянием. Техники медитации, в которых акцент делается на дыхании, могут эффективно справляться с тревожностью и помогать сосредотачиваться в моменте.

Отмечается, что стресс у личности проявляется в большей степени в процессе написания экзаменационной работы, а так же при ожидании результата. Для смягчения уровня стресса и улучшения психоэмоционального состояния рекомендуется проведение аутогенных тренировок (Т.Г. Волкова, О.М. Любимова, А.В. Корнеева).

Татьяна Григорьевна Волкова, Ольга Михайловна Любимова и Александра Владимировна Корнеева являются известными специалистами в области психотерапии и аутогенной тренировки. Аутогенная тренировка - это метод психотерапии, основанный на самовнушении и саморегуляции, который способствует достижению глубокого релаксационного состояния.

Пример аутогенной тренировки, предложенной этими авторами, включает в себя повторение определенных утверждений о расслаблении и уверенности в себе. Например, обучающийся может ментально повторять фразы «Мое тело расслаблено» или «Я спокоен и уверен в своих силах». Эти утверждения помогают снижать уровень стресса, улучшая контроль

над собой в ситуации экзамена. Исследования в области психотерапии подтверждают эффективность аутогенных тренировок в управлении стрессом. Например, исследование, проведенное в Университете Йель, выявило, что аутогенная тренировка способствует снижению уровня агрессии и тревожности, вызываемых стрессом [Шпилев, 2019].

Личность испытывает страх в процессе написания экзаменационной работы. Для смягчения уровня страха существует несколько подходов, одним из которых являются методики рисунка, в частности, методика А.М. Прихожана. А.М. Прихожан является российским психологом и художником, создателем методики «Арт-терапия Прихожан». Эта методика объединяет в себе принципы искусства и психотерапии, позволяя личности выразить свои эмоции и переживания через рисунок. В контексте экзаменационного стресса, методика Прихожана может быть использована для того, чтобы помочь обучающимся выразить свои чувства и переживания в творческой форме.

Пример использования методики Прихожана в снижении страха перед экзаменом может включать создание абстрактных рисунков, отражающих внутренний мир обучающегося в момент написания работы. Это может включать в себя использование цветов, форм и линий, чтобы передать эмоциональное состояние. Такой процесс может помочь освободить ум от негативных эмоций и улучшить эмоциональное благополучие [Немов, 2021].

Исследования в области искусственной терапии и арт-терапии подтверждают ее положительное воздействие на психическое здоровье. Работы таких авторов, как Шаун Макнифф и Кэтрин Капель, подчеркивают значимость использования искусства для облегчения стресса и ансамблирования эмоционального благополучия.

Заключение

Итак, на основе проведенного исследования можно сделать вывод, что экзаменационный стресс является распространенным явлением среди обучающихся и оказывает негативное воздействие на их психическое и эмоциональное состояние и результаты работ. Технологии цифрового образования предоставляют новые возможности для улучшения образовательного процесса, повышения мотивации и индивидуализации обучения, а также снижения экзаменационного стресса.

На текущий момент нельзя делать однозначные выводы относительно превосходства Интернет-экзамена, организованного с использованием технологий цифрового образования, по сравнению с традиционным проведением контрольной работы с точки зрения воздействия на психологическое состояние обучающихся. Оценка степени стрессового воздействия данного формата экзамена значительно разнится среди обучающихся и, возможно, сильнее зависит от их индивидуальных характеристик и уровня мотивации.

Тамара Алексеевна Шилова отмечает, что «проблема мотивации в поведении остается в центре внимания психологов, занимающихся исследованием детерминации развития личности. Подходя к мотивации как к многоуровневой системе» [Шилова, 2017, с. 29], выделяются две ключевые проблемы: «проблемы осознанного и бессознательного в мотивации подростков» и проблема расхождения между понимаемыми и реально действующими мотивами. Исследования указывают на то, что «среди широкого спектра социальных мотивов лучше всего осознаются мотивы самоопределения и самосовершенствования. Однако реально действующие мотивы не всегда совпадают с теми, которые осознаются. Это несоответствие между реально действующими и понимаемыми мотивами мешает обучающимся видеть себя в учебном процессе, что порождает противоречия в мотивационной сфере» [Шилова, 1985, с. 47].

Использование технологий цифрового образования может оказывать положительное влияние на эмоциональную сферу обучающихся, снижая уровень экзаменационного стресса, при этом не ухудшая результаты работ и не снижая уровень знаний. Интеграция технологий цифрового образования в процесс контроля требует комплексного подхода, учета психологических состояний обучающихся и разработки эффективных методов смягчения тревожности, стресса и страха.

Библиография

1. Романова, Е.С. Графические методы в практической психологии [Текст] : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки (специальности) ГОС ВПО 030300 "Психология", 030301 "Психология" и направлению подготовки ФГОС ВПО 030300 "Психология" / Е. С. Романова. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Аспект Пресс, 2011. - 399, [1] с.
2. Романова Е.С., Абушкин Б.М., Формирование у обучающихся компетенций личностного самоутверждения в современном мире, методическое пособие, МГПУ, 2023.
3. Немов, Р.С. Общая психология / Р. С. Немов. - Москва [и др.] : Питер, 2006 (СПб. : Правда 1906). - 304 с.
4. Немов, Р.С. Система представлений о психологии мотивации поведения человека с древнейших времен до конца 19 века. Немов Р.С. Системная психология и социология. 2022.
5. Немов, Р.С. Формирование мотивации достижения успехов в учебной деятельности школьников. Немов Р.С., Канищева А.С. Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021.
6. Шилова, Т.А. Психология личности [Текст] : учебное пособие / [Т. А. Шилова]. - Москва : Перо, 2017. - 107 с.
7. Шилова, Т.А. Взаимосвязь волевой активности и направленности личности подростка : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.07. - Москва, 1985. - 161 с.
8. Шилова, Т.А. Возникновение синдрома эмоционального выгорания и его коррекция снятием тревожности (научная статья) // Шилова Т.А. // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XIV Международной научно-практической конференции (Москва, 2021). — Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. — С. 285–290.
9. Гончарова Л. П. Эффективность применения цифровых технологий в образовательном процессе // Информационные технологии и образование. 2016. № 2. С. 44-50.
10. Купари П., Ваурас М., Канкаанпя С. Эмоции в среде цифрового обучения: интегративный обзор // Обзор педагогической психологии. 2020. № 32 (4). С. 1067-1099.
11. Сурина А. А. Экзаменационный стресс у студентов: причины, проявления, средства преодоления // Молодой ученый. 2014. № 7. С. 47-50.
12. Шариков А. В. Оценка знаний студентов с использованием современных информационных технологий // Высшее образование в России. 2017. № 9. С. 97-105.
13. Шпилев А. М. Эмоционально-личностные особенности студентов с высоким и низким уровнем экзаменационного стресса // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 4. С. 117-119.

The influence of digital education technologies on the level of personal exam stress

Kseniya V. Romanova

Postgraduate student,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 4, 2nd Selskhozyaystvenny pr-d, Moscow, Russian Federation;
Teacher,
School No. 2116 "Zyablikovo",
115682, 34/3, Zadonsky proezd, Moscow, Russian Federation;
e-mail: romanovakv@mgpu.ru

Abstract

The active introduction of digital education technologies into psychological and pedagogical practice is becoming increasingly noticeable. Many educational institutions already use such technologies when conducting tests and other examination activities. However, the question of their influence on the emotional state of students' personality remains open and requires further research. The impact of digital education technologies on the emotional state of an individual is not always clear. One of the key aspects of the topic under study is the development and testing of control and measurement materials organized using digital education technologies in order to analyze their effectiveness and impact on the emotional state of students' personalities. The purpose of this study is to study the specifics of using digital education technologies to solve educational problems and their impact on negative emotional states of the individual (anxiety, stress and fear).

For citation

Romanova K.V. (2024) Vliyanie tekhnologii tsifrovogo obrazovaniya na uroven' ekzamenatsionnogo stressa lichnosti [The influence of digital education technologies on the level of personal exam stress]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 32-42. DOI: 10.34670/AR.2024.83.33.003

Keywords

Digital education technologies, personal emotions, exam stress, anxiety, fear, Internet exam.

References

1. Romanova, E.S. Graphic methods in practical psychology [Text]: a textbook for students of higher educational institutions studying in the field of preparation (specialty) GOS VPO 030300 "Psychology", 030301 "Psychology" and the field of study FSES VPO 030300 "Psychology" / E. S. Romanova . - 2nd ed., rev. and additional - Moscow: Aspect Press, 2011. - 399, [1] p.
2. Romanova E.S., Abushkin B.M., Formation of personal self-affirmation competencies in students in the modern world, methodological manual, Moscow State Pedagogical University, 2023.
3. Nemov, R.S. General psychology / R. S. Nemov. - Moscow [etc.]: Peter, 2006 (SPb.: Pravda 1906). - 304 s.
4. Nemov, R.S. A system of ideas about the psychology of motivation for human behavior from ancient times to the end of the 19th century. Nemov R.S. Systemic psychology and sociology. 2022.
5. Nemov, R.S. Formation of motivation to achieve success in schoolchildren's educational activities. Nemov R.S., Kanishcheva A.S. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2021.
6. Shilova, T.A. Personality psychology [Text]: textbook / [T. A. Shilova]. - Moscow: Pero, 2017. - 107 p.
7. Shilova, T.A. The relationship between volitional activity and the orientation of a teenager's personality: dissertation... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.07. - Moscow, 1985. - 161 p.
8. Shilova, T.A. The emergence of emotional burnout syndrome and its correction by relieving anxiety (scientific article) // Shilova T.A. // Higher school: experience, problems, prospects: materials of the XIV International Scientific and Practical Conference (Moscow, 2021). - Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2021. - P. 285-290.
9. Goncharova L.P. Effectiveness of using digital technologies in the educational process // Information technologies and education. 2016. No. 2. P. 44-50.
10. Kupari P., Vauras M., Kankaanpää S. Emotions in the digital learning environment: an integrative review // Review of educational psychology. 2020. No. 32 (4). pp. 1067-1099.
11. Surina A. A. Examination stress in students: causes, manifestations, means of overcoming // Young scientist. 2014. No. 7. P. 47-50.
12. Sharikov A.V. Assessing students' knowledge using modern information technologies // Higher education in Russia. 2017. No. 9. pp. 97-105.
13. Shpilev A. M. Emotional and personal characteristics of students with high and low levels of examination stress // Modern problems of science and education. 2019. No. 4. pp. 117-119.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.64.82.004

Методы саморегуляции в профессиональной деятельности**Голубев Александр Владимирович**

Аспирант кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин,
Московский информационно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт,
109316, Российская Федерация, Москва, просп. Волгоградский, 32;
e-mail: avgk@list.ru

Аннотация

В статье обращено внимание на использование методов саморегуляции в профессиональной деятельности. Обоснованность и актуальность выбранной темы заключается в научной и практической важности осмысления различных научных подходов к методам саморегуляции личности. Цель исследования заключается в выявлении методов саморегуляции в профессиональной деятельности. Главными задачами исследования являются определение механизма саморегуляции, изучение подходов к саморегуляции, анализ методов саморегуляции в профессиональной деятельности. Профессиональная деятельность сопровождается постоянным решением различных видов задач, что обуславливает необходимость развития навыков использования различных методов саморегуляции психологического состояния индивида. В статье исследуется механизм саморегуляции, рассматриваются различные подходы к методам саморегуляции в профессиональной деятельности. Цель использования методов саморегуляции заключается в мобилизации психических процессов, а также в восстановлении возможностей полноценного функционирования личности для решения профессиональных задач. Выделяются уровни саморегуляции личности, на основании которых определены особенности использования различных методов саморегуляции. Также автором определены условия успешного применения методов саморегуляции: сформированность мотивационных личностных компонентов, а также сформированность компонентов саморегуляции. В качестве результата использования методов саморегуляции автор указывает отсутствие признаков профессиональных деформаций, истощения, а также снижения мотивации профессионала.

Для цитирования в научных исследованиях

Голубев А.В. Методы саморегуляции в профессиональной деятельности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 43-50. DOI: 10.34670/AR.2024.64.82.004

Ключевые слова

Саморегуляция, профессиональная деятельность, методы саморегуляции, саморегуляция личности, индивид, личностная психология, механизм саморегуляции.

Введение

Исследование методов саморегуляции в профессиональной деятельности становится все больше актуальным в условиях высокой турбулентности внешней среды. Значительные экономико-политические, отраслевые и технологические изменения, внедрение новых форм и методов управления персоналом приводят к росту напряженности. Залогом профессиональной успешности работника становятся развитые ресурсы саморегуляции, обеспечивающие эффективную адаптацию, повышенную стрессоустойчивость и умение работать в режиме многозадачности.

Практическая актуальность темы исследования обусловлена необходимостью использования различных методов саморегуляции в профессиональной деятельности и повышения профессиональной успешности. Способность своевременно использовать различные методы саморегуляции становится одним из базовых профессионально важных навыков современного работника, что объясняется необходимостью быстрой адаптации к рабочим условиям, связанным с повышенным напряжением.

Цель исследования – теоретически изучить научные подходы к методам саморегуляции в профессиональной деятельности.

Материалы и методы исследования

В научной теории представлено достаточное разнообразие подходов к исследованию личностной саморегуляции. Проблема исследования методов саморегуляции в профессиональной деятельности относится к комплексным проблемам, использующим инструменты социальных, психофизиологических и психологических наук. В связи с высокой турбулентностью внешней среды возрастает необходимость проведения исследований по использованию методов саморегуляции в профессиональной деятельности, что позволит повысить профессиональную успешность индивида в условия повышенной психологической нагрузки.

Существующие методы психологической саморегуляции позволяют воздействовать на отдельные аспекты деятельности индивида по управлению функциональными состояниями. Результаты исследования по возможности применения методов саморегуляции в различных видах деятельности доказывают эффективность и целесообразность их применения. Тем не менее, вопрос использования методов саморегуляции в профессиональной деятельности остается недостаточно разработанным.

Основным методом исследования, используемым в данной статье, является теоретический анализ, основанный на оценке методов саморегуляции в профессиональной деятельности.

Результаты и обсуждения

Саморегуляция является фундаментальным личностным свойством, обеспечивающим приспособление, сохранение, развитие, а также успешность взаимодействия личности с миром. В научной литературе существует большое количество исследований по саморегуляции личности.

А.Б. Леонова под саморегуляцией в широком смысле понимает уровень активности жизненной системы, использующий психические средства отражения и моделирования

окружающей действительности, включая поведенческое и деятельностное управление индивида, а также механизм саморегуляции его состояний. В узком смысле под саморегуляцией понимается психологический процесс, использующий внутренние средства саморегуляции [Леонова, 2020].

Механизм саморегуляции является многоуровневым: на неосознаваемом уровне осуществляется поддержка состояния личности с учетом требований внешней среды. Когда наступает истощение ресурсов неосознаваемой саморегуляции, на первый план выходят сознательные методы саморегуляции. Успех саморегуляции в профессиональной деятельности заключается в оптимальном сочетании разноуровневых методов саморегуляции.

А.К. Осницким выделяется реактивное, импульсивное и организованное поведение, каждое из которых характеризуется своими особенностями и используемыми методами саморегуляции [Осницкий, 2019]. В профессиональной деятельности индивиду постоянно необходимо решать различные виды задач, требующих использования когнитивных, эмоционально-энергетических, мотивационных и иных видов ресурсов саморегуляции. Эффективное использование ресурсов и методов саморегуляции является основой успешной адаптации к внешним условиям профессиональной деятельности.

В своих работах В.И. Моросанова рассматривает индивидуально-личностные особенности саморегуляции индивида, в том числе индивидуально-типологические, общие и специальные способности, на основе которых формируется общая стратегия саморегуляции индивида, позволяющая достичь ему поставленной цели в профессиональной деятельности [Моросанова, 2021; Моросанова, 2022].

А.В. Корниенко и Е.С. Старченкова определили, что на успешность профессиональной деятельности и профессиональное здоровье оказывают влияние личностные качества, включая личностную зрелость и самоактуализацию [Корниенко, Старченкова, 2023].

В свою очередь, В.А. Бодровым также выделяются различные компоненты саморегуляции, влияющие на успешность профессиональной деятельности [Бодров, 2021].

Таким образом, можно говорить о значимости механизма саморегуляции в осуществлении профессиональной деятельности личности. Эффективная саморегуляция в профессиональной деятельности предполагает достаточно высокое развитие адаптационных возможностей личности. При этом необходимо учитывать гибкость в использовании различных методов саморегуляции, а также их своевременность, адекватность и достаточность в зависимости от текущей рабочей ситуации.

Успех использования методов саморегуляции зависит от ряда условий, к которым относятся сформированность мотивационных компонентов личности: высокой заинтересованности в профессиональной деятельности, ответственности, системы положительных установок в профессиональной области; сформированность всех уровней механизма саморегуляции.

Результатом эффективного использования методов саморегуляции можно считать отсутствие признаков профессиональных деформаций, истощения, а также снижения мотивации профессионала. Профессиональный успех связан не только с умением решать различные категории профессиональных задач, но и с использованием различных методов саморегуляции. Оценка и интерпретация рабочих ситуаций и поставленных задач определяют актуальные способы снижения психологического напряжения с помощью различных методов саморегуляции.

Цель использования методов саморегуляции заключается в мобилизации психических процессов, а также в восстановлении возможностей полноценного функционирования личности

для решения профессиональных задач.

Использование методов саморегуляции в профессиональной деятельности позволяет снизить тревогу, страх, негативные эмоциональные проявления, а также активизировать функции памяти и мышления, стабилизировать вегетативные функции, что повысит эффективность профессиональной деятельности и приведет к позитивному психоэмоциональному состоянию индивида.

С точки зрения Е.В. Яковлевой, механизм саморегуляции входит в психическую систему личности, подверженную влиянию различных внешних обстоятельств [Яковлева, 2022]. Целенаправленное использование методов саморегуляции позволяет влиять на психическую систему личности, изменяя и развивая отдельные ее составляющие. При этом следует учитывать, что опыт саморегуляции относится как к профессиональной деятельности, так и является результатом саморазвития и самообучения личности.

С.В. Хусаинова, П.В. Лебедчук определяют саморегуляцию как сознательную деятельность личности, направленную на приведение в баланс внешней и внутренней среды с целью решения профессиональных задач в изменяющихся условиях [Хусаинова, Лебедчук, 2023].

Л.Г. Дикая под психической саморегуляцией понимает психическую деятельность и психологическую систему, реализующие принципы полисистемного подхода и анализа [Дикая, 2021]. Саморегуляция выступает как результат взаимодействия системы профессиональной деятельности и системы психофизиологического состояния индивида.

В связи с особенностью механизма саморегуляции определим следующие требования к методам саморегуляции: простота и доступность их использования; возможность применения методов саморегуляции вне зависимости от условий конкретной профессиональной задачи и рабочей ситуации; высокая эффективность используемых методов саморегуляции; быстрота получения результата.

Исходя из указанных требований, на первый план выходят методы психофизической саморегуляции: дыхательные техники и мышечная релаксация. Данные методы позволяют стабилизировать дыхание, снять «мышечные зажимы», а также снизить физическое напряжение. Упражнения не требуют специальных условий и инструментов для их проведения, а также дают оперативный результат, позволяющий индивиду быстро прийти в себя.

В основе методов психической саморегуляции лежит работа с образами и представлениями, т.е. это способы личностного самовоздействия на психические состояния, процессы и свойства с целью приведения их в нормальное состояние. Посредством методов саморегуляции целенаправленно изменяется самочувствие и психологическое состояние личности, что позволяет адаптироваться к рабочей нагрузке, а также эффективно решить стоящие перед личностью профессиональные задачи.

Выделяются следующие группы методов психической саморегуляции: по уровню активности – активные и пассивные; по уровню осознания – осознанные и неосознанные; по направленности – внешние и внутренние; по требованию к подготовке – используемые в специальной психологической практике, не требующие специальной подготовки и дополнительных знаний.

Л.Г. Дикая выделяет четыре уровня саморегуляции, относящиеся к различным компонентам психологической системы деятельности [Дикая, 2021].

На первом произвольном, неосознаваемом уровне саморегуляции ведущим является активационный компонент. Индивидом используются произвольные реакции с учетом особенностей деятельности, поскольку все происходит на бессознательном психическом

уровне. Методами саморегуляции на данном уровне выступают изменения дыхательного и сердечного ритмов, активации в системе сна – бодрствования, когнитивные активации.

На втором произвольном, неосознаваемом уровне добавляется эмоциональный компонент. Методы саморегуляции используются также на бессознательном уровне, однако наблюдаются более сложные условия деятельности (устомление, легкая форма перенапряжения). В качестве методов саморегуляции используются мышечные сокращения, дыхательные и релаксирующие упражнения.

На произвольном, осознаваемом уровне доминирует когнитивно-эмоциональный компонент. Саморегуляция осуществляется уже на сознательном психическом уровне, что определяет необходимость использования следующих способов саморегуляции: приложение волевых усилий, повышенный самоконтроль, использование аутотренинга, стабилизация эмоционального состояния, использование релаксирующих практик. Индивид начинает сознательно осуществлять конкретные действия по стабилизации своего психофизиологического состояния.

На осознаваемом, целенаправленном уровне на первый план выходит когнитивно-коммуникативный компонент. Механизм саморегуляции осуществляет своей воздействие также на сознательном уровне психики личности. На данном уровне используются такие способы саморегуляции, как трансформация личностных и целевых психологических установок и мотивов деятельности, использование инструментов самовнушения и самоанализа, применение методик самопрограммирования. Индивид осуществляет целенаправленные, глубинные действия, помогающие эффективно решать рабочие задачи.

Кроме того, Л.Г. Дикой определена двухуровневая модель индивидуального стиля саморегуляции [Дикая, 2021]: на первом уровне происходит обеспечение энергетического уровня саморегуляции; на втором уровне обеспечивается эмоционально-поведенческая изменчивость личности.

По мнению А.О. Прохорова, различные методы саморегуляции могут использоваться в различных состояниях, как положительных, так и отрицательных. Также исследователем было установлено, что с течением времени у человека снижается уровень его импульсивности и эмоциональности [Прохоров, 2021].

Таким образом, в различных состояниях личность может использовать общие и универсальные методы саморегуляции, а также специальные методы саморегуляции.

Общие методы саморегуляции снижают интенсивность и длительность переживаний, в то время как специальные методы саморегуляции воздействуют только на определенную модальность личности. К общим способам саморегуляции относятся коммуникации, переключение внимания, самоконтроль, самоанализ, логический разбор рабочей ситуации и т.д.

Можно выделить следующие этапы использования методов саморегуляции: выделение состояния личности на психофизиологическом, психологическом и поведенческом уровнях; направленное воздействие по изменению выделенного состояния личности; закрепление измененного состояния личности.

К специальным методам саморегуляции относятся:

1. Гетеро- и аутотренинг, позитивное мышление. Данные методы целесообразно использовать в ситуациях повышенного эмоционального напряжения, требующих значительных волевых усилий. Аутотренинг целенаправленно улучшает эмоциональное состояние, что положительно сказывается на уровне работоспособности и профессиональной эффективности индивида. Позитивное мышление призвано демонстрировать полное принятие

себя, нацелено на повышение уверенности, сдержанности в условиях сложных рабочих ситуаций.

2. Методы психокоррекции (психодрама, телесная терапия, тренинговые группы), использующие специальные техники и упражнения по восстановлению личностных ресурсов, что позволяет индивиду более эффективно решать рабочие задачи.

Каждый специальный метод саморегуляции направлен на решение конкретных задач и реализуется по определенным правилам. Такие методы саморегуляции позволяют решать поставленные задачи на уровне личности, а также ее внешнего окружения, способствуют получению дополнительной эмоциональной поддержки, закрепляют новые поведенческие паттерны, а также повышают разнообразие используемых стилей межличностных коммуникаций, что снижает уровень личностной напряженности.

Заключение

Саморегуляция представляет собой механизм, входящий в психическую систему индивида.

Рассмотрев методы саморегуляции в профессиональной деятельности, отметим, что эффективность их применения напрямую влияет на качество решения профессиональных задач, сопровождаемых положительными и отрицательными эмоциональными состояниями. Сознательное использование различных методов саморегуляции способствует достижению профессионального успеха, а также стабилизации эмоционально-психологического состояния личности.

Используемые методы саморегуляции различаются в зависимости от уровня психической системы личности. Выбор метода саморегуляции зависит от условий текущей рабочей ситуации, а также знаний и навыков саморегуляции индивида.

Автором выделены следующие условия успешности использования методов саморегуляции: уровень сформированности мотивационной системы, а также механизма саморегуляции.

В качестве результата эффективного использования методов саморегуляции в статье определено отсутствие признаков профессиональных деформаций, истощения, а также снижения мотивации профессионала.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о влиянии методов саморегуляции на успешность индивида в профессиональной деятельности.

Библиография

1. Бодров В.А. Мозг и психологические особенности профессиональной деятельности по управлению сложной техникой // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 17-56.
2. Дикая Л.Г. Менталитет как основной компонент жизнеспособности профессионала // Ресурсы жизнеспособности и стрессоустойчивости современного человека: психологические, психофизиологические, нейробиологические, педагогические аспекты. Челябинск: ООО «Полиграф-Мастер», 2021. С. 43-62.
3. Корниенко А.В., Старченкова Е.С. Структурная модель влияния личностных детерминант на профессиональное здоровье // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 4(24). С. 73-80.
4. Леонова А.Б. Системная методология анализа механизмов регуляции функциональных состояний работающего человека // Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени. М.: Психологический институт Российской академии образования, 2020. С. 37-65.
5. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 3-37.

6. Моросанова В.И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3. С. 58-82.
7. Осницкий А.К. К вопросу об устойчивости показателей саморегуляции активности студентов // Наука – образование – профессия: системный личностно-развивающий подход. М.: Перо, 2019. С. 70-74.
8. Прохоров А.О. Ментальные репрезентации психических состояний. М.: Институт психологии, 2021. 184 с.
9. Хусаинова С.В., Лебедчук П.В. Исследование типологии саморегуляции субъекта и его адаптации в условиях изменения профессиональной деятельности // Казанский педагогический журнал. 2023. № 2(157). С. 216-221.
10. Яковлева Е.В. К вопросу о ресурсном обеспечении функциональных возможностей личности в саморегуляции профессиональной деятельности // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 2(95). С. 347-352.

Methods of self-regulation in professional activities

Aleksandr V. Golubev

Postgraduate Student of the Department of psychological, pedagogical
and theater disciplines,
Moscow Information Technology University –
Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering
109316, 32 Volgogradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: avgk@list.ru

Abstract

The article focuses on the use of self-regulation methods in professional activities. The relevance and importance of the chosen topic lies in the scientific and practical significance of understanding various scientific approaches to methods of personality self-regulation. The research aim is to identify methods of self-regulation in professional activities. The main research tasks include determining the mechanism of self-regulation, studying approaches to self-regulation, and analyzing methods of self-regulation in professional activities. Professional activities involve constantly solving various tasks, which necessitates the development of skills in using different methods of regulating an individual's psychological state. The article explores the mechanism of self-regulation and examines different approaches to self-regulation methods in professional activities. The goal of using self-regulation methods is to mobilize mental processes and restore the capabilities of full personality functioning for solving professional tasks. The levels of personality self-regulation are distinguished, based on which the specifics of using various self-regulation methods are determined. The author also identifies the conditions for successful application of self-regulation methods: the formation of motivational personal components and the formation of self-regulation components. As a result of using self-regulation methods, the author points out the absence of signs of professional deformities, exhaustion, and a decrease in professional motivation.

For citation

Golubev A.V. (2024) Metody samoregulyatsii v professional'noi deyatel'nosti [Methods of self-regulation in professional activities]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 43-50. DOI: 10.34670/AR.2024.64.82.004

Keywords

Self-regulation, professional activities, self-regulation methods, personality self-regulation, individual, personality psychology, mechanism of self-regulation.

References

1. Bodrov V.A. (2021) Mozg i psikhologicheskie osobennosti professional'noi deyatel'nosti po upravleniyu slozhnoi tekhniki [Brain and psychological features of professional activities in managing complex technology]. In: *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki* [Current issues in work psychology, engineering psychology, and ergonomics]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, pp. 17-56.
2. Dikaya L.G. (2021) Mentalitet kak osnovnoi komponent zhiznesposobnosti professionala [Mentality as the main component of a professional's viability]. *Resursy zhiznesposobnosti i stressoustoichivosti sovremennogo cheloveka: psikhologicheskie, psikhofiziologicheskie, neirobiologicheskie, pedagogicheskie aspekty* [Resources of viability and stress resistance of a modern person: psychological, psychophysiological, neurobiological, pedagogical aspects]. Chelyabinsk: OOO «Poligraf-Master» Publ., pp. 43-62.
3. Khusainova S.V., Lebedchuk P.V. (2023) Issledovanie tipologii samoregulyatsii sub"ekta i ego adaptatsii v uslovii izmeneniya professional'noi deyatel'nosti [Study of the typology of subject self-regulation and its adaptation in the face of changing professional activities]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2(157), pp. 216-221.
4. Kornienko A.V., Starchenkova E.S. (2023) Strukturnaya model' vliyaniya lichnostnykh determinant na professional'noe zdorov'e [Structural model of the influence of personality determinants on professional health]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdavookhranenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and healthcare], 4(24), pp. 73-80.
5. Leonova A.B. (2020) Sistemnaya metodologiya analiza mekhanizmov regulyatsii funktsional'nykh sostoyanii rabotayushchego cheloveka [Systemic methodology for analyzing mechanisms of regulating the functional states of a working individual]. *Psikhologiya samoregulyatsii: evolyutsiya podkhodov i vyzovy vremeni* [Psychology of self-regulation: evolution of approaches and the challenges of our time]. Moskva: Psychological Institute of the Russian Academy of Education, pp. 37-65.
6. Morosanova V.I. (2021) Osoznannaya samoregulyatsiya kak metaresurs dostizheniya tselei i razresheniya problem zhiznedeyatel'nosti [Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and solving life problems]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 1, pp. 3-37.
7. Morosanova V.I. (2022) Psikhologiya osoznannoi samoregulyatsii: ot istokov k sovremennym issledovaniyam [Psychology of conscious self-regulation: from origins to modern research]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology], 3, pp. 58-82.
8. Osnitskii A.K. (2019) K voprosu ob ustoychivosti pokazatelei samoregulyatsii aktivnosti studentov [On the stability of indicators of self-regulation of student activity]. *Nauka – obrazovanie – professiya: sistemnyi lichnostno-razvivayushchii podkhod* [Science – education – profession: systemic personality-developing approach]. Moscow: Pero Publ., pp. 70-74.
9. Prokhorov A.O. (2021) *Mental'nye reprezentatsii psikhicheskikh sostoyanii* [Mental representations of mental states]. Moscow: Institute of Psychology.
10. Yakovleva E.V. (2022) K voprosu o resursnom obespechenii funktsional'nykh vozmozhnostei lichnosti v samoregulyatsii professional'noi deyatel'nosti [On the resource support of the functional capabilities of personality in self-regulation of professional activities]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel State University], 2(95), pp. 347-352.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.93.74.016

Актуальные вызовы методологии критического мышления**Паневин Алексей Святославович**

Преподаватель кафедры организации режима и надзора,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
600020, Российская Федерация, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е;
e-mail: pan9.kot@yandex.ru

Аннотация

Статья содержит обзор современных вызовов, стоящих перед методологией критического мышления. В условиях информационного общества и развития цифровых технологий, когда доступ к информации стал невероятно широким, критическое мышление стало неотъемлемым инструментом анализа и фильтрации информации. Статья анализирует сложности, связанные с отделением фактов от мнений, растущим информационным шумом, и влиянием дезинформации. Также обсуждаются вызовы в области образования, связанные с формированием критического мышления у студентов, и перспективы развития методологии в современном обществе.

Для цитирования в научных исследованиях

Паневин А.С. Актуальные вызовы методологии критического мышления // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 51-57. DOI: 10.34670/AR.2024.93.74.016

Ключевые слова

Критическое мышление, методология, информационное общество, дезинформация, информационный шум.

Введение

В эпоху информационной перегрузки и динамичных изменений, критическое мышление становится ключевым интеллектуальным инструментом, необходимым для эффективного ориентирования в сложной реальности. Наш мир стал свидетелем колоссального роста объема информации, предоставляемой в сети, что представляет собой как беспрецедентную возможность, так и значительный вызов. Актуальность методологии критического мышления проявляется в решении ряда сложных проблем, стоящих перед современным обществом. С ростом объема информации в виртуальной среде возникает новый тип сложности – информационный шум и дезинформация. Когда границы между фактами и мнениями стираются, а предвзятость вносит свой вклад в формирование убеждений, критическое мышление становится неотъемлемым инструментом для отделения правдивой информации от искаженных представлений. Этот вызов требует системного развития навыков критического мышления для эффективной фильтрации и анализа множества данных. Развитие технологий вводит новые переменные в уравнение критического мышления. Новые способы передачи информации, такие как социальные медиа, стриминг и цифровые платформы, предоставляют огромные возможности для обмена знаниями. Вместе с тем они также создают новые формы манипуляции искаженной информацией. Методология критического мышления должна подвергаться постоянной адаптации, чтобы эффективно оперировать в современном цифровом ландшафте. Сложные глобальные вызовы, такие как эпидемии, экономические кризисы, вооруженные конфликты, политические конфликты, предъявляют высокие требования к способности критического мышления. Разработка эффективных стратегий решения этих проблем зависит от глубокого анализа, внимательного взвешивания альтернатив и понимания многогранных взаимосвязей. В этом контексте критическое мышление становится неотъемлемым компонентом позитивного воздействия на глобальные кризисы. В условиях мировой глобализации методология критического мышления должна демонстрировать свою применимость в различных культурных контекстах. Это подразумевает понимание межкультурных особенностей в процессе критического анализа и признание важности включения разнообразных голосов в общественный диалог. Методологическое развитие должно отражать открытость к разнообразию в пространстве критического анализа.

Следует подчеркнуть, что рассмотрение этих вызовов лишь демонстрирует динамизм и растущую значимость методологии критического мышления.

Основная часть

Начнем рассмотрение вызовов методологии критического мышления с рассмотрения информационного шума и дезинформации. Современное информационное общество сталкивается с постоянным ростом объема информации, предоставляемой сетью Интернет. Вместе с этим возникает сложность отделения фактов от мнений и, что более опасно, дезинформации. Информационный шум, вызванный избыточным потоком данных, оказывает давление на критическое мышление, делая его необходимым инструментом для выживания в данном контексте. Следующим вызовом является проблема отделения фактов от мнений и дезинформации. С ростом количества источников информации становится трудно различить объективные данные от субъективных оценок. Критическое мышление должно бороться с этой сложностью, поднимая вопросы о надежности и авторитетности источников. Эффективное критическое мышление также включает в себя умение распознавать предвзятые подходы и

логические ошибки, которые могут привести к искажению восприятия фактов. В условиях информационного шума критическое мышление выступает как фильтр, предохраняя индивида от принятия ошибочных утверждений. Способность анализа и оценки информации становится ключевым моментом в процессе принятия решений, особенно когда на кону знание и понимание сложных событий.

Современные технологические изменения формируют новые способы передачи и восприятия информации, что требует постоянной адаптации методологии критического мышления. Важно понимать, как технологии влияют на процессы анализа и оценки информации, чтобы обеспечить их соответствие современным требованиям. С развитием цифровых технологий информация становится более визуальной и интерактивной. Это может влиять на способы ее восприятия, требуя от критического мышления способности анализа не только текстовой, но и графической информации. Анализ источников, даже визуальных, становится неотъемлемой частью критического мышления. С другой стороны, ускоренный темп технологического развития может создать пропасть между уровнем развития технологий и уровнем критического мышления у пользователей. Бурное внедрение новых технологий может привести к недостаточной подготовленности общества к их осознанному использованию.

Сложные глобальные проблемы, такие как пандемии, вооруженные конфликты, политические конфликты и экономические кризисы, предъявляют особые требования к критическому мышлению. Решение этих проблем требует не только экспертизы в соответствующих областях, но и способности анализа и синтеза информации, критического обсуждения и принятия обоснованных решений. Глобальные вызовы требуют от людей способности рассматривать проблемы с разных точек зрения и адаптироваться к меняющимся сценариям. Критическое мышление становится инструментом, который помогает оценивать возможные последствия, предвидеть тенденции и выработать гибкие стратегии решения проблем.

Мировая глобализация усиливает необходимость учета межкультурных особенностей в процессе критического анализа. Вызов заключается в том, чтобы методология критического мышления была применима в различных культурных контекстах, учитывая разнообразие восприятия и оценки информации. Культурные различия могут существенно влиять на восприятие фактов, приоритеты и ценности. Критическое мышление должно быть подготовлено к адаптации к разным культурным сценариям и пониманию, как мнения и ценности могут различаться в разных обществах. Способность методологии критического мышления быть универсальной заключается в умении учитывать культурные особенности и предоставлять инструменты, способные эффективно функционировать в различных социокультурных средах. Это поднимает вопрос о внедрении критического мышления в образовательные программы с учетом разнообразия студенческой аудитории.

В условиях глобальной взаимозависимости развитие критического мышления несет в себе важную задачу разрешения конфликтов, связанных с культурным непониманием. Критическое мышление становится инструментом диалога и взаимопонимания в многообразном мировом сообществе.

Современная методология критического мышления находится под воздействием различных тенденций, которые формируют ее развитие и интеграцию в различные сферы общества [Климова, 2012]. С развитием цифровых технологий становится неотъемлемым элементом современной методологии критического мышления развитие цифровой грамотности. Эта составляющая включает в себя умение эффективно работать с информацией, предоставляемой

в цифровой форме, анализировать данные из различных источников и критически оценивать цифровые ресурсы. Отделение достоверной информации от дезинформации в онлайн-пространстве становится необходимым элементом формирования критического мышления в условиях цифровой эры. Наблюдается тенденция к активному внедрению методологии критического мышления в образовательные программы на всех уровнях. Образовательные учреждения стремятся создать обучающие курсы, которые не только передают фактическую информацию, но и активно способствуют развитию критического мышления у студентов. Это включает в себя упор на развитие навыков анализа, оценки и саморегуляции мышления. Методология критического мышления рассматривается как ключевой компонент подготовки студентов к сложностям современного мира. В данной статье мы рассмотрим несколько методов формирования и развития критического мышления. Один из таких методов – это метод «5 почему». Представляет собой технику, направленную на выявление глубинных причин проблемы или события путем последовательного задавания вопроса «Почему?» до тех пор, пока не будет достигнут корень проблемы. Этот метод помогает исследовать не только видимые проявления проблемы, но и ее основные причины. Вот как обычно реализуется метод «5 почему»:

1. Определение проблемы: начните с четкого определения проблемы или события, которое вы хотите проанализировать. Это может быть любая ситуация, требующая понимания.
2. Задайте вопрос «Почему?»: спросите себя или членов вашей команды, почему данная проблема произошла. Ответьте на этот вопрос.
3. Повторите процесс: затем спросите «Почему?» относительно ответа, который вы получили на предыдущий вопрос. Повторяйте этот процесс не менее четырех раз, задавая вопрос «Почему?» по каждому ответу.
4. Достигните корня проблемы: продолжайте задавать вопрос «Почему?» до тех пор, пока не достигнете основной или глубинной причины проблемы. Это обычно происходит после пяти итераций, но количество может варьироваться.

Приведем простой пример применения метода «5 почему?»

Проблема: Студент получил низкую оценку на экзамене по математике.

Почему? (1): Потому что студент не понимал основной концепции вопросов на экзамене.

Почему? (2): Потому что он не смог правильно применить математические методы к решению задач.

Почему? (3): Потому что студент не достаточно подготовился, не уделял достаточно времени изучению материала.

Почему? (4): Потому что у студента были другие приоритеты, и он не эффективно планировал свое время.

Почему? (5): Потому что студент не развил навыки управления временем и оценки приоритетов.

Таким образом, через последовательные вопросы «Почему?» мы выявили, что корневой причиной проблемы была неспособность студента эффективно управлять своим временем и оценивать приоритеты. В данном случае развитие критического мышления для студента может включать в себя не только улучшение понимания математических концепций, но и приобретение навыков управления временем, критической оценки своих действий и планирования для достижения учебных целей.

Этот метод эффективен для анализа и решения проблем, поскольку помогает не только выявить проявление проблемы, но и понять ее корневые причины, что обеспечивает более

качественное и долгосрочное решение [Брюшинкин, 2003].

Еще одним методом развития критического мышления выступает «Проблемное обучение» (Problem-Based Learning, PBL). Оно представляет собой метод, который активно применяется в современном образовании, особенно в области психологии. Этот подход к обучению ориентирован на стимулирование критического мышления студентов через активное исследование реальных или тематических проблем. Основная идея PBL заключается в том, что студентам предоставляются сложные сценарии или ситуации, которые требуют анализа и разработки решений. Эти проблемы могут быть основаны на реальных сценариях из профессиональной деятельности или имитировать тематические вызовы в предметной области. Целью является не просто передача фактов, а развитие у студентов навыков самостоятельного анализа, критического мышления и решения проблем. Процесс PBL начинается с того, что студенты обсуждают проблему в группах. Они выявляют ключевые аспекты проблемы, выработывают гипотезы и строят план исследования. Затем студенты проводят независимое исследование, используя различные источники информации. Этот этап стимулирует самостоятельность и навыки поиска нужной информации. Следующий этап включает обсуждение результатов исследования в группе. Студенты представляют свои выводы, аргументируют свои решения и взаимодействуют друг с другом под руководством преподавателя или фасилитатора. Этот этап поддерживает развитие коммуникативных навыков, способствует обмену знаниями и формированию коллективного понимания проблемы. Одной из ключевых черт PBL является акцент на активном участии студентов в учебном процессе. Вместо того чтобы просто получать информацию, студенты активно применяют свои знания к решению реальных задач. Этот метод обучения также способствует развитию навыков анализа, критического мышления, творчества и проблемного решения, которые являются важными в психологической практике.

Применение проблемного обучения в области психологии дает студентам возможность не только освоить теоретические аспекты предмета, но и применить их на практике, развивая практические навыки, необходимые для успешной работы в сфере психологии [Бабарина, www].

Нарастает интерес к созданию специализированных курсов и тренингов, направленных на развитие критического мышления в конкретных областях, таких как медиа, наука или бизнес. Это позволяет более точно адаптировать методологию критического мышления к особенностям каждой области знаний. Такие программы включают в себя анализ конкретных сценариев и применение критического мышления к решению задач, связанных с конкретными сферами деятельности. Современные исследования акцентируют внимание на метакогнитивных аспектах, таких как саморегуляция и самооценка, в контексте методологии критического мышления. Это включает в себя изучение процессов, которые лежат в основе способности индивида контролировать и регулировать свои когнитивные процессы. Разработка эффективных стратегий самоуправления мышления становится важной составляющей современной методологии критического мышления.

Заключение

Современные вызовы и вопросы устойчивого развития подчеркивают необходимость использования методологии критического мышления для разработки стратегий и решений. Критическое мышление становится ключевым инструментом для анализа сложных ситуаций,

предвидения возможных последствий и выработки эффективных стратегий. Эти тенденции не только отражают эволюцию методологии критического мышления, но и предоставляют возможности для ее дальнейшего совершенствования. В постоянно меняющемся мире необходимо поддерживать методологию критического мышления в актуальном состоянии, учитывая новые вызовы и требования, которые появляются в современном обществе. Отделение фактов от мнений в условиях информационного шума, адаптация к изменениям в технологической среде, решение сложных глобальных проблем и учет межкультурных различий – все эти вызовы требуют от индивида развития критического мышления. Эффективное критическое мышление становится не только интеллектуальным инструментом, но и ключевым элементом социокультурной компетенции в мировом масштабе. В этом контексте разработка образовательных программ, способствующих развитию критического мышления, а также исследования, направленные на повышение эффективности этого процесса, становятся приоритетными задачами современного общества.

Библиография

1. Бабарина Г.А. Использование методов критического мышления при изучении интегрированного курса «Естествознание». URL: http://ext.spb.ru/2011-03-29_09-03-14/108_custompersonalizationedu/15765_Ispolzovan_e_metodov_kriticheskogo_myshleniya_pri_izuchenii_integrirovannogo_kursa_%Yestestvoznanie%22.html (дата обращения: 06.01.2024). 2
2. Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация: Сборник статей. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 29-30.
3. Климова Т.В. Способы формирования критического мышления студента // Вестник ОГУ. 2012. № 2 (138). С. 78–85.
4. Линдсей Г., Халл К.С., Томпсон Р.Ф. Творческое и критическое мышление. URL: <https://www.psychologyonline.net/articles/doc-73.html> (дата обращения: 15.11.2024).
5. Сорина Г.В. Критическое мышление // Глобалистика. Энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 492-493.
6. Сорина Г.В. Критическое мышление: история и современный статус // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2003. № 6. С. 98-111.
7. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
8. Brunette D. M. Critical thinking // Understanding and evaluating dental research. 3rd ed. Batavia: Quintessence Publishing. – 2020.
9. Facione P.A Critical Thinking: What It is and Why it Counts. The California Academic Press, Millbrae, CA, 1990.
10. Pious S. The psychology of judgment and decision making. New York: McGraw-Hill, 1993.

Current challenges in critical thinking methodology

Aleksei S. Panevin

Lecturer at the Department of regime organization and supervision,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
600020, 67e Bol'shaya Nizhegorodskaya str., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: pan9.kot@yandex.ru

Abstract

The article provides an overview of contemporary challenges facing critical thinking methodology. In the conditions of the information society and the development of digital technologies, when access to information has become incredibly wide, critical thinking has become

an integral tool for analyzing and filtering information. The article analyzes the difficulties associated with separating facts from opinions, growing information noise, and the influence of misinformation. The challenges in the field of education associated with the formation of critical thinking in students, and the prospects for the development of methodology in modern society are also discussed.

For citation

Panevin A.S. (2024) Aktual'nye vyzovy metodologii kriticheskogo myshleniya [Current challenges in critical thinking methodology]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 51-57. DOI: 10.34670/AR.2024.93.74.016

Keywords

Critical thinking, methodology, information society, disinformation, information noise.

References

1. Babarina G.A. *Ispol'zovanie metodov kriticheskogo myshleniya pri izuchenii integrirovannogo kursa «Estestvoznaniye»* [Using critical thinking methods in studying the integrated course “Natural Science”]. Available at: http://ext.spb.ru/2011-03-29_09-03-14/108_custompersonalizationedu/15765_Ispolzovan_e_metodov_kriticheskogo_myshleniya_pri_izuchenii_integrirovannogo_kursa_%20Estestvoznaniye%22.html [Accessed 06/01/2024].
2. Brunette, D. M. (2020). *Critical thinking. Understanding and evaluating dental research*. 3rd ed. Batavia: Quintessence Publishing.
3. Bryushinkin V.N. (2003) *Kriticheskoe myshlenie i argumentatsiya* [Critical thinking and argumentation]. *Kriticheskoe myshlenie, logika, argumentatsiya: Sbornik statei* [Critical thinking, logic, argumentation: Collection of articles]. Kaliningrad: Izd-vo Kaliningrad State University, pp. 29-30.
4. Facione P.A.(1990) *Critical Thinking: What It is and Why it Counts*. The California Academic Press, Millbrae, CA.
5. Halpern D. (2000) *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya* [Psychology of critical thinking]. Saint Petersburg: Piter Publ.
6. Klimova T.V. (2012) *Sposoby formirovaniya kriticheskogo myshleniya studenta* [Ways to form a student's critical thinking]. *Vestnik OGU*, 2 (138), pp. 78–85.
7. Lindsei G., Khall K.S., Tompson R.F. *Tvorcheskoe i kriticheskoe myshlenie* [Creative and critical thinking]. Available at: <https://www.psychologyonline.net/articles/doc-73.html> [Accessed 15/01/2024].
8. Pious S. (1993) *The psychology of judgment and decision making*. New York: McGraw-Hill.
9. Sorina G.V. (2003) *Kriticheskoe myshlenie* [Critical thinking]. *Globalistika. Entsiklopediya* [Globalistics. Encyclopedia]. Moscow: Raduga Publ., pp. 492-493.
10. Sorina G.V. (2003) *Kriticheskoe myshlenie: istoriya i sovremenniy status* [Critical thinking: history and modern status]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy], 6, pp. 98-111.

УДК 159.9.07

DOI: 10.34670/AR.2024.58.62.037

Особенности проявления психологических свойств параллельной карьеры

Радзион Наталья Геннадьевна

Аспирант,
Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1;
e-mail: nradzion@inbox.ru

Аннотация

В настоящей статье представлены исследования проявлений психологического содержания параллельной карьеры в разрезе отдельных группировок респондентов. Цель работы заключалась в установлении особенностей выраженности факторов, относительно принадлежности участников к выделенным составам по тому или иному признаку. Объект изучения – проявление психологических свойств параллельной карьеры. Проведенный сравнительный анализ позволил установить межгрупповые различия в отражении внутренней стороны альтернативной занятости по восьми факторам: интерактивность, многофункциональность, выход из зоны комфорта, свобода выбора, вариативность, опыт, проактивность, контроль. Полученные результаты позволяют глубже понять психологическую природу исследуемого вида деятельности и еще более осознанно подходить к процессу формирования субъектности у личности. Знания, полученные в ходе проведенного исследования, позволяют углубиться в психологическое содержание параллельной карьеры. Осознание таких явлений позволяет понимать представленные перед человеком возможности в условиях реализации альтернативной занятости и использовать их для повышения своей субъектности. Именно субъект является творцом собственной жизненной истории. Только он способен выстроить свою деятельность в соответствии с главными несущими смысл целями, не противоречащими общим законам нравственности. Обладая достаточным уровнем опыта, вариативности, интерактивности, многофункциональности и проактивности он готов к выходу из зоны комфорта. Имея точно выстроенную иерархию мотивов, он способен контролировать свои действия, принимать решения, его не пугает свобода выбора и этим он преобладает над теми, кто растворяется в интересах общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Радзион Н.Г. Особенности проявления психологических свойств параллельной карьеры // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 58-65. DOI: 10.34670/AR.2024.58.62.037

Ключевые слова

Субъектность, параллельная карьера, деятельность, психологические свойства, личность.

Введение

На текущем этапе развития рынка труда можно наблюдать динамичную трансформацию форматов занятости. Увеличивается количество предложений проектных заданий, удаленной работы, а также с гибким графиком. Работодатели готовы оформлять сотрудников по договорам гражданско-правового характера или по совместительству. Расширяются возможности проявления активности в социально-значимой деятельности. Доступность участия в реализации национальных проектов позволяет внести вклад в развитие всего общества. Почти на каждом крупном предприятии существуют или создаются волонтерские движения, деятельность которых направлена на улучшение благополучия всего человечества. Все большее количество граждан вовлекаются в подобные формы активности путем совмещения. Особый интерес этого факта в русле психологии является не практическая деятельность как таковая, а ее психологический состав. Имеющиеся современные исследования на предложенную тему крайне недостаточны. В основном, поле знаний представлено изучением трудовой деятельности студентов и пенсионеров. Рассмотрение нестандартных форм занятости, в том числе вторичной, встречается с ракурса экономических, социальных наук и практически отсутствует с точки зрения психологии.

Цель настоящего исследования – выявить особенности проявления психологических свойств параллельной карьеры.

Гипотеза исследования заключается в том, что существуют межгрупповые различия выраженности проявления факторов психологического содержания параллельной карьеры по ряду признаков: гендерной принадлежности, продолжительности вовлеченности в параллельную карьеру, направлениям основной и параллельной карьер; у студентов по принадлежности к курсу обучения.

Для достижения цели исследования и проверки гипотезы были поставлены следующие задачи:

- Провести теоретический анализ научной литературы.
- Эмпирически установить статистически значимые межгрупповые различия по факторам параллельной карьеры.
- Провести интерпретацию полученных результатов.

При математической обработке результатов выраженности факторов параллельной карьеры у респондентов, относящих себя к разным подгруппам, использовался непараметрический метод сравнительного анализа U-критерий Манна-Уитни.

Обзор литературы

Согласно идее С.Л. Рубинштейна «...психическая деятельность есть *отражение* объективной реальности или, иначе, что в результативном выражении, через свои продукты, она переходит в нечто качественно иное, специфическое – математическое, физическое и т.д. знание тех или иных сторон или свойств бытия» [Рубинштейн, 1957, 30]. Обобщенный вывод, представленный великим ученым в своих трудах, по изучению единой деятельности субъекта, заключается в исследовании не только психической деятельности, но в необходимости раскрытия психологического состава поведения человека в ней самой. «Формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности, в поведении и проявляется. Деятельность и сознание – не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое, не

тождество, но единство» [Рубинштейн, 2002, 29]. Таким образом, любое исследование деятельности должно опираться на базовый принцип единства сознания и поведения, внутреннего и внешнего бытия человека. Как известно, такая целостность обеспечивается благодаря процессам интериоризации и экстериоризации. Согласно трактовке Ж. Пиаже интериоризация представляет собой переход, в результате которого внешние по своей форме процессы с внешними же, вещественными предметами преобразуются в процессы, протекающие в умственном плане, в сознании; при этом они подвергаются специфической трансформации – обобщаются, вербализуются, сокращаются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию, переходящему границы возможностей внешней деятельности [Леонтьев, 1975]. В настоящее время наблюдается все более тесное сближение внутренней и внешней деятельности. Привычный физический труд интеллектуализируется, включает в себя выполнение сложных умственных действий также как, и специальная познавательная деятельность наполняется процессами в форме внешних актов. Такое движение действий предполагает существование постоянно происходящих переходов от внешней деятельности к внутренней и наоборот. Множество таких взаимопереходов способствует формированию высших психических функций и образуют важнейшее движение предметной человеческой деятельности в ее историческом и онтогенетическом развитии [Выготский, 2005]. По словам великого ученого Л.С. Выготского, интериоризованные отношения социального порядка составляют основу социальной структуры личности. И чем многообразнее такие отношения и активнее взаимопереходы, тем активнее происходит становление человека как личности и субъекта деятельности. Разнообразие отдельных его деятельностей задает множество связей между ними, которые создают определенную иерархию отношений. «Развитие, умножение видов деятельности индивида приводит не просто к расширению их «каталога». Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главнейших, подчиняющих себе другие» [Леонтьев, 1975, 70]. И этот сложный процесс неотделим от развития сознания и самосознания. Целостность субъекта, прежде всего, характеризуется единством и интегральностью его деятельностей и вообще всех видов его активности [Брушинский, 2003].

В соответствии с принятым А.Н. Леонтьевым определением деятельности, как процесса, побуждаемого и направляемого мотивом, за соотношением деятельностей открывается соотношение мотивов. Чем больше расширяются связи субъекта с миром, тем больше они перекрещиваются между собой и каждое действие человека требует от него ориентировки в системе этих связей. Только в условиях иерархического подчинения и переподчинения мотивов возможно особое внутреннее движение сознания «по вертикали», в котором возникает также и переоценка прежних мотивов, и формирование новых. И в этом акте происходит расширение действительности не только в направлении прошлого, но и в направлении будущего. На любом этапе жизни человека присутствует иерархия мотивов, которые могут быть более или менее крупными, разьединенными между собой или входящими в единую мотивационную сферу. При их несогласованности создается облик человека, живущего отрывочно – то одном «поле», то в другом. И, наоборот, при высокой внутренней степени иерархизации побуждений человек как бы примеряет все свои действия к главному мотиву-цели и тогда становится понятно какие из них противоречат намеченному плану, какие прямо отвечают ему и те, которые уводят в сторону от него.

Но это не означает служение единственно избранному замыслу, мотивационная сфера личности всегда является многовершинной и включает в себя устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий. А.Н. Леонтьев выделяет три

основных параметра личности: широту связей человека с миром, степень их иерархизированности и их общую структуру [Леонтьев, 1975]. Таким образом, можно утверждать, что увеличение числа активностей в жизни человека способствует осознанию и выделению системы ведущих смыслообразующих деятельностей, определяющих направленность личности и приближающих ее к собственной субъектности.

Проведенное ранее исследование позволило установить психологическое содержание параллельной карьеры как условия самореализации личности. Согласно полученным данным, внутренняя сторона такой деятельности (совместительство) позволяет ощутить следующие переживания: выход из зоны комфорта, проактивность, контроль, многофункциональность, опыт, преобладание, свобода выбора, интерактивность и вариативность [Радзион, 2023]. Перечисленные свойства в своей совокупности нельзя получить при реализации отдельно взятой активности, они проявляются в качестве синергетического эффекта при совместном осуществлении нескольких видов занятости, взаимодействие которых и детерминирует перечисленные факторы. При этом важно понимать существуют ли различия в таких проявлениях внутренней стороны изучаемой деятельности или нет.

Методы и результаты исследования

При математической обработке результатов выраженности факторов параллельной карьеры у респондентов, относящих себя к разным подгруппам (различающимся по полу, продолжительности вовлеченности в параллельную карьеру, направлениям основной и параллельной карьер, принадлежности к курсу обучения) использовался непараметрический метод сравнительного анализа U-критерий Манна-Уитни. В таблице 1 представлены выявленные статистически значимые межгрупповые различия по данным факторам.

Таблица 1 - Статистически значимые межгрупповые различия

1.	<i>По гендерной группировке:</i>		
	Женщины	Интерактивность (>), асимптотическая значимость $p=0,011$	Мужчины
2.	<i>По продолжительности наличия ПК:</i>		
	Занятые ПК менее 5-ти лет	Многофункциональность (>), асимптотическая значимость $p=0,028$	Занятые ПК менее одного года
	Занятые ПК менее 1 года	Выход из зоны комфорта (>), асимптотическая значимость $p=0,003$	Занятые ПК менее 10-ти лет
	Занятые ПК менее 5-ти лет	Выход из зоны комфорта (>), асимптотическая значимость $p=0,007$	Занятые ПК менее 10-ти лет
	Занятые ПК менее 1 года	Свобода выбора (>), асимптотическая значимость $p=0,050$	Занятые ПК более 10-ти лет
	Занятые ПК менее 5-ти лет	Свобода выбора (>), асимптотическая значимость $p=0,045$	Занятые ПК более 10-ти лет
	Занятые ПК менее 10-ти лет	Вариативность (>), асимптотическая значимость $p=0,011$	Занятые ПК более 10-ти лет

3.			
<i>По направлению основной карьеры:</i>			
	С социо-экономическим направлением	Опыт (>), асимптотическая значимость $p=0,049$	С физико-математическим направлением
	С социо-экономическим направлением	Опыт (>), асимптотическая значимость $p=0,021$	С техническим направлением
	С био-медицинским направлением	Опыт (>), асимптотическая значимость $p=0,030$	С физико-математическим направлением
	С био-медицинским направлением	Свобода выбора (>), асимптотическая значимость $p=0,014$	С физико-математическим направлением
	С биомедицинским направлением	Свобода выбора (>), асимптотическая значимость $p=0,004$	С техническим направлением
	С биомедицинским направлением	Свобода выбора (>), асимптотическая значимость $p=0,000$	С социо-экономическим направлением
4.			
<i>По направлению параллельной карьеры:</i>			
	С гуманитарным направлением	Проактивность (>), асимптотическая значимость $p=0,39$	С биомедицинским направлением
	С социо-экономическим направлением	Проактивность (>), асимптотическая значимость $p=0,044$	С биомедицинским направлением
	С техническим направлением	Проактивность (>), асимптотическая значимость $p=0,045$	С биомедицинским направлением
	С гуманитарным направлением	Контроль (>), асимптотическая значимость $p=0,030$	С техническим направлением
5.			
<i>По принадлежности к курсу обучения:</i>			
	Студенты 2 курса	Проактивность (>), асимптотическая значимость $p=0,050$	Студенты 5 курса
	Студенты 5 курса	Свобода выбора (>), асимптотическая значимость $p=0,050$	Студенты 2 курса
	Студенты 5 курса	Свобода выбора (>), асимптотическая значимость $p=0,034$	Студенты 4 курса

Таким образом, были выявлены особенности в проявлениях факторов параллельной карьеры у представителей разных групп.

Обсуждение результатов

Анализируя результаты проведенного исследования необходимо подчеркнуть, что полученные межгрупповые различия не являются исчерпывающими, они лишь доказывают, что проявление внутренней стороны изучаемой деятельности не всегда одинаково. Как видно из таблицы 1, среди мужчин и женщин, реализующих альтернативную карьеру, у представителей

женского пола наиболее высокие значения по фактору «интерактивность», это означает, что в условиях такой занятости женщины более коммуникабельны и готовы к многозадачности. Респонденты, занятые параллельной карьерой более одного года и менее пяти лет отмечают у себя увеличение «многофункциональности», что оправдано обретением дополнительных навыков и расширением поля всестороннего развития. Готовность к выходу из «зоны комфорта» наблюдается у участников исследования, занятых параллельной карьерой менее пяти лет, при этом у тех, кто относится к группе с продолжительностью альтернативной занятости более 10 лет наблюдаются меньшие значения «вариативности» по сравнению с теми, кто занят менее 10-ти лет. Кроме этого, «свобода выбора» присуща также в большей степени респондентам, реализующим параллельную карьеру менее пяти лет, в противовес тем, кто владеет ею более 10-ти лет. Этот факт можно объяснить сформировавшейся системой главных мотивов-целей, среди которых есть четко определенные доминанты действий и человек уже не находится в условиях выбора или вариативности, а выстраивает свою деятельность в соответствии с определенным планом. Респонденты с социо-экономическими и биомедицинскими направлениями основной карьеры извлекают «опыт» посредством своей альтернативной занятости. Кроме этого, представители биомедицинской направленности обретают «свободу выбора» через расширение поля активностей. В то время как, участникам с гуманитарным направлением параллельной карьеры добавляется «проактивность», включающая саморазвитие, активность, уровень адаптации и предпринимательскую жилку, а также фактор «контроль», позволяющий снизить страх потери работы, повысить профессионализм и приблизиться к самореализации. При биомедицинской направленности параллельной карьеры свойство «проактивности» меньше, чем у представителей гуманитарных и социо-экономических направлений. Результаты исследования различий у студентов разных курсов показали, что на пятом курсе параллельная карьера позволяет получить «свободу выбора», что значит большую адаптацию (гибкость) и свободолобие. При этом значения по фактору «проактивность» у студентов второго курса выше по сравнению с пятикурсниками, что можно объяснить увеличением активностей в разных сферах деятельности, необходимостью адаптации при этом, что, несомненно, увеличивает предприимчивость и является важным в условиях продолжающейся учебной деятельности.

Таким образом, благодаря проведенному исследованию из девяти факторов, составляющих психологическое содержание параллельной карьеры, 8 показали различия в выраженности проявлений у представителей, относящихся к отдельным группировкам. Единственный фактор «преобладание», при установлении межгрупповых различий, нигде не был обнаружен. Возможно, это связано с тем, что для всех представителей, реализующих параллельную карьеру характерны в равной степени доля амбициозности, стремления к социальному признанию и конкурентоспособность.

Заключение

Знания, полученные в ходе проведенного исследования, позволяют углубиться в психологическое содержание параллельной карьеры. Осознание таких явлений позволяет понимать представленные перед человеком возможности в условиях реализации альтернативной занятости и использовать их для повышения своей субъектности. Именно субъект является творцом собственной жизненной истории. Только он способен выстроить свою деятельность в соответствии с главными несущими смысл целями, не противоречащими

общим законам нравственности. Обладая достаточным уровнем опыта, вариативности, интерактивности, многофункциональности и проактивности он готов к выходу из зоны комфорта. Имея точно выстроенную иерархию мотивов, он способен контролировать свои действия, принимать решения, его не пугает свобода выбора и этим он преобладает над теми, кто растворяется в интересах общества.

Библиография

1. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М., 2003. 272 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл, Эксмо, 2005. 1136 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
4. Радзюн Н.Г. Психологическое содержание параллельной карьеры как условия самореализации личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 10А. С. 80-86.
5. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. 328 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
7. Roberts V. W., Yoon H. J. Personality psychology // Annual review of psychology. – 2022. – Т. 73. – С. 489-516.
8. Valsiner J. General human psychology. – New York, NY, USA: : Springer, 2021.
9. Adler A. Individual psychology // An introduction to theories of personality. – Psychology Press, 2014. – С. 83-105.
10. Colman A. What is psychology?. – Routledge, 2016.

Features of the manifestation of psychological properties of a parallel career

Natal'ya G. Radzion

Postgraduate,
Irkutsk State University,
664003, 1, Karla Marksa str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: nradzion@inbox.ru

Abstract

This article presents studies of the manifestations of the psychological content of a parallel career in the context of individual groups of respondents. The purpose of the work was to establish the characteristics of the severity of factors regarding the participants' belonging to selected groups according to one or another characteristic. The object of study is the manifestation of the psychological properties of a parallel career. The comparative analysis made it possible to establish intergroup differences in the reflection of the internal side of alternative employment according to eight factors: interactivity, versatility, leaving the comfort zone, freedom of choice, variability, experience, proactivity, control. The results obtained allow us to better understand the psychological nature of the type of activity under study and to approach the process of forming subjectivity in an individual even more consciously. Awareness of such phenomena allows us to understand the opportunities presented to a person in the context of the implementation of alternative employment and use them to increase their subjectivity. It is the subject who is the creator of his own life story. With a sufficient level of experience, variability, interactivity, versatility and proactivity, he is ready to leave his comfort zone. Having a precisely built hierarchy of motives, he is able to control his actions, make decisions, he is not afraid of freedom of choice, and thus he prevails over those who dissolve in the interests of society.

For citation

Radzion N.G. (2024) Osobennosti proyavleniya psikhologicheskikh svoistv paralel'noi kar'ery [Features of the manifestation of psychological properties of a parallel career]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 58-65. DOI: 10.34670/AR.2024.58.62.037

Keywords

Subjectivity, parallel career, activity, psychological properties, personality.

References

1. Brushlinskii A.V. (2003) *Psikhologiya sub"ekta* [Psychology of the subject]. Moscow.
2. Leont'ev A.N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat Publ.
3. Radzion N.G. (2023) Psikhologicheskoe sodержanie paralel'noi kar'ery kak usloviya samorealizatsii lichnosti [Psychological content of parallel career as a condition for self-realization of an individual]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 12 (10A), pp. 80-86.
4. Rubinshtein S.L. (1957) *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. Moscow.
5. Rubinshtein S.L. (2002) *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter Publ.
6. Vygotskii L.S. (2005) *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of human development]. Moscow: Smysl, Eksmo Publ.
7. Roberts, B. W., & Yoon, H. J. (2022). Personality psychology. *Annual review of psychology*, 73, 489-516.
8. Valsiner, J. (2021). *General human psychology*. New York, NY, USA.: Springer.
9. Adler, A. (2014). Individual psychology. In *An introduction to theories of personality* (pp. 83-105). Psychology Press.
10. Colman, A. (2016). *What is psychology?*. Routledge.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.86.65.038

Методологические основания понятия «ресурс личности» в зарубежной и отечественной психологии

Зиман Марина Алексеевна

Аспирант,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: ziman.mal@dvfu.ru

Аннотация

В статье анализируются методологические основания определения понятия «ресурсы личности» в психологии. Автор статьи акцентирует внимание на том, что понятие ресурс личности многогранно и имеет полисемантическое значение. Анализ психологической литературы показал, что нет четкого консенсуса по определению «ресурс личности». Данное понятие в отечественной и зарубежной литературе может рассматриваться как потенциал (К. Кисо, М. Лотце, Б. Беренсен; Гербер; Б.Г. Ананьев Д.Н., Д.А. Леонтьев, В.Н. Косырев и др.), психологический потенциал (Л.С. Выготский), возможности (С.Л. Рубинштейн; Ахбе), характеристики личности (Граве, Кольманн, Виллуцки; Ю.В. Смык и др.), качества и свойства личности (С. Хобфолл; Брандшадтер, Майнигер и Грассер; А.Г. Асмолов, С.А. Хазова и др.) и сильные стороны характер (К. Питерсон, Н. Парк, М. Селигман; С. Нартова-Бочавер и др.), как факторы, которые облегчают преодоление стресса и активизируют ресурсы совладания (Шредер и Шварцер и т.д.) и др. Целью настоящего теоретического исследования является анализ различных понятий «ресурс личности», изучение личных ресурсов с разных точек зрения. В данной статье рассмотрены классификации ресурсов личности отечественных и зарубежных ученых. Ресурсы личности играют важную роль в преодолении трудностей и стресса, в сложных жизненных ситуациях и в условиях неопределенности, участвуют в адаптации человека к окружающей среде; субъект использует ресурсы личности в деятельности. Личностные ресурсы помогают человеку справляться с требованиями работы, способствуют обучению и развитию, а также используются личностью для достижения целей, профессиональных и академических успехов. Ресурсы личности важны для поддержания психологического благополучия и здоровья человека и т.д.

Для цитирования в научных исследованиях

Зиман М.А. Методологические основания понятия «ресурс личности» в зарубежной и отечественной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 66-72. DOI: 10.34670/AR.2024.86.65.038

Ключевые слова

Методология психологии, возможности, личностные ресурсы, психологический потенциал, ресурсы совладания.

Введение

Термин «ресурс» неоднозначен и полисемантичен. В этимологическом смысле слово «ресурс» происходит от латинского слова «возрождаться», «возникать», «приводить в действие», а также обозначает «восстановление состояния, возвышение» (Klemenz).

Во французском языке слово «ресурс» первоначально обозначало «ценные средства и возможности, полезные умственные и физические способности». В XIX веке в немецком языке слово ресурс ассоциировалось с понятием «досуг», «развлечение среднего класса» (Pfeiffer). Происхождение этого слова уже указывает на то, что ресурсы необязательно должны быть видимыми.

С середины 1970-х годов нынешнее значение термина приобретает популярность и внедряется в повседневный язык экономики, политической деятельности и средств массовой информации, означая «сырье», «поддержка», «невозобновляемые источники энергии» и т.д.

В рамках этого нового понимания термин приобретает междисциплинарное значение и внедряется в гуманитарно-социальные науки. Если в экономике термин «ресурс» в основном используется как «материальная польза», то социология дополняет данный термин социально-экологическими характеристиками [Hobfoll, 2011].

Анализ понятия «ресурс личности» в психологии

Психологические исследования все чаще обращаются к изучению влияния ресурсов на людей, на их стрессоустойчивость и благополучие, успешное управление жизненными потребностями, поведением. В условиях быстрых технологических, социально-демографических и глобально-политических изменений у человека возникает естественная потребность в личностных ресурсах. «В конечном счете, все, что ценится и/или переживается как полезное конкретным человеком в конкретной ситуации, может рассматриваться как ресурс (Нестманн)» [Schubert, 2020]. Таким образом, ресурсы в общем смысле – это возможности и благоприятные обстоятельства для того, чтобы справляться с трудностями жизни.

Поскольку понятие «ресурсы личности» в области психологии до сих пор точно не определено, существуют различные интерпретации данной дефиниции. Первоначально в зарубежной литературе ресурсы и их функции обсуждались в первую очередь в связи с вопросами профилактики и консультирования, а также в контексте исследований совладания и стресса.

В зарубежной психологии ресурсы в широком смысле определяются как потенциал, состояния, условия, факторы, объекты, вещи, которые ценят люди (Hobfoll, 1988). Так, Хобфолл считает, что ресурсы – это «те объекты, личные качества, состояния или энергии, которые ценятся индивидом, или средства для достижения этих объектов, личностных качеств, условий или энергий [Hobfoll, 2011, 116]».

Согласно К. Кисо, М. Лотце, Б. Беренсен ресурсы – это потенциал, которые может расширить возможности человека в той или иной ситуации. Они могут быть как заложены в самом человеке, так и привнесены в него окружающей средой. Ресурсы формируют человека, компенсируют недостатки и нарушения развития. Ахбе (1996) описывает ресурсы как возможности, которые люди могут использовать для поддержания и развития своей субъектности и идентичности [Taylor, 2011].

Граве (1998), Кольманну (1997) и Виллуцки (2000) считают, что каждая личностная характеристика, то есть каждое поведение и познание могут быть восприняты как ресурс.

Ученые отмечают, что каждый аспект психической жизни человека может быть понят как ресурс: мотивационная готовность, цели, желания, интересы, убеждения, ценности, вкусы, отношения, знания, образование, навыки, привычки, стили взаимодействия, физические характеристики, такие как, внешний вид, сила, выносливость, финансовые возможности и межличностные отношения.

Совокупность всего этого «представляет собой пространство возможностей человека» [Vötter, 2020], или, другими словами, его позитивный потенциал, доступный ему для удовлетворения своих основных потребностей.

Согласно Брандшпадтеру, Майнигеру и Грассер ресурсы личности – это «характеристики, атрибуты», которые помогают человеку справляться со сложными и критическими ситуациями в жизни; ресурсы способствуют положительному балансу достижений и потерь на протяжении всей жизни.

С другой стороны, Шредер и Шварцер (Schröder & Schwarzer) определяют ресурсы как все те факторы, наличие которых облегчает преодоление стресса. Граве дополняет, что ресурсы вносят существенный вклад в совладание поведением [Taylor, 2011].

Немецкие психологи Ф. Шуберт и А. Кнехт, ссылаясь на работы Антоновского (1997), Беккера (2006), Херригера (2006) и Виллуцки (2008), выделяют личные ресурсы и ресурсы окружающей среды. Личные ресурсы подразделяются на физические (конституция, здоровье, внешняя привлекательность и т.д.), психологические, интерактивные (межличностные ресурсы) и экономические ресурсы (материальные ресурсы). Ресурсы окружающей среды или экологические (социально-эмоциональные ресурсы, социальная приспособляемость, социально-культурные ресурсы) [Schubert, 2020].

Таким образом, личные ресурсы – это ресурсы, которые присущи самому человеку (интеллект, талант, креативность, самомотивация и т.д.). Ресурсы окружающей среды – это ресурсы, которые передаются человеку окружающей средой, внешняя поддержка (поддержка семьи, государства, общества и т.д.) [Уланова, Яковлева, 2023, 137]

С. Хобфолл выделяет объектные ресурсы (они удовлетворяют базовые/ витальные потребности), условные ресурсы (поддерживают межличностные связи), личностные характеристики (личностные черты и способности, профессиональные и социальные навыки, жизненные установки и т.д.) и энергетические ресурсы (деньги, время, знания и т.п.) [Azarko, 2020, 2].

Шредер и Шварцер различают субъективные и объективные ресурсы. Под субъективными ресурсами авторы понимают личное восприятие компетенций, силы сопротивления, блага, время и т.д., т.е. все факторы и аспекты, которые имеются в распоряжении человека и которые, по мнению авторов, могут быть осмысленно использованы в текущей ситуации. Объективными ресурсами считаются ресурсы, которые реально существуют.

В своей концепции Смит и К. Граве дифференцируют личностные ресурсы на «мотивационные» и «потенциальные ресурсы». Мотивационные ресурсы необходимы для удовлетворения базовых потребностей, потенциальные ресурсы – это средства, используемые человеком для достижения целей (Smith & Grawe) [Taylor, 2011].

В отечественной психологии категорию «ресурс» можно найти в трудах таких классических психологов, как Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева и др.

Так, Л.С. Выготский, рассматривая ресурсы в русле культурно-исторического подхода, считал, что ресурсы личности – это психологический потенциал, сформированные психологические структуры, используемые человеком для соответствия требованиям окружающей среды.

С.Л. Рубинштейн в своей фундаментальной работе «Основы общей психологии» определял ресурсы как «внутренние силы и возможности», «возможности и потенции человека». Автор считал, что «эластичные возможности» наследуются, формируются и развиваются в течение всего жизненного пути личности [Криулина, 2009, 58], «в бурях жизни». С.Л. Рубинштейн указывал на универсальную способность человека «выходить за пределы самого себя» [там же, 59], реализовывать свои возможности и потенции.

Развивая идею С.Л. Рубинштейна о ресурсных возможностях человека, Б.Г. Ананьев писал, что комплексное изучение «потенциальных характеристик человека как субъекта деятельности – важнейшая задача всех наук о человеке», «для социального прогнозирования необходимы научные знания о резервах и ресурсах самого человеческого развития, еще крайне недостаточно используемых обществом» [Ананьев, 2001, 45].

Российский психолог А.Г. Асмолов, опираясь на системно-деятельностный подход, приходит к выводу, что ресурсы личности как системные качества, позволяют человеку достигать определенных целей в процессе трудовой деятельности. Личностные ресурсы играют ключевую роль в процессах саморегуляции деятельности и в психологическом благополучии [Шипова, Севастьянова, 2020].

Л.Г. Дикая рассматривает ресурсы личности в рамках профессиональной адаптации и профессиональной идентичности [Иванова, 2018]. По мнению С. Нартовой-Бочавер, ресурсы личности – что сильные стороны характер. С. Нартова-Бочавер, обобщила идеи представителей позитивной психологии (С. Peterson, N. Park, M. Seligman и др.), отмечает, что характер усиливает личностные функции, особенности человека, являясь ресурсной особенностью личности и, тех лучших качеств человека, которые отличают его от других. Сильные стороны характера, его позитивные качества или добродетели (по Петерсону), поддерживают психологическое благополучие личности, профессиональный успех, личную эффективность. Положительные качества характера позволяют человеку приносить пользу обществу, проявлять индивидуальные личностные достоинства [Нартова-Бочавер, 2023, 193].

Мобилизация человеческого ресурса, его потенциала продолжают оставаться актуальными в психологии 21 века. Так, Д.А. Леонтьев считает, что ресурсы личности – это потенциал человека, базовая характеристика личности, играющие важную роль в деятельности; ресурсы личности необходимы для поддержания психологического благополучия человека. В свою очередь Д.А. Леонтьев разделяет психологические (личностные ресурсы) на ресурсы устойчивости (жизнестойкость; ценностно-смысловые ресурсы [Бабицкова, 2022, 134], самооценка, осмысленность, базовые убеждения и т.д.), ресурсы саморегуляции (стратегии саморегуляции, мера субъективного контроля, стратегии взаимодействия со сложностью и неопределенностью, гибкость, толерантность к неопределенности и т.д.) [Леонтьев, 2016, 19], мотивационные ресурсы (помогают регулировать стрессовые ситуации), инструментальные ресурсы (способности, индивидуальные навыки и компетенции [Калашникова, 2012, 219], стереотипные тактики реагирования, механизмы совладания и т.д.)

В.Н. Косырев отмечает, что личностный потенциал – это многокомпонентное психологическое образование; личностный потенциал помогает человеку контролировать и управлять своим поведением, независимо от изменяющихся условий и факторов, поддерживать здоровье и благополучие.

Понятие «ментальный ресурс» исследуется в научной работе С.А. Хазовой. Автор считает, что ментальный ресурс – это субъективный атрибут внутреннего мира человека; ментальный ресурс оказывает влияние на эффективность деятельности [Деева, Лампаров, 2020].

Ю.В. Смык предлагает рассматривать ресурс как интегральную характеристику личности,

определяя ресурс как совокупность личностных качеств, способностей, готовность к достижению личностных целей и результатов, т.е. ресурс – это способности и личностные качества человека, которые помогают ему преодолевать сложные жизненные задачи и ситуации [Смык, 2017].

Заключение

Подводя итог проведенному теоретическому исследованию, можно заключить, что исследование подходов и концепций ресурсов личности оставляет большой простор для интерпретаций данного понятия. Понятие «ресурсы личности» рассматривается как потенциал (К. Кисо, М. Лотце, Б. Беренсен, Гербер; Д.А. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, Д.Н. Завалишина, В.Н. Косырев и др.); психологический потенциал (Л.С. Выготский), возможности (С.Л. Рубинштейн; Ахбе), характеристика личности (Граве, Кольманну, Виллуцки; Ю.В Смык и др.), качества и свойства личности (Хобфолл; Брандшадтер, Майнигеру, Грассер; А.Г. Асмолов и др.) и сильные стороны характер(К. Питерсон, Н. Парк, М. Селигман; С. Нартова-Бочавер и др.), как факторы, которые облегчают преодоление стресса и ресурсы совладания (Шредер и Шварцер и др.) и т.д.

Таким образом, ресурсы личности играют важную роль в преодолении трудностей и стресса, в сложных жизненных ситуациях и в условиях неопределенности, участвуют в адаптации человека к окружающей среде; субъект использует ресурсы личности в деятельности. Личностные ресурсы помогают человеку справляться с требованиями работы, способствуют обучению и развитию, а также используются личностью для достижения целей, профессиональных и академических успехов. Ресурсы личности важны для поддержания психологического благополучия и здоровья человека и т.д.

Библиография

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
2. Бабичкова Е.С. Модель психологических ресурсов устойчивости психических состояний личности в затрудненных условиях жизнедеятельности // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 5 (128). С. 132-143.
3. Барковская Д.В. Личностные ресурсы подростков, занимающихся спортом (к постановке проблемы) // Вестник ПГПУ. Психологические и педагогические науки. 2021. № 1. С. 72-77.
4. Деева Н.А., Лампаров С.С. Личностные метаресурсы и их взаимосвязь с социально одобряемыми саморегулятивными тенденциями у сотрудников органов внутренних дел // Психологические науки. 2020. № 8. С. 278-287.
5. Иванова Т.Ю. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // Организационная психология. 2018. № 1. С. 85-121.
6. Калашникова С.А. Анализ структуры личностных ресурсов в период юношества: возрастно-психологические аспекты // Гуманитарный вектор. 2012. № 1 (29) С. 218-224
7. Криулина А.А. Психология человека в современном мире // Идеи ресурсного подхода в трудах классиков и их реализация в трудах отечественных психологов. 2009. С. 57-64.
8. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18-37.
9. Нартова-Бочавер С.К. Психология личности и индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2023. 432 с.
10. Ситнянская Э.А. Проблема определения компонентов структуры личности в отечественной и зарубежной психологии // Психологические науки. 2023. № 1. С. 181-185.
11. Смык Ю.В. Ресурсный подход в развитии личности // Педагог-психолог в современном образовании: личностный потенциал и его развитие. Иркутск: Аспринт, 2017. С. 12-17.
12. Уланова Н.Н., Яковлева Н.В. Психологические ресурсы профессионального здоровья личности // Психолого-педагогический поиск. 2023. № 2 (66). С. 136-142.
13. Шипова Н.С., Севастьянова У.Ю. Понятие ресурса в психологии: определение и ассоциативные // Педагогика.

- Психология. Социокинетика связи. 2020. № 4. С. 105-110.
14. Azarko E., Abakumova I., Kupriyanov I. Assessment of resource and self-regulation of behavior of students with different sense-forming strategies during the session in remote format behavior // E3S Web of Conferences. 2020. № 210. P. 1-9.
 15. Hobfoll S.E. Conservation of resource caravans and engaged settings // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2011. № 84. P. 116-122.
 16. Schubert F.C. Resources – A Brief Overview of Functions, Theories, and Concepts // Resources in the Welfare State and Social Work. Allocation – Funding – Activation. 2020. P. 15-41.
 17. Taylor S.E. Psychosocial resources: functions, origins and links to mental and physical health. New York: Academic Press, 2011. P. 40.
 18. Vötter B. Crisis of meaning and subjective well-being: The mediating role of resilience and self-control among gifted adults // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10. № 1. P. 15.

Methodological foundations of the concept of “personality resource” in foreign and domestic psychology

Marina A. Ziman

Postgraduate,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: ziman.mal@dvfu.ru

Abstract

The article analyzes the methodological foundations of the definition of the concept of "personal resources" in psychology. The author of the article focuses on the fact that the concept of a personality resource is multifaceted and has a polysemantic meaning. An analysis of the psychological literature has shown that there is no clear consensus on the definition of a "personality resource". This concept in Russian and foreign literature can be considered as a potential, psychological potential, opportunities, personality characteristics, personality qualities and properties and strengths of the character as factors that facilitate overcoming stress and coping resources, etc. The purpose of this theoretical study is the analysis of various concepts of "personal resource", the study of personal resources from different points of view. In this article, classifications of the resources of the personality of domestic and foreign scientists are considered. Personal resources play an important role in overcoming difficulties and stress, in difficult life situations and in conditions of uncertainty, and are involved in a person's adaptation to the environment; the subject uses personal resources in activities. Personal resources help a person cope with the demands of work, contribute to learning and development, and are also used by the individual to achieve goals, professional and academic success. Personal resources are important for maintaining a person's psychological well-being and health, etc.

For citation

Ziman M.A. (2024) Metodologicheskie osnovaniya ponyatiya «resurs lichnosti» v zarubezhnoi i otechestvennoi psikhologii [Methodological foundations of the concept of “personality resource” in foreign and domestic psychology]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 66-72. DOI: 10.34670/AR.2024.86.65.038

Keywords

Methodology of psychology, opportunities, personal resources, psychological potential, coping resources.

References

1. Anan'ev B.G. (2001) *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge]. St. Petersburg: Piter Publ.
2. Azarko E., Abakumova I., Kupriyanov I. (2020) Assessment of resource and self-regulation of behavior of students with different sense-forming strategies during the session in remote format behavior. *E3S Web of Conferences*, 210, pp. 1-9.
3. Babichkova E.S. (2022) Model' psikhologicheskikh resursov ustoichivosti psikhicheskikh sostoyanii lichnosti v zatrudnennykh usloviyakh zhiznedeyatel'nosti [Model of psychological resources for the stability of a person's mental states in difficult living conditions]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 5 (128), pp. 132-143.
4. Barkovskaya D.V. (2021) Lichnostnye resursy podrostkov, zanimayushchikhsya sportom (k postanovke problemy) [Personal resources of teenagers involved in sports (towards the formulation of the problem)]. *Vestnik PGGPU. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki* [Bulletin of PSPU. Psychological and pedagogical sciences], 1, pp. 72-77.
5. Deeva N.A., Lamparov S.S. (2020) Lichnostnye metaresursy i ikh vzaimosvyaz' s sotsial'no odobryaemymi samoregulyativnymi tendentsiyami u sotrudnikov organov vnutrennikh del [Personal meta-resources and their relationship with socially approved self-regulatory tendencies among employees of internal affairs bodies]. *Psikhologicheskie nauki* [Psychological Sciences], 8, pp. 278-287.
6. Hobfoll S.E. (2011) Conservation of resource caravans and engaged settings. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 84, pp. 116-122.
7. Ivanova T.Yu. (2018) Sovremennye problemy izucheniya lichnostnykh resursov v professional'noi deyatel'nosti [Modern problems of studying personal resources in professional activities]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational psychology], 1, pp. 85-121.
8. Kalashnikova S.A. (2012) Analiz struktury lichnostnykh resursov v period yunoshstva: vozrastno-psikhologicheskie aspekty [Analysis of the structure of personal resources during adolescence: age-psychological aspects]. *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian vector], 1 (29), pp. 218-224
9. Kriulina A.A. (2009) Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire [Human psychology in the modern world]. In: *Idei resursnogo podkhoda v trudakh klassikov i ikh realizatsiya v trudakh otechestvennykh psikhologov* [Ideas of the resource approach in the works of classics and their implementation in the works of domestic psychologists].
10. Leont'ev D.A. (2016) Samoregulyatsiya, resursy i lichnostnyi potentsial [Self-regulation, resources and personal potential]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian psychological journal], 62, pp. 18-37.
11. Nartova-Bochaver S.K. (2023) *Psikhologiya lichnosti i individual'nykh razlichii* [Psychology of personality and individual differences]. St. Petersburg: Piter Publ.
12. Schubert F.C. (2020) Resources – A Brief Overview of Functions, Theories, and Concepts. In: *Resources in the Welfare State and Social Work. Allocation – Funding – Activation*.
13. Shipova N.S., Sevast'yanova U.Yu. (2020) Ponyatie resursa v psikhologii: opredelenie i assotsiativnye [The concept of resource in psychology: definition and associative]. *Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika svyazi* [Pedagogy. Psychology. Sociokinetics of communication], 4, pp. 105-110.
14. Sitnyanskaya E.A. (2023) Problema opredeleniya komponentov struktury lichnosti v otechestvennoi i zarubezhnoi psikhologii [The problem of determining the components of personality structure in domestic and foreign psychology]. *Psikhologicheskie nauki* [Psychological Science], 1, pp. 181-185.
15. Smyk Yu.V. (2017) Resursnyi podkhod v razvitiі lichnosti [Resource approach to personality development]. In: *Pedagog-psikholog v sovremennom obrazovanii: lichnostnyi potentsial i ego razvitie* [Teacher-psychologist in modern education: personal potential and its development]. Irkutsk: Asprint Publ.
16. Taylor S.E. (2011) *Psychosocial resources: functions, origins and links to mental and physical health*. New York: Academic Press.
17. Ulanova N.N., Yakovleva N.V. (2023) Psikhologicheskie resursy professional'nogo zdorov'ya lichnosti [Psychological resources of professional personal health]. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk* [Psychological and pedagogical search], 2 (66), pp. 136-142.
18. Vötter B. (2020) Crisis of meaning and subjective well-being: The mediating role of resilience and self-control among gifted adults. *Behavioral Sciences*, 10, 1, p. 15.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.86.62.014

О роли эмоций в динамике стиля автовождения субъекта**Лобанова Юлия Игоревна**

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
190005, Российская Федерация, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская, 4;
e-mail: gretta5@list.ru, margretta25@bk.ru

Аннотация

Статья представляет результаты эмпирического исследования, сфокусированного на стилях вождения, и подходы к их интерпретации, способствующие налаживанию связей между академическим научным знанием и практической работой психологов. Исследованиями стилей вождения занимаются и российские, и зарубежные ученые. Узким местом подхода зарубежных авторов является представление об определенной устойчивости стилей вождения и связей между ними и переживаниями эмоций определенного типа, в то время как у советских и российских исследователей таковым оказывается разделение эмоциональной, когнитивной и поведенческих сфер, ограничивающее изучение роли эмоций в становлении и динамике стилей. Целью эмпирического исследования, результаты которого представлены в статье, было преодоление недостатков обоих подходов: рассмотреть и собственно характеристики стиля вождения, и типичные эмоции, на фоне которых протекает автовождение, в динамике, проанализировав связи между ними с учетом уровня надежности деятельности водителей. С помощью специально разработанных анкет, обращающих респондентов к сохранившимся в памяти образам характеристик стиля вождения и эмоционального фона, исследуются динамика стиля вождения и эмоционального фона с учетом уровня надежности их деятельности. Для обработки данных использовались корреляционный и факторный анализы. Было установлено, что у безаварийных водителей более выраженную динамику имеет сам стиль вождения, а образ эмоционального фона – менее выраженную, но с тенденцией сдвига последнего в сторону нейтрально-положительного; в то время как у водителей аварийных стиль вождения имеет более устойчивый характер, тогда как эмоциональный фон при наличии некоторой динамики сохраняет амбивалентный характер – с сочетанием как положительных (радости, удовольствия), так и отрицательных эмоций (гнева). В заключении статьи приводятся интерпретации результатов эмпирического исследования на основе представлений об эмоциях как мотивах и целях деятельности, а также формулируются практические рекомендации по коррекции стилей вождения на основе данных подходов.

Для цитирования в научных исследованиях

Лобанова Ю.И. О роли эмоций в динамике стиля автовождения субъекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 73-87. DOI: 10.34670/AR.2024.86.62.014

Ключевые слова

Стиль вождения, эмоции, динамика, образ, надежность деятельности, эмоциональная мотивация, цель, амбивалентность, ретроспективная рефлексия, коррекция стиля.

Введение

Методологи науки сходятся во мнении, что психология как наука имеет ряд специфических особенностей. Особую проблему представляет разорванность связей между академическим знанием и практикой [Юревич, 2010]. Российская психология в этом отношении не исключение: ученые, работающие в исследовательских институтах, в большей степени сосредоточены на разработке концепций и в меньшей степени обращаются к решению практических задач, тогда как практикующие психологи нередко далеки от ведения теоретических научных исследований.

Одна из целей данной работы заключается в поиске связей между теоретическим и практическим уровнями психологического знания. Фокус для осуществления данного поиска пока что выбран достаточно узкий: исследование сосредоточено на стилях, а именно стилях автовождения.

Безопасность дорожного движения – важная проблема, над решением которой во всем мире работают как технические специалисты, так и психологи [Рогавичене, Гармонников, 2017], юристы, социологи и о которой нередко говорят политики. Уровень безопасности дорожного движения во многом определяется уровнем надежности деятельности отдельных водителей, а одним из факторов, имеющих значение для надежности их деятельности, целым рядом исследователей называется стиль вождения [Васильченко и др., 2029; Лобанова, 2016; Лобанова, 2023].

Изучением стилей вождения занимаются и российские, и зарубежные ученые [Булыгина, Дубинский, Шпорт, Калинин 2016; Васильченко, 2019; Лобанова, 2016; Лобанова, 2017; Лобанова, 2023; Miller, Taubman-Ben-Ari, 2010; Taubman-Ben-Ari, Yehiel, 2012]. Узким местом работ зарубежных авторов является представление об устойчивости самих стилей и их связей с эмоциями определенного типа. Так, в эмпирических исследованиях Taubman-Ben-Ari О. и Miller G. [Taubman-Ben-Ari, Yehiel, 2012; Miller, Taubman-Ben-Ari, 2010], в которых изучались стили вождения (последние рассматриваются как особенности дорожного поведения водителей), указывается на наличие устойчивых связей между конкретными стилями вождения (агрессивным, безрассудным и безответственным, напряженным, спокойным и терпеливым) и зачастую переживаемыми носителями стилей конкретными эмоциями (гнев, радость, напряженность, спокойствие), на фоне которых данные стили и реализуются [там же]. Стилевой подход (во всяком случае за рубежом) остается ориентированным на изучение детерминации стилей личностными факторами, и, следовательно, стили описываются как набор устойчивых поведенческих характеристик.

Преимуществом зарубежного подхода является включение в анализ стилей, как способствующих успешности (спокойного), так и препятствующих ей (агрессивным, безрассудным). Стиль, ассоциированный с высоким уровнем аварийности, по своей сути негармоничен, иными словами, это псевдостиль, существование которого не вполне укладывается в традиционные представления о стилях деятельности в советской психологии и пока не очень активно анализируется [Толочек, Денисова, 2013; Толочек 2015; Лобанова, 2023], что связано в том числе и с тем, что тема стиля стала не «модной». Прежние разработки – 1950-

1990-х гг. – устаревают, а новых пока явно недостаточно.

Устойчивость связей между стилями и эмоциями в процессе автовождения, выявленная зарубежными авторами, представляется дискуссионной при анализе стилей с методологической точки зрения, отстаиваемой в последние годы российскими исследователями, в рамках которой обосновывается необходимость анализа стилей как динамических систем (обладающих как устойчивостью, так и определенной вариативностью) [Толочек, 2015].

В то же время определенным ограничением подхода к исследованиям стилей, проводимых российскими учеными, является разделение когнитивной и эмоциональной сфер, изучение их автономно друг от друга [Рубинштейн, 1989]. Исключениями являются сферы психологии творчества и рефлексивной психологии, где мышление и эмоции рассматриваются в тесной взаимосвязи и где эмоциям придается достаточное значение [Семенов, 2011; Семенов 2013; Степанов, 2006; Лобанова, 2023]. Поэтому ключевой момент, который мог быть позволить продвинуться в изучении стилей в целом (и стилей автовождения в частности) российским исследователям, заключается в более активном изучении роли эмоций в формировании стилей деятельности.

Так, в модели стиля деятельности, предложенной В.А. Толочком, фигурируют идеальные регуляторы, операциональные структуры и предпочитаемые субъективно удобные условия деятельности. Субъективно удобными условиями исследователь понимает «сплав осознанного и неосознанного, особое внимание уделяя эмоциональной памяти субъекта, в которой отражаются "зоны комфорта", эмоциональные оценки успешности, благодаря которым и обеспечивается во многом адаптация субъекта к деятельности» [Толочек, 2015, 278-279].

В эмпирических исследованиях, направленных на изучение характеристик стиля вождения (с учетом социально-демографических и социально-профессиональных характеристик групп, к которым водители принадлежали), было зафиксировано наличие определенной динамики *характеристик стиля* [Лобанова, 2016, 2023]. Использование метода поперечных срезов и сравнительного анализа позволило заметить различия характеристик стиля вождения группы молодых водителей и водителей среднего возраста, водителей мужского и женского пола, профессиональных водителей и водителей-любителей. В частности, были зафиксированы различия по шкале «безопасность – риск» (молодые водители более беспечно относились к соблюдению правил дорожного движения), по шкале «планирование – импульсивность» (молодые демонстрировали большую импульсивность), по шкале «уверенность при парковке» (молодые демонстрировали более высокий уровень) [Лобанова, 2023]. В других исследованиях автора были зафиксированы связи между высоким уровнем надежности деятельности (сохраняющимся на протяжении времени) – безаварийностью и переживанием таких эмоций, как спокойствие и удовольствие. Аварийным же водителям чаще было свойственно переживать некий «микст» эмоций (сочетание эмоций разного знака) и гнев [Лобанова, 2017; Лобанова, 2023].

Детальных исследований того, какие именно эмоции (какой набор, в каком сочетании), в какие моменты времени, при каких условиях и каким именно образом отражаются в отборе и закреплении способов и средств деятельности (при формировании стиля деятельности), а также на их замене, выбраковке (при динамике, трансформации стиля деятельности), на данный момент явно недостаточно. Данная статья призвана изменить ситуацию.

Цели эмпирического исследования:

- исследовать динамику характеристик стиля вождения (с учетом уровня надежности деятельности водителей);

- исследовать динамику эмоций, возникающих у водителей в разные годы стажа в процессе автовождения (с учетом уровня надежности деятельности);
- проанализировать связи между динамикой характеристик стиля вождения, эмоциями и динамикой надежности деятельности.

Методы исследования

В новом исследовании респонденты сами (после предварительного инструктирования) выступали экспертами в отношении собственного стиля вождения, оценивая выраженность у себя отдельных характеристик (безопасность – риск, планирование – импульсивность, отношение к средствам безопасности, культура вождения, уверенность при парковке) в разные годы водительского стажа. Иными словами, фокус исследования оказался скорее на исследовании динамики образа стиля вождения (в представлении водителей). Это же касается и исследования эмоций: респонденты самостоятельно оценивали частоту переживания эмоций в процессе автовождения. Перечень эмоций был составлен, исходя из анализа работ зарубежных и отечественных авторов, занимающихся исследованием взаимосвязей между эмоциями и стилями вождения [Taubman-Ben-Ari, Yehiel, 2012; Miller, Taubman-Ben-Ari, 2010; Лобанова, 2016, Лобанова 2017]. В список эмоций вошли страх, гнев, радость, тревога, спокойствие, удовольствие.

Для проведения исследования использовались разработанные автором анкеты, с помощью которых на основе ретроспективной рефлексии респонденты по девятибалльной шкале (от 1 балла до 9) оценивали характеристики стиля вождения в разные годы стажа (безопасность – риск, планирование – импульсивность, отношение к средствам безопасности, культура вождения, уверенность при парковке), а также частоту проявления в процессе автовождения таких эмоций, как радость, гнев, удовольствие, страх, тревога (также по девятибалльной шкале). Возможность использовать самооценки как самостоятельные эмпирические данные была ранее показана в работе В.А. Толочка и В.Г. Денисовой [Толочек, Денисова, 2013].

Для водителей с большим стажем оценивались характеристики стиля и эмоции в такие отрезки временных интервалов, как 1 год, 2-3 года, 4-5 лет, 6-10 лет, более 10 лет.

Анкета «Динамика характеристик стиля вождения» проверялась на надежность ретестовым методом [Наследов, 2005]. Группе из 20 респондентов (в нее вошли водители со стажем от 10 лет и выше) было предложено пройти опрос в середине января 2023 года, а затем повторно – в конце апреля того же года (через 3 месяца). При проверке анкеты «Динамика характеристики стиля вождения» на надежность 4 шкалы из 5 проверку прошли – сила корреляций составляла от 0,7 до 0,95). Одна шкала анкеты – отношение к средствам безопасности – проверку прошла только частично (в разные годы оценки имели разную степень связанности, самое низкое значение – 0,53).

Анкета «Динамика частоты переживания отдельных эмоций в процессе автовождения» предъявлялась группе респондентов также дважды с интервалом в 3 месяца. Сила корреляционных связей между оценками, данными частоте переживания отдельных эмоций в разные годы находится в интервале от 0,7 до 0,99 (для таких эмоций, как гнев и удовольствие, – в интервале от 0,89 до 0,99).

В процессе эмпирического исследования проверялись следующие гипотезы:

- образ стиля вождения субъекта динамичен, при этом динамика отдельных характеристик стиля может иметь определенную специфику;
- специфика динамики стиля вождения у субъектов с разным уровнем надежности

деятельности связана со спецификой динамики образа эмоционального фона, на котором реализуется деятельность.

Под образом эмоционального фона подразумевается устойчивый след в памяти субъекта, поддающийся рефлексии, вербализации и оценке (со стороны субъекта), на фоне которого осуществляется деятельность, проявляется определенный стиль деятельности. Одной из важнейших задач данного исследования является изучение роли эмоционального фона в становлении и динамике стиля.

Выборка исследования

В исследовании принимали участие 113 водителей со стажем более трех лет, из них 57 водителей – с высоким уровнем надежности, 56 – с низким.

Уровень надежности деятельности определялся с помощью экспертных оценок. Эксперты выставляли баллы водителям с учетом следующих данных: отнесенность к группе профессиональных водителей или водителей-любителей; стаж вождения, наличие в опыте ДТП, их количества и типа (по своей вине, обоюдной или чужой).

Подразумевалось, что аварийность водителя связана с более низким уровнем надежности деятельности, при котором случается большее количество ошибок при выполнении предписанных функций [Никифоров, 1996], что и приводит к попаданию в предаварийные и аварийные ситуации.

Для математической обработки данных использовался корреляционный анализ (метод Спирмана). Анализировалась динамика корреляционных связей во времени – изменение интенсивности корреляций и уровня их значимости. В частности, были выявлены и проанализированы корреляционные связи между оценками, данными респондентами отдельным характеристикам стиля вождения в разные годы стажа, с оценками тех же характеристик в первый год стажа. Таким же образом анализировались корреляционные связи между оценкой частоты проявления отдельных эмоций (в первый год и в другие периоды водительской биографии). Данные водителей из групп с высоким и низким уровнями надежности деятельности (имеющих и не имеющих аварий по собственной вине в опыте) анализировались отдельно.

Результаты эмпирического исследования

В исследовании были получены следующие результаты (табл. 1-2).

Большой стаж. Аварийщики. Динамика стиля вождения (СВ). Корреляционный анализ.

Таблица 1 - Корреляции между оценками отдельных характеристика стиля вождения в первый год стажа и в последующие периоды

Безопасность – риск в разные годы стажа вождения	1 год	2-3 года	4-5 года	6-10 года	Более 10 лет
Коэффициент корреляции	1,000	0,814**	0,606**	0,476**	0,373**
Уровень значимости		0,000	0,000	0,000	0,005
Планирование –импульсивность в разные годы стажа вождения	год	2-3 года	4-5 года	6-10 года	Более 10 лет
Коэффициент корреляции	1,000	0,803**	0,559**	0,414**	0,176
Уровень значимости		0,000	0,000	0,002	0,193

Отношение к средствам безопасности в разные годы стажа вождения	1 год	2-3 года	4-5 года	6-10 года	Более 10 лет
Коэффициент корреляции	1,000	0,885**	0,825**	0,718**	0,467**
Уровень значимости		0,000	0,000	0,000	0,000
Культура вождения в разные годы стажа вождения	1 год	2-3 года	4-5 года	6-10 года	Более 10 лет
Коэффициент корреляции	1,000	0,777**	0,672**	0,508**	0,459**
Уровень значимости		0,000	0,000	0,000	0,000
Уверенность при парковке в разные годы стажа вождения	1 год	2-3 года	4-5 года	6-10 года	Более 10 лет
Коэффициент корреляции	1,000	0,878**	0,636**	0,461**	0,317*
Уровень значимости		0,000	0,000	0,000	0,017

Корреляционный анализ (данные представлены в таблице 1) указывает на то, что динамика характеристик стиля (на уровне образа) существует, однако она достаточно мягкая: связи между четырьмя характеристиками из пяти в разные годы сохраняются, при этом их интенсивность несколько снижается (от сильных до средне-сильных и средне-слабой). Наибольшую динамику имеют оценки такой характеристики, как «Планирование – импульсивность»: интенсивность связи между оценками быстро снижается и вовсе пропадает (становится незначимой).

Большой стаж. Безаварийные. Динамика СВ. Корреляционный анализ.

Таблица 2 - Корреляции между оценками отдельных характеристик стиля вождения в первый год стажа и в остальные периоды

Безопасность – риск в разные годы стажа	1 год	2-3 года	4-5 года	6-10 лет	Более 10 лет
Коэффициент корреляции	1,000	0,831**	0,480**	0,143	0,110
Уровень значимости		0,000	0,000	0,289	0,415
Планирование импульсивность в разные годы стажа	1 год	2-3 года	4-5 года	6-10 лет	Более 10 лет
Коэффициент корреляции	1,000	0,846**	0,468**	0,353**	0,097
Уровень значимости		0,000	0,000	0,007	0,474
Отношение к средствам безопасности в разные годы стажа	1 год	2-3 года	4-5 года	6-10 лет	Более 10 лет
Коэффициент корреляции	1,000	0,906**	0,743**	0,578**	0,435**
Уровень значимости		0,000	0,000	0,000	0,001
Культура вождения в разные годы стажа вождения	1 год	2-3 года	4-5 года	6-10 лет	Более 10 лет
Коэффициент корреляции	1,000	0,750**	0,523**	0,331*	0,179
Уровень значимости		0,000	0,000	0,012	0,183
Уверенность при парковке в разные годы стажа вождения	1 год	2-3 года	4-5 года	6-10 лет	Более 10 лет
Коэффициент корреляции	1,000	0,860**	0,584**	0,384**	0,163
Уровень значимости		0,000	0,000	0,003	0,226

Опираясь на полученные данные, можно говорить о фиксации более выраженной динамики образа стиля вождения (о динамике характеристик стиля) у водителей с высоким уровнем надежности деятельности (см. табл. 2): в начале водительского стажа оценки разных лет (например, первого и второго-третьего годов) очень тесно связаны друг с другом, со временем связи становятся настолько слабыми, что теряют значимость (от 0,846 до 0,097 – для

планирования, от 0,860 до 0,163 – для уверенности при парковке). В случае с надежными водителями отмечается выраженная динамика четырех характеристик из пяти. Наиболее устойчивой оказалась характеристика «Отношение к средствам безопасности»: связи между оценками снижаются по интенсивности, но остаются значимыми.

Наличие динамики характеристик стиля как у водителей с высоким уровнем надежности деятельности, так с низким подтверждена. Однако у водителей из разных групп есть особенности специфики этой динамики: у аварийщиков динамика менее выражена, у надежных – более.

Далее был проведен факторный анализ частоты переживания отдельных эмоций как составляющих образа эмоционального фона водителями с разным уровнем надежности деятельности – в начале и в конце наблюдаемого стажа вождения. Результаты представлены в таблицах 3-6.

При проведении факторного анализа использовался метод главных компонент, извлекался только один фактор (мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО) выше 0,6), то есть полученные результаты можно расценивать скорее как фиксацию определенных тенденций [Наследов, 2005]. Коэффициенты с низкими значениями (ниже 0,3) не выводились.

Таблица 3 - Образ эмоционального фона водителей с низким уровнем надежности деятельности. Первый год автовождения

Матрица компонент

	Компонент 1
радость1	0,762
гнев1	-0,494
тревога1	-0,566
спокойствие1	0,525
удовольствие1	0,801

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Таблица 4 - Образ эмоционального фона водителей с низким уровнем надежности деятельности. Стаж вождения – более 10 лет

Матрица компонент

	Компонент 1
радость15	0,596
гнев 15	-0,608
тревога 15	-0,689
спокойствие15	0,712
удовольствие15	0,676

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Из анализа данных таблиц 3 и 4 можно сделать вывод, что в образе эмоционального фона аварийных водителей как в начале наблюдаемого стажа, так и конце присутствуют эмоции разного знака (как положительные, так и отрицательные), то есть образ устойчиво носит амбивалентный характер.

В таблицах 5 и 6 представлены результаты факторного анализа образа эмоционального фона в начале и в конце изучаемого стажа вождения. Анализировались данные, полученные в группе водителей с высоким уровнем надежности деятельности.

Таблица 5 - Образ эмоционального фона водителей с высоким уровнем надежности деятельности. Первый год автовождения

Матрица компонентов

	Компонент 1
радость1	0,597
тревога1	-0,525
спокойствие1	0,695
удовольствие1	0,810

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

В начале стажа образ эмоционального фона безаварийных водителей носит многогранный характер (в образе присутствуют как положительные, так и отрицательные эмоции, незначительный вес имеет только частота переживания такой эмоции, как гнев).

Таблица 6 - Образ эмоционального фона водителей с высоким уровнем надежности деятельности. Стаж автовождения – более 10 лет

Матрица компонентов

	Компонент
радость15	0,853
спокойствие15	0,415
удовольствие15	0,867

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

В конце стажа образ эмоционального фона у водителей с высоким уровнем надежности деятельности носит уже более моногенный характер: в образе преобладают положительные или нейтральные по знаку эмоции (спокойствие, радость и удовольствие).

Можно сделать предварительные выводы о том, что группы водителей с разным уровнем надежности деятельности отличаются друг от друга по особенностям динамики стиля вождения и частоте переживания отдельных эмоций, а именно: надежных (безаварийных) динамика характеристик стиля высокая, а образ эмоционального фона демонстрирует динамику в сторону нейтрально-положительного; у водителей с низким уровнем надежности (аварийных) динамика стиля вождения низкая, а эмоциональный фон (на уровне фиксируемого образа) носит амбивалентный характер: в нем устойчиво сочетаются положительные и отрицательные эмоции.

Таким образом, можно говорить о том, что поставленные в исследовании гипотезы были подтверждены:

1) образ стиля вождения субъекта динамичен, при этом динамика отдельных характеристик стиля имеет специфику (есть более и менее устойчивые характеристики);

2) специфика динамики стиля вождения у субъектов с разным уровнем надежности деятельности связана со спецификой динамики образа эмоционального фона, на котором разворачивается деятельность.

Обсуждение результатов

В исследовании изучалась динамика характеристик стиля вождения в течение доступного для самонаблюдения субъекту стажа водительской деятельности.

Психофизиологические функции субъекта меняются с возрастом, что достаточно

исследовано и подробно описано в исследованиях целой плеяды авторов, работающих в плоскости возрастной и дифференциальной психологии. Само наличие знаний о существовании возрастных изменений не гарантирует субъекту фиксации этих изменений в работе собственной психики. В силу индивидуально-психологических различий субъекты в разной степени склонны рефлексировать эти изменения, соответственно, менять или не менять привычные, устоявшиеся подходы и способы осуществления деятельности (стили), адаптируясь и не адаптируясь к изменившейся работе собственной психики. В такой деятельности, как автовождение, это может приводить к возникновению и последующему повторению аварий в опыте, в других сферах будет иметь негативное отражение в деятельности в соответствии с их спецификой.

В исследовании зафиксирована субъективная динамика – отражение того, как меняются характеристики стиля вождения и эмоциональный фон деятельности в представлении самих субъектов, демонстрирующих объективно разный уровень надежности деятельности.

Стиль деятельности в настоящий момент не является образовательной целью, не включен, например, в перечень компетенций, которыми должен овладеть обучаемый. Становление стиля может носить как осознанный, так и не вполне осознанный характер (с чем зачастую согласны разные исследователи). Следовательно, субъект, занимаясь реальной деятельностью, зачастую во внутреннем плане имеет дело только с субъективным отражением используемого им стиля деятельности. Соответственно, именно субъективное отражение субъектом используемых методов и средств (результатов предметной рефлексии) и лежит в основе как формирования, так и динамики стиля деятельности.

И до тех пор, пока стили деятельности не являются образовательными целями, обеспечение надежности деятельности оказывается завязанным на возможности рефлексии субъекта и расширение методов, способствующих ее развитию. Наиболее эффективными в этом отношении являются методы, используемые в коучинге, как раз ориентированные на повышение успешности клиента за счет анализа его опыта (в том числе с опорой на рефлексия).

Таким образом, настоящее исследование, обращаясь к изучению происходящего во внутреннем плане деятельности, выступает в определенном смысле мостом между академическими (классическими) научными исследованиями и практической работой с клиентами в рамках психологического консультирования и коучинга.

Большой интерес как для объяснения полученных результатов исследования, так и для проектирования практической работы с реальными водителями представляет идея наличия у субъекта особого типа мотивации – эмоциональной [Пырьев, 2012] наравне с потребностной [Симонов, 1987], исходя из которой собственно переживание определенных эмоций становится детерминантой деятельности или поведения (в отличие от традиционного представления, что эмоция есть только реакция, представляющая собой отношение к актуальной ситуации в зависимости от удовлетворения или неудовлетворения потребности).

Можно предложить как минимум две интерпретации для объяснения роли эмоций в динамике стиля вождения: традиционную и оригинальную. В первом случае эмоции рассматриваются как отношение к результатам деятельности, детерминированной определенными потребностями субъекта, достигаемое с помощью актуального стиля вождения; во втором допускается существование эмоциональной мотивации [Пырьев, 2012], актуализирующей определенные характеристики стиля, и даже рассмотрение эмоций как основной цели поведения или деятельности.

Дадим интерпретацию полученных результатов из обоих подходов.

Водители из группы с высоким уровнем надежности деятельности фиксируются на

переживании положительных эмоций при достижении целей деятельности с помощью определенных способов и средств деятельности, в дальнейшем обращаются к ним в процессе автовождения. Если достичь целей деятельности не удастся, потребности не удовлетворяются, возникают отрицательные эмоции, а используемые способы осуществления деятельности субъект пытается заменить на более эффективные.

Но те же результаты можно объяснить и противоположным образом – стремлением водителей из группы с высоким уровнем надежности деятельности за счет изменения характеристик стиля добиться устойчивого переживания определенных эмоций, скорее положительных, прежде всего удовольствия. При этом важно помнить, что удовольствие как эмоция может возникать не только в процессе автовождения.

Относительно водителей с низким уровнем надежности деятельности можно также предложить две интерпретации:

- 1) «Аварийщики» (водители с низким уровнем надежности деятельности) как будто проявляют слабую чувствительность (индифферентность) по отношению к негативным эмоциям, недооценивают их сигнальную функцию, поэтому не стремятся к активному изменению способов и средств осуществления деятельности (даже при очевидных негативных результатах, то есть при высоком уровне аварийности). Иными словами, если исходить из модели стиля деятельности В.А. Толочка, то у этой группы водителей и становление, и динамика стиля происходит вопреки ожидаемому от субъекта стремлению к повторению ситуаций комфорта в деятельности на основе эмоциональной памяти. Однако следует помнить, что стиль, при котором деятельность оказывается неуспешной (а с точки зрения социума аварийность – очевидно нежелательный результат) в советско-российской психологии вплоть до последнего времени считался псевдостилем, тогда как модель исследователя предназначалась для объяснения формирования стиля гармоничного.
- 2) Аварийщики (судя по результатам исследования) тяготеют к переживанию амбивалентных эмоций, а именно некой смеси удовольствия и гнева – они наиболее устойчивы в их образе эмоционального фона деятельности. Что же касается характеристик стиля вождения (сохраняющих у данной группы водителей выраженную устойчивость на протяжении водительской биографии), то они, возможно, являются неким инструментом, ресурсом для достижения желательных переживаний (в том числе и как неких не вполне осознаваемых целей).

Такое объяснение позволяет подойти к пониманию, почему способы и средства, способствующие аварийности, сохраняют устойчивость: они имеют значение для водителя как для личности. Так, например, разные психотерапевтические концепции указывают на то, что фактически (прежде всего бессознательно) человек может стремиться к переживанию негативных эмоций, – иначе понять реализацию соответствующих жизненных стилей [Адлер, 2022] или проигрывание человеком в жизни определенных сценариев и игр [Берн, 2023] довольно затруднительно.

Представляется, что при опоре на эмоциональную теорию мотивации [Пырьев, 2012] открываются более широкие возможности для работы с водителями с опасными и небезопасными стилями вождения и более низким уровнем надежности деятельности соответственно.

Пырьев ссылается в обосновании эмоциональной мотивации на работы В.К. Вилюнаса, который допускает существование эмоций, являющихся результатом деятельности человека по

удовлетворению потребностей, а также таких, которые сами инициируют потребности [Пырьев, 2012].

Связь между эмоциями и потребностями можно проиллюстрировать на примере употребления сладостей или алкоголя. Потребность в этих продуктах у человека изначально отсутствует. Причиной (мотивом) употребления является эмоция (испытать радость или избавиться от грусти). И только после многократных употреблений возникает потребность как нужда в этих продуктах.

Перспективным направлением для работы по коррекции стилей представляется и применение системно-эволюционной теории [Гурьев, Малкова, 2017], являющейся новым этапом развития теории функциональных систем П.К. Анохина к интерпретации псевдостилей. Идя дальше размышлений Гурьева и Малковой, отметим, что эмоции могут рассматриваться и как акцептор действия или параметр результата, для достижения которых (осознанно или нет) и применяется конкретный стиль деятельности. Но вероятно, что происходит это прежде всего в тех ситуациях, когда действия имеют не столько биологическую, сколько социальную значимость.

Так, очевидно, что объективная полезность результата коллективной деятельности (коей, по сути, является автовождение), осуществляемой в социокультурной среде, определяется отнюдь не только закрытием потребностей самого субъекта. Более того, пресловутая эмоциональная мотивация самого водителя и тем более фиксация субъекта на эмоции как цели, порождающие и поддерживающие устойчивость опасного или агрессивного стилей вождения, могут входить в конфликт с интересами общества. Следовательно, определение направлений и конкретных мероприятий для коррекции такого рода стилей являются актуальными задачами. Понимание же причины сохранения псевдостилия позволяет найти пути и методы для его коррекции.

Заключение

Эмоции в случае со стилями могут рассматриваться не только как реакции (в традиционном ключе), но и как фундамент эмоциональной мотивации. Наличие у субъекта эмоциональной мотивации подразумевает осуществление активности не только ради достижения некой предметной цели, в обязательном порядке способствующей закрытию некой актуальной потребности, но и ради самих эмоциональных переживаний (ради вполне конкретной эмоции – радости, гнева и т.п.), которые по каким-то причинам являются недостижимыми в других условиях и (или) в других видах деятельности.

То есть деятельность может быть инструментом для такого результата, который субъектом может в должной мере не осознаваться, однако способен выступать акцептором его деятельности или (по меньшей мере) критерием результата для функциональной системы. Рассмотрение эмоции как акцептора деятельности, с одной стороны, позволяет с теоретической точки зрения понять, почему могут оставаться устойчивыми те или другие способы и средства осуществления деятельности (ведущие к социально нежелательным результатам в деятельности), с другой – дает возможности психологу оказывать помощь клиенту в управлении им собственной активностью. Управление может осуществляться за счет оказания психологической помощи в осознании истинных целей деятельности, в поиске других (более социально приемлемых) путей достижения этих целей. Что же касается псевдостилей, то после нахождения новых возможностей для достижения ранее переживаемых при их актуализации эмоций субъект сможет либо корректировать характеристики стиля в социально приемлемом

ключе, тем самым трансформируя псевдостиль в стиль гармоничный, либо отказаться от данной деятельности в принципе.

Таким образом, коррекция опасного стиля вождения (изменение извне набора неких способов и средств деятельности), приносящего сомнительный с точки зрения общества результат, в рамках практической работы психологов должна быть ориентирована на дифференцирование тех эмоций, к которым человек стремится в рамках конкретной деятельности, связанной с этим результатом; поиск социально приемлемых условий для переживания тех эмоций, в которых, как в неких результатах своей деятельности, нуждается субъект. Иными словами, должны найтись пути получения требуемого результата общественно безопасными способами; поиск методов достижения и переживания необходимых субъекту эмоций, не представляющих угрозы для общества.

Вести работу в обозначенных направлениях могут коучи, психологи-консультанты или транспортные психологи.

Однако как для практиков, так и для теоретиков интерес представляет исследование и описание психологических механизмов стремления личности к переживанию негативных эмоций, особенно сопряженных с опасными и небезопасными действиями. Работа по трансформации самого стремления к переживанию субъектом негативных эмоций (особенно в условиях коллективной деятельности, тем более совместно-последовательной или совместно-взаимосвязанной) может требовать подключения психотерапевта.

Библиография

1. Адлер А. Индивидуальная психология. СПб.: Мастера психологии, 2022. 256 с.
2. Астрейко Н.С. Личностные факторы стиля вождения автомобиля // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 117-124.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Бомбора, 2023. 320 с.
4. Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Шпорт С.В., Калинин Д.С. Психология высокорискового вождения (обзор зарубежных исследований) // Психология и право. 2016. Т. 6. № 2. С. 72-92. DOI: 10.17759/psylaw.2016060206.
5. Васильченко А.С. и др. Вклад нарушений когнитивной и эмоционально-волевой сферы в увеличение риска опасного вождения психически больных // Психическое здоровье. 2019. № 8. С. 37-42.
6. Гурьев В.С., Малкова Е.Е. Базовые эмоции в свете системно-эволюционной теории // Вестник психотерапии. 2017. № 61 (66) С. 113-130.
7. Лобанова Ю.И. Опросник «Стиль вождения» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 4-1. С. 26-41.
8. Лобанова Ю.И. Особенности стиля вождения «аварийных» и «безаварийных» водителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 87-94.
9. Лобанова Ю.И. Очерки рефлексивной психологии стилей. СПб.: СПбГАСУ, 2023. 283 с.
10. Лобанова Ю.И. Типичные эмоции, стиль вождения и профилактика аварийности водителя Лобанова Ю.И. // Европейский журнал социальных наук. 2017. № 1. С. 396-406.
11. Наследов А.Д. SPSS. Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер, 2005. 416 с.
12. Никифоров Г.С. Надежность профессиональной деятельности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 176 с.
13. Поликарпова М.С. Соотношение понятий «агрессивное» и «опасное» вождение в современной отечественной и зарубежной психологии Поликарпова М.С. // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 1. С. 44-52.
14. Пырьев Е.А. Мотивационные возможности эмоций и потребностей: сравнительный анализ // Вестник ОГУ. 2012. № 9 (145). С. 35-42.
15. Рогавичене Л.И., Гармонников И.С. Влияние стиля вождения на устойчивое развитие транспорта // Бюллетень транспортной информации. 2017. № 3 (261). С. 7-10.
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 147-182.
17. Семёнов И.Н. Методологические проблемы рефлексивной психологии творчества: от изучения креативности к развитию инновационной деятельности. Россия: тенденции и перспективы развития // Ежегодник ИНИОН РАН. 2011. № 6. С. 117-129.

18. Семенов И.Н. Современные исследования психологии рефлексии: от истории и методологии через экспериментатику к практике // Петровский В.А. (ред.) Психология: журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 3-6.
19. Симонов П.В. Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественнонаучные основы психологии. М., 1987.
20. Степанов С.Ю. Психология творчества и рефлексии в современных социальных практиках // Ушаков Д.В. (ред.) Психология творчества: школа Я.А. Пономарева. М.: ИП РАН, 2006.
21. Толочек В.А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2013.
22. Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Институт психологии РАН, 2015. 366 с.
23. Толочек В.А., Денисова В.Г. Динамика профессионального становления в представлениях субъекта: самооценки как самодостаточные эмпирические данные // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 45-58.
24. Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: Институт психологии РАН, 2010. 402 с.
25. Miller G., Taubman-Ben-Ari O. Driving styles among young novice drivers – The contribution of parental driving styles and personal characteristics // Accident Analysis & Prevention. 2010. Vol. 42. P. 558-570.
26. Taubman – Ben-Ari O., Yehiel D. Driving styles and their associations with personality and motivation // Accident Analysis & Prevention. 2012. Vol. 45. P. 416-422.

On the role of emotions in the dynamics of the subject's driving style

Yuliya I. Lobanova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of history and philosophy,
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
190005, 4 2-ya Krasnoarmeiskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: gretta5@list.ru, margretta25@bk.ru

Abstract

The article presents the results of an empirical study focused on driving styles and approaches to their interpretation, which make it possible to establish links between academic scientific knowledge and the practical work of a psychologist. Both Russian and foreign scientists are engaged in research on driving styles. The bottleneck of the approach of foreign authors is the idea of a certain stability of driving styles and the connections between them and the experiences of emotions of a certain type, while Soviet and Russian researchers find this to be the separation of emotional, cognitive and behavioral spheres, limiting the study of the role of emotions in the formation and dynamics of styles. The aim of the empirical study, the results of which are presented in the article, was to overcome the disadvantages of both approaches: to consider the actual characteristics of driving style and typical emotions, against which car driving takes place, in dynamics, analyzing the connections between them, taking into account the level of reliability of drivers. With the help of specially designed questionnaires that draw respondents to the images of driving style characteristics and emotional background preserved in memory, the dynamics of driving style and emotional background are studied, taking into account the level of reliability of their activities. Correlation and factor analyses were used to process the data. It was found that for accident-free drivers, the driving style itself has a more pronounced dynamics, and the image of the emotional background is less pronounced, but with a tendency to shift the latter towards a neutral-positive; while for emergency drivers, the driving style has a more stable character, whereas the emotional background, in the presence of some dynamics, retains an ambivalent character - with a combination of both positive

(joy, pleasure) and negative emotions (anger). In conclusion, the article provides interpretations of the results of an empirical study based on ideas about emotions as motives and goals of activity, and also formulates practical recommendations for correcting driving styles based on these approaches.

For citation

Lobanova Yu.I. (2024) O roli emotsii v dinamike stilya avtovozhdeniya sub"ekta [On the role of emotions in the dynamics of the subject's driving style]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 73-87. DOI: 10.34670/AR.2024.86.62.014

Keywords

Driving style, emotions, dynamics, image, reliability of activity, emotional motivation, goal, ambivalence, retrospective reflection, style correction.

References

1. Adler A. (2022) *Individual'naya psikhologiya* [Individual psychology]. Saint Petersburg: Mastera psikhologii Publ.
2. Astreiko N.S. (2019) Lichnostnye faktory stilya vozhdeniya avtomobilya [Personal factors of driving style]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya* [Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology], 1, pp. 117-124.
3. Bern E. (2023) *Igry, v kotorye igrayut lyudi* [Games that people play]. Bombora.
4. Bulygina V.G., Dubinskii A.A., Shport S.V., Kalinkin D.S. (2016) Psikhologiya vysokoriskovogo vozhdeniya (obzor zarubezhnykh issledovaniy) [Psychology of high-risk driving (review of foreign studies)]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 6 (2), pp. 72-92. DOI: 10.17759/psylaw.2016060206.
5. Gur'ev V.S., Malkova E.E. (2017) Bazovye emotsii v svete sistemno-evolyutsionnoi teorii [Basic emotions in the light of systemic evolutionary theory]. *Vestnik psikhoterapii* [Bulletin of psychotherapy], 61 (66), pp. 113-130.
6. Lobanova Yu.I. (2023) *Ocherki refleksivnoi psikhologii stilei* [Essays on the reflexive psychology of styles]. Saint Petersburg: St Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.
7. Lobanova Yu.I. (2016) Oprosnik «Stil' vozhdeniya» [Questionnaire "Driving style"]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 4-1, pp. 26-41.
8. Lobanova Yu.I. (2016) Osobennosti stilya vozhdeniya «avariinykh» i «bezavariinykh» voditelei [Features of the driving style of "accident-free" and "accident-free" drivers]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology], 9 (3), pp. 87-94.
9. Lobanova Yu.I. (2017) Tipichesnye emotsii, stil' vozhdeniya i profilaktika avariinosti vo ditelya Lobanova Yu.I. [Typical emotions, driving style and driver accident prevention Lobanova Yu.I.]. *Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [European Journal of Social Sciences], 1, pp. 396-406.
10. Miller G., Taubman-Ben-Ari O. (2010) Driving styles among young novice drivers – The contribution of parental driving styles and personal characteristics. *Accident Analysis & Prevention*, 42, pp. 558-570.
11. Nasledov A.D. (2005) SPSS. *Komp'yuternyi analiz dannykh v psikhologii i sotsial'nykh naukakh* [SPSS. Computer data analysis in psychology and social sciences]. Saint Petersburg: Piter Publ.
12. Nikiforov G.S. (1996) *Nadezhnost' professional'noi deyatel'nosti* [Reliability of professional activities]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University.
13. Polikarpova M.S. (2017) Sootnoshenie ponyatii «agressivnoe» i «opasnoe» vozhdenie v sovremennoi otechestvennoi zarubezhnoi psikhologii Polikarpova M.S. [The relationship between the concepts of "aggressive" and "dangerous" driving in modern domestic and foreign psychology Polikarpova M.S.]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 6 (1), pp. 44-52.
14. Pyr'ev E.A. (2012) Motivatsionnye vozmozhnosti emotsii i potrebnosti: sravnitel'nyi analiz [Motivational possibilities of emotions and needs: comparative analysis]. *Vestnik OGU* [Bulletin of Orenburg State Pedagogical University], 9 (145), pp. 35-42.
15. Rogavichene L.I., Garmonnikov I.S. (2017) Vliyanie stilya vozhdeniya na ustoichivoe razvitie transporta [The influence of driving style on sustainable development of transport]. *Byulleten' transportnoi informatsii* [Bulletin of Transport Information], 3 (261), pp. 7-10.
16. Rubinshtein S.L. (1989) *Osnovy obshchei psikhologii. V 2 t. T. 2* [Fundamentals of general psychology. In 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, pp. 147-182.

17. Semenov I.N. (2011) Metodologicheskie problemy reflektivnoi psikhologii tvorchestva: ot izucheniya kreativnosti k razvitiyu innovatsionnoi deyatelnosti. Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Methodological problems of reflexive psychology of creativity: from the study of creativity to the development of innovative activity. Russia: trends and development prospects]. *Ezhegodnik INION RAN* [Yearbook of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences], 6, pp. 117-129.
18. Semenov I.N. (2013) Sovremennye issledovaniya psikhologii refleksii: ot istorii i metodologii cherez eksperimentatiku k praktike [Modern studies of the psychology of reflection: from history and methodology through experimentation to practice]. In: Petrovskii V.A. (ed.) *Psikhologiya: zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology: Journal of the Higher School of Economics], 10 (2), pp. 3-6.
19. Simonov P.V. (1987) *Motivirovannyy mozg. Vysshaya nervnaya deyatelnost' i estestvennonauchnye osnovy psikhologii* [Motivated brain. Higher nervous activity and natural science foundations of psychology]. Moscow.
20. Stepanov S.Yu. (2006) Psikhologiya tvorchestva i refleksii v sovremennykh sotsial'nykh praktikakh [Psychology of creativity and reflection in modern social practices]. In: Ushakov D.V. (rd.) *Psikhologiya tvorchestva: shkola Ya.A. Ponomareva* [Psychology of creativity: school of Ya.A. Ponomareva]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
21. Taubman – Ben-Ari O., Yehiel D. (2012) Driving styles and their associations with personality and motivation. *Accident Analysis & Prevention*, 45, pp. 416-422.
22. Tolochek V.A. (2013) *Problema stilei v psikhologii: istoriko-teoreticheskii analiz* [The problem of styles in psychology: historical and theoretical analysis]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
23. Tolochek V.A. (2015) *Stili deyatelnosti: resursnyi podkhod* [Activity styles: resource approach]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
24. Tolochek V.A., Denisova V.G. (2013) Dinamika professional'nogo stanovleniya v predstavleniyakh sub"ekta: samootsenki kak samodostatochnye empiricheskie dannye [Dynamics of professional development in the subject's views: self-assessments as self-sufficient empirical data]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 34 (6), pp. 45-58.
25. Vasil'chenko A.S. i dr. (2019) Vklad narushenii kognitivnoi i emotsional'no-volevoi sfery v uvelichenie riska opasnogo vozhdeniya psikhicheskii bol'nykh [The contribution of impairments in the cognitive and emotional-volitional spheres to the increase in the risk of dangerous driving for mentally ill patients]. *Psikhicheskoe zdorov'e* [Mental Health], 8, pp. 37-42.
26. Yurevich A.V. (2010) *Metodologiya i sotsiologiya psikhologii* [Methodology and sociology of psychology]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

УДК 159.96

DOI: 10.34670/AR.2024.45.16.018

Социальный феномен предательства: психолого-политические аспекты личности предателя

Ложкарев Александр Игоревич

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и гуманитарных наук,
Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России,
620062, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 22;
e-mail: lozhkarev952@mail.ru

Савич Игорь Иванович

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры философии и гуманитарных наук,
Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России,
620062, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 22;
e-mail: igor_savich66@mail.ru

Аннотация

В статье проведен обзор религиозных, нормативно-правовых, исторических и других научных источников по заявленной проблематике, проанализированы различные аспекты социального феномена «предательство». Демонстрируются значительные совпадения понятийных и образных признаков данного феномена в прошлом и настоящем. Анализируются результаты отечественных и зарубежных исследований, позволяющих найти ответ относительно причин, позволяющих человеку совершить предательство и находить оправдание за содеянное. Множественные смыслы и образные выражения социального феномена «предательство» рассматриваются на примерах Второй мировой войны и событий, происходящих в современной России. Делается вывод, что социальный феномен «предательство» является сложным социально нежелательным решением, сознательно принятым человеком в нарушение данной ранее клятвы, присяги или другого обязательства, отказ от которого провоцирует его на действия, связанные с необходимостью служить врагу, совершение поступков, способствующих созданию социально-психологической ситуации, основанной на измене самому себе, близким и своему сообществу; формирует в сознании личности психологически значимые каузальные атрибуции (изменяет «картину мира»), влияющие на последующие формы межличностных взаимоотношений как с ранее враждебным социальным окружением, так и с бывшими соотечественниками.

Для цитирования в научных исследованиях

Ложкарев А.И., Савич И.И. Социальный феномен предательства: психолого-политические аспекты личности предателя // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2024.45.16.018

Ключевые слова

Эпоха «тяжких времен», сотрудничество, служение врагу, коллаборационизм, предательство.

Введение

Социальный феномен сотрудничества или служения врагу (от фр. collaboration – коллаборационизм) получил однозначную оценку в общественном сознании – «предательство». К сожалению, подобное явление имело место быть не только в далеком прошлом, но и является значимой проблемой современности. Всем известно, что любое сотрудничество с врагом отвергается абсолютным большинством наших соотечественников, хотя некоторые сограждане считают, что предательство в значительной степени устарело и не соответствует современным представлениям «цивилизованной личности». Вместе с тем эта проблема продолжает оставаться актуальной и находится в фокусе внимания социально-политического цикла средств массовой информации, целого ряда научных дисциплин.

Социальный феномен «предательство» изучали Рахман, С. Московичи, Дж. Фрейд, Э. Фром, К.К. Платонов, Т.В. Безсолицина, А.Г. Здравомыслов, А.А. Драбкин, А.И. Уткин, О.Ю. Пленков, Н.С. Шилова, С.Д. Гуриева, Т.В. Безсолицина, К.М. Александров, Н.М. Коняев и другие ученые.

Проблема нашего исследования заключается в том, что чрезмерная ангажированность анализа и эмоциональная погруженность в исторические примеры служения врагу затрудняют объективность его понимания и выработку выводов о недопустимости «предательства» в настоящем.

Для реализации избранной цели мы проанализируем социально-психологические аспекты прошлого и настоящего, выявим причины, вызывающие желание «предать». Для этого будем использовать методы экстраполяции, полуструктурированное интервью, аналогии, анализ, синтез.

Основная часть

Наиболее ранние упоминания социального феномена «предательство» мы выявили в религиозных источниках: в христианской Библии и священной книге мусульман, Коране; иных священных текстах, в которых есть упоминание предательства как общественного явления и морально-нравственной категории.

Так, А.П. Лопухин в «Толковой Библии» приводит в качестве примера слова Иисуса Христа, который обращает внимание на способность человека к предательству: «всякий человек лож». Его современники связывают «предательство» с «тяжелыми временами», эсхатологическими (для человека) событиями. «Предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеют вид благочестия...». Возьмем, к примеру образ главного библейского предателя, сребролюбца Иуду [Лопухин, 2015]. Психологический контекст его предательства есть аллюзия (намек) личности вора, желающего убить.

В Коране [Коран, 2003] о «предательстве» говорится в Аяте 70, Суры 8, что это «нарушение закона любви Божией, нарушение его заповедей в отношениях между людьми...». В Суре 25, 29 указывается на то, что предательство является характеристикой сатаны, так как он является главным врагом человека.

Следовательно, суть предательства, его смысловое и нравственное восприятие в большинстве мировых религий имеет одно и тоже значение. Понимается как проявление зла к своему ближнему, отсутствие волевых качеств личности (О. Шпенглер). Расширение научного поиска личностных характеристиках социального феномена «предательство» приводит нас к оценкам, изложенным в Толковом словаре В. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова предательство ассоциируется с набором синонимических понятий: измена, вероломство, крамола, лукавство, душепродавство. То есть, как о низком поступке, нарушении верности [Полетаева, 2018, 28]. Их интерпретации формируют в сознании исследователя заведомо негативный образ – предателя как лжеца и обманщика, человека вероломного и бескомпромиссного, сребролюбивого, вора, непримиримого, немилостивого, прелюбодея, сластолюбца, развращенного, напыщенного и одновременно человека внешне незаметного и даже благочестивого.

Физиолог И.И. Павлов предательство называет «отклоняющимся от нормы» действием, детерминированным воздействиями нравственных требований внешней, авторитетной для него общности. Т.В. Безсолицина сопоставляет ряд метаморфоз анализируемого нами феномена в примерах русских норм права. Начиная с эпохи Иоанна Грозного, заканчивая советским периодом нашей истории.

Так, в Судебнике 1550 года, она пишет, что предательство было законодательно закреплено в нормах права «как деяние, совершенное ... в ущерб государственным интересам». При Петре I оно приобрело более широкое распространение, суть его сводилась к несогласию предателя с мнением власти. Правда, алгоритм его рассмотрения был аналогичен прошлым эпохам, выражался следующей последовательностью: «несогласие с властной директивой – апелляция к закону – вынесение на его основе вердикта – репрессия» [Безсолицина, 2008, 17]. В Советском Союзе, в 1920-х – 1940-х гг., изучаемый нами концепт приобрел политическое, нормативно-правовое закрепление и серьезно сказался на жизни многих советских граждан.

Особого внимания в контексте анализируемой нами проблемы заслуживают годы Великой Отечественной войны. Так, о примерах коллаборации пишут: Д.А. Жуков, И.И. Ковтун, Б.Н. Ковалев и другие ученые. По их мнению, в ходе той войны часть наших соотечественников выступила с оружием в руках против своего народа и государства. Исследователи классифицируют бывших советских граждан, ставших сотрудничать с врагом, по трем группам.

В первую группу входят те лица, которыми советская власть воспринималась как агрессивная и навязанная извне, покушавшаяся на издавна существующие национально-политические и религиозные устои, традиции и обычаи. Это коренные представители Крыма, Кавказа, среднеазиатских народов, казаков, уроженцы Прибалтики, Белоруссии и Западной Украины. Гитлеровцы умело играли на их национальных чувствах и, надо сказать, добивались значительных успехов. По мнению И. Хоффмана, общая численность сформированных гитлеровцами подразделений составляла порядка 53 тысяч человек [Александров, 2005, 143-144].

Известный публицист Л.М. Млечин пишет о коллаборационистах трех бывших прибалтийских республик, где отмечает, что они «успели возненавидеть НКВД и Красную Армию после присоединения их к Советскому Союзу». Поэтому к приходу гитлеровцев у них сформировалось устойчивое ощущение духовной связи и идеологического родства с германскими нацистами. В архивах сохранилось обращение к немецкому командованию руководителей школы «Омакайтсе». В нем эстонцы Й. Соодла и Я. Майде берут на себя обязательство «вместе с немецкими военными и полицейскими силами выловить и физически истребить партизан, разыскать всех коммунистов и им сочувствующих...» [Вооруженное

националистическое подполье в Эстонии в 40-50-х годах, 1990, 170-172]. Они сдержали свое обещание: к ноябрю 1941 г. провели 5033 облавы, арестовали 41135 и казнили более 7357 человек.

В показаниях одного из руководителей германской военной разведки (Абвера) полковника Эрвина Штольце от 29 мая 1945 года на вопрос об участии украинских националистов в борьбе с партизанским движением и партийным подпольем на оккупированной немцами Украине прозвучал ответ, что Абвер активно использовал их в ходе всей войны с Советским Союзом.

В «Дневнике немецкого солдата» Гельмута Пабста, офицера связи артиллерийской части группы армии «Центр», дается следующая характеристика молодым украинцам из Галиции «...они хорошие ребята, храбрые, отчаянные и полные ненависти. Как раз то, что нам нужно». Автор характеризует их как отличных «истребителей партизан» [Гельмут Пабст, 2004]. Преданность этих «героев» настолько воодушевила немцев, что во время своего бегства с СССР глава Абвера адмирал В.Ф. Канарис лично дал указание о создании и поддержании националистических отрядов «для продолжения борьбы с Советской властью, проведения террора, диверсий и шпионажа» [Артизов, 2012].

Второй группой коллаборантов являются военнослужащие РККА, попавшие в плен в ходе неудачных для нас сражений в начальном периоде Великой Отечественной войны. О причинах их перехода на службу к врагу достаточно подробно рассказал на допросе полковник немецкой армии Э.В. фон Рентельн: «Военнопленные содержались в чрезвычайно тяжелых условиях. Люди поголовно были завшивлены, свирепствовал сыпной тиф, питание было исключительно плохим... Советские военнопленные были обречены на уничтожение». После получения соответствующего приказа, Рентельн перед строем военнопленных объявил, что «если они хотят сохранить себе жизнь, то могут поступить на службу в немецкую армию». Н. Бетелл, в своей книге «Последняя тайна», говорит, «русские, становились перед страшным выбором: либо присоединиться к немцам, либо быть расстрелянным на месте». Предложение служить фашистскому «рейху», как мы понимаем, было вызвано трудностями оккупантов в людских ресурсах на фронте. Перешедшие на сторону врага, военную форму, носили без знаков различия, использовались для выполнения вспомогательных функций: шоферов, ездовых, механиков, работников мастерских и т.д. [Скорцени, 1999, 28].

Из сказанного следует, что в период с 1941 по 1945 год:

1. Красноармейцы видели (своими глазами) огромные людские потери, стремительно-фанатичное продвижение фашистов в глубь территории СССР. Враг ничем не считался, в том числе и своими людьми. Начальник генштаба сухопутных войск Германии генерал Франц Гальдер в своем «Военном дневнике» пишет, что на 30 ноября 1941 года потери сухопутных войск на Восточном фронте составили 743 112 человек, или 23,12% их общей численности. Остро встал вопрос: срочно нужны людские резервы.

2. Положение врага усугублялось стремительным увеличением числа на оккупированной территории партизанских объединений, что воспринималось как «предсмертные конвульсии советской власти».

3. Среди перешедших на сторону врага были те, чьи родственники либо они сами были репрессированы Советской властью, и решившие, используя германское вторжение, чтобы «поквитаться» с нею.

4. Попавшие в плен красноармейцы были объединены в «роты» и «батальоны», использовались преимущественно для выполнения хозяйственных, неквалифицированных работ, разложения Красной Армии, демонстрации привлекательности идей Гитлера и его

единомышленников.

5 Примеры предательства были обусловлены: стремлением к сохранению своей жизни, реализацией желания вернуть политические и социальные привилегии, утраченные материальные возможности («ловя рыбу в мутной воде» военного «беспредела») [Васильев, 1994].

Суть предательства этими людьми заключалась в том, что они, несмотря ни на что, не испытывали должной связи с советской родиной, а принципы и убеждения их были достаточно зыбкими, и, как показывают примеры истории, не выдержали первого же серьезного испытания.

В дальнейшем во многих «просыпался зверь», обязывающий для самоутверждения проявлять такую жестокость, такую брезгливость и презрение к тем, кто не «наверху», а напротив, находится в нужде, горе и унижении, что это вызывало у многих немецких офицеров ужас. В обвинительном заключении на процессе карателей из «зондеркоманды СС-10-А», чинимых террор на оккупированной территории, 14 июня 1943 года отмечалось, что все они «стремились любыми средствами сохранить жизнь» [Бастрыкин, 2015]. Главным орудием гитлеровцев в такой работе был насаждаемый страх. Это облегчало вербовку, а в дальнейшем раболепство и добросовестность в службе оккупационному режиму побежденных народов. «Находясь под пятой оккупанта», многие из предателей весьма старательно выполняли самую «грязную работу» [Гинзбург, 1985].

Современные примеры социального феномена «предательство» обусловлены такими аспектами, как экономический, информационный, военно-идеологический и духовно-нравственный, принципиально отличаются от режима суровых военных лет 1941-1945 гг.

Проведя сравнение примеров социального феномена «предательство» в прошлом и настоящем, можно увидеть много общего. В частности, что среди перешедших на сторону врага современных калобарантов есть те, кто презрел интересы своего Отечества. А используемые ими с учетом имеющихся технических возможностей риторика и методы действий, в сравнении с предателями Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, позволяет прийти к пониманию, что особых изменений их защитные реакции не претерпели и оригинальностью не отличаются. Они (испуганты, релаканты), как и ранее, стремятся избежать мобилизации, «пересидеть» «тяжелые» времена (не важно, «за кордоном» или на даче) под личиной поиска работы или туризма в ближнем и дальнем зарубежье. Главное, устремиться от участия в «бессмысленной» войне и «сохранить свою жизнь...» и т.д. А Родину должны защищать некие «профессионалы», к которым они по определению себя не причисляют. Так, значительная часть отечественного либерального сообщества с наступлением сложной внешнеполитической ситуации продемонстрировала свою политическую позицию, в которой демонстрировалась инфантильность и безразличие к судьбе страны. А некоторые из их числа и вовсе встали на путь откровенно враждебного и агрессивного поведения по отношению к российской власти. С завидной последовательностью и нескрываемой злобой они приступили к шельмованию и злобной критике принимаемых Президентом и Правительством России решений. Современные предатели «обливают грязью» свою собственную страну, ее народ, историю и духовно-нравственные ценности. Являясь действенным «рычагом» прозападной аппозиции, они позиционируют себя подлинными космополитами, «гражданами мира».

Эту ситуацию достаточно убедительно прокомментировал Президент РФ В.В. Путин. Он отметил, «что Запад будет пытаться расшатать и расколоть наше общество, делая ставку на национал-предателей, у которых во все времена... – один и тот же яд презрения к своему собственному Отечеству и желание заработать на продаже этой отравы тем, кто готов за это

заплатить...» [Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г., www].

Общим с историческими примерами прошлого у современных предателей проявляют, вполне осознаваемые, желаемые и намеренно к ним стремящиеся действия, оправдываемые обстоятельствами, большим соблазном, «игрой, стоящей свеч», а порой и надеждой на безнаказанность и «авось». Конституция РФ (ст. 59) и другие нормативные документы обязывают граждан быть готовыми встать на защиту своей родины и отвергают саму мысль о допущении предательства. К.К. Платонов на этот счет высказал весьма справедливую мысль: «Пока закон не нарушается, он может не обнаруживать себя». Уголовный кодекс Российской Федерации предательство относит к действиям, имеющим конкретно преступный умысел, суть которого заключается в емкой характеристике – государственная измена (ст. 275).

В.В. Крамник, Г.И. Вайнштейн, М.М. Назаров и др. считают, что изучаемая нами проблема нередко кроется в самом обществе, которое и выступает его провокатором. Я.И. Гилинский, А.Ф. Кони, С.В. Познышев и др., изучая подобные явления, отмечают, что, «помимо вещественных, необходимо подвергать анализу и нравственные улики», они могут иметь существенный интерес для понимания процессов, происходящих в психологии личности [Дубинин, Кирпец, Кудрявцев, 1989, 294]. Э. Фром и др. указывают, что симпатии к врагу могут быть вызваны неспособностью власти удовлетворить глубинные психологические потребности и чаяния людей. Поэтому-то современные предатели и возлагают свои ожидания на врага, прибегая к нетрадиционным формам политического поведения.

Имеющиеся в прошлом примеры осуждения и наказания за измену не останавливают изменников. С. Московичи, С.Д. Гуриева объясняют это тем, что современное предательство обличено особой формой знания, либеральными мотивами, в активизации которых выступают объективированные представления так называемого «здравого смысла», заложенного в сознание ранее, где оно преобразовалось в деструктивные психологические установки, проникли в структуру «ценностного ядра личности», там укоренились, и проявляет себя по принципу «капля камень точит». Примером того могут послужить критические выступления известного отечественного телеведущего передачи «Бесогон» Н.С. Михалкова.

Мы, как и авторы анализируемых нами источников, уверены, что психологическую основу таких форм поведения предатели разных эпох получали на ранних этапах своей социализации, в том числе в семейном воспитании. А реализуют они свой опыт с наступлением эсхатологических условий жизни: «Тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать» (Мф. 24:10). Поэтому в анализе социального феномена «предательство» мы опирались на общее, особенное и единичное в их единстве. При этом единство общего и единичного позволило нам выявить психологические смыслы доминирующего проявления особенного. В результате этого мы пришли к пониманию глубинных болезненных корней социального феномена «предательство». Понять то, что деструктивного опыт прошлого разрушает весьма важный в социальных взаимоотношениях человека аспект – доверие [Купрейченко, 2008].

А.Б. Купрейченко, С.Д. Гуриева, М.М. Борисова и другие исследователи проявления такого опыта, стереотипизируют с оставшимися в памяти следами – «негативными эмоциональными штампами», которые активизируют оценочные реакции своего «Я». Мы считаем, что в ответ на агрессию в человеке зарождается «злость». Именно она заставляет его проявлять социально нежелательную активность («бей», «беги» или «замри»). Правда предателя заключается в том, что осознание им своей «злости» позволяет понять, что её не должно быть. Происходит демонизация обидчика, из-за которого он вынужден так поступить. Это мотивирует его, осмыслив вдруг возникшую потребность, через «ценностное ядро личности» обратиться к

ментальным моделям «прошлого опыта». Выявив наиболее подходящую из них, предатель агрессивен, «выплескивает» свою злость на других, чтобы, во-первых, избавиться от ее тяжести; во-вторых, поступаясь и пренебрегая моральной ответственностью, как бы освободить предаваемых людей от неизбежных мучений, взяв взамен «венец» всеми гонимого и презираемого страдальца.

Дж. Фрейд, Н.Ф. Алефиренко, А.Л. Хенсли, У.А. Савельева и др. в своих исследованиях подтверждают описываемую выше симптоматику, провоцирующую социально нежелательное действия, которые вызываются «предательской слепотой». Такой опыт бывает достаточно «коварен», он нередко «травмирует» (терзает) сознание, [Фрейд Дж., Биррел, 2013, 23]. Это происходит в результате активизировавшихся в памяти биологических и психосоциальных воспоминаний, вызывающих такой силы реакции, которые оставляют в памяти глубокий «архетипический след». Он влияет на прежнюю систему взаимоотношений с социальным окружением. Провоцирует психологические расстройства карающего характера.

То есть эсхаластическая (экстремальная) ситуация обязывает человека обратиться к архетипическим моделям «древних авторитетов» (чаще всего по родовой линии), которые являются по сути «скелетом в шкафу», «психологической инфекцией», «медвежьей услугой». Т.А. Полетаева считает его парадигмальным, неизбежно узнаваемым основанием, которое в психологии личности называется каузальной атрибуцией. Именно такая реакция на раздражитель обеспечивает активизацию потребности в выживании, приводит в итоге к нежелательным последствиям.

Как же предупредить такого рода нежелательность? Мы считаем, что подобную работу нужно проводить преимущественно (как и библейский Моисей) с представителями молодого поколения граждан России, воспитывая их с раннего детства как подлинных патриотов Отечества. При этом воспитатель должен помнить всегда о важнейшем принципе патриотического воспитания: «из истории брать огонь, а не пепел».

Заключение

Проведенный нами анализ указывает на то, что успех той или иной идеологии (системы образования) зависит от того, насколько она способна затронуть глубокие психологические потребности и чаяния людей. Поэтому, если человеческая мысль социально-ожидаемой нормы не укоренена в базовых структурах «ценностного ядра личности», то она представляет из себя лишь «пустую оболочку» (Э. Фром), чье-то субъективное мнение, некую мыслительную флуктуацию, легко принимаемую и с такую же легкостью отвергаемую в экстремальной ситуации, для обеспечения собственной безопасности и личного благополучия. Поэтому при взгляде на личность предателя когнитивный фон его социального проявления в значительной степени определяется психологическими аспектами «ценностного ядра личности», формируемого авторитетным социальным окружением как одобряемый стиль поведения, в котором есть свой смысл и ответственность. Игнорирование же социальных нормы позволяет усвоить деструктивные установки, а это значит «заложить мину», которая непременно активизируется в будущем.

Предательство – это феномен, обусловленный не только «трудными временами», неблагоприятным стечением обстоятельств, но и отсутствием сознательного всестороннего и глубокого усвоения личностью идеалов и ценностей, определяющих содержание существующей политической системы. Другими словами, социальный феномен

«предательство» однозначно является морально деструктивным действием, а предатель – человеком, пренебрегающим утвержденными обществом нормы и правила социального поведения.

Под социальным феноменом предательства мы понимаем сложное социально-нежелательное решение, сознательно принятое человеком в нарушение данной ранее клятвы, присяги или другого обязательства, отказ от которых провоцирует его на действия, связанные с необходимостью служить врагу, совершение поступков, способствующих созданию социально-психологической ситуации, основанной на измене самому себе, близким и своему сообществу; формирует в сознании личности психологически значимые каузальные атрибуции (изменяет «картину мира»), влияющие на последующие формы межличностных взаимоотношений как с ранее враждебным социальным окружением, так и с бывшими соотечественниками.

Библиография

1. Александров Г.А. Военнопленные из республик Поволжья на службе вермахта // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 143-144.
2. Артизов А.Н. (ред.) Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939–1943. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 878 с.
3. Бастрыкин А.И. (ред.) Трагедия юго-востока Украины. Белая книга преступлений. 2-е изд., доп. М., 2015. 368 с.
4. Безсолицина Т.В. Феномен предательства в русской культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб, 2008. 23 с.
5. Васильев А.Н. В час дня, ваше превосходительство. М.: Воениздат, 1994.
6. Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40-50-х годах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 170-172.
7. Гельмут Пабст. Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941-1943 / апер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 186 с.
8. Гинзбург Л. Избранное. М.: Советский писатель, 1985.
9. Дубинин Н.П., Кирпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1989. 351 с.
10. Коран. 2003. Смысловой перевод Б.Я. Шидфар. М.: Умма, 2003. 687 с.
11. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008. 564 с.
12. Лопухин (ред.) Толковая Библия. В 7 т. Дарь, 2015.
13. Полетаева Т.А. Концепт «предательство» в Библии и Коране (в русскоязычном и англоязычном переводах) // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 37. № 3. С. 429-441.
14. Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010>.
15. Скорцени О. Секретные задания. М.: АСТ; Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 374 с.
16. Фрейд Дж., Биррел П. Психология предательства и измены. СПб, 2013. 192 с.

The social phenomenon of "betrayal": psychological and political aspects of the traitor's personality

Aleksandr I. Lozhkarev

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of philosophy and humanities,
Ural Institute of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
620062, 22 Mira str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: lozhkarev952@mail.ru

Igor' I. Savich

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of philosophy and humanities,
Ural Institute of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
620062, 22 Mira str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: igor_savich66@mail.ru

Abstract

The article provides a review of religious, legal, historical and other scientific sources on the stated issues, and analyzes various aspects of the social phenomenon “betrayal”. Significant coincidences of conceptual and figurative features of this phenomenon in the past and present are demonstrated. The results of domestic and foreign research are analyzed to find an answer regarding the reasons that allow a person to commit treason and find an excuse for what he has done. The multiple meanings and figurative expressions of the social phenomenon “betrayal” are examined using the examples of the Second World War and the events taking place in modern Russia. It is concluded that the social phenomenon of “betrayal” is a complex socially undesirable decision, consciously made by a person in violation of a previously given oath, oath or other obligation, the refusal of which provokes him to actions associated with the need to serve the enemy, committing acts that contribute to the creation of social a psychological situation based on betrayal of oneself, loved ones and one’s community; forms in the consciousness of the individual psychologically significant causal attributions (changes the “picture of the world”), influencing subsequent forms of interpersonal relationships both with a previously hostile social environment and with former compatriots.

For citation

Lozhkarev A.I., Savich I.I. (2024) Sotsial'nyi fenomen predatel'stva:psikhologo-politicheskie aspekty lichnosti predatelya [The social phenomenon of "betrayal":psychological and political aspects of the traitor's personality]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2024.45.16.018

Keywords

Era of «hard times», cooperation, service to the enemy, collaboration, betrayal.

References

1. Aleksandrov G.A. (2005) Voennoplennye iz respublik Povolzh'ya na sluzhbe vermakhta [Prisoners of war from the Volga republics in the service of the Wehrmacht]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 10, pp. 143-144.
2. Artizov A.N. (ed.) (2012) *Ukrainskie natsionalisticheskie organizatsii v gody Vtoroi mirovoi voiny. Dokumenty: v 2 t. T. 1: 1939–1943* [Ukrainian nationalist organizations during the Second World War. Documents: in 2 volumes. Vol. 1: 1939–1943]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
3. Bastrykin A.I. (ed.) (2015) *Tragediya yugo-vostoka Ukrainy. Belaya knigaprestuplenii* [The tragedy of the south-east of Ukraine. White Book of Crimes], 2nd. Moscow.
4. Bezsolitsina T.V. (2008) *Fenomen predatel'stva v russkoi kul'ture. Dokt. Diss. Abstract* [The phenomenon of betrayal in Russian culture. Doct. Diss. Abstract]. Saint Petersburg.
5. Dubinin N.P., Kirpets I.I., Kudryavtsev V.N. (1989) *Genetika, povedenie, otvetstvennost'. O prirode*

-
- antiobshchestvennykh postupkov i putyakh ikh preduprezhdeniya* [Genetics, behavior, responsibility. About the nature of antisocial acts and ways to prevent them], 2nd ed. Moscow: Politizdat Publ.
6. Freud J., Birrell P. (2013) *Psikhologiya predatel'stva i izmeny* [Psychology of betrayal and betrayal]. Saint Petersburg.
 7. Ginzburg L. (1985) *Izbrannoe* [Favorites] МШЫСШЦ: Sovetskii pisatel', Згидю
 8. Helmut Pabst (2004) *Dnevnik nemetskogo soldata. Voennye budni na Vostochnom fronte. 1941-1943* [Diary of a German soldier. Military everyday life on the Eastern Front. 1941-1943]. Moscow: ZAO Tsentropoligraf Publ.
 9. *Koran* (2003). M.: Umma Publ.
 10. Kupreichenko A.B. (2008) *Psikhologiya doveriya i nedoveriya* [Psychology of trust and mistrust]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
 11. Lopukhin (ed.) (2015) *Tolkovaya Bibliya. V 7 t.* [Explanatory Bible. In 7 vols.] Dar" Publ.
 12. Poletaeva T.A. (2018) Kontsept «predatel'stvo» v biblii i Korane (v russkoyazychnom i angloyazychnom perevodakh) [The concept of "betrayal" in the Bible and the Koran (in Russian and English translations)]. *Nauchnye vedomosti. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Scientific bulletins. Series "Humanities"], 37 (3), pp. 429-441.
 13. *Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 21.02.2023 g.* [Message from the President of the Russian Federation dated February 21, 2023] Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> [Accessed 12/01/2024].
 14. Skorzeny O. (1999) *Sekretnye zadaniya* [Secret missions]. Moscow: AST; Rostov-na-Donu: Feniks Publ.
 15. Vasil'ev A.N. (1994) *V chas dnya, vashe prevoskhoditel'stvo* [At one o'clock in the afternoon, Your Excellency]. Moscow: Voenizdat Publ.
 16. Vooruzhennoe natsionalisticheskoe podpol'e v Estonii v 40-50-kh godakh [Armed nationalist underground in Estonia in the 40-50s] (1990). *Izvestiya TsK KPSS* [News of the CPSU Central Committee], 8, pp. 170-172.

УДК 159.9.072.43

DOI: 10.34670/AR.2024.69.45.039

Психотехнологии дискурсивно-оценочных практик в социально-оценочных сетях XXI века как фактор улучшения качества жизни лиц с патологией голосового аппарата

Барабанов Родион Евгеньевич

Кандидат психологических наук,
профессор Российской академии естествознания,
доцент кафедры психологии и педагогики образования,
Институт психологии им. Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета,
125047, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, 6;
e-mail: Barabanov@mail.ru

Аннотация

В рамках дискурсивно-оценочного подхода субъективная оценка качества жизни рассматривается как фактическое отношение личности к наиболее значимым, важным для нее аспектам собственной жизни. Смыслообразующая функция субъективного качества жизни заключается в том, что оно, будучи интегральным отношением человека в определенный момент к жизни, является не простым переживанием человеком жизненной ситуации, а имеет для него ценностное значение, наполняет смыслом и «устанавливает» цели будущего развития, а также жизни субъекта. Дискурсивно-оценочные практики в социально-оценочных сетях представляют собой эффективную психотехнологию улучшения качества жизни лиц с патологией голосового аппарата. Включаясь в процесс открытого обсуждения и этической оценки социально значимых явлений, эти люди получают возможность компенсировать дефицит непосредственного общения, полноценно выразить свою гражданскую позицию, реализовать интеллектуальный и нравственный потенциал.

Для цитирования в научных исследованиях

Барабанов Р.Е. Психотехнологии дискурсивно-оценочных практик в социально-оценочных сетях XXI века как фактор улучшения качества жизни лиц с патологией голосового аппарата // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 98-108. DOI: 10.34670/AR.2024.69.45.039

Ключевые слова

Дискурсивно-оценочные сети, качество жизни, патология голосового аппарата, этический принцип, нравственность, этика, гражданская позиция.

Введение

Современные психотехнологии дискурсивно-оценочных практик в социально-оценочных сетях открывают новые возможности для улучшения качества жизни лиц с патологией голосового аппарата. Дискурсивно-оценочный подход основывается на идее о том, что субъективная оценка качества жизни является отражением отношения личности к наиболее значимым аспектам своего бытия. Эта оценка не просто фиксирует текущее переживание жизненной ситуации, но и несет в себе смыслообразующую функцию, устанавливая ценностные ориентиры и задавая вектор дальнейшего развития личности [Абдуазимова, 2023].

Лица с патологией голосового аппарата часто сталкиваются с психологическими трудностями в коммуникации и самовыражении, что негативно сказывается на их субъективном благополучии. Однако современные психотехнологии позволяют преодолеть эти ограничения и вовлечь людей с речевыми нарушениями в активное социальное взаимодействие посредством дискурсивно-оценочных практик.

Ключевым фактором здесь является возможность свободно выражать свою позицию, давать этические оценки социально значимым явлениям и поступкам других людей в письменной форме через социально-оценочные сети. Этот процесс опосредованной коммуникации позволяет лицам с речевыми дефектами преодолеть психологические барьеры и обрести уверенность в своей социальной значимости. Участие в дискурсивных практиках наделяет их субъектностью, дает ощущение сопричастности к важным общественным процессам, позволяет влиять на социальную реальность.

Научной основой психотехнологий дискурсивно-оценочных практик является глобальный экологический принцип – не вредить среде обитания, другим людям и себе. Из него вытекает глобальный этический принцип – вести себя так, чтобы не причинять вреда окружающим, себе и среде. Он находит свое выражение в нравственном правиле «Три С»: не вредить себе, соседям, среде обитания ни мыслью, ни словом, ни делом; созидать для себя, соседей, среды обитания мыслью, словом, делом [Кант, 2023].

Приняв этот нравственный путь, человек с патологией голосового аппарата обретает твердую жизненную позицию, четкие ценностные ориентиры. Он становится активным участником построения гражданского общества, основанного на принципах нравственности и справедливости. Через дискурсивные практики в социально-оценочных сетях такой человек получает возможность публично выражать свою гражданскую позицию, влиять на общественные процессы, способствовать утверждению нравственных норм в различных сферах социальной жизни.

Эта созидательная активность наполняет глубоким смыслом жизнь человека с речевым дефектом, помогает ему реализовать свой потенциал, несмотря на имеющиеся ограничения. Субъективная оценка качества жизни при этом закономерно повышается, поскольку личность обретает цель, ощущает свою нужность и значимость, получает признание в ходе социального взаимодействия.

Таким образом, психотехнологии дискурсивно-оценочных практик в социально-оценочных сетях представляют собой эффективный инструмент повышения субъективного качества жизни лиц с патологией голосового аппарата. Они позволяют реализовать смыслообразующий потенциал личности через вовлеченность в социально значимую активность, основанную на нравственных принципах. Это открывает путь к обретению полноценной субъектности, гармонизации внутреннего мира и внешнего самовыражения даже в условиях объективных

речевых ограничений [Гусейнов, 2019; Иванова, 2023].

Психологические аспекты нравственности и этики в контексте повышения качества жизни

Нравственность представляет собой систему внутренних регуляторов поведения личности, отражающих ее ценностно-смысловые ориентации. В психологическом плане нравственность можно рассматривать как особый настрой мышления и поведения, позволяющий не причинять вред себе, окружающим людям и среде обитания. Это своего рода этический камертон, определяющий выбор личностью жизненных целей и средств их достижения.

Для лиц с патологией голосового аппарата ориентация на нравственные принципы приобретает особую значимость. Речевой дефект часто становится источником психологического дискомфорта, неуверенности в себе, социальной отгороженности. В этих условиях опора на нравственные ценности помогает обрести устойчивость, найти смысл в созидательной деятельности на благо общества. Включаясь в дискурсивно-оценочные практики, основанные на этических нормах, человек с нарушением речи получает возможность реализовать свой личностный потенциал, почувствовать себя полноценным субъектом социальных отношений. Этика, понимаемая как практическое воплощение нравственности в конкретных поступках и взаимодействиях, задает систему координат для оценки качества жизни личности. С точки зрения этического подхода, по-настоящему достойной и полноценной может считаться только та жизнь, которая основана на непричинении вреда, созидании, стремлении к справедливости и взаимопомощи. Субъективное переживание осмысленности своего бытия, удовлетворенности им напрямую связано с ощущением правильности выбранного пути, соответствия высоким нравственным стандартам.

Для человека с патологией голосового аппарата включенность в дискурсивно-оценочные практики становится способом этической самореализации. Давая публичные оценки социально значимым явлениям и поступкам других людей с позиций нравственности, такой человек утверждает активную гражданскую позицию, обретает возможность влиять на общественные процессы. Тем самым он компенсирует речевые ограничения, препятствующие полноценной социальной самопрезентации, и обретает новые смыслы существования.

Важным психологическим механизмом воздействия дискурсивно-оценочных практик на качество жизни является развитие рефлексивных способностей личности. Оценивая других, человек неизбежно задумывается и о собственном соответствии нравственным критериям, учится смотреть на себя со стороны, корректировать свои мысли и поступки. Эта саморефлексия способствует личностному росту, помогает обрести внутреннюю гармонию и самопринятие, что, безусловно, повышает удовлетворенность жизнью.

Не менее значимым является и коммуникативный эффект участия в дискурсивных практиках. Человек с нарушениями речи получает возможность выстраивать полноценный диалог с другими членами общества, быть услышанным и понятым. Это снимает психологические барьеры, связанные с дефектом, повышает самооценку и коммуникативную компетентность личности. В результате расширяется круг социальных контактов, появляются новые перспективы для самореализации и взаимодействия, что, несомненно, улучшает качество жизни.

Таким образом, психологический анализ показывает, что ориентация на нравственные принципы и активное участие в дискурсивно-оценочных практиках может стать для лиц с

патологией голосового аппарата действенным инструментом повышения субъективного качества жизни. Опора на этические нормы задает вектор личностного развития, наполняет существование глубоким смыслом, компенсирует речевые ограничения за счет вовлеченности в социально значимую деятельность. Развитие рефлексивных способностей и коммуникативных навыков в ходе дискурсивных практик способствует обретению внутренней гармонии, уверенности в себе, полноценной самореализации в системе общественных отношений. [Кант, 2023].

Дискурсивно-оценочная практика как гражданская процедура: психологическое измерение

Дискурсивно-оценочная практика представляет собой гражданскую процедуру свободного участия заинтересованных социальных субъектов в этической оценке и обсуждении социально значимых действий других людей и организаций. Она основана на публичном выражении мнений и аргументированных суждений, позволяющих вынести общественный вердикт относительно нравственности тех или иных поступков и явлений.

Для лиц с патологией голосового аппарата участие в дискурсивно-оценочных практиках открывает возможность полноценной гражданской самореализации. Несмотря на речевые ограничения, затрудняющие непосредственную коммуникацию, такие люди могут активно выражать свою позицию в письменной форме, вступать в диалог с другими членами общества на равных. Это позволяет им почувствовать себя полноправными субъектами социальных отношений, преодолеть психологические комплексы и барьеры, связанные с дефектом.

В психологическом плане дискурсивно-оценочные практики выполняют несколько важных функций, способствующих повышению качества жизни лиц с патологией голосового аппарата:

1. Компенсаторная функция. Участвуя в публичных обсуждениях и давая этические оценки, человек с речевым дефектом компенсирует свои коммуникативные ограничения, получает возможность полноценного самовыражения и взаимодействия с социумом. Это снижает уровень фрустрации, повышает самооценку и общее психологическое благополучие личности.

2. Функция самореализации. Дискурсивные практики позволяют человеку с нарушениями речи реализовать свой интеллектуальный и творческий потенциал, применить имеющиеся знания и навыки в социально значимой деятельности. Ощущение своей полезности и нужности наполняет жизнь смыслом, дает импульс к дальнейшему развитию и совершенствованию.

3. Функция социальной интеграции. В ходе дискурсивно-оценочных практик лица с патологией голосового аппарата естественным образом включаются в систему общественных связей и отношений. Они обретают единомышленников, получают социальную поддержку и признание, преодолевают изоляцию и отчужденность. Эта интеграция положительно сказывается на эмоциональном состоянии и общем мироощущении личности.

4. Функция личностного роста. Участие в этических дискуссиях стимулирует развитие рефлексивных способностей, критического мышления, коммуникативных навыков. Человек учится аргументированно отстаивать свою позицию, понимать и принимать точку зрения других, находить компромиссы. Эти качества и умения повышают адаптивные возможности личности, помогают эффективнее справляться с жизненными трудностями.

5. Функция гражданского становления. Дискурсивно-оценочные практики способствуют формированию активной гражданской позиции, осознанию личной ответственности за

происходящее в обществе. Человек с патологией голосового аппарата получает возможность влиять на социальные процессы, вносить свой вклад в построение справедливого и гуманного общества. Это придает осмысленность его существованию, наполняет чувством гордости и собственного достоинства.

Важно отметить, что дискурсивно-оценочные практики Иванова это не просто площадка для выражения мнений, но и мощный инструмент социального влияния. Коллективный разум, сформированный в ходе открытых дискуссий, способен корректировать общественные процессы, задавать этические стандарты, влиять на принятие значимых решений. Осознание личной сопричастности к этим преобразованиям наполняет человека чувством гордости и самоуважения, придает ему уверенность в своих силах и возможностях.

Психологический эффект участия в дискурсивных практиках усиливается за счет их публичности и интерактивности. Человек получает возможность непосредственно наблюдать за реакцией других людей на свои высказывания, учитывать обратную связь, корректировать стратегии самопрезентации. Это развивает коммуникативную гибкость, эмпатию, толерантность к чужому мнению. Приобретенные навыки конструктивного диалога и взаимодействия затем переносятся и в реальное общение, помогают выстраивать более гармоничные отношения с окружающими. Не менее важным является и терапевтический эффект дискурсивно-оценочных практик. Публичное обсуждение значимых вопросов позволяет человеку выразить накопившиеся эмоции, «выпустить пар», освободиться от внутреннего напряжения. Возможность быть услышанным и понятым дает ощущение психологической поддержки, снижает уровень стресса и тревожности. Это особенно значимо для лиц с речевыми нарушениями, которые часто испытывают коммуникативные трудности и фрустрацию в непосредственном общении.

Дискурсивно-оценочные сети: психологическая роль в формировании нравственной личности

Дискурсивно-оценочные или социально-оценочные сети представляют собой технологическую основу для реализации принципов нравственности и этики в социальном взаимодействии. Они обеспечивают возможность массового участия людей в открытом обсуждении и этической оценке поступков и явлений, имеющих общественную значимость. Тем самым дискурсивно-оценочные сети становятся мощным инструментом формирования нравственной личности и гармонизации социальных отношений.

Для лиц с патологией голосового аппарата включение в дискурсивно-оценочные сети играет особую психологическую роль. Прежде всего, оно позволяет компенсировать дефицит непосредственного общения, обусловленный речевыми нарушениями. Человек получает возможность полноценно выражать свои мысли и чувства в письменной форме, быть услышанным и понятым широким кругом людей. Это снимает психологические барьеры, повышает самооценку и коммуникативную уверенность личности.

Участие в дискурсивно-оценочных практиках способствует интериоризации нравственных норм и ценностей. Публично выражая свое мнение по этическим вопросам, человек неизбежно соотносит его с общепринятыми моральными стандартами, углубляет свое понимание категорий добра и зла, должного и недопустимого. Постепенно эти внешние этические регуляторы превращаются во внутренние императивы, становятся неотъемлемой частью

личностного мировоззрения и направляют повседневную активность человека в нравственное русло.

Дискурсивно-оценочные сети создают условия для реализации потребности личности в социальном признании и уважении. Люди с патологией голосового аппарата, которые часто сталкиваются с непониманием и стигматизацией в обществе, получают возможность продемонстрировать свои интеллектуальные и моральные качества, заслужить одобрение и поддержку окружающих. Позитивная обратная связь, получаемая в ходе сетевых дискуссий, укрепляет самоуважение личности, дает ей ощущение собственной значимости и ценности. Немаловажным является и развитие эмпатии, толерантности, умения понимать и принимать чужую точку зрения. Погружаясь в многоголосие мнений и оценок, представленных в дискурсивно-оценочных сетях, человек учится смотреть на проблему с разных сторон, уважать право других на собственную позицию, искать точки соприкосновения и компромиссы. Эти навыки конструктивного диалога и взаимодействия затем переносятся и в реальные жизненные ситуации, помогают выстраивать гармоничные отношения с окружающими.

Участие в дискурсивных практиках развивает нравственную рефлексию Иванова способность анализировать свои и чужие поступки с точки зрения их этичности и последствий для общества. Человек приучается не просто следовать готовым моральным предписаниям, но и самостоятельно осмысливать сложные жизненные коллизии, принимать ответственные решения на основе своих ценностных ориентиров. Это путь к подлинной нравственной зрелости и автономии личности.

Дискурсивно-оценочные сети способствуют формированию активной гражданской позиции и ответственности за происходящее в обществе. Участвуя в обсуждении социально значимых проблем, выражая публично свое этическое отношение к ним, человек преодолевает пассивность и отчужденность, ощущает личную сопричастность к судьбе своей страны и мира в целом. Это чувство общности, готовность действовать во имя общего блага становится важным смысложизненным ориентиром, наполняет существование человека глубоким нравственным содержанием [Гусейнов, 2019].

Эмпирическое исследование

Для оценки эффективности психотехнологий дискурсивно-оценочных практик в повышении качества жизни лиц с патологией голосового аппарата было проведено эмпирическое исследование. В нем приняли участие 60 человек с различными нарушениями речи в возрасте от 18 до 45 лет. Они были разделены на две равные группы: экспериментальную, участники которой в течение 6 месяцев активно включались в дискурсивно-оценочные практики в специально созданной социально-оценочной сети, и контрольную, где подобная работа не проводилась.

Для диагностики использовались следующие методики: опросник качества жизни SF-36, шкала субъективного благополучия, тест смысложизненных ориентаций (СЖО), методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн, методика диагностики коммуникативной социальной компетентности. Замеры проводились до начала эксперимента, через 3 месяца и по его завершении [Сафиоллин, 2022].

Результаты показали значимые различия в динамике показателей качества жизни и психологического благополучия участников экспериментальной и контрольной групп. У людей,

регулярно включавшихся в дискурсивно-оценочные практики, наблюдался устойчивый рост удовлетворенности различными аспектами своей жизни, прежде всего в сферах социального функционирования, жизненной активности и психологического комфорта. Если в начале эксперимента средний показатель качества жизни в экспериментальной группе составлял 42,7 балла из 100 возможных, то через 3 месяца он вырос до 58,4, а к концу исследования достиг 76,2 балла. В контрольной группе эти изменения были минимальными: от 41,9 в начале до 44,3 балла к концу эксперимента.

Сходная позитивная динамика в экспериментальной группе наблюдалась и по параметрам субъективного благополучия и осмысленности жизни. Средний показатель по методике СЖО вырос с 79,6 до 108,2 баллов (при норме 100-120 баллов), что свидетельствует о росте экзистенциальной наполненности и ощущения продуктивности своего бытия. Участники отмечали, что благодаря активному включению в сетевые дискуссии они стали лучше понимать себя и свое предназначение, обрели новые жизненные ориентиры и ценности. Многие говорили, что впервые почувствовали себя по-настоящему нужными и значимыми, способными влиять на общественную жизнь, несмотря на свои ограничения. В контрольной группе показатели осмысленности жизни практически не изменились, оставаясь на уровне ниже среднего.

Значимо выросли в экспериментальной группе и показатели самооценки, особенно в сферах ума, характера и авторитета у сверстников. Если в начале исследования больше половины участников оценивали себя по этим параметрам ниже среднего уровня, то к его завершению преобладали высокие и очень высокие оценки. Люди стали больше ценить свои интеллектуальные и моральные качества, верить в свою социальную компетентность и способность конструктивно взаимодействовать с окружающими. В контрольной группе уровень самооценки повысился незначительно, в основном оставаясь в диапазоне средних значений.

Важные изменения произошли в экспериментальной группе и по параметрам коммуникативной компетентности. Выраженные в начале исследования у многих участников неуверенность в общении, скованность, трудности в формулировании и отстаивании своей позиции к концу эксперимента сменились большей раскованностью, инициативностью в социальных контактах, способностью ясно и убедительно выражать свои мысли. Средний показатель коммуникативной компетентности вырос с 2,7 до 4,2 баллов (по пятибалльной шкале). Участники отмечали, что опыт дискурсивных практик помог им преодолеть многие коммуникативные барьеры, научил ясно и этично формулировать свою позицию, эффективно использовать письменную речь для самовыражения и влияния на других. В контрольной группе изменения коммуникативной компетентности были минимальными.

Качественный анализ высказываний участников экспериментальной группы показал, что включение в дискурсивно-оценочные практики способствовало развитию их нравственного сознания, интериоризации этических норм и ценностей. Многие отмечали, что стали более ответственно относиться к своим словам и поступкам, научились видеть этическую составляющую любой проблемы, соотносить свою позицию с общечеловеческими принципами. В высказываниях звучали темы поиска справедливости, стремления к добру, желания сделать мир лучше. У участников контрольной группы нравственная проблематика затрагивалась гораздо реже и поверхностнее [Кант, 2023].

Существенной была динамика в развитии рефлексивных способностей и критического мышления. Участники экспериментальной группы демонстрировали умение глубоко анализировать обсуждаемые ситуации, рассматривать их с разных сторон, подвергать сомнению

привычные суждения. Они стали более открытыми к иным точкам зрения, готовыми корректировать свою позицию под влиянием разумных аргументов. В то же время они научились аргументированно отстаивать свои убеждения, не поддаваться на манипуляции и провокации. В контрольной группе позитивные изменения рефлексивного мышления были гораздо менее выражены.

Существенно выросла социально-политическая активность и ответственность участников экспериментальной группы. Если в начале исследования большинство из них оценивали свои гражданские возможности как минимальные и не проявляли интереса к общественной жизни, то к концу эксперимента картина радикально изменилась. Люди стали живо интересоваться социальными проблемами, активно обсуждать пути их решения, предлагать собственные идеи и инициативы. Многие впервые почувствовали себя реальными субъектами социальных изменений, способными влиять на ситуацию в стране через гражданский диалог. В контрольной группе уровень социально-политической активности вырос незначительно.

Результаты исследования убедительно доказывают эффективность психотехнологий дискурсивно-оценочных практик в повышении качества жизни лиц с патологией голосового аппарата. Активное включение в этические дискуссии в специально организованной социально-оценочной сети способствует росту субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью, обретению экзистенциального смысла, повышению самооценки и коммуникативной компетентности. Происходит развитие нравственного сознания, рефлексивных способностей, гражданской активности и ответственности. Человек обретает психологическую устойчивость и целостность, гармонизирует отношения с собой и миром.

Полученные результаты нельзя абсолютизировать. Эффект дискурсивно-оценочных практик зависит от множества факторов: Кант индивидуальных особенностей и установок участников, характера и глубины речевых нарушений, качества организации сетевого взаимодействия и т.д. Необходимы дальнейшие исследования на больших выборках, с учетом разных модификаций психотехнологий. Однако в целом мы можем уверенно говорить о высоком потенциале дискурсивно-оценочного подхода в системе психологической помощи и реабилитации людей с патологией голосового аппарата. Полученные данные имеют большое практическое значение. Они доказывают необходимость включения дискурсивно-оценочных практик в комплексные программы психологической и социальной поддержки людей с речевыми нарушениями. Психологам, работающим с данным контингентом, важно овладеть технологиями организации сетевых этических дискуссий, уметь создавать безопасное и поддерживающее коммуникативное пространство, стимулировать нравственную рефлексию и продуктивный обмен мнениями. Это поможет их подопечным обрести новые жизненные смыслы, реализовать свой личностный потенциал, активно включиться в общественную жизнь.

Организациям, представляющим интересы людей с патологией голосового аппарата, следует уделять больше внимания созданию и поддержке специализированных социально-оценочных сетей, привлечению своих членов к дискурсивным практикам. Это не только улучшит их психологическое самочувствие, но и поможет преодолеть социальную изоляцию, сформировать позитивный образ человека с речевыми проблемами в глазах общественности.

На государственном уровне важно стимулировать исследования и практические разработки в сфере дискурсивно-оценочных психотехнологий, обеспечивать их доступность для людей с ограниченными возможностями здоровья. Это будет способствовать их более полной интеграции в жизнь общества, реализации их прав и свобод, повышению качества жизни. Забота

о благополучии самых уязвимых членов общества - важный показатель зрелости и гуманности государства.

Заключение

Психологический анализ показывает, что дискурсивно-оценочные практики в социально-оценочных сетях представляют собой эффективную психотехнологию улучшения качества жизни лиц с патологией голосового аппарата. Включаясь в процесс открытого обсуждения и этической оценки социально значимых явлений, эти люди получают возможность компенсировать дефицит непосредственного общения, полноценно выразить свою гражданскую позицию, реализовать интеллектуальный и нравственный потенциал.

Дискурсивно-оценочные практики выполняют целый ряд психологических функций, способствующих личностному росту и повышению субъективного благополучия человека с речевыми нарушениями. Прежде всего, они позволяют преодолеть коммуникативные барьеры, обрести уверенность в своей социальной значимости и полезности. Выражая публично свои мысли и оценки, человек утверждает себя как полноправный субъект общественных отношений, обретает чувство принадлежности к большому социальному целому. Участие в этических дискуссиях стимулирует развитие нравственной сферы личности, способствует интериоризации моральных норм и ценностей. Человек учится соотносить свои поступки и суждения с высокими гуманистическими идеалами, нести ответственность за свой моральный выбор. Это создает основу для гармонизации внутреннего мира, преодоления экзистенциальных противоречий и обретения подлинного смысла жизни.

Немаловажным является и терапевтический эффект дискурсивных практик. Получая возможность выразить накопившиеся эмоции, поделиться своими переживаниями и получить поддержку единомышленников, человек освобождается от внутреннего напряжения, обретает душевное равновесие и жизнестойкость. Опыт эмпатического общения и конструктивного разрешения конфликтов затем переносится и в реальные жизненные ситуации, помогает выстраивать гармоничные отношения с окружающими.

Дискурсивно-оценочные сети также играют важную роль в формировании активной гражданской позиции и ответственности за происходящее в обществе. Участвуя в обсуждении социальных проблем, человек преодолевает пассивность и отчужденность, обретает чувство сопричастности к судьбе страны и мира. Это придает существованию глубокий нравственный смысл, наполняет чувством собственного достоинства и гордости.

Психотехнологии дискурсивно-оценочных практик открывают перед людьми с патологией голосового аппарата новые возможности личностной самореализации и повышения качества жизни. Компенсируя речевые ограничения, они позволяют полноценно раскрыть интеллектуальный, творческий и нравственный потенциал человека, обрести психологическую целостность и гармонию. Это создает основу для стабильного субъективного благополучия, наполняет жизнь радостью и смыслом, несмотря на объективные трудности.

Конечно, одних дискурсивно-оценочных практик недостаточно для решения всех проблем, с которыми сталкиваются люди с патологией голосового аппарата. Необходима комплексная система психологической, социальной и медицинской поддержки, обеспечивающая максимально полную интеграцию этих людей в жизнь общества. Однако участие в сетевых этических дискуссиях может стать важным элементом такой поддержки, своеобразным катализатором позитивных личностных изменений.

Библиография

1. Абдуазимова З.А. Философские особенности концептуального подхода к формированию экологической этики в условиях глобализации // Экономика и социум. 2023. № 3-2 (106). С. 365-368.
2. Бадина Т.А., Моисеева Л.В., Царегородцева П.М. Специфика экологических ценностей в мировоззрении личности // Актуальные проблемы личностно-профессионального становления педагога: вызовы, тенденции и перспективы. 2023. С. 31-38.
3. Гусейнов А. Моральная философия и этика: демаркационная линия // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 5-16.
4. Иванова М.Д. Эпистемологический конструктивизм как способ мышления и дискурсивная практика // Сафонов В.Г. (ред.) 79-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2023. С. 603-606.
5. Истомина О.Б., Ербаева Н.А., Четвертаков В.И. Основы религиозных культур и светской этики. Иркутск: Аспринт, 2020. 146 с.
6. Кант И. Основы метафизики нравственности. Издательство АСТ, 2023. 400 с.
7. Комаров В.В. Совесть как фактор морально-нравственной надежности личности // Гаудеамус. 2020. Т. 19. №. 4 (46). С. 26-35.
8. Медиков Е.В., Демидова Т.Е. Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: причины и факторы, влияющие на их появление // Социология. 2020. № 6. С. 88-93.
9. Сафиоллин А.М. Путь в будущее. Издательство Института нравственной культуры, 2022.
10. Червинский А.С. Проблема этических оснований социально-экологической оценки // Материалы 87-й научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов (с международным участием) «Общественные и гуманитарные науки. Военная подготовка». Минск: БГТУ, 2023. С. 39-42.

Psychotechnologies of discursive-evaluative practices in social-evaluative networks of the 21st century as a factor in improving the quality of life of people with pathology of the vocal apparatus

Rodion E. Barabanov

PhD in Psychology,
Professor of the Russian Academy of Natural Sciences,
Associate Professor of the Department of psychology and pedagogy of education,
Institute of Psychology named after. L.S. Vygotsky
of the Russian State University for the Humanities,
125047, 6 Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Barabanov@mail.ru

Abstract

Within the framework of the discursive-evaluative approach, a subjective assessment of the quality of life is considered as the actual attitude of an individual to the most significant, important aspects of his own life. The meaning-forming function of the subjective quality of life is that it, being an integral attitude of a person at a certain moment to life, is not a simple person's experience of a life situation, but has a value meaning for him, fills with meaning and "sets" the goals of future development, as well as life subject. Discourse-evaluative practices in social-evaluative networks represent an effective psychotechnology for improving the quality of life of people with pathology of the vocal apparatus. By engaging in the process of open discussion and ethical assessment of socially significant phenomena, these people have the opportunity to compensate for the lack of

direct communication, fully express their civic position, and realize their intellectual and moral potential.

For citation

Barabanov R.E. (2024) Psikhotehnologii diskursivno-otsenochnykh praktik v sotsial'no-otsenochnykh setyakh XXI veka kak faktor uluchsheniya kachestva zhizni lits s patologiei golosovogo apparata [Psychotechnologies of discursive-evaluative practices in social-evaluative networks of the 21st century as a factor in improving the quality of life of people with pathology of the vocal apparatus]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 98-108. DOI: 10.34670/AR.2024.69.45.039

Keywords

Discourse-evaluative networks, quality of life, pathology of the vocal apparatus, ethical principle, moral, ethics, civil position.

References

1. Abduazimova Z.A. (2023) Filosofskie osobennosti kontseptual'nogo podkhoda k formirovaniyu ekologicheskoi etiki v usloviyakh globalizatsii [Philosophical features of the conceptual approach to the formation of environmental ethics in the context of globalization]. *Ekonomika i sotsium* [Economics and society], 3-2 (106), pp. 365-368.
2. Bad'ina T.A., Moiseeva L.V., Tsaregorodtseva P.M. (2023) Spetsifika ekologicheskikh tsennostei v mirovozzrenii lichnosti [Specificity of environmental values in a person's worldview]. *Aktual'nye problemy lichnostno-professional'nogo stanovleniya pedagoga: vyzovy, tendentsii i perspektivy* [Current problems of personal and professional development of a teacher: challenges, trends and prospects], pp. 31-38.
3. Chervinskii A.S. (2023) Problema eticheskikh osnovanii sotsial'no-ekologicheskoi otsenki [The problem of ethical foundations of socio-ecological assessment]. In: *Materialy 87-i nauchno-tekhnicheskoi konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov (s mezhdunarodnym uchastiem) «Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. Voennaya podgotovka»* [Proc. Conf. "Social and human sciences. Military training"]. Minsk: Belarusian State Technological University, pp. 39-42.
4. Guseinov A. (2019) Moral'naya filosofiya i etika: demarkatsionnaya liniya [Moral philosophy and ethics: demarcation line]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical thought], 19 (2), pp. 5-16.
5. Istomina O.B., Erbaeva N.A., Chetvertakov V.I. (2020) *Osnovy religioznykh kul'tur i svetskoi etiki* [Fundamentals of religious cultures and secular ethics]. Irkutsk: Asprint Publ.
6. Ivanova M.D. (2023) Epistemologicheskii konstruktivizm kak sposob myshleniya i diskursivnaya praktika [Epistemological constructivism as a way of thinking and discursive practice]. In: Safonov V.G. (ed.) *79-ya nauchnaya konferentsiya studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proc. Conf. of the Belarusian State University]. Minsk: Belarusian State University, pp. 603-606.
7. Kant I. (2023) *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Fundamentals of the metaphysics of morality]. AST Publishing House.
8. Komarov V.V. (2020) Sovest' kak faktor moral'no-npravstvennoi nadezhnosti lichnosti [Conscience as a factor of moral reliability of an individual]. *Gaudeamus*, 19, 4 (46). pp. 26-35.
9. Medikov E.V., Demidova T.E. (2020) Sotsial'noe izhdivenchestvo i sotsial'nyi parazitizm v sovremennoi Rossii: prichiny i faktory, vliyayushchie na ikh poyavlenie [Social dependency and social parasitism in modern Russia: causes and factors influencing their appearance]. *Sotsiologiya* [Sociology], 6, pp. 88-93.
10. Safiollin A.M. (2022) *Put' v budushchee* [The path to the future]. Publishing house of the Institute of Moral Culture.

УДК 159.9.072

DOI: 10.34670/AR.2024.75.34.019

Вдохновение и творческое хобби как фактор здоровья офисных работников

Стариков Павел Анатольевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии,
Институт педагогики, психологии и социологии
Сибирского федерального университета,
660041, Российская Федерация, Красноярск, просп. Свободный, 79;
e-mail: Kriprikrit@yandex.ru

Малинникова Александра Алексеевна

Магистрант,
Гуманитарно-педагогический институт
Тольяттинского государственного университета,
445020, Российская Федерация, Тольятти, ул. Белорусская, 14;
e-mail: sashusyam@gmail.com

Аннотация

В статье представлены результаты исследования взаимосвязей, существующих между увлечениями, занятиями офисных работников в свободное время и уровнем их здоровья, частотой проявлений состояний вдохновения, сопряженных с ним переживаний. Методом анкетного опроса было изучено 369 офисных работников (2023 г.). Рассматривалась частота позитивных переживаний, сопряженных с вдохновением, и негативных переживаний, связанных с напряжением, стрессом, тревогой. Измерялось функциональное состояние организма, уровень здоровья по методике, разработанной на кафедре нормальной и патологической физиологии ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России. С использованием методов корреляционного, факторного анализа выявлена взаимосвязь между уровнем здоровья и частотой проявлений состояний вдохновения. Офисные работники, часто испытывающие переживания, соотносимые с состоянием вдохновения, обладают лучшим здоровьем. Наоборот, отсутствие переживаний, сопряженных с состоянием вдохновения, характерно для группы с низким уровнем здоровья, стрессовыми адаптивными реакциями. Фактор вдохновения более тесно связан со здоровьем офисных работников, чем фактор отсутствия негативных эмоций, стресса, напряжения, тревоги. Определенные виды занятий в свободное время показывают более тесную взаимосвязь с хорошим здоровьем и вдохновением: спорт, физическая активность; увлечение искусством (рисование/ пение / игра на музыкальном инструменте); занятия медитацией, релаксационными упражнениями, йогой; домашнее творчество (кулинария, дизайн). Результаты исследования указывают на валеологическое значение состояния вдохновения как фактора профилактики и укрепления здоровья.

Для цитирования в научных исследованиях

Стариков П.А., Малинникова А.А. Вдохновение и творческое хобби как фактор здоровья офисных работников // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 109-119. DOI: 10.34670/AR.2024.75.34.019

Ключевые слова

Вдохновение, потоковые состояния, стресс, реакция активации, здоровье, функциональное состояние организма, адаптивные реакции, творческое хобби, офисные работники.

Введение

Вдохновение становится значимым атрибутом современной культуры, инновационной экономики. В то же время изучение свойств и возможностей этого особого продуктивного состояния только начинается. Внимание исследователей привлекает, прежде всего, высокая эффективность вдохновения в творчестве, обучении, труде. Однако практически не изучены, не систематизированы валеологические характеристики вдохновения. Может ли состояние вдохновения стать средством профилактики и укрепления здоровья?

Одним из первых проблематику взаимосвязи особых состояний сознания и здоровья поднял А. Маслоу в концепции пиковых переживаний. Согласно Маслоу, пиковые переживания имеют особое значение во всех аспектах развития личности. Пиковое переживание – это и модель более здорового, продуктивного состояния, и средство продвижения по пути к большей целостности, интегрированности, индивидуальности [Маслоу, 1997]. Не менее значимую концепцию развил М. Чиксентмихайи, который дал свое название особым продуктивным моментам жизни – потоковые состояния. Опросы, проведенные Чиксентмихайи и другими авторами в разных странах и социальных группах, позволили охарактеризовать и проанализировать устойчивые характеристики потоковых состояний [Чиксентмихайи, 2016; Hoffman, Jiang, Wang, 2020; Keller J., Bless, 2008]. Не теряют значимости в рассматриваемом аспекте взаимосвязи вдохновения и здоровья работы У. Бенсона. В двадцатилетних исследованиях У. Бенсону с коллегами удалось изучить психотехнические особенности работы с пиковыми переживаниями и доказать, что подобные состояния сопровождаются выходом на плато более высокого уровня здоровья и продуктивности, которое Бенсон охарактеризовал как режим повышенной слаженности, гармонизации всех систем организма [Бенсон, Проктор, 2004], [Benson, 2008].

Особый интерес в рассматриваемом контексте представляют работы отечественных физиологов. Выдающийся советский фармаколог Н.В. Лазарев показал, что существуют состояния, сочетающие высокую продуктивность работы и активацию защитных сил организма, высокую устойчивость к повреждающим факторам – СНПС (состояния неспецифически повышенной сопротивляемости организма) [Лазарев, Люблина, Розин, 1959].

Группа ученых под руководством Л. Х. Гаркави продолжила исследования особых состояний организма и обнаружила, что любой фактор, который вызывает стресс, способен также включать и другие более полезные реакции [Гаркави, Квакина, Уколова, 1990]. Эти полезные для здоровья и гармоничного функционирования организма реакции были названы реакциями тренировки, спокойной активации и повышенной активации. В состоянии активации

было обнаружено выраженное усиление защитных, восстановительных, регуляторных, онкопротекторных, ювенильных функций организма. Одновременно Л.Х. Гаркави с сотрудниками была открыта тесная связь физиологических и психоэмоциональных характеристик. Для реакции активации характерен устойчивый ряд признаков: снижение тревожности, раздражительности, угнетенности, улучшение сна и аппетита, подъем работоспособности, активности и оптимизма.

Несмотря на выраженное сходство психологических характеристик реакций активации и особых продуктивных состояний, таких как вдохновение, потоковые состояния, прямые исследования, изучающие их взаимосвязь, проведены не были. Это делает актуальным в теоретическом и практическом плане исследование обсуждаемых взаимосвязей между уровнем здоровья, функциональным состоянием организма и состояниями вдохновения в разнообразных по силе и выраженности формах.

Важным фактором здоровья сегодня становятся различные формы досуга, проведения свободного времени, которые способны уменьшать стресс и напряжение, вносить в жизнь людей элементы свободы, вдохновения, творчества. Особенно значимы полезные и правильные формы досуга в некоторых видах деятельности, например, в офисной работе.

Цели исследования – изучение взаимосвязей, существующих между уровнем здоровья, функциональным состоянием организма и частотой проявлений состояний вдохновения, сопряженных с ним занятий, творческим досугом офисных сотрудников.

Материалы и методы: исследование в форме анкетного опроса выполнено на кафедре социологии Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета. Всего было изучено 369 офисных работников в 2023 г. Большинство респондентов работают в офисе более 10 лет (70%). От 3-х до 10 лет работает 21% опрошенных. 18% респондентов – мужчины и 82% – женщины. Средний возраст респондентов составил 40,5 лет. Возрастной диапазон опрошенных офисных работников – от 19 до 68 лет. Большинство изученных офисных работников имеет высшее образование (93%).

Ранее в проведенных нами исследованиях с 2009 по 2022 г. были апробированы индикаторы и индексные оценки проявленности состояний вдохновения [Стариков, Малинникова, 2023; Стариков, 2022]. Показана устойчивая взаимосвязь эмоциональных реакций и индикаторов состояний, используемых различными авторами для выявления и описания подобных продуктивных состояний [Андреас, Андреас, 1999; Маслоу, 1997; Чиксентмихайи, 2016; Hoffman, Jiang, Wang, 2020; Keller, Bless, 2008]. Выявлено своеобразное ядро сопутствующих вдохновению реакций и переживаний. В соответствии с полученными нами ранее результатами, в данной работе использовалась совокупность индикаторов для измерения проявленности состояний вдохновения в жизни офисных работников.

Оценка уровня здоровья офисных работников, функционального состояния организма и адаптационных реакций проводилась методом, разработанным и апробированным сотрудниками кафедры нормальной и патологической физиологии ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России [Маркина, Маркин, 2000; Маркина, Маркин, 2008]. В основу оценки положено измерение четырех типов адаптационных реакций: реакции тренировки (РТ), реакции повышенной активации (РПА), реакции спокойной активации (РСА), реакции переактивации (РП), реакции стресса (РС); а также один из четырех типов уровня реактивности: высокий, средний, низкий и очень низкий. Тип адаптационной реакции и уровень реактивности измерялся с помощью психофизиологического опросника. Данные обрабатывались с помощью компьютерной программы «Антистресс», разработанной Л.Х. Гаркави с сотрудниками

[Гаркави, Квакина, Уколова, 1990]. Данный метод позволяет выделить четыре типа функциональных состояний по уровню здоровья, согласно классификации В.В. Маркина: хорошее и отличное; удовлетворительное; легкое или умеренное нарушение здоровья; значительное нарушение здоровья или плохое состояние [Маркина, Маркин, 2008]. Кроме того, респондентам предлагалось оценить уровень своего здоровья самостоятельно по шкале: 4 – «хорошее и отличное»; 3 – «удовлетворительное»; 2 – «легкое или умеренное нарушение здоровья»; 1 – «значительное нарушение здоровья или плохое состояние».

Результаты исследования

Как офисные работники проводят свое свободное время?

Для анализа респондентам было предложено ответить на вопрос: «Как Вы проводите свободное время? Просим отметить, как часто Вы занимаетесь этими видами деятельности». Результаты опроса представлены в таблице 1 (в ячейках указаны соответствующие проценты от числа всех респондентов, ответивших на вопрос).

Таблица 1 - Как офисные работники проводят свободное время

	Никогда	Редко (2-3 раза в полгода)	Достаточно часто (2-3 раза в месяц)	Часто (2-3 раза в неделю)	Очень часто (ежедневно)
Спорт, физическая активность, турпоходы	8	33	23	29	8
Общение в социальных сетях	6	14	18	20	42
Активное ведение блога/аккаунта в социальных сетях	56	21	11	8	4
Искусство: рисование/ пение / игра на музыкальном инструменте	50	22	15	10	3
Провожу время за компьютером	12	19	15	14	40
Читаю книги	6	30	28	20	17
Смотрю, сериалы, кино, познавательные передачи	4	16	26	33	22
Получаю дополнительное образование (курсы)	29	38	16	9	9
Медитации, релаксационные упражнения, йога	53	19	11	13	5
Домашнее творчество (кулинария, дизайн)	31	19	26	14	11
Работа с людьми, социальные проекты	51	16	15	9	8
Вышивание / вязание / алмазная вышивка	60	14	12	9	6

Наиболее распространенными формами проведения свободного времени, как показали результаты опроса, являются общение в социальных сетях, проведение времени за

компьютером, просмотр сериалов, кино, познавательных передач. Достаточно часто респонденты занимаются спортом, физической активностью, читают книги. Менее распространены такие виды активности, как «Искусство: рисование/ пение / игра на музыкальном инструменте» – 13% респондентов занимается не менее 2-3 раз в неделю; «Медитации, релаксационные упражнения, йога» – 18%, «Активное ведение блога/аккаунта в социальных сетях» – 12%, «Домашнее творчество (кулинария, дизайн)» – 25%; «Вышивание / вязание / алмазная вышивка» – 15%, «Работа с людьми, социальные проекты» – 17%; «Получение дополнительного образования (курсы)» – 18% соответственно.

Ощущают ли опрошенные офисные работники пользу от этих занятий?

Для оценки субъективного ощущения пользы от занятий в свободное время респондентам предлагались разработанные категории с просьбой оценить степень выраженности каждого признака по семибалльной шкале, где 1 – это отсутствие признака, а 7 – значительная степень выраженности признака. Результаты представлены в таблице 2.

**Таблица 2 - Субъективное ощущение пользы от занятий в свободное время
(среднее значение по выборке)**

Показатели	Среднее значение
Удовольствие	5,79
Помогают расслабиться, снять напряжение, стресс	5,77
Улучшают самочувствие	5,48
Источник вдохновения	5,47
Самореализация	5,32
Уверенность в себе	5,11
Дают ощущение благополучия	4,82
Дают ощущение пользы, одобрения со стороны других людей	4,76
Общение с единомышленниками	4,31
Помогают в работе	3,64
Новые перспективные знакомства	3,44

Как показали результаты опроса, респонденты ощущают несомненную пользу от своих увлечений. Опрошенные офисные работники указывают на получаемое удовольствие, улучшение самочувствия, релаксацию, ощущение благополучия. В том числе занятия воспринимаются ими как источник вдохновения, как возможность самореализации, позволяют ощутить пользу, одобрение со стороны других людей.

Как часто офисные работники испытывают вдохновение?

Для изучения этой проблематики респондентам было предложено ответить на вопрос: «Люди по-разному реагируют на события. А какие эмоции испытываете обычно Вы? Оцените, пожалуйста, каждое эмоциональное состояние по частоте переживания по шкале от 1 до 7, где 1 означает «практически никогда», а 7 – «это мое обычное состояние». Результаты представлены в таблице 3 (в ячейках таблицы указан процент от числа респондентов).

Таблица 3 - Как часто офисные работники испытывают различные переживания

	1 - Практически никогда	2 - Очень редко	3 - Редко	4 - Иногда	5 - Достаточно часто	6 - Часто	7 - Это моё обычное состояние
Вдохновение	5	11	16	17	25	13	14

	1 - Практически никогда	2 - Очень редко	3 - Редко	4 - Иногда	5 - Достаточно часто	6 - Часто	7 - Это моё обычное состояние
Удовлетворение, самореализация	3	6	18	12	28	13	20
Наполненность идеями, планами	2	8	13	17	23	17	19
Легкость, парение	13	19	15	20	16	10	8
Напряжение, стресс	11	17	20	15	15	11	11
Полное вовлечение, растворение в деле	2	6	13	22	22	13	22
Внутреннее ощущение одобрения Вас самих	3	4	14	14	27	15	23
Радость	2	4	8	18	21	19	28
Тревога	13	13	20	21	13	11	9
Усталость	8	9	17	18	17	14	16
Скука	34	23	14	14	6	4	4
Раздражение, злость	26	23	19	12	8	8	5
Беспомощность, отчаяние	40	22	13	14	5	3	2
Чувства красоты, «прекрасных мгновений»	3	3	12	18	17	21	27

Как видно из таблицы 3, значительная часть опрошенных офисных работников испытывает в той или иной степени переживания, сопутствующие состоянию вдохновения. Больше половины респондентов переживают достаточно часто (указано количество респондентов, отметивших градации шкалы в диапазоне от 5 до 7) состояние вдохновения – 52%; состояния легкости, парения – 34%; полное вовлечение, растворение в деле – 57%. Гораздо реже опрошенные испытывают негативные переживания: скуку, раздражение, беспомощность. В то же время стресс, напряжение переживаются респондентами достаточно часто – 37%.

С целью проанализировать внутреннюю структуру переживаний офисных работников был проведен факторный анализ по данному блоку переменных. С использованием метода главных компонент было выделено два фактора. Вместе они описывают 68% исходной вариации признаков. Для лучшей интерпретации факторов использовалась процедура вращения с применением техники Varimax normalized.

Фактор 1 (36% всей исходной вариации) тесно связан с переживаниями: «Вдохновение» (0,84 – факторная нагрузка); «Удовлетворение, самореализация» (0,84); «Наполненность идеями, планами» (0,79); «Легкость, парение» (0,8); «Полное вовлечение, растворение в деле» (0,73); «Внутреннее ощущение одобрения Вас самих» (0,8); «Радость» (0,83); «Чувства красоты, «прекрасных мгновений» (0,63). Полученные высокие значения факторных нагрузок подтверждают концепцию о тесной комплексной связи группы переживаний, сопряженных с

вдохновением. Фактор 1 может быть идентифицирован как фактор, отражающий степень присутствия вдохновения в жизни респондентов.

Фактор 2 (32% всей вариации) тесно связан с переживаниями: «Напряжение, стресс» (0,84 – факторная нагрузка); «Тревога» (0,82); «Усталость» (0,81); «Скука» (0,76); «Раздражение, злость» (0,85); «Беспомощность, отчаяние» (0,82). Совокупность значений факторных нагрузок позволяет интерпретировать этот фактор как степень присутствия негативных эмоций и переживаний, связанных со стрессом и напряжением, в жизни респондентов.

Выявленные факторы позволяют с большей надежностью проследить взаимосвязи между здоровьем и вдохновением (Фактор 1), а также негативными эмоциями, стрессом, психологическим напряжением (Фактор 2).

Корреляционный анализ взаимосвязей между здоровьем и вдохновением

Для анализа уровня здоровья офисных работников использовалось измерение характеристик самочувствия по методу, разработанному на кафедре нормальной физиологии ТГМУ [Маркина, Маркин, 2000; Полещук, Маркина, 2018]. Исследование показало, что по функциональному состоянию только 13% респондентов можно отнести к отличному и хорошему уровню здоровья, а 44% – к удовлетворительному, 37% – проявляют характеристики легкого и умеренного нарушения здоровья. Небольшой части респондентов (6%), по результатам измерения, может быть приписано значительное нарушение здоровья и функционального состояния. Необходимо отметить, что методика оценки состояния уровня здоровья и функционального состояния организма ТГМУ предъявляет достаточно строгие критерии, не всегда соответствующие более «мягким» субъективным оценкам респондентами своего здоровья. Самый высокий уровень «отличное и хорошее состояние здоровья» по методике ТГМУ больше соответствует обыденному представлению об отличном здоровье, а уровень «удовлетворительное состояние» – хорошему и удовлетворительному состояниям. Это обстоятельство отразилось в сопоставлении результатов опроса, полученных нами с помощью методики ТГМУ, и субъективной оценки здоровья респондентами. Коэффициент корреляции между этими оценками составляет 0,38.

Корреляционный анализ по методу Спирмена показал присутствие статистически достоверных отрицательных взаимосвязей между фактором 2 (выраженность негативных эмоций, стресса, психологического напряжения) и уровнем здоровья респондентов. Коэффициент корреляции составляет – 0,34. Найденные закономерности подтверждают широко распространенные представления о негативном влиянии стресса, психологического напряжения на здоровье. В то же время факторный анализ показал присутствие еще одного независимого фактора – фактора 1 (вдохновение), который также сильно связан со здоровьем респондентов.

Результаты корреляционного анализа по методу Спирмена показывают наличие статистически достоверных взаимосвязей между фактором 1 (вдохновение) и уровнем здоровья. Коэффициенты корреляции положительны и принимают значение 0,36 и 0,24 для оценок по методу ТГМУ и самооценок соответственно. Наиболее тесно здоровье связано с переживанием «Легкость, парение» и (0,43 и 0,35). Следует отметить, что именно это переживание описано нами ранее как наиболее характерный индикатор состояния вдохновения [Стариков, 2022]. Дополнительный расчет частных корреляций позволил исключить влияние на найденные взаимосвязи других переменных, возможно оказывающих воздействие: возраст, пол. Данные

указывают на то, что присутствие вдохновения в жизни офисных работников статистически достоверно сопряжено с более высоким уровнем их здоровья (p -уровень ошибки составляет 0,000).

Как связаны вдохновение, здоровье и виды занятий офисных работников в свободное время?

Методом корреляционного анализа по Спирмену выявлены статистически достоверные положительные корреляции. Необходимо отметить, что полученные коэффициенты корреляции преуменьшают реальную силу взаимосвязей, поскольку одновременный вклад в улучшение здоровья и вдохновение респондентов могут вносить разные направления деятельности, которые как бы «маскируют» в анализе друг друга. В то же время изучение корреляций позволяет увидеть общую картину взаимовлияний. Наиболее тесно уровень здоровья и фактор 1 (вдохновение) связаны с занятиями спортом, физической активностью (коэффициенты корреляции составляют 0,25 и 0,34, соответственно), а также с увлечением искусством (коэффициенты корреляции составляют 0,14 и 0,35); с занятиями медитацией, релаксационными упражнениями, йогой (коэффициенты корреляции составляют 0,17 и 0,31); с проведением времени за домашним творчеством (кулинария, дизайн) – коэффициенты корреляции составляют 0,19 и 0,32. Некоторые виды занятий слабо связаны со здоровьем и уровнем вдохновения: работа с людьми, социальные проекты; просмотр сериалов, кино, познавательных передач; посещение концертов, выставок, театров; общение в социальных сетях; активное ведение блога/аккаунта в социальных сетях. Присутствуют и слабые отрицательные корреляции со здоровьем: проведение времени за компьютером.

Интересно отметить, что отсутствуют корреляции между рассматриваемыми видами деятельности и значениями фактора 2, негативными эмоциями психологического напряжения, стресса. Можно предполагать, что основной вклад в улучшение здоровья, которое респонденты получают от своих занятий в свободное время, несет именно вдохновение. При этом верно, чем чаще офисные работники проводят свободное время со своими любимыми занятиями, тем выше уровень их вдохновения, жизнь наполняется сопряженными с вдохновением переживаниями: «Удовлетворение, самореализация»; «Наполненность идеями, планами»; «Легкость, парение»; «Полное вовлечение, растворение в деле»; «Внутреннее ощущение одобрения Вас самих»; «Радость»; «Чувства красоты, «прекрасных мгновений». Эти данные соотносятся и с оценкой пользы от занятий в свободное время, которую дают сами респонденты.

Заключение

Проведенный нами анализ позволил выявить достаточно выраженную, статистически значимую взаимосвязь между вдохновением, его присутствием в жизни офисных работников и уровнем их здоровья. Факторный анализ эмоциональных переживаний, испытываемых респондентами, позволил выделить два независимых фактора: фактор вдохновения и фактор негативных эмоций, стресса, психологического напряжения (факторная модель описывает 68% исходной вариации признаков). Корреляционный анализ по методу Спирмена показал присутствие статистически достоверных отрицательных взаимосвязей между фактором 2 (выраженность негативных эмоций, стресса, психологического напряжения) и уровнем здоровья респондентов. В то же время корреляционный анализ позволил установить, что фактор 1 (вдохновение) не менее сильно связан с хорошим здоровьем респондентов, чем фактор 2 (негативные эмоции, стресс, психологическое напряжение).

Полученные результаты указывают на валеологическое значение состояния вдохновения как одного из факторов профилактики и укрепления здоровья.

Библиография

1. Андреас К., Андреас Т. Сущностная трансформация. Воронеж: МОДЭК, 1999. 320 с.
2. Бенсон Г., Проктор У. Как стать гением. М.: Эксмо, 2004. 380 с.
3. Гаркави Л.Х., Квакина Е.Б., Уколова М.А. Адаптационные реакции и резистентность организма. Ростов н/Д, 1990. 223 с.
4. Лазарев Н.В., Люблина Е.И., Розин М.А. Состояние неспецифически повышенной сопротивляемости // Патологическая физиология и экспериментальная терапия. 1959. С. 16-21.
5. Маркина Л.Д., Маркин В.В. Оценка состояния здоровья с позиции неспецифических адаптационных реакций: перспективы практического использования // Тихоокеанский медицинский журнал. 2000. № 4. С. 55-57.
6. Маркина Л.Д., Маркин В.В. Прогнозирование развития дизадаптационных состояний и алгоритм их эффективной коррекции // Тихоокеанский медицинский журнал. 2008. № 3. С. 30-36.
7. Маркина Л.Д., Маркин В.В. Сравнительная оценка функционального состояния студентов в конце семестра // Валеология. 2000. № 2. С. 74-76.
8. Маслоу А. Психология бытия: пер. с англ. М.: Рефл-бук : Ваклер, 1997. 300 с.
9. Полещук Т.С., Маркина Л.Д. Особенности функционального состояния студентов медицинского вуза // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 1. С. 109-114.
10. Стариков П.А. Опыт исследования вдохновения и сопряженных с ним эмоциональных переживаний в творчестве студенческой молодежи // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 3. С. 249-258.
11. Стариков П.А., Малинникова А.А. Вдохновение и функциональное состояние организма, уровень здоровья студентов вуза // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 2023. Т. 12. № 2А. С. 287-298.
12. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 460 с.
13. Benson H. The relaxation response. New-York: Quill, 2008. 179 p.
14. Hoffman. E., Jiang S., Wang Y. Travel as a Catalyst of Peak Experiences Among Young Chinese Adults // Journal of humanistic psychology. 2020. Vol. 61(4). P. 608-621.
15. Keller J., Bless H. Flow and regulatory compatibility: An experimental approach to flow model of intrinsic motivation // Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. Vol. 34. P. 196-209.

Inspiration and creative hobbies as a factor of office workers' health

Pavel A. Starikov

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of sociology,
Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology
of Siberian Federal University,
660041, 79 Svobodnyi ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: Kriprikrit@yandex.ru

Aleksandra A. Malinnikova

Master's Student,
Humanitarian and Pedagogical Institute
of Tolyatti State University,
445020, 14 Belorusskaya str., Tolyatti, Russian Federation;
e-mail: sashusyam@gmail.com

Abstract

The article presents the results of a study of the interrelationships that exist between the hobbies, occupations of office workers in their free time and their level of health, the frequency of manifestations of states of inspiration, and associated experiences. A questionnaire survey was used to study 369 office workers (2023). The frequency of positive experiences associated with inspiration and negative experiences associated with tension, stress, and anxiety was considered. The functional state of the body and the level of health were measured according to the methodology developed at the Department of Normal and Pathological Physiology of the Federal State Budgetary Educational Institution of the Russian Ministry of Health. Using the methods of correlation and factor analysis, the relationship between the level of health and the frequency of manifestations of states of inspiration has been revealed. Office workers, who often experience correlated with a state of inspiration, have better health. On the contrary, the absence of experiences associated with a state of inspiration is typical for a group with a low level of health, stress adaptive reactions. The inspiration factor is more closely related to the health of office workers than the factor of absence of negative emotions, stress, tension, anxiety. Certain types of leisure activities show a closer relationship with good health and inspiration: sports, physical activity; passion for art (drawing / singing / playing a musical instrument); meditation, relaxation exercises, yoga; home creativity (cooking, design). The results of the study indicate the valeological significance of the state of inspiration as a factor of prevention and health promotion.

For citation

Starikov P.A., Malinnikova A.A. (2024) Vdokhnovenie i tvorcheskoe khobbi kak faktor zdorov'ya ofisnykh rabotnikov [Inspiration and creative hobbies as a factor of office workers' health]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 109-119. DOI: 10.34670/AR.2024.75.34.019

Keywords

Inspiration, flow states, stress, activation reaction, health, functional state of the body, adaptive reactions, creative hobby, office workers.

References

1. Andreas K., Andreas T. (1999) *Sushchnostnaya transformatsiya* [Essential transformation]. Voronezh: MODEK Publ.
2. Benson G., Proktor U. (2004) *Kak stat' geniem* [How to become a genius]. Moscow: Eksmo Publ.
3. Benson H. (2008) *The relaxation response*. New-York: Quill.
4. Chiksentsmikhaii M. (2016) *Potok: Psikhologiya op Psychology. Historical-critical reviews and modern studies timal'nogo perezhivaniya* [Flow: The Psychology of Optimal Experience]. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.
5. Garkavi L.Kh., Kvakina E.B., Ukolova M.A. (1990) *Adaptatsionnye reaksii i rezistentnost' organizma* [Adaptive reactions and resistance of the body]. Rostov-on-Don.
6. Hoffman. E., Jiang S., Wang Y. (2020) Travel as a Catalyst of Peak Experiences Among Young Chinese Adults. *Journal of humanistic psychology*, 61(4), pp. 608-621.
7. Keller J., Bless H. (2008) Flow and regulatory compatibility: An experimental ap-proach to flow model of intrinsic motivation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 34, pp. 196-209.
8. Lazarev N.V., Lyublina E.I., Rozin M.A. (1959) Sostoyanie nespetsificheskii po-vyshennoi soprotivlyaemosti [State of nonspecifically increased resistance]. *Patologicheskaya fiziologiya i eksperi-mental'naya terapiya* [Pathological physiology and experimental therapy], pp. 16-21.
9. Markina L.D., Markin V.V. (2000) Otsenka sostoyaniya zdorov'ya s pozitsii ne-spetsificheskikh adaptatsionnykh reaksii: perspektivy prakticheskogo is-polzovaniya [Assessment of health status from the perspective of non-specific adaptive

-
- reactions: prospects for practical use]. *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal* [Pacific Medical Journal], 4, pp. 55-57.
10. Markina L.D., Markin V.V. (2008) Prognozirovaniye razvitiya dizadaptatsionnykh sostoyaniy i algoritm ikh effektivnoy korrektsii [Forecasting the development of maladaptation states and an algorithm for their effective correction]. *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal* [Pacific Medical Journal], 3, pp. 30-36.
 11. Markina L.D., Markin V.V. (2000) Sravnitel'naya otsenka funktsional'nogo sostoyaniya studentov v kontse semestra [Comparative assessment of the functional state of students at the end of the semester]. *Valeologiya* [Valeology], 2, pp. 74-76.
 12. Maslou A. (1997) *Psikhologiya bytiya: per. s angl.* [Psychology of Being] Moscow: Refl-buk: Vakler Publ.
 13. Poleshchuk T.S., Markina L.D. (2018) Osobennosti funktsional'nogo sostoyaniya studentov meditsinskogo vuza [Features of the functional state of medical university students]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 1, pp. 109-114.
 14. Starikov P.A. (2022) Opyt issledovaniya vdokhnoveniya i sopryazhennykh s nim emotsional'nykh perezhivaniy v tvorchestve studencheskoy molodezhi [Experience in studying inspiration and associated emotional experiences in the creativity of students]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Questions of theory and practice], 7 (3), pp. 249-258.
 15. Starikov P.A., Malinnikova A.A. (2023) Vdokhnovenie i funktsional'noe so-stoyanie organizma, uroven' zdorov'ya studentov vuza [Inspiration and functional state of the body, the level of health of university students]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical reviews and contemporary studies], 12 (2A), pp. 287-298.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.64.46.036

Обучение с подкреплением и его применение в менеджменте**Саранцева Светлана Геннадьевна**

Аспирант,
МИРЭА – Российский технологический университет,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 78;
e-mail: svesil23@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается метод обучения с подкреплением, его история, корреляция из теоретического научения Скиннера в метод машинного обучения в робототехнике и далее применение в стратегическом управлении организационной деятельностью. Проанализированы психологические факторы принятия решений руководителем компании и раскрыты барьеры, встречающиеся на пути реализации стратегии. Разработанная в статье модель позволит профессиональной деятельности быть более эффективной и продуктивной за счет сокращения затрат и времени на выработку управленческих решений. Подводя итог, стоит отметить, что, конечно, мозг человека превосходит машины в задачах на не алгоритмические решения, благодаря духовным ценностям и внутренним психологическим факторам человека, чему мы ранее могли убедиться, но машины все же превосходят в скорости и памяти. Лучшее взаимодействие на данный момент в сфере управления и принятия решений между мозгом и искусственным интеллектом может быть достигнуто через расшифровку того, что делает мозг, и передачу этой информации в компьютер.

Для цитирования в научных исследованиях

Саранцева С.Г. Обучение с подкреплением и его применение в менеджменте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 120-128. DOI: 10.34670/AR.2024.64.46.036

Ключевые слова

Обучение с подкреплением, reinforcement learning, психология менеджмента, психология управления, психология принятий решений, психология профессиональной деятельности, инженерная психология, психология труда.

Введение

Теория обучения с подкреплением или программированного обучения была предложена в начале 50-х гг. 20 в. американским психологом Б.Ф. Скиннером для обеспечения двух основных характеристик обучения:

- формирования у учащихся способности самостоятельно добывать знания;
- повышения управляемости процесса учения со стороны педагога.

Для Скиннера характерна биологизация процесса обучения. В этом случае в качестве основной психологической категории рассматривается понятие «научения» [Мних и др., 2015, 529-533].

Основная часть

Научение – процесс и результат приобретения индивидуального опыта.

Рисунок 1 - Схема обучения с подкреплением по Скиннеру (сегодня)

Итак, обучение с подкреплением – это психологический процесс, в основе которого лежит механизм обучения на основе последствий действий. Этот подход основан на идее, что поведение может быть усилено или подавлено благодаря последующим последствиям этого поведения [Пинто и др., 2017, 3-26].

Основой обучения с подкреплением является принцип оперантного условного рефлекса. Согласно ему, поведение усиливается или угнетается через подкрепление, которое может быть положительным или отрицательным. Б.Ф. Скиннер, проводя эксперименты на животных, показал, что они могут научиться различным поведенческим моделям, если получают подкрепление в виде награды или избегания наказания [Глешер и др., 2010, 585-595].

- Положительное подкрепление – усиление поведения путем предоставления стимула после выполнения действия.
- Отрицательное подкрепление – усиление поведения путем устранения нежелательного стимула после выполнения действия.

Области применения в психологии

- Терапевтический контекст: Обучение с подкреплением используется в психотерапии, например, при лечении фобий. Терапевт может применять подкрепление для поощрения пациента противостоять своим страхам или избегать нежелательного поведения.
- Образование и развитие: в образовательных контекстах принципы подкрепления могут применяться для стимулирования желаемого поведения студентов, повышения их мотивации и улучшения учебных результатов.
- Развитие навыков: в сфере развития профессиональных навыков, таких как лидерство или коммуникация, применение обучения с подкреплением может помочь индивидам усвоить и укрепить желаемые компетенции.

Подводя итог, стоит отметить, что, несмотря на популярность и применение, подход имеет свои критерии. Некоторые эксперты считают, что фокус на подкреплении может привести к поверхностному пониманию или механическому выполнению задачи без глубокого понимания материала или задачи. Безусловно, обучение с подкреплением представляет собой важный и широко применяемый подход в психологии, который основан на механизмах усиления или угнетения поведения через последствия. Однако, как и любой метод, он требует грамотного применения и адаптации к конкретным ситуациям и индивидам.

Обучение с подкреплением в машинном обучении и робототехнике

Фрагменты теории обучения с подкреплением разрабатывались, как мы могли увидеть в предыдущей главе, с середины 1950-х годов [Хессел и др., 2019, 207-320] Но идеи, которые сформировали современное обучение с подкреплением, были собраны воедино лишь в 1989 году, когда Крис Уоткинс формализовал математический аппарат Q-обучения (Q-learning), используемый для обучения RL-агентов. Но о современном обучении с подкреплением, о начале его распространения, можно было говорить лишь после прорывной работы по AlexNet, вышедшей в 2012 году [Йех и др., 2017, 3407-3414]. А появление проекта ImageNet ознаменовало собой тот момент, когда глубокая нейронная сеть впервые значительно превзошла ранее используемые подходы к классификации объектов на сложных изображениях реального мира.

Таким образом, обучение с подкреплением (Reinforcement Learning) – это метод машинного обучения, в котором система (агент) обучается методом проб и ошибок. Идея заключается в том, что агент взаимодействует со средой, параллельно обучаясь, и получает вознаграждение за выполнение действий [Левин и др., 2016, 1-40]

В обучении с подкреплением используется способ положительной награды за правильное действие и отрицательной за неправильное [Кобер и др., 2013, 1238-1274]. В результате метод присваивает положительные значения желаемым действиям, чтобы побудить агента, и отрицательные значения – к нежелательным. Это программирует агента на поиск долгосрочного и максимального общего вознаграждения для достижения оптимального решения. Такие долгосрочные цели не дают агенту возможности останавливаться на достигнутом [Ленц, 2015, 4-5]. Со временем система учится избегать негативных действий и совершает только

ПОЗИТИВНЫЕ.

Рисунок 2 - Развернутая схема обучения с подкреплением (сегодня 2)

Области применения обучение с подкреплением в машиностроении:

- Робототехника для промышленной автоматизации
- Планирование бизнес-стратегии.
- Автоматизация внутри самого машинного обучения.
- Продвинутое система рекомендации.
- Управление движением робота, автопилот.

В заключении следует отметить, что обучение с подкреплением требует больших вычислительных ресурсов и времени, особенно когда пространство для действий у модели велико [Джейкобсон, 2018, 232-248].

Обучение с подкреплением в менеджменте

Ранее мы рассмотрели историю появления обучения с подкреплением или программированного обучения, его зарождение и применение в робототехнике. Теперь, хотелось бы провести связь и корреляцию данного обучения с теорией принятия решения в менеджменте.

Как мы помним, процесс обучения с подкреплением базируется на принципе того, что результат действия агента зависит не только от состояния, в котором это действие выполнялось, но и от действия другого игрока.

Вследствие чего метод программированного обучение целесообразен в ситуациях, когда агент сталкивается со случайным результатом от своих действий или с результатом, который зависит от действий других агентов.

Теперь обратимся к специфике функции принятия решения в деятельности

предпринимателя.

Итак, в структуре управленческой деятельности руководителя можно выделить несколько важнейших элементов – функции целеполагания, прогнозирования, планирования, организации, мотивирования, контроля. Все они по-своему важны для успешной деятельности предпринимателя, однако, многие специалисты в области менеджмента полагают, что наиболее существенным элементом среди этих аспектов работы руководителя является функция принятия управленческих решений [Абдалла и др., 2019, 801-812]. Это связано еще и с тем, что большинство других функций руководитель может делегировать своим подчиненным, но если он делегирует функцию принятия решений, то сразу теряет бразды правления и возможность управлять ситуацией, автоматически переставая быть руководителем. Если говорить об определениях, то решением называют выбор одной из ряда альтернатив в процессе достижения поставленных целей.

В своей реальной работе предпринимателю каждый день приходится иметь дело с информацией и принимать множество решений, которые касаются самых различных сфер его деятельности. Иногда ошибки в этом процессе могут быть легко исправлены, но иногда они могут оказаться фатальными для его бизнеса [Юн и др., 2019, 464-485]. Однако, хотя все понимают, что эффективная работа руководителя немыслима без умения принимать качественные решения, этому умению предприниматели, как правило, не обучены, и вынуждены обучаться этому умению самостоятельно через процедуру проб и ошибок.

Отличительной особенностью функции принятия решения является то, что ее гораздо труднее стандартизировать и свести к ограниченному набору алгоритмов, в связи с этим в ней очень велика роль субъективных собственно психологических факторов [Сильвер и др., 2017, 354-359]. Существуют, конечно, многочисленные правила, процедуры и методы принятия решения, которые облегчают этот процесс, однако каждый бизнесмен по своему личному опыту знает, как велика роль субъективных и интуитивных факторов в этом процессе. В силу этого функция принятия решения является предметом изучения двух наук – теории управления, и психологии.

Классификация управленческих решений

Длительное время – вплоть до возникновения поведенческого подхода – теория управления базировалась на постулате рациональности поведения в целом и принятия решения в частности. Он состоит в том, что руководитель должен и может строить свое поведение и принимать решения, ориентируясь на максимальный учет всех факторов ситуации. Это обусловило развитие так называемых жестких схем управления, исходящих из представлений о «человеке рациональном». Однако в дальнейшем было показано, что объективно присущие человеку психофизиологические ограничения делают невозможным строго рациональное поведение и принятие решения, а полный учет всех объектных факторов при этом также в принципе невозможен. В результате была разработана концепция «ограниченной рациональности», одним из главных тезисов которой является то, что субъективные, психологические особенности – это объективные, ограничивающие факторы поведения. Они оказывают важное, а часто – определяющее влияние и на процессы принятия решения, и на управление.

Существует различные подходы к типологии управленческих решений. Одна из классификаций разделяет их интуитивные, основанные на суждениях и рациональные решения. Интуитивные решения отличаются тем, что в них слабо представлены те этапы, которые были рассмотрены выше и, в частности, этапа осознанной оценки – «взвешивания» альтернатив. Решение, основанное на суждениях, – это выбор, обусловленный знаниями и прошлым опытом.

Состояние агента (руководителя) определяется семи звеньями стратегии принятия решения

(рис. 3)

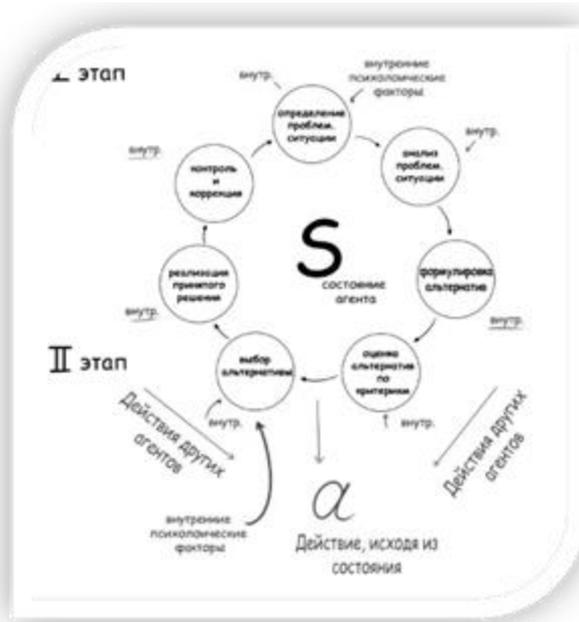

Рисунок 3 - Этапы принятия управленческого решения или внутреннее состояние агента

В отличие от них рациональные решения не имеют непосредственной опоры только на прошлый опыт как «здравый смысл», а принимаются на основе последовательности аналитических процедур [Чен, 2019, 106-119]. На каждом из этапов стратегического планирования его сопровождают внутренние психологические факторы (рис. 4).

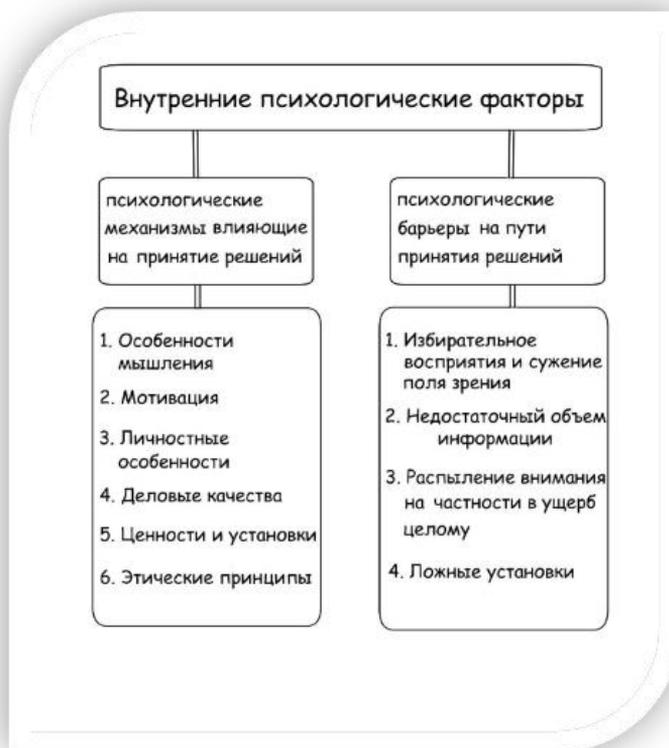

Рисунок 4 - Психологические факторы принятия управленческих решений

Далее, как видно на рис. 3, агент производит действие «а», исходя из состояния «S» и на его действие уже оказывают влияние и внешние психологические факторы – действия других контрагентов. В результате агент получает, либо вознаграждение – удовлетворяющую оценку своих действий, фиксируя это состояние положительным опытом, либо отрицательную, получая негативный опыт.

Но стоит также отметить, как пишет В.А. Смирнов, практически каждое управленческое решение отражает индивидуальность его инициатора и систему его ценностей. Роль человеческого фактора очень велика и проявляется в двух аспектах: влияние личностных характеристик на процесс разработки управленческого решения и личностные оценки уже существующего решения [Бидер, 2019, 479-493].

Заключение

В заключение обозначим дальнейшие пути исследования, возникающие на данном этапе цифровизации общества и требующие психологического анализа и изучения:

- Итак, индустрия 4.0 пытается отдать часть интеллектуального труда машинам, но человек все еще нужен для контроля и принятия решений;
- Индустрия 5.0 охватывает все более широкие пространства, включая процесс обучения и подготовку кадров. Эти модели могут внедряться во все аспекты жизни, включая психологические портреты людей [Доу и др., 2011, 1204-1215];
- В сфере управленческой деятельности и принятия решений искусственный интеллект может быть быстрее и мощнее, но не может решать задачи на не алгоритмические стратегии, которые требуют интуиции и догадок, а, по утверждению Ричарда Фейман, великие открытия не делаются алгоритмическим путем, а скорее интуитивно или с помощью догадок [Конидарис и др., 2018, 215-281].

Подводя итог, стоит отметить, что, конечно, мозг человека превосходит машины в задачах на не алгоритмические решения, благодаря духовным ценностям и внутренним психологическим факторам человека, чему мы ранее могли убедиться, но машины все же превосходят в скорости и памяти. Лучшее взаимодействие на данный момент в сфере управления и принятия решений между мозгом и искусственным интеллектом может быть достигнуто через расшифровку того, что делает мозг, и передачу этой информации в компьютер.

Библиография

1. Абдалла С. и др. Обучение с подкреплением в бизнесе и менеджменте: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // *European Journal of Operational Research*. 2019. V. 278 (3).
2. Бидер С., Ниссен В. Применение обучения с подкреплением в процессе принятия оперативных решений // *Европейский журнал операционных исследований*. 2019. № 274 (2).
3. Глешер Дж. и др. Состояния в сравнении с вознаграждениями: сигналы об ошибках диссоциативного нейронного прогнозирования, лежащие в основе обучения с подкреплением на основе моделей и без моделей // *Neuron*. 2010. 66 (4).
4. Джейкобсон С.Х., Алемзаде Х. Обучение с подкреплением для составления расписания: обзор литературы // *Омега*. 2018. 77.
5. Доу Н. и др. Влияние моделей на выбор людей и ошибки предсказания стриатума // *Neuron*. 2011. 69 (6).
6. Йех С. и др. Изучение визуомоторного контроллера для реального роботизированного захвата с использованием имитируемых изображений глубины // *Материалы Международной конференции IEEE по робототехнике и*

- автоматизации. 2017.
7. Кобер Дж. и др. Обучение с подкреплением в робототехнике: обзор // Международный журнал исследований робототехники. 2013. 32 (11).
 8. Конидарис Г.Д. и др. От навыков к планированию задач: основа для изучения моделей, основанных на правилах // Журнал исследований искусственного интеллекта. 2018. 61.
 9. Левин С. и др. Комплексное обучение глубоким зрительно-моторным стратегиям // Журнал исследований машинного обучения. 2016. 17 (39).
 10. Ленц И. и др. Глубокое обучение для обнаружения роботизированных захватов // Международный журнал исследований робототехники. 2015. 34.
 11. Ли М. Обучение с подкреплением для систем управления: обзор // Automatica. 2019. 111, 108633.
 12. Мних В. и др. Контроль на уровне человека посредством глубокого обучения с подкреплением // Nature. 2015. 518 (7540).
 13. Пинто Л., Асфур Т., Крагич Д. Асимметричное исследование-эксплуатация в эпизодическом обучении с подкреплением // Международный журнал исследований робототехники. 2017. 36 (1).
 14. Саттон Р.С., Барто А.Г. Обучение с подкреплением: введение. Издательство Массачусетского технологического института. 1998.
 15. Сильвер Д. и др. Овладение шахматами и сеги путем самостоятельной игры с использованием общего алгоритма обучения с подкреплением // Nature. 2017. 551.
 16. Фу Дж. и др. Подход, основанный на обучении с подкреплением, для контроля риска переутомления при вождении в сценарии следования за автомобилем // IEEE. 2019. 7.
 17. Хессел М. и др. Обзор обучения с подкреплением в робототехнике. Основы и тенденции в робототехнике. 2019.
 18. Чен Б., Сюй С. Изучение влияния обучения с подкреплением на принятие организационных решений // Журнал организационного поведения. 2019. 40 (1).
 19. Чжан У. и др. Поиск нейронной архитектуры для городских энергетических систем. 2018.
 20. Чирзин И.А., Трегубов А.А. Обучение с подкреплением в управлении цепочками поставок: обзор и направления будущих исследований // Журнал промышленной инженерии и менеджмента. 2019. 12 (3).
 21. Шульман Дж. и др. Оптимизация политики доверительного региона. 2015.
 22. Юн Дж. и др. Приложения для обучения с подкреплением в управлении доходами: обновленный обзор // Журнал управления доходами и ценообразованием. 2019. 18 (6).

Reinforcement learning and its application in management

Svetlana G. Sarantseva

Postgraduate,
Russian Technological University,
119454, 78, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: svesil23@mail.ru

Abstract

The theory of reinforcement learning or programmed learning was proposed in the early 50s. 20th century American psychologist B.F. Skinner to ensure two main characteristics of learning: developing students' ability to independently acquire knowledge; increasing the controllability of the learning process on the part of the teacher. This article discusses the reinforcement learning method, its history, correlation from Skinner's theoretical learning to the machine learning method in robotics and further application in strategic management of organizational activities. The psychological factors of decision-making by the head of the company are analyzed and the barriers encountered in the implementation of the strategy are revealed. The model developed in the article will allow professional activity to be more effective and productive by reducing the cost and time for making management decisions. To summarize, it is worth noting that, of course, the human brain is superior to machines in tasks involving non-algorithmic decisions, thanks to spiritual values and

internal psychological factors of a person, which we could previously verify, but machines are still superior in speed and memory. The best interaction to date in control and decision-making between the brain and artificial intelligence can be achieved through deciphering what the brain is doing and transmitting that information to a computer.

For citation

Sarantseva S.G. (2024) Obuchenie s podkrepleniem i ego primenenie v menedzhmente [Reinforcement learning and its application in management]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 120-128. DOI: 10.34670/AR.2024.64.46.036

Keywords

Reinforcement learning, reinforcement learning, management psychology, management psychology, psychology of decision-making, psychology of professional activity, engineering psychology, labor psychology.

References

1. Abdalla S. et al. (2019) Reinforcement learning in business and management: past, present and future prospects. *European Journal of Operational Research*, 278 (3).
2. Bider S., Nissen V. (2019) Application of reinforcement learning in the process of making operational decisions. *European Journal of Operational Research*, 274 (2).
3. Chen B., Xu X. (2019) Studying the influence of reinforcement learning on organizational decision making. *Journal of Organizational Behavior*, 40 (1).
4. Chirzin I.A., Tregubov A.A. (2019) Reinforcement learning in supply chain management: a review and directions for future research. *Journal of Industrial Engineering and Management*, 12 (3).
5. Dow N. et al. (2011) The influence of models on people's choice and prediction errors in the striatum. *Neuron*, 69 (6).
6. Fu J. et al. (2019) A reinforcement learning approach to control the risk of fatigue while driving in a car following scenario. *IEEE*, 7.
7. Glasher J. et al. (2010) States versus rewards: Dissociative neural prediction error signals underlying model-based and model-free reinforcement learning. *Neuron*, 66 (4).
8. Hessel M. et al. (2019) *A review of reinforcement learning in robotics. Fundamentals and trends in robotics.*
9. Jacobson S.H., Alenzadeh H. (2018) Reinforcement learning for scheduling: a literature review. *Omega*, 77.
10. Kober J. et al. (2013) Reinforcement learning in robotics: a review. *International Journal of Robotics Research*, 32 (11).
11. Konidaris G.D. et al. (2018) From skills to task planning: a framework for learning rule-based models. *Journal of Artificial Intelligence Research*, 61.
12. Lee M. (2019) Reinforcement learning for control systems: a review. *Automatica*, 111, 108633.
13. Lenz I. et al. (2015) Deep learning for detection of robotic grippers. *International Journal of Robotics Research*, 34.
14. Levin S. et al. (2016) Complex training of deep visuomotor strategies. *Journal of Machine Learning Research*, 17 (39).
15. Mnich V. et al. (2015) Human-level control through deep reinforcement learning. *Nature*, 518 (7540).
16. Pinto L., Asfour T., Kragic D. (2017) Asymmetric exploration-exploitation in episodic reinforcement learning. *International Journal of Robotics Research*, 36 (1).
17. Shulman J. et al. (2015) *Optimization of trust region policy.*
18. Silver D. et al. (2017) Mastering chess and shogi through independent play using a general reinforcement learning algorithm. *Nature*, 551.
19. Sutton R.S., Barto A.G. (1998) *Reinforcement learning: an introduction.* MIT Press.
20. Yeh S. et al. (2017) Study of a visuomotor controller for real robotic grasping using simulated depth images. In: *Proceedings of the IEEE International Conference on Robotics and Automation.*
21. Yoon J. et al. (2019) Reinforcement learning applications in revenue management: An updated review. *Journal of Revenue and Pricing Management*, 18 (6).
22. Zhang W. et al. (2018) *Searching for neural architectures for urban energy systems.*

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.52.32.033

Характеристики психологического профиля сотрудников полиции: анализ и перспективы

Александров Георгий Валерьевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
680021, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Серышева, 47;
e-mail: algerz@mail.ru

Моргунова Наталья Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
680021, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Серышева, 47;
e-mail: morgonv@mail.ru

Аннотация

Психологический профиль сотрудников полиции является ключевым элементом успешной работы правоохранительных органов. Эффективное управление психологическими аспектами сотрудников, начиная от отбора и заканчивая тренингом, содействует созданию профессионального и компетентного корпуса полиции, способного эффективно реагировать на вызовы современного общества. Настоящая статья представляет собой обзор и анализ основных характеристик психологического профиля сотрудников полиции, с фокусом на тех аспектах, которые могут существенно влиять на профессиональное поведение и выполнение служебных обязанностей. Автор рассматривает специфику социально-профессиональной группы сотрудников МВД, которая проявляется в личностных качествах, которые выражаются в способности адекватно выполнять стандартные и творческие задачи через действия и взаимодействие с различными людьми. Профессиональная идентификация сотрудников зависит от их профессионального самосознания и демонстрации личностных качеств в профессиональной деятельности перед обществом. С учетом динамики общества и изменений в структуре преступности, дальнейшее исследование и разработка методов адаптации психологического профиля сотрудников полиции представляют собой перспективное направление. Интеграция новых технологий, таких как психологические тесты и виртуальные тренировки, может улучшить процессы отбора и подготовки полицейских. Психологический профиль сотрудников полиции является ключевым элементом успешной работы правоохранительных органов. Эффективное управление психологическими аспектами сотрудников, начиная от отбора и заканчивая тренингом, содействует созданию профессионального и компетентного корпуса полиции, способного эффективно реагировать на вызовы современного общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Александров Г.В., Моргунова Н.В. Характеристики психологического профиля сотрудников полиции: анализ и перспективы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 129-138. DOI: 10.34670/AR.2024.52.32.033

Ключевые слова

Психологический профиль, сотрудник полиции, эффективность, правоохранительная деятельность, профессиональная идентификация.

Введение

Современное общество сталкивается с различными вызовами в области обеспечения безопасности, и роль полиции в этом контексте является непререкаемой. Эффективность полиции во многом зависит от качественных характеристик ее сотрудников, включая их психологический профиль. Этот аспект становится все более важным в условиях увеличивающейся сложности и разнообразия преступлений.

Проблема развития сотрудников МВД через изучение их личностных особенностей в контексте профессионального сознания и самосознания данной профессиональной группы пока не получила достаточного внимания исследователей, как в рамках группового сознания, так и в общественном мнении. Следовательно, существует необходимость более глубокого анализа этой проблемы, с целью расширения наших представлений о взаимосвязи личностных качеств сотрудников МВД и их профессиональной деятельности, а также их общественного восприятия. Кроме того, нам важно изучить соотношение профессиональных стереотипов, формируемых обществом, и социальной оценки данной профессиональной группы. Это стало целью нашего исследования.

В МВД существует множество социомических профессий и специальностей. Деятельность этой организации представляет собой сложное взаимодействие между людьми. Сотрудники МВД ежедневно сталкиваются с трудными социальными ситуациями и конфликтами, особенно по отношению к преступному контингенту, который проявляет асоциальное поведение, неуправляемость, агрессивность и неприязнь к представителям власти.

Основная часть

Психологический анализ деятельности сотрудников МВД позволяет понять ее сложность, многоуровневость, интенсивность и выраженность. Знание общих закономерностей такой деятельности помогает понять процессы ее осуществления и повысить эффективность работы.

Специфика социально-профессиональной группы сотрудников МВД проявляется в личностных качествах, которые выражаются в способности адекватно выполнять стандартные и творческие задачи через действия и взаимодействие с различными людьми. Профессиональная идентификация сотрудников зависит от их профессионального самосознания и демонстрации личностных качеств в профессиональной деятельности перед обществом [Кравцов, 2018].

Личность как функциональная динамическая система непрерывно взаимодействующих характеристик, развивающихся в процессе онтогенеза человека, определяет многообразие

социальности субъекта профессиональной деятельности. Согласование общественных интересов и интересов субъекта – это работа самого субъекта профессиональной деятельности на благо общества. Если поведение не соответствует представлениям социальных групп о профессиональной деятельности, то возникают социальные конфликты. Актуальность проблемы и недостаточная научная проработанность отмеченного подхода к развитию, оценке и самооценке личности сотрудников различных сфер деятельности, а также необходимость повышения эффективности психологического сопровождения работы с должностными лицами Министерства внутренних дел определили объект, предмет и цель исследования.

Профессиональная деятельность сотрудников полиции обладает очень яркой спецификой. Различные ученые выделяют от 8 до 16 различных черт, отличающих этот вид профессиональной деятельности от всех прочих [Гизатуллин, 2014; Осин, 2020; Симонова, 2022]. При этом во всех работах, описывающих психологическую специфику профессиональной деятельности полицейских, подчеркивается экстремальный и исключительно напряженный характер этой работы

Сотрудники полиции сталкиваются с открытым противодействием со стороны правонарушителей, которые не хотят быть пойманными и привлеченными к ответственности. Сама по себе деятельности сотрудника полиции жестко ограничена различными нормами и регламентами и часто под угрозой довольно серьезных наказаний не позволяет ему действовать свободно. Одновременно с этим, в литературе отмечается достаточно осязаемое противодействие общественности, часто негативно относящейся к сотрудникам полиции и не облегчающей им работу, создавая атмосферу осуждения и враждебности [Ильина, 2020; Тураносова, 2020]. Все это создает множество различных психотравмирующих ситуаций, с которыми необходимо справляться сотрудникам органов внутренних дел.

Комплекс факторов правоохранительной деятельности порождает состояние напряженности как в сфере выполнения служебных задач, так и в семейно-бытовой сфере. Возникающие сложности связаны с постоянным дефицитом времени, ненормированностью служебного времени, управленческими установками, ориентирующими на выполнение срочных и интенсивных заданий, превышающих физические и психологические возможности. Все это требует от сотрудников полиции «больших резервов психики, самообладания, навыков саморегуляции»

В процессе деятельности усиливается напряжение, особенно в области коммуникационных отношений с объектом труда, которые характеризуются конфликтами, соперничеством и противостоянием, оказывая негативное воздействие на эмоциональную, моральную и ценностную сферы личности. Все негативные эмоциональные аспекты рабочей среды становятся критически важными для человека и его психологического состояния, если отсутствует устойчивая эмоциональная и волевая подготовленность [Удовенко, 2022].

Факторы хронического эмоционального стресса оказывают на личность наиболее сильное воздействие, в результате чего надежность выполнения задач страдает. В таких ситуациях отсутствует гармония между эмоциональными реакциями и способностью самостоятельно контролировать свои действия. Отсутствие навыков эмоционально-волевой регуляции и недостаток компетенции в этой области серьезно влияют на эффективность деятельности, поскольку субъект не способен адекватно оценивать свои состояния и состояния окружающего объекта.

Для осуществления оперативно-служебных целей и задач необходимы следующие навыки и умения.

Умения:

- выбирать при наблюдении материал, который необходим для решения проблемы;
- устанавливать и поддерживать контакт, оказывать манипулятивное воздействие на людей; отстаивать свою точку зрения;
- заставить себя делать неинтересную работу;
- критически оценивать ситуацию; подчиняться и точно выполнять указания старшего;
- согласовывать свои действия с действиями других людей;
- избегать конфликтных ситуаций;
- регулировать свои функциональные состояния (аутотренинг, эмоционально-волевая тренировка);
- поддерживать на высоком уровне готовности к действию (состояние мобилизованности); быть бдительным;
- использовать вербальные и невербальные средства общения;
- умения ролевого разыгрывания различных типов людей;
- распознавать мотивы, намерения, психологические особенности и психические состояния собеседников, прогнозировать их поведение и управлять ими;
- скрывать (маскировать) свою социальную и ролевою принадлежность, свои истинные мотивы, намерения;
- находить новые нестандартные решения;
- самостоятельно планировать свое служебное время;
- владение приемами саморегуляции, снятия нервномышечного напряжения, активизации внутренних ресурсов, мобилизации энергии;
- подчиняться и точно выполнять указания старшего группы или смены;
- согласовывать свои действия с действиями других людей;
- в конфликтных ситуациях использовать адекватную ситуации стратегию поведения;

Навыки:

- бесконфликтного владения навыками задержания, одевания наручников, обыска и другими нюансами ОРМ;
- владения боевыми искусствами самообороны и обезвреживания преступника, лазания, бега и др. видами и методами физической подготовки;
- превосходного владения холодным и огнестрельным оружием, способами нелетального поражения противника и другими доступными методами боевой и огневой подготовки;
- составления отчетов и заполнения профессиональных документов;
- четкого доклада или изложения профессиональным языком увиденного и услышанного;
- ухода за оружием и экипировкой; оказания первой помощи товарищам и населению в критических ситуациях;
- контр — аварийного и оперативного вождения наземным, воздушным и водным транспортом и др. добывания огня, воды, пищи и соблюдения гигиены в экстремальных условиях;
- вербальными и невербальными средствами общения и др.

Сотрудник полиции играет важную роль в обеспечении общественной безопасности и

борьбе с преступностью. В своей профессии ему необходимо обладать определенными знаниями и навыками, которые позволят ему эффективно выполнять свою служебную деятельность [Леонова, 2020].

Прежде всего, сотрудник полиции должен обладать глубокими знаниями в области законодательства и права. Это включает знание нормативных актов, подзаконных актов и международных договоров, регулирующих деятельность правоохранительных органов. Такие знания необходимы для правильного и законного применения полицейского полномочия, расследования преступлений и оказания помощи гражданам.

Кроме того, сотрудник полиции должен обладать знаниями в области криминалистики. Он должен уметь собирать и анализировать улики, проводить следственные действия, определять причины и обстоятельства преступлений. Это включает знание методов фиксации и сохранения следов, знание технических устройств для их обнаружения и исследования, а также навыки работы с персоналом экспертно-криминалистических учреждений [Цветков, 2021].

Для эффективной работы с незаконными группировками и преступными элементами, сотрудник полиции также должен иметь знания в области оперативно-разыскной деятельности. Это включает умение проводить секретные операции, использовать специальное оборудование для сбора информации и контроля над объектами наблюдения, а также умение разрабатывать тактику действий во время специальных операций.

Помимо этого, сотрудник полиции должен обладать навыками психологии и общения с гражданами. Он должен уметь эффективно взаимодействовать с людьми, уметь разрешать конфликты и убеждать граждан в необходимости соблюдения закона. Это включает знание основ психологии, навыки коммуникации и умение работать с различными социальными группами.

В целом, сотрудник полиции должен обладать широким и разнообразным набором знаний, включающим правовую базу своей деятельности, криминалистику, оперативно-разыскную работу, а также психологию и навыки общения. Только при наличии такого обширного знания и опыта он сможет эффективно выполнять свои обязанности и обеспечивать безопасность граждан.

Ориентироваться на усредненный психологический портрет оперативника при отборе и расстановке сотрудников по направлениям деятельности позволяет более точно определить, какие качества и навыки нужны для эффективной работы в каждом конкретном направлении. Исследования психологических характеристик оперативных сотрудников могут помочь в выявлении таких факторов, как стрессоустойчивость, решительность, коммуникабельность, наблюдательность, аналитическое мышление, профессиональные навыки и другие [Осин, 2020; Човдырова, 2016]. На основе такого усредненного портрета можно определить требования к кандидатам и эффективно провести процедуры отбора и расстановки сотрудников. Это, в свою очередь, позволит обеспечить эффективность и профессионализм работы каждого оперативного подразделения ОВД.

Второй важный аспект состоит в том, чтобы помочь оперативникам оттачивать и развивать их недостаточно развитые психологические качества. Для этого психологи должны включать сотрудников на психотренинги, которые будут направлены на развитие конкретных ПБК, необходимых для выполнения поставленных задач. Тренинги для оперативников могут быть направлены на развитие следующих психологических качеств:

- 1) Управление стрессом: оперативникам часто приходится работать в условиях повышенного стресса и давления. Тренинги помогут им развить навыки эмоциональной

саморегуляции, управления стрессом и адаптации к экстремальным ситуациям.

- 2) Принятие решений в условиях неопределенности: оперативники часто сталкиваются с ситуациями, где нужно принять решение быстро и на основе ограниченной информации. Тренинги могут помочь развить навыки анализа информации, оценки рисков и принятия обоснованных решений в сложных условиях.
- 3) Коммуникационные навыки: оперативникам необходимо уметь эффективно общаться и сотрудничать с коллегами, представителями других служб и населением. Тренинги могут помочь развить навыки активного слушания, эффективного общения и управления конфликтными ситуациями.
- 4) Развитие самоэффективности: оперативникам необходимо быть уверенными в своих способностях и действиях. Тренинги могут помочь развить навыки установления и достижения целей, управления временем, а также повысить мотивацию и ментальную выносливость.
- 5) Развитие лидерских качеств: определенный процент оперативников претендуют на лидерские должности. Тренинги могут помочь развить навыки эффективного руководства, мотивации подчиненных и управления групповыми процессами.

Важно, чтобы психологические тренинги были адаптированы к специфике работы оперативников и имели практическую направленность, чтобы участники могли непосредственно применять полученные знания и навыки в своей работе. Такой подход поможет усилить профессиональные возможности оперативников и способствовать успешному выполнению их задач. Психологические тренинги, специально адаптированные к специфике работы оперативников, обладают практической направленностью, позволяя участникам непосредственно применять полученные знания и навыки в своей повседневной работе. Эти тренинги основаны на глубоком понимании сложностей, с которыми сталкиваются оперативники в своей профессиональной деятельности, и применяют инновационные методы, разработанные с целью помочь им эффективно справляться с различными вызовами.

В ходе тренингов оперативники будут знакомиться с различными практиками и техниками работы с собственным эмоциональным состоянием, а также развивать навыки эмоционального интеллекта. Это позволит им более эффективно управлять своими эмоциями, особенно в ситуациях повышенной напряженности, что является незаменимым навыком в их профессии.

Кроме того, тренинги также охватывают различные аспекты коммуникации и взаимодействия внутри команды оперативников. Ведь успешное выполнение задач и достижение целей требует эффективного сотрудничества и взаимодействия между всеми членами команды. Психологические тренинги помогут оперативникам сформировать навыки конструктивной коммуникации, эмпатии и понимания, способствуя созданию эффективного и доверительного коллектива.

Особое внимание в тренингах уделяется и развитию стратегического мышления, и принятию решений в условиях высокой нагрузки и ограниченной информации. Оперативники изучают различные методы анализа ситуаций, прогнозирования возможных развитий событий и принятия взвешенных, обоснованных решений. Практические упражнения и симуляции помогут участникам тренингов научиться дифференцированному мышлению и улучшить свою способность быстро анализировать ситуацию и принимать решения даже в условиях стресса и неопределенности.

В итоге, эти адаптированные психологические тренинги помогут оперативникам не только развивать и совершенствовать свои профессиональные навыки, но и повысить эффективность

своей работы в целом. Участие в таких тренингах даст возможность оперативникам не только расширить свой психологический арсенал, но и получить практические навыки, которые они могут непосредственно использовать в своих ежедневных задачах.

Однако также важно учесть, что содержание тренингов может отличаться в разных подразделениях, в зависимости от требований и особенностей работы. Например, тренинги для оперативников, занимающихся разведкой, будут отличаться от тренингов для следователей. Таким образом, каждый сотрудник получит необходимые навыки и знания, чтобы успешно выполнять свои функциональные обязанности. Рассмотрим более подробно оперативников, занимающихся разведкой и следователей.

Навыки следователя и разведчика, несмотря на некоторые сходства, имеют явные различия, которые делают их уникальными и необходимыми в различных сферах деятельности.

Следователь – это специалист, работающий в области правоохранительных органов, который занимается раскрытием преступлений и сбором необходимых материалов для последующего судебного разбирательства. Главная цель следователя – установить факты, выявить обстоятельства и найти доказательства для составления обвинительного акта. Для успешного выполнения своей работы следователь должен быть внимательным, аналитическим, уметь оперативно находить и анализировать информацию, обладать хорошей коммуникативной и наблюдательной способностями. Он также должен быть знаком с законодательством и процедурами, связанными с проведением расследования.

С другой стороны, разведчик – это специалист, который выполняет задания по сбору секретной или тайной информации о возможных противниках, конкурентах или потенциальных угрозах в рамках государственной или коммерческой разведки. Разведчику требуются особые навыки для успешного выполнения своих задач. Он должен быть терпеливым, смелым, обладать чувством тактики и стратегии, а также быть проницательным, чтобы эффективно анализировать полученную информацию. Разведчик также должен быть в состоянии работать самостоятельно, принимать быстрые решения в сложных ситуациях и быть готовым к высокому уровню ответственности.

Основное отличие между навыками следователя и разведчика заключается в их основной задаче. В то время как следователь фокусируется на раскрытии преступлений и сборе доказательств, разведчик стремится к сбору секретной информации и разведывательной деятельности. Также следователь работает в основном в правоохранительных органах, в то время как разведчики могут быть привлечены к работе как в государственных структурах, так и в частных фирмах. В заключение, следователь и разведчик – это специалисты, чьи навыки и задачи различаются. В то время как следователь занимается раскрытием преступлений и подготовкой материалов для судебного преследования, разведчик работает на сборе секретной информации и проведении разведывательных операций. Их уникальные навыки и экспертиза важны для различных сфер деятельности, обеспечивая справедливость и безопасность как внутри страны, так и за ее пределами. Следовательно, целесообразно создавать тренинги для каждой специализации отдельно.

Достижение идеального психологического портрета в одном человеке, сочетая все требуемые профессией качества, является весьма редким явлением. Однако с течением времени, с помощью тренингов и опыта работы, возможна постепенная приближенность к идеальному психологическому портрету. При этом, стоит отметить, что темпераментальные качества личности могут оставаться неизменными, поскольку они являются врожденными особенностями каждого человека.

Для того чтобы минимизировать или же полностью избежать негативного влияния субъективных аспектов профессионального стресса, необходимо понять и вербализировать, а уже после произвести соотношение между своими переживаниями и мыслями в конкретных ситуациях, приносящих стресс. В некоторых случаях может потребоваться глобальный пересмотр своих целей, способов действий, привычек и организации труда в целом. Но осознание через прояснение – это самый первый и самый важный шаг.

Заключение

В итоге, усредненный психологический портрет оперативника позволяет определить требуемые качества при отборе и расстановке сотрудников. Дальнейшее развитие и совершенствование профессиональных навыков возможно с помощью психотренингов и накопления опыта работы. При этом, понимание того, что идеальный психологический портрет в полной мере достижим не всегда, помогает более реалистично подходить к работе с оперативным персоналом.

С учетом динамики общества и изменений в структуре преступности, дальнейшее исследование и разработка методов адаптации психологического профиля сотрудников полиции представляют собой перспективное направление. Интеграция новых технологий, таких как психологические тесты и виртуальные тренировки, может улучшить процессы отбора и подготовки полицейских.

Психологический профиль сотрудников полиции является ключевым элементом успешной работы правоохранительных органов. Эффективное управление психологическими аспектами сотрудников, начиная от отбора и заканчивая тренингом, содействует созданию профессионального и компетентного корпуса полиции, способного эффективно реагировать на вызовы современного общества.

Библиография

1. Гизатуллин Т.Р. Изменения психологического профиля сотрудников спецподразделения полиции до и после служебных командировок // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2014. № 4 (85). С. 78-81.
2. Ильина А.В. Психологические особенности личности сотрудников МВД // Психология личности: актуальные исследования. Магнитогорск, 2020. С. 62-65.
3. Кравцов О.Г. Профили психологических защитных механизмов у курсантов, слушателей и действующих сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 321-326.
4. Леонова Е.В. Психологические особенности сотрудников органов внутренних дел с опытом службы в экстремальных условиях // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2020. Т. 3. № 2 (7). С. 16-21.
5. Осин Р.В. Индивидуально-психологические особенности личности, влияющие на успешность овладения профессией сотрудника полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 260-262.
6. Симонова Т.А. Роль психологических знаний в деятельности сотрудника правоохранительных органов // Государство и право в эпоху глобальных перемен. Барнаул, 2022. С. 295-296.
7. Тураносова В.В. Клинико-психологические характеристики сотрудников полиции, переживших психическую травму // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 9 (187). С. 493-498.
8. Удовенко Е.С. Психологические аспекты формирования профессиональных качеств сотрудников органов внутренних дел // Молодежь, наука и цивилизация. Красноярск, 2022. С. 609-614.
9. Цветков В.Л. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел. М.: Новая юстиция, 2021. 350 с.
10. Човдырова Г.С. Психологические профессионально важные качества оперативных сотрудников различных направлений деятельности системы МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 197-204.

Characteristics of the psychological profile of police employees: a analysis and perspectives

Georgii V. Aleksandrov

PhD in Law, Associate Professor,
Far Eastern State Transport University,
680021, 47, Serysheva str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: algerz@mail.ru

Natal'ya V. Morgunova

PhD in Law, Associate Professor,
Far Eastern State Transport University,
680021, 47, Serysheva str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: morgonv@mail.ru

Abstract

The psychological profile of police officers is a key element of successful law enforcement. Effective management of the psychological aspects of officers, from selection to training, contributes to the creation of a professional and competent police corps capable of effectively responding to the challenges of modern society. This article is a review and analysis of the main characteristics of the psychological profile of police officers, with a focus on those aspects that can significantly influence professional behavior and performance of official duties. The author examines the specifics of the socio-professional group of employees of the Ministry of Internal Affairs, which is manifested in personal qualities, which are expressed in the ability to adequately perform standard and creative tasks through actions and interactions with various people. Professional identification of employees depends on their professional self-awareness and demonstration of personal qualities in professional activities to society. Considering the dynamics of society and changes in the structure of crime, further research and development of methods for adapting the psychological profile of police officers is a promising direction. Integrating new technologies, such as psychological testing and virtual training, can improve police selection and training processes. The psychological profile of police officers is a key element of successful law enforcement. Effective management of the psychological aspects of officers, from selection to training, contributes to the creation of a professional and competent police corps capable of effectively responding to the challenges of modern society.

For citation

Aleksandrov G.V., Morgunova N.V. (2024) Kharakteristiki psikhologicheskogo profilya sotrudnikov politsii: analiz i perspektivy [Characteristics of the psychological profile of police employees: analysis and perspectives]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 129-138. DOI: 10.34670/AR.2024.52.32.033

Keywords

Psychological profile, police officer, efficiency, law enforcement, professional identification.

References

1. Chovdyrova G.S. (2016) Psikhologicheskie professional'no vazhnye kachestva operativnykh sotrudnikov razlichnykh napravlenii deyatelnosti sistemy MVD Rossii [Psychological professionally important qualities of operational officers in various areas of activity of the Russian Ministry of Internal Affairs system]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 6, pp. 197-204.
2. Gizatullin T.R. (2014) Izmeneniya psikhologicheskogo profilya sotrudnikov spetspodrazdeleniya politsii do i posle sluzhebnykh komandirovok [Changes in the psychological profile of special police units before and after business trips]. *Sibirskii vestnik psikiatrii i narkologii* [Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology], 4 (85), pp. 78-81.
3. Il'ina A.V. (2020) Psikhologicheskie osobennosti lichnosti sotrudnikov MVD [Psychological characteristics of the personality of employees of the Ministry of Internal Affairs]. In: *Psikhologiya lichnosti: aktual'nye issledovaniya* [Personality psychology: current research]. Magnitogorsk.
4. Kravtsov O.G. (2018) Profili psikhologicheskikh zashchitnykh mekhanizmov u kursantov, slushatelei i deistvuyushchikh sotrudnikov politsii [Profiles of psychological defense mechanisms among cadets, students and current police officers]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 6, pp. 321-326.
5. Leonova E.V. (2020) Psikhologicheskie osobennosti sotrudnikov organov vnutrennikh del s opytom sluzhby v ekstremal'nykh usloviyakh [Psychological characteristics of employees of internal affairs bodies with experience of service in extreme conditions]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Seriya 1. Psikhologicheskie nauki. Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Kaluga University. Series 1. Psychological Science. Pedagogical Science], 3, 2 (7), pp. 16-21.
6. Osin R.V. (2020) Individual'no-psikhologicheskie osobennosti lichnosti, vliyayushchie na uspehnost' ovladeniya professiei sotrudnika politsii [Individual psychological characteristics of a person influencing the success of mastering the profession of a police officer]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3, pp. 260-262.
7. Simonova T.A. (2022) Rol' psikhologicheskikh znaniy v deyatelnosti sotrudnika pravookhranitel'nykh organov [The role of psychological knowledge in the activities of law enforcement officers]. In: *Gosudarstvo i pravo v epokhu global'nykh peremen* [State and law in the era of global change]. Barnaul.
8. Tsvetkov V.L. (2021) *Psikhologiya v deyatelnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del* [Psychology in the activities of employees of internal affairs bodies]. Moscow: Novaya yustitsiya Publ.
9. Turanosova V.V. (2020) Kliniko-psikhologicheskie kharakteristiki sotrudnikov politsii, perezhivshikh psikhicheskuyu travmu [Clinical and psychological characteristics of police officers who have experienced mental trauma]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [News of the Lesgaft University], 9 (187), pp. 493-498.
10. Udovenko E.S. (2022) Psikhologicheskie aspekty formirovaniya professional'nykh kachestv sotrudnikov organov vnutrennikh del [Psychological aspects of the formation of professional qualities of employees of internal affairs bodies]. In: *Molodezh', nauka i tsivilizatsiya* [Youth, science and civilization]. Krasnoyarsk.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.56.74.040

Психологические аспекты профессионального развития персонала в организации

Гирфанова Евгения Борисовна

Соискатель,
заместитель генерального директора
Бизнес-Тренинг-Центр А. Гирфанова,
191014, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Артиллерийская, 10 а;
e-mail: mister1953@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию психологических аспектов профессионального развития персонала в современных организациях. Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях быстро меняющейся бизнес-среды и высокой конкуренции успех компаний во многом зависит от способности сотрудников адаптироваться, развиваться и эффективно применять свои знания и навыки. Цель данной статьи – выявить психологические факторы, влияющие на профессиональное развитие персонала, и определить стратегии, способствующие раскрытию потенциала сотрудников. В работе рассматриваются теоретические подходы к развитию персонала, включая психодинамическое направление, сценарную теорию и теорию профессионального развития Д. Сьюпера. Автор анализирует психологические мотивы, лежащие в основе стремления к профессиональному росту, а также барьеры, препятствующие развитию. Особое внимание уделяется роли организационной культуры и стиля управления в создании благоприятной среды для развития сотрудников. В статье приводятся практические рекомендации по разработке и внедрению программ профессионального развития с учетом индивидуальных особенностей и потребностей персонала. Подчеркивается важность сочетания различных методов обучения, включая наставничество, коучинг, тренинги и самообразование. Автор приходит к выводу, что инвестиции в профессиональное развитие персонала не только повышают эффективность работы организации, но и способствуют личностному росту и удовлетворенности сотрудников, что, в свою очередь, ведет к снижению текучести кадров и укреплению конкурентоспособности компании.

Для цитирования в научных исследованиях

Гирфанова Е.Б. Психологические аспекты профессионального развития персонала в организации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 139-146. DOI: 10.34670/AR.2024.56.74.040

Ключевые слова

Психология профессионального развития, мотивация, личностный рост, организационная культура, методы обучения персонала.

Введение

В современном быстро меняющемся мире организации сталкиваются с необходимостью постоянно адаптироваться к новым условиям и вызовам. Одним из ключевых факторов успеха в этой ситуации становится способность персонала развиваться, приобретать новые знания и навыки, эффективно применять их в работе. Профессиональное развитие сотрудников является не только залогом их личностного роста и самореализации, но и важнейшим условием конкурентоспособности и устойчивости организации.

Психологические аспекты профессионального развития персонала привлекают все большее внимание исследователей и практиков. Понимание внутренних мотивов, установок и барьеров, влияющих на стремление сотрудников к профессиональному росту, позволяет разрабатывать более эффективные стратегии управления персоналом и создавать благоприятную среду для раскрытия потенциала каждого работника.

Основная часть

Одной из ключевых психологических теорий, объясняющих механизмы профессионального развития, является психодинамическое направление. Согласно этому подходу, выбор профессии и особенности профессионального поведения человека во многом определяются его ранним детским опытом и сформировавшимися в этот период бессознательными мотивами и потребностями. Так, З. Фрейд подчеркивал роль сублимации – переноса энергии базовых влечений в социально приемлемые формы активности, в том числе в профессиональную деятельность [Sava et al., 2022]. Последователи Фрейда развили идею о влиянии ранних детских впечатлений, связанных с родительскими фигурами и разрешением психосексуальных конфликтов, на дальнейший профессиональный путь человека.

Другой значимой концепцией, проливающей свет на психологические основы профессионального развития, является сценарная теория Э. Берна. По мнению Берна, жизненный сценарий человека, включая выбор профессии и карьерный путь, формируется в детстве под влиянием родительских установок и предписаний. Сценарий представляет собой «неосознаваемый жизненный план, своего рода программу поступательного развития, выработанную в раннем детстве под влиянием родителей и определяющую поведение индивида в важных аспектах его жизни» [Malik, Ali, Rafiq, Adnan, 2022, 15]. Хотя следование сценарию дает человеку ощущение предсказуемости и безопасности, оно может ограничивать его свободу выбора и самореализацию в профессии. Осознание своего сценария и работа над его изменением становятся важными задачами личностного и профессионального развития.

Значительный вклад в понимание психологических механизмов профессионального развития внесла теория Д. Сьюпера. Согласно этой концепции, выбор профессии и карьерный путь человека представляют собой попытку реализовать свою «Я-концепцию» – представление о себе, своих способностях, интересах и ценностях. Сьюпер выделил несколько стадий профессионального развития, каждая из которых связана с решением определенных задач и формированием новых аспектов профессиональной идентичности: стадия пробуждения, исследования, утверждения, поддержания и спада [Sava et al., 2022]. Успешное прохождение этих стадий и обретение зрелой профессиональной идентичности требуют от человека постоянной рефлексии, гибкости и готовности к изменениям.

Опираясь на рассмотренные теоретические подходы, современные исследователи выделяют

ряд психологических факторов, влияющих на профессиональное развитие персонала в организациях. К ним относятся:

1. Мотивация и ценностные ориентации сотрудников. Стремление к профессиональному росту во многом определяется внутренними мотивами, такими как потребность в самореализации, признании, достижении успеха. Важную роль играют также ценности, связанные с работой: интерес к содержанию деятельности, возможность помогать людям, стремление к материальному благополучию и т.д. Задача организации – создавать условия, в которых эти мотивы и ценности могли бы быть реализованы.

2. Самооценка и уверенность в себе. Позитивное самовосприятие, вера в свои силы и способности являются необходимыми предпосылками профессионального развития. Сотрудники с высокой самооценкой охотнее берутся за новые задачи, проявляют инициативу, не боятся рисковать. В то же время заниженная самооценка может стать серьезным барьером на пути профессионального роста.

3. Готовность к обучению и саморазвитию. В условиях быстрых изменений способность и желание постоянно учиться, осваивать новые знания и навыки становятся ключевыми качествами успешного профессионала. Важно, чтобы сотрудники воспринимали обучение не как формальную обязанность, а как возможность для личностного и карьерного роста.

4. Коммуникативные навыки и умение работать в команде. Профессиональное развитие невозможно в изоляции, оно всегда происходит в контексте взаимодействия с коллегами, клиентами, партнерами. Способность эффективно общаться, налаживать отношения, сотрудничать и разрешать конфликты становится все более востребованной в современных организациях.

5. Стрессоустойчивость и адаптивность. Высокий темп изменений, необходимость быстро осваивать новые технологии и методы работы, растущая конкуренция – все это создает значительные стрессовые нагрузки для сотрудников. Умение справляться со стрессом, сохранять эмоциональную стабильность и гибко адаптироваться к меняющимся условиям становится важнейшим фактором профессиональной эффективности и развития.

Учитывая многообразие психологических факторов, влияющих на профессиональное развитие персонала, организации должны выстраивать комплексные стратегии и программы, направленные на создание благоприятных условий для роста и реализации потенциала сотрудников. Одним из ключевых элементов таких стратегий является формирование организационной культуры, поддерживающей ценности непрерывного обучения, инноваций, сотрудничества и уважения к личности.

Важную роль в профессиональном развитии персонала играет также стиль управления и лидерства в организации. Руководители, которые не только ставят перед подчиненными амбициозные цели, но и оказывают им необходимую поддержку, регулярно дают конструктивную обратную связь, поощряют инициативу и творчество, создают атмосферу психологической безопасности, в которой сотрудники могут экспериментировать, не боясь ошибок и критики [Марченко, 2023].

Для эффективного профессионального развития персонала организациям необходимо использовать разнообразные методы и формы обучения, учитывающие индивидуальные особенности и потребности сотрудников. Наряду с традиционными формами, такими как лекции, семинары, тренинги, все большее распространение получают интерактивные и персонализированные методы: коучинг, менторство, обучение действием, игровые симуляции, онлайн-курсы и др. [Методы развития персонала и современные концепции, www].

Особое внимание следует уделять развитию навыков самообучения и саморефлексии у

сотрудников. В условиях быстрого устаревания знаний и постоянного появления новой информации умение самостоятельно находить, анализировать и применять нужные сведения становится жизненно важным. Для этого необходимо обучать сотрудников эффективным техникам работы с информацией, развивать у них критическое мышление, поощрять стремление к экспериментированию и проактивность в освоении нового.

Не менее важным аспектом профессионального развития является создание системы мотивации и признания достижений сотрудников. Людям необходимо видеть, что их усилия по совершенствованию своих знаний и навыков не остаются незамеченными, а приводят к конкретным позитивным изменениям: карьерному росту, расширению полномочий, увеличению вознаграждения, повышению статуса в организации. Публичное признание успехов, материальное и нематериальное поощрение за достижение целей развития стимулируют сотрудников и повышают их вовлеченность в процесс профессионального роста [Жукова, 2022].

При разработке программ профессионального развития необходимо учитывать не только текущие, но и перспективные потребности организации, а также индивидуальные карьерные устремления сотрудников. Важно, чтобы предлагаемые возможности для обучения и развития были релевантны целям и задачам как организации, так и самих работников. Для этого нужно регулярно проводить оценку компетенций и потенциала сотрудников, анализировать их карьерные ожидания и интересы, вовлекать их в обсуждение планов развития. Совместное определение целей и путей профессионального роста повышает мотивацию и ответственность сотрудников за результаты своего обучения.

Инвестиции в профессиональное развитие персонала являются не просто затратами, а долгосрочными вложениями в будущее организации. Сотрудники, которые постоянно растут и совершенствуются, не только обеспечивают высокое качество работы и достижение бизнес-целей, но и становятся главным конкурентным преимуществом компании в условиях стремительных изменений и вызовов современного мира.

Профессиональное развитие персонала – это непрерывный процесс, требующий постоянного внимания и усилий как со стороны самих сотрудников, так и со стороны организации. Создавая культуру непрерывного обучения, поощряя стремление к росту и предоставляя для этого все необходимые ресурсы и возможности, компании могут раскрыть потенциал своих сотрудников и обеспечить себе устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

Психологический подход к профессиональному развитию персонала, учитывающий глубинные потребности, ценности и мотивы людей, а также закономерности их личностного роста, открывает новые перспективы для повышения эффективности и гуманизации управления человеческими ресурсами в организациях XXI века.

Для оценки эффективности психологических подходов к профессиональному развитию персонала было проведено эмпирическое исследование в трех крупных российских компаниях различных отраслей (IT, ритейл, производство). Общая выборка составила 450 сотрудников, которые были разделены на две группы: экспериментальную (225 человек) и контрольную (225 человек). В экспериментальной группе в течение года применялась комплексная программа профессионального развития, основанная на психологических принципах и включающая следующие компоненты:

1. Индивидуальный коучинг и менторство для каждого сотрудника, направленные на выявление и развитие их сильных сторон, постановку карьерных целей и преодоление психологических барьеров (по 1 часу в неделю).

2. Групповые тренинги и семинары по развитию soft skills: коммуникативных навыков, эмоционального интеллекта, лидерства, креативности, тайм-менеджмента и др. (по 8 часов в месяц).

3. Обучение методам саморегуляции и стресс-менеджмента, включая mindfulness, дыхательные техники, физические упражнения (по 2 часа в неделю).

4. Участие в инновационных проектах и решении реальных бизнес-задач в кросс-функциональных командах (не менее 1 проекта в квартал).

5. Регулярная обратная связь от руководителей и коллег, признание достижений и вклада каждого сотрудника в общий успех компании (ежемесячно).

В контрольной группе профессиональное развитие осуществлялось в традиционном формате, включающем периодическое повышение квалификации и обучение профессиональным навыкам.

До начала эксперимента, а также через 6 и 12 месяцев в обеих группах проводилась оценка следующих показателей:

- уровень профессиональных компетенций (по результатам тестирования и экспертной оценки руководителей);

- вовлеченность и удовлетворенность работой (по опроснику Q12 Gallup);

- инновационная активность и инициативность (количество предложенных и внедренных идей);

- продуктивность труда (по KPI и оценке руководителей);

- готовность к обучению и саморазвитию (по опроснику «Самооценка способности к саморазвитию и самообразованию»);

- стрессоустойчивость (по шкале PSM-25).

Сравнение результатов в двух группах показало следующее:

1. В экспериментальной группе уровень профессиональных компетенций вырос на 28% через 6 месяцев и на 47% через год, в то время как в контрольной группе прирост составил 11% и 19% соответственно.

2. Вовлеченность и удовлетворенность работой в экспериментальной группе увеличились на 32% через 6 месяцев и на 51% через год, а в контрольной – на 8% и 14%.

3. Количество предложенных и внедренных инновационных идей в экспериментальной группе выросло в 2,4 раза через 6 месяцев и в 3,8 раза через год, в контрольной – в 1,2 и 1,5 раза.

4. Продуктивность труда в экспериментальной группе повысилась на 21% через 6 месяцев и на 38% через год, в контрольной – на 6% и 12%.

5. Готовность к обучению и саморазвитию в экспериментальной группе увеличилась на 44% через 6 месяцев и на 67% через год, в контрольной – на 12% и 23%.

6. Уровень стрессоустойчивости в экспериментальной группе вырос на 18% через 6 месяцев и на 29% через год, в контрольной – на 5% и 9%.

Все различия между группами статистически значимы на уровне $p < 0,01$.

Кроме того, в экспериментальной группе через год после начала программы текучесть кадров снизилась на 27%, а количество сотрудников, продвинувшихся по карьерной лестнице, было в 2,2 раза выше, чем в контрольной группе.

Качественный анализ обратной связи от участников экспериментальной группы показал, что наиболее ценными для них были индивидуальная работа с коучами и менторами, возможность применить новые навыки в реальных проектах, а также атмосфера доверия и поддержки в коллективе. Многие отметили, что стали более уверенными в себе, научились лучше справляться со стрессом и находить креативные решения рабочих задач.

Заключение

Результаты исследования убедительно доказывают, что комплексный психологический подход к профессиональному развитию персонала, учитывающий индивидуальные особенности и потребности сотрудников, способствует значительному повышению их компетентности, вовлеченности, инновационной активности и продуктивности. Это, в свою очередь, ведет к улучшению бизнес-показателей компании, снижению текучести кадров и формированию сильного кадрового резерва.

Опыт данного исследования может быть использован другими организациями для разработки и внедрения эффективных программ профессионального развития персонала, основанных на принципах психологической науки и практики. При этом важно адаптировать предложенную модель к специфике конкретной компании, ее целям и ресурсам, а также обеспечить вовлеченность и поддержку топ-менеджмента и HR-службы на всех этапах реализации программы.

Библиография

1. Жукова Н.В. Развитие персонала как условие успеха предприятия // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. 2022. № 19. С. 52-54.
2. Марченко П.В. Развитие персонала в интересах устойчивого развития организации // Современное образование: традиции и инновации. 2023. № 4. С. 89-91.
3. Матюхина С.Д. Обучение и развитие персонала как стратегический элемент развития организации // Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции «Экономика и современный менеджмент: теория, методология, практика». Пенза, 2023. С. 27-29.
4. Методы развития персонала и современные концепции. URL: <https://hrhelpline.ru/metody-razvitiya-personala-i-sovremennye-konceptsi> (дата обращения: 18.03.2024).
5. Милащенко А.С. Профессиональное развитие персонала как мотивационный фактор развития человеческого потенциала // Актуальные проблемы труда и развития человеческого потенциала. СПб., 2021. С. 146-150.
6. Цыганкова Л.А. Развитие персонала как элемент развития организации // Постулат. 2021. № 1 (63). С. 15-19.
7. Malik A., Ali M.A., Rafiq S., Adnan M. Employee perception, barriers towards career development and HRM strategies tenacity employee career development // Sustainable Business and Society in Emerging Economies. 2022. Vol. 4. No. 2. P. 14-18.
8. Sava L. et al. Strategies for professional development of staff in economic entities in the field of ICT // Journal of Social Sciences. 2022. Vol. 5. No 1. P. 50-56.
9. Bindon S. L. Professional development strategies to enhance nurses' knowledge and maintain safe practice // AORN journal. – 2017. – Т. 106. – №. 2. – С. 99-110.
10. Kennedy M. M. How does professional development improve teaching? // Review of educational research. – 2016. – Т. 86. – №. 4. – С. 945-980.

Psychological aspects of professional development of personnel in organizations

Evgeniya B. Girfanova

Applicant,
Deputy General Director,
Business Training Center of A. Girfanova,
191014, 10a, Artillery Street, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: mister1953@mail.ru

Evgeniya B. Girfanova

Abstract

The article is devoted to the study of psychological aspects of professional development of personnel in modern organizations. The relevance of the topic is due to the fact that in a rapidly changing business environment and high competition, the success of companies largely depends on the ability of employees to adapt, develop and effectively apply their knowledge and skills. The purpose of this article is to identify the psychological factors influencing the professional development of personnel and to determine strategies that contribute to unlocking the potential of employees. The paper examines theoretical approaches to personnel development, including the psychodynamic direction, script theory, and D. Super's theory of professional development. The author analyzes the psychological motives underlying the desire for professional growth, as well as the barriers hindering development. Special attention is paid to the role of organizational culture and management style in creating a favorable environment for employee development. The article provides practical recommendations for the development and implementation of professional development programs, taking into account the individual characteristics and needs of personnel. The importance of combining various training methods, including mentoring, coaching, training and self-education, is emphasized. The author concludes that investments in the professional development of personnel not only increase the efficiency of the organization, but also contribute to the personal growth and satisfaction of employees, which, in turn, leads to a reduction in staff turnover and strengthening the company's competitiveness.

For citation

Girfanova E.B. (2024) Psikhologicheskie aspekty professional'nogo razvitiya personala v organizatsii [Psychological aspects of professional development of personnel in organizations]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 139-146. DOI: 10.34670/AR.2024.56.74.040

Keywords

Psychology of professional development, motivation, personal growth, organizational culture, personnel training methods.

References

1. Malik A., Ali M.A., Rafiq S., Adnan M. (2022) Employee perception, barriers towards career development and HRM strategies tenacity employee career development. *Sustainable Business and Society in Emerging Economies*, 4 (2), pp. 14-18.
2. Marchenko P.V. (2023) Razvitie personala v interesakh ustoichivogo razvitiya organizatsii [Personnel development in the interests of sustainable development of the organization]. *Sovremennoe obrazovanie: traditsii i innovatsii* [Modern education: traditions and innovations], 4, pp. 89-91.
3. Matyukhina S.D. (2023) Obuchenie i razvitie personala kak strategicheskii element razvitiya organizatsii [Training and development of personnel as a strategic element of organization development]. In: *Sbornik statei XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ekonomika i sovremennyi menedzhment: teoriya, metodologiya, praktika»* [Proc. Int. Conf. "Economics and Modern Management: Theory, Methodology, Practice"]. Penza, pp. 27-29.
4. *Metody razvitiya personala i sovremennye kontseptsii* [Personnel development methods and modern concepts]. Available at: <https://hrhelpline.ru/metody-razvitiya-personala-i-sovremennye-koncepcii> [Accessed 18/03/2024].
5. Milashchenko A.S. (2021) Professional'noe razvitie personala kak motivatsionnyi faktor razvitiya chelovecheskogo potentsiala [Professional development of personnel as a motivational factor in the development of human potential]. *Aktual'nye problemy truda i razvitiya chelovecheskogo potentsiala* [Current problems of labor and development of human potential]. Saint Petersburg, pp. 146-150.
6. Sava L. et al. (2022) Strategies for professional development of staff in economic entities in the field of ICT. *Journal of Social Sciences*, 5 (1), pp. 50-56.

7. Tsygankova L.A. (2021) Razvitie personala kak element razvitiya organizatsii [Personnel development as an element of organization development]. *Postulat* [Postulate], 1 (63), pp. 15-19.
8. Zhukova N.V. (2022) Razvitie personala kak uslovie uspekha predpriyatiya [Personnel development as a condition for enterprise success]. *Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiума Srednerusskii universitet* [Bulletin of the educational consortium Central Russian University], 19, pp. 52-54.
9. Bindon, S. L. (2017). Professional development strategies to enhance nurses' knowledge and maintain safe practice. *AORN journal*, 106(2), 99-110.
10. Kennedy, M. M. (2016). How does professional development improve teaching?. *Review of educational research*, 86(4), 945-980.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.83.47.005

Формирование когнитивных и метакогнитивных действий у младших школьников**Зак Анатолий Залманович**

Ведущий научный сотрудник,
Психологический институт Российской академии образования,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, 9;
e-mail: jasmin67@mail.ru

Аннотация

В статье изучаются возможности формирования у младших школьников когнитивных действий, связанных с решением задач, и метакогнитивных действий, связанных с контролем и оценкой решения задач. Цель исследования – определить условия формирования отмеченных действий у третьеклассников. Предполагалось, что оригинальная программа «Мышление» создает такие условия. В программу включены 30 видов поисковых задач неучебного содержания. Каждый вид задач предлагался в трех структурных вариантах: найти ответ, найти вопрос, найти часть условий. Контрольную группу составили 56 детей, экспериментальную группу – 58 детей, которые участвовали в 30 дополнительных групповых занятиях (еженедельно, с сентября по май). В экспериментальной и контрольной группах проводилась начальная и заключительная диагностика формируемых действий. Сравнение результатов решения диагностических задач обеими группами в конце учебного года показало, что дети экспериментальной группы демонстрируют более высокие результаты, чем дети контрольной группы. Полученные данные свидетельствуют об эффективности программы «Мышление». В дальнейшем планируется определить, в какой степени программа «Мышление» способствует формированию отмеченных действий у четвероклассников.

Для цитирования в научных исследованиях

Зак А.З. Формирование когнитивных и метакогнитивных действий у младших школьников // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 147-160. DOI: 10.34670/AR.2024.83.47.005

Ключевые слова

Третьеклассники, формирование, когнитивные действия по решению задач, метакогнитивные действия по контролю и оценке решения задач.

Введение

В настоящее время образовательные программы всех уровней обучения, в том числе и начальной школы, усложняются. Освоение более сложных программ требует более высокого уровня развития когнитивных и метакогнитивных навыков. Это означает, что образование в начальной школе должно развивать навыки, связанные не только с фактическими, но и с концептуальными, процедурными и метакогнитивными знаниями [Anderson et al., 2001].

В начале XXI века проводились многочисленные исследования, связанные с решением вопросов о методах и способах обучения мышлению.

1. Условия развития метакогнитивных навыков.

R.J. Sternberg, E.L. Grigorenko [Sternberg, Grigorenko, 2007] связывают обучение аналитическому, творческому и практическому интеллекту с триархической теорией R.J. Sternberg [Sternberg, 1985]. Акцент делается на важности метакогнитивных навыков в управлении познанием и выявлении его сильных и слабых сторон. Обучение мышлению и интеллектуальным навыкам считаются важными источниками интеллектуального совершенствования.

R.J. Swartz, A. Costa, B. Kallick, B. Beyer, R. Reagan [Swartz et al., 2007] раскрывают педагогические стратегии обучения детей метапознанию, которые связаны с применением разных способов мышления для решения разных задач.

D. Perkins [Perkins, 2008] отмечает, что хорошо развитое мышление связано с саморегуляцией, формулированием эвристик и стратегий поиска.

S. Larkin [Larkin, 2010] анализирует условия развития метапознания у учащихся начальной школы и описывает метакогнитивную образовательную среду.

2. Подходы к стимулированию мышления в академическом обучении.

Исследование, проведенное P. Adey [Adey, 2008], описывает программы развития мышления для детей в возрасте 4-11 лет.

J. Dewey, J. Bento [Dewey, Bento, 2009] исследуют результаты двухлетней программы, активизирующей мышление у учащихся начальной школы, и отмечают улучшение когнитивных способностей и социальных навыков детей, а также повышение профессионализма учителей.

M. De Acedo Lizarraga, M. De Acedo Baquedano, T. Goicoa Mangado, M. Cardelle-Elawar [De Acedo Lizarraga, De Acedo Baquedano, Goicoa Mangado, Cardelle-Elawar, 2009] исследуют интеллектуальную стимуляцию, абстрактную и дедуктивную аргументацию и саморегуляцию в соответствии с методом PAEA.

C. McGuinness, N. Sheehy, C. Curry, A. Eakin, C. Evans, P. Forbes [McGuinness et al., 2006] анализируют использование различных когнитивных задач для стимуляции когнитивных навыков.

S. Trickey, K.J. Topping [Trickey, Topping, 2004] пришли к выводу, что программа начальной школы «Философия для детей» повлияла на развитие навыков рассуждения и аргументации у учащихся начальной школы.

B. Lucas, G. Claxton [Lucas, Claxton, 2010] раскрывают различные типы интеллекта (социальный, практический, стратегический, интуитивный и т.д.) и практические средства работы учителей над мышлением.

R.E. Nisbett, J. Aronson, C. Blair, W. Dickens, J. Flynn, D.F. Halpern и др. [Nisbett et al., 2012] рассматривают взаимосвязь между интеллектом и саморегуляцией, процедурной памятью и когнитивными навыками.

D. Kuhn [Kuhn, 2009] подчеркивает важность понимания знаний для оценки результатов

образования.

M. Shayer, M. Adhami [Shayer, Adhami, 2007] оценивают эффективность развития когнитивных навыков при изучении математики.

R. Swartz и C. McGuinness [Swartz, McGuinness, 2014] исследуют возможности интеграции педагогического мышления и академических предметов.

H. Puchta и M. Williams [Puchta, Williams, 2011] изучают развитие 13 категорий когнитивных навыков от простого к сложному, а также приобретение важных практических языковых навыков.

Методологические основы исследования

Содержание рассмотренных исследований позволяет заметить, что большинство исследователей изучают перспективы обучения учащихся начальной школы сложным когнитивным навыкам, связанным с концептуальными, процедурными и метакогнитивными [Anderson, Krathwohl, 2001]. Мы считаем, что для их приобретения полезно изучение простых форм таких навыков.

Для этой цели подходят неучебные задачи поискового характера. Они создают благоприятные условия для формирования когнитивных действий, поскольку знание учебной программы не определяет успех решения поисковых задач (в отличие от задач учебного характера). Как показали наши исследования, дети с недостаточной успеваемостью действуют при решении поисковых задач более уверенно, чем при решении учебных задач, поскольку этот новый опыт не связан у них с неудачами. Простые формы когнитивных действий высокого уровня полезны для начала содержательного диалога, в котором каждый учащийся может предлагать, обосновывать и опровергать аргументы.

Для формирования простых форм когнитивных действий целесообразно использовать задачи, уровень сложности которых можно регулировать путем изменения количества необходимых операций.

Действия сравнения и рассуждения связаны с концептуальными знаниями. Первые вырабатываются при сопоставлении схематических изображений с определенным числом признаков, вторые формируются при рассуждении с определенным количеством простых аргументов.

Действия планирования и комбинирования связаны с процедурными знаниями. Первые разрабатываются в процессе преобразования одного расположения объектов в другое за определенное количество ходов, вторые – при построении маршрута воображаемого персонажа на игровом поле с определенным числом ходов по соответствующим правилам.

Действия, связанные с метакогнитивным знанием, формируются на основе решения упомянутых проблем, когда вместо «познавательной» задачи, где требуется найти решение, предлагается «метакогнитивная» задача, связанная с контролем и оценкой решения.

Программа «Мышление» включает задачи отмеченного рода для формирования когнитивных и метакогнитивных действий.

Краткая характеристика исследования

Цель исследования состояла в определении условий формирования когнитивных и метакогнитивных действий у детей 9 лет. В основе исследования лежало предположение о том, что условием отмеченного формирования выступают 30 занятий на неучебном материале по

программе «Мышление».

Исследование состояло из трех этапов. На первом этапе две группы школьников студентов (контрольная группа – 56 человек, экспериментальная группа – 58 человек) решали диагностические задачи поискового характера для определения сформированности когнитивных и метакогнитивных действий. На втором этапе с детьми экспериментальной группы было проведено 30 дополнительных занятий по программе «Мышление» (одно занятие в неделю). На третьем этапе дети обеих групп снова решали те же диагностические задачи, что и на первом этапе.

Материалы и методы

Программа «Мышление» рассчитана на проведение 30 занятий на основе 30 видов задач неучебного содержания поискового характера: 9 типов сюжетно-логических задач, 6 типов компаративных задач, связанных со сравнением схематических изображений предметов, 6 типов пространственных задач, связанных с изменением расположений объектов, 9 типов маршрутных задач, предполагающих перемещения на игровом поле по определенным правилам. На каждом занятии дети решают задачи одного вида.

1. Содержание программы «Мышление».

Урок 1: маршрутные задачи (тип 1). Урок 2: сюжетно-логические задачи (тип 1). Урок 3: пространственные задачи (тип 1). Урок 4: маршрутные задачи (тип 2). Урок 5: компаративные задачи (тип 1). Урок 6: сюжетно-логические задачи (тип 2). Урок 7: пространственные задачи (тип 2). Урок 8: маршрутные задачи (тип 3). Урок 9: сюжетно-логические задачи (3 тип). Урок 10: компаративные задачи (тип 2). Урок 11: пространственные задачи (тип 3). Урок 12: маршрутные задачи (тип 4). Урок 13: сюжетно-логические задачи (4 тип). Урок 14: пространственные задачи (тип 4). Урок 15: компаративные задачи (тип 3). Урок 16: маршрутные задачи (тип 5). Урок 17: сюжетно-логические задачи (тип 5). Урок 18: пространственные задачи (тип 5). Урок 19: маршрутные задачи (тип 6). Урок 20: компаративные задачи (тип 4). Урок 21: сюжетно-логические задачи (6 тип). Урок 22: маршрутные задачи (тип 7). Урок 23: пространственные задачи (6 тип). Урок 24: сюжетно-логические задачи (7 тип). Урок 25: компаративные задачи (тип 5). Урок 26: маршрутные задачи (тип 8). Урок 27: сюжетно-логические задачи (тип 8). Урок 28: маршрутные задачи (тип 9). Урок 29: компаративные задачи (тип 6). Урок 30: сюжетно-логические задачи (9 тип).

2. Сюжетно-логические задачи.

Выделяют 9 типов задач отмеченного рода.

Тип 1, например: «Дима, Лиза и Боря переплывали реку. Дима плыл быстрее Лизы. Лиза плыла быстрее Бори. Кто плыл быстрее всех?»

Тип 2, например: «Слова НЕ, НИ, ЛИ разного цвета. Синие и розовые слова имеют одну и ту же первую букву, розовые и красные – одну и ту же вторую букву. Какое слово синее?»

Тип 3, например: «Аня и Лара разного возраста. Через много лет Аня будет немного старше, чем Лара сейчас. Кто из девочек младше?»

Тип 4, например: «Петя, Эдик и Саша отправили письма: два в Уфу, одно в Бор. Петя и Эдик, а также Эдик и Саша разослали письма в разные города. Куда Петя отправил свое письмо?»

Тип 5, например: «Синей, красной и серой краской написано три слова: ДУБ, РИС, МАК. Синее слово находится слева от красного, а серое — справа от красного. Какого цвета слово МАК?»

Тип 6, например: «У Димы и Кати были кубики с буквами. Сначала Дима составил слово РОТ. Потом передвинул буквы и стало ТОР. Катя сначала составил слово БУК, а затем переместила буквы аналогично действиям Димы. Какое слово получилось у Кати?»

Тип 7, например: «Есть три кота – серый, белый и черный: один в комнате, один в коридоре, один на чердаке. Утром кормили либо черного кота, либо кота на чердаке, вечером – либо того, что на чердаке, либо белого кота. Где был серый кот?»

Тип 8, например: «Инне, Еве и Ане дали по кукле. Одна кукла была в красном платье с длинными рукавами, другая – в красном платье с короткими рукавами, третья – в зеленом платье с длинными рукавами. Платья кукол Инны и Евы были одного цвета, а у кукол Евы и Аны были платья с одинаковыми рукавами. У кого была кукла в красном платье с длинными рукавами?»

Тип 9, например: «Леша и Ваня пошли в спортивный магазин. Оба купили по одной паре лыж и одной паре коньков. Кому-то понравились горные лыжи, кому-то беговые лыжи, кому-то роликовые коньки, кому-то хоккейные коньки. Леша вышел из магазина без горных лыж. Мальчик, выбравший горные лыжи, не купил хоккейные коньки. Кто купил роликовые коньки?»

На каждом занятии дети решают 5 вариантов задач одного типа. Для задач первого типа предлагаются такие пять вариантов.

Вариант 1, например: «Дима, Лиза и Боря переплывали реку. Дима плыл быстрее Лизы. Лиза плыла быстрее Бори. Кто плыл быстрее всех?»

Вариант 2, например: «Дима, Лиза и Боря тренировались в прыжках в высоту. Дима прыгнул выше Лизы. Дима прыгнул выше Бори». На какой вопрос можно ответить по условиям этой задачи: (а) Кто прыгнул выше Димы? (б) На какую высоту прыгнул Боря? (в) Кто прыгнул ниже Лизы?

Вариант 3, например: «Дима, Лиза и Боря переплывали реку. Дима плыл быстрее Лизы. [...]. Кто плыл быстрее всех?»

Что нужно добавить к условиям, чтобы ответить на вопрос этой задачи: (а) [Боря плыл быстрее Димы]. (б) [Боря плыл так же быстро, как Дима]. (в) [Лиза плыла быстрее Бори].

Вариант 4, например: «Витя, Лара и Даша решили задачу: «Дима, Лиза и Боря переплывали реку. Дима плыл быстрее Лизы. Лиза плыла быстрее Бори. Кто плыл медленнее всех?»

Ответы: (а) Дима, (б) Лиза, (в) Боря. Лара выбрала ответ (а). Витя – ответ (б). Даша – ответ (в). Кто сделал правильный выбор?

Вариант 5, например: «Витя, Лара и Даша решили задачу: «Дима, Лиза и Боря тренировались в прыжках в высоту. Дима прыгнул выше Лизы. Дима прыгнул выше Бори. Кто прыгнул выше всех?»

Ответы: (а) Дима, (б) Лиза, (в) Боря. Лара выбрала ответ (а). Витя – ответ (б). Даша – ответ (в). Кто сделал неверный выбор?»

3. Компаративные задачи.

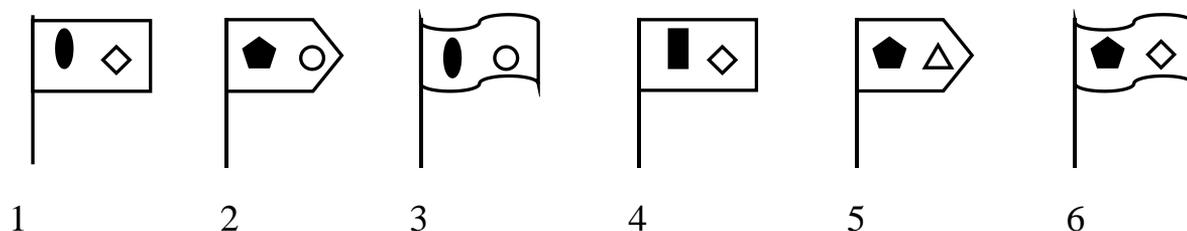

Рисунок 1 - Флаги

6 типов компаративных задач характеризуются следующим образом.

Тип 1, например: «Флаги 2, 3, 6. Какой флаг по форме похож на флаг 6?»

Тип 2, например: «Флаги 1, 3, 5. Какой флаг имеет одинаковый признак с флагом 5?»

Тип 3, например: «Флаги 1, 4, 5. Какой флаг, 4 или 5, имеет больше одинаковых признаков с флагом 1?»

Тип 4, например: «Флаги 2, 3, 6. Какой флаг, 2 или 3, по форме похож на флаг 6, и имеет темную фигуру, как у флага 1?»

Тип 5, например: «Флаги 1, 3, 6. Какой флаг, 1 или 3, имеет один одинаковый признак с флагом 1 и один одинаковый признак с флагом 6?»

Тип 6, например: «Флаги 1–6. Флаги 1 и 6 имеют один одинаковый признак. Какие два флага – 2 и 3 или 1 и 4 – имеют больше одинаковых признаков, чем флаги 1 и 6?»

На каждом занятии дети решают 5 вариантов задач одного типа, например, первого типа.

Вариант 1, например: «Флаги 2, 3, 6. Какой флаг по форме похож на флаг 6?»

Вариант 2, например: «Флаги 2, 3, 6. Какой вопрос подходит для ответа «Флаг 2»: (а) Какой флаг имеет темную фигуру, как у флага 5? (б) На каком флаге есть светлая фигура, как у флага 3? (в) Какой флаг имеет форму флага 6?»

Вариант 3, например: «Флаги 3, 6. Какой флаг имеет светлую фигуру, как у флага 6? Какие два флага подходят для ответа на этот вопрос: (а) флаги 2 и 4, (б) флаги 1 и 5, (в) флаг 4 и 1..

Вариант 4, например: «Дима Лара и Даша решили задачу: «Флаги 1–6. Какой флаг имеет светлую фигуру, как у флага 2?» Ответы: (а) флаг 1, (б) флаг 3, (в) флаг 4. Лара выбрала ответ (а). Дима – ответ (б). Даша – ответ (в). Кто сделал правильный выбор?»

Вариант 5, например: «Дима Лара и Даша решили задачу: «Посмотрите на флаги 1–6. Какой флаг имеет темную фигуру, как у флага 5?» Ответы: (а) флаг 2, (б) флаг 4, (в) флаг 6. Лара выбрала ответ (а). Дима – ответ (б). Даша – ответ (в). Кто сделал неправильный выбор?»

4. Пространственные проблемы.

6 типов пространственных задач характеризуются следующим образом.

Тип 1, например: «Как расположение букв | С | | Р | изменить за два хода так, чтобы получилось расположение | Р | С | |?»

Правило: один ход – это перемещение любой буквы на свободное место.

Решение: (1) | С | | Р | --- || С | Р |, (2) | | С | Р | --- | Р | С | | или | С | | Р | --- | | С | Р | --- | Р | С | |: на 1-м ходу на свободное место перемещается буква «С», на 2-м ходу – буква «Р».

Тип 2, например: «Как расположение букв | Р | Р | С | | изменить за два хода так, чтобы получилось расположение цифр | 7 | 4 | | 4 |?»

Правило: 1) один ход – это перемещение любой буквы на свободное место; 2) одинаковые буквы должны располагаться так же, как и одинаковые цифры.

Решение: | Р | Р | С | | --- | | Р | С | Р | --- | С | Р | | Р |.

Тип 3, например: «Как можно изменить расположение букв |К | |Н|Т| | за три хода так, чтобы получилось расположение |Н | |К | Т | |?»

Правило: один ход – это перемещение любой буквы на свободное место.

Решение: на первом ходу на свободное место перемещается буква «Н», на втором ходу – буква «К», на третьем ходу – буква Н.

Тип 4, например: «Как расположение букв | Т | | В | | Т | М | изменить за три хода так, чтобы получилось расположение цифр | 8 | 6 | | 6 | | 7 |?»

Правило: 1) один ход – это перемещение любой буквы на свободное место; 2) одинаковые буквы должны располагаться так же, как и одинаковые цифры.

Решение: | Т | | В | | Т | М | --- | | Т | В | | Т | М | --- | | Т | В | Т | | М | --- | В | Т | | Т | | М |.

Тип 5, например: «Как можно изменить расположение букв П М К за два хода так, чтобы получилась расположение: К П М?»

Правило: один ход – это одновременный обмен двумя буквами.

Решение: П М К --- П К М --- К П М: сначала буквы М и К меняются местами, затем буквы П и К.

Тип 6, например: «Как можно в два хода изменить расположение букв: П П М К так, чтобы получилось расположение цифр 6 8 5 5?»

Решение: Р М М К --- Р М К М --- Р К М М.

На каждом занятии дети решают 5 вариантов задач одного типа, например. первого типа.

Вариант 1, например: «Какие два действия необходимо выполнить: (а) | С | | Р | --- | С | | | Р | --- | Р | С | | или (б) | С | | Р | --- | | С | Р | --- | Р | С | |, чтобы после двух ходов буквы | С | Р | | получились расположение | Р | С | |?»

Вариант 2, например: «Какой получится результат (а) | С | | Р | или (б) | | С | Р |, если в расположении | Р | | С | сделать в два хода?»

Вариант 3, например: «Какое было расположение букв:(а) | | С | Р | или (б) | С | | Р |, если после двух ходов получилось расположение | | Р | С |?»

Вариант 4, например: «Дима, Миша и Леша решили задачу: «Какие два хода необходимо выполнить: (а) | С | | Р | --- | | С | Р | --- | Р | С | |, (б) | С | | Р | --- | С | Р | | --- | Р | С | | или (в) | С | | Р | --- | Р | | С | --- | Р | С | |, чтобы после двух ходов буквы | С | | Р | были расположены следующим образом: | Р | С | |?»

Дима выбрал ответ (а). Леша – ответ (б). Миша – ответ (в). Кто сделал правильный выбор?

Вариант 5, например: «Дима, Миша и Леша решили задачу: «Какие два хода необходимо выполнить: (а) | Т | | Ч | --- | | Т | Ч | --- | Ч | Т | |, (б) | С | | Ч | --- | Т | Ч | | --- | Ч | Т | | или (с) | Т | | Ч | --- | Т | | Ч | --- | Ч | Т | |, чтобы после двух ходов буквы | Т | | Ч | были расположены следующим образом: | Ч | Т | |?»

Дима выбрал ответ (а). Миша – ответ (б). Леша – ответ (в). Кто сделал неправильный выбор?

5. Маршрутные задачи.

9 типов маршрутных задач, связанных с перемещением воображаемых персонажей, – «Гуся» и «Кролика», – по определенным правилам, характеризуются следующим образом.

А	Б	В	Г	Д
Е	Ж	З	И	К
Л	М	Н	О	П
Р	С	Т	У	Ф
Х	Ц	Ч	Ш	Щ

Рисунок 2 - Игровое поле

Тип 1, например: «Какие два шага сделал гусь, чтобы из клетки с буквой М переместиться в клетку с буквой У?»

Правило: а) «Гусь» передвигается по клеткам с буквами; б) он делает шаги прямо (прямые шаги) к соседней букве по вертикали (например, от Н к З или к Т) или по горизонтали (например, от Н к М или к О); в) он также делает шаги наискось (косые шаги) по диагонали, – например: от Н к Ж, к И, к У или к С; г) ему нельзя делать один и тот же шаг (прямой или косой) два раза подряд.

Решение: М – Т – У.

Тип 2, например: «Как кролик прыгнул два раза от Л и попал к Д?»

Правило: 1) «Кролик» прыгает по клеткам с буквами; 2) он делает прыжки прямо (прямые прыжки), – через букву вверх (к примеру, от Н к В) или вниз (к примеру, от Н к Ч), а также через букву по горизонтали: направо (к примеру, от Н к П) или налево (к примеру, от Н к Л); 3) он также делает косые прыжки (по диагонали), – к примеру: от Н к Ф, к Д, к Щ или к Х; 4) ему нельзя делать один и тот же прыжок (прямой или косой) два раза подряд.

Решение: К – М – Д или К – В – Д.

Тип 3, например: «Какие два перемещения сделали гусь и кролик от З к Х?»

Правило: а) гусь и кролик перемещаются один за другим; б) гусь делает только прямые шаги; в) кролик делает только косые прыжки. Например, они могут перемещаться таким образом: гусь – от Н к М, кролик – М к Ш, гусь – от Ш к Ч, кролик – от Ч к П.

Решение: З – Н – Х.

Тип 4, например: «Какие два перемещения сделали гусь и кролик от И к Ч?»

Правило: а) гусь и кролик перемещаются один за другим; б) гусь делает только косые шаги; в) кролик делает только прямые прыжки. Например, они могут перемещаться таким образом: гусь – от Б к З, кролик – З к Т, гусь – от Т к Ц, кролик – от Ц к Х.

Решение: И – Н – Ч.

Тип 5, например: «Как за три действия гусь и кролик попали от Г к Ч?»

Правило: а) гусь и кролик перемещаются один за другим; б) гусь делает прямые и косые шаги; в) кролик делает только прямые прыжки. Например, они могут перемещаться таким образом: гусь – от А к Ж, кролик – Ж к С, гусь – от С к Ч, кролик – от Ч к Ш.

Решение: Г – И – У – Ч.

Тип 6, например: «Как за три действия гусь и кролик попали от Ц к А?»

Правило: а) гусь и кролик перемещаются один за другим; б) гусь делает прямые и косые шаги; в) кролик делает только косые прыжки. Например, они могут перемещаться таким образом: гусь – от В к И, кролик – И к С, гусь – от С к Т, кролик – от Т к К.

Решение: Ц – Т – Е – А.

Тип 7, например: «Как за три действия гусь и кролик попали от Ф к Ж?»

Правило: а) гусь и кролик перемещаются один за другим; б) гусь делает только прямые шаги; в) кролик делает прямые и косые прыжки. Например, они могут перемещаться таким образом: гусь – от Б к В, кролик – В к Н, гусь – от Н к О, кролик – от О к Ц.

Решение: Ф – Щ – Н – Ж.

Тип 8, например: «Как за три действия гусь и кролик попали от Щ к М?»

Правило: а) гусь и кролик перемещаются один за другим; б) гусь делает косые и прямые шаги; в) кролик делает прямые и косые прыжки. Например, они могут перемещаться таким образом: гусь – от Г к З, кролик – З к К, гусь – от К к П, кролик – от П к Ч.

Решение: Щ – У – С – М.

Тип 9, например: «Какие четыре перемещения сделали гусь и кролик, чтобы попасть от Р к Н?» Правило: а) гусь и кролик перемещаются один за другим; б) гусь делает косые и прямые шаги; в) кролик делает прямые и косые прыжки. Например: гусь Д - К, кролик: К - Ф, гусь: Ф - Ш, кролик: Ш - М.

Решение: Р - С - И - В - Н.

На каждом занятии дети решают 5 вариантов одного типа задач, например, первого типа.

Вариант 1, например: «Какие два шага сделал гусь, чтобы добраться от Л к Т?»

Вариант 2, например: «В какую клетку попал гусь за два шага от С: к букве Х или к букве У?»

Вариант 3, например: «Из какой клетки гусь попал к Ж за два шага: из клетки С или Н?»

Вариант 4, например: «Леша, Дима и Даша решили задачу: «Какие три шага сделал гусь: (а) М - З - И - Д, (б) М - З - Г - Д или (в) М - Н - И - Д, чтобы попасть из М в Д?» Леша выбрал ответ (а). Дима - ответ (б). Даша - ответ (в). Кто сделал правильный выбор?»

Вариант 5, например: «Леша, Дима и Даша решили задачу: «Какие три шага сделал гусь: (а) Н - Л - Р - Х, (б) Н - Т - С - Х или (в) Н - С - Ц - Х, чтобы добраться из Н в Х?» Леша выбрал ответ (а). Дима - ответ (б). Даша - ответ (в). Кто сделал неправильный выбор?»

6. *Дополнительные уроки.*

Уроки по программе «Мышление» состоят из трех частей. В первой части (около 15 минут) преподаватель вместе с учениками анализирует способы решения типовой задачи. Это необходимо, чтобы дети поняли, что необходимо открыть в задачах такого типа и как этого можно добиться. Детям даются средства анализа проблем (это способствует формированию когнитивных действий), а также способы управления поиском решения и приемы контроля за своими действиями (это способствует формированию метакогнитивных действий).

В течение второй части (около 30 минут) дети самостоятельно решают от 12 до 15 задач, применяя знания, полученные в первой части.

В течение третьей части (около 15 минут) преподаватель вместе с учащимися проверяет решенные задачи и рассматривает неправильные решения, еще раз демонстрируя методы анализа задач и способы контроля мыслительной деятельности.

7. *Диагностика когнитивных и метакогнитивных действий.*

До и после дополнительных занятий по программе «Мышление» проводилась групповая диагностика.

Буквы нужно было заменить однозначными числами, например: $Н Г + Г Н = ММ$ заменяется на $24 + 42 = 66$. Такие задачи требуют использования когнитивных действий, связанных с рассуждением, сравнением, планированием и комбинированием.

Сначала предлагалось задание для оценки сформированности когнитивных действий.

Учитель и ученики анализировали задачу: $Т Н + Р = Т Т$, учитывая правила: во-первых, разные буквы должны заменяться разными цифрами, одинаковые буквы – одинаковыми цифрами; во-вторых, в результате замен должно получиться правильное арифметическое выражение.

Затем предлагалось решить две тренировочные и три основные задачи.

Тренировочные задачи

а) $БК + М = ББ$ б) $ДХ - П = ДД$

Основные задачи

1. $КМН$ 2. $БХГ$ 3. $НВВ$

+ $ЯМР - ДБХ + VXX$

МКМ УДДРНН

Решение тренировочных задач проверялось вместе с детьми, решение основных задач в классе не проверялось.

Затем на занятии предлагалось задание для оценки сформированности метакогнитивных действий, связанных с рефлексией способа решения задач.

Были предложены три задачи: первая и третья из них построены одинаково, вторая – по-другому.

1. $AO + E = AA$; 2. $BP + P = BV$; 3. $ЩЧ + Ц = ЩЩ$

После решения дети должны были выбрать утверждение, связанное с этими тремя задачами.

1. Три задачи похожи, потому что...

2. Три задачи разные, потому что...

3. Задачи 1 и 2 похожи, а задача 3 отличается от них, потому что...

4. Задачи 1 и 3 похожи, а задача 2 отличается от них, потому что...

5. Задачи 2 и 3 похожи, а задача 1 отличается от них, потому что...

После решения трех задач учитель говорил: «Есть пять различных утверждений, связанных с этими тремя задачами. Много детей решали эти задачи. Одна часть детей говорила: «Все задачи одинаковые», другая часть говорила: «Все задачи разные», третья часть: «Задачи 1 и 2 похожи, а задача 3 отличается», четвертая часть: «Задачи 1 и 3 похожи, а задача 2 отличается», пятая часть: «Задачи 2 и 3 похожи, а задача 1 отличается».

Каждый ученик должен выбрать только одно утверждение, которое он считает наиболее правильным, и кратко объяснить свой выбор.

Решение задач и выбор утверждения на занятии не оценивались.

Выбранное утверждение и пояснение были учтены при оценке результатов.

Некоторые дети выбрали утверждение 1: «...потому что во всех задачах буквы нужно заменять цифрами».

Некоторые – утверждение 2: «...потому что во всех задачах буквы разные».

Некоторые – утверждение 3: «...потому что буквы в третьей задаче последние в алфавите, а в остальных задачах не так».

Некоторые – утверждение 4: «...потому что во второй задаче нужно сложить одинаковые числа, а в остальных задачах – разные...».

Некоторые – утверждение 5: «...потому что в первой задаче были гласные, а в остальных – согласные...».

Утверждения 1, 2, 3 или 5 основаны на сходстве и различии задач по их внешним характеристикам. Это формальное понимание, которое указывает на отсутствие размышлений о способах решения задач.

Утверждение 4 основано на структурном сходстве и различии задач. Оно демонстрирует глубокое понимание особенностей построения задач, что указывает на выполнение метакогнитивного действия в виде рефлексии способа решения задач.

Результаты исследования

Характеристика сформированности у третьеклассников когнитивных и метакогнитивных действий в начале и конце учебного года представлена в таблице 1.

Таблица 1 - Результаты решения диагностических задач учениками контрольной (К) и экспериментальной (Э) групп в сентябре и мае

Период	Действия			
	Когнитивные		Метакогнитивные	
	Сентябрь	Май	Сентябрь	Май
Группа К	23 (41.1%)	29 (51.8%)**	17 (30.4%)	22 (39.3%)*
Группа Э	25 (43.1%)	43 (74.1%)**	18 (31.0%)	33 (56.9%)*

Примечание: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$.

По данным таблицы сформированность когнитивных действий в мае по сравнению с сентябрем увеличилась в обеих группах: в контрольной группе – на 10,7% (с 41,1% до 51,8%), в экспериментальной группе – на 31,0% (с 43,1% до 74,1%). Прирост в экспериментальной группе превышает прирост в контрольной группе на 19,3%. В сентябре различие результатов было минимальным – 2,0%, а в мае оно стало существенно больше (различие показателей 51,8% и 74,1% статистически значимо ($p < 0,01$)).

Сформированность метакогнитивных действий в мае по сравнению с сентябрем также увеличилась в обеих группах: в контрольной группе – на 8,9% (с 30,4% до 39,3%), в экспериментальной группе – на 25,9% (с 31,0% до 56,9%). Прирост в экспериментальной группе превышает прирост в контрольной группе на 17,0%. В сентябре различие результатов было минимальным – 1,9%, а в мае оно стало существенно больше (различие показателей 39,3% и 56,9% статистически значимо ($p < 0,05$)).

Таким образом, анализ полученных в исследовании результатов подтверждает исходную гипотезу: действительно, 30 занятий по программе «Мышление» существенно способствуют формированию когнитивных и метакогнитивных действий у третьеклассников.

Обсуждение результатов

1. Условия эксперимента.

Такой результат обусловлен особенностями программы «Мышление»: ее неучебным содержанием, поисковым характером включенных в нее задач, дифференциацией по типу задач (сюжетно-логические, пространственные, компаративные и маршрутные), наличием трех структурных вариантов предлагаемых задач (найти ответ, найти часть условия, найти вопрос), двумя видами заданий по отношению к задачам (решить задачи, проверить решения задач).

Важны конкретные характеристики уроков: 30 одночасовых урока, проводимых еженедельно в течение девяти месяцев. Каждое занятие состоит из трех частей – предварительное обсуждение, самостоятельное решение задач, заключительное обсуждение.

Предварительное обсуждение способствует освоению детьми методов анализа и решения проблем и связано с формированием когнитивных действий. Заключительное обсуждение способствует освоению детьми методов контроля и оценки решений и связано с формированием метакогнитивных действий.

2. Научное значение исследования.

Были получены новые знания об условиях формирования когнитивных и метакогнитивных действий, расширены и уточнены взгляды педагогической и возрастной психологии развития на перспективы интеллектуального развития детей при обучении в начальной школе.

Проведенное исследование поддерживает позицию Л.С. Выготского в решении проблемы соотношения обучения и развития: «Обучение только тогда хорошо, когда оно идет впереди развития. Тогда оно пробуждается и вызывает к жизни целый ряд функций, находящихся в

стадии созревания, лежащих в зоне ближайшего развития. В этом и заключается главнейшая роль обучения в развитии» [Выготский, 1999, 233].

Занятия по программе «Мышление» способствуют более интенсивному формированию когнитивных и метакогнитивных действий, по сравнению с контрольной группой. Подобные занятия, связанные с решением детьми задач поискового характера на неучебном материале, представляют собой возможный вектор интеллектуального обогащения образовательной среды начальной школы.

3. Ограничения исследования.

1) Состав испытуемых. В сентябре в среднем 42,0% учеников в обеих группах решили три задачи, 34,42% решили две задачи и 8,14% – одну задачу. При другом составе группы, где результаты были бы, соответственно, 30%, 20% и 5%, эффективность дополнительных занятий могла быть ниже.

2) Характеристики учителей. Педагогический стаж в среднем составлял 15-20 лет, а если бы он составлял 3-5 лет, то сформированность когнитивных и метакогнитивных действий у детей экспериментальной группы была бы менее значительной.

3) Отсутствие отслеживания родительской помощи, которая, по словам учителей, присутствовала в разной степени.

4. Дальнейшие цели исследования.

Провести аналогичное исследование с учениками 4 класса для более полной и точной оценки влияния программы «Мышление» на развитие когнитивных и метакогнитивных действий.

Создать комплексную программу обучения мышлению учащихся младших классов, где программа «Мышление» будет служить пропедевтикой программы развития критического и творческого мышления.

Заключение

Исследование продемонстрировало эффективность развития когнитивных и метакогнитивных действий у третьеклассников в условиях групповой деятельности, где регулярно (1 раз в неделю) в течение девяти месяцев (с сентября по май) решались различные типы неучебных задач поискового характера, включенных в программу «Мышление».

Библиография

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
2. Adey P. (ed.) Let's think handbook: A guide to cognitive acceleration in the primary school. London: GL Assessment, 2008.
3. Anderson L.W et al. A taxonomy for learning, teaching, and assessing: A revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives (Complete edition). New York: Longman, 2001.
4. De Acedo Lizarraga M., De Acedo Baquedano M., Goicoa Mangado T., Cardelle-Elawar M. Enhancement of thinking skills: Effects of two intervention methods // *Thinking Skills and Creativity*. 2009. No. 4(1). P. 30-43.
5. Dewey J., Bento J. Activating children's thinking skills (ACTS): The effects of an infusion approach to teaching thinking in primary schools // *British Journal of Educational Psychology*. 2009. No. 79(2). P. 329-351.
6. Kuhn D. Formal operations from a twenty-first century perspective // *Human Development*. 2008. No. 51(1). P. 48-55.
7. Kuhn D. The importance of learning about knowing: Creating a foundation for development of intellectual values // *Child Development Perspectives*. 2009. No. 3(2). P. 112-117.
8. Larkin S. Metacognition in Young Children. Abingdon, Routledge, 2010.
9. Lucas B., Claxton G. New kinds of smart: How the science of learnable intelligence is changing education. Maidenhead, UK: McGraw-Hill International, 2010.
10. Magno C. The role of metacognitive skills in developing critical thinking // *Metacognition and Learning*. 2010. No.

- 5(2). P. 137-156.
11. McGuinness C. et al. Building thinking skills in thinking classrooms. ACTS (Activating Children's Thinking Skills) in Northern Ireland. London, UK: ESRC's Teaching and Learning Research Programme, Research Briefing, 2006.
 12. Nisbett R.E. et al. Intelligence: New findings and theoretical developments // *American Psychologist*. 2012. No. 67(2). P. 130-159.
 13. Perkins D. Smart schools: From training memories to educating minds [Better Thinking and Learning for Every Child]. New York: Simon and Schuster, 2008.
 14. Puchta H., Williams M. Teaching Young Learners to Think. Innsbruck and Cambridge: Helbling Languages and Cambridge University Press, 2011.
 15. Ritchhart R., Church M., Morrison K. Making thinking visible: How to promote engagement, understanding, and independence for all learners. San Francisco, CA: Wiley, 2011.
 16. Shayer M., Adhami M. Fostering cognitive development through the context of mathematics: Results of the CAME project // *Educational Studies in Mathematics*. 2007. No. 64(3). P. 265-291.
 17. Sternberg R.J. Beyond IQ: A triarchic theory of human intelligence. New York City: Cambridge University Press, 1985.
 18. Sternberg R.J., Grigorenko E.L. Teaching for successful intelligence: To increase student learning and achievement. Thousand Oaks, CA: Corwin Press, 2007.
 19. Swartz R., McGuinness C. Developing and Assessing Thinking Skills. Project Final Report Part 1 February 2014 with all appendices. 2014. URL: <http://www.ibo.org/globalassets/publications/ib-research/continuum/student-thinking-skills-report-part-1.pdf>.
 20. Swartz R.J. et al. Thinking-based learning: Activating students' potential. Norwood, MA: Christopher-Gordon Publishers, 2007.
 21. Trickey S., Topping K.J. Philosophy for children: A systematic review // *Research Papers in Education*. 2004. No. 19(3). P. 365-380.

Formation of cognitive and metacognitive actions among younger schoolchildren

Anatolii Z. Zak

Leading Researcher,
Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
125009, 9 Mokhovaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: jasmin67@mail.ru

Abstract

The work examined the possibilities of developing in primary schoolchildren cognitive actions related to problem solving, and metacognitive actions related to monitoring and evaluating problem solving. The purpose of the study is to determine the conditions for the formation of the noted actions among third-graders. The original Mindset program was supposed to create such conditions. The program includes 30 types of search tasks of non-educational content. Each type of task was offered in three structural options: find the answer, find the question, find part of the conditions. The control group consisted of 56 children, the experimental group - 58 children, who participated in 30 additional group classes (weekly, from September to May). In the experimental and control groups, initial and final diagnostics of the actions being formed were carried out. A comparison of the results of solving diagnostic problems by both groups at the end of the school year showed that children in the experimental group demonstrated better results than children in the control group. The data obtained indicates the effectiveness of the Thinking program. In the future, it is planned to determine to what extent the "Thinking" program contributes to the formation of the noted actions in fourth graders.

For citation

Zak A.Z. (2024) Formirovanie kognitivnykh i metakognitivnykh deistvii u mladshikh shkol'nikov [Formation of cognitive and metacognitive actions among younger schoolchildren]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 147-160. DOI: 10.34670/AR.2024.83.47.005

Keywords

Third graders, formation, cognitive actions to solve problems, metacognitive actions to control and evaluate problem solving.

References

1. Adey P. (ed.) (2008) Let's think handbook: A guide to cognitive acceleration in the primary school. London: GL Assessment.
2. Anderson L.W et al. (2001) A taxonomy for learning, teaching, and assessing: A revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives (Complete edition). New York: Longman.
3. De Acedo Lizarraga M., De Acedo Baquedano M., Goicoa Mangado T., Cardelle-Elawar M. (2009) Enhancement of thinking skills: Effects of two intervention methods. *Thinking Skills and Creativity*, 4(1), pp. 30-43.
4. Dewey J., Bento J. (2009) Activating children's thinking skills (ACTS): The effects of an infusion approach to teaching thinking in primary schools. *British Journal of Educational Psychology*, 79(2), pp. 329-351.
5. Kuhn D. (2009) Formal operations from a twenty-first century perspective. *Human Development*, 51(1), pp. 48-55.
6. Kuhn D. (2009) The importance of learning about knowing: Creating a foundation for development of intellectual values. *Child Development Perspectives*, 3(2), pp. 112-117.
7. Larkin S. (2010) *Metacognition in Young Children*. Abingdon, Routledge.
8. Lucas B., Claxton G. (2010) *New kinds of smart: How the science of learnable intelligence is changing education*. Maidenhead, UK: McGraw-Hill International.
9. Magno C. (2010) The role of metacognitive skills in developing critical thinking. *Metacognition and Learning*, 5(2), pp. 137-156.
10. McGuinness C. et al. (2006) Building thinking skills in thinking classrooms. ACTS (Activating Children's Thinking Skills) in Northern Ireland. London, UK: ESRC's Teaching and Learning Research Programme, Research Briefing.
11. Nisbett R.E. et al. (2012) Intelligence: New findings and theoretical developments. *American Psychologist*, 67(2), pp. 130-159.
12. Perkins D. (2008) *Smart schools: From training memories to educating minds [Better Thinking and Learning for Every Child]*. New York: Simon and Schuster.
13. Puchta H., Williams M. (2011) *Teaching Young Learners to Think*. Innsbruck and Cambridge: Helbling Languages and Cambridge University Press.
14. Ritchhart R., Church M., Morrison K. (2011) *Making thinking visible: How to promote engagement, understanding, and independence for all learners*. San Francisco, CA: Wiley.
15. Shayer M., Adhami M. (2007) Fostering cognitive development through the context of mathematics: Results of the CAME project. *Educational Studies in Mathematics*, 64(3), pp. 265-291.
16. Sternberg R.J. (1985) *Beyond IQ: A triarchic theory of human intelligence*. New York City: Cambridge University Press.
17. Sternberg R.J., Grigorenko E.L. (2007) *Teaching for successful intelligence: To increase student learning and achievement*. Thousand Oaks, CA: Corwin Press.
18. Swartz R., McGuinness C. (2014) *Developing and Assessing Thinking Skills*. Project Final Report Part 1 February 2014 with all appendices. Available at: <http://www.ibo.org/globalassets/publications/ib-research/continuum/student-thinking-skills-report-part-1.pdf> [Accessed 16/01/2024].
19. Swartz R.J. et al. (2007) *Thinking-based learning: Activating students' potential*. Norwood, MA: Christopher-Gordon Publishers.
20. Trickey S., Topping K.J. (2004) Philosophy for children: A systematic review. *Research Papers in Education*, 19(3), pp. 365-380.
21. Vygot'skii L.S. (1999) *Myshlenie i rech'* [Thought and speech], 5th ed. Moscow: Labirint Publ.

УДК 159.937.511

DOI: 10.34670/AR.2024.74.69.006

Игра цвета как стимул к становлению и развитию коммуникативной компетентности у детей с ОВЗ

Рамазанова Евгения Алексеевна

Аспирант,
Новосибирский государственный педагогический университет,
630126, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Виллюйская, 28;
e-mail: yevgeniya0209@gmail.com

Аннотация

Автор рассматривает цветовые возможности психодиагностических методик в компьютерной версии в построении коммуникативной ситуации с учащимися с особенностями в развитии. Представлены данные исследования детей с задержкой психического развития и нарушениями опорно-двигательного аппарата. Предложены для ознакомления примеры «разговора» учеников о себе и личностном выражении через изображение персонажей, когда ученики в письменной форме высказывают мысли о вероятных действиях с цветом, а также о событиях, наполненных данным цветом и о своем отношении к ним. Автор утверждает, что игра цвета помогает в мотивировании учеников с ОВЗ к коммуникативной деятельности, в стимулировании к размышлению об известных им образах, не смотря на многочисленные возможные барьеры в общении. Барьерами в общении у детей с особенностями в развитии могут быть эмоциональная незрелость, замкнутость, низкий уровень познавательной активности и пр. Исследователь наблюдает за изменениями эмоционального отношения учащихся, познавательной активности, личностных качеств благодаря включению детей в коммуникативное событие посредством цифрового красочного материала диагностики. Ученик, в соответствии с пережитыми ощущениями, связывает вид деятельности, жизненные ценности и потребности, людей, эмоциональные переживания, окружающую природу, события с цветом, и делится размышлениями о данных категориях.

Для цитирования в научных исследованиях

Рамазанова Е.А. Игра цвета как стимул к становлению и развитию коммуникативной компетентности у детей с ОВЗ // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 161-177. DOI: 10.34670/AR.2024.74.69.006

Ключевые слова

Цветовая диагностика, коммуникативная компетентность, рисуночные методики, цветовые ассоциации, компьютерная версия психодиагностики.

Введение

Согласно С.Л. Рубинштейну, в восприятии окружающего мира заключается чувственное осознание мира людей, вещей, явлений, исполненных для нас определенного значения. Между ними на наших глазах устанавливаются многообразные отношения, в результате которых создаются осмысленные ситуации, свидетелями и участниками которых являемся мы [Рубинштейн, 2002, с. 211]. Мы познаем мир, воспринимая его посредством зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса.

Наши знания о мире возникают первоначально в виде образов, ощущений и восприятий. Переработка чувственных данных в сознании приводит к образованию представлений и понятий. В этих двух формах знания сохраняются в памяти [Поликарпов, 2015, с. 24].

В нашем исследовании был сделан акцент на зрительных ощущениях учащихся с ОВЗ.

Роль зрительных ощущений в познании мира особенно велика. Зрение даёт нам наиболее совершенное, подлинное восприятие предметов. Зрительные ощущения наиболее дифференцированы от аффективности, в них особенно силен момент чувственного созерцания. Зрительные восприятия – наиболее «опредмеченные», объективированные восприятия человека [Рубинштейн, 2002, с. 258].

Характеризуя зрительные ощущения, М.В. Романова говорит о том, что «зрительные ощущения возникают в результате воздействия электромагнитных волн определенной длины (от длины их зависит цвет: ахроматические волны – черное, белое и серое изображение, хроматические – красный, оранжевый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый) на чувствительную часть нашего глаза – сетчатку» [Романова, 2019, с. 5]. К.М. Романов дает описание органам чувств, называя зрение одной из важнейших природных предпосылок существования душевного мира. Зрение «обладает способностью к порождению так называемой сенсорной ткани – ощущений, из которых строятся субъективные образы. Сенсомоторная организация является одновременно и одной из природных предпосылок для развития способностей и личностных черт» [Романов, 2019, с. 137].

В работе с детьми с психическими и физическими особенностями в развитии, мы, в том числе, наблюдаем за их зрительным восприятием материала, предназначенного для стимулирования активного участия в коммуникативных ситуациях. Стимульный материал психодиагностических методик – графические знаки, геометрические фигуры, иллюстрации – побуждают детей с ОВЗ к раскрытию личных переживаний, собственного отношения к предметам, явлениям, знакомым им из жизненного опыта.

«Ярким» помощником для нас при выстраивании системы представления психодиагностического материала для детей с ОВЗ был цвет: цвета синий, зеленый, красный, желтый, фиолетовый, коричневый, черный, серый методик М. Люшера, А.И. Лутошкина, О.А. Ореховой, И.Л. Соломина; цвета черный, зеленый, оранжевый, пурпурный, красный, желтый методики Дж. Бака.

О значении цвета, как явления, воздействующего на человека, примечательно сказано у С.Л. Рубинштейна: «каждый цвет определённым образом воздействует на человека. Действие цветов обусловлено, с одной стороны, непосредственным физиологическим влиянием их на организм, а с другой – ассоциациями, которые цвета вызывают на основе предшествовавшего опыта. Некоторые цвета возбуждают, другие, напротив, успокаивают нервную систему. Выраженность цвета в значительной степени зависит от установки испытуемых» [Рубинштейн, 2002, с. 271].

Основная часть

Наши наблюдения показали, что ученики описывают цвет, связывая его с объективными вещами, явлениями, а также воображая свое собственное, уникальное выражение цвета.

Воображение ребенка с ограничениями по здоровью «порождает что-то новое, изменяет, преобразует то, что ... дано в восприятии. Это изменение, преобразование, отклонение от данного может выразиться ... в том, что человек, исходя из знаний и опираясь на опыт, вообразит, т. е. создаст, себе картину того, чего в действительности сам он никогда не видел» [Рубинштейн, 2002, с. 368].

Мы часто замечали, что дети в выборе цвета фантазируют: для характеристики персонажей рисунков, в разговорах о себе и личностном выражении при общении с «электронной системой» в рамках цифрового тестирования (об автоматизированной адаптивной системе ААСПЮ мы подробнее говорили в предыдущей статье) [Рамазанова, 2023].

Это может быть фантазийный выбор цвета животного.

Рисунок 1 – Методика «Несуществующее животное» (компьютерная версия)

В другом случае, поясняя выбор цвета, согласно дополнению цветовой диагностики, размышляя о цвете, ученики в письменной форме высказывают мысли о вероятных действиях с цветом, а также о событиях, наполненных данным цветом и о своем отношении к ним.

Письменная вербальная и невербальная речь оставляет ученика с особыми потребностями наедине с его личными переживаниями, узнать о которых не может посторонний. Л.С. Выготский называет ее «речью без собеседника» в ситуации, когда «тот, к кому обращена речь, или отсутствует вовсе или не находится в контакте с пишущим. ... Это – разговор с воображаемым или только представляемым собеседником» [Выготский, 2022, с. 372]. Таким представляемым собеседником в нашем эксперименте был «цифровой собеседник» в общении с «электронной системой» в рамках цифрового тестирования (компьютерной версии психодиагностики). Мы вернемся к этому вопросу в нашей статье чуть позже.

Здесь некоторые варианты ответов учащихся с ОВЗ:

- белое – это пустота, где можно расслабиться и подумать о своих мыслях и желаниях.
Белое – это что-то неуловимое, что нельзя взять. Белое – это всё. Из белого можно сотворить всё и все цвета повторить;
- после дождя не так жарко, цвет дождя (синий);

- серый цвет – для контрольной работы, потому что такой цвет у бумаги;
- свобода, счастье, когда хорошие, солнечные дни; цвет похож на лето (желтый).

Импульс к размышлениям об известных, пережитых событиях, появляется у ребенка благодаря образам памяти.

Образы памяти – это воспроизведение прошлого опыта. Функция памяти – сохранить в возможной неприкосновенности результаты прошлого опыта, функция воображения – их преобразовать [Рубинштейн, 2002, с. 367].

Итак, цвет помогает в мотивировании учеников с ОВЗ к коммуникативной деятельности, в стимулировании к размышлению об известных им образах, не смотря на многочисленные возможные барьеры в общении. Барьеры в общении возникают вследствие врожденных и приобретенных нарушений в развитии.

О барьерах в общении между людьми известно множество суждений, в частности, из исследований Л.А. Комогоровой. Из ее заключений, известно, что «барьеры при коммуникации могут носить ... выраженный психологический характер. Они могут возникнуть или вследствие индивидуальных психологических особенностей общающихся (например, чрезмерная застенчивость одного из них, скрытность другого, присутствие у кого-то черты, получившей название “некоммуникабельность”), или в силу сложившихся между общающимися особого рода психологических отношений: неприязни по отношению друг к другу, недоверия и т.п.» [Комогорова, 2015, с. 36].

В процессе работы с детьми с ограниченными возможностями развития – с задержкой психического развития (далее - ЗПР), нарушениями опорно-двигательного аппарата (далее - НОДА) – мы, как упомянули ранее, решали вопрос раскрытия личных переживаний, собственного отношения к окружающему миру. Исследователем В.П. Глуховым представлено описание барьеров в коммуникации детей с ОВЗ, в том числе, с ЗПР и НОДА.

Для детей с ЗПР характерны недоразвитие мыслительных операций, затруднение в осмысливании получаемой информации, узкий круг знаний и представлений об окружающем мире, бедность словарного запаса, ослабление внимания. При нарастании утомления (особенно при отсутствии спокойной обстановки) резко падает продуктивность познавательной (учебной) деятельности; изменяются поведенческие реакции: дети становятся беспокойными, раздражительными или, напротив, вялыми, медлительными, заторможенными [Глухов, 2017, с. 208].

Детский церебральный паралич проявляется в виде различных двигательных, психических и речевых нарушений. При ДЦП страдают самые важные для человека функции – движения, психические процессы и речь. Двигательные расстройства у этих детей сочетаются с отклонениями в развитии сенсорных функций, познавательной деятельности, что связано с органическим поражением центральной нервной системы и ограниченными возможностями познания окружающего мира. Другая часть детей не имеет отклонений в развитии познавательной деятельности и не требует специального обучения и воспитания [Глухов, 2017, с. 261].

Согласимся с выводом автора о том, что «во всех случаях аномального развития совокупность порождаемых дефектом последствий отражается на развитии личности ребенка. Особенности такой личности являются пониженный фон настроения, астенические черты, нередко ипохондричность, тенденция к ограничению социальных контактов, заниженная самооценка, тревожность, повышенная нервозность, фобии (страхи)» [Глухов, 2017, с. 57].

Несмотря на пониженный уровень умственной работоспособности вследствие быстрой

утомляемости, инертности, эмоциональной неустойчивости учащихся, мы наблюдали за положительными изменениями их эмоционального отношения, познавательной активности, личностных качеств. Результаты были получены нами вследствие включения учеников в коммуникативное событие (в нашем случае, урок английского языка с психодиагностическим исследованием) на протяжении двух недель. Ситуация общения на уроке, письменного и устного, достигается при побуждении учеников к воображению и фантазии. Еще Аристотель высказывал мысль о том, что «без воображения невозможно никакое составление суждений. Мышление характеризуется составлением суждений, протекает в понятиях» [Ждан, 2004, с. 35].

Цвет, его вероятная характеристика, стимулируют воображение и фантазию ребенка, вызывают ассоциации у ребенка с ОВЗ даже в случае его замкнутости, немногословности. Ученик, в соответствии с пережитыми ощущениями, связывает вид деятельности, жизненные ценности и потребности, людей, эмоциональные переживания, окружающую природу, события с цветом, и делится размышлениями о данных категориях.

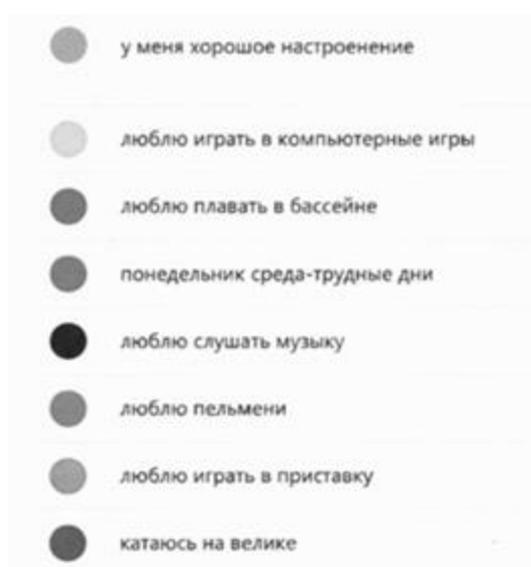

Рисунок 2 – Цветовые ассоциации в рамках методики М. Люшера (со словесным пояснением выбора цвета)

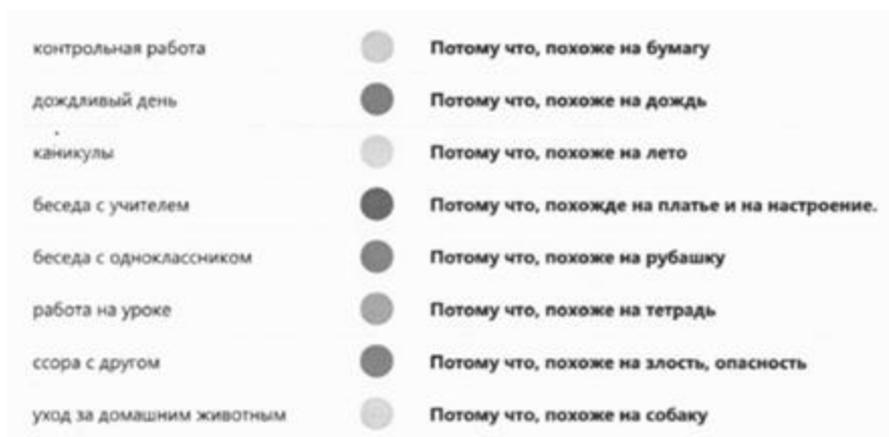

Рисунок 3 – Цветовые ассоциации в рамках методики А. Лутошкина (со словесным пояснением выбора цвета)

Рисунок 4 – Цветовые ассоциации в рамках методики И. Соломина (со словесным пояснением выбора цвета)

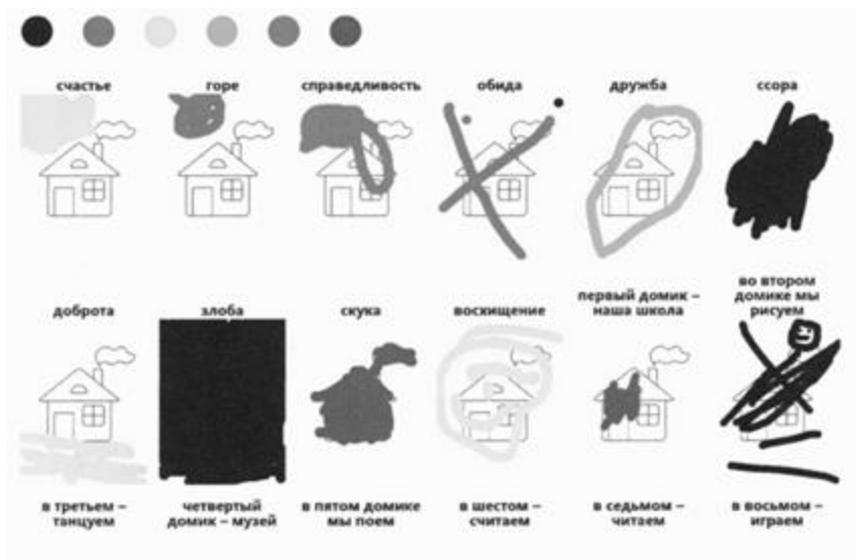

Рисунок 5 – Цветовые ассоциации в рамках методики О. Ореховой (со словесным пояснением выбора цвета)

Цветовая диагностика была реализована в компьютерной версии, когда ученик наблюдает отклик автоматизированной системы: переключение к следующему вопросу, «живую» иллюстрацию, способы интерактивного взаимодействия с «электронным собеседником» (письмо с указанием ошибки в тексте, рисование, ответ в виде голосового файла, действия в виде перемещения, сортировки, выбор при появлении множественного набора стимульного материала, ситуативное появление и исчезновение текста и иллюстраций), возможность воздействовать на картинку, цвет, графический знак, геометрическую фигуру и пр.

Ассоциации учащихся с ОВЗ в соответствии с воспринимаемым ими цветом на разных этапах эксперимента позволили нам наблюдать за изменениями эмоционального отношения, познавательной активности, личностных качеств учащихся с ОВЗ в условиях учебных коммуникативных ситуаций.

Таблица 1 – Наблюдение за изменениями эмоционального отношения, познавательной активности, личностных качеств учащихся с ОВЗ в условиях учебных коммуникативных ситуаций

Ученик	Коммуникативная ситуация	Изменения эмоционального отношения, познавательной активности, личностных качеств
Ученик 1	Пассивное наблюдение на уроке традиционной формы с применением слайдовой презентации	Проявил высокую способность к общению, навыки культуры общения. Единственный из учеников, проявивший интерес к общению с новым учителем. На фразу учителя «Очень приятно видеть вас (учеников) на уроке» ответил: «Мне тоже очень приятно». Во время урока продемонстрировал хорошие знания лексического материала. Обладает способностью понять новый текст при первичном прочтении. Произношение слов не всегда верное, но ученик быстро запоминает рекомендации учителя. На уроке спокоен, внимателен. Проявлена активность в обсуждении выполненного домашнего задания. При этом ученик упомянул, какой объем материала он приготовил к уроку в качестве домашнего задания. Просит учителя, разъяснить неясные моменты на уроке. В рефлексивно-оценочной части урока подводит итог урока.
	Работа с цифровой версией цветовой диагностики ААСППО. Данные первого урока эксперимента.	Самостоятелен в выполнении заданий. Активно оказывает помощь однокласснику. Цвета ассоциирует чаще с явлениями природы, с окружающими предметами, а также с цветом одежды учителя (школа - фиолетовый).
	Работа с цифровой версией цветовой диагностики ААСППО. Данные последнего урока эксперимента.	Общительность с одноклассниками и учителем. Поддержка одноклассника в случае необходимости (ученика с нарушением опорно-двигательного аппарата). Высокий уровень коммуникативных умений. Понимание статуса ученика и учителя. Взаимодействие с учителем как с помощником, консультантом, старшим товарищем. Адекватное понимание различия между положительными и отрицательными эмоциями. Доброжелательное отношение к окружающим, к собеседникам.
Ученик 2	Пассивное наблюдение на уроке традиционной формы с применением слайдовой презентации	Проявил высокую способность к общению, навыки культуры общения. Требует дисциплину на уроке от своих одноклассников, просит соблюдать тишину. Раздражение ученика вследствие шума со стороны одноклассников. Во время урока продемонстрировал хорошие знания лексического материала. Обладает способностью понять новый текст при первичном прочтении. Произношение слов верное. На уроке спокоен, внимателен, нуждается в рабочей обстановке на уроке.
	Работа с цифровой версией цветовой диагностики ААСППО. Данные первого урока эксперимента.	Задания выполняет самостоятельно. Иногда требуется помощь учителя при разборе пояснения к следующему заданию.
	Работа с цифровой версией цветовой диагностики ААСППО.	Из наблюдений за учащимся выявлено: недостаток активности в общении с одноклассниками, но в то же время отмечено стремле-

Ученик	Коммуникативная ситуация	Изменения эмоционального отношения, познавательной активности, личностных качеств
	Данные последнего урока эксперимента.	ние работать на уроке с учителем. Общение с учителем более значимо, чем беседа с одноклассниками во время урока. Замкнутость в ученическом коллективе. Эмоциональное состояние стабильное: уравновешенность, спокойствие. Ученик охотно делится своими предпочтениями в досуговой деятельности, дома. Нам удалось развить навык общения в письменной форме, приобщить к выражению своих мыслей и чувств в работе с цифровой системой ААСППО. Даже конфликтная ситуация на уроке не вызвала раздражение у ученика, не нарушила его стремления к работе на уроке.
Ученик 3	Пассивное наблюдение на уроке традиционной формы с применением слайдовой презентации	Испытывает волнение, когда затрудняется в ответе. Нуждается в поощрении и поддержке со стороны учителя. Произношение слов верное. Заинтересован в уроке, но при монотонной работе склонен отвлекаться, подражая одноклассникам. Быстрая обратная связь с учителем несмотря на периодическое ослабление произвольного внимания на уроке (чаще при длительной однообразной работе на уроке).
	Работа с цифровой версией цветовой диагностики ААСППО. Данные первого урока эксперимента.	При вопросах о школе вслух произносит слово «ненавижу». Выполняет задания довольно скоро. Самостоятельно разучивает следующее задание, стремится превзойти одноклассников в скорости выполнения заданий. Алгоритм выполнения заданий всегда верный.
	Работа с цифровой версией цветовой диагностики ААСППО. Данные последнего урока эксперимента.	В классе данным учеником был спровоцирован конфликт с целью привлечь к себе внимание одноклассников. Понимание учеником характера эмоций, положительных и отрицательных, неудовлетворительно. Деформация личностных отношений с окружающими. Требуется дополнительная работа с психологом школы. Ученик способен к агрессии, вызванной замечанием учителей на предыдущих уроках. На уроке готов к общению, но стремление обратить внимание на личную проблему при ее невыказанности приводит к конфликту в ученическом коллективе. Ученик в первую очередь прислушивается к собственным желаниям, не обращая внимания на окружающих. Нами не достигнута цель: развитие навыка общения на уроке в рамках изучаемой темы, взаимодействие с одноклассниками на основе взаимопомощи при выполнении учебных заданий.
Ученик 4	Пассивное наблюдение на уроке традиционной формы с применением слайдовой презентации	Уровень функционирования произвольного внимания высокий, но ученик не может контролировать себя на уроке. Часто издает непроизвольные шумы, стук, шуршание (при пении, качании на стуле, неожиданном резком вставании с места). Склонен подражать одноклассникам, копируя их посторонние действия (построение башни из учебников и тетрадей). Быстрая обратная связь с учителем несмотря на периодическое ослабление внимания на уроке (чаще при длительной однообразной работе на уроке). Преобладание навыка устной речи. Часто не делает конспект урока.
	Работа с цифровой версией цветовой диагностики ААСППО. Данные первого урока эксперимента.	Требуется поддержка учителя при переходе к следующему заданию. Заинтересован в самостоятельной работе. Часто фантазирует на свободные темы вслух, но внимание концентрирует на задании.
	Работа с цифровой версией цветовой диагностики ААСППО.	Взаимодействие с учителем как с помощником, консультантом, старшим товарищем. Ученик охотно делится своими предпочтениями в досуговой деятельности, дома в беседе с учителем о выборе

Ученик	Коммуникативная ситуация	Изменения эмоционального отношения, познавательной активности, личностных качеств
	Данные последнего урока эксперимента.	цвета, стимульного материала. Нам удалось развить навык общения в письменной форме в работе с цифровой системой ААСППО, письменное изложение мыслей с опорой на стимульный материал. Конфликтная ситуация с данным учеником, вызванная одноклассником, была причиной отказа от работы на уроке. Ученик продолжил участие в коммуникативном акте (психодиагностическое тестирование) посредством цифрового ресурса.

Опыт работы с учеником 3 требует разработки индивидуального плана психолого-педагогической поддержки. На данный момент составлены рекомендации для учителя, классного руководителя и психолога школы.

На последнем уроке было отмечено контролируемое волнение. Мы заметили его желание прекратить цифровой опрос. Это был единственный случай, когда ученик не был готов к личному глубокому общению даже с «цифровым помощником». Данный ученик не охотно переходит после цифровой части урока к его традиционной части. Переход от традиционной части урока к цифровой более продуктивный.

Далее обратим внимание на варианты цветового предпочтения и изменения относительно уровня коммуникативной компетентности.

Таблица 2 – Сопоставление выбора цвета и изменения уровня коммуникативной компетентности детей с ОВЗ (по материалам уроков 1 и 5)

Ученик	Урок	
Ученик 1	Урок 1	
1	Цветовая характеристика	Выбирает черный цвет в качестве наиболее предпочтительного среди всех предложенных цветов, комментируя выбор тем, что на черный цвет можно смотреть и фантазировать. При сомнениях ученика в выборе второго цвета обратим внимание на сочетание коричневого и фиолетового цветов – чувство неудовлетворенности, стремление к комфорту. Требуется выявить возможный диссонанс реального «Я» и субъективного «Я» (на основе самооценки), причину недовольства собой. Видит себя в идеализированной ситуации, в фантазиях. Положительное отношение к понятиям: работа на уроке, беседа с одноклассником. Беседа характеризуется цветом одежды собеседника. Нужно отметить стремление преодолеть конфликт, достичь взаимопонимания с собеседником, с другом. Повышенная тревожность в беседе с учителем, во время самостоятельной работы, повышенная утомляемость в школе и дома. Не использует черный цвет несмотря на то, что выбирает его первым в последовательности цветов. Прилагает волевые усилия в стремлении к успеху. Оптимистичен.
	Коммуникативная компетентность	Отмечается высокая культура общения, контролируемое поведение, стремление к взаимодействию с одноклассниками и учителем. С интересом изучает новый материал урока, просит учителя разъяснить неясные моменты в правиле, задании. Отмечена адаптация к работе на уроке в новых условиях. Преодоление беспокойного состояния в начале урока. Активно оказывает помощь учащемуся, нуждающемуся в поддержке, помощи (учащемуся с нарушением опорно-двигательного аппарата). Склонен фантазировать, но в то же время характеризует явления действительности, исходя из специфических черт смежных с ними понятий, предметов, представителей живой природы и пр. В общении с окружающими сдержан. Не активно использует в речи невербальные средства общения. Не проявляет излишнюю жестикуляцию. Пассивно использует мимические выражения, смену позы в беседе. Оптимистичен, способен проявить волю для достижения более высоких результатов. Невербальный репертуар ребенка

Ученик	Урок	
		– на высоком уровне. Ученик способен дополнять содержание своих слов жестами. Эмоции передаются речевыми средствами. Доброжелательное отношение к окружающим при соответствующем поведении. Способен распознать значение жестов, мимики, взглядов окружающих, реагировать на изменение голоса. Мимика не ярко выражена, спокоен, сосредоточен на работе в классе. Реагирует на изменение физического состояния одноклассников (помощь детям с нарушениями опорно-двигательного аппарата). Распознает отношение к себе со стороны окружающих, принимает во внимание мнение собеседника, совместно с ним участвует в поиске верного решения задачи. Не равнодушен к собеседнику в момент его затруднения в работе. Всегда сдерживает проявление отрицательных эмоций. Заинтересованность в общении с окружающими демонстрирует в том числе с помощью невербальных средств коммуникации (взгляд, поза). Не конфликтен. Интонации голоса мягкие.
	Урок 6	
	Цветовая характеристика	Выбирает желтый цвет в качестве наиболее предпочтительного. Вызываемые желтым цветом ассоциации – свобода, хороший солнечный день, счастье. Повышенная работоспособность, удовлетворение от работы на уроке. В связи с конфликтной ситуацией между двумя другими учениками отметил красный цвет, как цвет ярости и злости, но, в то же время, любви и решительности. Неудовлетворенность отсутствием покоя (на фоне конфликта). Потребность в эмоциональной разрядке и отдыхе.
	Коммуникативная компетентность	Активное общение с учителем и одноклассниками. Поддержка одноклассника в случае необходимости. Адекватное понимание статуса ученика и учителя, различия между положительными и отрицательными эмоциями. Взаимодействие с учителем как с помощником, консультантом, старшим товарищем. Доброжелательное отношение к окружающим, к собеседникам.
Ученик 2	Урок 1	
	Цветовая характеристика	Выбирает красный цвет в качестве наиболее предпочтительного среди всех предложенных цветов, комментируя выбор тем, что красный цвет очень красивый. Качества личности ученика: активный, энергичный. Несдержанность связана с реакцией на внешние раздражители (шум на уроке). Положительное отношение к понятиям: беседа с учителем, беседа с одноклассником, работа на уроке. Самый привлекательный цвет – красный – ассоциирует с каникулами. Учащийся проявляет повышенный интерес к учебной деятельности в школе. Беспокойство ученика в школе связано с выполнением контрольной работы. Требуется пересмотреть плотность урока, требования на уроке к учащемуся, к домашнему заданию – есть вероятность переутомления в школе, потребности в свободном времени, в отдыхе.
	Коммуникативная компетентность	Проявил высокую способность к общению, навыки культуры общения. На уроке спокоен, внимателен, нуждается в рабочей обстановке на уроке. Самооценка высокая. Наблюдаются качества личности ученика: энергичность, напористость, деятельность (умение самостоятельно выполнить задание, но при этом проконсультировать одноклассника, работая с ним в паре). Искренний, но несдержанный в эмоциональных проявлениях. Активно использует мимику в речи для большей эмоциональной окраски высказываний (добродушное приветствие, раздражительность). Ученик внимателен к речи собеседника, изменению ее тона, значению невербальных знаков речи. Интонации голоса учащегося, взгляд при общении с собеседником, мимика соответствуют коммуникативной ситуации, коммуникативному акту. Может проявить несдержанность при обращении к одноклассникам при раздражении вследствие шума в классе. мимика в момент раздражения не явно выражена. Способен расположить собеседника к общению, оказать поддержку в работе в паре на уроке.

Ученик	Урок	
	Урок 6	
	Цветовая характеристика	Выбирает зеленый цвет в качестве наиболее предпочтительного, комментируя выбор тем, что у него хорошее настроение. Готовность к работе на уроке. Желтый определяет цель – желание играть в компьютерные игры. В коммуникативной ситуации на уроке проявил активность в работе в цифровом формате. По причине конфликта между двумя другими учениками выявлено стремление выйти из неблагоприятной ситуации, уйти от конфликта в кругу семьи, дома. В отношении контрольного тестирования отмечено отсутствие удовлетворенности от достигнутой цели, а также потребность в ориентации на дальнейшую работу. Результат тестирования: хороший; увеличение качества знаний.
	Коммуникативная компетентность	Из наблюдений за учащимся выявлено: недостаток активности в общении с одноклассниками, но в то же время отмечено стремление работать на уроке с учителем. Общение с учителем более значимо, чем беседа с одноклассниками во время урока. При пассивном наблюдении перед экспериментальными занятиями наблюдалось раздражение ученика, как реакция на шум со стороны одноклассников. Применение средств вербальной и невербальной коммуникации при ответах на вопросы учителя. Замкнутость в ученическом коллективе. Эмоциональное состояние стабильное: уравновешенность, спокойствие. Ученик охотно делится своими предпочтениями в досуговой деятельности, дома. Нам удалось развить навык общения в письменной форме, приобщить к выражению своих мыслей и чувств в работе с цифровой системой ААСПО. Даже конфликтная ситуация на уроке не вызвала раздражение у ученика, ставшее барьером в работе на уроке. учащийся настроен на общение, в нашем случае общение реализовано посредством адаптивного цифрового ресурса.
Ученик 3	Урок 1	
	Цветовая характеристика	Зеленым цветом – наиболее предпочтительным - не отмечено ни одно понятие. Положительное отношение к понятиям: контрольная работа, беседа с одноклассником. Опыт общения с учителями негативный – характеризует словом «ненавижу», ахроматическим цветом.
	Коммуникативная компетентность	Ученику важен собственный статус в классе, не обращает внимание на одноклассника при работе в паре, ученик стремится получить высокую оценку, чувствителен во взаимоотношениях с учителем, добиваются, чтобы их хвалили и ставили в пример другим. Важен собственный статус в классе, не обращает внимание на одноклассника при работе в паре, ученик стремится получить высокую оценку, чувствителен во взаимоотношениях с учителем. Нуждается в похвале. Небольшое беспокойство, стремление к признанию, популярности, желание произвести впечатление. Работу на уроке выполнил первым из учащихся. Испытывает волнение, когда затрудняется в ответе на вопрос учителя. Нуждается в поощрении и поддержке со стороны учителя. Самооценка не высокая. Способность восприятия реального «Я». Возможен дисбаланс между актуальным осознанием себя в социуме и желаемым положением в окружении знакомых ему людей. Высокий коммуникативный контроль. Легко входит в любую роль, гибко реагирует на изменение ситуации, хорошо чувствует и даже в состоянии предвидеть впечатление, которое производит на окружающих. Способность одновременно слушать учителя и реагировать на внимание одноклассников (оклик, посторонние действия). Речевое и неречевое поведение без отклонений от нормы. Ярко выраженная мимика согласно заданной ситуации общения. Способность взглядом, жестом, позой привлечь внимание собеседника. Чувствителен к невербальному поведению собеседника. Распознает эмоции и чувства собеседника по выражению его лица, реагирует на изменение голоса учителя.
	Урок 6	

Ученик	Урок	
	Цветовая характеристика	Выбирает синий цвет в качестве наиболее предпочтительного, комментируя выбор тем, что данный цвет для него приятен. Начало подросткового кризиса. Активизация потребности в самоутверждении, при этом ученик способен вызывать не только положительные, но и отрицательные эмоции. Инфантилизм в учебной деятельности из-за переутомления в конце учебной четверти. Потребность в ориентации на дальнейшую работу. В начале урока спровоцировал конфликт в общении с другим учеником. Деформация личностного отношения. Чувство неудовлетворенности, стимулирующее к активности, стремление к достижению цели.
	Коммуникативная компетентность	В классе был спровоцирован конфликт, посредством которого ученик привлек внимание к себе, личным предметам (телефону). Понимание учеником характера эмоций, положительных и отрицательных неудовлетворительно. Деформация личностных отношений с окружающими. Ученик способен к агрессии, вызванной недавним замечанием на предыдущих уроках. Готов к общению, но стремление обратить внимание на личную проблему при ее невысказанности приводит к конфликту в ученическом коллективе. Ученик в первую очередь прислушивается к собственным желаниям, не обращая внимания на окружающих.
Ученик 4	Урок 1	
	Цветовая характеристика	Положительное отношение к понятиям: контрольная работа, беседа с учителем. Учащийся проявляет повышенный интерес к учебной деятельности в школе. Беспокойство ученика в школе связано с выполнением контрольной работы. Требуется пересмотреть плотность урока, требования на уроке к учащемуся, к домашнему заданию – переутомление в школе, потребность в свободном времени, в отдыхе. Предпочитаемый цвет – зеленый. Мечты о высокой (отличной) оценке. Ученику важен собственный статус и положение в ученическом коллективе. Он испытывает потребность в похвале. Высокая чувствительность во взаимоотношениях с учителями.
	Коммуникативная компетентность	Часто издает произвольные шумы, стук, шуршание (при пении, качании на стуле, неожиданном резком вставании с места). Склонен подражать одноклассникам, копируя их посторонние действия (построение башни из учебников и тетрадей). Быстрая обратная связь с учителем несмотря на периодическое ослабление произвольного внимания на уроке (чаще при длительной однообразной работе на уроке). Часто фантазирует на свободные темы вслух. Высокий коммуникативный контроль. Легко входит в любую роль, гибко реагирует на изменение ситуации, хорошо чувствует и даже в состоянии предвидеть впечатление, которое производит на окружающих. Внимание к речи учителя и учебной деятельности на уроке при одновременном систематическом переключении внимания на посторонние действия (качание на стуле, игры со школьными предметами). Ученику важен собственный статус в ученическом коллективе. Испытывает потребность в похвале. Невербальный репертуар ребенка ярко выражен, не всегда адекватен в заданной ситуации общения. Чувствителен к невербальному поведению собеседника. Копирует посторонние действия на уроке (башня из книг и тетрадей). Распознает эмоции и чувства собеседника по выражению его лица. Управление невербальным репертуаром не всегда адекватно цели и ситуации общения. Систематически и на короткое время переключается на обсуждение собственных фантазий. Непроизвольно издает посторонние звуки (стук, пение, шуршание, резкое вставание из-за парты). Мимика не выражена, статична. Выражение лица, взгляд, мимика располагают к общению. Позой и жестом привлекает внимание окружающих. Реагирует на обращение учителя. Речевое и неречевое поведение с отклонениями от нормы, часто не соответствуют речевой ситуации, речевому акту.

Ученик	Урок	
	Урок 6	
	Цветовая характеристика	Выбирает серый цвет в качестве наиболее предпочтительного, комментируя выбор тем, что у него хорошее настроение. В паре с другим цветом: подавляемое беспокойство. Ученик был вовлечен в конфликт, вследствие чего психическое состояние составляют компоненты: недостаток волевых проявлений в сложных условиях деятельности, неудовлетворенность отсутствием покоя, стремление уйти от беспокойных мыслей.
	Коммуникативная компетентность	Ученик охотно делится своими переживаниями, личными мыслями при тестировании с помощью автоматизированной системы. Наблюдалось активное стремление ученика выполнить задания самостоятельно.

Примечание: таблицы 1 и 2 содержат материалы из характеристик отдельных учащихся.

Выбор иного предпочитаемого цвета, в нашем случае, коррелирует с изменением психического состояния ребенка с ОВЗ на уроке. Так, ученик 1 после черного цвета, выбранного им на уроке 1, делает отметку на желтом цвете на уроке 6. И если на первом уроке было выявлено его стремление к фантазии, идеализированию реальности в связи с нереализуемым желанием ее изменить, то на шестом уроке учащийся демонстрирует высокую работоспособность, удовлетворение от работы на уроке в отсутствии психического напряжения, повышенной тревожности в беседе с учителем.

Говоря о психическом напряжении, мы, несомненно, поддерживаем точку зрения М.В. Романовой в ее рассуждениях о поведении человека в состоянии напряженности: «поведение человека в состоянии напряженности отличается негибкостью: утрачивается пластичность, свойственная ему в спокойной обстановке. Страдают сложные действия и интеллектуальные функции: ... появляются лишние ненаправленные действия» [Романова, 2019, с. 270].

Следует отметить, что ученик 1 был способен преодолеть беспокойное состояние, в том числе, в начале первого занятия экспериментальной серии. Однако, благоприятная психологическая обстановка, достигнутая при замене негативных для учащихся с ОВЗ компонентов урока (стандартный учебный материал для нормотипичных учеников, акцент на работе с учениками с высокой работоспособностью и пр.), позволила учителю стать для ученика помощником, старшим товарищем в отсутствии состояния напряженности.

Цветовой анализ демонстрирует нам эмоциональное переключение испытуемых в экспериментальный период. В то же время в самом начале исследований, несмотря на высокий уровень усталости и беспокойства учащихся на занятиях, мы можем выявить показатели вероятного позитивного взаимодействия учащихся на уроке. Инструменты подобной диагностики – методики «Несуществующее животное», «4 персонажа» и др.

Рисуночный тест передает природу человеческого отношения к заданным обстоятельствам, его ощущения в результате познания объективной реальности.

Ощущения, по Давиду Гартли, в совокупности с влиянием тех обстоятельств, в которых находится человек, определяют естество человека [Ждан, 2004, с. 66]. Но в нашем случае, речь идет не только об ощущениях, полученных в осмыслении пережитого опыта, но и о воображении в отношении вероятных событий.

Воображение ребенка «преобразует то, что есть в памяти». Согласно М.В. Романовой, оно «осуществляет мысленный отход за пределы непосредственно воспринимаемого; способствует

предвосхищению будущего» [Романова, 2019, с. 39]. Ученик выстраивает допустимую коммуникативную ситуацию, изображая определенного персонажа в компьютерной версии или «бланковом» варианте рисуночного теста.

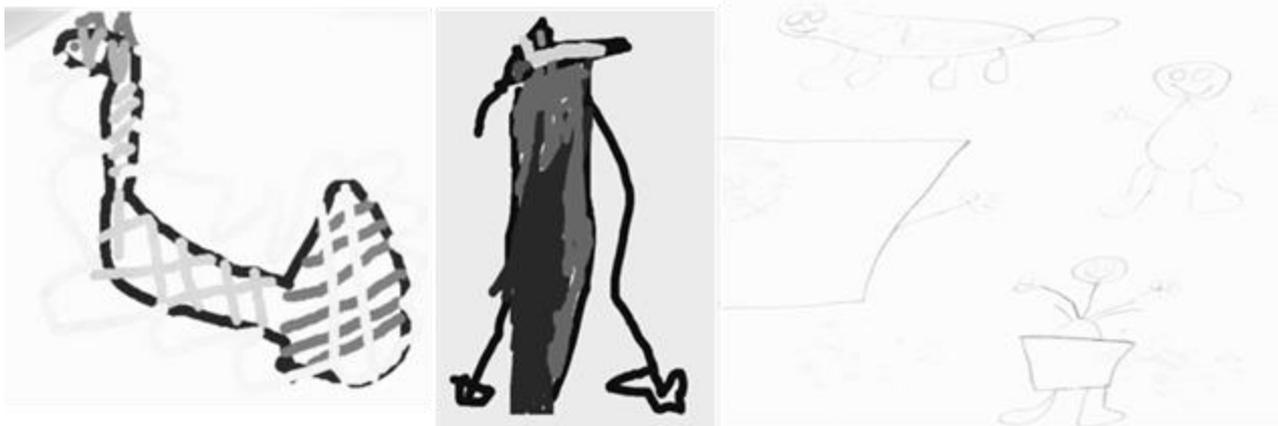

Рисунок 6 – Методики «Несуществующее животное» (компьютерная версия), «4 персонажа» («бланковый» вариант)

Рассмотрим часть установленных нами показателей вероятного положительного взаимодействия учащихся с ОВЗ с субъектами коммуникативной ситуации:

- готовность к эффективной работе;
- желание избавиться от чувства неуверенности в себе;
- ожидание положительного результата от урока;
- надежда на хорошие перспективы в будущем;
- желание преодолеть тревогу и неустроенность;
- стремление к личной цели;
- желание завоевать признание окружающих;
- интерес к информации;
- потребность в положительном мнении окружающих о себе.

Говоря о цветовом изображении ребенком лиц, предметов, животных в рисуночной деятельности, обратим внимание на высказывание В.А. Барабанщикова о представлении окружающей действительности. По мнению автора, «окружающая действительность представлена каждому из нас в непосредственно чувственной форме: многообразием красок, звуков, запахов, прикосновений. Эти впечатления структурированы в пространстве и времени, носят предметный характер и обнаруживаются там, где локализуется их источник – в среде, внутри или на поверхности тела [Барабанщиков, 2019, с. 14].

И, применяя методику «Дерево» Д. Лампена, мы приняли во внимание желание учеников самостоятельно выбрать краски для разукрашивания человечков на рисунке, а также количество отмеченных элементов картинке. Тем самым мы предоставили им возможность рассказать в невербальной письменной форме о чем-то личном, индивидуальном. В дальнейшем мы сопоставили данные о психическом состоянии детей на основе положения выбранных человечков и их цвета (по М. Люшеру).

Рассматривая рисунки детей, мы заметили, что учащиеся при разукрашивании человечков чаще используют оттенки одного и того же цвета: красного, синего, зеленого (см. рис. 7).

Рисунок 7 – Методика «Дерево» Д. Лампена, в адаптации Л.П. Пономаренко (иллюстрация методики из печати: Пономаренко Л.П. Психологическая профилактика дезадаптации учащихся в начале обучения и в средней школе. – Одесса: Астра-Принт, 1999. – 231 с.) (компьютерная версия)

Заключение

Воспринимая окружающий мир зрительно, мы обращаем внимание на его краски, сопоставляем их с личными переживаниями, собственным настроением, с предметами и явлениями, нам известными. Мы ощущаем тепло солнечных лучей, свежесть дождя, при этом характеризуя природные явления красками, например, желтой, синей. Здесь мы полагаемся на восприятие цвета солнца, воды, рисуем иные образы.

Цветовые ассоциации ребенка связывают цвет с окружающими его людьми, значимыми событиями, временным периодом, видом деятельности, жизненными ценностями и пр.

Ориентируясь на краски, предложенный стимульный материал, дети с ОВЗ принимают участие в письменной беседе, вербальной и невербальной. Они раскрывают «электронному собеседнику» мысли, переживания, преодолевая характерные им барьеры в коммуникации: стремление к ограниченному контактированию с субъектами социума, заниженную самооценку, низкую познавательную активность, низкий уровень способности к восприятию и использованию информации и т.д.

Игра цвета в «живой» иллюстрации ведет к достижению коллективного участия в ситуации общения, так как краски вызывают ассоциации у ребенка с ОВЗ, «приглашая» его к размышлениям наедине с электронным устройством.

Библиография

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
2. Поликарпов В.А. Психология личности. – Минск: БГУ, 2015. – 162 с.
3. Романов К.М. Психологическая культура личности. – М.: Когито-Центр, 2019. – 320 с.
4. Рамазанова Е.А. Цифровая обработка психического отражения учащихся с ограниченными возможностями здоровья в процессе становления коммуникативной компетентности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 12А.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. – Москва: АСТ, 2022. – 576 с.
6. Колмогорова Л.А. Формирование коммуникативной компетентности личности: учебное пособие. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2015. – 206 с.

7. Глухов В.П. Дефектология. Специальная педагогика и специальная психология: курс лекций. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. – 312с.
8. Ждан А.Н. История психологии от Античности до наших дней. – М.: Академический проект, 2004. – 576 с.
9. Романова М.В. Общая психология: познавательные процессы: учебно-методическое пособие. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – 64 с.
10. Барабанщиков В.А. Психология восприятия: организация и развитие перцептивного процесса. – Москва: Когито-Центр, 2019. – 240 с.

Play of colour as an impetus for formation and development of communicative competence in children with limited health capabilities

Evgeniya A. Ramazanova

Postgraduate,
Novosibirsk State Pedagogical University,
630126, 28, Vilyuiskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: yevgeniya0209@gmail.com

Abstract

The author describes the colour possibilities of psychodiagnostic techniques in computer version in building a communicative situation with students with special needs. The researcher emphasizes the visual perception of colours, graphic signs, figures, and presents the feelings of students when studying bright “working” material. The author focuses on visual perception, arguing about the importance of its role in stimulating active participation in communicative situations. The article presents advantages of colour diagnostics in the computer version, the analysis of data from passive observation of students, data from individual lessons of the experiment, the results of observation of changes in emotional attitude, cognitive activity, personal features of students with health restraints in educational communicative situations. The drawing test conveys the nature of the students’ attitude to the given circumstances, their feelings as a result of cognition of objective reality. The student builds a probable communicative situation by drawing a certain character in a computer version or a “hand” version of the drawing test. The author compares the choice of colour and changes in relation to the level of communicative competence. She identifies probable strategies that were not manifested at a certain moment to build a positive communication situation in the lesson by means of colour diagnostics.

For citation

Ramazanova E.A. (2024) Igra tsveta kak stimul k stanovleniyu i razvitiyu kommunikativnoi kompetentnosti u detei s OVZ [Play of colour as an impetus for formation and development of communicative competence in children with limited health capabilities]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 161-177. DOI: 10.34670/AR.2024.74.69.006

Keywords

Psychodiagnosics, digital transformation, communicative competence, special education, automated test

References

1. Rubinshtein S.L. (2002) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Saint-Petersburg: Piter Publ.
2. Polikarpov V.A. (2015) *Psikhologiya lichnosti* [Psychology of person]. Minsk: BGU Publ.
3. Romanov K.M. (2019) *Psikhologicheskaya kul'tura lichnosti* [Psychological culture of person]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ.
4. Ramazanova E.A. (2023) Tsifrovaya obrabotka psikhicheskogo otrazheniya uchaschchiksya s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovy'a v protsesse stanovleniya kommunikativnoy kompetentnosti [Digital processing of mental reflection of students with limited health capabilities in the process of becoming communicative competence]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 12 (12A).
5. Vygotskiy L.S. (2022) *Myshleniye i rech* [Thinking and speech]. Moscow: AST Publ.
6. Kolmogorova L.A. [2015] *Formirovaniye kommunikativnoi kompetentnosti lichnosti* [Becoming communicative competence of person]. Barnaul: Altaiskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ.
7. Glukhov V.P. (2017) *Defektologiya. Spetsial'naya pedagogika i spetsial'naya psikhologiya* [Defectology. Special pedagogy and psychology]. Moscow: Moscow Pedagogical State University Publ.
8. Zhdan A.N. (2004) *Istoriya psikhologii ot Antichnosti do nashikh dnei* [History of psychology from ancient world to our time]. Moscow: Akademicheskii proyekt Publ.
9. Romanova M.V. (2019) *Obshchaya psikhologiya: poznavatel'nye protsesy* [General psychology: cognitive processes]. Penza: Izd-vo PGU Publ.
10. Barabanshchikov V.A. (2019) *Psikhologiya vospriyatiya: organizatsiyai razvitiye pertseptivnogoprotsessa* [Perceptual psychology: organization and development of perceptual process]. Moscow: Kogito -Tsentr Publ.

УДК 159.99

DOI: 10.34670/AR.2024.30.43.007

Динамика изменения склонности к виктимному поведению у студентов-психологов в процессе обучения

Сиволобов Владимир Сергеевич

Старший преподаватель кафедры психологии,
Севастопольский государственный университет,
299053, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, 33;
e-mail: VSSivolobov@sevsu.ru

Рошка Елена Владимировна

Старший преподаватель кафедры психологии,
Севастопольский государственный университет,
299053, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, 33;
e-mail: EVRoshka@sevsu.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема склонности к виктимному поведению. Особое внимание уделено изучению специфики тенденций к формированию виктимного поведения у студентов психологических и инженерных специальностей на протяжении обучения в вузе. Студенты-психологи в силу предикторов мотивации выбора принадлежащей к «помогающему» типу профессии и особенностей профессиональной подготовки в период обучения в вузе менее склонны к агрессивному виктимному поведению, чаще проявляют гиперсоциальный тип виктимизации, более высокие показатели склонности к зависимому и беспомощному поведению на первом курсе. В процессе приобретения профессиональных знаний эти показатели снижаются, сменяясь желанием обособиться от окружающих, повышенным скептицизмом. Обоснована необходимость формирования и поддержания навыков безопасного поведения, в том числе при осуществлении профессиональной деятельности психолога.

Для цитирования в научных исследованиях

Сиволобов В.С., Рошка Е.В. Динамика изменения склонности к виктимному поведению у студентов-психологов в процессе обучения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 178-185. DOI: 10.34670/AR.2024.30.43.007

Ключевые слова

Виктимное поведение, социализация, гиперсоциальность, студенты, профессиональное становление психолога.

Введение

В настоящий момент в современном мире происходят кардинальные изменения, которые обусловлены его нестабильностью, неопределенностью, сложностью и неоднозначностью. Это приводит к возрастанию в обществе потребности в оказании социально-психологической помощи. Одним из важных этапов решения данной проблемы является подготовка специалистов-психологов. Процесс профессиональной подготовки психологов включает в себя освоение базовых теоретических знаний, овладение техниками, методами и приемами практической работы, а также затрагивает личностное развитие будущего специалиста.

Рассматривая личностный аспект подготовки психологов, можно выделить два важных фактора: во-первых, особенности развития личности в юношеском возрасте, так как именно в данный период происходит профессиональное самоопределение и выбор профессионального пути. Во-вторых, мотивация выбора именно профессии психолога.

Юность является достаточно сложным этапом становления личности, основными приобретениями которого становятся буквальная перестройка мировоззрения, принятие или отрицание ожиданий, от которых будет зависеть дальнейшее построение отношений с миром. Происходит необходимое построение дальнейших жизненных планов, частичная их начальная актуализация по мере возможностей, а также обретение конечной самоидентичности как продукта сознательного рефлексивного самоотношения.

Юношеский возраст – крайне сложный период формирования личной идентичности, наиболее тесных взаимоотношений, поиска партнера, симпатии, первой влюбленности. Эмоциональная неустойчивость, жизненная неопределенность как часть профессионального становления, своего рода интегративный процесс совмещения личных интересов индивида и профессионально значимых качеств для выбора дальнейшей профессии, самоопределения, актуализации интеллектуальных потенциалов, а также дифференциация самооценки – все это делает данный период крайне уязвимым для разного рода проявлений виктимности.

Помимо описанных ранее качественных перестроек, изменения приходится в достаточно большом объеме на эмоциональную сферу индивидов, вступивших в юношеский возраст. Эмоциональный фон – сопровождение, присутствующее на протяжении продуктивной деятельности, обучения, прочего развития, проявляясь и влияя на реакции. Самоконтроль, подавление яркости нежелательных реакций, умение корректировать поведение в зависимости от ситуации – все это актуальные проблемы юношеского эмоционального развития. Повышение эмоциональной восприимчивости также связано с ростом эмпатии как способности к сочувствию, сопереживанию, желанию не просто относиться к определенной группе, но и приносить ей качественную пользу. Как писал Э. Эриксон, «В юношеском возрасте происходит становление в направлении двух важных векторов развития личности. Это установление тесных межличностных контактов и усложнение внутреннего мира, и укрепление самостоятельности» [Горшенков, Горшенков, 2022].

Исследуя мотивацию выбора профессии психолога, Д.Ю. Грищенко отмечает, что на этапе выбора профессии в структуре личности формируется определенный мотивационный конструкт, в который входят как осознаваемые, так и неосознаваемые мотивационные факторы. В качестве побудительных причин выбора профессии психолога автор выделяет компенсацию ранее депривированных потребностей, коррекцию собственной психоэмоциональной сферы, потребность выбрать более эффективные и безопасные механизмы интерперсонального взаимодействия. Неосознаваемые мотивационные факторы выбора помогающей профессии формируют тенденцию использовать процесс профессиональной деятельности как способа разрешения внутриличностных проблем [Грищенко, 2003].

О.О. Андронникова отмечает, что вступление личности в рамки новых социальных ролей может актуализировать уже имеющиеся, приобретенные в детстве установки на виктимное положение, такие как отсутствие активного несогласия, низкая самооценка, неспособность защитить личные границы и т.д. Описанное – также благодатная основа для возникновения внутриличностного конфликта, частью которого становится несовместимость личностных и ролевых качеств, создающих внутренний диссонанс [Андронникова, 2009].

Можно выделить два конститутивных типа виктимности:

1) личностный – в качестве объективного наличия у индивида качества, представляющего собой субъективную способность некоторых личностей попадать в качестве жертвы в конкретный тип преступной деятельности, в условиях реального возможного предотвращения возникновения описанной ситуации;

2) ролевой – наличие определенной социальной роли, существующей как потенциально виктимной, поскольку качества, которыми наделяется носитель, становятся провокационными для ряда делинквентов, склонных реализовывать преступную деятельность конкретно с данной группой, потому личности, занимающие эту ролевую позицию, потенциально способны стать жертвами [Шагиева, 2021].

Виктимное поведение в первую очередь исследуют в качестве проявлений внутренних стимулов вовне, поскольку содержание конкретно поведенческого аспекта складывается из внутреннего психического содержания, результатом которого как раз становится действие. Под виктимностью принято понимать потенциальную способность личности стать жертвой негативных воздействий. В криминалистической виктимологии, как правило, рассматривается конкретно преступные действия, угрожающие жизни или здоровью конкретного индивида, однако в психологической науке понятие «поведение жертвы» расширяется, подразумевая под собой ряд определенных поведенческих наклонностей, которые могут активизироваться при определенных негативных обстоятельствах, которые люди без оных способны избежать [Кемяшова, 2017; Кучеренко, 2022; Малюшина, Федорова, Милюкова, 2021; Пучкова, 2020; Фоминых, 2014].

В исследовании О.П. Макушиной, направленном на выявление различий в степени выраженности отдельных вариантов виктимного поведения у студентов разных факультетов, включая психологический, было выявлено, что студенты-психологи демонстрируют более высокие показатели по склонности к агрессивному виктимному поведению. Они чаще демонстрируют социальную агрессию и попадают в ситуации, несущие им вред, которые являются последствиями их агрессивного поведения по отношению к другим. Причиной этого может быть конфликт между когнитивными установками, характерными для «помогающих» профессий, склонности к жертвенному поведению и негативными эмоциональными переживаниями, которые первоначально подавляются, а затем провоцируют развитие ситуации на проявление агрессии со стороны собеседника [Макушина, 2016].

Таким образом, как личностные особенности студентов-психологов, так и специфика профессиональной деятельности «помогающей» профессии могут усиливать тенденции к формированию виктимного поведения, что делает актуальной проблему данного исследования.

Организация и методы исследования

С целью оценки влияния полученного психологического образования на различные аспекты виктимного поведения нами было проведено исследование 125 студентов-психологов и 125 студентов инженерных специальностей с 1 по 5 курс обучения (по 25 человек с каждого курса и направления обучения).

Гипотеза исследования состояла в том, что профессиональное обучение психологии как помогающей профессии оказывает влияние на реализацию различных форм виктимного поведения.

Целью исследования являлось сравнение динамики изменения установок испытуемых на проявление определенных форм виктимного поведения в процессе профессионального обучения у студентов, обучающихся по специальности «Психология», и у студентов инженерных специальностей.

В качестве базовой методики была выбрана методика исследования склонности к виктимному поведению О.О. Андронниковой, которая направлена на анализ психологической реальности испытуемого, скрывающейся за виктимными поведенческими аспектами, и раскрывает его социальные и личностные установки. В методику включены 6 содержательных шкал, отражающих содержание способов реализации виктимного поведения, и одна шкала социальной желательности ответов.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования установлено, что тенденций к общему снижению частоты проявлений по типу «самоповреждение» (шкала 3) у психологов и инженеров, как и существенных различий между представителями разных профессий, не наблюдается. Наш результат косвенно подтвердил результаты, полученные О.П. Макушиной.

Такая же ситуация сложилась и со шкалой реализованной виктимности, средние значения которой в основном не выходили за рамки нормы, и значимых различий между представителями разных специальностей не наблюдалось.

Так что эти типы поведения из дальнейшего анализа нами были исключены, так как не давали возможности описать особенности виктимного поведения для различных направлений подготовки.

В ходе исследования с помощью *t*-критерия Стьюдента сравнивались средние значения по шкале «Склонность к агрессивному виктимному поведению». На 1 курсе обучения у психологов показатели ниже, чем у инженеров, хотя и те и другие не выходят за границы статистической нормы для их возраста. Значимость различий на уровне $p \leq 0,05$, что говорит о чуть более низкой спонтанности поведения и сниженной мотивации достижения у психологов по сравнению с инженерами. Также с помощью углового преобразования Фишера проанализирована частота встречаемости высоких показателей по этой шкале. Для 1 курса между специальностями значимость различий составила $p = 0,047$, т.е. различия существуют (у психологов показатель ниже). В процессе обучения общая частота встречаемости высоких показателей для такого типа поведения в целом для всех студентов снижается. Значимость различий показателей для 1 и 5 курса для каждой специальности составила $p = 0,078$ для психологов и $p = 0,086$ – для инженеров. В обоих случаях $p \leq 0,1$, что оценивается как «тенденция к снижению». Различия для второго и более старших курсов между студентами разных специальностей не обнаруживаются ($p = 0,15 \div 0,35$). Такие результаты свидетельствуют о процессе успешной социализации студентов этих специальностей в процессе обучения в вузе.

Склонность к гиперсоциальному типу поведения у психологов изначально на 1 курсе выше, чем у инженеров. До конца обучения эта разница сохраняется: на всех курсах значимость различий, рассчитанная с помощью коэффициента Стьюдента, составляет $p \leq 0,05$. В силу профессионального выбора студенты-психологи считают недопустимым уклонение от вмешательства в конфликт, даже если это может нанести им вред или нести угрозу. Для

психологов также нехарактерны низкие показатели по этой шкале, в отличие от инженеров. Значимость различий, рассчитанная с помощью углового преобразования Фишера, составила $p=0,034$. К концу обучения у студентов обеих специальностей этот показатель незначительно снижается, но не выходит в среднем за нижнюю границу нормы.

Склонность к зависимому и беспомощному поведению. Для психологов 1 курса характерны более высокие показатели, чем для инженеров. Высокие показатели по этой шкале у них встречаются достоверно чаще. Значимость различий, рассчитанная с помощью углового преобразования Фишера, составила $p=0,042$. Анализ послетестовых бесед показал, что они чаще имеют низкую самооценку, чаще вовлекаются в кризисные ситуации с целью получения сочувствия и поддержки окружающих, более уступчивы, склонны оправдывать чужую агрессию и всех прощать. В процессе обучения у психологов частота встречаемости высоких показателей уменьшается, но увеличивается частота встречаемости низких показателей, проявляясь в виде желания обособиться от окружающих, повышенном скептицизме.

По шкале склонности к некритичному поведению у инженеров высокие показатели встречаются чаще, чем у психологов. Значимость различий средних, рассчитанная с помощью критерия Стьюдента, составила $p=0,041$. Инженеры чаще демонстрируют неосмотрительность, неумение правильно оценивать жизненные ситуации, склонность к идеализации людей, тогда как психологи более склонны к низким показателям по этой шкале, проявляя осторожность, стремление предугадывать последствия своих поступков, неудовлетворенность своими достижениями. К 5 курсу у психологов наблюдается рост показателей, чаще, чем в начале обучения, проявляются высокие показатели, основанные на отзывчивости, доброте, сочувствии, что может приводить к неосмотрительности и переоценке своих возможностей. Достоверность уменьшения частоты низких и увеличения частоты высоких показателей у психологов подтверждена с помощью углового преобразования Фишера. Значимость различий составила $p=0,045$ и $p=0,037$ соответственно.

Заключение

На основе анализа полученных данных были сделаны следующие выводы.

В процессе социализации за время обучения, несмотря на изначальные различия, частота проявлений агрессивного типа виктимного поведения становится одинаковой для обеих специальностей и в основном не выходит за рамки нормы.

Студенты-психологи в силу профессиональных склонностей и дальнейшей принадлежности к «помогающему» типу профессий чаще проявляют гиперсоциальный тип поведения.

Для психологов характерны более высокие показатели склонности к зависимому и беспомощному поведению. Это обусловлено тем, что часть студентов поступает на факультет психологии, «чтобы разобраться в себе», чего не происходит на инженерных специальностях. Это подтверждают высокие показатели по соответствующей шкале у студентов-психологов первого курса. Однако в процессе приобретения профессиональных знаний этот показатель снижается, заменяясь подчас своей противоположностью – желанием обособиться от окружающих, повышенным скептицизмом. У обучающихся на инженерных специальностях данных изменений в социализации не отмечается.

Более низкие показатели по шкале склонности к некритичному поведению у психологов обуславливаются их профессиональной предрасположенностью (выбор профессии происходит на основе уже имеющихся личностных качеств), а появление высоких показателей в процессе обучения связано с вовлечением в «помогающую» профессию.

Таким образом, для студентов-психологов целесообразно внести некоторые дополнительные акценты в процесс обучения и воспитания, уделив внимание формированию и поддержанию навыков безопасного поведения, в том числе при осуществлении профессиональной деятельности. Исследователи предположили, что стремление обособиться от окружающих и повышенный скептицизм уже на начальном этапе профессиональной психологической карьеры может являться предпосылкой к ускоренному профессиональному выгоранию и снижению эффективности деятельности.

Библиография

1. Андронникова О.О. Основные характеристики подростков с самоповреждающим виктимным поведением // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 9 (87). С. 120-126.
2. Горшенков А.Г., Горшенков Г.Н. Криминальная виктимология как междисциплинарная превентивная теория // Виктимология. 2022. № 2. С. 202-214.
3. Грищенко Д.Ю. Мотивация выбора профессии психолога: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: автореф. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2003. 24 с.
4. Кемяшова П.Н. Обзор современных исследований виктимного поведения у студентов // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2017. №4 (19). С. 189-192.
5. Кучеренко С.В., Еременко С.И. Диагностика виктимности личности // Гуманитарные науки. 2022. № 1 (57). С. 55-59.
6. Макушина О.П. Склонность к виктимному поведению у студентов вуза разных направлений подготовки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2016. № 2. С. 58-61.
7. Малюшина Ю.А., Федорова О.Б., Милюкова Е.В. Склонность к виктимному поведению лиц юношеского возраста // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 145-148.
8. Пучкова Л.Л. Социально-психологические факторы виктимного поведения студенческой молодежи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. № 1. С. 104-107.
9. Фоминых Е.С. Психологические механизмы виктимности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 5. С. 116-120.
10. Шагиева А.А. К вопросу о разнообразии подходов в изучении виктимологии и виктимного поведения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5-4. С. 245-260.

Dynamics of changes in the propensity to victimize behavior among psychology students during their studies

Vladimir S. Sivolobov

Senior Lecturer at the Department of psychology,
Sevastopol State University,
299053, 33 Universitetskaya str., Sevastopol', Russian Federation;
e-mail: VSSivolobov@sevsu.ru

Elena V. Roshka

Senior Lecturer at the Department of psychology,
Sevastopol State University,
299053, 33 Universitetskaya str., Sevastopol', Russian Federation;
e-mail: EVRoshka@sevsu.ru

Abstract

The article deals with the problem of propensity to victim behavior. Special attention is paid to the study of the specifics of trends towards the formation of victim behavior among students of psychological and engineering specialties during their studies at the university. Psychology students, due to the predictors of motivation for choosing a profession belonging to the "helping" type and the peculiarities of professional training during their studies at the university, are less prone to aggressive victim behavior, more frequently exhibit a hypersocial type of victimization, higher rates of tendency to dependent and helpless behavior in the first year. In the process of acquiring professional knowledge, these indicators decrease, replaced by a desire to separate from others, increased skepticism. The necessity of forming and maintaining skills of safe behavior, including in the implementation of professional activities of a psychologist, is substantiated.

For citation

Sivolobov V.S., Roshka E.V. (2024) Dinamika izmeneniya sklonnosti k viktimnomu povedeniyu u studentov-psikhologov v protsesse obucheniya [Dynamics of changes in the propensity to victimize behavior among psychology students during their studies]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 178-185. DOI: 10.34670/AR.2024.30.43.007

Keywords

Victim behavior, socialization, hypersociality, students, professional development of a psychologist.

References

1. Andronnikova O.O. (2009) Osnovnye kharakteristiki podrostkov s samopovrezhdayushchim viktimnym povedeniem [Main characteristics of adolescents with self-harming victim behavior]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 9 (87), pp. 120-126.
2. Fominykh E.S. (2014) Psikhologicheskie mekhanizmy viktimnosti [Psychological mechanisms of victimization]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»* [Scientific and methodological electronic journal "Concept"], 5, pp. 116-120.
3. Gorshenkov A.G., Gorshenkov G.N. (2022) Kriminal'naya viktimologiya kak mezhdistsiplinarnaya preventivnaya teoriya [Criminal victimology as an interdisciplinary preventive theory]. *Viktimologiya* [Victimology], 2, pp. 202-214.
4. Grishchenko D.Yu. (2003) *Motivatsiya vybora professii psikhologa: spetsial'nost' 19.00.01 «Obshchaya psikhologiya, psikhologiya lichnosti, istoriya psikhologii»*. *Dokt. Diss. Abstract* [Motivation for choosing the profession of a psychologist: specialty 19.00.01 "General psychology, personality psychology, history of psychology". Doct. Diss. Abstract]. Krasnodar.
5. Kemyashova P.N. (2017) Obzor sovremennykh issledovaniy viktimnogo povedeniya u studentov [Review of modern studies of victim behavior among students]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitiye* [Personality in a changing world: health, adaptation, development], 4 (19), pp. 189-192.
6. Kucherenko S.V., Eremenko S.I. (2022) Diagnostika viktimnosti lichnosti [Diagnosis of personality victimization]. *Gumanitarnye nauki* [Humanities], 1 (57), pp. 55-59.
7. Makushina O.P. (2016) Sklonnost' k viktimnomu povedeniyu u studentov vuza raznykh napravlenii podgotovki [Tendency to victim behavior among university students of different areas of training]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of higher education], 2, pp. 58-61.
8. Malyushina Yu.A., Fedorova O.B., Milyukova E.V. (2021) Sklonnost' k viktimnomu povedeniyu lits yunosheskogo vozrasta [Tendency to victim behavior of adolescents]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3, pp. 145-148.
9. Puchkova L.L. (2020) Sotsial'no-psikhologicheskie faktory viktimnogo povedeniya studencheskoi molodezhi [Social and psychological factors of victim behavior of student youth]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named

after V.I. Vernadsky. *Sociology. Pedagogy. Psychology*], 1, pp. 104-107.

10. Shagieva A.A. (2021) K voprosu o raznoobrazii podkhodov v izuchenii viktimologii i viktimnogo povedeniya [On the issue of the diversity of approaches in the study of victimology and victim behavior]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 5-4, pp. 245-260.

УДК 159.95

DOI: 10.34670/AR.2024.86.50.013

Процессы проблематизации контекста в обучении студентов вуза

Сандакова Елена Николаевна

Аспирант,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: selena2475@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна

Доктор психологических наук,
профессор высшей школы психологии, доцент,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: borzova_tatiana@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образовательного «Тихоокеанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ТОГУ»), проект № 2.23 «Разработка механизмов и инструментов влияния университетов на сохранение и развитие человеческого потенциала Дальнего Востока».

Аннотация

Современное развитие когнитивной психологии, лингвопсихологии, лингвистики, теории искусственного интеллекта и смежных областей определяет перспективность мультидисциплинарных исследований в контексте изучения процессов понимания текстов, осуществляемых в точках пересечения «психологии человеческого бытия», педагогической психологии и философии. Тесная взаимосвязь психологической и философской мысли имеет важное значение для нашего исследования, так как создает научно-теоретическую базу для развития процесса понимания студентами методологических текстов. В данной статье рассматривается направление в психологии понимания – понимание студентами вуза различного рода текстов. Акцент сделан на способы работы с методологическими текстами, позволяющими студентам определить для себя основания собственной профессиональной деятельности и саморазвития, строить модели поведения в социуме. Одним из таких способов понимания является проблематизация контекста через триаду: тезис-антитезис-синтез. Разработанные способы могут быть использованы при обучении студентов вуза пониманию методологических текстов. Развитие у студентов способности к формулированию противоречия (антитезиса) к любому утверждению (тезису) позволяет активно применять данный подход при анализе методологических текстов. В процессе синтеза тезиса и антитезиса в единую точку зрения у студентов развивается способность к интерпретации контекста не только на гносеологическом, эпистемологическом, но и на герменевтическом, феноменологическом, экзистенциальном уровнях.

Для цитирования в научных исследованиях

Сандакова Е.Н., Борзова Т.В. Процессы проблематизации контекста в обучении студентов вуза // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 186-194. DOI: 10.34670/AR.2024.86.50.013

Ключевые слова

Обучение, способ понимания, высшее образование, рефлексия, проблематизация, тезис, антитезис, синтез, контекст.

Введение

Современное развитие когнитивной психологии, лингвопсихологии, лингвистики, теории искусственного интеллекта и смежных областей определяет перспективность мультидисциплинарных исследований в контексте изучения процессов понимания текстов, осуществляемых в точках пересечения «психологии человеческого бытия» (В.В. Знаков), педагогической психологии и философии.

Тесная взаимосвязь психологической и философской мысли имеет важное значение для нашего исследования, так как создает научно-теоретическую базу для развития процесса понимания студентами методологических текстов. Ученые-философы определяют приоритетным для образования субъективное, чувственное, рефлексивное познание внешнего мира человеком (Г.В.Ф. Гегель, И.Г. Фихте, Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Кант).

Как отмечает В.А. Куринский: «Мысль человека всегда связана с чувством, а чувство всегда связано с мыслью», особенностью такого «дуализма» являются две стороны: психоэмоциональная как основа мироощущения и интеллектуальная как основа миропонимания [Куринский, 1994]. Двойственность восприятия, спонтанность чувств, побуждающая к движению мысль, дарит человеку, по убеждению А. Швейцера, «ощущение внутренней связи с миром, заставляя его мыслить и удивляться» [Швейцер, 2023]. В свою очередь познавательный процесс определяется «внутренним восприятием, переживанием и самосознанием познающего, опытом, экзистенцией, рефлексией» [Гегель, 1959]. Идея первичности рефлексии как проявление сущности человека развивается в отечественной и зарубежной психологии (В.П. Зинченко, Ф.Т. Михайлов, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, М. Босс, Л. Бинсвангер, А. Ленгле, Р. Мэй, А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм, В. Франкл и др.).

Но, несмотря на то что рефлексия является родовым качеством человека, она может быть недостаточно представленной в образовательном процессе. Однако, можно создавать условия для ее развития посредством обучения студентов способам понимания методологических текстов в ходе специально организованной учебной деятельности.

Цель статьи: исследовать возможности применения способа «проблематизация контекста в триаде: тезис – антитезис – синтез» для развития у студентов вуза понимания разного рода текстов.

Задачи:

- описать способ «проблематизация контекста в триаде: тезис-антитезис-синтез»;
- обосновать эффективность применения способа «проблематизация контекста в триаде: тезис-антитезис-синтез» для развития процесса понимания разного рода текстов;

–провести анализ полученных результатов работы студентов с текстами в экспериментальной и контрольной группах.

Основная часть

Проблематизация контекста – это один из способов работы с научными текстами в нашем исследовании. Ранее в статье «Текст в семиотическом аспекте культуры как основа понимания методологических контекстов» были представлены различные способы работы с методологическим текстом, такие как: «аллегоризация-деаллегоризация», «формулировка категориального аппарата текста», «сочетание социального контекста с индивидуально-личностным», «анализ, интерпретация японской поэзии (хокку, танка)», «составление синквейна», которые показали свою эффективность при обучении студентов вуза пониманию [Борзова, Сандакова, 2023].

Остановимся на подробном описании способа проблематизации контекста. Во-первых, следует отметить, что постановка проблемы является неотъемлемым проявлением критического мышления и рефлексии. Как считает И.Т. Касавин, «проблема выступает как неотъемлемая черта познания, понятого как сложная, саморазвивающаяся, человекоразмерная и обращаемая на себя событийность». Свойство проблемы – это постановка под вопрос наличного знания. И, как утверждает автор, «проблематизация представляет это знание, ориентированное на появление новых точек зрения, нового осознания, рефлексии» [Касавин, 2009]. Во-вторых, если обратиться к значению контекста, то он индивидуализирует смысл и придает эмоционально-ценностный аспект высказыванию.

Способ понимания различного рода текстов посредством проблематизации контекста достаточно эффективно реализуется с помощью триады «тезис – антитезис – синтез» (нем.: Thesis, Antithesis, Synthesis). Такая последовательность трех идей опирается на диалектику Г.В.Ф. Гегеля. Философ считал, что разум и бытие идентичны, и поэтому весь мир развивается по единым законам.

Первый этап, тезис (бытие) – это формальное утверждение, иллюстрирующее точку зрения. Тезис считается истинным до тех пор, пока не возникнет противоречащий ему антитезис.

За ним следует вторая идея, следующий этап – это антитезис (ничто), что противоречит или отрицает вышеизложенное. Появление «противоречия» – это сигнал появления проблемы, сигнал для включения мышления, для самостоятельного исследования («осмысливания») предмета. Поэтому в образовательном процессе нужно создавать условия, чтобы противоречие служило толчком к самостоятельной работе студентов [Борзова, 2013].

И, наконец, третья идея – это синтез (становление), процесс преодоления противоречия между тезисом и антитезисом, то есть утверждение нового тезиса. Синтез, разрешая конфликт между тезисом и антитезисом, является результатом гармонизации.

Работа с текстом в рамках способа «проблематизация контекста: «тезис – антитезис – синтез» отражает три закона диалектики Гегеля:

- закон единства и борьбы противоположностей: именно существование противоречия вынуждает развиваться мир естественным образом;
- закон перехода количественных изменений в качественные: противоречия между противоположностями, накапливаясь вызывают изменения;
- закон отрицания отрицания: нет ничего статичного в этом мире, и каждая новая стадия в свою очередь порождает изменения.

Таким образом, учитывая философские воззрения Г.В.Ф. Гегеля, «нелинейность» цикла диалектического познания позволяет избежать вербального псевдопонимания». Применяемый нами способ понимания научных текстов в контексте диалектического познания связан с «глубоко личностным размышлением, продуманным, прочувствованным и пережитым». Гегелевская философия позволяет разбудить «собственное философское мышление», которое ученый относит к «нормальному человеческому мышлению» [Гегель, 1959].

В рамках работы по обучению студентов пониманию методологических текстов нами была избрана форма рефлексивных практикумов. Следует зафиксировать, что контрольная и экспериментальная группы состояли из студентов ФГБОУ ВО «Тихоокеанского государственного университета» (169 человек), которые обладали на начало эксперимента одинаковыми умениями осуществлять способы работы с различного рода текстами.

Студентам предлагалось погрузиться в рефлексивное размышление, применяя способ «проблематизации контекста в триаде: тезис – антитезис – синтез». На этапе констатирующего эксперимента студентам экспериментальной (85 человек) и контрольной (84 человека) групп было дано задание представить собственное понимание утверждения (тезиса) Иоганна Готлиба Фихте: «Весь мир – это Я». Затем написать антитезис – отрицание к этому утверждению. Процедура синтезирования представляла собой размышление участников рефлексивного семинара при ответе на ключевой вопрос: «Что я должен делать, чтобы сохранить себя в этом мире?»

Приведем работы студентов экспериментальной группы (орфография сохранена):

Н.А.: «Каждый человек имеет свой внутренний мир, который определяет его взгляды, мысли, своего рода реальность.

Антитезисом выступает выражение эгоистичной позиции, которая игнорирует роль и значение других людей в понимании мира.

Синтез: каждая индивидуальность является результатом взаимодействия нашего «Я» с окружающими миром».

Т.В.: «Весь мир – это Я, потому что я живу в этом мире и весь мир живет во мне.

Но Я не могу быть всем миром, потому что не выхожу за пределы территории, в которой проживаю. Не выхожу за социум, круг общения в котором нахожусь, мне не комфортно за его пределами.

Мне нужно выходить постепенно за свои границы и осваивать новые пространства, делая их своими. И тогда я смогу согласиться с утверждением, что весь мир – это Я, просто его границы я осваиваю постепенно».

Приведем работу студента контрольной группы (орфография сохранена):

М.Н.: «Фактически весь мир для меня – это то, что я чувствую, я вижу, я ощущаю на себе. Весь мир – это мое отношение к реальности.

У каждого человека свой мир. Но Я – это лишь часть того, что существует в реальности.

Чтобы сохранить себя в этом мире, и если рассматривать вопрос с точки зрения физического существования, то заниматься своим здоровьем. Если говорить о ментальной стороне, то не бояться трудностей, работать над собой. Но главное помнить, что я несу в этот мир, в свою жизнь, и что я хочу делать».

Анализируя полученные в результате исследования данные, мы обнаружили, что 65% студентов скопировали ответы на задание из сети Интернет. И лишь 35% респондентов представили собственные рассуждения, попытались сформулировать стремление к сохранению своей психологической безопасности, ориентируясь на взаимоотношения с миром и его

ценности (примеры их работ представлены в статье).

Данное исследование подтвердило наши предположения о том, что студенты нуждаются в обучении способам понимания методологических текстов. Следующим этапом эксперимента стало проведение лекционно-практических занятий с экспериментальной группой по овладению способам работы с методологическими текстами. Расширяя возможность реализации способа «проблематизации контекста в триаде: тезис – антитезис – синтез», студентам экспериментальной группы было предложено еще одно задание: представьте ваше понимание утверждения (тезис): «Чтобы лучше узнать человека, нужно надеть его туфли и проходить в них». (If I were in your shoes). Напишите антитезис – отрицание к этому утверждению. Синтезируйте написанные вами размышления. Задайте ключевой вопрос в структуре операции синтеза.

Приведем в качестве примера работу студента экспериментальной группы (орфография сохранена):

М.Я.: «Это утверждение можно воспринимать как призыв к пониманию. Идея заключается в том, чтобы поставить себя на место другого человека и взглянуть на мир через его глаза. Надевая туфли другого человека и проходя в них, мы можем получить лучшее представление о его жизни, опыте и переживаниях. Подобное понимание человека может помочь развить сострадание, а также способствовать более глубокой коммуникации и взаимодействию. Иногда мы можем быть слишком склонны судить или предполагать о чужой жизни, не осознавая, что происходит изнутри у другого человека. Надевая его туфли и проходя в них, мы можем получить новые перспективы и лучше понять его мотивы, проблемы и радости.

Однако, важно помнить, что каждый человек уникален, и нельзя полностью пережить или понять чужой опыт. У нас всегда остаются ограничения и пределы нашего собственного восприятия. Однако данное утверждение может служить напоминанием о важности ставить себя на место других, чтобы развивать понимание и сочувствие к окружающим нас людям.

Антитезис к данному утверждению можно сформулировать следующим образом: «Чтобы лучше понять человека, не обязательно надевать его туфли и проходить в них». Понимание другого человека не должно быть связано с буквальным надеванием его обуви и имитацией его жизни. Вместо этого, мы можем стремиться к развитию эмпатии и сопереживания, используя наши собственные способности к интеллектуальному и эмоциональному восприятию. Понимание человека требует сочувствия, слушания, задавания вопросов и активного участия в разговоре. Мы можем стараться вникать в его мысли, эмоции и мотивы, а также учитывать контекст и обстоятельства, в которых он находится. Поэтому, хотя надевание туфель другого человека может символизировать наше желание вникнуть в его ощущения, на самом деле понимание человека требует более сложного и многогранных подходов».

Наблюдая за деятельностью студентов экспериментальной группы при выполнении задания, следует заметить, что они формулировали и проясняли свое отношение к возникающим в реальной жизни ситуациям, переосмысливали сложившийся опыт в постоянно изменяющейся социальной жизни.

Такое задание выполняли и студенты контрольной группы, но занятия по овладению способом работы с методологическими текстами со студентами не проводились. Приведем в качестве примера работу студента контрольной группы (орфография сохранена):

К.Ш.: *«Я понимаю данное утверждение следующим образом: человек в своей жизни встречается со многими трудностями. С некоторыми справляется, с некоторыми нет. В результате чего у человека формируется поведение, которое, может быть, противоречит нашему взгляду на то, каким оно должно быть. Но, чтобы перестать осуждать человека за его поведение, поступки, мысли нам придется пройти полностью его жизнь, чтобы понять, почему человек такой, какой он есть».*

Основанием для качественного анализа результатов исследования послужила концепция многоуровневости означивания в процедуре уровней интерпретации «Я» Т.П. Горовой: гносеологический (познание Я), эпистемологический (совпадение с Я), герменевтический (понимание Я), феноменологический (сознание и Я), экзистенциальный (со-участие, сопричастие Я). До специального обучения студенты экспериментальной и контрольной групп, представляя собственное понимание тезиса, демонстрировали эпистемологический и гносеологический уровни интерпретации. Феноменологический уровень интерпретации, «отражающий совокупность смысловых горизонтов» [Горовая, 2008] у некоторых студентов проявлялся на невысоком уровне, герменевтический и экзистенциальный уровни не фиксировались. После специального обучения в ходе формирующего эксперимента у студентов экспериментальной группы при выполнении задания по второму тезису зафиксирована положительная динамика развития феноменологического, герменевтического и экзистенциального уровней интерпретации.

Интерпретация тезиса на герменевтическом уровне происходила «через призму личного понимания», главным критерием проявления этого уровня являлась «осмысленность деятельности» [Горовая, 2008]. Например, в одной из работ студент О.Т. экспериментальной группы признает, что другой человек «всегда будет в чем-то отличаться от остальных, но порой нужно мириться с этим», т.е. принятие данного факта, говорит об осмысленном отношении к миру, принимая его таковы какой он есть. На феноменологическом уровне «понимания себя как текста позволяет открыть новые смысловые горизонты» [Горовая, 2008], цитируя ответ студента Г.С.: «...ведь далеко не все, что мы видим на самом деле является истиной, несмотря на нашу убежденность», мы утверждаемся во мнении, что, синтезируя тезис с антитезисом, студенты приходят к таким умозаключениям, которые расширяют их пространство восприятия окружающего мира. Экзистенциальный уровень – «встреча с текстом может создать проект своего будущего» [Горовая, 2008]. Например, студент М.К. отмечает следующее: «...наша способность к эмпатии позволяет нам понять и сопереживать другим, даже если мы сами не прошли через их конкретные жизненные ситуации», т.е. развитие эмпатии помогает студентам взаимодействовать с другими людьми. Ценность такой работы заключается в том, что студенты сами формулируют для себя собственную реальность бытия. У студентов же контрольной группы уровни интерпретации контекста остались на прежнем уровне.

Количественные данные подтвердили эффективность применения способа «проблематизации контекста в триаде: тезис – антитезис – синтез» в процессе обучения студентов пониманию различного рода текстов, именно в этом состояла суть эксперимента. До специального обучения число студентов и в экспериментальной группе А1, и в контрольной группе В1, испытывающих затруднения при формулировании антитезиса и синтеза, значительно больше, чем число таких студентов в экспериментальной группе после специального обучения данному способу работы с текстом.

Для статистической проверки мы использовали угловое преобразование Фишера (Таблица 1.). Приведенная совокупность данных демонстрирует положительные изменения, поскольку в

доверительный интервал попадают все значения ϕ^* превышающие 2,28 с уровнем достоверности $p \leq 0,01$. Полученные экспериментальные результаты являются следствием специально организованной нами деятельности. В результате было выявлено, что в группе АП увеличилось число студентов, которые продемонстрировали способность к интерпретации контекста при объяснении тезиса, а также формулировании антитезиса и синтеза. Таким образом, студенты экспериментальной группы не испытывают значительных трудностей в применении способа «проблематизации контекста в триаде: тезис – антитезис – синтез».

Таблица 1 - Особенности работы студентов с методологическим текстом

№ п/п	Эмпирические показатели	ϕ 1 для АП	ϕ 2 для ВП	ϕ^* угловое преобразования Фишера
1.	Аллегоризация-деаллегоризация	2,534	1,554	6,37
2.	Формулировка категориального аппарата текста	1,929	1,113	5,17
3.	Сочетание социального контекста с индивидуально-личностным	2,277	1,124	7,49
4.	Анализ, интерпретация японской поэзии (хокку, танка)	2,657	1,414	8,08
5.	Составление синквейна	2,240	0,907	8,66
6.	Проблематизации контекста в триаде: тезис – антитезис – синтез	2,378	1,027	8,78

Примечание: А – экспериментальная группа; В – контрольная группа; А1 – констатирующий этап (n=84); АП – контрольный этап (n=84); В1 – констатирующий этап (n=85); ВП – контрольный этап (n=85).

Заключение

Таким образом, как показал опыт проводимого нами исследования, со студентами необходимо осуществлять специально организованную деятельность, направленную на осознанное осуществление работы с текстом. В процессе такой деятельности у студентов развивается нечто большее, чем просто когнитивный акт, а именно, согласно В.В. Знакову, «бытийное реагирование», при этом понимание автор связывает «с поиском смысла жизни, а этот смысл жизни никогда не бывает статичным, он динамически развивается, он находится не внутри человека, а во вне, внутри обстоятельств» [Знаков, 2022].

Установление взаимосвязи между образовательными задачами и эмпирическим контекстом реальности, позволяет рассматривать содержание образования в соотношении «Человек – Мир» и акцентировать внимание на двух полюсах: предметности осваиваемой культуры и внутреннем мире человека, что «позволяет личности выстраивать жизненную перспективу в соответствии со своими возможностями и желаниями» [Борзова, 2013]. Как отмечает Г.П. Звенигородская, такая «онтологическая значимость образования, помогает принимать студенту образовательный процесс как фрагмент жизни», в котором человек предстает как субъект собственной жизнедеятельности, как создатель и носитель смысла жизни. [Звенигородская, 2002].

Развитие у студентов способности к формулированию противоречия (антитезиса) к любому утверждению (тезису) позволяет активно применять данный подход при анализе методологических текстов. В процессе синтеза тезиса и антитезиса в единую точку зрения у студентов развивается способность к интерпретации контекста не только на гносеологическом, эпистемологическом, но и на герменевтическом, феноменологическом, экзистенциальном

уровнях. Как утверждает Т.П. Горová, «путь к пониманию возможен через проживание – соединение «Я» с опытом «жизненного мира» [Горová, 2008]. Этот процесс имеет значимость не только при изучении научной литературы, но и помогает студентам формулировать собственную точку зрения при решении жизненных задач.

Библиография

1. Борзова Т.В. Теоретические основы психологии понимания в обучении. Хабаровск, 2013. 340 с.
2. Борзова Т.В., Сандакова Е.Н. Текст в семиотическом аспекте культуры как основа понимания методологических контекстов // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1. С. 64-68.
3. Гегель Г.В.Ф. Сочинения в 14-ти томах. Том IV. Система наук. Часть первая: Феноменология духа. М.: СОЦЭГИЗ, 1959. 440 с.
4. Горová Т.П. Философские аспекты культуры мышления преподавателя // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2008. № 4. С. 19-24.
5. Звенигородская Г.П. О феноменологии и рефлексии в образовании: книга для учителя. Хабаровск, 2002. 117 с.
6. Знаков В.В. Психология возможного. Новое направление исследований понимания. М., 2022. 365 с.
7. Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М., 2016. 448 с.
8. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
9. Касавин И.Т. Проблема как форма знания // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. XXII. № 4. С. 5-13.
10. Куринский В.А. Автодидактика: Часть первая. М.: Автодидакт, 1994. 391 с.
11. Швейцер А. Культура и этика. URL: <http://www.rodon.org/sha2/kie.htm>

The Processes of Problematizing Context in University Student Education

Elena N. Sandakova

Postgraduate,
Pacific State University,
680000, 68, Karla Marksa str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: selena2475@mail.ru

Tat'yana V. Borzova

Doctor of Psychology,
Professor of the Higher School of Psychology, Associate Professor,
Pacific State University,
680000, 68, Karla Marksa str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: borzova_tatiana@mail.ru

Abstract

The modern development of cognitive psychology, linguistic psychology, linguistics, the theory of artificial intelligence and related fields determines the prospects of multidisciplinary research in the context of studying the processes of understanding texts carried out at the intersection of the “psychology of human existence,” educational psychology and philosophy. The close relationship between psychological and philosophical thought is important for our research, as it creates a scientific and theoretical basis for the development of the process of students’ understanding of methodological texts. This article examines the direction in the psychology of understanding among university students’ understanding of various types of texts. The emphasis is on ways of working

with methodological texts that allow students to determine for themselves the foundations of their own professional activities and self-development, and to build models of behavior in society. One of these ways of understanding is to problematize the context through the triad: thesis-antithesis-synthesis. The developed methods can be used in teaching university students to understand methodological texts. Developing students' ability to formulate a contradiction (antithesis) to any statement (thesis) allows them to actively apply this approach when analyzing methodological texts. In the process of synthesizing thesis and antithesis into a single point of view, students develop the ability to interpret the context not only at the epistemological, epistemological, but also at the hermeneutic, phenomenological, and existential levels.

For citation

Sandakova E.N., Borzova T.V. (2023) Protsessy problematizatsii konteksta v obuchenii studentov vuza [The Processes of Problematizing Context in University Student Education]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 186-194. DOI: 10.34670/AR.2024.86.50.013

Keywords

Education, understanding method, higher education, reflection, problematization, thesis, antithesis, synthesis, context.

References

1. Borzova T.V. (2013) *Teoreticheskie osnovy psikhologii ponimaniya v obuchenii* [Theoretical foundations of the psychology of understanding in learning]. Khabarovsk.
2. Borzova T.V., Sandakova E.N. (2023) Tekst v semioticheskom aspekte kul'tury kak osnova ponimaniya metodologicheskikh kontekstov [Text in the semiotic aspect of culture as the basis for understanding methodological contexts]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 1, pp. 64-68.
3. Hegel G. (1959) *Sochineniya v 14-ti tomakh. Tom IV. Sistema nauk. Chast' pervaya: Fenomenologiya dukha* [Works in 14 volumes. Volume IV. System of Sciences. Part one: Phenomenology of spirit]. Moscow: SOTS'EGIZ Publ.
4. Gorovaya T.P. (2008) Filosofskie aspekty kul'tury myshleniya prepodavatelya [Philosophical aspects of the culture of thinking of a teacher]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East], 4, pp. 19-24.
5. Il'enkov E.V. (1991) *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. Moscow: Politizdat Publ.
6. Kasavin I.T. (2009) Problema kak forma znaniya [Problem as a form of knowledge]. *Epistemologiya & filosofiya nauki* [Epistemology & philosophy of science], XXI, 4, pp. 5-13.
7. Kurinskii V.A. (1994) *Avtodidaktika: Chast' pervaya* [Autodidactics: Part One]. Moscow: Avtodidakt Publ.
8. Shveitser A. *Kul'tura i etika* [Culture and ethics]. Available at: <http://www.rodon.org/sha2/kie.htm>
9. Znakov V.V. (2016) *Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka* [Psychology of understanding the human world]. Moscow.
10. Znakov V.V. (2022) *Psikhologiya vozmozhnogo. Novoe napravlenie issledovaniya ponimaniya* [Psychology of the possible. A new direction in comprehension research]. Moscow.
11. Zvenigorodskaya G.P. (2002) *O fenomenologii i refleksii v obrazovanii: kniga dlya uchitelya* [On phenomenology and reflection in education: a book for teachers]. Khabarovsk.

УДК 316.6

DOI: 10.34670/AR.2024.51.37.020

Современные подходы к организации социально-психологического сопровождения обучающихся

Никулина Татьяна Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: tnikulina @bsu.edu.ru

Смирнова Дарья Евгеньевна

Старший преподаватель,
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: smirnova_d @bsu.edu.ru

Аннотация

Социально-психологическое сопровождение обучающихся рассматривается как специально организованный процесс, предполагающий создание оптимальной доступной и воспитывающей среды, в которой возможно формирование общекультурных, профессиональных компетенций и развитие психологически здоровой личности. Констатируется, что в ходе сопровождения решаются проблемы сохранения и восстановления психического и физического здоровья студентов; преодоление затруднений в учебной, профессиональной деятельности, межличностном общении; помощь студентам в трудоустройстве; помощь в выборе досуговой сферы самореализации. В статье представлены рекомендации к организации социально-психологического сопровождения обучающихся на основе опыта работы департамента социальной работы НИУ «БелГУ» и психологической службы университета.

Для цитирования в научных исследованиях

Никулина Т.В., Смирнова Д.Е. Современные подходы к организации социально-психологического сопровождения обучающихся // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 195-200. DOI: 10.34670/AR.2024.51.37.020

Ключевые слова

Обучающиеся, социальная работа, социальная поддержка, психологическое сопровождение.

Введение

Содержание социальной политики в высших учебных заведениях заключается в реализации социальной помощи студентам, преподавателям и сотрудникам. Это означает, что государство через администрацию высшего учебного заведения осуществляет деятельность по социально-экономической поддержке, оказанию социально-бытовых, медико-социальных, правовых и других услуг [Павленок, 1999, 43].

Основам организации сопровождения обучающихся посвящены работы И.Ф. Исаева [Исаев, 2002, 208], И.Я. Лернера [Лернер, 1974, 61], В.А. Слостенина [Слостенин, Колесникова, 2006, 235].

Основная часть

Основные формы социально-психологического сопровождения обучающихся в вузе – стипендиальное обеспечение, материальная поддержка, снижение стоимости платных образовательных услуг для обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг, поощрение за активное участие в учебной, научно-исследовательской, общественной, культурно-творческой, спортивной деятельности, предоставление мест в студенческих общежитиях и льгот по оплате общежития, оказание медицинских услуг и психологической помощи.

В вузах обучающимся выплачиваются различные виды стипендий: государственная академическая стипендия, государственная социальная стипендия, стипендии Президента Российской Федерации, стипендии Правительства Российской Федерации, именные стипендии, стипендии, учрежденные органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами.

Стипендиальное обеспечение и другие виды поддержки обучающихся регулируется положениями. Очень важно в вузе обсуждать с представителями студенческого самоуправления вопросы стипендиального обеспечения обучающихся, критерии для получения повышенной государственной академической стипендии и основания для получения материальной помощи.

На современном этапе необходимость создания внутренних систем оценки удовлетворенности студентов условиями и результатами обучения осознается на государственном уровне. В поручении Президента России Министерству образования и науки Российской Федерации подчеркивается необходимость «представить в установленном порядке предложения, направленные на создание удовлетворенности студентов условиями и результатами обучения, для последующего учёта результатов этой оценки в системе показателей эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования» [Перечень поручений Президента России по вопросам повышения качества высшего образования. Поручение № 1148 п. 2 от 22 мая 2014 года, [www](http://www.gov.ru)].

Обучающимся необходимо оказывать помощь в оформлении заявок и формировании портфолио для получения стипендий Президента РФ, Правительства РФ, стипендий, учрежденных физическими и юридическими лицами. Кроме того, необходимо мотивировать студентов для участия в конкурсном отборе на соискание стипендий. Уже с первого курса студентов необходимо знакомить с возможностями получения стипендий и вести целенаправленную работу. Необходимо создать информационную систему рейтингования

достижений обучающихся в учебной, научно-исследовательской, общественной, культурно-творческой, спортивной деятельности с разработкой соответствующего электронного сервиса.

Информационная система рейтингования личных достижений обучающихся позволяет учитывать учебные, научные, культурно-творческие, общественные и спортивные достижения. Рейтинг личных достижений обучающихся может рассматриваться при назначении повышенной государственной академической стипендии, стипендий Президента РФ, Правительства РФ, именных стипендий, а также при поощрении обучающихся.

Поощрение обучающихся выражается в материальных и нематериальных формах.

В вузе может осуществляться поддержка студентов, обучающихся по договорам об оказании платных образовательных услуг за счет средств от приносящей доход деятельности. Формы поддержки: стипендии, учрежденные физическими и юридическими лицами, оказание материальной помощи, снижение оплаты за обучение для студентов, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Введение рейтинговой системы позволит выстраивать систему поощрений как для обучающихся бюджетной, так и договорной основы обучения.

В вузе обучаются студенты из числа детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей; студенты, подвергшиеся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, студенты из малообеспеченных семей, студенты с инвалидностью. Все льготные категории получают государственную социальную стипендию, им выплачивается материальная помощь, а студенты сироты зачислены на полное государственное обеспечение.

Обучающимся с инвалидностью может быть предоставлена возможность проживать с сопровождающими лицами.

Создание особых условий для обучения и сопровождения требуется для студентов с инвалидностью. В ноябре 2023 года проходил Всероссийский форум «Инклюзия в фокусе партнерства», организатором форума являлось Министерство науки и высшего образования. На форуме говорилось о важности «инклюзивного партнерства» между Ресурсными учебными центрами высшего образования и университетами, о развитии инклюзивного волонтерства, обсуждались критерии оценки деятельности вузов по развитию инклюзивного образования. Вузам необходимо развивать практику инклюзивного партнерства, а именно реализовать мероприятия дорожной карты по взаимодействию с ресурсными учебно-методическими центрами по обучению и сопровождению студентов с инвалидностью.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» сказано об организации и создании условий для профилактики заболеваний и оздоровления обучающихся, о прохождении обучающимися медицинских осмотров, в том числе профилактических медицинских осмотров, в связи с занятиями физической культурой и спортом. Университет должен эти условия создать за счет собственных ресурсов или заключить договор об оказании медицинской помощи с лечебным медицинским учреждением.

Большую роль в психологическом сопровождении обучающихся оказывает психологическая служба, которая помогает студентам, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях: жизненные кризисы, адаптация в университете, взаимоотношения со студентами, преподавателями, с близким окружением, негативные эмоциональные состояния. Психологи разрабатывают для кураторов академических групп цикл тренингов, материалов для индивидуального психолого-педагогического сопровождения студентов с инвалидностью, студентов из числа детей-сирот и детей; оставшихся без попечения родителей,

несовершеннолетних обучающихся.

Весьма ценным развивающим средством представляется дискуссия, играющая большую роль в раскрепощении потенциальных возможностей студентов, снижении психологических барьеров. М.В. Кларин рассматривает дискуссию как вид деятельности, направленный на систематическое обучение методам поиска, поощряющий активность студентов, развивающий коммуникативные навыки через обмен информацией, предоставляющий возможность выразить критику и даже отвергать различные точки зрения [Кларин, 2016, 344].

Ключевыми ориентирами социально-психологического сопровождения являются:

- обеспечение поддержки обучающихся путем реализации социальных программ и положений;
- внедрение системы наставничества с целью повышения эффективности проектной, научной и исследовательской деятельности обучающихся;
- развитие практики «инклюзивного партнерства»;
- охрана здоровья обучающихся;
- психологическая помощь обучающимся в ситуациях личностных кризисов, оказывающих негативное влияние на образовательный процесс; снижение риска дезадаптации из-за психологических причин.

Инструменты для достижения ключевых ориентиров следующие:

- мониторинг эффективности реализации социальных программ и положений;
- информационная система рейтингования личных достижений обучающихся;
- Положение о наставничестве для повышения эффективности проектной, научной и исследовательской деятельности обучающихся и их участия в конкурсном отборе на соискание стипендий Президента РФ, Правительства РФ, именных стипендий, стипендий, учрежденных органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами;
- «Дорожная карта о взаимодействии между РУМЦ и вузом-партнером в рамках деятельности ресурсного учебно-методического центра по обучению и сопровождению студентов с инвалидностью»;
- проведение медицинских осмотров, в том числе профилактических медицинских осмотров, в связи с занятиями физической культурой и спортом;
- «Концепция развития психологической службы НИУ «БелГУ».

Заключение

Таким образом, поддержка и сопровождение в образовании становятся ключевыми понятиями и являются реализацией гуманистической позиции педагога по отношению к воспитаннику и механизмом поддержания процессов самореализации, саморазвития, адаптации обучающихся.

Библиография

1. Алексейчева Е.Ю. Гуманизация образования как способ создания гуманного будущего // Методология научных исследований. материалы научного семинара. / Сер. «Библиотека Мастерской оргдеятельностных технологий МГПУ». Ярославль, 2021. С. 131-135.
2. Алексейчева Е.Ю. Многомерное образование: выбор или предопределенность // Методология научных исследований.

- исследований. материалы научного семинара. / Сер. «Библиотека Мастерской оргдеятельностных технологий МГПУ». Ярославль, 2021. С. 201-204.
3. Алексейчева Е.Ю. Современные подходы к организации креативного образования // Методология научных исследований. материалы научного семинара. / Сер. "Серия «Библиотека Мастерской оргдеятельностных технологий МГПУ». Вып. 2" Московский городской педагогический университет (МГПУ). Ярославль, 2021 С. 215-219
 4. Казенина А.А., Алексейчева Е.Ю. Проблема гуманитаризации образования в условиях цифровой образовательной среды // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. Сборник научных статей VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. К 25-летию Московского городского педагогического университета. 2020. С. 118-124.
 5. Исаев И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. М.: Академия, 2002. 208 с.
 6. Кларин М.В. Инновационные модели обучения. Исследование мирового опыта. М.: ЛУЧ, 2016. 344 с.
 7. Лернер И.Я. Проблемное обучение. М.: Знание, 1974. 61 с.
 8. Павленок П.Д. Основы социальной работы. М.: ИНФРА-М, 1999. 204 с.
 9. Перечень поручений Президента России по вопросам повышения качества высшего образования. Поручение № 1148 п. 2 от 22 мая 2014 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/21112> (дата обращения: 17.01.2024).
 10. Слостенин В.А., Колесникова И.А. (ред.) Педагогическая поддержка ребенка в образовании. М.: Академия, 2006. 283 с.

Modern approaches to the organization of socio-psychological support for students

Tat'yana V. Nikulina

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy str., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: [tnikulina @bsu.edu.ru](mailto:tnikulina@bsu.edu.ru),

Dar'ya E. Smirnova

Senior Lecturer,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy str., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: [smirnova_d @bsu.edu.ru](mailto:smirnova_d@bsu.edu.ru),

Abstract

Social and psychological support for students is considered as a specially organized process that involves the creation of an optimal accessible and nurturing environment in which it is possible to form general cultural and professional competencies and develop a psychologically healthy personality. It is stated that during the support, problems of maintaining and restoring the mental and physical health of students are solved; overcoming difficulties in educational, professional activities, interpersonal communication; assistance to students in finding employment; assistance in choosing a leisure area for self-realization. The article presents recommendations for organizing socio-psychological support for students based on the experience of the Department of Social Work of the National Research University "BelSU" and the psychological service of the university.

For citation

Nikulina T.V., Smirnova D.E. (2024) Sovremennye podkhody k organizatsii sotsial'no-psikhologicheskogo soprovozhdeniya obuchayushchikhsya [Modern approaches to the organization of socio-psychological support for students]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 195-200. DOI: 10.34670/AR.2024.51.37.020

Keywords

Students, social work, social support, psychological support.

References

1. Alekseicheva E.Yu. (2021) Gumanizaciya obrazovaniya kak sposob sozdaniya gumannogo budushchego [Humanization of education as a way to create a humane future] Metodologiya nauchnyh issledovanij. materialy nauchnogo seminar. / Ser. «Biblioteka Masterskoj orgdeyatelnostnyh tekhnologij MGPU». [Methodology of scientific research. materials of the scientific seminar. / Ser. "Library of the Workshop of organizational activity technologies of MSPU". Yaroslavl]. pp. 131-135.
2. Alekseicheva E.Yu. (2021) Mnogomernoe obrazovanie: vybor ili predopredelennost' [Multidimensional education: choice or predestination] Metodologiya nauchnyh issledovanij. materialy nauchnogo seminar. / Ser. «Biblioteka Masterskoj orgdeyatelnostnyh tekhnologij MGPU». YAroslav! [Methodology of scientific research. materials of the scientific seminar. / Ser. "Library of the Workshop of organizational activity technologies of MSPU"]. Yaroslavl. pp. 201-204.
3. Alekseicheva E.Yu. (2021) Sovremennye podhody k organizacii kreativnogo obrazovaniya [Modern approaches to the organization of creative education] Metodologiya nauchnyh issledovanij. materialy nauchnogo seminar. / Ser. "Seriya «Biblioteka Masterskoj orgdeyatelnostnyh tekhnologij MGPU». Vyp. 2" Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet (MGPU). YAroslav! [Methodology of scientific research. materials of the scientific seminar. / Ser. "Series "Library of the Workshop of organizational and activity technologies of MSPU". Issue 2" Moscow City Pedagogical University (MSPU). Yaroslavl] p. 215-219
4. Isaev I.F. (2002) *Professional'no-pedagogicheskaya kul'tura prepodavatelya* [Professional and pedagogical culture of the teacher]. Moscow: Akademiya Publ.
5. Kazenina A.A., Alekseicheva E.Yu. (2020) Problema gumanitarizacii obrazovaniya v usloviyah cifrovoj obrazovatel'noj sredy [The problem of humanitarization of education in a digital educational environment] Aktual'nye voprosy gumanitarnykh nauk: teoriya, metodika, praktika. Sbornik nauchnyh statej VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. K 25-letiyu Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta [Topical issues of the humanities: theory, methodology, practice. Collection of scientific articles of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. To the 25th anniversary of the Moscow City Pedagogical University]. pp. 118-124.
6. Klarin M.V. (2016) *Innovatsionnye modeli obucheniya. Issledovanie mirovogo opyta* [Innovative learning models. Research of world experience]. Moscow: LUCH Publ.
7. Lerner I.Ya. (1974) *Problemnoe obuchenie* [Problem-based learning]. Moscow: Znanie Publ.
8. Pavlenok P.D. (1999) *Osnovy sotsial'noi raboty* [Fundamentals of social work]. Moscow: INFRA-M Publ.
9. *Perechen' poruchenii Prezidenta Rossii po voprosam povysheniya kachestva vysshego obrazovaniya. Poruchenie № 1148 p. 2 ot 22 maya 2014 goda* [List of instructions of the President of Russia on issues of improving the quality of higher education. Instruction No. 1148 p. 2 dated May 22, 2014]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/21112> [Accessed 17/01/2024].
10. Slastenin V.A., Kolesnikova I.A. (eds.) (2006) *Pedagogicheskaya podderzhka rebenka v obrazovanii* [Pedagogical support of the child in education]. Moscow: Akademiya Publ.

УДК 159.9.078

DOI: 10.34670/AR.2024.55.66.024

**Актуальность интеграции искусственного
интеллекта в процесс диагностики
депрессивных состояний
у лиц в период зрелости**

Погорова Райшат Исмаиловна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики
Ингушский государственный университет,
386001, Российская Федерация, Магас, просп. И. Зязикова, 7;
e-mail: pogorova-03@bk.ru

Албакова Зара Абдул-Мажитовна

Кандидат медицинских наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Ингушский государственный университет,
386001, Российская Федерация, Магас, просп. И. Зязикова, 7;
e-mail: zara.albakova@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются возможности интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в процесс диагностики депрессивных состояний у лиц в период зрелости. Современные условия создают новые тенденции в развитии анализа психологического состояния людей, и стоит разобраться в эффективности существующих методов, впечатлениях практикующих специалистов, в том, в какой степени текущие условия меняют подходы к анализу психологического состояния человека и поиску идей о том, как работает ИИ и как он может упростить их работу и улучшить результаты. Результаты исследования подтверждают концепцию использования методов ИИ для процесса диагностики и ускорения процесса лечения депрессивных состояний у лиц в период зрелости. Кроме того, исследование предоставляет набор критериев, которые можно было бы использовать для оценки эффективности различных методов ИИ для этих целей. Оно включает показатели, связанные с точностью, эффективностью и этическими соображениями. Дополнительным результатом могло бы стать лучшее понимание потенциальных преимуществ и недостатков использования ИИ в этом контексте, что могло бы послужить информацией для будущих исследователей и разработчиков в этой области.

Для цитирования в научных исследованиях

Погорова Р.И., Албакова З.А.-М. Актуальность интеграции искусственного интеллекта в процесс диагностики депрессивных состояний у лиц в период зрелости // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 201-208. DOI: 10.34670/AR.2024.55.66.024

Ключевые слова

Искусственный интеллект (ИИ), машинное обучение, депрессия, депрессивное состояние, диагностика, диагностика депрессивных состояний у лиц в период зрелости.

Введение

Естественная изменчивость психического состояния и восприимчивость к различным дестабилизирующим воздействиям ограничивают эффективность традиционных методов анализа психического состояния человека. Согласно Всемирному докладу ВОЗ о психическом здоровье, который был опубликован в июне 2022 года, только за 2021 год депрессия и тревога как наиболее распространенные расстройства выросли на 25%, в результате чего общее число людей, живущих с психическими расстройствами, достигло почти 1 миллиарда человек.

В то же время число людей, обращающихся за медицинской помощью, растет, и некоторые из них не могут себе этого позволить. Поэтому актуально изучение новых методов, которые могли бы ускорить диагностический процесс, найти новые способы ранней диагностики.

Основная часть

Процесс диагностики психического здоровья включает всестороннюю оценку психического состояния пациента, включая его симптомы, историю болезни и личные данные. Специалисты в области психического здоровья обычно опрашивают пациентов, чтобы собрать информацию об их опыте и любых симптомах, которые они могут испытывать. Они также могут использовать стандартизированные опросники или оценки, помогающие диагностировать конкретные психические расстройства.

В течение последних тридцати лет эксперты по ИИ разрабатывали системы, которые предполагают использование таких процессов, как планирование, понимание, логика, решение проблем, принятие решений, формирование концепции и т.д. Было замечено, что терминологическая интерпретация часто меняется от одного проекта к другому, создавая путаницу терминологий. Примером в этом отношении может служить термин «концепция», применяемый при объяснении семантических сетей, который имеет более пяти основных объяснений. Такое вольное применение терминологии психологии приводит к трем основным проблемам. Во-первых, сравнение между различными проектами ИИ становится чрезвычайно трудным. Вторая проблема заключается в типе спецификаций задач; многие эксперты по ИИ стремятся использовать психологическую терминологию, чтобы явно связать свои методы и программы ИИ с характеристиками умственной деятельности человека и, таким образом, предложить заранее установленную теоретическую основу.

В 2019 году de Mello F. L. и de Souza S.A. опубликовали исследование, в котором объясняется, что, когда психотерапевт пытается отобразить и понять феномен, который порождает конфликт у пациента с депрессией или другими проблемами психического здоровья [de Mello, de Souza, 2019], происходит попытка спроецировать теоретические концепции психотерапии на конкретную ситуацию индивида.

Проекция этих концепций в реальный мир является операцией овеществления знаний, процессом логического вывода, ресурсами которого являются аналогии и изоморфизм. Это привлекает внимание к возможности деконструкции вызывающих привыкание механизмов обратной связи и поддержания, которые препятствуют восприятию системой нового опыта и

знаний, тем самым препятствуя ее развитию или разрешению рассматриваемого конфликта.

В ИИ эта ситуация известна как рассуждение на основе прецедента и обычно моделируется логикой первого порядка. Это означает, что, когда психотерапевт пытается идентифицировать и понять, как индивидуальный симптом пациента связан с более широкой системой взаимодействия, то есть как конкретная ситуация связана с общим сценарием, это представляет собой интуитивную операцию геометрии знаний.

С этой точки зрения de Mello F. L. и de Souza S.A. сказали, что у пациента проявляется симптоматика, спроецированная на семью. Другими словами, конкретный феномен используется для поддержки понимания более широкой картины.

Baihan Lin, Djallel Bouneffouf и Guillermo Cecchi опубликовали данные, что каждый сеанс терапии имеет свой собственный алгоритм взаимодействия между терапевтом и пациентом. Терапевты могут диагностировать различные проблемы психического здоровья на более ранних этапах [Lin, Bouneffouf, 2022].

Основываясь на этом конвейере, они предложили Working Alliance Transformer (WAT), классификационную модель, в которой использовался модуль логического вывода, который информировал нижестоящий классификатор о текущем состоянии относительно терапевтической траектории или ландшафта в психотерапевтическом лечении пациента. Предложенный ими алгоритм описывал процесс классификации. После завершения классификации они также добавили аналитическую функцию, которая позволяет алгоритму выполнять не только классификацию, но и другие последующие задачи, такие как прогнозное моделирование и аналитика в реальном времени.

Затем, следуя архитектуре модели Baihan Lin, Djallel Bouneffouf и Guillermo Cecchi оценили три основных компонента классификатора. Классическая модель трансформатора: для модуля внимания с несколькими головками они установили количество головок равным 4, а размер скрытого слоя – равным 64. Коэффициенты отсева для уровня позиционного кодирования и преобразователя блоков установлены на 0,5. Второй классификатор последовательностей представляет собой однослойную сеть с долговременной кратковременной памятью (LSTM) с 64 нейронами. И последний – это однослойная рекуррентная нейронная сеть (RNN) с 64 нейронами [Lin, Bouneffouf, Cecchi, 2022; Корнюхина, Лапонина, 2023].

В результате они провели 50 000 итераций обучения. Baihan Lin, Djallel Bouneffouf и Guillermo Cecchi повысили точность классификации психических заболеваний с 26% до 32%. Чтобы сделать это возможным, ученые использовали набор данных с крайне несбалансированными клиническими состояниями (495 сеансов тревоги, 373 сеанса депрессии, 71 сеанс шизофрении и 12 сеансов суицида). Они упомянули, что, если они непосредственно обучат модели на этом наборе данных, классификатор, вероятно, будет сильно смещен в сторону класса большинства. Чтобы исправить эту проблему дисбаланса, был использован метод выборки. Вместо того, чтобы просматривать все обучающие данные по состояниям, они обучали модели в итерациях выборки. На каждой итерации случайным образом выбирался класс, а затем случайная выборка одного сеанса из пула классов. Перед выборкой сессий они разделили набор данных на 20/80 в качестве тестового набора и обучающего набора. Это показало отличный результат в процессе обучения.

Исходные данные, на основе которых обучается ИИ, могут быть неверными. Шалилех С., Копцева А.О., Шишкова Т.И., Худякова М.В. и Драгой О.В. ставят под сомнение образ мышления и ценности своих разработчиков, поскольку они не всегда знакомы с психологией, социологией и другими гуманитарными науками. Эти недостатки при использовании систем ИИ

привели ко многим инцидентам, в том числе со смертельным исходом [Bucur, Liviu, 2020, 242].

Однако слабым местом этого аргумента является то, что он предполагает, что ИИ выполнит всю работу вместо психотерапевтов. ИИ мог бы использовать данные и предложения терапевтов. Они могли бы просмотреть данные перед началом процесса обучения, и это могло бы ускорить процесс выделения наиболее ценных результатов диагностики, чтобы помочь терапевтам найти правильное лечение для пациентов. В будущем это также могло бы охватывать некоторые аспекты их работы. 37% опрошенных психиатров описали возможность передачи части диагностической работы ассистенту с ИИ.

В подтверждение этой точки зрения Chao Y., Wu C., Lai Y., Hsu H., Cheng Y., Wu H., Huang S. и Chen W. (2022) [Chao et al., 2022] показывают, что они работали в сотрудничестве с терапевтом над проведением различных тестов на эффективность из существующих методов. Они показали, что только 35,71% правильно указали диагнозы, представленные тестовыми уравнениями.

Основываясь на их ответах, мы пришли к выводу, что для того, чтобы предположить, что у человека депрессия, психиатр должен узнать больше о текущем состоянии настроения человека, о том, насколько хорошо и как долго человек спит, о количестве ежедневного стресса и проблемах с концентрацией внимания на задаче. В большинстве этих вопросов используются количественные показатели, чтобы понять уровень депрессии, который может быть у человека.

Основные проблемы в этих тестах заключаются в том, что профессионалы борются с феноменом, заключающимся в том, что количество симптомов растет, и эти тесты не охватывают их все. Некоторые из этих симптомов могут быть одинаковыми для разных психических заболеваний [Давыдова, Мансурова, 2012, 10].

Анализ данных скрининговых тестов отнимает много времени и может оказаться неэффективным. Скрининговые тесты менее личные, чем беседа, поэтому люди могут обманывать в них, потому что боятся показаться «ненормальными». Кроме того, чтобы они были эффективными, они должны быть регулярными, на ежедневной или еженедельной основе, чтобы отслеживать прогресс. Чтобы охватить все вопросы, которые не могут охватить тесты, они часто запрашивают индивидуальные медицинские данные, такие как уровень гормонов, записи о сне и другие биомедицинские данные. Анализ этих данных отнимает еще больше времени, чем анализ тестов. Мы считаем, что иногда общение людей с незнакомыми людьми в социальных сетях может быть небольшим намеком на их прогресс в излечении от психических заболеваний, поэтому некоторые из специалистов также проверяют социальные сети пациентов. После постановки диагноза специалист в области психического здоровья будет работать с пациентом над разработкой плана лечения, который может включать терапию, медикаментозное лечение или их комбинацию. Все это зависит от уровня депрессивного состояния.

Исходя из этого, мы можем предположить, что людям необходимо как можно раньше начать обращаться за психологической поддержкой и помощью к профессионалам, и терапевты рекомендуют делать это лично, а не проводить онлайн-скрининг. Однако в то же время, основываясь на данных Института психологии, в их исследовании общественного отношения к управляемой интернет-терапии: веб-опрос в 2018 году [Bucur, Liviu, 2020], мы знаем, что в настоящее время почти 60% людей сначала попытаются найти ответы на свои проблемы в Интернете или социальных сетях, СМИ вместо того, чтобы обратиться за помощью непосредственно к психологу или психиатру.

Поскольку люди боятся обращаться за помощью напрямую, а процесс диагностики день ото

дня становится все сложнее, мы можем подумать о том, как использование ИИ могло бы ускорить процесс диагностики и, возможно, улучшить существующие методы и их эффективность, а также облегчить жизнь людей. Например, с помощью ИИ мы можем сосредоточиться на ускорении процесса анализа тестовых данных, улучшении тестов и их регулярности, чтобы сделать картину более ясной для терапевтов и позволить им сосредоточиться на пациентах вместо создания отчета на основе всех данных. Кроме того, представляется возможным анализировать биомедицинские данные и уведомлять людей о возможных психических заболеваниях, которые у них могут быть, чтобы мотивировать их обратиться за помощью или, по крайней мере, проконсультироваться с профессионалами.

Также интересно, как психотерапевты анализируют социальные сети своих пациентов в поисках каких-либо данных о прогрессе исцеления. Анализ социальных сетей с помощью ИИ не является чем-то новым, но было бы полезно сосредоточить его на отслеживании возможных депрессивных состояний [Джюти Пракаш Саху, Бирендра Нараян, Эн Симпл Санти, 2023]. Своевременная диагностика депрессии – все еще важный вопрос для медицины. Но, возможно, сочетание ИИ и компьютерного зрения сможет помочь выявить людей, которые имеют риски депрессии и тревожности по их профилю в социальных сетях. Пользователи с депрессией и тревогой склонны постить в социальных сетях изображения низкого эстетического качества и с тусклыми, преимущественно серой гаммы цветами.

Исследователи обнаружили, что пользователи склонны подавлять положительные эмоции, а не демонстрировать отрицательные. Например, иметь в профиле на фото нейтральное выражение лица, а не мрачное [Корнетов и др., 2023, 95].

Еще в 2018 году ученые поняли, что благодаря ИИ депрессию можно предсказать за три месяца до постановки диагноза.

ИИ идентифицировал ключевые слова, которые отмечали некоторые пользователи. Но социальные сети становятся все более визуальными. Изображения, которые постят люди, могут указать на аспекты их здоровья, и это очень ценно для медицины.

В то время как лексические аспекты депрессии хорошо изучены, визуальные – пока нет. Очень сложно трансформировать пиксели, которые формируют изображение в то, что поможет диагностировать состояние человека. Но это становится возможным благодаря прогрессу в разработке алгоритмов компьютерного зрения.

Исследователи использовали алгоритм для того, чтобы проанализировать такие данные, как цвет, выражение лица, и такие эстетические показатели, как глубина, симметрия и освещение.

При наличии достаточного набора данных представляется возможным создать систему рекомендаций для тех людей, которые вначале не хотят обращаться за прямой помощью к терапевтам, и предлагать различные варианты до того, как они будут готовы облегчить себе жизнь. Та же система рекомендаций могла бы также помочь терапевтам сосредоточиться на реальных задачах, тесно работая над решением проблем психического здоровья, которые могут возникнуть у каждого человека. В этом случае мы можем сосредоточиться на решении этих задач.:

- поиск новых источников данных, которые можно использовать для анализа психического состояния человека, объединение их с существующими;
- разработка алгоритма, основанного на средствах ИИ, который может прогнозировать психическое состояние человека или групп людей и создавать список рекомендаций для человека и психотерапевтов;
- кроме того, специалист может работать над корректными моделями для анализа

различных биомедицинских данных, чтобы помочь терапевтам заполнить пробелы в знаниях о состоянии пациента и скорректировать процесс лечения.

Эти исследования также доказывают, что будущее диагностики может быть связано с новыми технологиями, которые сделают диагностику доступной и быстрой с помощью ИИ.

Заключение

Таким образом, ИИ был внедрен во многих областях, включая игры, робототехнику, юриспруденцию, биржевую торговлю, устройства дистанционного зондирования, научные изобретения и диагностические процедуры. Большинство из этих передовых областей ИИ просочились в рутинные приложения настолько, что эти приложения ИИ невозможно отличить по отдельности, поскольку понятно, что как только что-то реализовано как общее приложение и имеет огромную пользу, оно больше не может быть определено как ИИ. Хотя ИИ в психологии и психиатрии все еще находится на зачаточной стадии, он уже модернизировал сектор психического здоровья и сильно вдохновил специалистов в области психического здоровья на диагностику, прогнозирование и лечение депрессивных состояний у лиц в период зрелости.

Наличие стратифицированных прогностических прогнозов может помочь в точном ведении и планировании режимов лечения депрессивных состояний у лиц в период зрелости, чтобы установить стадии развития проблем с психическим здоровьем, например, переход от тяжелого к среднетяжелому или легкому эпизоду заболевания, частичные/полные ремиссии, рецидивы, изменение уровней тяжести, уровней функционирования в разных областях и т.д., уровень здоровья для жизни во всех сферах жизни.

Библиография

1. Давыдова В.М., Мансурова Г.Ш. Эффективность и безопасность лекарственных препаратов в педиатрической практике I // Практическая медицина. 2012. № 7-1(62). С. 9-15.
2. Джьоти Пракаш Саху, Бирендра Нараян, Эн Симпл Санти. Будущее психиатрии с искусственным интеллектом: может ли союз человека и машины перевернуть парадигму? // Consortium Psychiatricum. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushee-psihiatrii-s-iskusstvennym-intellektom-mozhet-li-soyuz-cheloveka-i-mashiny-perevernut-paradigmu> (дата обращения: 06.02.2024).
3. Корж Е.М., Громова А.В. Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в психологии // Системная психология и социология. 2023. № 2 (46). С. 60-70.
4. Корнетов А.Н. и др. Подходы к автоматизации диагностики психического здоровья операторов ряда профессий // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2023. № 1. С. 95-104.
5. Корнюхина С.П., Лапоница О.Р. Исследование возможности алгоритмов глубокого обучения для защиты от фишинговых атак // Международный журнал открытых информационных технологий. 2023. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vozmozhnostey-algoritmov-glubokogo-obucheniya-dlya-zaschity-ot-fishingovyh-atak> (дата обращения: 06.02.2024).
6. Шалилех С. И др. Диагностика тяжести симптомов депрессии при помощи объяснимого искусственного интеллекта // Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления. 2023. № 2. С. 242-249.
7. Bucur A.-M., Liviu P. Dinu, Detecting Early Onset of Depression from Social Media Text using Learned Confidence Scores. 2020. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2011.01695>.
8. Chao Y. et al. Why Mental Illness Diagnoses Are Wrong: A Pilot Study on the Perspectives of the Public // Frontiers in Psychiatry. 2022. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.860487>.
9. de Mello F.L., de Souza S.A. Psychotherapy and artificial intelligence: A proposal for alignment // Frontiers in Psychology. 2019. No. 10. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00263>.
10. Lin B., Bouneffouf D., Cecchi G. Predicting human decision making in psychological tasks with recurrent neural networks. 2022. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0267907>.

Relevance of integrating artificial intelligence into the process of diagnosing depressive states in persons in the period of maturity

Raishat I. Pogorova

PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy,
Ingush State University,
386001, 7 I. Zyazikova ave., Magas, Russian Federation;
e-mail: pogorova-03@bk.ru

Zara A.-M. Albakova

PhD in Medical Sciences,
Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy,
Ingush State University,
386001, 7 I. Zyazikova ave., Magas, Russian Federation;
e-mail: zara.albakova@yandex.ru

Abstract

The article discusses the possibilities of integrating artificial intelligence into the process of diagnosing depressive states in people in adulthood. Modern conditions create new trends in the development of the analysis of the psychological state of people, and it is worth understanding the effectiveness of existing methods, the impressions of practitioners, to what extent the current conditions change approaches to analyzing the psychological state of a person and finding ideas about how artificial intelligence works and how it can simplify their work and improve results. The results of this study support the concept of using artificial intelligence techniques to diagnose and accelerate the treatment of depressive states in individuals in adulthood. In addition, the study provides a set of criteria that could be used to evaluate the effectiveness of various AI techniques for these purposes. It includes indicators related to accuracy, efficiency, and ethical considerations. An additional result could be a better understanding of the potential advantages and disadvantages of using artificial intelligence in this context, which could inform future researchers and developers in the field.

For citation

Pogorova R.I., Albakova Z.A.-M. (2024) Aktual'nost' integratsii iskusstvennogo intellekta v protsess diagnostiki depressivnykh sostoyanii u lits v period zrelosti [Relevance of integrating artificial intelligence into the process of diagnosing depressive states in persons in the period of maturity]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 201-208. DOI: 10.34670/AR.2024.55.66.024

Keywords

Artificial intelligence, machine learning, depression, depressive state, diagnostics, diagnosis of depressive states in persons in adulthood.

References

1. Bucur A.-M., Liviu P. (2020) Dinu, Detecting Early Onset of Depression from Social Media Text using Learned Confidence Scores. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2011.01695>.
2. Chao Y. et al. (2022) Why Mental Illness Diagnoses Are Wrong: A Pilot Study on the Perspectives of the Public. *Frontiers in Psychiatry*. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.860487>.
3. Davydova V.M., Mansurova G.Sh. (2012) Effektivnost' i bezopasnost' lekarstvennykh preparatov v pediatricheskoi praktike I [Efficacy and safety of drugs in pediatric practice I]. *Prakticheskaya meditsina [Practical Medicine]*, 7-1(62), pp. 9-15.
4. de Mello F.L., de Souza S.A. (2019) Psychotherapy and artificial intelligence: A proposal for alignment. *Frontiers in Psychology*, 10. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00263>.
5. Jyoti Prakash Sahu, Birendra Narayan, En Simple Santi. (2023) Budushchee psikiatrii s iskusstvennym intellektom: mozhet li soyuz cheloveka i mashiny perevernut' paradigmu? [The future of psychiatry with artificial intelligence: can the union of man and machine change the paradigm?]. *Consortium Psychiatricum*, 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushee-psihiatrii-s-iskusstvennym-intellektom-mozhet-li-soyuz-cheloveka-i-mashiny-perevernut-paradigmu> [Accessed 06/02/2024].
6. Kometov A.N. i dr. (2023) Podkhody k avtomatizatsii diagnostiki psikhicheskogo zdorov'ya operatorov ryada professii [Approaches to automating the diagnosis of mental health of operators in a number of professions]. *Psikiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya [Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology]*, 1, pp. 95-104.
7. Korniyukhina S.P., Laponina O.R. (2023) Issledovanie vozmozhnosti algoritmov glubokogo obucheniya dlya zashchity ot fishingovykh atak [Study of the possibility of deep learning algorithms for protection against phishing attacks]. *Mezhdunarodnyi zhurnal otkrytykh informatsionnykh tekhnologii [International Journal of Open Information Technologies]*, 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vozmozhnostey-algoritmov-glubokogo-obucheniya-dlya-zashchity-ot-fishingovykh-atak> [Accessed 06/02/2024].
8. Korzh E.M., Gromova A.V. (2023) Potentsial primeneniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v psikhologii [Potential for the use of artificial intelligence technologies in psychology]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya [System psychology and sociology]*, 2 (46), pp. 60-70.
9. Lin B., Bouneffouf D., Cecchi G. (2022) Predicting human decision making in psychological tasks with recurrent neural networks. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0267907>.
10. Shalilekh S. et al. (2023) Diagnostika tyazhesti simptomov depressii pri pomoshchi ob'yasnimogo iskusstvennogo intellekta [Diagnosis of the severity of depression symptoms using explainable artificial intelligence]. *Doklady Rossiiskoi akademii nauk. Matematika, informatika, protsessy upravleniya [Reports of the Russian Academy of Sciences. Mathematics, computer science, management processes]*, 2, pp. 242-249.

УДК 796.011.3

DOI: 10.34670/AR.2024.43.23.015

Нейрогимнастика как средство психологической подготовки спортсменов-батутистов

Одинцов Александр Сергеевич

Преподаватель,

Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: odintsov1994-94@mail.ru

Аннотация

Современный спорт требует от спортсменов не только физической выносливости, но и превосходной психологической подготовки. Ведь часто именно на уровне ментальных процессов решается исход соревнования. Одним из важных элементов такой подготовки является нейрогимнастика. Нейрогимнастика – это комплекс упражнений, направленных на активизацию работы мозга и повышение его когнитивных функций. Эта методика оказывает положительное влияние на различные аспекты психологического состояния спортсмена: концентрацию, внимание, реакцию, выносливость и т.д. В данной статье мы рассмотрим применение нейрогимнастики как средства психологической подготовки спортсменов-батутистов. Мы изучим основные принципы этой методики и ее эффективность в повышении результативности тренировок и достижении успеха на соревнованиях. Несмотря на то, что нейрогимнастика уже активно используется в практике подготовки спортсменов-батутистов, она по-прежнему нуждается в дальнейших исследованиях и развитии. Необходимо изучить более глубоко влияние нейрогимнастики на психологические аспекты спортивной деятельности и определить наиболее эффективные методы ее применения. В целом, нейрогимнастика является мощным инструментом для психологической подготовки спортсменов-батутистов. Она помогает им развивать не только физические, но и психологические качества, необходимые для достижения успеха в этом сложном виде спорта. Внедрение нейрогимнастики в тренировочный процесс может стать ключевым фактором для повышения результативности спортсменов и достижения новых высот в их карьере.

Для цитирования в научных исследованиях

Одинцов А.С. Нейрогимнастика как средство психологической подготовки спортсменов-батутистов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 209-215. DOI: 10.34670/AR.2024.43.23.015

Ключевые слова

Нейрогимнастика, спортсмен, упражнения, батутист, концентрация.

Введение

В современном спортивном мире все больше внимания уделяется психологической подготовке спортсменов. Она играет ключевую роль в достижении успеха и превосходства в любом виде спорта. Одним из эффективных методов психологической подготовки является нейрогимнастика – комплекс упражнений, направленных на тренировку мозга и активизацию его ресурсов.

Батут – это вид спорта, требующий высокой концентрации, точности движений и быстрой реакции. Занимаясь на батуте, спортсмены сталкиваются с различными стрессами и эмоциональными нагрузками. Поэтому психологическая подготовка имеет особое значение для достижения оптимальных результатов.

Нейрогимнастика представляет собой систему упражнений для тренировки мозга. Ее основная цель – активизация мыслительных процессов, повышение концентрации внимания, улучшение памяти и реакции. Эти навыки являются неотъемлемой частью успеха спортсменов-батутистов.

Одним из основных преимуществ нейрогимнастики является ее доступность и простота выполнения упражнений. Они не требуют специального оборудования и могут выполняться как в зале, так и дома. Кроме того, регулярные тренировки мозга помогают снизить стрессовые состояния и повысить самооценку спортсменов.

Важным аспектом психологической подготовки батутистов является развитие концентрации внимания. Из-за высокой скорости движений на батуте, необходимо быть максимально сфокусированным на выполнении каждого элемента программы. Нейрогимнастика предлагает различные упражнения, направленные на тренировку концентрации внимания: от постановки задач на время до выполнения сложных логических заданий.

Улучшение памяти – еще один важный аспект психологической подготовки батутистов. Ведь каждый элемент программы требует точного запоминания последовательности движений. Нейрогимнастика предлагает специальные упражнения для тренировки памяти, включающие различные ассоциации, мнемонические карты и тесты на запоминание.

Развитие реакции – еще одна ключевая задача психологической подготовки спортсменов-батутистов. Батут – это быстрый и динамичный вид спорта, требующий моментальной реакции на изменения в положении тела и среде. Нейрогимнастика предлагает различные упражнения для тренировки реакции: от быстрой ориентации на изменение цветовых сигналов до выполнения упражнений на координацию движений.

Одной из проблем, с которой сталкиваются спортсмены-батутисты, является стресс. Они испытывают высокую нервно-эмоциональную нагрузку перед соревнованиями и во время выступления. Нейрогимнастика помогает справиться со стрессом, стабилизировать эмоциональное состояние и повысить уровень самоуверенности. Упражнения для тренировки мозга помогают спортсменам сосредоточиться, расслабиться и освободиться от негативных мыслей.

Таким образом, нейрогимнастика является эффективным средством психологической подготовки спортсменов-батутистов. Она помогает развивать концентрацию внимания, улучшать память, тренировать реакцию и справляться со стрессом. Регулярные тренировки мозга позволяют достичь оптимальных результатов и превосходства в данном виде спорта.

Организация и методы исследования

Для проведения исследования о влиянии нейрогимнастики на психологическую подготовку спортсменов-батутистов был выбран экспериментальный метод. Это позволяет получить объективные данные и проверить гипотезу о положительных эффектах нейрогимнастики на ментальное состояние спортсменов.

Участниками исследования стали 30 спортсменов, занимающихся батутным спортом в возрасте от 18 до 25 лет. Они были разделены на две группы: контрольную группу, которая продолжала тренироваться по обычной программе без использования нейрогимнастики, и экспериментальную группу, которая добавила нейрогимнастику в свою тренировочную программу.

Перед началом эксперимента всем участникам был проведен предварительный тест на определение уровня психологической подготовленности. Для этого использовались такие методы, как анкетирование с использованием стандартизированных психологических тестов и опросников. Также было проведено измерение физиологических параметров, таких как пульс, кровяное давление и уровень стресса.

После проведения предварительного тестирования началась тренировка. Контрольная группа продолжала заниматься по обычной программе, которая включала различные физические упражнения на батуте. Экспериментальная группа дополнительно выполняла нейрогимнастические упражнения перед тренировкой на батуте.

Нейрогимнастика состояла из комплекса упражнений для мозга, направленных на активацию различных его функций. В основу нейрогимнастики были положены принципы нейропластичности - способность мозга изменять свою структуру и функции под воздействием нового опыта. Упражнения включали в себя задачи на логику, память, воображение и концентрацию.

Тренировочный процесс продолжался 4 недели. В конце этого периода все участники проходили повторное тестирование для оценки эффективности нейрогимнастики. Результаты сравнивались с предварительными данными и с результатами контрольной группы.

Для анализа полученных данных использовались статистические методы. Было проведено сравнение средних значений показателей между группами и оценка степени статистической значимости этих различий. Также был проведен корреляционный анализ для выявления связей между уровнем психологической подготовленности и физиологическими параметрами.

Результаты исследования показали, что добавление нейрогимнастики в тренировочную программу спортсменов-батутистов приводит к улучшению психологической подготовки. Участники экспериментальной группы имели более высокие показатели на тестах логики, памяти, воображения и концентрации по сравнению с контрольной группой. Кроме того, они также испытывали меньший уровень стресса и более положительные эмоции.

Таким образом, результаты данного исследования подтверждают эффективность нейрогимнастики как средства психологической подготовки спортсменов-батутистов. Это может быть полезным для тренеров и спортсменов при разработке индивидуальных программ тренировок с учетом психологического аспекта. Дальнейшие исследования в этой области могут расширить наше понимание о взаимосвязи между физической и психологической подготовкой спортсменов.

Результаты и обсуждение

Для проведения тренировок по нейрогимнастике использовался специально разработанный комплекс упражнений, включающий такие элементы, как ментальная арифметика, развитие концентрации внимания и воображения, тренировка памяти и логического мышления.

Результаты исследования показали положительное влияние нейрогимнастики на психологическую подготовку спортсменов-батутистов. В ходе тренировок участники группы проявили значительное улучшение концентрации внимания и повышение работоспособности мозга. Они стали более уверенно выполнять сложные элементы батута, что привело к повышению их результатов на соревнованиях.

Особое внимание было уделено тренировке памяти. Результаты показали, что спортсмены, занимающиеся нейрогимнастикой, запоминают последовательности движений лучше и быстрее. Это особенно важно для успешного выполнения сложных элементов батута, где каждое движение должно быть точно рассчитано и запомнено.

Также было обнаружено, что нейрогимнастика положительно влияет на развитие логического мышления спортсменов. Они стали быстрее анализировать ситуации и принимать правильные решения во время выступлений. Это помогает им избежать ошибок и повышает шансы на победу.

Обсуждая полученные результаты, следует отметить, что нейрогимнастика является эффективным инструментом для психологической подготовки спортсменов-батутистов. Ее применение помогает улучшить концентрацию внимания, тренировку памяти и развитие логического мышления, что в свою очередь положительно сказывается на качестве выступлений и результативности спортсменов.

Однако стоит отметить, что нейрогимнастика не является панацеей. Она должна использоваться в комплексе с другими методами психологической подготовки, такими как тренировка стрессоустойчивости и управление эмоциями. Только при сочетании различных методов можно достичь максимального результата.

Заключение

В заключение можно сказать, что нейрогимнастика является эффективным средством психологической подготовки спортсменов-батутистов. Она позволяет развивать качества, необходимые для успешной спортивной деятельности, такие как концентрация внимания, быстрота реакции и решения проблемных задач, а также управление эмоциями.

Нейрогимнастика помогает улучшить мозговую деятельность спортсменов и повысить их результаты на соревнованиях. Она способствует развитию мозговых структур, отвечающих за координацию движений и равновесие, а также улучшает работу межполушарного взаимодействия. Это позволяет батутистам осуществлять сложные элементы акробатики с большей легкостью и точностью.

Кроме того, нейрогимнастика помогает спортсменам более эффективно управлять своими эмоциями. Они становятся менее подверженными стрессу и лучше контролируют свои чувства во время тренировок и соревнований. Это позволяет им сохранять спокойствие и сосредоточенность, что является ключевым фактором для достижения высоких результатов.

Одним из важных аспектов нейрогимнастики является ее доступность и простота выполнения. Многие упражнения можно выполнять дома или на тренировочном занятии без специального оборудования. Они не требуют больших временных затрат и могут быть индивидуализированы под потребности каждого спортсмена.

Важно отметить, что нейрогимнастика должна быть включена в общую систему тренировки батутистов, чтобы они могли полностью осознать свои возможности и развить все необходимые качества для успешной спортивной деятельности. Она должна стать неотъемлемой частью психологической подготовки спортсменов, помогая им достигать новых высот в своей карьере.

Несмотря на то, что нейрогимнастика уже активно используется в практике подготовки спортсменов-батутистов, она по-прежнему нуждается в дальнейших исследованиях и развитии. Необходимо изучить более глубоко влияние нейрогимнастики на психологические аспекты спортивной деятельности и определить наиболее эффективные методы ее применения.

В целом, нейрогимнастика является мощным инструментом для психологической подготовки спортсменов-батутистов. Она помогает им развивать не только физические, но и психологические качества, необходимые для достижения успеха в этом сложном виде спорта. Внедрение нейрогимнастики в тренировочный процесс может стать ключевым фактором для повышения результативности спортсменов и достижения новых высот в их карьере.

Библиография

1. Антонишина Е.Н. Игры с мячом как средство физического развития и оздоровления детей // Инструктор по физкультуре. 2012. 4. С. 26-30.
2. Бальсевич В.К. Активизация темпов физического развития детей 4-5-летнего возраста: В помощь воспитателю // Физкультура: воспитание, образование, тренировка. 1996. 3. С. 55-56.
3. Ванюшин Ю.С. и др. Критерии биологической надежности растущего организма и взрослых спортсменов // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2019. 14 (2). С. 150-156.
4. Горелик В.В. Новая физкультура в школе: коррекционно-оздоровительное использование физиологических показателей учащихся как маркеров нарушений физического развития и здоровья // Человек. Спорт. Медицина. 2019. Т. 19. 1. С. 42-49.
5. Грызлова Л.В., Адушкин А.М., Ломайкина Ж.Ю. Физическое развитие детей младшего школьного возраста и профилактика нарушения осанки // В мире научных открытий. 2010. 4-14 (10). С. 86-87.
6. Доронцев А.В. и др. Президентские состязания в рамках физкультурно-оздоровительных занятий с учащимися VI – VII классов // Физическая культура в школе. 2019. № 3. С. 22-29.
7. Доронцев А.В. и др. Прогнозирование динамики уровня функциональной и физической подготовленности у студентов подготовительной медицинской группы // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 1 (191). С. 68-73.
8. Доронцев А.В., Ермолина Н.В., Зинчук Н.А. Актуальность интеграции секционных занятий видами спорта в общеобразовательное пространство средней школы // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 1 (167). С. 98-102.
9. Карпов В.Ю. и др. Повышение результативности легкоатлетических тестов заданий комплекса ГТО у студентов на основе рационального подхода тренировочных средств // Теория и практика физической культуры. 2021. № 6. С. 39-40.
10. Сероштан Е.Ю., Безкаравайный Б.А. Особенности физического здоровья детей младшего школьного возраста с нарушением осанки // Университетская клиника. 2020. 1 (34). С. 43-46.

Neurogymnastics as a means of psychological preparation of trampoliner athletes

Aleksandr S. Odintsov

Lecturer,

Astrakhan State Medical University,

414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation;

e-mail: odintsov1994-94@mail.ru

Abstract

Modern sport requires athletes not only to have physical endurance, but also to have excellent psychological preparation. After all, it is often at the level of mental processes that the outcome of a competition is decided. One of the important elements of such training is neurogymnastics. Neurogymnastics is a set of exercises aimed at activating the brain and increasing its cognitive functions. This technique has a positive effect on various aspects of the athlete's psychological state: concentration, attention, reaction, endurance, etc. In this article we will consider the use of neurogymnastics as a means of psychological training for trampoline athletes. We will explore the basic principles of this technique and its effectiveness in improving training performance and achieving success in competitions. Despite the fact that neurogymnastics is already actively used in the practice of training trampoline athletes, it still needs further research and development. It is necessary to study more deeply the influence of neurogymnastics on the psychological aspects of sports activity and determine the most effective methods of its use. In general, neurogymnastics is a powerful tool for the psychological preparation of trampoline athletes. It helps them develop not only physical, but also psychological qualities necessary to achieve success in this difficult sport. The introduction of neurogymnastics into the training process can be a key factor in increasing the performance of athletes and achieving new heights in their careers.

For citation

Odintsov A.S. (2024) Neurogimnastika kak sredstvo psikhologicheskoi podgotovki sportsmenov-batutistov [Neurogymnastics as a means of psychological preparation of trampolians athletes]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 209-215. DOI: 10.34670/AR.2024.43.23.015

Keywords

Neurogymnastics, athlete, exercises, trampoline player, concentration.

References

1. Antonishina E.N. (2012) Iгры s myachom kak sredstvo fizicheskogo razvitiya i ozdorovleniya detei [Ball games as a means of physical development and health improvement for children]. *Instruktor po fizkul'ture* [Physical education instructor], 4, pp. 26-30.
2. Bal'sevich V.K. (1996) Aktivizatsiya tempov fizicheskogo razvitiya detei 4-5-letnego vozrasta: V pomoshch' vospitatel'yu [Activation of the pace of physical development of children 4-5 years of age: To help the teacher]. *Fizkul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka* [Physical education: upbringing, teaching, training], 3, pp. 55-56.
3. Dorontsev A.V. et al. (2019) Prezidentskie sostyazaniya v ramkakh fizkul'turno-ozdorovitel'nykh zanyatii s uchashchimisya VI – VII klassov [Presidential competitions within the framework of physical education and health classes with students of grades VI – VII]. *Fizicheskaya kul'tura v shkole* [Physical culture at school], 3, pp. 22-29.
4. Dorontsev A.V. et al. (2021) Prognozirovaniye dinamiki urovnya funktsional'noi i fizicheskoi podgotovlennosti u studentov podgotovitel'noi meditsinskoi gruppy [Forecasting the dynamics of the level of functional and physical fitness among students of the preparatory medical group]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [News of the Lesgaft University], 1 (191), pp. 68-73.
5. Dorontsev A.V., Ermolina N.V., Zinchuk N.A. (2019) Aktual'nost' integratsii sektiionnykh zanyatii vidami sporta v obshcheobrazovatel'noe prostranstvo srednei shkoly [The relevance of integrating sectional sports classes into the general educational space of secondary school]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [News of the Lesgaft University], 1 (167), pp. 98-102.
6. Gorelik V.V. (2019) Novaya fizkul'tura v shkole: korrektsionno-ozdorovitel'noe ispol'zovanie fiziologicheskikh pokazatelei uchashchikhsya kak markerov narusheniya fizicheskogo razvitiya i zdorov'ya [New physical education at school: correctional and health-improving use of physiological indicators of students as markers of disorders of physical development and health]. *Chelovek. Sport. Meditsina* [Man. Sport. Medicine], 19, 1, pp. 42-49.

7. Gryzlova L.V., Adushkin A.M., Lomaikina Zh.Yu. (2010) Fizicheskoe razvitie detei mladshego shkol'nogo vozrasta i profilaktika narusheniya osanki [Physical development of children of primary school age and prevention of posture disorders]. *V mire nauchnykh otkrytii* [In the world of scientific discoveries], 4-14 (10), pp. 86-87.
8. Karpov V.Yu. et al. (2021) Povyshenie rezul'tativnosti legkoatleticheskikh testov zadaniy kompleksa GTO u studentov na osnove ratsional'nogo podkhoda trenirovochnykh sredstv [Increasing the effectiveness of athletics tests of tasks of the GTO complex among students based on a rational approach to training means]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury* [Theory and practice of physical culture], 6, pp. 39-40.
9. Seroshtan E.Yu., Bezkaravainyi B.A. (2020) Osobennosti fizicheskogo zdorov'ya detei mladshego shkol'nogo vozrasta s narusheniem osanki [Features of the physical health of children of primary school age with poor posture]. *Universitetskaya klinika* [University clinic], 1 (34), pp. 43-46.
10. Vanyushin Yu.S. et al. (2019) Kriterii biologicheskoi nadezhnosti rastushchego organizma i vzroslykh sportsmenov [Criteria for the biological reliability of a growing organism and adult athletes]. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoi kul'tury i sporta* [Pedagogical-psychological and medical-biological problems of physical culture and sports], 14 (2), pp. 150-156.

УДК 37.013

DOI: 10.34670/AR.2024.22.93.030

Формирование нравственно-эстетической культуры личности будущего юриста в образовательном пространстве вуза

Ладыкина Татьяна Александровна

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры общеобразовательных дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: ladykina@mail.ru

Аннотация

В статье показаны перспективы использования инновационных методов обучения как средства формирования нравственно-эстетической культуры личности будущего юриста. Профессиональная деятельность юриста имеет публичный характер, нередко связана с осуществлением государственной службы поэтому от юриста требуется безупречная деловая репутация, следование нравственным нормам, общая высокая духовно-эстетическая культура личности. В настоящее время педагогическое сообщество находится в поиске новых подходов к процессу воспитания в целом, в том числе изучает возможности интерактивных методов обучения для формирования нравственно-эстетической культуры обучающихся. Юрист должен обладать такими моральными качествами как патриотизм, ответственность, беспристрастность, справедливость, ему необходимо действовать честно, строго в соответствии с законом и независимо от чужого негативного влияния. Над организацией нравственного воспитания преподавательскому сообществу необходимо тщательно работать, привлекая современные педагогические методики. К таким методам относятся кейс-технология, метод проектов, социально-психологические тренинги, профориентационные встречи с практикующими юристами. В статье приводятся различные конкретные примеры использования данных методов на занятиях. Автор статьи анализирует понятие эстетическая культура личности, обращается к ее различным аспектам: эстетический вкус, эстетические идеалы, эстетическое сознание и творческая деятельность. Наиболее эффективными в деле формирования эстетической культуры личности студента-юриста автору представляются такие методы как: лекция-визуализация, виртуальные экскурсии, скрайбинг-технологии, методы театральной педагогики.

Для цитирования в научных исследованиях

Ладыкина Т.А. Формирование нравственно-эстетической культуры личности будущего юриста в образовательном пространстве вуза // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 216-224. DOI: 10.34670/AR.2024.22.93.030

Ключевые слова

Нравственно-эстетическая культура, юридическое образование, нравственные качества личности, моральный облик юриста, эстетическое развитие, интерактивные методы обучения, педагогика.

Введение

На современном этапе развития российского общества в условиях формирования централизованной федеративной системы государственной власти и значительного увеличения объемов государственно-правового регулирования внимание общества нередко обращено к государственным служащим и юристам. Часто юрист в глазах общественности – это тот субъект, который представляет государственную власть, он наделен особыми полномочиями защищать интересы граждан, государства, общества от различного рода незаконных посягательств. Профессиональная деятельность следователя, судьи, прокурора, полицейского сопряжена с осуществлением властных полномочий, решения принимаемые такого рода специалистами способны оказать серьезное влияние на жизнь конкретных людей, их судьбу, благополучие. Именно поэтому от юриста требуется не только четкое знание конкретных законов и системы права в целом, но и обладание нравственными качествами, следование нормам морали, общая духовно-эстетическая культура личности. В силу публичности своей профессии правоведам необходимо быть примером, высоким авторитетом для других людей, а юридическому сообществу в целом необходимо постоянно заботиться о поддержании престижа профессии, борясь с различного рода нарушениями служебной этики и воспитывая новых специалистов, будущих юристов. Задача формирования гармонично развитой личности будущего юриста стоит весьма остро поскольку в нынешних социокультурных реалиях молодежь плохо ориентируется в культурных традициях, создаваемые многими поколениями людей, в классических и современных произведениях искусства, то есть своего рода «золотом фонде» мировой художественной культуры, она недостаточно нравственно развита, стереотипно мыслит, не знакома с этическими и философскими концепциями прошлого и настоящего, нередко демонстрирует проявления морального нигилизма. Решать эту трудную задачу, наряду с другими социальными институтами, предстоит образовательным учреждениям посредством преподавания дисциплин социально-гуманитарного и художественно-эстетического цикла, а также разнообразной внеучебной воспитательной работы. В образовательном пространстве вуза закономерно происходит не только интеллектуальное, но и нравственно-эмоциональное, эстетическое развитие личности, приобщение к мировым духовным ценностям, формирование навыков творческой деятельности. В последние годы в педагогике идет усиленный поиск новых, отвечающих времени, подходов к процессу воспитания в средних и высших учебных заведениях в целом, и новых подходов к формированию нравственно-эстетической культуры, в частности. Такой исследовательский поиск новой парадигмы воспитания имеет междисциплинарный характер, поскольку происходит на стыке педагогики, психологии, философской антропологии.

Таким образом, исследование содержания нравственной-эстетической культуры личности, способов ее формирования у студента-юриста представляется актуальным и нуждающемся в разработке. Целью работы является выявление и анализ содержания таких элементов образовательного процесса, а именно педагогических методов, технологий, видов и форм обучения, которые позволяют сформировать нравственно-эстетическую культуру личности

будущего юриста. Объект исследования – учебный процесс в вузе, а предмет – влияние образовательного пространства вуза на формирование нравственно-эстетической культуры личности.

Основная часть

Нравственные и эстетические качества личности имеют социальную основу, они формируются и видоизменяются на протяжении всей жизни в процессе социализации. Однако именно в юном возрасте, совпадающем со временем обучения в школе и вузе, закладываются основы – формируется мотивационная сфера, нравственные и эстетические ориентации, жизненные ценности, мировоззрение индивида в целом. Этим обусловлены важные задачи нравственного и эстетического воспитания, стоящие перед образовательными учреждениями. В формировании всесторонне развитой личности нравственному и эстетическому воспитанию должна быть отведена главенствующая роль. Обладание нравственно-эстетической культурой очень важно, она определяет духовный облик человека, задает его интеллигентность, честность, порядочность, благородство.

Нравственное развитие будущего юриста прямо зависит от того, какие этические нормы общественной сознания будут восприняты и освоены индивидуальным сознанием студента в образовательном пространстве вуза. И хотя процесс воспитания начинается очень рано, в семье, дошкольных и школьных образовательных учреждениях, но именно вузу предстоит закладывать основы профессиональной морали будущего специалиста. Будущему юристу предстоит не только постигнуть общие принципы права, знать текущие законодательные акты, особенности различных отраслей права, ему необходимо сформироваться как нравственной личности, прочно усвоившей принципы гуманизма, справедливости, законности, научиться в профессиональной деятельности действовать честно, ответственно, быть беспристрастным и независимым от чужого негативного влияния. Юрист должен обладать безупречной деловой репутацией, ему должны быть присущи такие моральные качества как патриотизм, скромность, требовательность по отношению к себе, ответственность, благородство в мыслях и поступках и многие другие. Однако, как вузу воспитать такого специалиста? Значительное количество научно-исследовательских публикаций, посвященных проблематике юридической этики прямо свидетельствует о том, что проблема формирования нравственной культуры будущего юриста является актуальной. Преподавательское сообщество находится в поиске таких педагогических приемов и технологий, воздействующих на сознание обучающихся, которые позволят сделать нравственное воспитание в вузе действительно эффективным, достигающим поставленных целей [Ондар, Монгуш, 2011]. К сожалению, нередко традиционная педагогика впадала в сократовский этический рационализм, то есть считала, что достаточно студента познакомить с этическими концепциями прошлого, дать знания о том, что морально, а дальше студент сам начнет в практической деятельности действовать надлежащим образом. Однако над организацией нравственного воспитания необходимо тщательно работать, привлекая инновационные педагогические методы.

Одним из таких новых активных методов обучения является кейс-технология – метод анализа ситуационных задач из будущей профессиональной деятельности [Трапезникова, 2015]. Как правило, у ситуации, вынесенной на рассмотрение нет одного единственно правильного решения, при решении таких задач в области юридической этики студенту требуется не только показать знания и широту кругозора, но осуществить моральный выбор, подчас трудный, в пользу того или иного варианта поведения. Кейсы могут быть составлены преподавателем в

рамках курсов «Этика», «Профессиональная этика», «Юридическая этика» по проблемам профессиональной (служебной) тайны, соотношения целей и средств в деятельности юриста, проблеме конфликта служебных и личный интересов в профессиональной деятельности и другим актуальным вопросам адвокатской, прокурорской, судебной этики. Кейс-метод учит студентов на примере конкретных случаев принимать профессиональные решения по сложным с позиций морали вопросам и действовать в дальнейшем на основе принятых решений.

Метод проектов, понимаемый в отечественной педагогике как углубленная разработка определенной темы исследования, завершающаяся определенным практическим результатом, также может послужить делу нравственного формирования студента-юриста [Маланов, Бальжиев, 2017]. Подготовка учебных проектов студентами может их побудить к самостоятельному изучению различных тем, таких как, например: моральный выбор юриста, нравственные качества юриста, юридическая деонтология, моральный климат служебного коллектива, профессионально-нравственная деформация и др. Результатом проектной работы могут быть составленные учащимися кодексы этики различных специалистов в области права или подготовленное и исполненное студентами «Судебное заседание», где студенты примеряют на себя различные юридические профессии.

Еще один активный метод обучения – социально-психологический тренинг. Главная цель такого тренинга – повышение компетентности в общении, формирование практических навыков поведения в профессиональном общении. Тренинг построенный на основе деловой или ролевой игры, имитирующую процессы коммуникации в будущей профессиональной деятельности позволит в практической ситуации студентам продемонстрировать знания этикета и этики делового общения.

Профориентационные встречи с уже практикующими юристами как педагогическая технология могут применяться как непосредственно в рамках учебных занятий по специальным правовым дисциплинам, так и во внеучебное время будучи частью общей воспитательной работы, проводимой вузом [Галицких, Двоглазов, 2022]. Такие встречи для студента имеют важный мотивирующий характер. Успешный юрист-профессионал служит для студента наглядным примером самореализации, примером для подражания и стимулирует его к овладению профессиональным мастерством, которое включает в себя как специальные знания, так и неукоснительное следование высоким моральным стандартам юридической профессии.

Эстетическое развитие понимается в педагогике как процесс формирования способности личности к эмоционально-образному восприятию и эстетическому отношению к окружающей действительности [Гончарова, Кретинина, 2022]. Одним из проявлений эстетического развития личности считается эстетический вкус. Содержание понятия «эстетический вкус» можно раскрыть как умение личности через взаимодействие с окружающей природой видеть прекрасное, ощущать гармонию с миром. Эстетическое отношение к природе, к другим людям, к повседневной жизни к произведениям искусства, пробуждает ум, чувства, содействует развитию фантазии, воображению, творческого начала. Чувство прекрасного, эстетический вкус неотделимы от эстетических идеалов, которые воплощают представления людей о красоте. Эстетические идеалы исторически изменчивы, они зависят от конкретной эпохи, столетия, от политического и социально-экономического состояния общества. Будучи идеальными образами в сознании человека, они ориентируют личность на поиски прекрасного в реальном мире. Эстетическое развитие личности не должно иметь случайный или стихийный характер, оно должно стать итогом или результатом целенаправленного воспитательного воздействия. В научной литературе под эстетическим воспитанием понимается специально организованный многосоставный процесс, направленный на развитие эстетической культуры

личности, реализацию ее творческого потенциала. Выдающийся отечественный педагог В.А. Сухомлинский, подчеркивая связь эстетических и нравственных начал личности, писал, что красота – это кровь и плоть человечности, добрых чувств, сердечных отношений, могучий источник нравственной чистоты, духовного богатства [Сухомлинский, 1980].

Хотя различные аспекты эстетической культуры личности были предметом анализа еще в философских концепциях древнегреческих философов, но они продолжают оставаться актуальными исследовательскими проблемами в настоящее время в педагогической психологии. Эстетическая культура носителем которой выступает отдельный субъект – это сложное поликомпонентное образование [Эргашев, 2019]. Изучение эстетической культуры личности позволяет выделить в ее структуре ряд взаимосвязанных элементов, основными из которых являются эстетическое сознание и эстетическая деятельность. Эстетическое сознание, в свою очередь, включает в себя содержательную и мотивационную стороны. Эстетические образы, взгляды, впечатления, установки, оценки представляют его содержание. А эстетическое отношение, потребности, интересы, идеалы образуют мотивационную область эстетического сознания. Эстетическая деятельность воплощается в практической сфере и позволяет реализовать усвоенные ценностные ориентации в разных сферах: в художественном творчестве, труде, в повседневной и жизни. Эстетическая культура личности многообразна, она выражается в специальных знаниях личности, ценностных ориентациях и принципах поведения, в эстетических способностях, имеющих творческую направленность, в эмоциональной и нормативной саморегуляции поведения личности [Радугин, 1998].

Вуз может использовать в целях воспитания эстетической культуры личности возможности различных учебных дисциплин, особенно мировой художественной культуры (МХК), литературы, философии, культурологии, истории, имеющих не только большую познавательную, но и воспитательную ценность.

Преподавание курсов мировой художественной культуры, культурологии и истории является краеугольным камнем эстетической подготовки студентов. Важнейшим способом приобщения современных студентов к прекрасному становится изучение объектов художественного творчества разных исторических эпох и цивилизаций. «Насмотренность» возникающая при знакомстве с произведениями искусства воспитывает утонченный эстетический вкус, вовлекает в мир образов, смыслов, чувств. Для этого могут быть использованы как традиционные методы преподавания, например, лекции и семинары, так и относительно новые интерактивные. В настоящее время педагогика разработала целый арсенал методических средств и приемов, позволяющих эффективно воздействовать на механизмы восприятия обучающихся, мотивировать их к осознанной и активной учебной деятельности при изучении данных предметов. К ним следует отнести лекции-визуализации, посещение виртуальных музеев, виртуальные экскурсии, скрайбинг-технологии, в том числе видеоскрайбинг и др. [Ладыкина, Галкин, Кулагина, 2023]. Особое место здесь занимает театральная педагогика. Представить и воплотить в жизнь художественные образы можно средствами театра. Студенческие театральные постановки спектаклей и музыкально-художественных композиций позволяет студентам самореализоваться, приобрести ценный личный опыт творческой деятельности на сцене. Театральная деятельность, становясь частью студенческой жизни, учит сопереживать, развивает эмоциональную сферу личности, воспитывает ненавязчиво, исподволь, но эффективно, донося до субъекта те истины, которые он, только прочитав в книге или услышав в лекционной аудитории, наверняка оставил бы без внимания. Театр одновременно воздействует на нравственные установки личности и на уровень ее эстетической культуры, это универсальное средство. Знакомство с театральной деятельностью

для студента – это одновременно знакомство с разными видами искусства: изобразительным искусством, которое представлено в декорациях, с поэзией и прозой, с хореографическим искусством и музыкой. Сила положительного воздействия театральных кружков при высших учебных заведениях на студенческое сообщество, и участвующее в таких постановках и выступающее в качестве зрителей, очень велика. Атмосфера праздника, связанная с театром, развлекательность и зрелищность вызывают повышенное внимание у молодежи, но вместе с тем, театр, обращаясь к «вечным» темам любви, благородства, чести, дружбы, смысла жизни учит и воспитывает студентов [Стаина, 2020].

Циклу языковых дисциплин и литературе также принадлежит существенная роль в формировании духовного мира личности. Художественная литература открывает студентам особенный мир переживаний и поступков героев, формирует идеалы прекрасного, развивает нравственные ориентиры, задает высокий уровень речевой культуры читателя. Не читая, личность не сможет развиваться. Литература не просто знакомит с другими эпохами, людьми, их характерами, жизненными ситуациями, то есть расширяет кругозор, она одновременно с этим воспитывает и прививает эстетический вкус. Произведения великих писателей учат пониманию добра и зла, прививают моральные ценности, показывают красоту природы, искусства, повседневной бытовой жизни людей. Языковые учебные курсы, например, «Русский язык и культура речи» помогают освоить студенту различные знания и навыки, в том числе умение правильно и эстетически выдержанно стоять свою профессиональную устную и письменную речь. Развитые коммуникативно-речевые компетенции – это значительная часть нравственно-эстетической культуры личности. Организуя занятия по языковым дисциплинам и литературе с использованием интерактивных методов (ролевые игры, различные виды дискуссии, подготовка учащимися эссе и т.п.). преподаватель эффективнее достигает педагогических целей, создает возможности для индивидуального и группового творчества и самореализации студентов.

Изучение студентами учебного курса «Философия» (и ряда смежных учебных дисциплин) является важной частью образовательного процесса, формирующей общую культуру личности. Осмысление философских концепций прошлого и настоящего развивает внутренний мир человека, помогает найти смысл жизни, учит оценивать явления социальной реальности с позиций нравственных и эстетических ценностей. Преподавание философского курса необходимо строить таким образом, чтобы способствовать рефлексии у студентов, развивать способности к философскому рассуждению, ставить дискуссионные вопросы и мотивировать обучающихся на поиск их решения. В последнее время отечественные преподаватели философии, помимо использования традиционных хорошо зарекомендовавших себя методов учебной деятельности, перенимают зарубежную традицию проведения «занятий-чтений», то есть таких занятий, в которых педагог и студенты концентрируют свое внимание на чтении, изучении, комментировании того или иного конкретного философского текста. Такая новая форма организации занятий вызывает отклик, живой интерес к философскому знанию и поощряет развитие собственной точки зрения по поводу важных философских вопросов [Кондратьева, 2018].

Заключение

В заключении следует отметить, что отличительной особенностью современного образовательного процесса является его ярко выраженная гуманистическая направленность. Как хорошо известно, гуманизация образования выражается во внимании к индивидуальным

особенностям личности, создание особых благоприятных условий для раскрытия потенциала ученика, четкой ориентации педагогики на систему нравственных ценностей. Каждый обучающийся – это свободная, многогранная личность, способная самостоятельно выбирать этические и эстетические ценности, имеющая возможности к самоопределению в царстве культуры. В соответствии с данной тенденцией образования актуальным становится формирование у студента, будущего юриста нравственно-эстетической культуры, обеспечивающей высоко моральное, ценностное отношение к окружающим, развитие способности воспринимать красоту и воплощать ее в своей деятельности, поступать в соответствии с усвоенными нравственными нормами.

Библиография

1. Галицких Е.О., Двоглазов В.В. Профорориентационный проект «Образовательные встречи с педагогами-профессионалами»: опыт реализации и перспективы внедрения // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 2 (144). С. 66-73.
2. Гончарова Н.А., Кретинина Г.В. Понятие «эстетическое воспитание» в аспекте педагогических исследований // Наука и образование. 2022. № 3. Том 5. С. 33.
3. Кондратьева С.Б. Преподавание философии в вузе: проблемы, прогнозы, перспективы // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 122-131.
4. Ладыкина Т.А., Галкин В.Н., Кулагина Е.О. Визуализация художественных образов в изучении курса «Мировая художественная культура» // Научный аспект. 2023. № 9. Т. 1. С. 69-80.
5. Маланов И.А., Бальжиев Б.А. Проектная деятельность как средство профессиональной подготовки будущих юристов // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. Вып. 4. С. 80-84.
6. Ондар Н.А., Монгуш А.Л. Формирование нравственных качеств у будущих юристов в образовательном процессе // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 11. С. 197-201.
7. Радугин А.А. Эстетика. М.: Центр, 1998. 240 с.
8. Стаина О.А. Возможности современных форм театрального искусства как эффективных методов обучения и воспитания // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. № 1 (5). С. 107-113.
9. Сухомлинский В.А. Избранные произведения. Т. 5. Статьи. Киев, 1980. 678 с.
10. Трапезникова Т.Н. Новейшие педагогические технологии: кейс метод (метод ситуационного анализа) // Территория науки. 2015. № 5. С. 52-59.
11. Эргашев Р.Н. Эстетическая культура личности: сущность, функции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2019. № 2. С. 151-155.

Formation of the moral and aesthetic culture of the personality of the future lawyer in the educational space of the university

Tat'yana A. Ladykina

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General Educational Disciplines,
North Caucasian Branch,
Russian State University of Justice,
350020, 234, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: ladykina@mail.ru

Abstract

The article shows the prospects of using innovative teaching methods as a means of forming the moral and aesthetic culture of the personality of a future lawyer. The professional activity of a lawyer

is of a public nature, often associated with the exercise of public service, therefore, an impeccable business reputation, adherence to moral standards, and a general high spiritual and aesthetic culture of the individual are required from a lawyer. Currently, the pedagogical community is in search of new approaches to the process of education in general, including exploring the possibilities of interactive teaching methods for the formation of moral and aesthetic culture of students. A lawyer must possess such moral qualities as patriotism, responsibility, impartiality, justice, he must act honestly, strictly in accordance with the law and regardless of other people's negative influence. The teaching community needs to work carefully on the organization of moral education, using modern pedagogical methods. Such methods include case technology, project method, socio-psychological trainings, career guidance meetings with practicing lawyers. The article provides various specific examples of the use of these metrics in the classroom. The author of the article analyzes the concept of aesthetic culture of a person, addresses its various aspects: aesthetic taste, aesthetic ideals, aesthetic consciousness and creative activity. The author considers such methods as: lecture-visualization, virtual excursions, scribing technologies, methods of theatrical pedagogy to be the most effective in forming the aesthetic culture of the personality of a law student.

For citation

Ladykina T.A. (2024) Formirovanie nravstvenno-esteticheskoi kul'tury lichnosti budushchego yurista v obrazovatel'nom prostranstve vuza [Formation of the moral and aesthetic culture of the personality of the future lawyer in the educational space of the university]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 216-224. DOI: 10.34670/AR.2024.22.93.030

Keywords

Moral and aesthetic culture, legal education, moral qualities of a person, the moral image of a lawyer, aesthetic development, interactive teaching methods, pedagogy.

References

1. Ergashev R.N. (2019) Esteticheskaya kul'tura lichnosti: sushchnost', funktsii [Aesthetic culture of personality: essence, functions]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University], 2, pp. 151-155.
2. Galitskikh E.O., Dvoeglazov V.V. (2022) Proforientatsionnyi proekt «Obrazovatel'nye vstrechi s pedagogami-professionalami»: opyt realizatsii i perspektivy vnedreniya [Career guidance project “Educational meetings with professional teachers”: experience of implementation and prospects for implementation]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University], 2 (144), pp. 66-73.
3. Goncharova N.A., Kretinina G.V. (2022) Ponyatie «esteticheskoe vospitanie» v aspekte pedagogicheskikh issledovaniy [The concept of “aesthetic education” in the aspect of pedagogical research]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education], 3, 5, p. 33.
4. Kondrat'eva S.B. (2018) Prepodavanie filosofii v vuze: problemy, prognozy, perspektivy [Teaching philosophy at university: problems, forecasts, prospects]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 4, pp. 122-131.
5. Ladykina T.A., Galkin V.N., Kulagina E.O. (2023) Vizualizatsiya khudozhestvennykh obrazov v izuchenii kursa «Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura» [Visualization of artistic images in the study of the course “World Art Culture”]. *Nauchnyi aspekt* [Scientific aspect], 9, 1, pp. 69-80.
6. Malanov I.A., Bal'zhiev B.A. (2017) Proektnaya deyatel'nost' kak sredstvo professional'noi podgotovki budushchikh yuristov [Project activity as a means of professional training for future lawyers]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 4, pp. 80-84.
7. Ondar N.A., Mongush A.L. (2011) Formirovanie nravstvennykh kachestv u budushchikh yuristov v obrazovatel'nom protsesse [Formation of moral qualities in future lawyers in the educational process]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 11, pp. 197-201.

8. Radugin A.A. (1998) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Tsentr Publ.
9. Staina O.A. (2020) Vozможnosti sovremennykh form teatral'nogo iskusstva kak effektivnykh metodov obucheniya i vospitaniya [Possibilities of modern forms of theatrical art as effective methods of teaching and education]. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya* [Innovative development of professional education], 1 (5), pp. 107-113.
10. Sukhomlinskii V.A. (1980) *Izbrannye proizvedeniya. T. 5. Stat'i* [Selected works. Vol. 5. Articles]. Kiev.
11. Trapeznikova T.N. (2015) Noveishie pedagogicheskie tekhnologii: keis metod (metod situatsionnogo analiza) [The latest pedagogical technologies: case method (method of situational analysis)]. *Territoriya nauki* [Territory of Science], 5, pp. 52-59.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.58.37.008

Психологическая диагностика перетренированности и эмоционального выгорания в спорте

Одинцова Мария Олеговна

Старший преподаватель,
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: knopka55555@mail.ru

Аннотация

В современном спорте все большую значимость приобретает не только физическая подготовка, но и психологическое состояние спортсмена. Уровень стресса, эмоционального выгорания и перетренированности может иметь серьезное влияние на успех спортсмена и его полноценную жизнь за пределами тренировочных площадок. Понимание этих явлений и разработка методов их диагностики становятся все более актуальными задачами для практической психологии в спорте. Для успешного управления перетренированностью и эмоциональным выгоранием необходима точная диагностика данных явлений. Психологическая диагностика позволяет определить уровень стресса, оценить физическое и эмоциональное состояние спортсмена, а также прогнозировать возможные последствия негативного воздействия тренировок на его здоровье и результаты соревнований. В данной статье мы рассмотрим основные методы психологической диагностики перетренированности и эмоционального выгорания в спорте, а также обсудим возможные пути предотвращения и лечения данных состояний.

Для цитирования в научных исследованиях

Одинцова М.О. Психологическая диагностика перетренированности и эмоционального выгорания в спорте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 225-230. DOI: 10.34670/AR.2024.58.37.008

Ключевые слова

Эмоциональное выгорание, спорт, психологическая диагностика, перетренированность, физическая активность.

Введение

Современный спорт требует от спортсменов максимальных физических и психологических усилий. Необходимость достижения высоких результатов, постоянные тренировки и соревнования могут привести к перетренированности и эмоциональному выгоранию, что негативно сказывается на здоровье и спортивной карьере [Бальсевич, 1996]. Психологическая диагностика этих состояний является важным инструментом для определения проблем и разработки стратегий предотвращения или лечения.

Основная часть

Перетренированность – это состояние, характеризующееся устойчивым снижением работоспособности организма при сохранении или даже увеличении нагрузок. Она может возникать в результате недостаточного времени для восстановления после тренировок, частых и интенсивных тренировочных сессий без должного режима отдыха, а также из-за неправильной организации тренировочного процесса. При перетренированности спортсмен испытывает слабость, снижение физической выносливости, нарушение сна, изменение аппетита, раздражительность и эмоциональную нестабильность.

Эмоциональное выгорание – это состояние, характеризующееся эмоциональным и физическим истощением, связанным с длительным стрессом и перегрузкой. Оно может возникать из-за постоянного напряжения, тревоги и недостатка времени для отдыха. Спортсмены, страдающие от эмоционального выгорания, испытывают чувство безнадежности, равнодушия к спорту, ухудшение памяти и концентрации внимания, а также повышенную раздражительность [Горелик, 2019].

Психологическая диагностика перетренированности и эмоционального выгорания в спорте является сложным процессом, требующим комплексного подхода. Для определения наличия данных состояний используются различные методы и инструменты. Одним из самых распространенных методов является анкетирование с использованием специально разработанных шкал оценки перетренированности или эмоционального выгорания. Эти шкалы позволяют оценить уровень симптомов и выявить наличие данных состояний.

Однако, диагностика перетренированности и эмоционального выгорания не может быть основана только на анкетировании. Важным компонентом является беседа с спортсменом, наблюдение за его поведением и эмоциональными реакциями [Доронцев, Ермолина, Зинчук, 2019]. Психолог должен учесть все факторы, которые могут влиять на психическое состояние спортсмена, такие как тренировочная нагрузка, социальная поддержка, стратегии справления со стрессом и т.д. [Карпов В.Ю., Еремин М.В., Разживин О.А., Доронцев, 2021].

Основное содержание

Для проведения психологической диагностики перетренированности и эмоционального выгорания в спорте существует несколько организаций и методов исследования. В данном подразделе мы рассмотрим некоторые из них.

Одной из основных организаций, занимающейся исследованием этой проблематики, является Американская ассоциация спортивной психологии (Association for Applied Sport Psychology). Она сотрудничает со специалистами по психологической диагностике и разрабатывает стандартные процедуры для определения перетренированности и эмоционального выгорания у спортсменов. Эти методы включают использование опросников, интервью, наблюдение за поведением спортсменов и другие техники.

Один из наиболее распространенных методов диагностики перетренированности - Профессиональный инвентарь перетренированности (Professional Overtraining Inventory), разработанный Дэвидом МакЛелландом (David McLelland) и его коллегами. Этот инструмент представляет собой серию вопросов, направленных на определение физических, психологических и поведенческих симптомов перетренированности. Результаты этого инвентаря позволяют специалистам оценить степень риска развития перетренированности у спортсмена.

Другой известный метод диагностики эмоционального выгорания - Метод определения синдрома выгорания (Burnout Syndrome Scale), разработанный Кристиной Маслач (Christina Maslach) и ее коллегами. Этот метод основан на использовании вопросника, который позволяет оценить уровень эмоционального выгорания у спортсмена. Вопросник содержит вопросы, относящиеся к трех основным аспектам: истощение, цинизм и профессиональная неэффективность.

Однако помимо стандартных методов диагностики, некоторые специалисты предпочитают использовать более индивидуальные подходы. Например, проводятся глубокие интервью с каждым спортсменом для выявления индивидуальных особенностей его состояния и причин возникновения проблем. Также могут быть использованы методы наблюдения за поведением спортсменов в различных ситуациях.

Важно отметить, что проведение психологической диагностики перетренированности и эмоционального выгорания требует квалифицированных специалистов, которые имеют опыт работы со спортсменами и хорошее понимание особенностей данной проблематики. Такие специалисты должны уметь анализировать данные, полученные при помощи различных методов исследования, чтобы предоставить точную диагноз и предложить соответствующие рекомендации для лечения и профилактики перетренированности и эмоционального выгорания.

Для проведения психологической диагностики перетренированности и эмоционального выгорания в спорте были использованы различные инструменты и методики. Ниже приведены основные материалы, которые использовались в данном исследовании.

1. Опросники: - Индекс перетренированности (The Overtraining Questionnaire, OTQ): данный опросник позволяет оценить уровень перетренированности у спортсменов. Включает в себя такие факторы, как физическое состояние, эмоциональное состояние и поведенческие признаки перетренированности. - Шкала Маслоу (Maslach Burnout Inventory, MBI): данная шкала используется для измерения уровня эмоционального выгорания спортсменов. Включает в себя такие аспекты, как чувство истощения, цинизма и потеря смысла работы. - Шкала тревожности Спилбергера (State-Trait Anxiety Inventory, STAI): данный опросник помогает оценить уровень тревожности у спортсменов. Включает как моментальную тревожность (state anxiety), так и тревожность как характеристику личности (trait anxiety).

2. Клинические интервью: - Структурированный клинический интервью по диагностике перетренированности: данное интервью предназначено для более глубокого изучения симптомов перетренированности у спортсменов. Включает в себя вопросы о физическом и эмоциональном состоянии, изменениях в поведении и качестве выполнения спортивных задач.

3. Физиологические показатели: - Мониторинг пульса и артериального давления: для оценки физиологического состояния спортсменов были использованы мониторы пульса и артериального давления. Эти данные помогли выявить возможные отклонения в работе сердечно-сосудистой системы. - Анализ уровня кортизола: уровень кортизола – это один из основных показателей стресса в организме. Профиль кортизольной реакции может быть полезным индикатором перетренированности.

4. Психологические тесты: - Тест на выявление стрессоустойчивости (Stress Resilience Scale, SRS): данный тест помогает оценить уровень стрессоустойчивости спортсменов. Включает в себя такие аспекты, как эмоциональная стабильность, социальная поддержка и способность к саморегуляции. - Тест на определение мотивации (Sport Motivation Scale, SMS): данный тест позволяет определить мотивацию спортсменов. Включает в себя такие аспекты, как интрузивная и экстразивная мотивация, ориентация на достижение и удовольствие от занятия спортом.

Все указанные материалы и методики были использованы для проведения комплексной психологической диагностики перетренированности и эмоционального выгорания у спортсменов. Они позволили получить надежные данные о состоянии физического и психологического благополучия спортсменов, что является важным для разработки эффективных стратегий предотвращения данных проблем.

Заключение

В заключение статьи следует подчеркнуть важность психологической диагностики перетренированности и эмоционального выгорания в спорте. Эти состояния могут иметь серьезные последствия для физического и психического здоровья спортсменов, а также для их спортивной карьеры.

Перетренированность является результатом чрезмерных тренировок без достаточного времени для восстановления. Она может проявиться через усталость, бессонницу, потерю аппетита, снижение иммунитета и нарушение работы сердечно-сосудистой системы. Признаки перетренированности часто неправильно интерпретируются как общее утомление или недостаточное желание работать над собой. Психологическая диагностика поможет раннему выявлению этого состояния, что позволит принять своевременные меры для предотвращения его развития.

Психологическая диагностика перетренированности и эмоционального выгорания должна проводиться систематически и включать различные методы: опросники для оценки психологического состояния спортсменов, беседы с ними для выявления факторов стресса и недостатков в тренировочном процессе. Эти данные позволят тренерам и психологам разработать индивидуальные программы для предотвращения перетренированности или помощь в ее преодолении.

Очень важно обратить внимание на роль тренера или психолога в процессе диагностики и лечения перетренированности и эмоционального выгорания. Они должны быть готовы к общению со спортсменами, понимать их потребности и обеспечивать поддержку в трудных моментах. Также следует учесть, что психологическая диагностика необходима не только для выявления проблем, но и для предотвращения их возникновения. Регулярные беседы с тренерами и психологами помогут спортсменам справиться со стрессом, развить стратегии саморегуляции эмоций и научиться эффективно восстанавливаться после тренировок.

В целом, психологическая диагностика перетренированности и эмоционального выгорания является ключевым инструментом для поддержания физического и психического здоровья спортсменов. Она помогает раннему выявлению проблемных состояний, а также разработке индивидуальных программ для предотвращения или лечения этих состояний. Каждый тренер или психолог должен осознавать свою ответственность за здоровье и благополучие спортсменов, и активно использовать психологическую диагностику в своей работе.

Библиография

1. Активизация темпов физического развития детей 4 - 5-летнего возраста: В помощь воспитателю / Бальсевич В.К. [и др.]. Физ. культура: воспитание, образование, тренировка. 1996; 3: 55-56
2. Антонишина Е.Н. Игры с мячом как средство физического развития и оздоровления детей. Инструктор по физ. культуре. 2012; 4: 26-30
3. Ванюшин Ю.С., Федоров Н.А., Хузина Г.К., Яруллин А.Г. Критерии биологической надежности растущего организма и взрослых спортсменов. *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2019; 14(2): 150-156. DOI: 10.14526/2070-4798-2019-14-2-97-102
4. Горелик, В.В. Новая физкультура в школе: коррекционно-оздоровительное использование физиологических показателей учащихся как маркеров нарушений физического развития и здоровья. Человек. Спорт. Медицина. 2019. Т. 19; 1: 42-49
5. Грызлова Л.В., Адушкин А.М., Ломайкина Ж.Ю. Физическое развитие детей младшего школьного возраста и профилактика нарушения осанки. В мире научных открытий. 2010; 4-14(10): 86-87
6. Сероштан Е.Ю., Безкаравайный Б.А. Особенности физического здоровья детей младшего школьного возраста с нарушением осанки. Университетская клиника. 2020; 1(34): 43-46.
7. Доронцев А.В., Ермолина Н.В., Зинчук Н.А. Актуальность интеграции секционных занятий видами спорта в общеобразовательное пространство средней школы. Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 1 (167). С. 98-102
8. Доронцев А.В., Светличкина А.А., Зинчук Н.А., Янкевич И.Е. Прогнозирование динамики уровня функциональной и физической подготовленности у студентов подготовительной медицинской группы. Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 1 (191). С. 68-73.
9. Доронцев А.В., Ермолина Н.В., Морозова О.В., Лямина Ю.А. Президентские состязания в рамках физкультурно-оздоровительных занятий с учащимися VI – VII классов. Физическая культура в школе. 2019. № 3. С. 22-29.
10. Карпов В.Ю., Еремин М.В., Разживин О.А., Доронцев А.В. Повышение результативности легкоатлетических тестовых заданий комплекса ГТО у студентов на основе рационального подбора тренировочных средств //Теория и практика физической культуры. – 2021. – №. 6. – С. 39-40.

Psychological diagnostics of overtraining and emotional burnout in sports

Mariya O. Odintsova

Senior Lecturer,
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: knopka55555@mail.ru

Abstract

In modern sports, not only physical training, but also the psychological state of the athlete is becoming increasingly important. Levels of stress, burnout and overtraining can have a significant impact on an athlete's success and fulfilling life outside of the training area. Understanding these phenomena and developing methods for their diagnosis are becoming increasingly important tasks for practical psychology in sports. Successful management of overtraining and burnout requires accurate diagnosis of these phenomena. Psychological diagnostics allows you to determine the level of stress, assess the physical and emotional state of an athlete, and also predict the possible consequences of the negative impact of training on his health and competition results. In this article we will look at the main methods of psychological diagnosis of overtraining and emotional burnout in sports, and also discuss possible ways to prevent and treat these conditions.

For citation

Odintsova M.O. (2024) Psikhologicheskaya diagnostika peretrenirovannosti i emotsional'nogo vygoraniya v sporte [Psychological diagnostics of overtraining and emotional burnout in sports]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 225-230. DOI: 10.34670/AR.2024.58.37.008

Keywords

Emotional burnout, sports, psychological diagnostics, overtraining, physical activity.

References

1. Activation of the pace of physical development of children 4 - 5 years of age: To help the teacher / Balsevich V.K. [and etc.]. Phys. culture: upbringing, education, training. 1996; 3:55-56
2. Antonishina E.N. Ball games as a means of physical development and health improvement for children. Physics instructor culture. 2012; 4:26-30
3. Vanyushin Yu.S., Fedorov N.A., Khuzina G.K., Yarullin A.G. Criteria for the biological reliability of a growing organism and adult athletes. Pedagogical-psychological and medical-biological problems of physical culture and sports. 2019; 14 (2): 150-156. DOI: 10.14526/2070-4798-2019-14-2-97-102
4. Gorelik, V.V. New physical education at school: correctional and health-improving use of physiological indicators of students as markers of disorders of physical development and health. Human. Sport. Medicine. 2019. T. 19; 1:42-49
5. Gryzlova L.V., Adushkin A.M., Lomaikina Zh.Yu. Physical development of children of primary school age and prevention of postural disorders. In the world of scientific discoveries. 2010; 4-14(10): 86-87
6. Seroshtan E.Yu., Bezkaravayny B.A. Features of the physical health of children of primary school age with poor posture. University clinic. 2020; 1(34): 43-46.
7. Dorontsev A.V., Ermolina N.V., Zinchuk N.A. The relevance of integrating sectional sports classes into the general educational space of a secondary school. Scientific notes of the University named after. P.F. Lesgafta. 2019. No. 1 (167). pp. 98-102
8. Dorontsev A.V., Svetlichkina A.A., Zinchuk N.A., Yankevich I.E. Forecasting the dynamics of the level of functional and physical fitness among students of the preparatory medical group. Scientific notes of the University named after. P.F. Lesgafta. 2021. No. 1 (191). pp. 68-73.
9. Dorontsev A.V., Ermolina N.V., Morozova O.V., Lyamina Yu.A. Presidential competitions within the framework of physical education and recreational activities with students in grades VI – VII. Physical education at school. 2019. No. 3. pp. 22-29.
10. Karpov V.Yu., Eremin M.V., Razzhivin O.A., Dorontsev A.V. Increasing the effectiveness of athletics tests of tasks of the GTO complex among students based on a rational approach to training tools.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.70.41.009

Индивидуально-дифференцированный подход в противодействии криминальной субкультуры среди несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях ФСИН России

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Подростки, находящиеся в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, представляют особую социальную группу, которая нередко сталкивается с криминальной субкультурой. В контексте противодействия такой субкультуре, важным фактором является применение индивидуально-дифференцированного подхода, который учитывает характерные особенности личности. Одним из ключевых элементов индивидуально-дифференцированного подхода является понимание факторов, приводящих к вовлечению несовершеннолетних в криминальную субкультуру, в этой связи следует проводить социально-психологические исследования, анализировать данные о причинах преступлений несовершеннолетних и соответствующих мероприятиях по их ресоциализации. В заключении показано, что применение индивидуально-дифференцированного подхода требует наличия профессиональных кадров и обеспечения их систематической подготовки. Только компетентные специалисты могут эффективно проводить индивидуальную работу с несовершеннолетними, адаптировать программы реабилитации под их потребности и добиваться положительных результатов. Кроме того, актуальна социально-педагогическая помощь, которая включает в себя проведение курсов конфликтологии, психологической коррекции, профориентации и социализации, что позволит не только изменить поведение несовершеннолетнего, но и восстановить его социальные связи, развить навыки самоорганизации и социальной адаптации.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Индивидуально-дифференцированный подход в противодействии криминальной субкультуры среди несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях ФСИН России // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 231-238. DOI: 10.34670/AR.2024.70.41.009

Ключевые слова

Несовершеннолетние, криминальная субкультура, индивидуально-дифференцированный подход, ресоциализация, коррекционная программа, просоциальное поведение, векторная активность.

Введение

В современном обществе проблема несовершеннолетней преступности является одной из наиболее актуальных и острых. Несмотря на различные меры, принимаемые государством для предотвращения такого поведения среди подростков, криминальная субкультура все равно продолжает развиваться и привлекать новых участников. Однако, в последние годы наблюдается усиление внимания к индивидуально-дифференцированному подходу в работе с несовершеннолетними, отбывающими наказание в учреждениях УИС.

Основное содержание

Идея индивидуально-дифференцированного подхода заключается в том, что каждый ребенок имеет свою индивидуальную историю, особые потребности и возможности для изменения своего поведения. Подход основывается на понимании того, что все дети уникальны и требуют индивидуального подхода к исправлению [Лучкина, 2016]. Важной составляющей такой работы является использование психологической помощи для выявления причин преступности и разработки индивидуальной программы реабилитации для каждого несовершеннолетнего. Такие программы должны учитывать не только уровень преступности, но и социальный статус, личностные характеристики, уровень образования и семейное положение каждого подростка.

Применение индивидуально-дифференцированного подхода в противодействии криминальной субкультуре среди несовершеннолетних имеет свои преимущества.

Во-первых, такой подход позволяет учесть особенности каждого подростка, что способствует эффективной реабилитации и его успешной ресоциализации.

Во-вторых, он позволяет предотвратить образование новых криминальных субкультур в воспитательных колониях.

Дальнейшая разработка индивидуально-дифференцированного подхода включает в себя создание индивидуальных планов ресоциализации несовершеннолетних и регулярную психокоррекционную работу, а также участие педагогов и социальных работников.

Сотрудники воспитательных колоний должны быть способны оказывать поддержку в просоциальном (добровольном, призванном приносить пользу другому человеку) личностном росте подопечных.

С учетом положений концепции просоциального воздействия в исправлении осужденных несовершеннолетних и разработок ученых в отношении их субкультурной ориентации, по мнению В.М. Позднякова существует дифференциация подходов в аспекте пенитенциарного риска (по уровню субкультурной субъектности и направленности активности). В этом плане выделяются четыре типа личности:

- 1) субкультурно-агрессивный,
- 2) ситуативно-манипулятивный,
- 3) демонстративно-виктимный
- 4) конформно-зависимый [Поздняков, 2015, с. 22].

Перечисленные психотипы личности обладают определенными особенностями поведения и имеют различные реакции на внешние раздражители. Остановимся на них подробнее.

Люди с *субкультурно-агрессивным настроем* часто находят свое место в криминальной среде или конкретной контркультуре, что способствует их чувству принадлежности и

идентификации. Им свойственно:

- агрессивное отстаивание в поведении приверженности ценностям и нормам собственной субкультурной принадлежности;

- активное проявление стремления вовлечь в сферу своего влияния окружающих.

В отношении указанного психотипа несовершеннолетнего сотрудникам воспитательных колоний следует в первую очередь применять меры режимно-дисциплинарного характера. С данным типом совершенно недопустимы такие приемы общения как «заигрывание», «подыгрывание», «предложения типа: «Ты мне, а я тебе», демонстрация двойных стандартов и т.п. Такой подросток должен не сомневаться в неукоснительности применения администрации учреждения в отношении него строгих дисциплинарных мер воздействия, т.е. чувствовать, что будет дан серьезный отпор любым агрессивным проявлениям. Нельзя откладывать наказание несовершеннолетнему, проявляющему признаки криминального поведения, «до следующего раза». Наказание должно быть наложено немедленно, с обязательным публичным примером для других подростков.

Несовершеннолетних данного типа, которые имеют устойчивые криминальные установки и заражены криминальной субкультурой, важно изолировать от тех подростков, кто быстро поддается негативному влиянию извне [Гомцял, 2020].

Кроме того, будут востребованы меры социально-воспитательной работы. В связи с тем, что данная категория лиц отличается выраженным социально-правовым нигилизмом (негативизмом), имеет антиобщественные взгляды и установки, отрицает значимость любых запретов, то необходимо усиленно проводить работу по формированию их нравственного и правового сознания, духовно-нравственных ценностей [Арутюнян, 2020]. В противовес идеологии криминальной субкультуры важно ставить, например, христианские заповеди, активно привлекая для этой миссии представителей религиозных конфессий [Чулышева, 2018].

Анализируя условия семейного воспитания указанного психотипа подростка зачастую можно констатировать наличие у него неблагоприятных факторов в детстве, что повлияло на формирование у него агрессивных черт. Это конфликтные взаимоотношения между родителями, факты насилия между ними и по отношению к ребенку, недостаток или отсутствие родительского тепла и заботы, родители с деформированными морально-нравственными ценностями, злоупотребляющие алкоголем и употребляющие вещества изменяющие сознание, имеющие криминальный опыт и судимости и т.п.

Представителей *ситуативно-манипулятивного типа* отличает постоянный поиск личной выгоды в условиях отбывания наказания в воспитательной колонии. Они, обладая определенным интеллектом и навыками манипулирования, способны «использовать» несовершеннолетних осужденных, учитывая их определенные личностные слабости или подыгрывая субкультурной идентичности. Следствием их активности часто является не только запускание слухов и сплетен в определенных ситуациях, но и способствование диффамации пенитенциарных авторитетов или подстрекательство к аутодеструктивным проявлениям несовершеннолетних осужденных (попыткам суицида, самоповреждений и иным деструкциям) [Режим пенитенциарного контроля, 2020].

Учитывая склонность подростков к манипулированию окружающими, при проведении мероприятий важно разоблачать и пресекать все попытки использования ими дезинформации, лести, обмана, интриг, которые выступают средствами достижения их лично-корыстных целей. Существенно важно противодействовать их манипулятивной активности в отношении дискредитации дисциплинарных взысканий, применяемых администрацией к осужденным. За

подобные действия к ним должны применяться жесткие меры дисциплинарного характера, а о их применении требуется информировать весь контингент воспитательной колонии.

Следующим рассмотрим *демонстративно-виктимный тип* несовершеннолетних осужденных, для этого подробнее остановимся на определении виктимность, от латинского *victima* – жертва, склонность становиться жертвой преступления.

Виктимность – это поведенческая особенность индивида, который ненамеренно навлекает на себя агрессию со стороны других людей [Волкова, 2011].

Среди представителей демонстративно-виктимного типа могут быть в т.ч. и несовершеннолетние осужденные:

– обладающие психическими аномалиями (прежде всего, с асоциальным расстройством поведения, расстройством в виде гиперактивности, с дефицитом внимания и оппозиционно-вызывающим расстройством) или с акцентуациями характера (от лат. *accentus* – ударение, чрезмерная выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, представляющая крайний вариант психической нормы) [Дубатова, 2020].

– с низким «пенитенциарным статусом», но стремящиеся его поднять на основе шантажно-демонстративных актов поведения.

Поскольку специфической характеристикой несовершеннолетних данного типа является склонность к демонстративным поступкам, «рисовке», «понтам», браваре, то реализация ими субкультурных проявлений будет основываться на потребности привлечь к себе внимание сверстников, заработать авторитет в их глазах, добиться расположения и т.п. В связи, нельзя допускать закрепления подобных стереотипов поведения подростка, стимулировать у данного индивида понимание «ложности» выбранных целевых установок, предлагать варианты реализации данной потребности более конструктивными способами, используя и развивая его личные ресурсы (социально-значимые умения и навыки, способности, талант).

Завершающий в нашем исследовании тип личности *конформно-зависимый*.

Конформность (от лат. *conformis* – подобный, сообразный) – склонность индивида менять своё поведение, мнения, оценки под влиянием группы, либо суждений со стороны других людей. Термин «конформизм» в большей степени несёт негативную оценочную нагрузку, указывая на пассивное не-кри-ти-че-ское принятие индивидом доминирующих в обществе или социальной группе взглядов, стереотипов, ценностей [www, РБЭ].

К конформно-зависимому типу отнесены несовершеннолетние осужденные, для которых характерны уже в начальный период нахождения в учреждениях УИС публичные проявления внешней конформности, чтобы избежать санкций со стороны доминирующих групп. В последующем у них в силу специфики развивается податливость как характеристика личности, основывающаяся на изменении индивидуальных установок в результате внутреннего принятия позиций окружающих, которые оцениваются как более обоснованные и объективные, чем собственная точка зрения. С конформно-зависимыми несовершеннолетними необходимо проводить специальную работу, направленную на формирование асертивного поведения (от англ. *Assertiveness* – самоутверждающего поведения с отстаиванием своих и соблюдением других прав), что крайне значимо [Слабкая, 2023].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что индивидуально-дифференцированный подход в работе с несовершеннолетними, содержащимися в учреждениях ФСИН России, направленный на предупреждение и пресечение распространения криминальной субкультуры, должен заключаться в реализации технологии такого воздействия, которое бы «попадало» в основные «терапевтические мишени» личности несовершеннолетних [Румянцев, 2019].

Заключение

Следует отметить, что применение индивидуально-дифференцированного подхода требует наличия профессиональных кадров и обеспечения их систематической подготовки. Только компетентные специалисты могут эффективно проводить индивидуальную работу с несовершеннолетними, адаптировать программы реабилитации под их потребности и добиваться положительных результатов. Кроме того, актуальна социально-педагогическая помощь, которая включает в себя проведение курсов конфликтологии, психологической коррекции, профориентации и социализации, что позволит не только изменить поведение несовершеннолетнего, но и восстановить его социальные связи, развить навыки самоорганизации и социальной адаптации. Резюмируем, является востребованным проведение комплексного психолого-педагогического обследования каждого несовершеннолетнего с целью определения его индивидуальных особенностей, потребностей и причин, побуждающих его к участию в криминальной субкультуре. На основе полученных данных формируется индивидуальный план работы с осужденным, который включает комплекс мероприятий, направленных на его социализацию и реабилитацию.

Библиография

1. Арутюнян Р.Э., Бабошина Е.В., Гусейнова И.С. К вопросу о правовом нигилизме в современном обществе // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 12А. С. 57-63. DOI: 10.34670/AR.2020.59.85.008
2. Режим пенитенциарного контроля и эффективность уголовно-исполнительного воздействия : Учебник / А. В. Новиков, Ю. Е. Суслов, Д. Н. Слабкая, С. В. Кулакова. Том Часть 1. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2020. – 138 с. – ISBN 978-5-4365-4661-2. – EDN POWCGF.
3. Волкова В.В. Семейные детерминанты виктимного поведения [Текст] / В.В. Волкова // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работ. – 2011. – Т. 16. – №2. – С. 48–52.
4. Гончаров, И. В. Правовой нигилизм как социальное явление / И. В. Гончаров // Российское государство и вызовы XXI века : сборник статей Международного круглого стола к 70-летию со дня рождения и памяти профессора В. Н. Бутылина, Москва, 16 декабря 2022 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 53-56. – EDN NWPVSE.
5. Гомцяня О.А. Криминальная субкультура несовершеннолетних: сущность, признаки / // Социология. – 2020. – № 2. – С. 227-233. – EDN DFZDBS.
6. Дикопольцев, Д. Е. О некоторых аспектах индивидуальной работы с осужденными, как составляющей процесса исправления / Д. Е. Дикопольцев, А. В. Новиков // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : Научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 3. – Москва : Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2021. – С. 143-147. – EDN TEAZCL.
7. Вызывающее оппозиционное расстройство в детском и подростковом возрасте / И. В. Дубатова, А. В. Анцыборов, А. В. Калинин, Л. А. Анцыборов // Интерактивная наука. – 2020. – № 6(52). – С. 8-26. – DOI 10.21661/г-551677. – EDN AOZHAM.
8. Интернет-источник, Большая российская энциклопедия, <https://old.bigenc.ru/psychology/text/2094068>
9. Кряжева, С. Г. Причины и условия совершения повторных преступлений несовершеннолетними, ранее отбывавшими наказание в воспитательных колониях / С. Г. Кряжева, М. М. Москвитина, А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 1А. – С. 309-318. – DOI 10.34670/AR.2022.82.85.029. – EDN HUNDUL.
10. Лучкина, О. В. Реализация индивидуально-дифференцированного подхода в работе с детьми / О. В. Лучкина, Л. А. Гладских // Педагогическое мастерство и педагогические технологии. – 2016. – № 2(8). – С. 299-302. – EDN WFQRUT.
11. Назаренко, Г. В. Противодействие криминальным субкультурам несовершеннолетних: политико-правовой и криминологический аспекты / Г. В. Назаренко // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 1. – С. 150-154. – DOI 10.47576/2712-7516_2023_1_150. – EDN ASDSQF.
12. Новиков, А. В. Феномен исполнения наказания для специального субъекта / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 7-1. – С. 221-228. – DOI 10.34670/AR.2022.16.43.030. – EDN ZVUCFX.

13. Поздняков, В. М. Психологические проблемы индивидуально- дифференцированного подхода в обращении с осужденными молодежного возраста / В. М. Поздняков // Психолого-педагогическое обеспечение исполнения наказаний в отношении осужденных молодежного возраста : Сборник материалов научно-практического семинара, Вологда, 08 июля 2016 года / Под общей редакцией С.В. Маришина. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 3-7. – EDN ZASALF.
14. Поздняков, В. М. Столкновение молодежных и криминальной субкультур в среде несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях / В. М. Поздняков // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 3. – С. 17-24. – EDN VBIQNP.
15. Поздняков, В. М. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных на основе системы общественных воздействий: история и современность / В. М. Поздняков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2011. – № 4. – С. 70-81. – EDN OKFIJN.
16. Пономарева, И. А. Подростковая преступность: причины, проблемы, профилактика / И. А. Пономарева // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений : Сборник материалов конференции, Воронеж, 28 мая 2023 года. – Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 216-219. – EDN VHQXTA.
17. Румянцев Н.В. О состоянии и мерах по профилактике криминальной субкультуры среди несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Вестник Московского университета МВД России. 2019; (3) : 112–5
18. Рябков А. М., Степанова Е. С., Муслумов Р. Р. Особенности распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 291–297. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-291-297>
19. Сирин, С. А. Социальные причины возникновения правового нигилизма / С. А. Сирин // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 6(145). – С. 488-489. – DOI 10.46320/2073-4506-2020-6-145-488-490. – EDN OIPTOA.
20. Соколова, О. В. Индивидуально-дифференцированный подход в повышении профессиональной культуры специалистов по социальной работе пенитенциарного учреждения / О. В. Соколова // Социальная педагогика: теоретико-методологические основы и перспективы развития : Материалы Всероссийской конференции с международным участием, Москва, 09 февраля 2019 года / Под редакцией Л.В. Мардахаева. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2019. – С. 222-229. – EDN YYXSPJ.
21. Слабкая Д.Н. Психологические детерминанты асертивности личности // Психология. Психология. Историко - критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 9А. С. 5-11. DOI: 10.34670/AR.2023.82.51.002
22. Суслов, Ю. Е. Особенности педагогического воздействия посредством мероприятий культурно-воспитательного характера на делинктивных несовершеннолетних в закрытом социуме / Ю. Е. Суслов, С. Г. Кряжева, А. В. Новиков // Педагогический журнал. – 2021. – Т. 11, № 4-1. – С. 456-468. – DOI 10.34670/AR.2021.10.64.056. – EDN QVITFD.

An individually differentiated approach to combating the criminal subculture among minors held in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

Teenagers in institutions of the Federal Penitentiary Service represent a special social group that often encounters a criminal subculture. In the context of countering such a subculture, an important factor is the use of an individually differentiated approach that takes into account the characteristic

Diana N. Slabkaya

characteristics of the individual. One of the key elements of an individually differentiated approach is an understanding of the factors leading to the involvement of minors in the criminal subculture; in this regard, socio-psychological research should be conducted, data on the causes of juvenile crimes and relevant measures for their resocialization should be analyzed. In conclusion, it is shown that the use of an individually differentiated approach requires the availability of professional personnel and their systematic training. Only competent specialists can effectively carry out individual work with minors, adapt rehabilitation programs to their needs and achieve positive results. In addition, social and pedagogical assistance is relevant, which includes courses in conflict management, psychological correction, career guidance and socialization, which will not only change the behavior of a minor, but also restore his social connections, develop self-organization and social adaptation skills.

For citation

Slabkaya D.N. (2024) Individual'no-differentsirovannyi podkhod v protivodeistvii kriminal'noi subkultury sredi nesovershennoletnikh, sodержashchikhsya v uchrezhdeniyakh FSIN Rossii [An individually differentiated approach to combating the criminal subculture among minors held in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 231-238. DOI: 10.34670/AR.2024.70.41.009

Keywords

Minors, criminal subculture, individually differentiated approach, resocialization, correctional program, prosocial behavior, vector activity.

References

1. Arutyunyan R.E., Baboshina Ye.V., Guseynova I.S. K voprosu o pravovom nigilizme v sovremennom obshchestve // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. 2020. Tom 10. № 12A. S. 57-63. DOI: 10.34670/AR.2020.59.85.008
2. Rezhim penitentsiarnogo kontrolya i effektivnost' ugovovno-ispolnitel'nogo vozdeystviya : Uchebnik / A. V. Novikov, YU. Ye. Suslov, D. N. Slabkaya, S. V. Kulakova. Tom Chast' 1. – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Rusayns", 2020. – 138 s. – ISBN 978-5-4365-4661-2. – EDN POWCGF.
3. Volkova V.V. Semeynyye determinanty viktimnogo povedeniya [Tekst] / V.V. Volkova // Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy rabot. – 2011. – T. 16. – №2. – S. 48–52.
4. Goncharov, I. V. Pravovoy nigilizm kak sotsial'noye yavleniye / I. V. Goncharov // Rossiyskoye gosudarstvo i vyzovy XXI veka : sbornik statey Mezhdunarodnogo kruglogo stola k 70-letiyu so dnya rozhdeniya i pamyati professora V. N. Butylina, Moskva, 16 dekabrya 2022 goda. – Moskva: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2023. – S. 53-56. – EDN NWPVSE.
5. Gomtsyan O.A. Kriminal'naya subkultura nesovershennoletnikh: sushchnost', priznaki / // Sotsiologiya. – 2020. – № 2. – S. 227-233. – EDN DFZDBS.
6. Dikopol'tsev, D. Ye. O nekotorykh aspektakh individual'noy raboty s osuzhdennymi, kak sostavlyayushchey protsessu ispravleniya / D. Ye. Dikopol'tsev, A. V. Novikov // Nauchnyye trudy FKU NII FSIN Rossii : Nauchno-prakticheskoye yezhekvar'tal'noye izdaniye. Tom Vypusk 3. – Moskva : Nauchno-issledovatel'skiy institut FSIN Rossii, 2021. – S. 143-147. – EDN TEAZCL.
7. Vyzyvayushcheye oppozitsionnoye rassstroystvo v detskom i podrostkovom vozraste / I. V. Dubatova, A. V. Antsyborov, A. V. Kalinchuk, L. A. Antsyborov // Interaktivnaya nauka. – 2020. – № 6(52). – S. 8-26. – DOI 10.21661/r-551677. – EDN AOZHAM.
8. Internet-istochnik, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, <https://old.bigenc.ru/psychology/text/2094068>
9. Kryazheva, S. G. Prichiny i usloviya soversheniya povtornykh prestupleniy nesovershennoletnikami, raneye otbyvavshimi nakazaniye v vospitatel'nykh koloniyakh / S. G. Kryazheva, M. M. Moskvitina, A. V. Novikov // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12, № 1A. – S. 309-318. – DOI 10.34670/AR.2022.82.85.029. – EDN HUHDUL.
10. Luchkina, O. V. Realizatsiya individual'no-differentsirovannogo podkhoda v rabote s det'mi / O. V. Luchkina, L. A.

- Gladskih // *Pedagogicheskoye masterstvo i pedagogicheskiye tekhnologii*. – 2016. – № 2(8). – S. 299-302. – EDN WFRUT.
11. Nazarenko, G. V. Protivodeystviye kriminal'nym subkul'turam nesovershennoletnikh: politiko-pravovoy i kriminologicheskoy aspekt / G. V. Nazarenko // *Zhurnal prikladnykh issledovaniy*. – 2023. – № 1. – S. 150-154. – DOI 10.47576/2712-7516_2023_1_150. – EDN ASDSQF.
 12. Novikov, A. V. Fenomen ispolneniya nakazaniya dlya spetsial'nogo sub'yekta / A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. – 2022. – T. 12, № 7-1. – S. 221-228. – DOI 10.34670/AR.2022.16.43.030. – EDN ZVUCFX.
 13. Pozdnyakov, V. M. Psikhologicheskiye problemy individual'no-differentsirovannogo podkhoda v obrashchenii s osuzhdennymi molodezhnogo vozrasta / V. M. Pozdnyakov // *Psikhologo-pedagogicheskoye obespecheniye ispolneniya nakazaniy v otnoshenii osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta : Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminar, Vologda, 08 iyulya 2016 goda / Pod obshchey redaktsiyey S.V. Marishina*. – Vologda: Vologodskiy institut prava i ekonomiki Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2017. – S. 3-7. – EDN ZASALF.
 14. Pozdnyakov, V. M. Stolknoveniye molodezhnykh i kriminal'noy subkul'tur v srede nesovershennoletnikh osuzhdennykh v vospitatel'nykh koloniyakh / V. M. Pozdnyakov // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. – 2015. – № 3. – S. 17-24. – EDN VBIQNP.
 15. Pozdnyakov, V. M. Resotsializatsiya nesovershennoletnikh osuzhdennykh na osnove sistemy obshchestvennykh vozdeystviy: istoriya i sovremennost' / V. M. Pozdnyakov // *Vestnik Rossiyskogo univertsiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskoye nauki*. – 2011. – № 4. – S. 70-81. – EDN OKFIJN.
 16. Ponomareva, I. A. Podrostkovaya prestupnost': prichiny, problemy, profilaktika / I. A. Ponomareva // *Prestupnost' v SNG: problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestupleniy : Sbornik materialov konferentsii, Voronezh, 28 maya 2023 goda*. – Voronezh: Voronezhskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2023. – S. 216-219. – EDN VHQXTA.
 17. Rumyantsev N.V. O sostoyanii i merakh po profilaktike kriminal'noy subkul'tury sredi nesovershennoletnikh, soderzhashchikhsya v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2019; (3) : 112–5
 18. Ryabkov A. M., Stepanova Ye. S., Muslumov R. R. Osobennosti rasprostraneniya kriminal'noy subkul'tury sredi nesovershennoletnikh podozrevayemykh, obvinayemykh i osuzhdennykh // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. 2022. T. 27, № 3(90). S. 291–297. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-291-297>
 19. Sirin, S. A. Sotsial'nyye prichiny vzniknoveniya pravovogo nigilizma / S. A. Sirin // *Yevraziyskiy yuridicheskoy zhurnal*. – 2020. – № 6(145). – S. 488-489. – DOI 10.46320/2073-4506-2020-6-145-488-490. – EDN OIITOA.
 20. Sokolova, O. V. Individual'no-differentsirovanny podkhod v povyshenii professional'noy kul'tury spetsialistov po sotsial'noy rabote penitentsiarnogo uchrezhdeniya / O. V. Sokolova // *Sotsial'naya pedagogika: teoretiko-metodologicheskiye osnovy i perspektivy razvitiya : Materialy Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Moskva, 09 fevralya 2019 goda / Pod redaktsiyey L.V. Mardakhayeva*. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Izdatel'sko-torgovyy Dom «PERSPEKTIVA»», 2019. – S. 222-229. – EDN YYXSPJ.
 21. Slabkaya D.N. Psikhologicheskiye determinanty assertivnosti lichnosti // *Psikhologiya. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya*. 2023. T. 12. № 9A. S. 5-11. DOI: 10.34670/AR.2023.82.51.002
 22. Suslov, YU. Ye. Osobennosti pedagogicheskogo vozdeystviya posredstvom meropriyatiy kul'turno-vospitatel'nogo kharaktera na delinktivnykh nesovershennoletnikh v zakrytom sotsiume / YU. Ye. Suslov, S. G. Kryazheva, A. V. Novikov // *Pedagogicheskoy zhurnal*. – 2021. – T. 11, № 4-1. – S. 456-468. – DOI 10.34670/AR.2021.10.64.056. – EDN QVITFD

УДК 343.953

DOI: 10.34670/AR.2024.33.68.010

Алкоголь как фактор противоправной (криминальной) агрессии: современное состояние проблемы

Искандаров Роберт РафаиловичКандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник,Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru**Кряжева Светлана Геннадьевна**

Старший научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: kryazheva_sg@mail.ru**Слабкая Диана Николаевна**

Старший научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию взаимосвязи между употреблением алкоголя и противоправной криминальной агрессией. Анализируются современное состояние проблемы и представляются результаты научных исследований, проведенных в данной области. Основное внимание уделяется определению роли алкоголя в возникновении агрессивного поведения и причинам, по которым люди, находясь под его воздействием, склонны совершать противоправные действия. Также исследуются факторы, обуславливающие угнетающее влияние алкоголя на функционирование мозга, повышающее вероятность совершения преступлений. В представленном материале рассмотрено современное состояние проблемы алкоголя как фактора противоправной агрессии, проанализированы ее основные аспекты. Описаны механизмы формирования криминальной агрессии под воздействием алкоголя, основные биологические, психологические и социальные обстоятельства агрессивного поведения в состоянии алкогольной интоксикации. Кроме того, в статье представлен краткий обзор данных по исследуемой проблематике в зарубежных странах, раскрывающий представление о влиянии алкоголя на совершение преступлений.

Для цитирования в научных исследованиях

Искандаров Р.Р., Кряжева С.Г., Слабкая Д.Н. Алкоголь как фактор противоправной (криминальной) агрессии: современное состояние проблемы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 239-246. DOI: 10.34670/AR.2024.33.68.010

Ключевые слова

Алкоголь, агрессия, криминальные проявления, насилие, преступность, импульсивные преступления, психоактивные вещества.

Введение

В современном обществе проблема противоправной агрессии остается одной из наиболее актуальных и сложных. Она наносит серьезный ущерб не только самим пострадавшим, но и всему обществу в целом. Среди множества факторов, способствующих возникновению криминальных проявлений, особое место занимает алкоголь. Следует с сожалением отметить, что алкоголь является неотъемлемой частью жизни многих людей. Однако его употребление может стать источником негативных последствий, включая насилие и преступления. Недостаток контроля со стороны государства и отсутствие эффективной политики по борьбе с этой проблемой могут только усугубить ее масштабы.

Злоупотребление алкоголем является лидирующим предиктором межличностной агрессии и, как следствие влечет совершение противоправных деяний, сопряженных с насильственными преступлениями.

Следует отметить, что даже умеренная доза алкоголя в крови имеет тенденцию вызывать когнитивные, перцептивные, вербальные и двигательные нарушения, а также потерю контроля, что в конечном итоге приводит к девиантному поведению в социуме [Pinel and Barnes, 2018]. С криминологической точки зрения алкоголь выступает неким побудителем к совершению насильственных деяний.

Рассмотрим влияние алкоголя на агрессию с социально-психологической и нейробиологической точек зрения с учетом сопутствующей патологии личности, расстройств настроения, психического состояния во время употребления алкоголя, внешних триггеров и нейрохимических изменений [Коростылева, 2018], влияющих на индивидуальные реакции и/или рефлексии при употреблении алкоголя, а также восприимчивость индивида к агрессии в состоянии алкогольного опьянения.

Основное содержание

По заключению Всемирной организации здравоохранения, расстройства, связанные с чрезмерным употреблением алкоголя, являются одной из ведущих причин глобального бремени болезней и травматизма, несмотря на появление новых лекарственных средств и методов психотерапии [Кайгородова, Кулаков, 2010]. Социальный, ситуационный, культурный и психоэмоциональный факторы оказывают контекстуальное влияние на употребление психоактивных веществ и их воздействие на индивида. Алкоголь, особенно в чрезмерном количестве изменяет психическое состояние людей, включая эмоциональное реагирование и рациональное мышление, делая его потребителей непредсказуемыми и опасными, особенно это

касается молодых людей и лиц с сопутствующими психологическими и психиатрическими расстройствами [Желудков, 2022].

В исследованиях, проведенных в разных странах, сообщалось о преступлениях и насилии в семье, вызванных алкоголем, особенно во время недавней пандемии COVID-19 [Бессчетнова, 2021].

Приведенные данные свидетельствуют об увеличении числа обращений на телефоны доверия по вопросам домашнего насилия с начала пандемии COVID-19. В ряде стран наблюдается шокирующий рост случаев домашнего насилия: до 50 % в Бразилии, на 20 % больше звонков на телефон доверия в Испании, на 30 % на Кипре, на 25 % больше звонков на телефон доверия в Великобритании и почти в два раза больше случаев домашнего насилия в провинции Хубэй, Китай. Вызванный пандемией COVID-19 рост глобального насилия в семье происходил независимо от экономического и политического положения этих стран и в большинстве случаев был связан с употреблением алкоголя [Moukaddam, 2020].

Имеются убедительные доказательства, связывающие алкоголь с домашним насилием. В Австралии домашнее насилие, связанное с алкоголем, в два раза чаще сопряжено с физическим насилием, включая травмы, опасные для жизни и здоровья. Согласно аудиту полицейского отчета Великобритании, примерно две трети бытовых инцидентов, о которых сообщается полиции, связаны «с воздействием алкоголя». В том же отчете отмечалось усиление агрессии при употреблении алкоголя, а участники событий сообщали о непосредственном влиянии алкоголя на их поведение [www, 2023]. Из ретроспективной выборки: в британских тюрьмах более трети мужчин, совершивших убийства, употребляли алкоголь и считались пьяными в момент совершения преступления и только 14 % употребляли наркотики. Национальное исследование, в котором приняли участие 16 698 заключенных, показало, что алкоголь играет более важную роль в совершении насильственных преступлений, таких как убийства, физические нападения и сексуальные посягательства, по сравнению с такими преступлениями, как кража со взломом и ограбление [Felson and Staff, 2010]. Большинство респондентов утверждают, что находились под воздействием алкоголя в момент совершения убийства [Newbury-Birch, 2022].

В США 40 % зарегистрированных случаев домашнего насилия связаны с алкогольным фактором, присутствующим во время совершения преступления [Galbicsek, 2020]. Только в Финляндии за 4 года был убит 491 человек, и ~ 82 % преступников находились в состоянии алкогольного опьянения, при этом 39 % из них были алкоголиками, а 45 % зарегистрированных убийств были совершены холодным оружием. В Сингапуре из 253 преступников, совершивших убийство, 141 человек (56 %) страдал алкоголизмом, а 121 преступник (48 %) употреблял алкоголь в течение 24 часов, предшествовавших преступлению [Yeo, 2019]. В бразильском городе Диадема ограничение часов продажи алкоголя в барах до 11 часов вечера значительно снизило уровень преступности до 9 убийств в месяц.

В исследовании повторной преступности среди лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы в несовершеннолетнем возрасте, проведенном на базе ФКУ НИИ ФСИН России, было выявлено, что большая часть ранее судимых лиц после освобождения из исправительного учреждения, совершает повторное преступление, находясь в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Более того, этот фактор указывался осужденными среди наиболее частных причин совершения как первого, так и повторного преступления [Кряжева, 2022; Новиков, 2023].

Можно говорить о множестве факторов, связывающих хроническое употребление алкоголя и насилие, включая сопутствующие психиатрические расстройства, такие как расстройства

личности, настроения и поведения. Предтече насилия выступает агрессия, и как следствие, склонные к агрессивному поведению лица, с большей вероятностью совершают импульсивные насильственные деяния [Горинов, 2019]. Результаты зарубежных исследований показывают, что длительное употребление алкоголя вызывает морфологические изменения в областях мозга, участвующих в самоконтроле, принятии решений и обработке эмоций. В соответствии с этим, врожденные дофаминергические и серотонинергические аномалии, наблюдаемые у агрессивных людей, повышают их восприимчивость к совершению насильственных преступлений в состоянии алкогольного опьянения [Gillet, 2001; Hohl, 2017].

Симптомы алкоголизма и депрессии обычно регистрируются при расстройствах настроения и имеют большую тяжесть и худший прогноз по сравнению с сопутствующими им расстройствами алкогольного спектра. Предполагается, что симптомы аффекта, проявляющиеся у пациентов во время абстиненции и острой интоксикации, являются признаками существующих расстройств психики или их комбинацией.

Алкоголь нарушает исполнительные когнитивные функции, нарушая функции префронтальной коры, что ассоциируется с расторможенностью и агрессией. Доказано, что префронтальная кора, регулирующая агрессивное и социальное поведение, снижена в своем объеме у лиц с антисоциальным расстройством личности. Уровни серотонина и дофамина являются значимыми предикторами агрессии и риска самоубийства [Семенцова, 2015]. Систематический обзор доклинических данных позволяет предположить, что хронический стресс в подростковом возрасте может приводить к снижению префронтальной дофаминергической нейротрансмиссии во взрослом возрасте, то есть повышается уязвимость к неадаптивной агрессии во взрослом возрасте. Исследования, изучающие взаимодействие между генетическим полиморфизмом дофаминовой системы и внешними факторами (как пример финансовый стресс и социальный опыт подростков) выявили значимое влияние на увеличение вероятности совершения насилия [Шарапов, 2017].

Как правило, потребление алкогольных напитков с содержанием алкоголя в дозе 0,75 г/кг и выше коррелирует с повышенной агрессией. Во многих странах алкоголь связывают с импульсивными преступлениями и домашним насилием. Основываясь на достоверных источниках, очевидно, что сочетание индивидуальных факторов индивида и социального фактора (окружающей среды) определяют вероятность того, что субъект, находящийся в состоянии алкогольного опьянения, совершит агрессивный или насильственный акт.

Нарушение эмоциональной регуляции, импульсивность в сочетании с ранее существовавшими сопутствующими (прогрессирующими) психиатрическими заболеваниями, такими как расстройство личности и взрывчатое [от латин. *explosio* – выталкивание, выстрел] расстройство, наряду с генетической предрасположенностью и детскими психотравмами, являются устойчивыми предикторами агрессии в состоянии алкогольного опьянения. Результаты генетического полиморфизма указывают на то, что внешние факторы играют более заметную роль в совершении насилия в сравнении с генетическими.

В тоже время, сообщается, что эпигенетические механизмы опосредуют взаимодействие между генетическими факторами и факторами окружающей среды (социумом) путем изменения генов разных систем, включая нервную, иммунную и нейроэндокринную [Паткин, 2010].

Ретроспективно, этапы развития в период взросления ребенка также могут предсказать насилие и злоупотребление психоактивными веществами у взрослых, а употребление алкоголя в более позднем возрасте можно предсказать по агрессии в раннем детстве. Жестокое обращение в детстве прогнозирует развитие расстройств личности, аффективные расстройства и расстройства, связанных с употреблением алкоголя. Физическое и (или) эмоциональное насилие, родительская отстраненность и безразличие, злоупотребление родителями спиртными

напитками и/ или наркотическими веществами могут привести к дезадаптации ребенка во взрослом возрасте, способствуя формированию отрицательных качеств характера, мотивов поведения, обуславливая его вступление на асоциальный путь, толкая на совершение преступлений [Кулакова, 2019]. При этом, большинство подростков совершают преступления в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, как правило, в группе [Нестеров, 2016]. Такие факторы, как дисфункциональная семья и семейное насилие демонстрируют сильную корреляцию с агрессией во взрослом возрасте через импульсивность и подавление правопослушных поведенческих реакций. Несомненно, необходимы дополнительные лонгитюдные исследования, чтобы понять влияние стресса в раннем возрасте на развитие сопутствующих психических заболеваний, связанных с агрессией, а последовательные неврологические изменения, замеченные в сочетании с рискованным поведением, могут быть исследованы как потенциальные биомаркеры риска девиантного поведения наряду с социальным опытом.

Заключение

В современной научной литературе содержится множество свидетельств, что, если насильственное поведение связано с каким-либо веществом, этим веществом в подавляющем большинстве случаев является алкоголь.

Следует отметить необходимость проведения социально-ориентированных профилактических мероприятий и повышения осведомленности не только о рисках для здоровья, связанных с чрезмерным употреблением алкоголя, но и уголовной ответственности за совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения (частью 1.1 статьи 63 УК РФ фактор, отягчающий вину обвиняемого).

Библиография

1. Бессчетнова О. В. Проблема домашнего насилия в пандемию COVID-19: кто виноват и что делать? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 283–288. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-283-288>
2. Горинов В.В., Корзун Д.Н. Коморбидная патология в судебно-психиатрической клинике: расстройство личности и зависимость от психоактивных веществ // Российский психиатрический журнал. 2019. № 2. С. 36–42. DOI: 10.24411/1560-957X-2019-11918
3. Желудков, М. А. Криминальный паттерны поведения, выработанные у несовершеннолетних в семьях, где употребляют алкоголь / М. А. Желудков, О. Н. Дудаков // Гарантии и защита прав личности как условие стабильного развития общества : Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Тамбов, 23 ноября 2022 года. – Тамбов: Издательство Першина Р.В., 2022. – С. 66–69. – EDN BMMPPK.
4. Потенциальные маркеры алкогольной зависимости: состояния тревоги и депрессии, индивидуально-личностные характеристики / Т. И. Иванова, К. Ф. Васильченко, А. И. Блох [и др.] // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2020. – № 4(109). – С. 51–57. – DOI 10.26617/1810-3111-2020-4(109)-51-57. – EDN FJVAAT.
5. Кайгородова, Т. В. Подходы Всемирной организации здравоохранения к борьбе со злоупотреблением алкоголем / Т. В. Кайгородова, А. А. Куликов // Социальные аспекты здоровья населения. – 2010. – № 2(14). – С. 9. – EDN MQRXIZ.
6. Кряжева С.Г. Наркотическая и алкогольная зависимости как детерминанта совершения повторных преступлений / С.Г. Кряжева, М.М. Москвитина // Наркоконтроль. 2022. № 3. С. 11–15.
7. Коростелева, О. Е. Прием алкоголя как один из факторов формирования демонстративного суицидального поведения (клинический случай) / О. Е. Коростелева // Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход : материалы VII Всероссийской конференции с международным участием, Курск, 23–25 ноября 2017 года. Том Часть I. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2017. – С. 185–189. – EDN YRFPPC.
8. Кулакова, С.В. Социально-психологические особенности несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, склонных к употреблению алкогольных и наркотических веществ / С.В. Кулакова,

- А.В. Новиков, Д.Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 3-1. С. 238-246.
9. Нестеров, А.Ю. Пенитенциарные адаптационные технологии несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях УФСИН России / А.Ю. Нестеров // Власть. 2016. № 3. С. 178-185.
 10. Новиков, А. В. Повторные (рецидивные) преступления в уголовном праве России / А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 7-1. – С. 314-320. – DOI 10.34670/AR.2023.28.92.036. – EDN NYBFVH.
 11. Паткин, Е. Л. Эпигенетические механизмы предрасположенности к комплексным патологиям человека / Е. Л. Паткин, Квинн Джон // Экологическая генетика. – 2010. – Т. 8, № 4. – С. 44-56. – EDN NCJWDF.
 12. Семенцова, И. А. Биохимические процессы в организме человека как детерминанта преступного поведения лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и меры его нейтрализации / И. А. Семенцова // Философия права. – 2015. – № 3(70). – С. 96-100. – EDN UIQCXP.
 13. Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3 №1. С. 39-47
 14. Шарапов, А. Н. Нейроэндокринные аспекты стресса и расстройств поведения у подростков / А. Н. Шарапов // Новые исследования. – 2017. – № 4(53). – С. 15-33. – EDN XOQBYT.
 15. Galbicek, C. (2020). Alcohol-Related Crimes. Available online at: <https://www.alcoholrehabguide.org/alcohol/crimes/> (accessed October 15, 2021).
 16. Gillet C. et al. Acting out and psychoactive substances: alcohol, drugs, illicit substances // *Encephale*. – 2001. – V. 27. № 4. – P. 351- 359.
 17. Hohl B.C, Wiley S., Wiebe D.J., Culyba A.J., Drake R., Branas C.C. Association of drug and alcohol use with adolescent firearm homicide at individual, family, and neighborhood levels. *JAMA Intern Med* 2017; 177(3): 317-324.
 18. Pinel, J. P. J., and Barnes, S. J. (2018). *Biopsychology*, 10th Edn. England: Pearson Education Limited
 19. Newbury-Birch D. et al. A Rapid Systematic Review of Worldwide Alcohol Use Disorders and Brief Alcohol Interventions in the Criminal Justice System // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13: 900186
 20. Moukaddam N., Shah A. Psychiatrists Beware! the Impact of COVID-19 and Pandemics on Mental Health // *Psychiatric Times*. 2020. Vol. 37. № 3.
 21. Felson, R. B., and Staff, J. (2010). The effects of alcohol intoxication on violent versus other offending. *Crim. Just. Behav.* 37:13431360. doi: 10.1177/0093854810382003/
 22. UK Drug Addiction Report 2023 // URL: <https://delamere.com/blog/uk-drug-addiction-report-2023> (Дата обращения: 6.12.2023).
 23. Yeo, D. C. K., Singham, T., and Poremski, D. (2019). The presence of alcohol consumption prior to homicide in Singapore. *Asian J. Psychiatry* 44, 80–85. doi: 10.1016/j.ajp.2019.07.019

Alcohol as a factor of criminal aggression: current state of the problem

Robert R. Iskandarov

PhD in Medicine,
Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

Svetlana G. Kryazheva

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kryazheva_sg@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the relationship between alcohol consumption and illegal criminal aggression. The current state of the problem is analyzed and the results of scientific research carried out in this area are presented. The main focus is on determining the role of alcohol in the occurrence of aggressive behavior and the reasons why people, while under its influence, tend to commit illegal acts. Factors that determine the depressant effect of alcohol on brain functioning, which increases the likelihood of committing crimes, are also being studied. The presented material examines the current state of the problem of alcohol as a factor in unlawful aggression, and analyzes its main aspects. The mechanisms of formation of criminal aggression under the influence of alcohol, the main biological, psychological and social circumstances of aggressive behavior in a state of alcohol intoxication are described. In addition, the article provides a brief overview of data on the issues under study in foreign countries, revealing an idea of the influence of alcohol on the commission of crimes.

For citation

Iskandarov R.R., Kryazheva S.G., Slabkaya D.N. (2024) Alkogol' kak faktor protivopravnoi (kriminal'noi) agressii: sovremennoe sostoyanie problem [Alcohol as a factor of criminal aggression: current state of the problem]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 239-246. DOI: 10.34670/AR.2024.33.68.010

Keywords

Alcohol, aggression, criminal manifestations, violence, crime, impulsive crimes, psychoactive substances.

References

1. Besschetnova O. V. Problema domashnego nasiliya v pandemiyu COVID-19: kto vinovat i chto delat'? // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2021. T. 21, vyp. 3. S. 283–288. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-283-288>
2. Gorinov V.V., Korzun D.N. Komorbidnaya patologiya v sudebno-psikhiatricheskoy klinike: rasstroystvo lichnosti i zavisimost' ot psikoaktivnykh veshchestv // *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*. 2019. № 2. S. 36–42. DOI: 10.24411/1560-957X-2019-11918
3. Zheludkov, M. A. Kriminal'nyy patterny povedeniya, vyrabotannyye u nesovershennoletnikh v sem'yakh, gde upotrebyayut alkogol' / M. A. Zheludkov, O. N. Dudakov // *Garantii i zashchita prav lichnosti kak usloviye stabil'nogo razvitiya obshchestva: Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tambov, 23 noyabrya 2022 goda.* – Tambov: Izdatel'stvo Pershina R.V., 2022. – S. 66-69. – EDN BMMPPK.
4. Potentsial'nyye markery alkogol'noy zavisimosti: sostoyaniya trevogi i depressii, individual'no-lichnostnyye kharakteristiki / T. I. Ivanova, K. F. Vasil'chenko, A. I. Blokh [i dr.] // *Sibirskiy vestnik psikhiatrii i narkologii*. – 2020. – № 4(109). – S. 51-57. – DOI 10.26617/1810-3111-2020-4(109)-51-57. – EDN FJVAAT.
5. Kaygorodova, T. V. Podkhody Vsemimoy organizatsii zdravookhraneniya k bor'be so zloupotrebleniyem alkogolem / T. V. Kaygorodova, A. A. Kulikov // *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya*. – 2010. – № 2(14). – S. 9. – EDN MQPXIZ.

6. Kryazheva S.G. Narkoticheskaya i alkohol'naya zavisimosti kak determinanta soversheniya povtornykh prestupleniy / S.G. Kryazheva, M.M. Moskvitina // *Narkokontrol'*. 2022. № 3. S. 11-15.
7. Korosteleva, O. Ye. Priyem alkogolya kak odin iz faktorov formirovaniya demonstrativnogo suitsidal'nogo povedeniya (klinicheskiy sluchay) / O. Ye. Korosteleva // *Psikhologiya zdorov'ya i bolezni: kliniko-psikhologicheskiy podkhod: materialy VII Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Kursk, 23–25 noyabrya 2017 goda. Tom Chast' I.* – Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet, 2017. – S. 185-189. – EDN YRFPPC.
8. Kulakova, S.V. Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti nesovershennoletnikh, sostoyashchikh na uchete v ugolovno-ispolnitel'nykh inspeksiyakh, sklonnykh k upotrebleniyu alkohol'nykh i narkoticheskikh veshchestv / S.V. Kulakova, A.V. Novikov, D.N. Slabkaya // *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya*. 2019. T. 8. № 3-1. S. 238-246.
9. Nesterov, A.YU. Penitentsiarnyye adaptatsionnyye tekhnologii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v vospitatel'nykh koloniyakh UFSIN Rossii / A.YU. Nesterov // *Vlast'*. 2016. № 3. S. 178-185.
10. Novikov, A. V. Povtornyye (retsdivnyye) prestupleniya v ugolovnom prave Rossii / A. V. Novikov // *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava.* – 2023. – T. 13, № 7-1. – S. 314-320. – DOI 10.34670/AR.2023.28.92.036. – EDN NYBFVH.
11. Patkin, Ye. L. Epigeneticheskiye mekhanizmy predraspolozhennosti k kompleksnym patologiyam cheloveka / Ye. L. Patkin, Kvinn Dzhon // *Ekologicheskaya genetika.* – 2010. – T. 8, № 4. – S. 44-56. – EDN NCJWDF.
12. Sementsova, I. A. Biokhimicheskiye protsessy v organizme cheloveka kak determinanta prestupnogo povedeniya lits s psikhicheskimi rassstroystvami, ne isklyuchayushchimi vmenyayemosti, i mery yego neytralizatsii / I. A. Sementsova // *Filosofiya prava.* – 2015. – № 3(70). – S. 96-100. – EDN UIQXCP.
13. Shalagin A.Ye., Grebenkin M.YU. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdeniye prestupleniy, sovershennykh v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya // *Uchenyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2018. T.3 №1. S. 39-47
14. Sharapov, A. N. Neyroendokrinnyye aspekty stressa i rassstroystv po vedeniya u podrostkov / A. N. Sharapov // *Novyye issledovaniya.* – 2017. – № 4(53). – S. 15-33. – EDN XOQBYT.
15. Galbicsek, C. (2020). Alcohol-Related Crimes. Available online at: <https://www.alcoholrehabguide.org/alcohol/crimes/> (accessed October 15, 2021).
16. Gillet C. et al. Acting out and psychoactive substances: alcohol, drugs, illicit substances // *Encephale.* – 2001. – V. 27. – № 4. – P. 351- 359.
17. Hohl B.C, Wiley S., Wiebe D.J., Culyba A.J., Drake R., Branas C.C. Association of drug and alcohol use with adolescent firearm homicide at individual, family, and neighborhood levels. *JAMA Intern Med* 2017; 177(3): 317-324.
18. Pinel, J. P. J., and Barnes, S. J. (2018). *Biopsychology*, 10th Edn. England: Pearson Education Limited
19. Newbury-Birch D. et al. A Rapid Systematic Review of Worldwide Alcohol Use Disorders and Brief Alcohol Interventions in the Criminal Justice System // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13: 900186
20. Moukaddam N., Shah A. Psychiatrists Beware! the Impact of COVID-19 and Pandemics on Mental Health // *Psychiatric Times*. 2020. Vol. 37. № 3.
21. Felson, R. B., and Staff, J. (2010). The effects of alcohol intoxication on violent versus other offending. *Crim. Just. Behav.* 37:13431360. doi: 10.1177/0093854810382003/
22. UK Drug Addiction Report 2023 // URL: <https://delamere.com/blog/uk-drug-addiction-report-2023> (Дата обращения: 6.12.2023).
23. Yeo, D. C. K., Singham, T., and Poremski, D. (2019). The presence of alcohol consumption prior to homicide in Singapore. *Asian J. Psychiatry* 44, 80–85. doi: 10.1016/j.ajp.2019.07.019

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.40.16.017

Социально-психологические факторы виктимизации в реальной и цифровой среде

Конджарян Арсен Артурович

Аспирант,
Таганрогский институт управления и экономики,
347900, Российская Федерация, Таганрог, ул. Петровская, 45;
e-mail: arsen787@list.ru

Нуриев Тахир Вугароглы

Аспирант,
Таганрогский институт управления и экономики,
347900, Российская Федерация, Таганрог, ул. Петровская, 45;
e-mail: e_jaeger18@mail.ru

Балина Татьяна Николаевна

Кандидат психологических наук,
профессор кафедры управления,
Таганрогский институт управления и экономики,
347900, Российская Федерация, Таганрог, ул. Петровская, 45;
e-mail: t.balina@tmei.ru

Аннотация

В статье анализируются современные психологические эмпирические исследования, посвященные проблеме виктимизации как в реальной жизни, так и в цифровой виртуальной среде. В качестве основных методов применяются приемы анализа, систематизации и группировки данных исследований. В результате показано, что причины виктимизации достаточно разнообразны. Условно авторами они систематизированы в четыре группы с указанием классификационных признаков. Выделены особенности виктимизации в реальной и цифровой среде.

Для цитирования в научных исследованиях

Конджарян А.А., Нуриев Т.В., Балина Т.Н. Социально-психологические факторы виктимизации в реальной и цифровой среде // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 247-256. DOI: 10.34670/AR.2024.40.16.017

Ключевые слова

Асоциальное поведение, буллинг, виктимность, жертва, психологические качества, преступность, цифровая среда.

Введение

Актуальность исследования социально-психологических факторов виктимизации и особенностей проявления виктимного поведения определяется социальной и практической значимостью вопросов гуманизации общества, необходимостью решения задач формирования социально адаптированной личности, а также потребностью виктимологической профилактики и коррекции. Обостряет данный вопрос факт интенсивного развития различных форм поведения людей в цифровом пространстве – от общения и развлечений до обучения и ведения бизнеса. Интернет-пространство становится значимой сферой жизнедеятельности. Вовлечение людей в активное взаимодействие в цифровой среде происходит гораздо быстрее, чем формируется законодательно-правовая регламентация различных форм поведения в ней [Кабанов, 2016; Пучкова, 2020; Ситковский, Коимшиди, 2021]. Это способствует формированию представлений о безнаказанности, вседозволенности, возможности вести себя максимально раскрепощенно, без оглядки на общепринятые социальные нормы. В итоге проблема кибербуллинга, травли в социальных сетях, цифрового мошенничества порождает большое количество направлений для научных исследований, в том числе психологической направленности.

Стоит отметить, что изначально вектор исследований был направлен на изучение и анализ причин агрессивного поведения в цифровой среде [Кабанов, 2016; Макарова, Макарова, Махрина, 2016; Сычева, 2022]. Тем не менее, как когда-то в юридической психологии и криминологии остро встал вопрос об особенностях поведения и индивидуально-психологических качествах жертв преступлений в реальной среде, так в настоящее время все больше появляется работ, характеризующих социальный и психологический статус жертв в цифровой среде [Балина, Конджарян, 2023; Колесников, 2019; Шпаковская, Клюкина, 2020; Япарова, Аболевич, 2019].

Исследователи приходят к выводам, что для многих лиц то обстоятельство, что они стали жертвой мошенничества, травли, агрессии и тому подобного, не является случайным [Макарова, Макарова, Махрина, 2016]. Оно подготовлено их поведением, личностными особенностями, условиями воспитания и жизненным опытом, то есть детерминировано наличием определенных виктимных предрасположенностей. Учитывая это, в работе ставится **цель** провести сравнительный анализ социально-психологических факторов виктимизации и последующего виктимного поведения в реальной и цифровой среде, что в дальнейшем позволит формировать адекватные меры профилактики и коррекции такого поведения.

В качестве методологической базы настоящего исследования, с одной стороны, выступают данные эмпирических исследований, выявляющих индивидуально-психологические качества и социальное положение жертв тех или иных форм реального и цифрового поведения и взаимодействия [Балина, 2013; Малкина-Пых, 2017; Пучкова, 2020; Шпаковская, Клюкина, 2020]; с другой стороны, анализируются работы авторов, доказывающих, что виктимогенные признаки поведения и личности жертвы (пострадавшего) являются существенными условиями реализации причинной связи, где последствиями выступают действия агрессора или преступника [Ахмедова, Цебро, 2023; Малкина-Пых, 2017; Юдина, Дементьев, 2021]. Культурно-историческая концепция психического развития, разработанная Л.С. Выготским, доказывает, что в поведении человека нельзя обособлять ни объективные, ни субъективные факторы [Тюков, 2017]. Ни одно интерпсихическое и ни одно интрапсихическое явление само по себе не порождает поведенческого акта. Поведенческий акт – это всегда «замыкание» внешнего (социально-культурного) и внутреннего (психического), следовательно, социальные

факторы влияют на человека опосредовано, через его внутриличностные особенности (установки, ценности, направленность, мотивы и т.п.). Поэтому для целостного, системного понимания факторов виктимизации, адекватной оценки роли жертвы в возникающих конфликтах, мошеннических схемах, преступлениях крайне необходимы виктимологические исследования, в частности психологические исследования факторов, провоцирующих виктимное поведение.

Методами исследования являются анализ научной литературы, систематизация данных, метод группировки и классификации данных результатов эмпирических исследований.

Основная часть

Виктимное (виктимогенное) – такое поведение, при котором жертва определенным образом способствует совершению безнравственных либо противоправных действий, сознательно или бессознательно создает объективные и субъективные условия для этих действий, пренебрегая мерами безопасности [Малкина-Пых, 2017]. Такое определение справедливо относительно поведения жертв любого типа и подчеркивает неуместность сужения предмета виктимологии лишь до уровня изучения виктимного поведения в криминальных ситуациях. Главный признак виктимного поведения – это осуществление определенных действий или бездействия, которые способствуют тому, что человек оказывается в роли страдающей жертвы.

Учитывая это положение, следует заметить, что виктимное поведение также должно исследоваться в двух аспектах: узком и широком. В узком смысле виктимным поведением считаются конкретные деяния (действия или бездействие), их совокупность в конкретной ситуации, в результате применения которых человек становится жертвой. В широком смысле виктимное поведение – это сложная система взаимодействия между потенциальной жертвой и окружением. Именно вследствие такого взаимодействия человек при определенных условиях и становится жертвой [Малкина-Пых, 2017].

Анализ различных научных источников, посвященных заявленной проблеме, позволяет выделить четыре группы факторов, детерминирующих в целом процесс виктимизации.

Первая группа включает в себя разного рода неблагоприятные условия социализации, которые препятствуют адекватной адаптации, замедляют процессы развития личности, а то и вовсе приводят к её деградации. К ним относят неблагоприятные природно-климатические условия, экологические загрязнения, неблагоприятную социально-экономическую обстановку в регионе (например, высокий уровень безработицы). Существует статистика, показывающая, что в таких неблагополучных районах жизненные устремления личности быстро расшатываются и деформируются; это влечет за собой повышенную алкоголизацию, наркотизацию, суицидность, половую распущенность [Кабанов, 2016; Малкина-Пых, 2017; Ситковский, Коимшиди, 2021]. Сходные причины подталкивают человека погружаться и в виртуальный мир – мир компьютерных игр, романтических интернет-знакомств, сомнительных предложений заработка в сети Интернет и т.п. [Балина, 2013; Юдина, Дементьев, 2021; Япарова, Аболевич, 2019].

В эту же группу исследователи включают в качестве объективного фактора виктимизации неблагополучные семьи, в которых ребенка запугивают, унижают, избивают. В результате его самооценка становится неоправданно заниженной, он с раннего детства привыкает к роли жертвы [Ахмедова, Цебро, 2023].

Интересным является факт, что виктимизация возникает не только в социально-проблемных

условиях, но и в случаях высокого уровня материальной состоятельности потенциальных жертв и их принадлежности к определенному социальному кругу (например, известность, публичность). Наименее виктимным оказывается средний класс. По мере превышения уровня материального достатка человека выше среднего виктимность начинает возрастать. Людям с очень высоким материальным достатком соответствует высокий уровень виктимности, несмотря на значительные меры предосторожности [Малкина-Пых, 2017].

Вторая группа – это индивидуально-психологические и личностные особенности. В первую очередь, большинство авторов отмечают возрастные особенности. Наиболее виктимны несовершеннолетние и лица преклонного возраста. Научные исследования показывают, что наиболее виктимными среди несовершеннолетних оказываются подростки в возрасте двенадцати-четырнадцати лет [Колесников, 2019; Шпаковская, Клюкина, 2020]. Это тот возраст, когда при отсутствии жизненного опыта подросток должен решать самые различные задачи: освобождения от опеки взрослых, налаживания взаимоотношений с лицами другого пола, сверстниками, к определенному времени возникает проблема выбора профессии [Япарова, Аболевич, 2019].

Особенности психофизического порядка определяют и повышенную виктимность лиц пожилого и преклонного возраста. Прежде всего, здесь виктимологически проявляется физическая слабость и снижение умственной активности; сказываются и определенные болезненные возрастные изменения [Кабанов, 2016; Пучкова, 2020; Ситковский, Коимшиди, 2021]. Так, преступником могут быть использованы слабая память, снижение половой потенции, озабоченность своим здоровьем и др. «Подходы» к потерпевшему преступник находит, ориентируясь на чувство одиночества, например, овдовевшей женщины или одинокого пожилого мужчины.

Технический прогресс и высокие темпы цифровизации большинства сфер нашей жизни привели к тому, что пожилые люди просто не успевают овладеть правилами использования цифровых технологий. В этой связи А.Л. Ситковский и Г.Ф. Коимшиди пишут: «В течение указанного периода наблюдается неуклонный рост количества жертв данной возрастной группы: с 12,1 тыс. в 2014 г. до 15,5 тыс. в 2020 г.» [Ситковский, Коимшиди, 2021]. Пожилые люди затрудняются при использовании банкоматов, платежных систем, приложений гаджетов. По привычке они доверяют тем, кто по телефону представляется сотрудниками правоохранительных органов, банков, медицинских учреждений. Это все привело к катастрофическому росту мошенничества, где жертвами стали люди пенсионного возраста [Сычева, 2022].

Существенное значение среди факторов виктимизации второй группы играет и половая принадлежность. Женщины, при прочих равных условиях, несколько более виктимны, чем мужчины. Это связано, во-первых, с распространением половых преступлений, где в качестве потерпевших в подавляющем случае выступают женщины. Во-вторых, несоответствие физических сил мужчин и женщин делает последних более виктимными не только от половых, но и иных преступлений против личности. В-третьих, некоторые чисто социальные обстоятельства, характерные для женщин, делают их виктимными в большей мере, чем мужчин: они чаще мужчин не работают, связаны детьми и зависят от мужа материально; являются препятствием в передаче ребенка мужу при разводе; взыскивают алименты; именно женщины, к тому же пожилые, часто остаются в одиночестве дома и страдают при разбойных нападениях на квартиры [Малкина-Пых, 2017].

Большое количество исследований посвящено именно личностным факторам

виктимизации. В основном в качестве объекта эмпирических исследований в данном случае выступают подростки и молодежь [Балина, 2013; Колесников, 2019; Пучкова, 2020; Юдина, Дементьев, 2021].

В качестве нравственно-психологических детерминант авторы указывают на самые различные нравственно-психологические особенности жертв, такие как половая распущенность, жадность, деспотизм, агрессивность, грубость, трусость, жестокость, мнительность, пассивность, доверчивость, некритичность, робость, моральная неустойчивость, неадекватная храбрость и др. Все эти качества, проявляясь в поведении, при определенных обстоятельствах могут способствовать совершению преступления, либо провоцировать агрессию, хейтерство, троллинг, буллинг в свой адрес.

Ряд авторов, изучающих виктимность в реальных условиях, установили корреляционную связь между экстернальностью – интернальностью и склонностью к виктимному поведению [Пучкова, 2020; Шпаковская, Клюкина, 2020; Япарова, Аболевич, 2019]. Это качество личности, заключающееся в склонности человека приписывать причины происходящего с ним внешним обстоятельствам или принимать ответственность за события своей жизни на себя самого. Интерналы более осторожны, быстро учатся на своих и чужих ошибках. Экстерналам это не свойственно, и они чаще попадают в потенциально опасные ситуации. Интересным является то, что среди большого количества исследований, посвященных факторам виктимизации в цифровой среде, такого рода данных нам найти не удалось.

Конформность – подверженность влиянию группы – еще одно качество, приводящее к тому, что, группа, объединенная занятием, увлечением, которое не одобряется обществом или преследуется законом (азартные игры, преступная деятельность и т.п.), подвергает риску всех втянутых в неё людей. Наиболее выражена конформность именно в подростковом возрасте, что и приводит эту возрастную группу в зону повышенного риска, как в реальной, так и цифровой среде [Юдина, Дементьев, 2021].

Третья группа включает в себя закрепившиеся поведенческие дефекты, такие как выученная беспомощность и отсутствие поисковой активности. Автор теории выученной беспомощности М. Селигман определяет беспомощность как состояние, когда человеку кажется, что внешние события от него не зависят, и он ничего не может сделать, чтобы их предотвратить или изменить.

На основе проведенных экспериментов М. Селигман сделал вывод о том, что беспомощность вызывают не сами по себе неприятные события, а именно опыт неконтролируемости этих событий. Человек становится беспомощным, если оно привыкает к тому, что от его активных действий ничего не зависит, что неприятности происходят сами по себе и на их возникновение влиять никак нельзя.

Тесно связанная с представлениями М. Селигмана и его коллег концепция поисковой активности (Ротенберг, Аршавский, 1984) позволяет объемнее представить проблему, связанную с влиянием выученной беспомощности на формирование виктимного поведения. Поисковой активностью называется деятельность, направленная на изменение неприемлемой ситуации, или на изменение своего отношения к ней, или на сохранение благоприятной ситуации вопреки действию угрожающих ей факторов и обстоятельств. Человек запрограммирован природой на гибкое поисковое поведение в меняющемся динамичном мире как самой природы, так и социальных отношений. Выученная беспомощность блокирует поисковую активность, превращая жизнь в набор автоматизированных действий, отражающих искусственно выстроенную ситуацию [Макарова, Макарова, Махрина, 2016; Япарова,

Аболевич, 2019]. Такая модель поведения может сформироваться еще в детстве, если со стороны родителей недостаточно выражена стимулирующая поддержка, позволяющая преодолеть исходный страх перед поиском, перед самостоятельным решением возникающих детских проблем. В итоге выученная беспомощность и отказ от поисковой активности приводит к тому, что человек, попав в ситуацию жертвы, практически ничего не предпринимает для изменения этой сложившейся ситуации.

В четвертую группу входят психические девиации виктимного характера, а именно расстройства психической деятельности, затрудняющие социальную адаптацию. Среди них в эмпирических исследованиях чаще всего встречаются личностная тревожность и мнительность [Балина, 2013]. К наиболее виктимным Н.Б. Морозова относит случаи более серьезных расстройств, таких как мазохизм, садизм, эксгибиционизм, патологический эротизм-нимфомания и др. [Морозова, 2003].

Существенно затрудняет социальную адаптацию выраженный уровень конфликтности личности, в силу которого человек часто оказывается в ситуациях межличностных конфликтов. Наличие внутриличностных конфликтов также имеет виктимологическое значение, но только тогда, когда они перерастают в жизненные кризисы и ведут к виктимным поведенческим реакциям, таким как комплекс мнимой жертвы (трусость, паникерство, постоянные подозрения об угрозе безопасности со стороны окружающих); комплекса притворной жертвы (своим нытьем и страхами притягивающей беду). Ролевые межличностные конфликты могут приводить к формированию специфических виктимных комплексов, которые при стечении обстоятельств реализуются в деструктивном поведении: комплекса жертвы-дитяти; комплекса жертвы-подкаблучника; комплекса безвинной жертвы.

В данную, четвертую группу, также следует отнести расстройства эмоционально-потребностной сферы. Эти расстройства выражаются в нарушении потребности в безопасности, в нежелании выполнять деятельность по обеспечению безопасности, повышенном уровне потребности в острых ощущениях. По мнению Н.Б. Морозовой, это формирует такие виктимные комплексы, как патологическая страсть к приключениям, оценка окружения как враждебного, общее состояние страха перед людьми, которые субъективно оцениваются как более сильные, агрессивные, напористые [Морозова, 2003]. В цифровой среде нарушения эмоциональной сферы приводят к гиперсоциальному виктимному поведению [Япарова, Аболевич, 2019]. Человек заводит по несколько аккаунтов в разных социальных сетях под вымышленными именами, бездумно подписывается на различные сообщества, делает доступными свои личные страницы. Легкомыслие и авантюризм, свойственные при расстройствах эмоциональной сферы, существенно затрудняют критичность мышления, следовательно, увеличивают степень виктимности.

Заключение

Подводя итоги проведенной работы, можно сделать следующие выводы:

1. Социальные факторы влияют на человека опосредовано, через его внутриличностные особенности (установки, ценности, направленность, мотивы и т.п.). Поэтому для целостного, системного понимания факторов виктимизации, адекватной оценки роли жертвы в возникающих конфликтах, мошеннических схемах, преступлениях крайне необходимы виктимологические исследования, в частности психологические исследования факторов, провоцирующих виктимное поведение.

2. Анализ и систематизация данных эмпирических исследований, направленных на выявление причин виктимного поведения, позволили выделить четыре группы причин:

- неблагоприятные условия социализации (экологически и экономически неблагоприятные регионы, неблагополучные семьи);
- индивидуально-психологические и личностные особенности (возрастные, гендерные особенности, низкий уровень нравственного развития, экстернальность, конформность);
- закрепившиеся поведенческие дефекты (выученная беспомощность и отсутствие поисковой активности);
- расстройства психической деятельности, затрудняющие социальную адаптацию (выраженная личностная тревожность, патологическая конфликтность, расстройства эмоционально-потребностной сферы).

3. Сравнительный анализ причин виктимизации в реальной и цифровой среде позволил конкретизировать некоторые особенности виктимизации в зависимости от указанных условий. В том числе установлено, что процесс виктимизации в реальной жизни в большей степени запускается под влиянием внешне-средовых условий, которые вызывают виктимные реакции в первую очередь у экстерналов. В цифровой среде первостепенное значение играют личностные особенности, и достоверной связи виктимного поведения с показателем «экстернальность-интернальность» не обнаружено. При этом ряд авторов отмечает существенный рост виктимности в цифровой среде среди людей пожилого возраста.

Таким образом, рассмотрев основные социально-психологические причины виктимизации и детерминанты виктимного поведения, можно заключить, что интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры, виктимные внутрличностные конфликты могут играть значительную роль в формировании поведения, связанного с оценкой и принятием самого себя как жертвы. При этом личность может переживать собственные беды и неудачи как детерминированные исключительно личностными качествами либо, наоборот, враждебным окружением. В первом случае наблюдается снижение самооценки, развитие депрессивных форм поведения, суицидальных мыслей и т.п. Во втором случае (и в цифровой среде это выражено ярче) формируется склонность к агрессивному виктимному поведению – мести, снижению чувства безопасности, некритичности в поведении, вербальной и физической агрессии.

Библиография

1. Ахмедова Э.М., Цебро Г.О. Роль жертвы в кибербуллинге, причины и последствия вовлечения // Вестник Московской международной академии. 2023. № 1. С. 52-57.
2. Балина Т.Н. Психологические качества подростков, предпочитающих интернет-общение // Материалы VII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Феноменология и профилактика девиантного поведения». Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2013. С. 12-15.
3. Балина Т.Н., Конджарян А.А. Анализ понятия «риск» в контексте информационного поведения // Материалы XXII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 30-летию юбилею фак-та психологии ИГУ «Проблемы теории и практики современной психологии». Иркутск: ИГУ, 2023. С. 18-23.
4. Кабанов П.А. Жертвы российской преступности: Геронтологический аспект (криминологический анализ виктимологической статистики за 2014-2015 гг.) // Виктимология. 2016. № 1 (7). С. 9-16.
5. Колесников Е.А. Исследование психологических характеристик подростков, склонных к виктимному поведению в виртуальном пространстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2019. № 2. С. 148-159.

6. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 3. С. 293-311.
7. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. СПб.: Питер, 2017. 832 с.
8. Морозова Н.Б. Психические расстройства и их роль в виктимном поведении детей и подростков. М.: Просвещение, 2003. 227 с.
9. Пучкова Л.Л. Социально-психологические факторы виктимного поведения студенческой молодежи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. № 1. С.93-102.
10. Ситковский А.Л., Коимшиди Г.Ф. Характеристика криминальной виктимизации пожилых и несовершеннолетних, а также ожидаемые тенденции ее развития до 2023 года // Академическая мысль. 2021. № 4 (17). С. 124-133.
11. Сычева А.В. Некоторые вопросы криминалистической характеристики «дистанционных» мошенничеств, совершенных в отношении пожилых людей // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 135-140.
12. Тюков А.А. Значение идей Л.С. Выготского для современной психологии развития // Системная психология и социология. 2017. № 4 (24). С. 5-15.
13. Шпаковская Е.Ю., Клюкина А.А. Психологические особенности виктимного поведения подростков, подвергавшихся кибербуллингу // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-viktimnogo-povedeniya-podrostkov-podvergavshih-sya-kiberbullingu> (дата обращения: 12.01.2024).
14. Юдина А.М., Дементьев А.Г. Превенция виктимного поведения студенческой молодежи в сети Интернет // Современное педагогическое образование. 2021. № 7. С. 91-94.
15. Япарова О.Г., Аболевич А.А. Социально-психологические предикторы виктимного поведения в подростковом возрасте // Комплексные исследования детства. 2019. № 4. С. 272-284.

Socio-psychological factors of victimization in real and digital environments

Arsen A. Kondzharyan

Postgraduate Student,
Taganrog Institute of Management and Economics,
347900, 45 Petrovskaya str., Taganrog, Russian Federation;
e-mail: arsen787@list.ru

Takhir V. Nuriev

Postgraduate Student,
Taganrog Institute of Management and Economics,
347900, 45 Petrovskaya str., Taganrog, Russian Federation;
e-mail: e_jaeger18@mail.ru

Tat'yana N. Balina

PhD in Psychology,
Professor of the Department of Management,
Taganrog Institute of Management and Economics,
347900, 45 Petrovskaya str., Taganrog, Russian Federation;
e-mail: t.balina@tmei.ru

Abstract

The article analyzes modern psychological empirical research on the problem of victimization, both in real life and in a digital virtual environment. The main methods used are methods of analysis, systematization and grouping of research data. As a result, it is shown that the causes of victimization are quite diverse. Conditionally, the authors have systematized them into four groups with indication of classification features. The features of victimization in the real and digital environment are highlighted.

For citation

Kondzharyan A.A., Nuriev T.V., Balina T.N. (2024) Sotsial'no-psikhologicheskie faktory viktimizatsii v real'noi i tsifrovoi srede [Socio-psychological factors of victimization in real and digital environments]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 247-256. DOI: 10.34670/AR.2024.40.16.017

Keywords

Antisocial behavior, bullying, victimization, victim, psychological qualities, crime, digital environment.

References

1. Akhmedova E.M., Tsebro G.O. (2023) Ro' zhertvy v kiberbullinge, prichiny i posledstviya vovlecheniya [The role of the victim in cyberbullying, the causes and consequences of involvement]. *Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii* [Bulletin of the Moscow International Academy], 1, pp. 52-57.
2. Balina T.N. (2013) Psikhologicheskie kachestva podrostkov, predpochitayushchikh internet-obshchenie [Psychological qualities of teenagers who prefer Internet communication]. In: *Materialy VII Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii «Fenomenologiya i profilaktika deviantnogopovedeniya»* [Proc. All-Russian Conf. "Phenomenology and prevention of deviant behavior"]. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, pp. 12-15.
3. Balina T.N., Kondzharyan A.A. (2023) Analiz ponyatiya «risk» v kontekste informatsionnogo povedeniya [Analysis of the concept of "risk" in the context of information behavior]. In: *Materialy XXII Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh, posvyashchennoi 30-letnemu yubileyu fak-ta psikhologii IGU «Problemy teorii i praktiki sovremennoi psikhologii»* [Proc. All-Russian Conf. "Problems of Theory and Practice of Modern Psychology"]. Irkutsk: IGU, pp. 18-23.
4. Kabanov P.A. (2016) Zhertvy rossiiskoi prestupnosti: Gerontologicheskii aspekt (kriminologicheskii analiz viktimologicheskoi statistiki za 2014-2015 gg.) [Victims of Russian crime: Gerontological aspect (criminological analysis of victimological statistics for 2014-2015)]. *Viktimologiya* [Victimology], 1 (7), pp. 9-16.
5. Kolesnikov E.A. (2019) Issledovanie psikhologicheskikh kharakteristik podrostkov, sklonnykh k viktimnomu povedeniyu v virtual'nom prostranstve [Study of the psychological characteristics of adolescents prone to victim behavior in virtual space]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika»* [Bulletin of the Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"], 2, pp. 148-159.
6. Makarova E.A., Makarova E.L., Makhrina E.A. (2016) Psikhologicheskie osobennosti kiberbullinga kak formy internet-prestupleniya [Psychological features of cyberbullying as a form of Internet crime]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian psychological journal], 13 (3), pp. 293-311.
7. Malkina-Pykh I.G. (2017) *Viktimologiya. Psikhologiya povedeniya zhertvy* [Victimology. Psychology of victim behavior]. Saint Petersburg: Piter Publ.
8. Morozova N.B. (2003) *Psikhicheskie rasstroistva i ikh rol' v viktimnom povedenii detei i podrostkov* [Mental disorders and their role in victim behavior of children and adolescents]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
9. Puchkova L.L. (2020) Sotsial'no-psikhologicheskie faktory viktimnogo povedeniya studencheskoi molodezhi [Socio-psychological factors of victim behavior among students]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 1, pp. 93-102.
10. Shpakovskaya E.Yu., Klyukina A.A. (2020) Psikhologicheskie osobennosti viktimnogo povedeniya podrostkov,

- podvergavshikhsya kiberbullingu [Psychological features of victim behavior of adolescents exposed to cyberbullying]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-viktimnogo-povedeniya-podrostkov-podvergavshih-sya-kiberbullingu> [Accessed 12/01/2024].
11. Sitkovskii A.L., Koimshidi G.F. (2021) Kharakteristika kriminal'noi viktimizatsii pozhilykh i nesovershennoletnikh, a takzhe ozhidaemye tendentsii ee razvitiya do 2023 goda [Characteristics of criminal victimization of the elderly and minors, as well as expected trends in its development until 2023]. *Akademicheskaya mysl'* [Academic thought], 4 (17), pp. 124-133.
 12. Sycheva A.V. (2022) Nekotorye voprosy kriminalisticheskoi kharakteristiki «distantionnykh» moshennichestv, sovershennykh v otnoshenii pozhilykh lyudei [Some issues of forensic characteristics of “remote” fraud committed against elderly people]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1 (60), pp. 135-140.
 13. Tyukov A.A. Znachenie idei L.S. (2017) Vygotskogo dlya sovremennoi psikhologii razvitiya [The meaning of L.S.'s ideas Vygotsky for modern developmental psychology]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya* [Systemic psychology and sociology], 4 (24), pp. 5-15.
 14. Yaparova O.G., Abolevich A.A. (2019) Sotsial'no-psikhologicheskie prediktory viktimnogo povedeniya v podrostkovom vozraste [Socio-psychological predictors of victim behavior in adolescence]. *Kompleksnye issledovaniya detstva* [Comprehensive studies of childhood], 4, S. 272-284.
 15. Yudina A.M., Dement'ev A.G. (2021) Preventsiya viktimnogo povedeniya studencheskoi molodezhi v seti Internet [Prevention of victimized behavior of student youth on the Internet]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern pedagogical education], 7, pp. 91-94.

УДК 378.1

DOI: 10.34670/AR.2024.97.57.021

Исследование ценностных ориентаций личности студента (на примере Кабардино-Балкарского государственного университета)

Михайленко Ольга Ивановна

Кандидат психологических наук, доцент,
директор Института педагогики,
психологии и физкультурно-спортивного образования,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
360006, Российская Федерация, Нальчик, ул. Семашко, 6;
e-mail: pedobr2016@mail.ru

Догучаева Танзиля Ахматовна

Старший преподаватель Института педагогики, психологии
и физкультурно-спортивного образования,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
360006, Российская Федерация, Нальчик, ул. Семашко, 6;
e-mail: doguchaeva@bk.ru

Пшигаушева Рузана Заурбиевна

Старший преподаватель Института педагогики, психологии
и физкультурно-спортивного образования,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
360006, Российская Федерация, Нальчик, ул. Семашко, 6;
e-mail: pruzanaz@mail.ru

Аннотация

Статья отражает организационный и содержательный аспект психолого-педагогического сопровождения студентов и их родителей в формировании ценностных ориентаций. Психолого-педагогическое сопровождение – это не просто набор разнообразных методов, а комплексная деятельность специалистов совместно с родителями обучающихся, направленная на решение задач коррекции, развития, обучения, воспитания и социализации в ходе формирования ценностных ориентаций. Цель психолого-педагогического сопровождения – рассмотреть систему ценностей личности студента, определить место ценностных ориентаций в структуре личности, раскрыть особенности ценностных ориентаций студентов Кабардино-Балкарского государственного университета. Методы исследования: теоретические – анализ психологической и педагогической литературы по проблеме исследования; эмпирические – анкетирование, статистические методы – качественный и количественный анализ результатов исследования. Исследование проводилось в Кабардино-Балкарском государственном

университете. В исследовании принимали участие 430 студентов КБГУ разных направлений подготовки и 14000 родителей. Полученные в процессе исследования результаты показывают, что новые подходы к организации работы с молодежью и родительским сообществом, реализуемые профессорско-преподавательским составом Института педагогики, психологии и физкультурно-спортивного образования Кабардино-Балкарского государственного университета, позволили изменить эмоциональную дистанцию родителя с ребенком, повысить удовлетворенность семейными отношениями, снизить нервно-психическое напряжение, повысить функциональный ресурс семьи, повысить уровень осознанности родительства.

Для цитирования в научных исследованиях

Михайленко О.И., Догучаева Т.А., Пшигаушева Р.З. Исследование ценностных ориентаций личности студента (на примере Кабардино-Балкарского государственного университета) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 257-265. DOI: 10.34670/AR.2024.97.57.021

Ключевые слова

Жизненные ценности, мировоззрение, приоритет, духовное равенство, жизненная позиция, ценностные ориентации, духовно-нравственное воспитание и социализация молодежи.

Введение

Ценностные ориентации молодежи являются динамичными, поэтому их изучение является актуальной темой на любом этапе.

В условиях социально-экономических и политических изменений, происходящих в обществе, особенно трудно приходится молодежи с ее неустановившимся мировоззрением и гибкой системой ценностей.

Отсутствие духовности молодежи, потребительский и эгоистический подход к жизни приводят к апатии и безразличию к себе и другим, что представляет угрозу для нравственного и духовного здоровья общества.

Изучению проблемы ценностных ориентаций личности посвящены труды К.А. Альбуханово-Славской, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и др. Теоретические основы формирования ценностных ориентаций личности исследованы в работах О.Г. Дробницкого, А.Г. Здравомыслова, В.П. Ту-гарина и др.

В педагогических исследованиях ценностные ориентации личности изучаются на разных этапах ее развития: учащихся общеобразовательных учреждений (Е.Н. Белова, Н.П. Карпова, Т.Н. Семенкова), студентов (Н.А. Долгушина, Н.Э. Касаткина, С.С. Королева, Е.Л. Руднева, Е.Б. Храмова) и др.

Основой основ развития и поведения личности являются духовно-нравственные ценности. Они направляют поведение и деятельность человека, дают возможность принять решение в ситуации нравственного выбора, за которым стоит «эмоциональное отношение человека к действительности и самому себе. Духовно-нравственная личность – результат долгого, упорного и целенаправленного процесса самоорганизации, семейного и общественного воспитания и просвещения [Михайленко, 2021].

В настоящее время данная проблема имеет особую значимость в условиях современного общества, именно поэтому мы затронули данную тематику в проведении исследования со студентами Кабардино-Балкарского государственного университета (КБГУ).

Благополучие и будущее Кабардино-Балкарской Республики (КБР) во многом зависит от молодежи, от ее культурного уровня, профессиональной грамотности, ценностных ориентаций, нравственного состояния. Но трансформация системы ценностей, утрата идеалов, сложные социально-экономические и политические процессы породили ситуацию экзистенциального хаоса, вызвали изменения ценностных ориентации молодежи. Отмечается понижение нравственности, физическое и психологическое неблагополучие молодежи, рост депрессивных состояний, потеря смысла жизни и ее ценности.

В настоящее время молодежь КБР, впрочем, как и общество в целом, переживает ценностный кризис: разрушены идеалы, в которые верило старшее поколение, а новых идеалов в обществе пока нет. Особенно этот факт обнаруживает себя в сознании подрастающего поколения. У детей формируется ценностно-потребностная сфера личности, которая наполнена качественными особенностями нового общества. Иначе говоря, утрачены традиционные представления о красоте, больше всего ослабли позиции добра, морально-этические нормы теряют значение для людей. Именно актуальность этой проблемы повлияла на выбор темы нашего исследования.

Центральный момент всякого рассуждения о ценностях – это определение самого понятия ценности. Неоднозначность природы ценностей подводит к необходимости систематизации толкований понятий «ценность».

Система ценностей личности является фундаментом ее ценностных ориентаций и установок, которые, в свою очередь, являются основой для выбора деятельности, поведения и принятия решений. Устойчивая и целостная система ценностных ориентаций личности помогает ей определить свое отношение к миру, культуре своего народа и своей собственной жизни, а также ориентироваться в социальном пространстве.

Ценностные ориентации человека формируют определенную систему, которая включает три основных направления: социально-структурные ориентации и планы, ориентации на определенный образ жизни, а также деятельность и общение в различных социальных институтах.

Ценностные ориентации – результат осознанного выбора действия. Они определяют особенности отношений личности с окружающей действительностью и влияют на ее поведение. Систему ценностных ориентаций личности можно рассматривать как подсистему более широкой системы, описываемой различными авторами как «жизненный мир человека», «образ мира» и т.п. и имеющую, в свою очередь, сложный и многоуровневый характер.

Принцип иерархии ценностей, многоуровневость, является важнейшей характеристикой системы ценностных ориентаций личности (Б.Ф. Ломов, С.С. Бубнова). Субъективное предпочтение тех или иных ценностей – начало определения иерархии ценностных ориентаций: семья, богатство, творчество, карьера, честь, совесть, здоровье и т.д. Принятие личностью ценностей автоматически предполагает построение индивидуальной ценностной иерархии. Непротиворечивость ценностных ориентаций – показатель устойчивости личности. Система ценностных ориентаций личности, занимая промежуточное положение между внутренними установками и нормами социальной среды, между мотивационно-потребностной сферой и системой личностных смыслов, обеспечивает взаимодействие этих элементов более общей системы «человек».

Основные ценности человека – это то, на чем строится его жизнь, что является фундаментом для всех остальных своих ценностей. Не следует их путать с мировоззрением или представлениями о культуре и религии. Они являются базовыми ценностями, которые определяют наш подход к жизни.

Жизненные ценности – это определенные принципы, цели, идеалы, занимающие важное место в жизни каждого человека. Они определяют то, что для нас действительно важно и ценно, помогают нам принимать решения и формировать наше поведение в различных ситуациях. Изучение жизненных ценностей и их определение помогает нам лучше понимать самих себя и ориентироваться в жизни [Михайленко, 2017].

Для определения жизненных ценностей необходимо провести анализ своих приоритетов и убеждений, понять, какие ценности действительно важны для нас и как они связаны с нашими жизненными целями. Каждый человек имеет свои уникальные жизненные ценности, которые могут варьироваться в зависимости от личного опыта, культурных и социальных факторов.

Определение жизненных ценностей – это важный шаг на пути к самопознанию и росту личности. Они могут включать в себя такие категории, как семья, здоровье, карьера, духовное развитие, материальное благополучие и многое другое. Осознание своих жизненных ценностей в настоящее время имеет особую значимость.

Методика проведения исследования

Учебные заведения КБР являются главными структурами, где проводится целенаправленная объединяющая и миротворческая политика.

Следовательно, образование может помочь обществу воспитать молодежь в духе гуманного отношения к обществу и определить основные, важные, жизненные ценности, которые помогут молодежи сформировать ясное представление о жизненной позиции и направлении развития.

Молодежь Кабардино-Балкарии занимает особое положение в социальной структуре общества. Этой возрастной группе присущи характерные черты поведения, образа жизни, мышления и восприятия мира. Будущее молодого человека несомненно будет зависеть от того, как он сформирует свою жизненную позицию, ценностные ориентации, цели и точку зрения на окружающую реальность. Жизненные приоритеты человека формируются на основе принимаемых им ценностей. Эти приоритеты в конечном итоге зависят от самого человека. Если молодежь не способна активно отстаивать свою жизненную позицию и не готова к самостоятельной жизни в современном обществе, это может привести к нежелательным последствиям. Такая ситуация недопустима.

Противоречия в ценностных ориентациях приводят к непоследовательному поведению. Недостаток ценностных ориентаций является признаком инфантилизма, когда внешние стимулы имеют преобладающее значение во внутренней структуре личности. В связи с этим для более эффективного взаимодействия со студентами и их родителями для изучения ценностных ориентаций молодежи КБР сотрудниками ИППиФСО была создана цифровая образовательная платформа.

Платформа позволила использовать цифровые средства для выявления воспитательных, психологических и образовательных потребностей родителей, создать онлайн-площадку для их обсуждения, популяризации инновационных технологий воспитания и образования и оказания консультационной поддержки студентам и их родителям. Цифровая платформа позволила применять широкий спектр форм взаимодействия со студентами и их родителями.

Диапазон такой работы простирается от онлайн-анкетирования студентов и родителей до организации вебинаров, онлайн-семинаров, презентаций, видеоконференций, консультаций

Студенты и их родители присоединились к онлайн-площадке, где в рамках гранта по национальному проекту «Образование» получили консультационную помощь 14000 родителей и студентов и приняли участие в вебинарах 9500 родителей.

На базе данной платформы осуществляется также мониторинг результативности проводимых мероприятий, уровня достижения качественных и количественных показателей эффективности формирования ценностных ориентаций в республике.

В настоящее время особое внимание сотрудники Института педагогики, психологии и физкультурно-спортивного образования (ИППиФСО) КБГУ уделяют исследованию процесса формирования ценностных ориентаций личности у молодых людей и их места и роли в социальной структуре общества.

Стабильная и непротиворечивая совокупность ценностных ориентаций формирует такие качества, как цельность, надежность, верность определенным принципам и идеалам, способность к волевым усилиям и активной жизненной позиции. Противоречивость ценностных ориентаций может привести к непоследовательности в поведении, а незрелость ценностных ориентаций является признаком незрелости и отчужденности от самого себя.

В связи с тем, что 22 ноября 2023 года В.В. Путин подписал указ об объявлении 2024-го в России Годом семьи, в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей и на основе вышеизложенного мы провели исследование на выявление ценностных ориентаций личности студента КБГУ.

Результаты исследования

В данном исследовании принимали участие 430 студентов КБГУ разных направлений подготовки.

98% опрошенных студентов отметили важность и необходимость формирования духовно-нравственных ценностей в современном мире. Основными жизненными ценностями для студентов КБГУ являются: семья (79%), воспитание и образование (75%), любовь, честь (66%), уважение и взаимопонимание (62%), дружба (56%), религия (54%), патриотизм и любовь к Родине (49%). Основными нравственными нормами студенты КБГУ считают: уважение и умение общаться (81%), соблюдение норм и правил поведения (69,8%), отношение к близким людям (74%), честность, искренность (62%), отсутствие вредных привычек (11,3%), доброта (7,5%).

Находясь в условиях социального риска, роль духовного начала приобретает актуальное звучание в молодежной среде. Оказавшись в ситуации неопределенности, молодой человек постоянно анализирует прошлое, прогнозирует будущее. В сложной ситуации выбора жизненного пути, обращаясь за помощью к близким (родителям, друзьям), происходит укрепление ценностных ориентаций, возрастает ценность таких понятий, как «семья», «дружба». Исходя из этого рассуждения, на вопрос, с какого возраста нужно начинать духовно-нравственное воспитание, студенты (98%) ответили, что с дошкольного возраста. А на вопрос, кто должен заниматься духовно-нравственным воспитанием, мнения студентов распределились следующим образом: оба родителя (97%), школа и ВУЗ (60%), религия (47%), телевидение и интернет (17%).

В ситуациях социальных преобразований, когда разрушаются многие виды и формы

социальных отношений, семья для студентов КБГУ неожиданно становится привлекательным местом – островком спокойствия и отдыха, поэтому ценность ее возрастает. Этому парадоксально способствуют даже экономические трудности – необходимость выживания консолидирует усилия в семье. Ранние браки приобретают не только спонтанный характер, так как чаще всего молодые люди сознательно стремятся к созданию семьи, чтобы укрыться там от фрустрирующего воздействия общественных процессов. Студенты КБГУ считают, что лучшим способом для воспитания у человека духовно-нравственных ценностей являются: личный пример взрослых (92,4%), доброта (64%), любовь (57%), дружба (33%). А для чего нужно формировать духовно-нравственное воспитание у молодежи, 60,4% студентов отметили – для духовной и культурной жизни, 58,5% – чтобы стать духовно-развитым человеком, 54,7% – максимально реализовать свои возможности, 43,4% – приносить пользу обществу, 41,5% – чтобы предостеречь молодых людей от не нужных ошибок.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что ранее студенты не задумывались над собственной системой ценностей, не подвергали ее рефлексивному анализу. В свою очередь, такая внутренняя позиция способствует тому, что человек становится все более управляемым извне и поддающимся внешним манипуляциям. Полученные результаты свидетельствуют также о том, что у студентов от курса к курсу происходят определенные изменения в выборе ценностных ориентаций.

Следует отметить, что новые подходы к организации работы с молодежью и родительским сообществом, реализуемые профессорско-преподавательским составом ИППиФСО, позволили изменить эмоциональную дистанцию родителя с ребенком, повысить удовлетворенность семейными отношениями, снизить нервно-психическое напряжение, повысить функциональный ресурс семьи, повысить уровень осознанности родительства.

Библиография

1. Алексейчева Е.Ю. Гуманизация образования как способ создания гуманного будущего // Методология научных исследований. материалы научного семинара. / Сер. «Библиотека Мастерской оргдеятельностных технологий МГПУ». Ярославль, 2021. С. 131-135.
2. Алексейчева Е.Ю. Многомерное образование: выбор или предопределенность // Методология научных исследований. материалы научного семинара. / Сер. «Библиотека Мастерской оргдеятельностных технологий МГПУ». Ярославль, 2021. С. 201-204.
3. Алексейчева Е.Ю. Современные подходы к организации креативного образования // Методология научных исследований. материалы научного семинара. / Сер. "Серия «Библиотека Мастерской оргдеятельностных технологий МГПУ». Вып. 2" Московский городской педагогический университет (МГПУ). Ярославль, 2021 С. 215-219
4. Алексейчева Е.Ю., Ганова Т.В., Зверев О.М., Гончарова В.А., Калининкова Н.Г., Ключко О.И., Крупник В.Ш., Лебедев Р.С., Ле-ван Т.Н., Мамонтов К.В., Михайлова И.Д., Нехорошева Е.В., Пучкова Н.Н., Феклин С.И., Филиппова Л.С., Хабибова А.С., Ходоренко Е.Д., Злотников И.В., Левинтов А.Е., Смоляков А.В., Меерович М.Г. Мастерская организационно-деятельностных технологий. Опыт формирования в Московском городском университете: коллективная монография. Москва-Берлин: ООО "Директмедиа Паблишинг", 2019. 573 с. ISBN: 978-5-4499-0172-9
5. Выготский Л.С. Психология развития человека. М., 2006. 1136 с.
6. Исаев И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. М., 2004. 206 с.
7. Казенина А.А., Алексейчева Е.Ю. Проблема гуманитаризации образования в условиях цифровой образовательной среды // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. Сборник научных статей VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. К 25-летию Московского городского педагогического университета. 2020. С. 118-124.

8. Михайленко О.И. Психолого-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Журнал «Образование и качество жизни». Вып. № 3 (25). 2021. С. 47-51.
9. Михайленко О.И. Развитие инклюзивного образования в КБГУ // Сборник научных трудов национальной университетской научно-практической конференции, приуроченной к 85-летию со дня основания Кабардино-Балкарского государственного университета, 2017. С. 240-243
10. Михайленко О.И., Лесев В.Н. Психолого-педагогическое сопровождение родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья (на примере Кабардино-Балкарского государственного университета) // Педагогический журнал. 2021. Том 11. № 6А. С. 33-42.

The study of the value orientations of the student's personality (on the example of Kabardino-Balkaria State University)

Ol'ga I. Mikhailenko

PhD in Psychology, Associate Professor,
Director of the Institute of Pedagogy,
Psychology and Physical Culture and Sports Education,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
360006, 6 Semashko str., Nal'chik, Russian Federation;
e-mail: pedobr2016@mail.ru

Tanzilya A. Doguchaeva

Senior Lecturer,
Institute of Pedagogy, Psychology and Physical Culture and Sports Education,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
360006, 6 Semashko str., Nal'chik, Russian Federation;
e-mail: doguchaeva@bk.ru

Ruzana Z. Pshigausheva

Senior Lecturer,
Institute of Pedagogy, Psychology and Physical Culture and Sports Education,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
360006, 6 Semashko str., Nal'chik, Russian Federation;
e-mail: pruzanaz@mail.ru

Abstract

The content of the article reflects the organizational and substantive aspect of the psychological and pedagogical support of students and their parents in the formation of value orientations. Psychological and pedagogical support is not just a set of various methods, but a complex activity of specialists together with the parents of students aimed at solving the problems of correction, development, training, upbringing and socialization during the formation of value orientations. The purpose of psychological and pedagogical support is to consider the value system of the student's personality, to determine the place of value orientations in the personality structure, to reveal the

features of the value orientations of students of Kabardino-Balkarian State University. Research methods: theoretical – analysis of psychological and pedagogical literature on the research problem, empirical methods – questionnaires, statistical methods – qualitative and quantitative analysis of research results. The study was conducted at Kabardino-Balkarian State University. The study involved 430 students of KBSU in various fields of study and 14,000 parents. The results obtained in the course of the study show that new approaches to the organization of work with youth and the parent community, implemented by the teaching staff of the Institute of Pedagogy, Psychology and Physical Culture and Sports Education of Kabardino-Balkarian State University, have made it possible to change the emotional distance of a parent with a child, increase satisfaction with family relations, to reduce neuropsychic stress, to increase the functional resource of the family, to increase the level of awareness of parenthood.

For citation

Mikhailenko O.I., Doguchaeva T.A., Pshigausheva R.Z. (2024) Issledovanie tsennostnykh orientatsii lichnosti studenta (na primere Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta) [The study of the value orientations of the student's personality (on the example of Kabardino-Balkaria State University)]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 257-265. DOI: 10.34670/AR.2024.97.57.021

Keywords

Life values, worldview, priority, spiritual equality, life position, value orientations, spiritual and moral education and socialization of youth.

References

1. Alekseicheva E.Yu. (2021) Gumanizaciya obrazovaniya kak sposob sozdaniya gumannogo budushchego [Humanization of education as a way to create a humane future] Metodologiya nauchnyh issledovanij. materialy nauchnogo seminar. / Ser. «Biblioteka Masterskoj orgdeyatelnostnyh tekhnologij MGPU». [Methodology of scientific research. materials of the scientific seminar. / Ser. "Library of the Workshop of organizational activity technologies of MSPU". Yaroslavl]. pp. 131-135.
2. Alekseicheva E.Yu. (2021) Mnogomernoe obrazovanie: vybor ili predopredelennost' [Multidimensional education: choice or predestination] Metodologiya nauchnyh issledovanij. materialy nauchnogo seminar. / Ser. «Biblioteka Masterskoj orgdeyatelnostnyh tekhnologij MGPU». Yaroslavl' [Methodology of scientific research. materials of the scientific seminar. / Ser. "Library of the Workshop of organizational activity technologies of MSPU"]. Yaroslavl. pp. 201-204.
3. Alekseicheva E.Yu. (2021) Sovremennye podhody k organizacii kreativnogo obrazovaniya [Modern approaches to the organization of creative education] Metodologiya nauchnyh issledovanij. materialy nauchnogo seminar. / Ser. "Seriya «Biblioteka Masterskoj orgdeyatelnostnyh tekhnologij MGPU». Vyp. 2" Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet (MGPU). Yaroslavl' [Methodology of scientific research. materials of the scientific seminar. / Ser. "Series "Library of the Workshop of organizational and activity technologies of MSPU". Issue 2" Moscow City Pedagogical University (MSPU). Yaroslavl] p. 215-219
4. Alekseicheva E.Yu., Ganova T.V., Zverev O.M., Goncharova V.A., Kalinnikova N.G., Klyuchko O.I., Krupnik V.Sh., Lebedev R.S., Le-van T.N., Mamontov K.V., Mikhailova I.D., Nekhorosheva E.V., Puchkova N.N., Feklin S.I., Filippova L.S., Khabibova A.S., Khodorenko E.D., Zlotnikov I.V., Levintov A.E., Smolyakov A.V., Meerovich M.G. (2019) Masterskaya organizacionno-deyatelnostnyh tekhnologij. Opyt formirovaniya v Moskovskom gorodskom universitete: kolektivnaya monografiya.[Workshop of organizational and activity technologies. The experience of formation at Moscow City University: a collective monograph]. Moscow-Berlin: Directmedia Publishing LLC, 2019. 573 p. ISBN: 978-5-4499-0172-9
5. Isaev I.F. (2004) *Professional'no-pedagogicheskaya kul'tura prepodavatelya* [Professional and pedagogical culture of the teacher]. Moscow.
6. Kazenina A.A., Alekseicheva E.Yu. (2020) Problema gumanitarizacii obrazovaniya v usloviyah cifrovoj obrazovatel'noj

-
- sredy [The problem of humanitarization of education in a digital educational environment] Aktual'nye voprosy gumanitarnykh nauk: teoriya, metodika, praktika. Sbornik nauchnykh statej VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. K 25-letiyu Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta [Topical issues of the humanities: theory, methodology, practice. Collection of scientific articles of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. To the 25th anniversary of the Moscow City Pedagogical University]. pp. 118-124.
7. Mikhailenko O.I. (2017) Razvitie inklyuzivnogo obrazovaniya v KBGU [Development of inclusive education at KBSU]. In: *Sbornik nauchnykh trudov natsional'noi universitetskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k 85-letiyu so dnya osnovaniya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Collection of scientific papers of the national university scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the founding of Kabardino-Balkarian State University], pp. 240-243
 8. Mikhailenko O.I. (2021) Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie semei, vospityvayushchikh detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya (na primere Kabardino-Balkarskoi Respubliki) [Psychological and pedagogical support for families raising children with disabilities (using the example of the Kabardino-Balkarian Republic)]. *Zhurnal «Obrazovanie i kachestvo zhizni»* [Journal "Education and Quality of Life"], 3 (25), pp. 47-51.
 9. Mikhailenko O.I., Lesev V.N. (2021) Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie roditelei, vospityvayushchikh detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya (na primere Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta) [Psychological and pedagogical support for parents raising children with disabilities (on the example of Kabardino-Balkarian State University)]. *Pedagogicheskii zhurnal*. [Pedagogical Journal], 11 (6A), pp. 33-42.
 10. Vygotskii L.S. (2006) *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of human development]. Moscow.
-

УДК 159

DOI: 10.34670/AR.2024.19.36.026

Психологический феномен подвига как результат проявления личностных качеств победителя

Боровицкая Юлия Витальевна

Доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы,
независимый научный исследователь,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, просп. Университетский, 100;
e-mail: heida@mail.ru

Гайцук Сергей Григорьевич

Независимый исследователь,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: na4svjzi7@yandex.ru

Аннотация

Данная работа раскрывает сущность феномена подвига в контексте проявления различных свойств и качеств личности победителя. Авторы исследуют совершение таких действий, как подвиг, героический поступок, в контексте изучения комплекса личностных качеств и свойств, а также выявления мотивации подобных поступков. Феномен победы рассматривается в исследовании не только с точки зрения социально значимого результата, но и в плане реализации личностного потенциала, удовлетворения потребности в том, чтобы принести пользу обществу, помочь другим людям, выполнить действие, которое не под силу другим. Авторы иллюстрируют проявление подвига на примере героического поступка одного из участников Великой Отечественной войны. Победа и подвиг характеризуются в статье как взаимосвязанные понятия, причинно-следственные связи между которыми очевидны. Победа есть преодоление препятствий, которые мешают личностному, профессиональному и иному развитию, а подвиг являет собой максимальное проявление победы личности над внешними факторами и внутренними сложностями в виде переживаний, тревог и страхов. Целью данной работы является изучение психологического феномена подвига как результата проявления личностных качеств победителя. Объектом определен комплекс личностных качеств победителя, а предметом – подвиг как категория деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Боровицкая Ю.В., Гайцук С.Г. Психологический феномен подвига как результат проявления личностных качеств победителя // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 266-274. DOI: 10.34670/AR.2024.19.36.026

Ключевые слова

Подвиг, победа, личность победителя, воспитание личностных качеств, героическая личность, биография, историческое исследование, боевые действия, стресс, мотивы поведения.

Введение

Актуальность изучения тематики подвига и победы обусловлена героическим прошлым российского народа. Важность понимания мотивов совершения героических поступков, подвигов лежит в основе процессов воспитания и формирования в детях, подростках и молодежи тех свойств и качеств, которые впоследствии позволяют полноценно жить, работать, осуществлять лично и социально значимую деятельность.

Неоднозначное отношение к феномену подвига в понятие победы в психолого-педагогической науке и практике обусловило необходимость детального изучения данных психологических категорий.

Понятие «подвиг», компоненты поведения победителя как особо мотивированной деятельности необходимо рассматривать в контексте исторического опыта, патриотического воспитания молодежи. Историческая память, как утверждает В.И. Бачевский [Бачевский, 2021]? не пассивна и кратковременна, а долгосрочна и отражает активную позицию ее субъектов. Поэтому ее подкрепление должно основываться на живых примерах, анализе конкретных подвигов и исторических примеров. Изучение поступков конкретных людей позволяет узнать их мотивы, структуру поведения, а также личностные новообразования, которые появляются в результате победы и подвига.

Подобное отношение к подвигам мотивирует подрастающее поколение к совершению социально полезных действий и значимых поступков, которые требуют усилий, моральных и физических. Именно поэтому победа нами рассматривается как мотивированное преодоление психологических препятствий и достижение лично значимого результата. Причем уровень преодоления трудностей определяется субъективно, ведь у каждого свой критерий сложности и наличие психологических ресурсов также индивидуально.

Целью данной работы является изучение психологического феномена подвига как результата проявления личностных качеств победителя. Объектом определен комплекс личностных качеств победителя, а предметом – подвиг как категория деятельности.

Для того чтобы тема работы была максимально полно раскрыта, нами поставлен ряд задач:

- изучить специфику понимания подвига в контексте поведения победителя;
- проиллюстрировать на конкретном историческом примере мотивацию и поведение участника Великой Отечественной войны, совершившего подвиг;
- определить критерии поведения победителей.

Основные методы нашего исследования – теоретико-методологический и исторический анализ источников по указанной тематике (В.И. Бачевский, М.Б. Кусмарцев, А.В. Рачипа, В.В. Бурьков и др.), а также изучение биографии человека, который совершил героический поступок (Н.Ф. Стрельцов), анализ свидетельств очевидцев и родственников.

Специфика понимания подвига в контексте поведения победителя

Изучая такие социальные феномены, как «подвиг» и «победа», в контексте человеческой истории немаловажным представляется исследование их психологических аспектов (мотивации, деятельностных проявлений).

Понятие подвига является предметом изучения в психологии и педагогике и олицетворяет собой поступок, выражающий огромные физические и психологические усилия и имеющий большую социальную значимость. Представляя собой акт самопожертвования, подвиг является отражением социально-психологических качеств личности – целеустремленности,

ответственности, понимания опасности. По мнению Г.В. Елагиной [Елагина, 2023], подвиг в условиях свободы предоставляет людям возможность выбора и одновременно обязанность выбора для людей с определенными морально- нравственными качествами (устойчивые нравственно-этические нормы, патриотическое сознание). При этом В.В. Зеньковский говорит о преобладании общественных интересов над личными, а также совершении данного поступка «по умолчанию» в условиях, которые зачастую исключают осознание и адекватную деятельность.

Многие исследователи, рассматривая подвиг как психологическую категорию, говорят о нем как о проявлении девиантного поведения и рассматривают как действие, противоречащее человеческой природе.

При этом, рассматривая подвиг в психологическом дискурсе, возможно определить четыре типа противоречий, которые он вызывает:

- 1) Диспозиционизм поступка героя отражает естественность подобного поведения как результата патриотического воспитания.
- 2) Социальная составляющая героических поступков, отражающая отношение к подобным действиям социума, одобрение и поощрение подобного поведения.
- 3) Динамичность мысленных образов героизма, составляющих компоненты героического поведения и поступка.
- 4) Изучение героического поведения как результата глубокой рефлексии, самопознания и исследования личностного потенциала.

Множественность точек зрения на феномен подвига отражает необходимость исследования его в контексте мотивационных аспектов, деятельностных выражений, а также оценки обществом его последствий.

Большинство авторов, как отмечают Г.В. Елагина [Елагина, 2023, 2023] и М.Б. Кусмарцев [Кусмарцев, 2015], утверждают, что категория подвига находится на стыке аксиологии и деонтологии и необходима как для понимания личностного состояния, мотивов и самооценки героя, так и познания отношения к подвигу общества, истории развития человеческой мысли в данном направлении.

Типология моральной оценки человеческих поступков, по мнению М.Б. Кусмарцева [там же], дифференцирует все поступки на несколько категорий:

- хорошие, которые желательны и одобряемы обществом. Их хорошо делать и плохо не делать;
- плохие, которые запрещены либо не поощряются социумом. Они характеризуются тем, что их хорошо не делать и плохо делать;
- нейтральные, которые не несут нагрузки моральной оценки.

Однако подвиг расширяет данную типологию, предоставляя понятие о действиях, которые в случае совершения будут положительно оценены и одобрены, но в случае бездействия не вызывают осуждения и порицания общества. Данный тип социальной деятельности характеризуется высоким уровнем социальной мотивации, ярким поведенческим проявлением, а также положительным социальным эффектом.

Безусловно, изучая явление подвига, невозможно сделать его более полным, исключая иллюстрирование подобных поступков на конкретных исторических примерах. Поэтому в качестве практического компонента работы нам бы хотелось проанализировать подвиг в контексте отрывка из биографии одного участника Великой Отечественной войны на примере Н. Стрельцова.

Мотивация и поведение участника Великой Отечественной войны, совершившего героический поступок

Данный раздел необходимо проиллюстрировать на примере одного из участников войны 1941-1945 гг., который совершил поступок, достойный того, чтобы уделить ему достаточно внимания.

Из воспоминаний заместителя командира первого мотострелкового батальона по политчасти Андрея Антоновича Балтрушевича: «Перебегая от дома к дому, от канавы к канаве, мы приближались к вокзалу. Немцы ото всюду вели ураганный огонь из автоматов и пулемётов. Но велик и неотразим был наступательный порыв наших воинов. Они метр за метром отвоёвывали у врага территорию Чеботовки. Вот упал сражённый вражеской пулей наш отважный комбат Николай Стрельцов.» [Штурм станции Чеботовка 1943 год, www].

Немного необходимо упомянуть описание личности героя. Воспоминания племянницы Нины Матвеевны Усиковой отражают наиболее яркие моменты из ее памяти и дополняют образ человека, совершившего героический поступок (рис. 1).

Рисунок 1 - Фотография капитана Стрельцова Н.Ф. (из личного дела)

На фронт Стрельцов Н.Ф., скорее всего, направлен в составе 1210 стрелкового полка 362 стрелковой дивизии, сформированной на базе Омского пехотного училища в г. Омске с августа по 09 ноября 1941 года. Полк принял первый бой 15.02.1942 в Ржевской битве под городом Нелидово [Воспоминания, www].

Из дневника заместителя командира по политчасти: «Большим мастером по обучению личного состава военному делу показал себя командир 1-го батальона Н.Ф. Стрельцов. В этом молодом капитане воплощались настоящие качества советского офицера – патриота – дисциплинированность, подтянутость и самое главное – страстное желание учиться и учить подчиненных.

Как свидетельствуют сослуживцы, Николай Федорович Стрельцов был грамотным, отважным офицером, самой жизнью воспитанный на традициях родной нижегородской земли в духе стойкого воина, отличительной чертой характера которого было «Русские не сдаются!»

Капитан Стрельцов Н.Ф., защитив Москву, вступает в бой по слому хребта гитлеровской Германии в Сталинградской битве. В составе 18 танкового корпуса 32 мотострелковая бригада участвовала в Сталинградской стратегической наступательной операции (операция «Сатурн» 19.11.1942 – 02.02.1943) [32-я мотострелковая Корсуньская Краснознаменная ордена Кутузова бригада, www].

Всего два месяца прошло с начала операции «Сатурн» до боя в Чеботовке. Но это шестьдесят дней боёв, нечеловеческих усилий по выполнению возложенных воинских обязанностей, это риски погибнуть в каждую секунду, каждый миг в этих долгих шестьдесят дней!

Как описывает Г. Коваленко, на ст. Чеботовка оказались остатки дивизии горных стрелков генерала Кайзерлинга, «100-й авиаполевой батальон дивизии «Герман Геринг» под командованием капитана Маттеаса», примкнувшие к нему «батарея 20-мм зенитных орудий и батарея 88-мм орудий, затем батарея 150-мм полевых пушек, с ней рота СС с легкими пехотными орудиями, рота полиции СС, две роты железнодорожного батальона, несколько разрозненных групп солдат других подразделений»..

Сражение длилось больше суток, начавшись в ночь с 17 на 18 января, закончилось утром 19 января. Из Журнала БД: «32 мсбр в течение дня вела бой за станцию Чеботовка и к 10.00 19.1 полностью овладела станцией» [Память народа, www].

Таким образом, мы видим, что повышенная мотивация позволила привлечь имеющиеся и создать новые психологические ресурсы для победы в этом героическом сражении.

Критерии поведения победителей

В контексте проведенного нами исследования необходимо выявить основные критерии, которые позволяют характеризовать нам поведение как победу, совершение подвига.

Безусловно, подвиг как результат деятельностного выражения мотивации позволяет говорить об определенной направленности личности, наличии у человека системы морально-нравственных принципов и установок, которые способствуют формированию соответствующего поведения.

В качестве одних из ведущих мотивов героических поступков Ф. Зимбардо конкретизирует следующие:

- нацеленность на заботу о нуждах других, удовлетворение потребностей людей в защите, обеспечении безопасности;
- сохранение нравственных идеалов в ситуациях осознания и принятия значительного личного риска. При этом полностью отсутствует мотив ожидания поощрения и одобрения.

Поведение победителя, совершившего подвиг, характеризуется структурными компонентами, свойственными подобному виду деятельности и включает мотивацию; акт, действие, поступок, которое имеет конечный результат – достижение изначально поставленной цели; социальное одобрение, поощрение со стороны общества.

При этом оно дифференцируется от победы тем, что, кроме личностной, имеет еще и большую социальную значимость. Победа может заключаться в преодолении личностных психологических и физических трудностей, которые являются значительными препятствиями на пути к поставленной цели.

Подвиг при этом может быть крайним проявлением поведения победителя, но при этом не

всегда поведение победителя имеет конечным результатом подвиг.

Проблема героизма, победы является достаточно противоречивой и начиная с середины XIX века актуализирована в различных науках: философии, психологии, социологии и пр. Как отмечают психологи Г. Лебон, Н.К. Михайловский и пр., герои, победители не просто реализуют соответствующее поведение, они еще являются образцом для всех, ведут за собой массы. На примере рассмотренной нами биографии Н. Стрельцова мы видим, что у него было много единомышленников, реализующих подобное героическое поведение, которые сражались в нечеловеческих условиях ради общей единой цели – победы. В данном случае кроме преодоления личностных препятствий актуализируется еще и нейтрализация социальной опасности – наступления фашистских войск и захват конкретных населенных пунктов.

Т. Карлей, английский философ 18 века, отмечал, что героизм, поступки победителей благотворно влияют на культурно-историческое развитие общества, отражая высшие идеалы поведения людей, и формируют нравственно-ценностные ориентиры общества. Данные идеи позволяют формировать у большей части населения мотивацию если не к героическому, то к социально одобряемому поведению.

Сущность победителя заключается не только в том, чтобы совершать поступки, на которые можно ориентироваться, необходимо помнить и приводить в пример. Данная деятельность отражает формирование устойчивой мотивации к осмысленным действиям на благо отдельных групп социума, общества в целом. Это говорит о взаимоотношениях личности и государства, гражданского общества, которое позволяет воздействовать на систему нравственных ориентиров и ценностей безотносительно эпохи и территориального расположения страны. В данном случае мы имеем дело с социально-психологическим феноменом, позволяющим показывать людям модели поведения в определенных, в основном стрессовых, ситуациях.

Говоря об условиях совершения подвига либо иных проявлений героического поведения, необходимо упомянуть социальную среду и ту ситуацию, в которой действие может быть охарактеризовано как героическое. Преимущественно это стрессовые, опасные условия, которые несут угрозу для жизни либо здоровья одного или нескольких людей. Вследствие этого данная ситуация является повышено опасной для самого субъекта деятельности, так как в подвиге обязателен компонент варианта самопожертвования. При этом человек осознает, что может быть поврежден, высока вероятность погибнуть. Однако, несмотря на данные обстоятельства, действие свершается. В данном случае, с одной стороны, можно говорить о высокой степени осознанности, с другой – ситуативном состоянии аффекта, которое сопровождает героический поступок. При этом «притупляются» механизмы самосохранения, проектирования перспектив совершения данного поступка. Очень сильным является влияние той цели, которая поставлена перед героем, а также действие личностных свойств и качеств, способствующих совершению подвига.

Феномен победителя имеет субъективный и объективный компонент, которые эволюционировали в течение человеческой истории. С одной стороны, поведение победителя осмысливается членами социума, «примеряется» на себя, выстраиваются модели возможного поведения в подобных ситуациях. С другой – победы и подвиги оцениваются обществом в целом, определяются как социально одобряемые и значимые поступки, которые являются примером для других.

В контексте этого перед каждым человеком стоит выбор о содержании поступка как мотивационно-волевого акта в ситуациях, когда необходимо преодоление трудностей, даже совершение подвига.

Заключение

Подводя итоги нашему исследованию, необходимо говорить о подвиге как о морально-нравственном поступке, который имеет высокую мотивацию со стороны героя-исполнителя.

При этом, отражая взаимосвязь с победой, подвиг представляет собой определенный этап деятельности победителя, кульминацию его поступков.

Подвиг возможно рассматривать с точки зрения образца поведения, идеала, к которому должны стремиться дети, подростки и молодежь. Кроме того, данная тематика, определяя специфику подвига как проявления деятельности победителя, открывает широкие возможности для дальнейших исследований. Необходима актуализация различных вопросов относительно мотивов, моральной оценки подвига самим героем, а также поднятия в обществе авторитета победы, героизма и почитания памяти героев.

Библиография

1. Бачевский В.И. Героизм и мужество воинов в ходе великой отечественной войны - источник патриотического воспитания // Военная мысль. 2021. № 6. С. 101-107.
2. Болдырев И.И. Педагогические возможности комплекса ГТО в процессе гражданско-патриотического воспитания подростков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2022. № 203. С. 241-246.
3. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 13.02.2024)
4. Воспоминания. URL: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/otroschenkov-sergey-andreevich/> (дата обращения 13.02.2024)
5. Елагина Г.В. О моральном статусе подвига: к постановке проблемы // КиБ. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-moralnom-statuse-podviga-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 18.02.2024).
6. Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание: от образа победы к духовной идентичности с поколением победителей // Мировоззренческие ориентиры молодежи в условиях интеграции на постсоветском пространстве. 2015. № 2015. С. 172-176.
7. Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=134588667> (дата обращения: 13.02.2024).
8. Рачипа А.В., Бурьков В.В. Великая Отечественная война и историческая память молодого поколения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 11-1. С. 1-6.
9. Сорокин С.А. Патриотическое сознание российской молодежи: содержание и преемственность // ЭСГИ. 2020. № 3 (27). С. 142-146.
10. 32-я мотострелковая бригада. URL: https://forum.vgd.ru/108/93577/30.htm?a=stdforum_view&o (дата обращения: 16.02.2024).
11. 32-я мотострелковая Корсунская Краснознаменная ордена Кутузова бригада. URL: <http://www.tankfront.ru/ussr/msbr/msbr032.html> (дата обращения: 30.01.2024).
12. Штурм станции Чеботовка 1943 год. URL: <https://proza.ru/2015/12/15/1595> (дата обращения: 13.02.2024).

The psychological phenomenon of the feat as a result of the manifestation of the personal qualities of the winner

Yuliya V. Borovitskaya

Associate Professor of the Department of pedagogy,
psychology and social work,
Independent Scientific Researcher,
Volograd State University,
400062, 100 Universitetskii ave., Volograd, Russian Federation;
e-mail: heida@mail.ru

Sergei G. Gaitsuk

Independent Researcher,
119019, 3/5 Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: na4svjzi7@yandex.ru

Abstract

This work reveals the essence of the feat phenomenon in the context of the manifestation of various properties and qualities of the winner's personality. The authors investigate the commission of such actions as a feat, a heroic act in the context of studying a complex of personal qualities and properties, as well as identifying the motivation for such actions. The phenomenon of victory is considered in the study not only from the point of view of a socially significant result, but also in terms of realizing personal potential, meeting the need to benefit society, help other people, perform an action that others cannot do. The authors illustrate the manifestation of the feat by the example of a heroic act of one of the participants of the Great Patriotic War. Victory and feat are characterized in the article as interrelated concepts, the causal relationships between which are obvious. Victory is overcoming obstacles that interfere with personal, professional and other development, and a feat is the maximum manifestation of a person's victory over external factors and internal difficulties in the form of experiences, anxieties and fears. The purpose of the article is to study the psychological phenomenon of the feat as a result of the manifestation of the personal qualities of the winner. The object defines a set of personal qualities of the winner, and the subject is a feat as a category of activity.

For citation

Borovitskaya Yu.V., Gaitsuk S.G. (2024) Psikhologicheskii fenomen podviga kak rezul'tat proyavleniya lichnostnykh kachestv pobeditelya [The psychological phenomenon of the feat as a result of the manifestation of the personal qualities of the winner]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 266-274. DOI: 10.34670/AR.2024.19.36.026

Keywords

Feat, victory, personality of the winner, education of personal qualities, heroic personality, biography, historical research, fighting, stress, motives of behavior.

References

1. *32-aya motostrelkovaya brigade* [32nd motorized rifle brigade]. Available at: https://forum.vgd.ru/108/93577/30.htm?a=stdforum_view&o [Accessed 16/02/2024].
2. *32-ya motostrelkovaya Korsun'skaya Krasnoznamennaya ordena Kutuzova brigade* [32nd motorized rifle Korsun Red Banner Order of Kutuzov brigade]. Available at: <http://www.tankfront.ru/ussr/msbr/msbr032.html> [Accessed 30/01/2024].
3. Bachevskii V.I. (2021) Geroizm i muzhestvo voinov v khode velikoi otechestvennoi voiny - istochnik patrioticheskogo vospitaniya [The heroism and courage of soldiers during the Great Patriotic War is a source of patriotic education]. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 6, pp. 101-107.
4. Boldyrev I.I. (2022) Pedagogicheskie vozmozhnosti kompleksa GTO v protsesse grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya podrostkov [Pedagogical capabilities of the GTO complex in the process of civil-patriotic education of adolescents]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 203, pp. 241-246.
5. Elagina G.V. (2023) O moral'nom statuse podviga: k postanovke problemy [On the moral status of feat: towards the

- formulation of the problem]. *KiB*, 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-moralnom-statuse-podviga-k-postanovke-problemy> [Accessed 18/02/2024].
6. Kusmartsev M.B. (2015) Patrioticheskoe vospitanie: ot obraza pobedy k dukhovnoi identichnosti s pokoleniem pobeditelei [Patriotic education: from the image of victory to spiritual identity with the generation of winners]. *Mirovozzrencheskie orientiry molodezhi v usloviyakh integratsii na postsovetskom prostranstve* [Worldview guidelines for youth in the conditions of integration in the post-Soviet space], pp. 172-176.
 7. *Pamyat' Naroda* [Memory of the people]. Available at: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=134588667> [Accessed 13/02/2024].
 8. Rachipa A.V., Bur'kov V.V. (2016) Velikaya Otechestvennaya voina i istoricheskaya pamyat' mladogo pokoleniya [The Great Patriotic War and the historical memory of the younger generation]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current problems of the humanities and natural sciences], 11-1, pp. 1-6.
 9. Sorokin S.A. (2020) Patrioticheskoe soznanie rossiiskoi molodezhi: sodержanie i preemstvennost' [Patriotic consciousness of Russian youth: content and continuity]. *ESGI*, 3 (27), pp. 142-146.
 10. *Vikipediya* [Wikipedia]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki> [Accessed 13/02/2024].
 11. *Vospominaniya* [Memories]. Available at: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/otroschenkov-sergey-andreevich/> [Accessed 13/02/2024].
 12. *Shturm stantsii Chebotovka 1943 god* [Assault on Chebotovka station in 1943]. URL: <https://proza.ru/2015/12/15/1595> (access date: 13.02.2024).

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.53.58.029

Исследование психологической готовности будущих логопедов-дефектологов к работе в специализированном (коррекционном) образовательном учреждении

Галкина Наталия Александровна

Ассистент,

Высшая школа педагогического и дефектологического образования,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;

e-mail: info@pnu.edu.ru

Аннотация

Цель данного исследования заключается в изучении психологической готовности будущих логопедов-дефектологов к профессиональной деятельности в специализированном (коррекционном) образовательном учреждении. Исследование направлено на выявление основных аспектов и компетенций, необходимых для успешной работы в данной сфере, а также определение факторов, влияющих на формирование этой готовности. Обобщенно можно сказать, что уровень готовности будущих логопедов-дефектологов к работе в специализированном образовательном учреждении оставляет желать лучшего. Однако, выявление данных недостатков стало основой для разработки формирующей работы в рамках педагогического эксперимента. Процесс формирования готовности был реализован с помощью разработанной модели, которая включала целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный блоки. В ходе реализации модели была проведена промежуточная оценка результатов. Основываясь на результатах исследования, можно сделать вывод о необходимости систематической работы по формированию готовности будущих логопедов-дефектологов к работе в специализированных учреждениях. Одновременно, важные факторы, которые оказывают влияние на готовность, включают коммуникативные и организаторские способности студентов, а также их рефлексивные навыки. Дальнейшие исследования могут помочь разработать более эффективные методы и подходы для формирования готовности будущих логопедов-дефектологов.

Для цитирования в научных исследованиях

Галкина Н.А. Исследование психологической готовности будущих логопедов-дефектологов к работе в специализированном (коррекционном) образовательном учреждении // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 275-286. DOI: 10.34670/AR.2024.53.58.029

Ключевые слова

Специализированное (коррекционное) образовательное учреждение, логопед-дефектолог, образовательная среда, мониторинг, профессиональная готовность.

Введение

Психологическая готовность является одним из ключевых аспектов успешной работы будущих логопедов-дефектологов в специализированных (коррекционных) образовательных учреждениях. Это обусловлено необходимостью особых знаний и навыков для эффективной коррекционно-развивающей работы с детьми, страдающими речевыми нарушениями и дефектами. Исследование психологической готовности будущих логопедов-дефектологов представляет значимость не только для образовательных учреждений, но и для всей сферы коррекционной педагогики и психологии.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена ростом числа детей с речевыми нарушениями и дефектами, а также повышенным интересом к профессии логопеда-дефектолога. Специализированные (коррекционные) образовательные учреждения становятся все более востребованными, и роль логопеда-дефектолога в них становится неотъемлемой. Поэтому изучение психологической готовности будущих логопедов-дефектологов к работе в таких учреждениях является важным и актуальным.

Наличие научной разработанности данной темы подтверждается научными исследованиями, проведенными в области коррекционной педагогики и психологии. Существуют различные теоретические и практические основы, на которых основывается исследование психологической готовности будущих логопедов-дефектологов. Важным этапом является анализ и суммирование ранее проведенных исследований, что позволяет выявить общие тенденции и прогнозировать результаты текущего исследования.

Научная новизна исследования заключается в его целенаправленном изучении психологической готовности будущих логопедов-дефектологов к работе именно в специализированных (коррекционных) образовательных учреждениях. Однако, несмотря на уже существующие исследования в области психологической готовности будущих логопедов-дефектологов, все еще есть недостаток в исследованиях, посвященных их подготовке к работе именно в специальных образовательных учреждениях. Поэтому, данное исследование принесет научную новизну, а также практические результаты, полезные для образовательных учреждений и преподавателей логопедии-дефектологии.

Таким образом, выбранная тема исследования обладает актуальностью, научной разработанностью, научной новизной, а также основывается на теоретических и практических основах в области коррекционной педагогики и психологии.

Основная часть

Специфика профессиональной деятельности учителя-логопеда в инклюзивном образовательном пространстве заключается в том, что специалист работает с детьми с различными особыми образовательными потребностями (ООП), включая речевые нарушения, речевые задержки, аутизм, нарушения слуха и другие.

Работа логопеда в условиях ФГОС подразумевает выполнение широкого спектра специфических задач и обязанностей, связанных с коррекцией и развитием речи детей. Логопед-дефектолог работает с детьми, у которых есть нарушения речи и коммуникации, помогая им преодолеть эти проблемы и успешно адаптироваться в образовательной среде. Основные цели и задачи образования, определенные ФГОС, также распространяются на работу логопеда. Они включают в себя развитие коммуникативных, речевых и познавательных навыков у детей,

формирование у них грамотной речи, поддержку социальной адаптации и развития самостоятельности.

ФГОС устанавливает обязательные и рекомендуемые образовательные стандарты для различных уровней образования, включая дошкольное и начальное общее образование. Логопед, работающий в специализированном (коррекционном) образовательном учреждении, обеспечивает реализацию этих стандартов в отношении развития речи у детей с нарушениями.

Для выполнения своих задач логопеды используют различные методики и подходы, включая индивидуальные и групповые занятия, игровую терапию, артикуляционную гимнастику, работы с использованием специальных материалов и технологий. Они также сотрудничают с другими специалистами, включая педагогов и психологов, для обеспечения комплексной поддержки и развития детей.

Работа логопеда в условиях ФГОС требует от специалиста глубоких знаний в области развития речи и коммуникации, а также понимания основных принципов и методов коррекционной педагогики. Они должны быть готовы применять различные стратегии и подходы в работе с детьми, учитывая их индивидуальные особенности и потребности.

Образовательные учреждения, следующие ФГОС, создают условия для эффективной работы логопеда, предоставляя соответствующие материально-технические ресурсы, поддержку и сотрудничество коллег. Такие учреждения также обеспечивают специализированную подготовку и дополнительное профессиональное развитие логопедов-дефектологов.

ФГОС (Федеральный государственный образовательный стандарт) устанавливает определенные требования к компетенции логопедов-дефектологов. С 1 сентября 2023 года вступил в силу приказ об утверждении профессионального стандарта «Педагог-дефектолог», который определяет данные требования.

В профессиональном стандарте выделено, что трудоустроиться в специализированное (коррекционное) образовательное учреждение на должность логопеда-дефектолога может лицо, обладающее высшим образованием (окончен бакалавриат, специалитет или магистратура), с профилем деятельности, а также с укрупненной группой направления подготовки высшего образования «Образование и педагогические науки» или «Психологические науки». Также нужно учесть дополнение: профессионально переподготовиться, пройдя программу с направлением «Работа с обучающимися с нарушениями речи и коммуникации».

Итак, содержанием ФГОС регламентирован ряд требований к объему компетенций со стороны логопедов-дефектологов. Данные требования составлены так, чтобы согласоваться с целевыми ориентирами, приведенными образовательными стандартами в сфере двух ступеней образования – дошкольного и начального школьного.

В рамках ФГОС ДО, работа логопеда в дошкольной образовательной организации (ДОО) направлена на развитие речи у детей и коррекцию возможных нарушений. Логопед помогает дошкольникам освоить основные учебные действия в области коммуникации, формирует у них навыки взаимодействия со сверстниками и взрослыми, развивает самоконтроль и способности к познанию окружающего мира. Все эти навыки важны для успешного участия в учебно-познавательных и учебно-практических задачах.

В соответствии с ФГОС, работа логопеда включает следующие основные задачи:

1. Психолого-педагогическое сопровождение: логопед совместно с коллегами (учителем-дефектологом, педагогом-психологом и др.) осуществляет комплексное сопровождение детей с ООП. Они разрабатывают индивидуальные программы и методики, анализируют прогресс и

корректируют работу в соответствии с потребностями каждого ребенка.

2. Преодоление речевых проблем: логопед осуществляет коррекционно-развивающую работу с детьми, направленную на устранение или минимизацию речевых нарушений. Он проводит занятия по развитию артикуляционных навыков, грамматической стороны речи, лексико-семантического развития и других компонентов речи.

3. Усвоение академического компонента образовательной программы: логопед помогает детям с ООП в усвоении учебного материала, преодолении трудностей в чтении, письме и других образовательных навыках. Он использует специальные методики и адаптирует материал к индивидуальным потребностям каждого ребенка.

4. Социализация и адаптация: логопед помогает детям интегрироваться в среду сверстников, развивает навыки коммуникации и взаимодействия. Специалист совместно с другими педагогами создает условия для успешной адаптации и социализации детей с ООП в обществе.

В частности, важным аспектом работы логопеда в инклюзивном образовании является тесное взаимодействие с коллегами. Они совместно анализируют результаты работы, обмениваются опытом, разрабатывают индивидуальные и групповые программы, проводят совместные занятия и консультации. Такое сотрудничество позволяет создать благоприятную образовательную среду и обеспечить наилучшую поддержку и успешное развитие детей с особыми образовательными потребностями.

Профессиональные способности специалистов, обеспечивающих функционирование службы психолого-педагогического сопровождения, должны иметь адекватный уровень развития, чтобы являться эффективным инструментом в системе сопровождения, обеспечить действенную динамику развиваемых у детей процессов – когнитивных и речевых.

Указанная система опирается в числе ключевых специалистов на логопеда-дефектолога, корректирующего речевые нарушения, с которыми часто сопряжено нарушенное развитие. В работе логопеда-дефектолога стоит задача корректировать у ребенка речевые нарушения, провести индивидуализацию подхода к детям, учитывая возрастные особенности и сформировавшийся дефект по мере тяжести [Беткер, 2019, 112].

Логопеду-дефектологу следует обладать рядом навыков: грамотно проводить консультации, корректировать нарушения речи различными методами, включая современные и даже последние. Создать при подготовке у логопеда-дефектолога готовность начать и реализовать психолого-педагогическое сопровождение удастся, если создана основательная база психолого-педагогических знаний, навыков и компетенций, понятны принципы работы с новыми методиками у детей, нуждающихся в коррекционной помощи для исправления речевых нарушений. Таким образом, острым и своевременным видится вопрос об исследовании с мониторингом подготавливаемых логопедов на предмет готовности вести психолого-педагогическое сопровождение обучающихся, образовательные потребности которых сводятся к особым (ОВЗ) в условиях специализированного (коррекционного) образовательного учреждения. Мероприятия в педагогическом мониторинге нацелены на то, чтобы собрать, сохранить, обработать и распространить данные о стадиях, содержании, результатах педагогического процесса и вынести заключение. Контекст исследования подразумевает, что реализация «мониторинга» является практикой психотехнологии, позволяющей отследить в педагогическом процессе две его стороны – процессуальную и результативную. Из исследования сформируется представление о факторах, позитивно или негативно влияющих на объект исследовательского интереса, создастся база для оптимизации управления подготовки, поскольку критикуется уровень качества в подготовке будущих логопедов, а также достигнуть

в образовании соответствия высокого уровня с соответствующими стандартами также актуально.

Перечислим функции мониторинга, изучающего у студентов логопедических специальностей будущую готовность включиться в среду инклюзивного образования, чтобы реализовать свой объем психолого-педагогического сопровождения: диагностическая функция сочетается с контрольной и управленческой функциями [Гайченко, 2023, 12]. В целях мониторинга доминирует наблюдение с коррекцией и прогнозом динамики в профессиональной подготовке студентов как в важном образовательном процессе.

В рамках мониторинга, являющегося исследованием экспериментальным, выделим этапы: констатирующий с обобщающим. Ход начального этапа состоит в сборе информации через анкетирование студентов, уже побывавших на практике в условиях специализированного (коррекционного) образовательного учреждения, и логопедов из категории «молодые специалисты» со стажем до 3-х лет по этой специальности, а после анкетирования результаты обобщаются SWOT-анализом.

В ходе промежуточного контроля производится оценка итогов в текущей деятельности студентов в виде контрольных или тестовых работ, устанавливается значение самооценки студентов логопедических направлений в плане профессиональной готовности осуществлять психолого-педагогическое сопровождение обучающихся, выносится оценка сформированности данной готовности студентов, проходящих педагогическую практику [Гончарова, 2014, 67].

В экспериментальной работе на констатирующем и обобщающем этапе важно обращаться к диагностическим методикам, чтобы описать слагаемые готовности, раскрыв аспекты таких компонентов – от мотивационного и когнитивного до деятельностного и рефлексивного.

Следовательно, этапы мониторинга готовности студентов логопедических направлений к выходу на работу в специализированное (коррекционное) учреждение осуществляются последовательно, реализуются особыми методами и обязательно сопровождаются оценками. Причина в том, что очень важно эффективно провести профессиональную подготовку к сопровождению обучающихся, особые образовательные потребности которых учитывает только инклюзивная среда.

Исследование, как отражает начальный этап, стартовало с анализа психолого-педагогических источников, чтобы установить в эксперименте цели и задачи. Также названы критерии, свидетельствующие о готовности студентов логопедических направлений проводить психолого-педагогическое сопровождение обучающихся, образовательные потребности которых отличаются особым характером.

Готовность складывается из ряда компонентов, а первым признают мотивационный [Емельянова, 2022, 38]. Данное слагаемое выделяет, что присутствуют мотивы, цели и потребности студента логопедических направлений получить профессию, побуждают интересоваться психолого-педагогическим сопровождением обучающихся согласно требованиям и условиям специализированного (коррекционного) образовательного учреждения.

Такой компонент готовности как когнитивный [Капилевич и др., 2018, 14] отражает, сформирована ли база научных знаний, раскрывающих феномен психолого-педагогическое сопровождение по обучающимся в среде инклюзивного образования. С исследованием когнитивного компонента также выясняется, известны ли логопедические технологии, их структура и составляющие, способны ли студенты логопедических направлений найти ответ на задачи по обучению и воспитанию.

Из деятельностного компонента [Любарский, 2020, 87] выясняется, какой объем способностей и навыков накопили студенты логопедических направлений, чтобы пользоваться специальными знаниями на практике, проводить диагностику и выносить оценку трудностей в развитии, потребностей в коррекции речи. Также становится ясно, могут ли студенты логопедических направлений работать с современными технологиями психолого-педагогического сопровождения, составлять прогнозы о характере и результатах в психолого-педагогическом сопровождении обучающихся, получающих образование в условиях специализированного (коррекционного) образовательного учреждения.

По рефлексивному компоненту [Недоповз, 2022, 45] следует уяснить, насколько эффективным оказалось воздействие психолого-педагогического сопровождения на обучающегося в плане развития речи ученика, научились ли студенты логопедических направлений в порядке анализа и самооценки исследовать собственные итоги в профессиональной деятельности.

Резюмируем, что процесс исследования заключается в мониторинге студентов логопедических направлений на предмет готовности проводить психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с ОВЗ. При этом готовность оценивается и анализируется по уровню формирования, а также по каждому из компонентов ее структуры: насколько развито мотивационное, когнитивное, деятельностное и рефлексивное слагаемое.

Готовность студентов логопедических направлений предпринимать психолого-педагогическое сопровождение обучающихся в разрезе каждого компонента отражается оценкой уровня сформированности:

1) С низким уровнем готовности признается, что по компонентам замечена и несформированность, и неудовлетворительное развитие. Так, теоретическая база знаний о психологии и педагогике имеется, но в практике применения не находит, отсутствует готовность войти в контакт с детьми для коррекции их нарушений речи в условиях специализированного (коррекционного) образовательного учреждения.

2) Из-за среднего уровня готовности сформированность, а также компоненты готовности развиты неравномерно. При этом студенту понятно, что он осваивает важную для общества профессию, интересуется обучающимися и развивается как будущий специалист логопедического направления.

3) О высоком уровне готовности свидетельствуют идеально сформированные компоненты в готовности, целостна личностно-профессиональная характеристика студента логопедических направлений, осознана профессия как социально-значимая деятельность, признана ценность за психолого-педагогическим сопровождением, ясно определяется потребность реализоваться в коррекционно-логопедическом направлении профессиональной деятельности в условиях специализированного (коррекционного) образовательного учреждения [Сальдаева, 2023, 321].

Описать мотивационный компонент в структуре готовности студентов логопедических направлений задаче проводить психолого-педагогическое сопровождение наиболее оптимально, применив методику «Самооценка профессионально-педагогической мотивации». Автором данной методики является Н.П. Фетискин [Назарова, 2023, 99]. Разработка освещает мотивацию студентов вести профессиональную деятельность и определяет уровень таких мотивов.

Исследование показало, что выборки близки по результатам. 24% студентов из контрольной и 26% из экспериментальной группы мотивированы на высоком уровне, что доказывает заинтересованность профессией, желанием к профессиональному росту.

Контрольная группа содержит 46% студентов, а экспериментальная – 39%, которые оценены средним уровнем мотивации. При этом развита и сформирована профессиональная любознательность, в реализации которой преобладает ситуативность.

Низкие значения уровня мотивации в выборке установлены по результатам контрольной группы у 30%, а экспериментальной – у 35%. Такие студенты ограничены к профессии временным интересом, слабо интересуются и ориентируются в психолого-педагогическом сопровождении. Такая ситуация указывает на типичную проблему в профессиональной подготовке студентов логопедических направлений: будущая реализация профессиональной деятельности отражена в формальных представлениях.

Думается, что из результатов исследования можно установить основы в мотивации и недостатки в мотивационной системе, чтобы оптимизировать подготовку к будущей профессии для студентов логопедических направлений.

Собранный материал подвергнут анализу, а выводы состоят в следующем: контрольную и экспериментальную группу сближает выраженность внутренней мотивации, преобладающей в структурном разрезе всех слагаемых в профессиональной мотивации. Такая тенденция оценивается положительно в плане оптимальной мотивации студентов логопедических направлений, действительном интересе к профессиональной деятельности, намерение расти и развивать профессиональные навыки.

Освещение когнитивного компонента в готовности студентов логопедических направлений на предмет уверенно начала работы в специализированном (коррекционном) учреждении образования осуществлено по авторскому тесту «Готовность учителя-логопеда к психолого-педагогическому сопровождению учащихся с ограниченными возможностями здоровья» [там же, 65].

Но в исследовании в выборке студентов логопедических направлений всего 13% респондентов по выполнению теста причислены обладающим средним уровнем сформированности по когнитивному компоненту готовности. Прочая часть выборки в тесте испытывала затруднения с блоком практических заданий: указать принципы и методы в коррекционной работе с детьми с конкретными нарушениями интеллекта.

В выборке 85% тест не выполнили, а когнитивный компонент в готовности приступить к психолого-педагогическому сопровождению обучающихся в условиях специализированного (коррекционного) образовательного учреждения не сформирован, имеет крайне низкий уровень.

По ошибкам студентов отметим, что выборка слабо подготовлена в теоретических вопросах, не может соотнести нормативы возрастного развития с особенностями в речевом развитии в условиях специализированного (коррекционного) образовательного учреждения.

Ситуация экспериментальной группы близка к результатам в контрольной. Почти 81% студентов логопедических направлений оценены в сформированности когнитивного слагаемого готовности низким уровнем.

Полагаем, что исследование аргументирует потребность дополнительно усилить мероприятия по обучению и развитию у студентов логопедических направлений группы когнитивных навыков, чтобы создать готовность плодотворно реализовать психолого-педагогическое сопровождение обучающихся в условиях специализированного (коррекционного) образовательного учреждения.

Итоги в диагностике свидетельствуют, что за частью студентов логопедических направлений замечена недостаточность коммуникативных склонностей. Низкий уровень показателя имеют 34,5% в контрольной группе и 36,6% в экспериментальной. На среднем

уровне умение вести коммуникацию зафиксировано в 35,8% по контрольной группе, а в 45,8% по экспериментальной группе. Наиболее высоким уровнем коммуникативных склонностей характеризуется 29,7% студентов в контрольной группе против 17,6% в составе экспериментальной. Таким образом, преимущественное большинство студентов логопедических направлений правильно устанавливает цели в общении, быстро и легко входит в контакт, а процесс психолого-педагогического сопровождения расценивает как фактор формирования положительных эмоций.

Выборка изучена на предмет организаторских способностей, высоким уровнем которых характеризуются 26,8% участников в экспериментальной группе и 27,3% - в контрольной. О средней по уровню сформированности организаторских навыков заявим у 42,9% в экспериментальной группе против 32,4% в контрольной. Также тревожат слабо сформированные навыки организации в экспериментальной и контрольной группе – 26,8% и 27,3% соответственно.

Для студентов логопедических направлений оказалось сложно найти ответ в педагогических ситуациях, требующих организовать обучающимся в условиях специализированного (коррекционного) образовательного учреждения психолого-педагогическое сопровождение, а далее составить план и реализовать соответствующие мероприятия.

Таким образом, результаты диагностики свидетельствуют о необходимости работы над коммуникативными и организаторскими навыками студентов, чтобы повысить их профессиональную готовность к работе в специализированном (коррекционном) образовательном учреждении.

В целом, результаты исследования указывают на то, что большинство будущих логопедов-дефектологов имеют низкий и средний уровень коммуникативных склонностей, а также организаторских способностей. Это говорит о том, что у них существуют определенные недостатки в понимании цели общения, выборе средств коммуникации и установлении контактов с субъектами сопровождения. Однако, большая часть опрошенных проявляет умение понимать настроение и проявлять положительные эмоции при психолого-педагогическом сопровождении.

Относительно рефлексивного компонента готовности, результаты свидетельствуют о среднем уровне развития у будущих логопедов-дефектологов. В этом случае респонденты студенческой и экспериментальной групп имеют способность проводить анализ социальных проблем и оценку своих профессиональных и личностных возможностей в контексте психолого-педагогического сопровождения обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. Однако, при этом также выявлено значительное число студентов с низким уровнем развития рефлексивного компонента.

Проанализировав специальную, научную и периодическую литературу можно выявить также ряд других проблемных аспектов [Соловьева, 2020, 44]. Одна из основных проблем заключается в отсутствии комплексного и системного подхода к формированию психологической готовности у студентов. Зачастую в вузах недостаточно уделяется внимания развитию личностных качеств, необходимых для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), а также формированию навыков и умений, необходимых для эффективной коррекционной работы [Ашурбеков и др., 2023, 10]. Студенты не всегда получают достаточные знания о специфике работы с детьми с ОВЗ, их психологических особенностях и методах коррекционно-педагогического воздействия. Другой проблемой является недостаточная практическая подготовка студентов [Якубова, 2020, 54]. Во многих вузах

практические занятия проводятся в условиях обычных общеобразовательных учреждений, что не позволяет студентам получить необходимый опыт работы с детьми с ОВЗ. В результате, выпускники вузов часто испытывают трудности при трудоустройстве в СКОУ и не готовы к работе с особыми детьми. Еще одной проблемой является недостаточное развитие у студентов эмпатии и толерантности по отношению к детям с ОВЗ. Студенты не всегда понимают и принимают особенности таких детей, что может привести к возникновению негативных стереотипов и предрассудков, которые будут препятствовать эффективной работе. Кроме того, у студентов часто возникают проблемы с саморегуляцией и управлением собственными эмоциями. Работа с детьми с ОВЗ требует высокой стрессоустойчивости, умения контролировать свои эмоции и конструктивно разрешать конфликтные ситуации. Однако многие студенты не обладают этими навыками, что может привести к эмоциональному выгоранию и снижению эффективности их профессиональной деятельности.

Таким образом, в настоящее время существует ряд проблем, связанных с психологической готовностью будущих логопедов-дефектологов к работе в СКОУ. Эти проблемы требуют комплексного решения, включающего совершенствование программ подготовки специалистов, повышение качества практической подготовки, организацию работы по развитию личностных качеств, необходимых для работы с детьми с ОВЗ, а также проведение тренингов, направленных на формирование эмпатии, толерантности, саморегуляции и управления эмоциями. Для решения данной проблемы необходимо:

- 1) Разработать и внедрить в учебный процесс вузов комплексные программы формирования психологической готовности у студентов к работе в СКОУ;
- 2) Увеличить количество практических занятий в СКОУ и других учреждениях, работающих с детьми с ОВЗ;
- 3) Организовать работу по развитию у студентов личностных качеств (эмпатии, толерантности, саморегуляции и управления эмоциями), необходимых для работы с данной категорией детей;
- 4) Проводить тренинги и семинары, направленные на формирование у студентов психологической готовности к работе в СКОУ.

Обобщенно можно сказать, что уровень готовности будущих логопедов-дефектологов к работе в специализированном образовательном учреждении оставляет желать лучшего. Однако, выявление данных недостатков стало основой для разработки формирующей работы в рамках педагогического эксперимента. Процесс формирования готовности был реализован с помощью разработанной модели, которая включала целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный блоки. В ходе реализации модели была проведена промежуточная оценка результатов.

Заключение

Таким образом, основываясь на результатах исследования, можно сделать вывод о необходимости систематической работы по формированию готовности будущих логопедов-дефектологов к работе в специализированных учреждениях. Одновременно, важные факторы, которые оказывают влияние на готовность, включают коммуникативные и организаторские способности студентов, а также их рефлексивные навыки. Дальнейшие исследования могут помочь разработать более эффективные методы и подходы для формирования готовности будущих логопедов-дефектологов.

На основе результатов исследования и обсуждения степени готовности будущих логопедов-дефектологов к работе в специализированных (коррекционных) образовательных учреждениях, следующие рекомендации могут быть даны для улучшения образовательных программ и практической подготовки:

1. **Расширение теоретического материала.** Образовательные программы должны включать более глубокое изучение психологии, педагогики, специальной педагогики и медицинских аспектов, связанных с работой с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Студенты должны получить хорошие знания о различных видах дефектологии, условиях и методах коррекционного образования.

2. **Практическая подготовка.** Образовательные программы должны включать обязательные практические занятия, которые предоставят студентам возможность работать с детьми с ограниченными возможностями здоровья под чутким руководством опытных специалистов. Это поможет студентам развить навыки оценки, диагностики и коррекции различных речевых и коммуникативных нарушений.

3. **Сотрудничество с практикующими специалистами.** Усиление сотрудничества с опытными практикующими логопедами-дефектологами и другими специалистами в коррекционной педагогике поможет студентам получить первоначальные практические навыки и советы в профессиональной работе

4. **Обучение современным технологиям.** Образовательные программы должны включать в себя обучение современным технологиям и инструментам, которые используются в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья, таким как компьютерные программы для развития речи, альтернативные коммуникационные средства и т. д.

5. **Постоянный профессиональный рост.** Студенты должны быть подготовлены к постоянному обучению и профессиональному развитию. Образовательные программы должны поощрять студентов к участию в семинарах, конференциях и работе над научными исследованиями в области логопедии и дефектологии.

Реализация данных рекомендаций позволит повысить уровень подготовки будущих логопедов-дефектологов и их готовность к работе в специализированных (коррекционных) образовательных учреждениях, обеспечивая качественную помощь детям с ограниченными возможностями здоровья и поддержку их развития.

Библиография

1. Ашурбеков Р.А. и др. Управление в сфере инклюзивного высшего образования. М.: ИНФРА-М, 2023. 200 с.
2. Беткер Л.М. Научно-методическое сопровождение инновационной деятельности образовательных организаций в условиях реализации инклюзивного образования. М.: Библио-глобус, 2019. 194 с.
3. Гайченко С.В. Игровые коммуникативные технологии в условиях инклюзивного образования. М.: ИНФРА-М, 2023. 83 с.
4. Гончарова В.Г. Комплексное медико-психолого-педагогическое сопровождение лиц с ограниченными возможностями здоровья в условиях непрерывного инклюзивного образования. Красноярск, 2014. 248 с.
5. Емельянова И.Д. Моделирование профессиональной компетентности специалистов для системы инклюзивного дошкольного образования. М.: ФЛИНТА, 2022. 162 с.
6. Капилевич Л.В. и др. Инклюзивное профессиональное образование в России: социальные и физиологические барьеры. Томск, 2018. 250 с.
7. Любарский Г.Ю. Образование будущего. Университетский миф и структура мнений об образовании XXI века. М., 2020. 930 с.
8. Назарова Н.М. (ред.) Педагогика инклюзивного образования. М.: ИНФРА-М, 2023. 335 с.
9. Недоповз И.И. Технологии инклюзивного образования. Ставрополь, 2022. 110 с.
10. Письмо Минпросвещения России от 25.04.2023 № 07-2198 «О направлении информации».

11. Приказ Минтруда России от 13.03.2023 № 136н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-дефектолог» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.04.2023 № 73027).
12. Сальдаева О.В. (ред.) Педагогика инклюзивного образования. М.: ИНФРА-М, 2023. 439 с.
13. Соловьева О.А. Теория и практика создания инклюзивной образовательной среды в учреждениях профессионального образования. Мн.: РИПО, 2020. 192 с.
14. Якубова Ф.Р. Инклюзивная культура – ключевой фактор успешности инклюзивного образования // Наука и школа. 2020. № 1. С. 123-129.

A study of the psychological readiness of future speech pathologists to work in a specialized (correctional) educational institution

Nataliya A. Galkina

Assistant
of the Graduate School of Pedagogical and Defectological Education,
Pacific State University,
680000, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: info@pnu.edu.ru

Abstract

The research is aimed at identifying the main aspects and competencies necessary for successful work in this field, as well as determining the factors influencing the formation of this readiness. The results of the study can be used to develop and improve training programs for future speech therapists, defectologists, as well as to optimize the process of professional adaptation in a specialized educational institution. In general, we can say that the level of readiness of future speech therapists-defectologists to work in a specialized educational institution leaves much to be desired. However, the identification of these shortcomings became the basis for the development of formative work within the framework of a pedagogical experiment. The process of readiness formation was implemented using the developed model, which included targeted, meaningful, technological and evaluative-effective blocks. During the implementation of the model, an interim assessment of the results was carried out. Based on the results of the study, it can be concluded that systematic work is necessary to form the readiness of future speech therapists-defectologists to work in specialized institutions. At the same time, important factors that influence readiness include students' communication and organizational abilities, as well as their reflective skills. Further research may help to develop more effective methods and approaches for shaping the readiness of future speech therapists-defectologists.

For citation

Galkina N.A. (2024) Issledovanie psikhologicheskoi gotovnosti budushchikh logopedov-deflektologov k rabote v spetsializirovannom (korrektsionnom) obrazovatel'nom uchrezhdenii [A study of the psychological readiness of future speech pathologists to work in a specialized (correctional) educational institution]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 275-286. DOI: 10.34670/AR.2024.53.58.029

Keywords

Specialized (correctional) educational institution, speech therapist-deflectologist, educational environment, monitoring, professional readiness.

References

1. Ashurbekov R.A. et al. (2023) *Upravlenie v sfere inklyuzivnogo vysshego obrazovaniya* [Management in the field of inclusive higher education]. Moscow: INFRA-M Publ.
2. Betker L.M. (2019) *Nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie innovatsionnoi deyatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsii v usloviyakh realizatsii inklyuzivnogo obrazovaniya* [Scientific and methodological support of innovative activities of educational organizations in the context of the implementation of inclusive education]. Moscow: Biblio-globus Publ.
3. Emelyanova I.D. (2022) *Modelirovanie professional'noi kompetentnosti spetsialistov dlya sistemy inklyuzivnogo doshkol'nogo obrazovaniya* [Modeling the professional competence of specialists for the system of inclusive preschool education]. Moscow: FLINTA Publ.
4. Gaichenko S.V. (2023) *Igrovye kommunikativnye tekhnologii v usloviyakh inklyuzivnogo obrazovaniya* [Game communication technologies in the context of inclusive education]. Moscow: INFRA-M Publ.
5. Goncharova V.G. (2014) *Kompleksnoe mediko-psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v usloviyakh nepreryvnogo inklyuzivnogo obrazovaniya* [Comprehensive medical, psychological and pedagogical support for persons with disabilities in the context of continuous inclusive education]. Krasnoyarsk.
6. Kapilevich L.V. et al. (2018) *Inklyuzivnoe professional'noe obrazovanie v Rossii: sotsial'nye i fiziologicheskie bar'ery* [Inclusive vocational education in Russia: social and physiological barriers]. Tomsk.
7. Lyubarskii G.Yu. (2020) *Obrazovanie budushchego. Universitetskii mif i struktura mnenii ob obrazovanii XXI veka* [Education of the future. The university myth and the structure of opinions about education in the 21st century]. Moscow.
8. Nazarova N.M. (ed.) (2023) *Pedagogika inklyuzivnogo obrazovaniya* [Pedagogy of inclusive education]. Moscow: INFRA-M Publ.
9. Nedopovz I.I. (2022) *Tekhnologii inklyuzivnogo obrazovaniya* [Technologies of inclusive education]. Stavropol.
10. *Pis'mo Minprosvshcheniya Rossii ot 25.04.2023 № 07-2198 «O napravlenii informatsii»* [Letter of the Ministry of Education of Russia dated April 25, 2023 No. 07-2198 “On the direction of information”].
11. *Prikaz Mintruda Rossii ot 13.03.2023 № 136n «Ob utverzhdenii professional'nogo standarta «Pedagog-defektolog» (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 14.04.2023 № 73027)* [Order of the Ministry of Labor of Russia dated March 13, 2023 No. 136n “On approval of the professional standard “Teacher-defectologist” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on April 14, 2023 No. 73027)“].
12. Sal'daeva O.V. (ed.) (2023) *Pedagogika inklyuzivnogo obrazovaniya* [Pedagogy of inclusive education]. Moscow: INFRA-M Publ.
13. Solov'eva O.A. (2020) *Teoriya i praktika sozdaniya inklyuzivnoi obrazovatel'noi sredy v uchrezhdeniyakh professional'nogo obrazovaniya* [Theory and practice of creating an inclusive educational environment in vocational education institutions]. Minsk: RIPO Publ.
14. Yakubova F.R. (2020) Inklyuzivnaya kultura – klyuchevoi faktor uspekhnosti inklyuzivnogo obrazovaniya [Inclusive culture is a key factor in the success of inclusive education]. *Nauka i shkola* [Science and school], 1, pp. 123-129.

УДК 316.6

DOI: 10.34670/AR.2024.42.90.032

Психосемантическое исследование межэтнической напряженности среди русских и якутских студентов ДВФУ

Кычкин Иннокентий Иннокентьевич

Студент,

Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: keshakychkin@mail.ru

Слюгрова Мариана Сергеевна

Студент,

Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: marianaslyugrova@gmail.com

Григорьева Полина Максимовна

Научный руководитель,

ассистент департамента психологии и образования
Школы искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: grigoreva.pm@dvfu.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию межэтнической напряженности в среде полиэтничного ВУЗа (ДВФУ) между русскими и якутскими студентами с использованием свободного ассоциативного эксперимента; произведена обработка результатов с помощью метода семантической близости. Рассматривается Якутская Студенческая Организация «Кэскил», понятие межэтнической напряженности и различия вербальных ассоциаций между студентами-якутами и якутами-членами организации ЯСО «Кэскил». Результаты исследования: выявлена низкая семантическая близость ассоциаций двух этнических групп; выявлена существенная разница в ответах, что позволяет сделать вывод о различных представлениях якутов-членов ЯСО «Кэскил» и якутов, не состоящих в нем, о русском и якутском этносе. Между ответами русских и якутских студентов ДВФУ прослеживаются различия в ответах на слова-стимулы, что может выступать параметром межэтнической напряженности в будущем. Однако, результаты категоризации показали наименьший процент представленности категории эмоционально окрашенных ассоциаций во всех трех группах респондентов. Таким образом, на данный момент потенциал напряженности невелик в связи с отсутствием ярких негативных оценочных суждений представителей этнических групп друг о друге.

Для цитирования в научных исследованиях

Кычкин И.И., Слюгрова М.С., Григорьева П.М. Психосемантическое исследование межэтнической напряженности среди русских и якутских студентов ДВФУ // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 287-294. DOI: 10.34670/AR.2024.42.90.032

Ключевые слова

Межэтническая напряженность, ассоциативный эксперимент, семантическая близость, вербальные ассоциации, русские, якуты, этнические группы.

Введение

Исследование проблемы межэтнических конфликтов и связанной с ними напряженности в обществе становится одним из приоритетных направлений в современном социальном познании. Данный вопрос особенно актуализирован в многонациональных федеральных университетах, в которых обучается большое количество студентов разных этносов со своими культурными особенностями и различиями. В полной мере сказанное относится и к Дальневосточному федеральному университету.

Этнокультурные, религиозные, духовные ценности встраиваются уже в своем законченном виде в этническую культуру, а не создаются какими-либо неестественными путями в ходе социализации. Индивид чувствует сопричастность со своей этнической группой, поэтому принимает ее ценности и нормы как свои собственные. В итоге возникают основательные трудности перед студенческой молодежью и администрацией полиэтнического ВУЗа, которые необходимо решить, понимая, что они сопряжены вместе с необходимостью непрерывного целенаправленного воздействия на межличностные, а также групповые взаимоотношения для предотвращения этнокультурных столкновений.

Межэтническая напряженность – «особое состояние взаимодействия этнических общностей, которое формируется комплексом неблагоприятных внешних условий, сталкивающих интересы этносов, дестабилизирующих их взаимодействие и затрудняющих его развитие» [Гуриева, 2021].

При анализе теоретико-методологического материала по исследованиям межэтнической напряженности чаще всего выделяются следующие факторы, которые создают или усиливают ее в образовательной среде:

- Необходимость социальной адаптации в полиэтнической среде ВУЗа;
- Наличие этнических стереотипов; культурные различия студентов разных этнических групп;
- Предвзятое отношение участников образовательного процесса по этническому признаку.

В основу исследования были положены теоретические положения, представленные в работах З.Г. Адамовой «Вербальная диагностика межэтнической напряженности» [Адамова, 2006] и Г.У. Солдатовой «Психология межэтнической напряженности» [Солдатова, 1998].

Методы и методики

Одним из методов, позволяющих констатировать наличие этнической напряженности, является метод ассоциативного эксперимента [Турунен, Харченкова, 2000]. Так, материал

исследования представлял собой вербальные ассоциации, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента.

В качестве слов-стимулов были выбраны слова-этнонимы, акцентирующие этносоциальные представления, в которых может быть репрезентирована межэтническая напряженность: «якут», «русский».

Выявление наличия межэтнической напряженности между группами производилось на основе классификации, разработанной Г.У. Солдатовой совместно с С.В. Рыжовой [Солдатова, 2011]. При анализе реакций на слова-стимулы особое внимание уделялось соотнесению авто- и гетеростереотипов. Как известно, различия между ними в известной степени отражают уровень взаимопонимания между этносами и степень их психологической тождественности. Это очень важное измерение, так как, по мнению Г.У. Солдатовой, чем выше степень этой тождественности, тем меньше возможностей роста этнической нетерпимости.

Обработка результатов проводилась с помощью метода семантической близости, описанного В.П. Серкиным [Серкин, 2008].

Формула для расчета выглядит следующим образом:

$$S = C / (N1+N2),$$

где С – количество (сумма частот) совпадающих ассоциаций,

N1 – количество ассоциаций на первый стимул,

N2 – количество ассоциаций на второй стимул.

Семантическая близость определяется через совпадение семантических полей; она определяется отношением количества совпадающих ассоциаций к общему количеству ассоциаций на оба стимула. Высокими считались показатели семантической близости со значениями более 0,5.

Выборку исследования составили 3 группы: русские студенты (16 чел.), якутские студенты (17 чел.), и якутские студенты-члены ЯСО «Кэскил» ДВФУ (19 чел.). В общей сложности – 52 человека, в возрасте от 18 до 25 лет.

Якутская Студенческая (ЯСО) «Кэскил» – объединение студентов из Республики Саха (Якутия) в Дальневосточном Федеральном Университете, которое сохраняет якутский язык, культуру и идентичность, консолидируя студентов ДВФУ по региональному признаку. Организация фактически начала свою деятельность в 2010 г. во Владивостоке, далее оформилась в Приморскую краевую общественную организацию «Ассоциация молодежи из Республики Саха (Якутия) «Кэскил» («Будущее»))» (НКО с 13.05.2014 – 21.11.2022 гг.) [Кычкин, 2022].

Основная часть

Обратимся к результатам ассоциативного эксперимента, представленных в таблице ниже.

Таблица 1 - Результаты ассоциативного эксперимента в различных этнических группах

Этнос	Слово-стимул	Ассоциации и частота
Якуты (члены ЯСО «Кэскил»)	«Якут»	добрый (7), красивый (4), трудолюбивый (4), терпеливый (4), храбрый (4), веселый (3), маленький (3), отважный (3), стойкий (3), мудрый (3), хитрый (2), патриот (2), традиционный (2), теплый (2), общительный (2), гостеприимный (2), целеустремленный (2), сдержанный (2), скромный (2), спокойный (2)

Этнос	Слово-стимул	Ассоциации и частота
	«Русский»	сила (7), добрый (6), голубоглазый (4), блондин (4), высокий (3), щедрый (3), грубый (3), гостеприимный (3), патриотичный (3), гордый (3), веселый (3), большой нос (2), душевный (2), стойкий (2), не сдается (2), суровый (2), громкий (2), эмоциональность (2), жизнерадостный (2)
Якуты	«Якут»	добрый (4), щедрый (2), хозяйственный (2), айыы (2), флегматичный (2), скромный (2)
	«Русский»	светловолосый (5), высокий (4), славянин (2), доброжелательный (2), доброта (2), водка (2), голубоглазый (2), сильный (2)
Русские	«Якут»	коллективист (3), добрый (2), веселый (2), странный (2), гостеприимный (2), выносливость (2)
	«Русский»	гостеприимный (5), добрый (4), открытый (3), отважный (3), честный (3), отзывчивый (3), имперскость (2), веселый (2), патриотичный (2)

Итак, при сравнении ассоциаций русских и якутских студентов:

- по стимулу «русский» был получен коэффициент семантической близости, равный 0,12 и совпало 9 единичных характеристик, что указывает на довольно низкую семантическую близость представлений в двух группах;
- по стимулу «якут» был получен коэффициент семантической близости, равный 0,13, совпало 11 единичных характеристик, что говорит о низкой степени семантической близости.

Соответственно, эмоционально-смысловые представления двух этносов о себе и о другом различаются. У якутов имеются разные ассоциации по внешним характеристикам на слово-стимул «якут» и «русский»: якуты определяют себя по большей части как «красивых», «маленьких», в то время как русских определяют, как «высоких», «голубоглазых», «светловолосых», «с большим носом». Также можно выделить, что якуты со словом-стимулом «русский» имеют больше ассоциаций, связанных с внешностью, в отличие от слово-стимула «якут», который дает больше ассоциаций, связанных с чертами характера.

У русских имеются разные ассоциации по чертам характера на слово-стимул «русский» и «якут»: русские определяют себя по большей части как «гостеприимных», «открытых», «отважных», в то время как якутов определяют, как «коллективистов», «странных», «выносливых». Это может служить условием для появления межэтнической напряженности, которая в дальнейшем может привести к конфликтам между конкретными группами. Чем сильнее у групп различаются эмоционально-смысловые представления друг о друге, тем ниже их тождественность и выше вероятность проявлений межэтнической нетерпимости.

Результаты сравнения ассоциаций якутских членов ЯСО «Кэскил» и якутских студентов ДВФУ следующие:

- на слово-стимул «якут» был получен коэффициент семантической близости, равный 0,08, а также в двух группах совпало 4 единичных реакций;
- по стимулу «русский» был получен коэффициент семантической близости, равный 0,2, совпало 9 единичных характеристик.

Показатели не перешли средний порог, потому можно говорить о низкой семантической близости. Это показывает разные эмоционально-смысловые представления двух групп о якутском и русском этносах.

Сравнив частоту ассоциаций двух групп якутов, можно заметить, что количество

совпадающих ассоциаций на слова-стимулы «якут» и «русский» больше у членов ЯСО «Кэскил», чем у якутов, не входящих в организацию. Как мы писали ранее, организация «Кэскил» занимается сохранением якутского языка, культуры и идентичности в городе Владивостоке, поэтому можно предположить, что у членов организации другая среда для формирования эмоционально-смысловых представлений, так как большую часть времени они тесно коммуницируют друг с другом, нежели чем группа якутов, которые не входят в ЯСО «Кэскил». То есть первая группа более сплоченная и занимается общей деятельностью, а вторая была подобрана только по этнической принадлежности и статусу студента ДВФУ, т.е. респондентов этой группы не связывает ничего кроме этих двух пунктов.

Обратимся к результатам категоризации ассоциаций, представленных в таблице ниже.

Таблица 2 - Категоризация ассоциаций этнических групп

Этнос	Якуты (члены ЯСО «Кэскил»)		Якуты		Русские	
	«Якут»	«Русский»	«Якут»	«Русский»	«Русский»	«Якут»
Слово-стимул	«Якут»	«Русский»	«Якут»	«Русский»	«Русский»	«Якут»
Реакции-понятия	40%	38%	69%	19%	49,5%	55%
Представления	51%	47%	26%	71%	35%	25%
Эмоции, оценки	9%	15%	5%	10%	15,5%	20%

Все ассоциации были разделены на 3 категории:

1. Реакции-понятия («патриот», «человек-слова», «традиционность»);
2. Представления («спокойный», «стойкий», «честный»);
3. Эмоции, оценки («хороший», «странный», «милый»).

У якутов, состоящих в ЯСО «Кэскил», наибольший процент из трех значений выявлен в «представлениях» в обоих словах-стимулах (40%-«якут» и 38%-«русский»), что означает преобладание в ассоциациях обобщенных черт характера и описательных характеристик. На втором – «реакции-понятия» (51%-«якут» и 47%-«русский»), что показывает более нейтральные значения, связанные с этническими особенностями или социальным поведением. На третьем месте – эмоции, оценки» (9%-«якут» и 15%-«русский»), которые связаны с субъективными оценочными суждениями, которые могут склоняться сильно в положительную или отрицательную стороны.

У якутов, не состоящих в ЯСО «Кэскил», на слово-стимул «якут» наибольший процент (69%) из трех категорий выражен в «реакциях-понятиях», то есть в первую очередь выражены этнические ассоциации и реакции на действия представителей этноса в социуме. Стоит отметить, что они составляют больше половины всех ассоциаций. Далее следуют «представления» (26%), что выражается в описательных характеристиках. И менее всего выражены «эмоции, оценки» (5%). Рассмотрим слово-стимул «русский». На первой позиции по процентам «представления» (71%), что занимает более середины всех ассоциаций этой группы, это показывает нейтральность ассоциаций. Следующие «реакции-понятия» (19%). Наименше всего процентов по «эмоции, оценкам» (10%).

У русских студентов на два слова-стимула больший процент выражен в «реакциях-понятиях» (49,5%-«русский» и 55%-«якут»). Далее по процентному соотношению располагаются «представления» (35%-«русский» и 25%-«якут»). Меньше всего выражены «эмоции, оценки» (15,5%-«русский» и 20%-«якут»).

Таким образом, в трех группах респондентов наименьший процент всех ассоциаций выявлен в категории «эмоции, оценки». Соответственно, на данный момент потенциал

межэтнической напряженности невелик в связи с отсутствием сформированных ярких негативных оценочных суждений.

Заключение

В итоге, ассоциации двух этнических групп друг о друге имеют низкую семантическую близость. Между ответами русских и якутских студентов ДВФУ прослеживаются различия в ответах на слова-стимулы, что может выступать параметром межэтнической напряженности в будущем. Однако, результаты категоризации показали наименьший процент представленности категории эмоционально окрашенных ассоциаций во всех трех группах респондентов. Таким образом, на данный момент потенциал напряженности невелик в связи с отсутствием ярких негативных оценочных суждений представителей этнических групп друг о друге.

Также в ходе сравнения двух групп якутов, была выявлена большая разница в ответах, что позволяет сделать вывод о различных представлениях якутов-членов ЯСО «Кэскил» и якутов, не состоящих в нем, о русском и якутском этносе. Можно предположить, что членство в организации, как объединение активных представителей якутского этноса в ДВФУ, вносит вклад в процесс формирования ассоциаций, которые могут способствовать приобретению положительных эмоционально-смысловых представлений по отношению к другим группам.

Библиография

1. Адамова З.Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 212 с.
2. Гуриева С.Д. Психология этнического конфликта. СПб., 2021. 406 с.
3. Кычкин И.И. Этническая идентичность как инструмент создания студенческих землячеств (на примере Дальневосточного федерального университета) // Наука. Исследования. Практика. СПб., 2022. С. 42-45.
4. Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М.: ПЧЕЛА, 2008. 382 с.
5. Солдатова Г.У. Диагностика типов этнической идентичности // Психология общения. Энциклопедический словарь. М.: Когито-центр, 2011. С. 511.
6. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
7. Турунен Н., Харченкова Л.И. Ассоциативный эксперимент как средство выявления картины мира у представителей разных культур // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2000. С. 74-78.
8. Verkuyten M. The social psychology of ethnic identity. – Routledge, 2018.
9. Sambanis N., Shayo M. Social identification and ethnic conflict // American Political Science Review. – 2013. – Т. 107. – №. 2. – С. 294-325.
10. Harff B. Ethnic conflict in world politics. – Routledge, 2018.

Psychosemantic research of interethnic tension among russian and yakut students of FEFU

Innokentii I. Kychkin

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: keshakychkin@mail.ru

Mariana S. Slyugrova

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: marianaslyugrova@gmail.com

Polina M. Grigor'eva

Scientific Supervisor,
Assistant at the Department of Psychology and Education,
School of Arts and Humanities,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: grigoreva.pm@dvf.ru

Abstract

The article investigates the presence of interethnic tension in the environment of a multi-ethnic university (FEFU) between Russian and Yakut students using a free associative experiment and processing the results using method of semantic proximity. The Yakut Student Organization "Keskil", the concept of interethnic tension and the differences in verbal associations between Yakut students and Yakut members of the organization YSO "Keskil" are considered. The results of the research: low semantic closeness of associations of the two ethnic groups was revealed; there are peculiarities of interethnic tension between Russian and Yakut students of FEFU; a large difference in the answers was revealed, which allows us to conclude that Yakut members of the YSO "Keskil" and Yakuts who are not members of it have different perceptions of the Russian and Yakut ethnoses. Between the responses of Russian and Yakut FEFU students, differences in responses to stimulus words can be traced, which may be a parameter of interethnic tension in the future. However, the categorization results showed the lowest percentage of representation of the category of emotionally charged associations in all three groups of respondents. Thus, at the moment, the potential for tension is low due to the absence of strong negative value judgments of representatives of ethnic groups about each other.

For citation

Kychkin I.I., Slyugrova M.S., Grigor'eva P.M. (2024) Psichosemanticheskoe issledovanie mezhetnicheskoi napryazhennosti sredi russkikh i yakutskikh studentov DVFU [Psychosemantic research of interethnic tension among russian and yakut students of FEFU]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 287-294. DOI: 10.34670/AR.2024.42.90.032

Keywords

Interethnic tension, associative experiment, semantic proximity, verbal associations, linguistic diagnostics, Russians, Yakuts, ethnic groups.

References

1. Adamova Z.G. (2006) *Verbal'naya diagnostika mezhetnicheskoi napryazhennosti. Doct. Dis.* [Verbal diagnosis of interethnic tension. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Gurieva S.D. (2021) *Psikhologiya etnicheskogo konflikta* [Psychology of ethnic conflict]. St. Petersburg.
3. Kychkin I.I. (2022) *Etnicheskaya identichnost' kak instrument sozdaniya studencheskikh zemlyachestv (na primere Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta)* [Ethnic identity as a tool for creating student communities (on the example of the Far Eastern Federal University)]. In: *Nauka. Issledovaniya. Praktika* [Science. Research. Practice]. St. Petersburg.
4. Serkin V.P. (2008) *Metody psikhologii sub"ektivnoi semantiki i psikhosemantiki* [Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics]. Moscow: PChELA Publ.
5. Soldatova G.U. (2011) *Diagnostika tipov etnicheskoi identichnosti* [Diagnosis of types of ethnic identity]. In: *Psikhologiya obshcheniya. Entsiklopedicheskii slovar'* [Psychology of communication. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Kogito-tsentr Publ.
6. Soldatova G.U. (1998) *Psikhologiya mezhetnicheskoi napryazhennosti* [Psychology of interethnic tension]. Moscow: Smysl Publ.
7. Turunen N., Kharchenkova L.I. (2000) *Assotsiativnyi eksperiment kak sredstvo vyyavleniya kartiny mira u predstavitelei raznykh kul'tur* [Associative experiment as a means of identifying the worldview of representatives of different cultures]. In: *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior]. Voronezh.
8. Verkuyten, M. (2018). *The social psychology of ethnic identity*. Routledge.
9. Sambanis, N., & Shayo, M. (2013). Social identification and ethnic conflict. *American Political Science Review*, 107(2), 294-325.
10. Harff, B. (2018). *Ethnic conflict in world politics*. Routledge.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.13.78.022

Динамика обращения на телефон доверия при нарушенной психической адаптации различного уровня на примере Чувашской Республики

Андреев Павел Олегович

Аспирант кафедры социальной и клинической психологии,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
428015, Российская Федерация, Чебоксары, просп. Московский, 15;
e-mail: pavel.a@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме оказания психологической помощи по телефону доверия (ТД) на базе Республиканской психиатрической больницы в Чувашской Республике. Целью статьи является теоретическое обоснование в решении вопроса разграничения уровней психической дезадаптации и анализ статистических данных по запросам психологической помощи на ТД, которые отражают динамику востребованности удаленной психологической помощи. Прделанная работа дает понимание об уровне адаптации звонившего абонента на ТД и характера проблемы, которая впоследствии делает возможным выбрать более подходящий консультативный стиль и метод психологической помощи абонентам ТД. В рамках исследования была обработана информация по входящим звонкам за 8 лет – с 2015 по 2022 год, которые поступали на телефон доверия по Чувашской Республике. За это время было принято 44 115 вызовов. Все входящие звонки ранжировались по уровням адаптации/дезадаптации.

Для цитирования в научных исследованиях

Андреев П.О. Динамика обращения на телефон доверия при нарушенной психической адаптации различного уровня на примере Чувашской Республики // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 295-302. DOI: 10.34670/AR.2024.13.78.022

Ключевые слова

Уровни психической адаптации, телефон доверия, психологическая помощь, телефонное консультирование.

Введение

Психологическая помощь по телефону доверия (ТД) в сегодняшних реалиях как никогда востребована. Человек в течение жизни сталкивается со многими стрессовыми событиями, которые не всегда получается конструктивно решать. Дополнительное давление на психические адаптивные механизмы оказывают события последних лет: политические, экономические, стихийные катастрофы. Все они не проходят бесследно и несут за собой определенную разрушительную силу для психики человека [Ляшук, Головкин, 2018]. Когда мы говорим о здоровой психике, мы говорим о способности психической адаптации, которая является основным критерием здоровья или патологии [Emotional intelligence and psychological maladjustment in adolescence: A systematic review, www]. Для того чтобы увидеть, как меняется психическая адаптация под влиянием времени и текущих событий, которая в том числе сопряжена с травмирующими событиями, нужно исследовать этот вопрос в продолжительном временном отрезке, и исходя из этих данных мы сможем увидеть динамику поступающих проблем. Это даст нам возможность корректировать методы консультирования на ТД под меняющуюся потребность в тех или иных сферах.

Также актуальность и востребованность психологической помощи по ТД заключается в некоторых преимуществах: круглосуточная работа, бесплатные звонки, сохранность анонимности абонента и психолога, право абонента закончить разговор в любое время, гарантированная конфиденциальность [Гаганова, 2019]. Эти принципы в работе ТД делают его привлекательным и доступным для людей, которые оказались в трудной жизненной ситуации и которые по той или иной причине не могут посетить специалиста очно.

В ходе исследования были выделены четыре уровня адаптации: эффективная адаптация, неустойчивая адаптация, неустойчивая дезадаптация, устойчивая дезадаптация. Основой для такой модели стала работа Т.Г. Гадельшеной «Структурно-уровневая концепция психической адаптации».

Всем поступающим звонкам на ТД в период с 2015 по 2022 год был присвоен один из уровней адаптации исходя из состояния абонента и его проблемы. Это дало нам общую картину проблем психической адаптации абонентов ТД и показало возрастающую динамику звонков лицами с неустойчивой адаптацией, что указывает на актуальность проблемы.

Мы нацелены определить, в каком направлении происходит динамика запросов о психологической помощи на ТД, разработать концепцию уровней психической адаптации-дезадаптации.

В данной работе вопрос психической адаптации мы рассматриваем через призму нескольких подходов. Социально-психологическая адаптация представлена в научной литературе как взаимодействие личности и социальной среды, которая в норме приводит к приемлемым в обществе ценностям и поведению. В процессе социально-психологической адаптации достигается социально одобряемое поведение, формируются социально-психологические установки.

Психическая адаптация человека рассматривается как результат деятельности целостной самоуправляемой системы, деятельность, которая обусловлена не отдельными компонентами подсистем, а их взаимодействием [Patterns of Behavioral Adjustment and Maladjustment in Mental Retardation: Comparison of Children With and Without ADHD, www]. Результат функционирования всей системы и есть состояние психической адаптации, которое обеспечивает деятельность человека на уровне «оперативного покоя», что дает возможность

человеку не только эффективно противостоять различным природным и социальным факторам, но и целенаправленно влиять на них. Система психической адаптации находится в постоянной готовности к выполнению своих задач. Адаптация – один из основных критериев в понимании нормы и патологии в психической деятельности человека [Emotional intelligence and psychological maladjustment in adolescence: A systematic review, www].

По мнению Ю.А. Александровского, к проблеме адаптации и дезадаптации психической деятельности человека можно подойти с разных сторон. Проблема может быть рассмотрена с биологической точки зрения, которая также может иметь свою специфику: биохимическую, нейрофизиологическую, генетическую и т.д. [Александровский, 1976]. Также можно рассматривать проблему адаптации и в рамках социальных и психологических позиций. Но для понимания вопроса в полном объеме Александровский предлагает рассматривать проблему психической адаптации с точки зрения системного подхода, который разработал еще П.К. Анохин. Системный подход рассматривает способность психической адаптации как систему, обеспечивающую адаптированную психическую деятельность, как и другую функциональную систему, представляющую собой определенную совокупность подсистем, соединённых жесткими связями, находящимися в постоянном взаимодействии [Анохин, 1979]. Ю.А. Александровский выделяет следующие подсистемы: социально-психологических контактов; поиска, восприятия и переработки информации; обеспечения бодрствования и сна; эмоционального реагирования; эндокринно-гуморальной регуляции [Шпак, 2011].

Ф.Б. Березин дает следующее определение психической адаптации: *«Психическую адаптацию можно определить как процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе осуществления свойственной человеку деятельности, который позволяет индивидууму удовлетворять актуальные потребности, реализовать связанные с ним значимые цели (при сохранении психического и физического здоровья), обеспечивая в то же время соответствие психической деятельности человека его поведению и требованию среды»* [Березин, 1988]. Также он отмечает, что исследования психической адаптации человека в современном мире имеет особую актуальность. Это связано с возрастанием интенсивности действия и увеличением числа факторов, которые усиливают динамичность отношений человека и окружающей его среды и провоцируют повышенные требования к адаптационным механизмам [Mental disorders considered as maladjustment or broken adaptation to the environment, www].

Процедура и методика исследования

Все поступившие звонки на ТД фиксируются с помощью специального кодификатора. В нем кратко отражены все запросы, которые входят в круг компетенций ТД, на основе этого кодификатора были разработаны уровни психической адаптации/дезадаптации. Были взяты основные характеристики обращения на ТД, такие как причина обращения на ТД, состояние соматической сферы, состояние психической сферы, состояние социальной сферы, состояние внутриличностного отношения у звонившего и его межличностных отношений. Все эти данные специалист ТД получает в ходе беседы с абонентом. Таким образом, все поступающие звонки ранжируются по четырем уровням адаптации/дезадаптации, что дает более обобщенную картину обращения на ТД и возможность дальнейшего изучения динамики характера запросов.

Уровни адаптации-дезадаптации

1. Эффективная адаптация. К этому уровню адаптации были отнесены звонки абонентов, которые обращались на ТД за общей информацией, не связанной с психическими или

соматическими проблемами и еще с какими-либо сложностями. Также к этому уровню относятся звонки с поздравлениями или благодарностями. У этих абонентов регистрируется психическое состояние как спокойное, без суицидального риска [Шпак, 2011].

2. Неустойчивая адаптация. Звонки, в которых основной причиной является недовольство поведением другого человека, соматическое состояние абонента в норме, отмечается эмоциональная неустойчивость, социальная сфера остается в рамках нормы, при этом межличностные отношения нарушены. Основная проблематика, с которой обращаются абоненты данного уровня адаптации, – это семейные конфликты, измена в отношениях, конфликты на работе, проблемы социальной адаптации, одиночество, безработица и т.д. У данных абонентов отмечаются следующие психические состояния: тревога, страх, печаль, грусть, обида, возмущение, злоба, гнев, ирония.

3. Неустойчивая дезадаптация. Звонки, в которых абонент просит непосредственно помощь и не видит возможности самостоятельно справиться со сложившейся ситуацией. Соматическое состояние может быть различным, психологическое состояние подавленное, состояние социальной сферы может быть различным, межличностные отношения нарушены, внутриличностные отношения также нарушены, могут присутствовать суицидальные высказывания и намерения суицида. Основная проблематика абонентов с данным уровнем дезадаптации: физическое и психологическое насилие, отсутствие или утрата смысла жизни, переживание инцеста ребенка, соматические заболевания, инвалидность и т.д. У данных абонентов отмечаются следующие психические состояния: тревога, страх, печаль, грусть, отчаяние, обида, возмущение, злоба, гнев, плач, ирония. Также абонент может находиться в состоянии алкогольного опьянения.

4. Устойчивая дезадаптация. Звонки, основная причина которых – неприятие и непонимание окружающими. Как правило, это люди, глубоко страдающие от психических или тяжелых соматических заболеваний, с грубыми психологическими нарушениями и нарушенными социальными и межличностными связями. Могут присутствовать суицидальные высказывания и намерения суицида. Основная проблематика звонивших с этим уровнем дезадаптации – это химические зависимости, психические заболевания. У данных абонентов отмечаются следующие психические состояния: тревога, страх, печаль, грусть, отчаяние, обида, возмущение, злоба, бредовые высказывания, ирония. Также эти абоненты могут быть в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Выборка

В исследовании использовались данные звонков, которые поступали на ТД по Чувашской Республике в течение 8 лет, с 2015 года по 2022 год. За этот период времени было принято 44 115 звонков, из них 38 021 были активными, т.е. с этими вызовами работал специалист на ТД и каждый такой вызов был отнесен к определенному уровню адаптации/дезадаптации. Статистика звонков по уровням адаптации/дезадаптации представлена в таблице 1.

Таблица 1 - Статистика звонков на ТД за период 2015-2022 годов

Год	Общее кол-во звонков (абс. значения)	Кол-во активных звонков (абс. значения)	Эффективная адаптация (%)		Неустойчивая адаптация (%)		Неустойчивая дезадаптация (%)		Устойчивая дезадаптация (%)	
			Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
2015	6508	5378	995	18,5	3448	64,11	304	5,65	631	11,73
2016	6041	4933	1026	20,79	2787	56,49	286	5,79	834	16,90
2017	5108	4301	750	17,43	2742	63,75	255	5,92	554	12,88

2018	4824	4079	725	17,77	2797	68,57	372	9,11	185	4,53
2019	5025	4452	677	15,20	3135	70,41	394	8,84	246	5,52
2020	5412	4989	614	12,30	3658	73,20	458	9,18	259	5,19
2021	6512	5767	476	8,25	4379	75,93	573	9,93	339	5,87
2022	4685	4122	397	9,63	2798	67,87	573	13,90	354	8,58

Источник: Статистические данные из журнала учета Телефона Доверия

Результаты и обсуждения

Изменение количества и качества запросов, поступавших на ТД, представлены в таблицах 2, 3, 4. В них видно, как менялся запрос на психологическую помощь по ТД.

Таблица 2 - Сравнение динамика звонков по уровням адаптации за 2015-2020 годы

Уровни адаптации	2015		2020		Достоверность различий	
	Абс.	%	Абс.	%	X ²	P
Эффективная адаптация	995	18,50	614	12,30	75,7357	0,0001
Неустойчивая адаптация	3448	64,11	3658	73,20	101,7808	0,0001
Неустойчивая дезадаптация	304	5,65	458	9,18	47,2910	0,0001
Устойчивая дезадаптация	631	11,73	259	5,19	141,1204	0,0001
Всего	5378	100	5767	100	–	–

Источник: Статистические данные из журнала учета телефона доверия

В 2015 году звонков от абонентов с эффективной адаптацией было больше по сравнению с 2020 годом, с неустойчивой адаптацией – меньше, неустойчивой дезадаптацией также звонков было меньше, а с устойчивой дезадаптацией – больше.

Таблица 3 - Сравнение динамика звонков по уровням адаптации за 2020-2022 годы

Уровни адаптации	2020		2022		Достоверность различий	
	Абс.	%	Абс.	%	X ²	P
Эффективная адаптация	614	12,30	397	9,63	16,3820	0,0001
Неустойчивая адаптация	3658	73,20%	2798	67,87	32,3682	0,0001
Неустойчивая дезадаптация	458	9,18	573	13,90	50,1248	0,0001
Устойчивая дезадаптация	259	5,19	354	8,58	41,4964	0,0001
Всего	4989	100	4122	100	–	–

Источник: Статистические данные из журнала учета телефона доверия

В 2020 году звонков от абонентов с эффективной адаптацией было меньше по сравнению с 2022 годом, с неустойчивой адаптацией – больше, неустойчивой дезадаптацией также звонков было меньше, а с устойчивой дезадаптацией – больше.

Таблица 4 - Сравнение динамика звонков по уровням адаптации за 2015-2022 годы

Уровни адаптации	2015		2022		Достоверность различий	
	Абс.	%	Абс.	%	X ²	P
Эффективная адаптация	995	18,5	397	9,63	146,8088	0,0001
Неустойчивая адаптация	3448	64,11	2798	67,87	14,7006	0,0001
Неустойчивая дезадаптация	304	5,65	573	13,90	189,4653	0,0001
Устойчивая дезадаптация	631	11,73	354	8,58	24,8343	0,0001
Всего	5378	100	4122	100	–	–

Источник: Статистические данные из журнала учета телефона доверия

В 2015 году звонков от абонентов с эффективной адаптацией было больше по сравнению с

2022 годом, с неустойчивой адаптацией – меньше, неустойчивой дезадаптацией также звонков было больше, а с устойчивой дезадаптацией – больше.

При установлении достоверности различий полученных данных использовался метод статистический измерений Хи-квадрат Пирсона. Полученные значения позволяют говорить о статистической достоверности. Полученные данные отображены в виде диаграммы на рисунке 1.

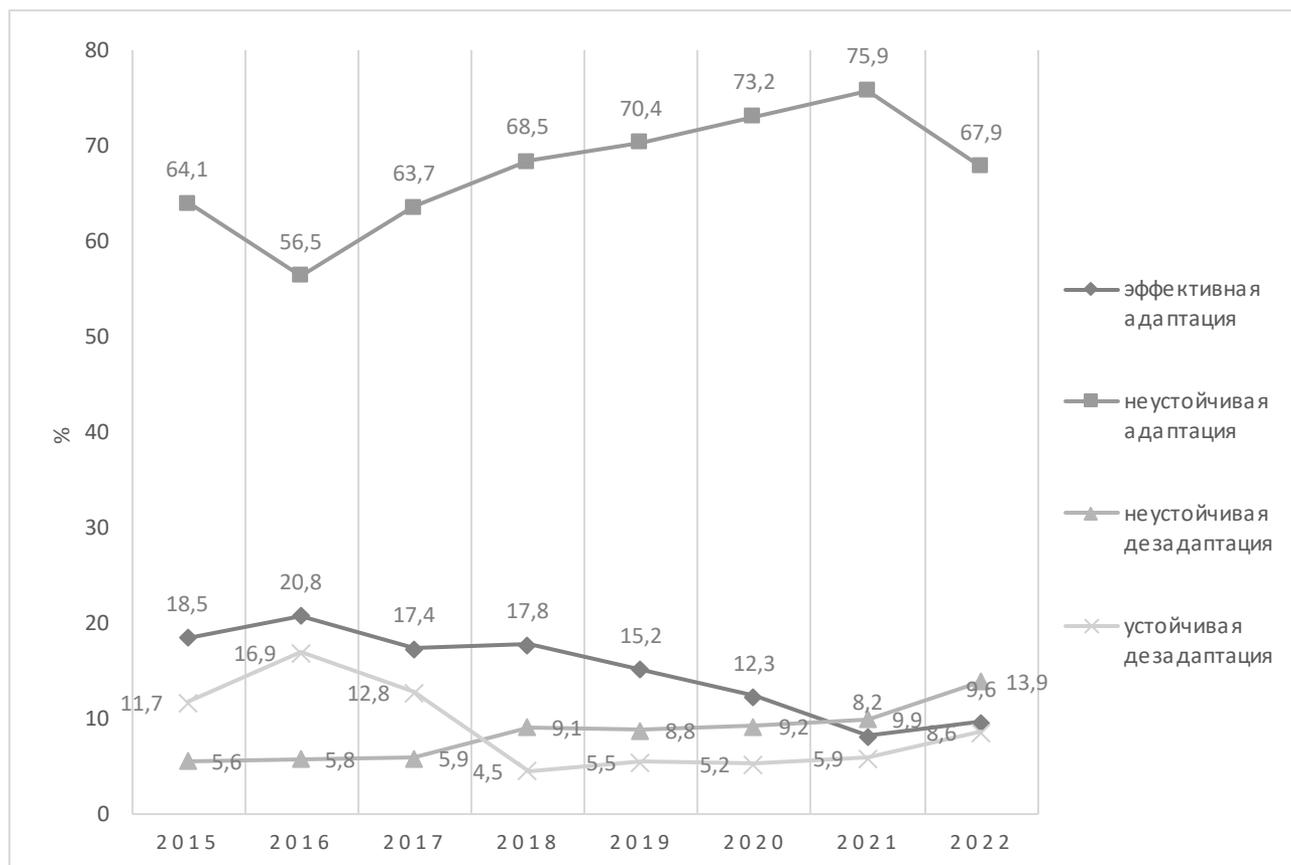

Рисунок 1 – Динамика обращения на ТД по уровням адаптации в период 2015-2022 годах

Заключение

Полученные данные отображают динамику звонков с 2015 года по 2022 год. Самое большое количество звонков поступает от абонентов, которых идентифицировали как абоненты с неустойчивой психической адаптацией. Как видно на графике, с 2016 года заметен рост звонков абонентов с неустойчивой дезадаптацией. Анализ звонков данных абонентов помог вывести ряд закономерностей, повлиявших на рост звонков: с 2016 года активно начали устанавливать билборды с контактами телефона доверия, в бюджетных организация в рамках психического здоровья начали проводить ежегодно семинары, где также рекомендовали обращаться на телефон доверия в случаях, когда нужна психологическая помощь. Звонки от абонентов с эффективным уровнем адаптации с 2016 года снижались, как правило, это звонки, в которых запрос не был связан с основной работой телефона доверия. Звонки абонентов с уровнем устойчивой дезадаптации с 2016 снижались. Количество звонков абонентов с неустойчивой дезадаптацией с 2017 года незначительно выросло к 2022 года.

Полученные в ходе анализа данные звонков, поступающих на телефон доверия в Чувашской Республике, дают возможность оценить основной запрос к психологу телефона доверия и сформировать определенные методические и образовательные рекомендации для психологов телефона доверия, которые будут способствовать повышению качества оказываемой психологической помощи.

Библиография

1. Александровский Б.Ю. Состояние психической дезадаптации и их компенсация. Л.: Наука, 1976. 272 с.
2. Анохин П.К. Избранные труды. Системные механизмы высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1979. 453 с.
3. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 270 с.
4. Гаганова О.С. Психологическая помощь по «телефону доверия» при переживании расставания // Социальное развитие современного российского общества: достижения, проблемы, перспективы. 2019. № 11. С. 63-67.
5. Ляшук А.В., Головкин О.Н. Телефон экстренной психологической помощи: методический аспект // Материалы 3-й всероссийской конференции молодых ученых «Техносфера XXI века». Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2018. С. 111-113.
6. Теслинов И.В., Усков В.М., Шуткин С.Н. Роль психической дезадаптации в формировании синдрома психических нарушений // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2014. № 1(3). С. 99-105.
7. Шпак Л.Л. Социальная дезадаптация: признаки, механизмы, уровни // Социологические исследования. 2011. № 3(323). С. 50-55.
8. Emotional intelligence and psychological maladjustment in adolescence: A systematic review. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140197114000487>.
9. Mental disorders considered as maladjustment or broken adaptation to the environment. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1654298>.
10. Patterns of Behavioral Adjustment and Maladjustment in Mental Retardation: Comparison of Children With and Without ADHD. URL: <https://meridian.allenpress.com/ajidd/article-abstract/105/4/236/702/Patterns-of-Behavioral-Adjustment-and>.

The dynamics of contacting the helpline in case of impaired mental adaptation of various levels, using the example of the Chuvash Republic

Pavel O. Andreev

Postgraduate Student of the Department of social and clinical psychology,
I.N. Ulianov Chuvash State University,
428015, 15 Moskovskii ave., Cheboksary, Russian Federation;
e-mail: pavel.a@bk.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of providing psychological assistance via a helpline on the basis of the Republican Psychiatric Hospital in the Chuvash Republic. The purpose of the work is a theoretical justification in solving the issue of delineating the levels of mental maladjustment and analyzing statistical data on requests for psychological assistance at a helpline, which reflect the dynamics of demand for remote psychological assistance. The work performed gives an understanding of the level of adaptation of the caller to a helpline and the nature of the problem, which subsequently makes it possible to choose a more appropriate counseling style and method of psychological assistance to helpline subscribers. As part of the study, information on incoming calls

for 8 years from 2015 to 2022 was processed. During this time, 44,115 calls were received. All incoming calls were ranked according to the levels of adaptation / maladaptation.

For citation

Andreev P.O. (2024) Dinamika obrashcheniya na telefon doveriya pri narushennoi psikhicheskoi adaptatsii razlichnogo urovnya na primere Chuvash-skoi Respubliki [The dynamics of contacting the helpline in case of impaired mental adaptation of various levels, using the example of the Chuvash Republic]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 295-302. DOI: 10.34670/AR.2024.13.78.022

Keywords

Levels of mental adaptation, helpline, psychological assistance, telephone counseling.

References

1. Aleksandrovskii B.Yu. (1976) *Sostoyanie psikhicheskoi dezadaptatsii i ikh kompensatsiya* [State of mental maladjustment and their compensation]. Leningrad: Nauka Publ.
2. Anokhin P.K. (1979) *Izbrannye trudy. Sistemnye mekhanizmy vysshei nervnoi deyatel'nosti* [Selected works. Systemic mechanisms of higher nervous activity]. Moscow: Nauka Publ.
3. Berezin F.B. (1988) *Psikhicheskaya i psikhofiziologicheskaya adaptatsiya cheloveka* [Mental and psychophysiological adaptation of a person]. Leningrad.
4. *Emotional intelligence and psychological maladjustment in adolescence: A systematic review*. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140197114000487> [Accessed 15/01/2024].
5. Gaganova O.S. (2019) Psikhologicheskaya pomoshch' po «telefonu doveriya» pri pe-rezhivanii rasstavaniya [Psychological assistance via a “helpline” when experiencing a breakup]. *Sotsial'noe razvitie sovremennogo rossiiskogo obshchestva: dostizheniya, problemy, perspektivy* [Social development of modern Russian society: achievements, problems, prospects], 11, pp. 63-67.
6. Lyashuk A.V., Golovko O.N. (2018) Telefon ekstremnoi psikhologicheskoi pomo-shchi: metodicheskii aspekt [Emergency psychological help telephone: methodological aspect]. In: *Materialy 3-i vserossiiskoi konferentsii molodykh uchennykh «Tekhnosfera XXI veka»* [Proc. All-Russian Conf. “Technosphere of the XXI Century”]. Sevastopol: SevastopolState University, pp. 111-113.
7. *Mental disorders considered as maladjustment or broken adaptation to the environment*. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1654298> [Accessed 15/01/2024].
8. *Patterns of Behavioral Adjustment and Maladjustment in Mental Retardation: Comparison of Children With and Without ADHD*. Available at: <https://meridian.allenpress.com/ajidd/article-abstract/105/4/236/702/Patterns-of-Behavioral-Adjustment-and> [Accessed 15/01/2024].
9. Shpak L.L. (2011) Sotsial'naya dezadaptatsiya: priznaki, mekhanizmy, urovni [Social maladaptation: signs, mechanisms, levels]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 3(323), pp. 50-55.
10. Teslinov I.V., Uskov V.M., Shutkin S.N. (2014) Rol' psikhicheskoi dezadapta-tsii v formirovaniy sindroma psikhicheskikh narushenii [The role of mental maladaptation in the formation of the syndrome of mental disorders]. *Problemy obespecheniya bezopasnosti pri likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsii* [Problems of ensuring safety in the liquidation of consequences of emergency situations], 1(3), pp. 99-105.

УДК 378.178

DOI: 10.34670/AR.2024.34.25.023

Проблемы психологического влияния коронавирусной инфекции на здоровье студентов вуза

Алексеева Алина Юрьевна

Аспирант,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
428015, Российская Федерация, Чебоксары, просп. Московский, 15;
e-mail: alekseeva.au@mail.ru

Николаев Евгений Львович

Доктор медицинских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной и клинической психологии,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
428015, Российская Федерация, Чебоксары, просп. Московский, 15;
e-mail: nikolevmr@bk.ru

Аннотация

В начале 2020 года новое коронавирусное заболевание (COVID-19) стало чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения в России и быстро переросло в глобальную пандемию. Было введено физическое дистанцирование и закрытые общественных мест, включая школы и учебные заведения, для обеспечения безопасности гражданского населения. Соответственно, учебные заведения стремительно перешли на дистанционное обучение. Авторы исследовали влияние пандемии COVID-19 на студентов в возрасте 18-24 лет. Для решения существующих проблем важно предоставить студентам психологическую поддержку, организовать ментальное здоровье, а также обеспечить доступ к ресурсам для помощи в управлении стрессом и трудностями. Вспышка COVID-19 нанесла всеобщий ущерб практически всем аспектам жизни. Эти меры безопасности привели к резкому закрытию школ и учебных заведений, а также к поспешному переходу на дистанционное обучение. Многие сообщили, что беспокойство за здоровье близких больше всего повлияло на их психическое здоровье, а необходимость заботиться о семье больше всего повлияла на текущие и будущие планы.

Для цитирования в научных исследованиях

Алексеева А.Ю., Николаев Е.Л. Проблемы психологического влияния коронавирусной инфекции на здоровье студентов вуза // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 303-312. DOI: 10.34670/AR.2024.34.25.023

Ключевые слова

Благополучие, депрессия, изоляция, коронавирус, пандемия, психологическая помощь, стресс, тревога.

Введение

Вспышка вируса SARS-CoV-2, первоначально из Ухани, Китай, в декабре 2019 года привела к продолжающемуся глобальному кризису общественного здравоохранения, направленному на распространение нового коронавирусного заболевания (COVID-19). Вирус SARS-CoV-2 непосредственно поражает дыхательную систему человека с характерными симптомами кашля, лихорадки, боли в горле, одышки и усталости [Wang et al., 2020]. Точное и ускоренное тестирование необходимо для контроля этого чрезвычайно заразного заболевания в городах, общинах и больницах.

Из-за внезапной вспышки COVID-19 большинство университетов по всей территории России были вынуждены отправить своих студентов домой пораньше на 2019-2020 учебный год, чтобы предотвратить распространение и защитить студентов, а также окружающие сообщества. Внезапное изменение среды обучения студентов, качество их образования и другие обстоятельства заставили студентов столкнуться с уникальными проблемами, негативно влияющими на их психическое здоровье. Потеря стажировок, рабочих мест и других возможностей также способствовала стрессу и снижению психического здоровья студентов. Согласно исследованию, проведенному на когорте студентов, посещающих колледж, в ходе пандемии до сих пор наблюдались заметные различия в поведенческом и психическом здоровье, причем число случаев депрессии и тревоги, связанных с выпускными экзаменами, было выше [Salerno, Williams, Gattamorta, 2020].

Основная часть

Исследование студентов показало, что в их когорте преобладают как тревога, так и депрессия, причем женщины страдают больше. Также отмечен нарушенный режим сна, который согласуется как с тревогой, так и с депрессией. При исследовании студентов обнаружено значительное снижение физической активности и психического здоровья, произошедшее в результате пандемии COVID-19 [Клейман и др., 2020].

Существует множество переменных, которые могут дополнительно повлиять на состояние психического здоровья студентов во время пандемии, включая их личность, семейную жизнь и происхождение.

С помощью исследовательской платформы Pollfish® мы собрали данные от 200 отечественных студентов в этом возрастном диапазоне (N = 200) относительно физических, эмоциональных и социальных последствий COVID-19.

Двести (N = 200) студентов в возрасте от 18 до 24 лет, посещавших университет лично до пандемии COVID-19, были опрошены с помощью Pollfish®. Pollfish® – это платформа для проведения опросов, использующая органическую выборку, основанную на случайном взаимодействии устройств (RDE). Используя искусственный интеллект (ИИ) для отслеживания уникальной идентификации респондентов, RDE достигает пользователей в их естественной среде, когда они участвуют в своей повседневной деятельности с помощью любого устройства [Шарма, Мадаан, Петти, 2006]. Партнерские отношения Pollfish® с более чем 120 000 приложениями и более чем 700 миллионами пользователей по всему миру позволяют случайным образом набирать участников, соответствующих конкретным критериям включения, с помощью встроенных стимулов, специфичных для активности каждого пользователя в режиме реального времени на их соответствующих устройствах [Solomou, Constantinidou, 2020].

Передовая технология и алгоритм искусственного интеллекта предотвращают мошенничество со стороны отдельных пользователей с несколькими учетными записями (SUMA) и подозрительные или нелогичные ответы на конкретные вопросы [Шарма, Мадаан, Петти, 2006]. Pollfish ® использует взвешивание для сопоставления одномерных распределений по возрасту, полу и географическому региону. Во всех сообщаемых результатах используется это взвешивание.

Анализ данных проводился с использованием JMP Pro 14.1 для Windows. Для сравнения таблиц непредвиденных обстоятельств 2×2 использовался двуххвостый точный тест Фишера. Для сравнения порядковых данных использовался критерий ранговой суммы Уилкоксона. Все результаты использовали взвешивание, сгенерированное Pollfish®, чтобы соответствовать одномерным распределениям возраста и пола.

Цель исследования – психологическое влияние и оценка уровня благополучия студентов во время распространения пандемии COVID-19.

Психологическое влияние пандемии COVID-19 на студентов стало довольно значимым. Несколько основных задач психологического влияния, с которыми студенты столкнулись:

- 1) Стресс и тревога: пандемия вызвала из-за неопределенности будущего, заботы о собственном здоровье и здоровье близких, а также о стабильности образовательной системы;
- 2) Социальная изоляция. Ограничения и меры самоизоляции могут привести к чувству социальной изоляции, что может влиять на их эмоциональное и психологическое благополучие;
- 3) Академические вызовы. Переход на онлайн-обучение и изменение образовательных процессов также могут оказать влияние на студентов, вызвав трудности с мотивацией, концентрацией и обучением;
- 4) Финансовая неопределенность. Некоторые студенты могут столкнуться с финансовыми трудностями в связи с потерей работы или ухудшением финансового положения их семей.

Для решения этих проблем важно предоставить студентам психологическую поддержку, организовать ментальное здоровье и поддержку, а также обеспечить доступ к ресурсам для помощи в управлении стрессом и трудностями.

Наши результаты показывают, что студенты ближе к выпуску столкнулись с увеличением тревоги (60,8%), чувства одиночества (54,1%) и депрессии (59,8%). Многие сообщили, что беспокойство о здоровье близких больше всего повлияло на их состояние психического здоровья (20,0%), а необходимость заботиться о семье больше всего повлияла на текущие и будущие планы (31,8%). Почти половина студентов занялась физическими упражнениями и физической активностью, чтобы позаботиться о своем психическом здоровье (46,7%). Семьдесят процентов проводили время во время пандемии за просмотром телевизионных шоу или фильмов. Значительно больше мужчин, студентов первого поколения и студентов с низким доходом получили выгодные возможности в свете пандемии, в то время как их коллеги не сообщили о влиянии. Студенты первого поколения с большей вероятностью брали год перерыва или отпуск из школы.

В общей сложности ответили 200 человек, из которых 50,6% были женщинами (после добавления взвешивания). Двадцать три и 3/10% были первокурсниками, 39,9% – второкурсниками, 17,8% – третьекурсниками, 12,6% – четверокурсниками

(старшеклассниками), а семь с половиной процентов проходили дополнительные семестры.

Как COVID-19 повлиял на ваше психическое здоровье?

Повышенная тревожность, депрессия и чувство одиночества были обнаружены у 60,8%, 54,1% и 59,8% взвешенной популяции соответственно (рисунок 1). Более восьмидесяти процентов (83,8%) сообщили об увеличении хотя бы одного из этих трех симптомов. С другой стороны, снижение тревоги, депрессии и чувства одиночества было обнаружено соответственно только у 9,1%, 5,3% и 4,6% населения. Для 10,7% их психическое здоровье не пострадало. Была замечена общая тенденция снижения распространенности симптомов по мере приближения студентов к выпуску. Используя точный тест Фишера, учебный год и распространенность симптомов психического здоровья не являются независимыми, с $p < 0,0001$ (см. рисунок 1).

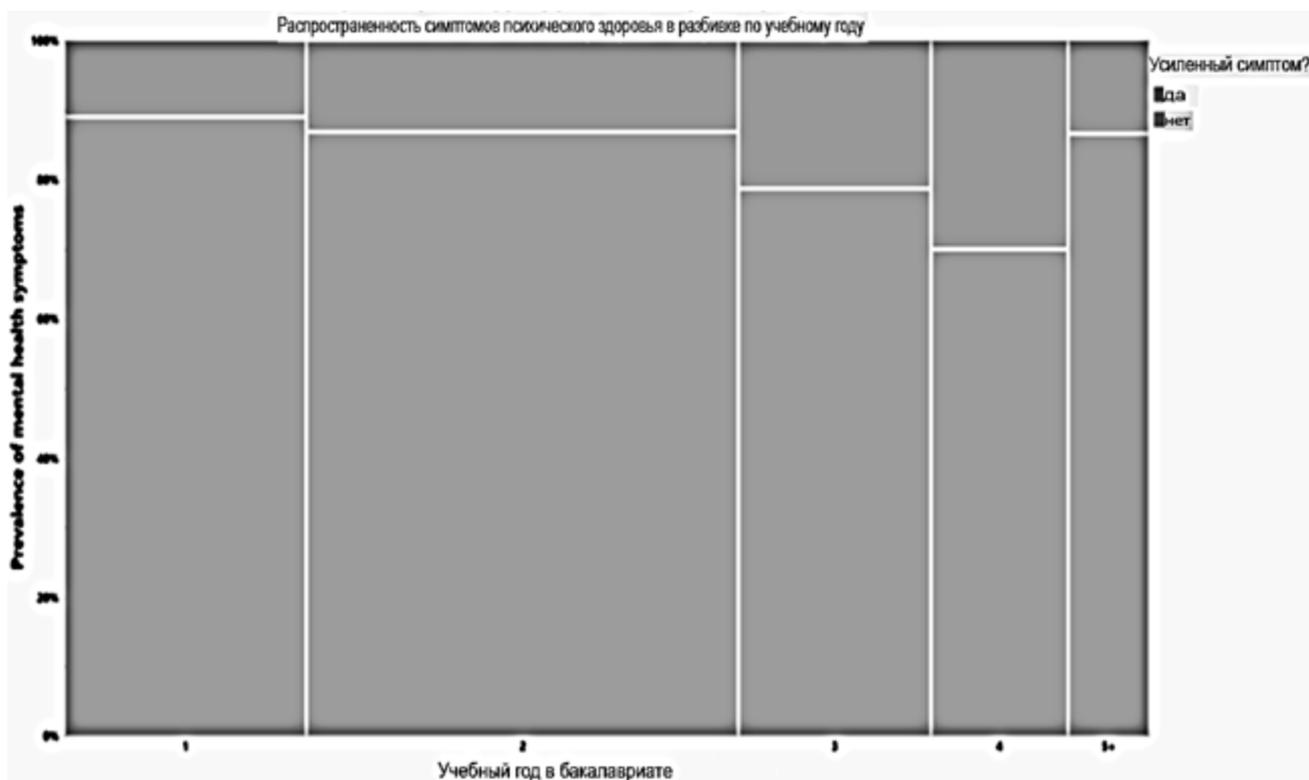

Рисунок 1 – Распространение симптомов психологического здоровья в разбивке по учебному году

Распространенность симптомов психического здоровья в разбивке по учебным годам и увеличились ли они полноразмерное изображение

Если вы чувствуете себя не в своей тарелке, что больше всего влияет на состояние вашего психического здоровья?

Двадцать процентов респондентов заявили, что беспокойство о здоровье близких было их главной заботой, 19,2% больше всего беспокоились о непрерывном образовании, 19,0% беспокоились о недостаточной проактивности, 15,9% беспокоились о финансах, 10,8% беспокоились о будущих предложениях работы, а 5,0% боялись заразиться вирусом. Только 6,8% сказали, что чувствуют себя непринужденно. Интересно, что не было обнаружено существенной связи между долей респондентов, которые больше всего беспокоились о финансах, и уровнем дохода (рисунок 2).

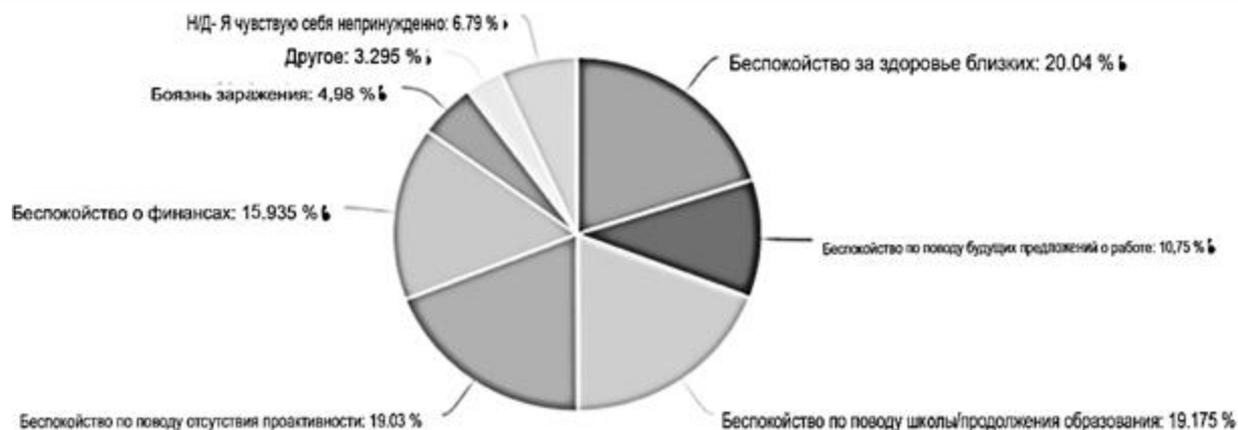

Рисунок 2 – Уровень беспокойства

Причины беспокойства среди студентов.

Почти шестьдесят одному проценту студентов было труднее завершить семестр вдали от общежития, в то время как 32,7% нашли это проще, а 6,4% не сообщили об изменениях. В этом ответе не было существенных различий по возрасту, полу, уровню дохода, статусу ЛГБТК + или статусу первого поколения.

Пятьдесят процентов респондентов указали, что они набрали вес из-за увеличения приема пищи, в то время как 20,2% сообщили, что они чувствовали / выглядели лучше из-за физических упражнений или диеты, 13,3% потеряли вес из-за отсутствия аппетита, а 16,6% не сообщили об изменениях. Среди студентов, которые сообщили о повышенном чувстве одиночества (59,8%), 57% сообщили, что они набрали вес, по сравнению с 39,4% тех, кто не испытывал симптомов. Используя точный тест Фишера, это было значительным с p -значением 0,0301. Отношение шансов (OR) составляет 2,04 (95% ДИ 1,15–3,62).

Как COVID-19 повлиял на ваши текущие и будущие планы?

COVID-19 нарушил жизнь большинства студентов, и только 26,4% заявили, что пандемия не повлияла на их текущие или будущие планы. 27,1% потеряли стажировку или предложение о работе, 22,9% берут год перерыва или отпуск из школы, а 31,8% нуждаются в поддержке семьи. Только 16,6% говорят, что пандемия дала им другие полезные возможности.

Группами людей, у которых, скорее всего, будут другие благоприятные возможности из-за пандемии, были мужчины (OR 3,18, 95% ДИ 1,41–7,22, $p = 0,0039$), студенты первого поколения (OR 2,27, 95% ДИ 0,99–5,19, $p = 0,0329$) и студенты с низким доходом (OR 3,05, 95% ДИ 1,35–6,99, $p = 0,0042$). Учащиеся первого поколения значительно чаще брали годичный перерыв/отгул в школе (OR 2,42, 95% ДИ 1,17–5,02, $p = 0,0251$).

С другой стороны, группами, которые значительно чаще сообщали об отсутствии влияния на планы на будущее, были женщины (OR 2,05, 95% ДИ 1,07–3,92, $p = 0,0159$), учащиеся не первого поколения (OR 3,12, 95% ДИ 1,62–5,97, $p = 0,0003$) и учащиеся, не имеющие низкого дохода (OR 3,77, 95% ДИ 1,89–7,53, $p < 0,0001$). Учитывая, что эти три группы точно соответствуют тем, которые с наименьшей вероятностью заявили, что получили выгодные возможности, мы исследовали степень, с которой пол, статус первого поколения и статус с низким доходом влияют либо на наличие благоприятных возможностей, либо на отсутствие изменений в планах на будущее.

Как вы конкретно заботились о своем психическом здоровье?

29,0% студентов занимались деятельностью по осознанности (медитация, йога). 46,7%

занимались физическими упражнениями или занимались физической активностью, 22,0% использовали приложение для здоровья, 17,7% получали психиатрическую помощь от профессионала и 30,3% не предпринимали никаких конкретных действий по уходу их психического здоровья. Из людей, которые занимались спортом, 35,9% набрали вес, а 32,0% сказали, что они чувствовали / выглядели лучше из-за физических упражнений или диеты. Напротив, из тех, кто не занимался спортом, 62,2% набрали вес, и только 9,8% сказали, что чувствуют себя или выглядят лучше. Используя точный тест Фишера, этот эффект был значимым при $p < 0,0001$.

Как вы проводите большую часть своего времени во время пандемии?

71,0% смотрели телешоу или фильмы, 30,5% читали книги, 39,6% занимались физическими упражнениями, 34,9% изучали новые навыки или приобретали новые хобби, 33,6% готовили или пекли, 29,5% работали или стажировались, а 8,0% сказали, что вообще мало что делают (рисунок 3). Обратите внимание, что цифра 39,6% тех, кто занимается спортом, не противоречит приведенной выше цифре 46,7%, поскольку некоторые из респондентов, возможно, не уделяют очень много времени физическим упражнениям и не считают это основным использованием своего времени во время пандемии (см. рисунок 3)

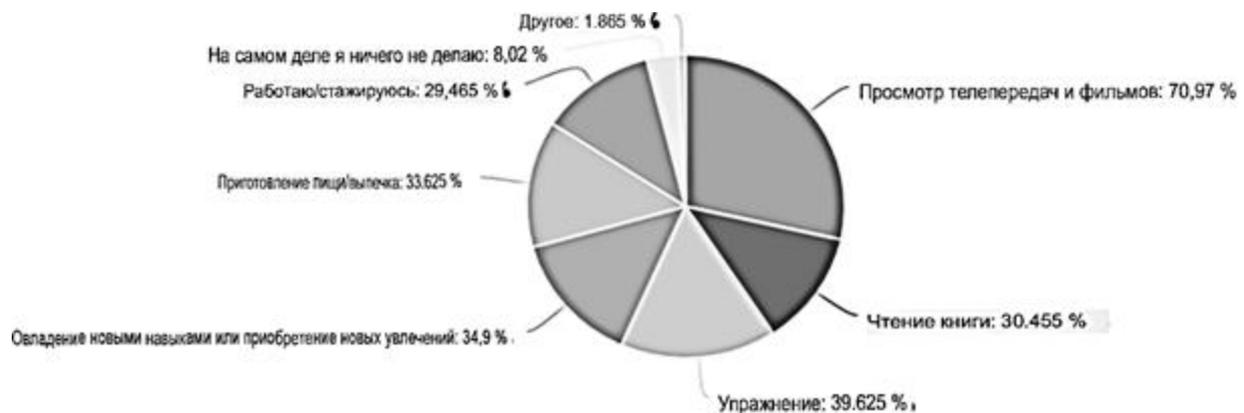

Рисунок 3 – Времяпровождение во время пандемии

Пандемия COVID-19 привела к серьезным образовательным и социальным последствиям, включая закрытие университетских городков, а также введение онлайн-обучения и социального дистанцирования в университетах в обозримом будущем. Студенты колледжа были вынуждены отказаться от социальных преимуществ так называемого «опыта колледжа» (т.е. общественных собраний, групповых занятий, очных занятий и встреч), чтобы вернуться домой в середине семестра. Как показал наш опрос, это вызвало ухудшение психического здоровья, измеряемое по самооценке повышенной тревожности, депрессии и одиночества. В соответствии с этими результатами, отчеты показывают, что люди студенческого возраста и в возрасте от 18 до 24 лет подвергаются более высокому риску тревоги и депрессии. Стресс, связанный с этим резким социальным изменением, разрушительные факторы, которые могут существовать в вашем доме, и страх потенциального заражения или распространения COVID-19, вероятно, способствовали развитию травм или расстройств, связанных со стрессом.

Основываясь на результатах нашего опроса, на состояние психического здоровья респондентов больше всего повлияло их беспокойство о здоровье своих близких в условиях пандемии COVID-19. Кроме того, многие респонденты испытывают беспокойство по поводу своих планов продолжения образования, обеспокоены отсутствием производительности дома,

обеспокоены своими финансами и потерей перспектив работы и стажировки, а также обеспокоены заражением вирусом. Эти факторы, вероятно, затруднили студентам завершение весеннего семестра 2020 года дома, как указали многие респонденты. Эти события, очевидно, послужили поворотным моментом в психическом здоровье респондентов.

Предположительно, из-за возросших факторов стресса дома и барьеров на расстоянии большинство респондентов указали, что пандемия COVID-19 обострила отношения с их друзьями. В то время как общение с друзьями сократилось, большинство респондентов сообщили, что проводят большую часть своего свободного времени за просмотром телевизора из-за широко распространенных государственных и местных приказов о карантине. Доказано, что физические упражнения облегчают тревогу и депрессию, одновременно улучшая настроение и когнитивные функции. Примерно половина респондентов заявили, что они использовали физические упражнения для заботы о своем психическом здоровье. Однако более 30% респондентов признались, что специально не заботятся о своем психическом здоровье. Большинство людей сообщили, что они набрали вес, особенно те, кто сообщил о возросшем одиночестве.

Подобно нашим выводам о том, что пандемия COVID-19 привела к общему ухудшению психического здоровья студентов, исследование показало, что около 40% девочек-подростков страдали от депрессии. В исследовании в качестве независимых факторов, вызывающих это увеличение депрессии, упоминались дистанционное обучение, беспокойство по поводу пандемии и снижение физических упражнений и сна. Несомненно, пандемия заставила многих испытать чувство одиночества и изоляции. Кроме того, это привело к ухудшению ранее существовавших состояний психического здоровья многих людей без доступа к соответствующим услугам.

Согласно исследованию, проведенному в столичном регионе, только около половины опрошенных предлагали информацию о дистанционном консультировании на своих веб-сайтах, и менее 60% веб-сайтов консультирования даже предлагали направления для студентов, испытывающих чрезвычайную ситуацию в области психического здоровья.

Для борьбы с проблемами психического здоровья, с которыми сталкиваются многие студенты в условиях пандемии COVID-19, по всей стране могут предпринять шаги по расширению доступа к виртуальным ресурсам психического здоровья и профессиональному руководству. Некоторые учреждения подключились к линии кризисной поддержки 24/7, а также к виртуальным ресурсам и чрезвычайному финансированию. Некоторые университеты смогли возместить расходы на проживание и питание, что, вероятно, способствовало ослаблению финансового кризиса.

Заключение

Хотя студенты нашли способы позаботиться о себе и проводили больше времени дома, явные негативные последствия для психического здоровья требуют, чтобы школы и федеральные правила размещали, поддерживали и делали психиатрическую помощь доступной для всех студентов.

Вспышка COVID-19 нанесла всеобщий ущерб практически всем аспектам жизни. Эти меры безопасности привели к резкому закрытию школ и учебных заведений, а также к поспешному переходу на дистанционное обучение. Многие сообщили, что беспокойство за здоровье близких больше всего повлияло на их психическое здоровье, а необходимость заботиться о семье больше всего повлияла на текущие и будущие планы. Учитывая, что опасения большинства студентов

усилились, когда их отправили домой, а также учитывая пагубные последствия пандемии COVID-19 для психического здоровья студентов, крайне важно, чтобы предоставлялись соответствующие помещения и доступ к психиатрической помощи для обеспечения благополучия и безопасности.

Библиография

1. Ван И. и др. Уникальные эпидемиологические и клинические особенности новой коронавирусной пневмонии 2019 года (COVID-19) требуют принятия специальных мер контроля // Джей Мед Виrol. 2020. № 92(6). С. 568-576.
2. Клейман Э.М. и др. Влияние пандемии COVID-19 на психическое здоровье студентов колледжей в реальном времени: исследование экологической мгновенной оценки // JMIR Ment Health. 2020. № 7 (12).
3. Салерно Дж.П., Уильямс Н.Д., Гаттаморта К.А. Группы ЛГБТК: психологически уязвимые сообщества в условиях пандемии COVID-19 // Теория психолого-психологической травмы решает практическую политику. 2020. № 12(1). С. 239-242.
4. Хакинс Дж.Ф. и др. Психическое здоровье и поведение студентов колледжей на ранних этапах пандемии COVID-19: лонгитюдное исследование смартфонов и экологической сиюминутной оценки// Med Internet Res. 2020. № 22 (6).
5. Шарма А, Мадаан В, Петти Ф.Д. Упражнения для психического здоровья. Prim Care Companion // Clin Psychiatry. 2006. № 8 (2): 106.
6. Шеридан Рейнс Л. и др. Раннее воздействие пандемии COVID-19 на психическое здоровье и на людей с психическими расстройствами: рамочный синтез международного опыта и ответных мер// Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol. 2020. № 1-12.
7. Huckins J.F. et al. Mental Health and behavior of college students during the early phases of the COVID-19 pandemic: longitudinal smartphone and ecological momentary assessment study // Med Internet Res. 2020. No. 22:6.
8. Salerno J.P., Williams N.D., Gattamorta K.A. LGBTQ populations: psychologically vulnerable communities in the COVID-19 pandemic // Psychol Trauma Theory Res Pract Policy. 2020. No. 12(1). P. 239-242.
9. Solomou I, Constantinidou F. Prevalence and predictors of anxiety and depression symptoms during the COVID-19 pandemic and compliance with precautionary measures: age and sex matter // Environ Res Public Health. 2020. № 17 (14).
10. Wang Y. et al. Unique epidemiological and clinical features of the emerging 2019 novel coronavirus pneumonia (COVID-19) implicate special control measures // Med Virol. 2020. No. 92(6). P. 568-576.

Problems of psychological impact of coronavirus infection on the health of university students

Alina Yu. Alekseeva

Postgraduate Student,
I.N. Ulianov Chuvash State University,
428015, 15 Moskovskii ave., Cheboksary, Russian Federation;
e-mail: alekseeva.au@mail.ru

Evgenii L. Nikolaev

Doctor of Medical Sciences, Professor,
Head of the Department of social and clinical psychology,
I.N. Ulianov Chuvash State University,
428015, 15 Moskovskii ave., Cheboksary, Russian Federation;
e-mail: nikolevmr@bk.ru

Abstract

At the beginning of 2020, a new coronavirus disease (COVID-19) became a public health emergency in Russia and quickly turned into a global pandemic. Physical distancing and the closure of public places, including schools and educational institutions, were introduced to ensure the safety of the civilian population. Accordingly, educational institutions have rapidly switched to distance learning. The authors investigated the impact of the COVID-19 pandemic on students aged 18-24. To solve these problems, it is important to provide students with psychological support, organize mental health and support, and provide access to resources to help manage stress and difficulties. The COVID-19 outbreak has caused widespread damage to almost all aspects of life. These security measures led to the abrupt closure of schools and educational institutions, as well as a hasty transition to distance learning. Many reported that concern for the health of loved ones most affected their psychological state.

For citation

Alekseeva A.Yu., Nikolaev E.L. (2024) Problemy psikhologicheskogo vliyaniya koronavirusnoi infektsii na zdorov'e studentov vuza [Problems of psychological impact of coronavirus infection on the health of university students]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 303-312. DOI: 10.34670/AR.2024.34.25.023

Keywords

Well-being, depression, isolation, coronavirus, pandemic, psychological help, stress, anxiety.

References

1. Huckins J.F. et al. (2020) Mental Health and behavior of college students during the early phases of the COVID-19 pandemic: longitudinal smartphone and ecological momentary assessment study. *Med Internet Res*, 22:6.
2. Huckins J.F. et al. (2020) Psikhicheskoe zdorov'e i povedenie studentov kolledzhei na rannikh etapakh pandemii COVID-19: longitudnoe issledovanie smartfonov i ekologicheskoi siyuminutnoi otsenki [Mental health and behavior of college students in the early stages of the COVID-19 pandemic: a longitudinal study of smartphones and environmental momentary assessment]. *Med Internet Res*, 22 (6).
3. Kleiman E.M. i dr. (2020) Vliyanie pandemii COVID-19 na psikhicheskoe zdorov'e studentov kolledzhei v real'nom vremeni: issledovanie ekologicheskoi mgnovennoi otsenki [The Real-Time Impact of the COVID-19 Pandemic on the Mental Health of College Students: An Ecological Momentary Assessment Study]. *JMIR Ment Health*, 7 (12).
4. Salerno Dzh.P., Uilyams N.D., Gattamorta K.A. (2020) Gruppy LGBTQ: psikhologicheski uyazvime soobshchestva v usloviyakh pandemii COVID-19 [LGBTQ groups: psychologically vulnerable communities in the context of the COVID-19 pandemic]. *Teoriya psikhologo-psikhologicheskoi travmy reshaet prakticheskuyu politiku* [Psychological trauma theory decides practical policy], 12(1), pp. 239-242.
5. Salerno J.P., Williams N.D., Gattamorta K.A. (2020) LGBTQ populations: psychologically vulnerable communities in the COVID-19 pandemic. *Psychol Trauma Theory Res Pract Policy*, 12(1), pp. 239-242.
6. Sharma A, Madaan V, Petty F.D. (2006) Uprazhneniya dlya psikhicheskogo zdorov'ya. Prim Care Companion [Exercises for mental health. Prim Care Companion]. *Clin Psychiatry*, 8 (2): 106.
7. Sheridan Raines L. et al. (2020) Rannee vozdeistvie pandemii COVID-19 na psikhicheskoe zdorov'e i na lyudei s psikhicheskimi rasstroistvami: ramochnyi sintez mezhdunarodnogo opyta i otvetnykh mer [Early impact of the COVID-19 pandemic on mental health and people with mental disorders: a framework synthesis of international experience and response]. *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol*, 1-12.
8. Solomou I, Constantinidou F. (2020) Prevalence and predictors of anxiety and depression symptoms during the COVID-19 pandemic and compliance with precautionary measures: age and sex matter. *Environ Res Public Health*, 17 (14).
9. Wang Y. et al. (2020) Unikal'nye epidemiologicheskie i klinicheskie osobennosti novoi koronavirusnoi pnevmonii 2019 goda (COVID-19) trebuyut prinyatiya spetsial'nykh mer kontrolya [Unique epidemiological and clinical features of the new coronavirus pneumonia 2019 (COVID-19) require special control measures]. *Dzhei Med Virol* [Jay Med Virol], 92(6), pp. 568-576.

10. Wang Y. et al. (2020) Unique epidemiological and clinical features of the emerging 2019 novel coronavirus pneumonia (COVID-19) implicate special control measures. *Med Virol*, 92(6), pp. 568-576.

УДК 159.964.21

DOI: 10.34670/AR.2024.74.24.025

Проблема любви и зависимости в парных отношениях в современном гуманитарном знании

Рагулина Марина Владимировна

Кандидат психологических наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: ragulina@inbox.ru

Ткач Елена Николаевна

Кандидат психологических наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: elenat3004@mail.ru

Аннотация

Авторы статьи обращаются к осмыслению проблемы любви и зависимости в парных отношениях в контексте современного гуманитарного знания. Проблема любви представлена как научно-философский вопрос. Авторы обращаются к описанию экзистенциального варианта переживания любви, ссылаясь на идеи современных авторов. Развернуто представлена содержательная характеристика аддиктивных связей в сравнении с интимными отношениями. По представлениям авторов статьи, если размышления о любви из философской и культурологической плоскости переводить в научно-психологическую, то независимо от подхода во взглядах на личность психология рассматривает любовь как отношения и взаимоотношения человека с другим человеком, модальность которых может быть названа любовью, дружбой, уважением, равно как и ненавистью, враждой и иными введенными в культурный «текстовый» оборот понятиями. Ранние (до 3-х летнего возраста) переживания покинутости, разочарования или травмы хранятся в предсознательной (имплицитной) памяти и не подлежат сознательному разрушению или замещению, что оказывает влияние на возникновение зависимости в парных отношениях во взрослом возрасте. Опыт любых парных отношений рождается в самих отношениях и начинается с использования усвоенных моделей, полученных в результате наблюдения в своей семье происхождения. Авторы статьи полагают, что зрелая любовь в экзистенциальном понимании – это процесс (путь), а не просто чувство или переживание.

Для цитирования в научных исследованиях

Рагулина М.В., Ткач Е.Н. Проблема любви и зависимости в парных отношениях в современном гуманитарном знании // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 313-321. DOI: 10.34670/AR.2024.74.24.025

Ключевые слова

Любовь, зависимость, парные отношения, аддиктивные связи, эмоциональная близость, психологические границы.

Введение

Проблема любви и зависимости в парных отношениях привлекала и продолжает привлекать исследователей из разных областей знания: философии, психологии, психотерапии и др. [Бреслав, 2007; Гидденс, 2004; Леонтьев, 2010; Мэй, 1997; Ортега-и-Гассет, 2003; Платон, 1993; Ухтомский, 1996; Франкл, 1990; Юнг и др., 2002; Bricker, 2021; Binswanger, 1962; Earp et al., 2017; Fisher, 2014; Fisher et al., 2010; Friedlander, 1998; Maslow, 1968; Sussman, 2010; Sternberg, 1998]. Этот глубокий научный интерес обусловлен необходимостью поиска ответов на вопросы, касающиеся содержания любви и любовных отношений, а также обнаружения вариантов оказания помощи, в том числе психологической и психотерапевтической, тем людям, которые столкнулись с серьезными экзистенциальными дилеммами и переживают сложные жизненные ситуации. Мы предпринимаем попытку рассмотреть проблему любви и зависимости в парных отношениях в контексте современного гуманитарного знания.

Основная часть

Проблема любви как серьезного научно-философского вопроса (а не только поэтического, искусствоведческого) впервые обозначена в Диалогах Платона «Пир», герои произведения ищут и предлагают смысл и содержание понятия в разных его аспектах [Платон, 1993]. Участники дискурса пытаются рассмотреть феномен любви и как могучую природную силу, наиболее древнюю, причем именно «любящий божественнее любимого», так как он несет в себе это божественное вдохновение, наделенное самыми превосходными характеристиками и дарующее самые высшие блага (Федр). Далее дискурс развивается в идею о том, что есть два обличья любви: Афродита Небесная – это стремление к возвышенной форме, «сиянию чистого и светлого разума», данное только избранному меньшинству, и Афродита Пошлая – которой любят люди обыденные, мелкие, ничтожные, причем любовь эта скорее устремлена к телу, чем к душе, то есть физиологична, а значит, интеллектуально ограничена (Павсаний). Также высказываются идеи глобальности любви, ее внутренней задачи – обретение целостности человеком через поиск и соединение с тем, кто тебя дополнит. Итог подводит Сократ, говоря о трансцендентности мотива и переживания, названного человечеством любовью, о вечном стремлении к постижению блага, которое бессмертно: благо знания и благо красоты.

А.Ф. Лосев в своей пояснительной статье к «Пиру» пишет: «...будучи поэтом и мифологом, будучи ритором и драматургом, Платон облек это вечное стремление вещи к ее пределу в то, что из всех бытовых областей больше всего отличается бесконечным стремлением, и стремлением максимально напряженным, а именно отнес его к области любовных отношений: любовь ведь тоже есть вечное стремление и тоже всегда имеет определенную цель, хотя и достигает ее весьма редко и ненадолго» [там же, 434]. Здесь уже проявляется идея предела, то есть такое состояние человека, охваченного стремлениями любви достичь предельных переживаний, которые в то же время невозможны, так как это полное растворение смысловых и физических границ и полное растворение личности в своих переживаниях.

В «Пиру» высказывается идея о том, что есть смысловые, высшие аспекты любви и

физиологические, природные, натуральные, которые Платон описывает как возвышенную форму любви и мелкую, ничтожную. Эти формы любви современный обыватель вслед за известными философами и психологами (Г.М. Бреслав, Д.А. Леонтьев, А. Маслоу, Р. Мэй, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Стернберг, В. Франкл, и др.) может назвать сексом и любовью, увлечением, влюбленностью и любовью, высшей мотивацией роста и мотивацией нужды, любовью и влечением.

Общую мысль о любви всех современных размышлений вернее всего выразил Л. Бинсвангер: «...если пользоваться античным разделением душевных явлений на разум, волю и чувство, то любовь имеет точно такое же отношение к разуму (идее) и к воле, как и к чувству» [Binswanger, 1962, 61].

Для более глубинного понимания этого феномена Д.А. Леонтьев предлагает опираться в исследовании на разницу формы и содержания [Леонтьев, 2010]. Любовь как всякое явление человеческой жизни имеет форму и содержание, которые частенько не совпадают. Д.А. Леонтьев ссылается на концепцию А. Маслоу о дефицитарной любви и любви бытийной. Одна (бытийная) любовь дарит наслаждение и возрастает с течением времени, так как является целью, а не средством, она обладает трансформационным потенциалом, это относится не только к половой любви, но к любви материнской или любви к Богу, дает гораздо более высокий и богатый субъективный опыт переживания, схожий с эстетическими. В то время как дефицитарная любовь наполнена тревожностью и враждебностью, которые заставляют личность все время находится в защитной позиции контроля за объектом любви, не стесняясь прибегать к манипуляциям. Личность, переживающая такую любовь, видит много угроз и слабостей со стороны объекта любви (не может перейти в субъект-субъектные отношения, так как больше погружена в свои переживания страха и отчаяния, к которым приводят не отношения, а то, как эти отношения переживаются самой личностью), которые и порождают вечный круг тревог за отношения. Бытийная любовь в определенном смысле творит партнера, так как она несет в себе познавательные интенции, она дарит ему самоуважение, ощущение того, что он достоин любви – все это обеспечивает его рост.

Концепция А. Маслоу представляет собой яркий пример расхождения формы и содержания, то, что иногда личность выдает за сильную любовь к кому-то, является ею только по эмоциональной форме, но по содержанию это, скорее, беспокойство о своем собственном существовании [Maslow, 1968].

Развивая эту идею, Д.А. Леонтьев, говорит о любви экзистенциальной и любви романтической [Леонтьев, 2010]. Разницу он видит в нескольких критериях:

- В экзистенциальном варианте переживания любви человек не делает осознанно управляемого выбора, но чувствуя внутренний импульс, он может «произвольно принять следование непроизвольно возникшему первоимпульсу или отказ от этого на основе соотнесения с представлением о собственном «Я» в терминах «мое – не мое», тогда же как в романтическом переживании само наличие «импульса» есть факт самодостаточный и он не рефлексивируется.
- Экзистенциальная любовь всегда проявляется через поступок, не детерминированный внешними обстоятельствами, и причинами объективного характера, в то время как романтическая любовь «управляется» ситуациями и социокультурными ожиданиями соответствия образцам и ролям.
- Любовь всегда факт настоящего. Это реальные отношения меня со мной и меня с другим. В этих отношениях много риска, нестабильности, с другой стороны, она

устремлена в будущее, так как трансцендентна по своей природе, по своей природе она не может быть свершившимся фактом, она не факт, она – путь, движение. И если человек понимает эту процессуальность отношений любви, он готов к экзистенциальному ее переживанию. Если же не принимать этого риска и пытаться навсегда закрепить отношения в их стабильном состоянии, то любовь сразу утрачивает свою трансформативную составляющую и становится обременением, обязанностью.

- Если говорить о трансцендентной силе любви, ее трансформирующей, изменяющей человека мотивации, то речь здесь о том, что в экзистенциальной любви любящий, как и любимый, предстают не просто как личности, характеризующиеся целостностью и индивидуальной уникальностью; это верно и для романтической любви. В экзистенциальной любви любящий выбирает отношения как путь, требующий собственных усилий по созиданию пространства новых отношений, результат которых трудно спрогнозировать, вполне возможно, он будет неожиданным. В романтической любви любящий сосредоточен на своем переживании, которое является только частью его личности, но «захватывает» все пространство и целиком, направляя все внутренние ресурсы только на удовлетворение своей потребности, часто безграничной.

Если размышления о любви из философской и культурологической плоскости переводить в научно-психологическую, то независимо от подхода во взглядах на личность психология рассматривает любовь как отношения и взаимоотношения человека с другим человеком, модальность которых может быть названа любовью, дружбой, уважением, равно как и ненавистью, враждой и иными введенными в культурный «текстовый» оборот понятиями.

Но базовой характеристикой отношений является условная *степень эмоциональной близости* и *психологические границы*, как взаимодополнительные и взаимообъяснительные понятия. Составить четкие дефиниции этих понятий вряд ли возможно, они также ускользают от внимательного и сосредоточенного взгляда внешнего наблюдателя, представляя собой, скорее, субъективное личное переживание близости, открытости, теплоты, доверия в отношениях в противовес холодности, отчужденности, тревожности, раздраженности, недоверия во взаимоотношениях, которые всегда подчиняются закону «заслуженного собеседника» В.В. Ухтомского» [Ухтомский, 1996] или библейского выражения «какою мерою мерите, такую и вам отмеряно будет...». Уточняя понятия психологической границы во взаимоотношениях, мы будем опираться на ее договорную основу разделения общего психологического пространства, создаваемого отношениями.

Границы личности в психологии взаимосвязаны с представлениями о собственной идентичности, поэтому социокультурная традиция существования женщины в парных или брачных отношениях как существа, мало влияющего на эти отношения («второй пол» по выражению Симоны де Бовуар), породило явление, названное аддикцией или зависимостью от отношений любви. Э. Гидденс пишет об этом так: «Эти женщины оказываются созависимыми, и это понятие в терапевтической литературе стало настолько общим местом, что оно – хотя и никоим образом не ограничиваемое одними лишь женщинами – некоторым образом описывает то, что когда-то было названо «женской ролью» вообще» [Гидденс, 2004]. Соединяясь с романтическими установками на любовь-слияние женщины вкладывают много энергии в построение особых отношений, которые Э. Гидденс называет «зафиксированными». Но подобные отношения присущи не только женщинам и распространены более широко, нежели

созависимость в любой из ее принципиальных форм. Мужчины, находясь в зависимости от своей привязанности к женщине, по мнению Э. Гидденса, «фиксируются» в отношениях, но редко пытаются понять их природу, скорее отрицают свою зависимость от другого [там же]. Для женщин же есть вполне культурологическое объяснение подобной фиксации на отношениях их природной домашней ролью, которая для женщины навязывается как фетиш.

Таблица 1 - Характеристика аддиктивных связей в сравнении с интимными отношениями (по Э. Гидденс)

№ п/п	Аддиктивные связи	Интимные (близкие) отношения
1.	Навязчивая идея отыскать кого-то для любви	Развитие самости как первичного приоритета
2.	Потребность в немедленном удовлетворении	Желание долгосрочного удовлетворения; связь развивается шаг за шагом
3.	Принуждение партнера к сексу или к привязанности	Свобода выбора
4.	Дисбаланс власти	Равновесие и взаимность отношений
5.	Власть используется для контроля	Компромисс, соглашение или поочередное лидерство
6.	Правило «без разговоров»	Разделение желаний, чувств и оценивание того, что твой партнер значит для тебя
7.	Манипуляция	Прямота
8.	Недостаток доверия	Соответствующее доверие (то есть знание того, каким примерно будет поведение партнера в соответствии с его или ее фундаментальной природой)
9.	Попытки изменить партнера, чтобы он удовлетворял ваши потребности	Охватывание (мыслью) индивидуальности Другого
10.	Отношения основаны на иллюзиях и стремлении избегать неприятностей	Отношения имеют дело со всеми аспектами реальности
11.	Отношения всегда одинаковы	Отношения всегда изменяются
12.	Ожидание, что один из партнеров будет постоянно занят другим и будет приходить ему на помощь	Самообеспечение обоих партнеров
13.	Слияние (с навязыванием друг другу своих проблем и чувств)	Любовное разделение (здоровая забота о благополучии и росте партнера и в то же время «отпускание» его)
14.	Страсть, смешанная со страхом	Секс вырастает из дружбы и заботы друг о друге
15.	Обвинение себя или партнера в возникновении проблем	Совместное разрешение проблем
16.	Цикл боли и отчаяния	Цикл комфорта и удовлетворения

Если степень эмоциональной близости (ее потребность) можно определить как инстинктивную характеристику, скорее связанную с врожденными психологическими потребностями индивида, то психологические границы – это феномен рефлексии и осознания.

Некоторые авторы утверждают, что эмоциональная близость или привязанность есть продукт эволюции человеческого сознания [Earp et al., 2017; Fisher, 2014; Fisher et al., 2010; Friedlander, 1998; Sussman, 2010; Sternberg, 1998]. Вполне вероятно, что нервная система, обеспечивающая возникновение и поддержание чувства интенсивного *позитивного* пристрастия к любимому человеку, развивалась вместе с эволюцией человеческой

предрасположенности к парному соединению, служащему механизмом стимулирования выбора партнера и мотивации индивидов к тому, чтобы оставаться с партнером достаточно долго для размножения и воспитания потомства, которое у человечества, как известно, обретает самостоятельность наиболее длительное время, если условно сравнивать человека с различными видами животных на земле.

Потребность в устойчивых отношениях как потребность обеспечения безопасности себе и возможному потомству человеческим эволюционирующим сознанием облакается в особенный покров романтической любви, идеи которой берут свое начало в философии Древнего мира и позже развиваются в литературе средних веков.

К сожалению, до сих пор эволюция нашего сознания, по мнению К.Г. Юнга, не завершена, и наше сознание очень уязвимо и подвержено фрагментации. Сосредотачиваясь на чем-то, часть психики отключается. До сих пор не решен в психологии вопрос, как это происходит: спонтанно, без участия сознания и насколько этот процесс можно брать под контроль [Юнг и др., 2002]. Для преодоления разрывов сознания психология вводит конструкты самосознания, саморегуляции и все прочие само..., стараясь помочь человеку взять под контроль «темные провалы» сознания, включающие инстинктивную реактивность, часто приобретающую неконструктивный смысл.

Открытие «зеркальных нейронов» (*mirrorneuron* – MN) позволяет объяснять не только зависимость от отношений любви, но и прочие зависимости в жизни человека [Bricker, 2021].

Система зеркальных нейронов (MN) – это нейроны, которые срабатывают не только тогда, когда человек реализует определенное намерение, они также срабатывают, когда человек наблюдает за кем-то, выполняющим то же действие, или настраивается на него. Из исследования зеркальных нейронов следует, что эта часть мозга отвечает за естественную способность создавать представления о сознании других людей – формировать привязанности. Когда мать успокаивает своего ребенка, она также (через систему MN) учит ребенка самоуспокоению.

По мнению Michael G. Bricker [там же], потребность в привязанности является биологическим императивом для людей: мы рождаемся зависимыми и остаемся таковыми дольше, чем большинство других видов. Таким образом, мы зависим от способности найти того единственного «другого», который всегда будет рядом с нами и удовлетворит наши желания. Если мы не в состоянии этого сделать, лимбический «мозг выживания» берет верх, и вегетативное возбуждение (суета и плач) пытается убедиться, что кто-нибудь заметит, придет и успокоит нас. Что произойдет, если никто не придет? Зеркальные нейроны младенца – основа привязанности – отсекаются, и это окно развития для здоровой привязанности закрывается. Что еще более важно, согласно Грэм (2014), эти ранние переживания покинутости, разочарования или травмы хранятся в предсознательной, или имплицитной, памяти и не подлежат сознательному разрушению или замещению. Гиппокамп, который кодирует и хранит сознательные воспоминания, функционально не развит до 2–3-х-летнего возраста.

Таким образом, опыт лишений, травм и неспособности получить необходимую заботу сохраняется как предсознательная «память тела». Отсюда и трудность одной только разговорной терапии для устранения ранней травмы: речь ведь идет о довербальном периоде жизни человека [там же].

Что происходит, когда мы не можем сформировать здоровую привязанность в младенчестве? Мы не можем занять позицию другого. Мы не можем испытывать сочувствие. Мы утрачиваем способность составлять ментальную карту здоровых отношений. Если мама не

в состоянии удовлетворить потребность ребенка в привязанности в течение первого года жизни, ребенок может никогда ее не получить. И если мама никогда не получала этого от своей мамы, она не могла сформировать ментальное и эмоциональное зеркало, чтобы отразить это своим детям. Итак, цикл продолжается.

Объединяя эти идеи с идеями древних философов об Афродите небесной как вечного мотива поиска собственного неодиначества в этом мире, можно полагать, что эмоциональная привязанность как потребность имеет инстинктивную бессознательную основу, но осмысление себя отдельной личностью со своей уникальностью предполагает принятие собственного одиночества в отдельных аспектах жизни. Подобное одиночество становится даже желательным и необходимым для обеспечения суверенности с очерченными психологическими границами.

Инфантильный страх брошенности разрешается поиском другого, кто поможет преодолеть его. Этот мотив в определенной степени конструктивный, дает возможность совместного взросления, если ни один из индивидов не несет в себе травматический разрыв сложившейся некогда привязанности. Поэтому многие экзистенциальные психотерапевты и философы утверждают, что любовь – это процесс, путь. Отсюда стоящий особняком образ христианской любви, описанной апостолом Павлом, как полной переориентации поиска безопасности к желанию обеспечивать безопасность другому.

Заключение

Таким образом, решая задачи возможности диагностики зависимости в отношениях любви, мы можем опираться на следующий конструкт: потребность эмоциональной близости – это первый неизбежный довербальный этап парных отношений, когда работает бессознательная установка на поиски объекта отношений (почти инстинктивная потребность). Далее сознание вызревает до принятия своей отдельности и собственной ответственности за свою жизнь, возникает способность выстраивать психологические границы договорным порядком, появляется способность строить зрелые близкие отношения равновесные и равноправные, с полным осознанием зависимости, значимости и необходимости друг для друга именно в личностном воплощении (в партнере ты видишь Другого и принимаешь его), а не просто как объекта, подтверждающего тебе же твою значимость и сущность. Наверное, только на этом этапе, когда человек готов уже принять ответственность за свою жизнь на себя, возможна реальная переоценка: подходит или нет мне этот партнер. «Существование предшествует сущности» – это высказывание Сартра прямо говорит нам о том, что опыт любых парных отношений рождается в самих отношениях и начинается с использования усвоенных моделей, полученных в результате наблюдения в своей семье происхождения. То есть мы с полным правом можем утверждать, что зрелая любовь в экзистенциальном понимании – это процесс (путь), а не просто чувство или переживание. Именно так отношения любви описывают психотерапевты экзистенциально-гуманистической направленности.

Библиография

1. Бреслав Г.М. Психология эмоций. М.: Смысл; Академия, 2007. 541 с.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
3. Леонтьев Д.А. Онтология любви: за пределами слова и чувства // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко. М., 2010. С. 71-102.
4. Мэй Р. Любовь и воля. М.: РЕФЛ-бук, Ваклер, 1997. 384 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Эпюды о любви. СПб.: Лимбах, 2003. 415 с.

6. Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2 // Философское наследие. Т. 116. М.: Мысль, 1993. С. 434-441.
7. Ухтомский А.А. Интуиция совести. СПб., 1996. 527 с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 367 с.
9. Юнг К.Г. и др. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2002. 404 с.
10. Binswanger L. Grundformen und Erkenntnismenschlichen Daseins. Munchen; Basel: Ernst Reinhardt Verlag, 1962. 196 p.
11. Bricker M.G. Heroin is My Mother and Booze is My Father – Addiction as an Attachment Disorder. 2021. URL: https://www.academia.edu/62224334/Heroin_is_My_Mother_and_Booze_is_My_Father_Addiction_as_an_Attachment_Disorder
12. Earp B. et al. Addicted to Love What Is Love Addiction and When Should It Be Treated? // Philosophy, Psychiatry, & Psychology. 2017. Vol. 24. № 1. P. 77-92.
13. Fisher H.E. et al. Reward, addiction, and emotion regulation systems associated with rejection in love // Neurophysiology. 2010. № 104 (1). P. 51-60.
14. Fisher H.E. The Tyranny of love: Love addiction – an anthropologist’s view // Behavioral addictions: criteria, evidence and treatment. Elsevier Press, 2014. 416 p.
15. Friedlander M.L. The Differentiation of Self Inventory: Development and initial validation // Journal of Counseling Psychology. 1998. 45 (3). P. 235-246.
16. Maslow A.H. Toward a psychology of Being. New York: Van Nostrand, 1968. 240 p.
17. Sternberg R. Cupid’s Arrow: The Course of Love through Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 208 p.
18. Sussman S. Love Addiction: Definition, Etiology, Treatment // Sexual Addiction & Compulsivity. 2010. Vol. 17. № 1. P. 31-45.

The problem of love and dependence in couple relationships in modern humanities knowledge

Marina V. Ragulina

PhD in Psychology, Associate Professor,
Pacific State University,
680000, 68, Karla Marksa str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: ragulina@inbox.ru

Elena N. Tkach

PhD in Psychology, Associate Professor,
Pacific State University,
680000, 68, Karla Marksa str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: elenat3004@mail.ru

Abstract

The authors of the article turn to understanding the problem of love and dependence in couple relationships in the context of modern humanitarian knowledge. The problem of love is presented as a scientific and philosophical question. The authors turn to the description of the existential version of the experience of love, referring to the ideas of modern authors. The content characteristics of addictive relationships in comparison with intimate relationships are presented in detail. According to the authors of the article, if thoughts about love are translated from a philosophical and cultural plane into a scientific-psychological one, then regardless of the approach in views on personality, psychology considers love as a relationship between a person and another person, the modality of which can be called love, friendship, respect, as well as hatred, enmity and

other concepts introduced into cultural «textual» circulation. Early (before 3 years of age) experiences of abandonment, disappointment or trauma are stored in preconscious (implicit) memory and are not subject to conscious destruction or replacement, which influences the emergence of addiction in couple relationships in adulthood. The experience of any couple relationship is born in the relationship itself and begins with the use of learned models obtained through observation in one's family of origin. The authors of the article believe that mature love in the existential understanding is a process (path), and not just a feeling or experience.

For citation

Ragulina M.V., Tkach E.N. (2024) Problema lyubvi i zavisimosti v parnykh otnosheniyakh v sovremennom gumanitarnom znanii [The problem of love and dependence in couple relationships in modern humanities knowledge]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 313-321. DOI: 10.34670/AR.2024.74.24.025

Keywords

Love, addiction, couple relationships, addictive relationships, emotional intimacy, psychological boundaries.

References

1. Binswanger L. (1962) *Grundformen und Erkenntnismenschlichen Daseins*. Munchen; Basel: Ernst Reinhardt Verlag.
2. Breslav G.M. (2007) *Psikhologiya emotsii* [Psychology of emotions]. Moscow: Smysl; Akademiya Publ.
3. Bricker M.G. (2021) *Heroin is My Mother and Booze is My Father – Addiction as an Attachment Disorder*. Available at: https://www.academia.edu/62224334/Heroin_is_My_Mother_and_Booze_is_My_Father_Addiction_as_an_Attachment_Disorder [Accessed 02/02/2024]
4. Earp B. et al. (2017) Addicted to Love What Is Love Addiction and When Should It Be Treated? *Philosophy, Psychiatry, & Psychology*, 24, 1, pp. 77-92.
5. Fisher H.E. et al. (2010) Reward, addiction, and emotion regulation systems associated with rejection in love. *Neurophysiology*, 104 (1), pp. 51-60.
6. Fisher H.E. (2014) The Tyranny of love: Love addiction – an anthropologist's view. In: *Behavioral addictions: criteria, evidence and treatment*. Elsevier Press.
7. Frankl V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress Publ.
8. Friedlander M.L. (1998) The Differentiation of Self Inventory: Development and initial validation. *Journal of Counseling Psychology*, 45 (3), pp. 235-246.
9. Giddens A. (2004) *Transformatsiya intimnosti* [The Transformation of Intimacy]. St. Petersburg: Piter Publ.
10. Jung K.G. et al. (2002) *Chelovek i ego simvol* [Man and His Symbols]. Moscow: Serebryanye niti Publ.
11. Leont'ev D.A. (2010) Ontologiya lyubvi: za predelami slova i chuvstva [Ontology of love: beyond words and feelings]. In: *Ot sobytiya k bytiyu: grani tvorchestva Galiny Ivanchenko* [From event to being: facets of Galina Ivanchenko's creativity]. Moscow.
12. Maslow A.H. (1968) *Toward a psychology of Being*. New York: Van Nostrand.
13. May R. (1997) *Lyubov' i volya* [Love and Will]. Moscow: REFL-buk, Vakler Publ.
14. Ortega y Gasset H. (2003) *Etyudy o lyubvi* [On Love]. St. Petersburg: Limbakh Publ.
15. Plato (1993) *Sobr. soch. v 4 t. T. 2* [Collect. op. in 4 volumes. Vol. 2]. In: *Filosofskoe nasledie. T. 116* [Philosophical heritage. Vol. 116]. Moscow: Mysl' Publ.
16. Sternberg R. (1998) *Cupid's Arrow: The Course of Love through Time*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Sussman S. (2010) Love Addiction: Definition, Etiology, Treatment. *Sexual Addiction & Compulsivity*, 17, 1, pp. 31-45.
18. Ukhtomskii A.A. (1996) *Intuitsiya sovesti* [Intuition of conscience]. St. Petersburg.

УДК 37.037

DOI: 10.34670/AR.2024.25.19.027

Цифровое пространство как средство формирования социализирующейся личности

Корнев Сергей Михайлович

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры энергообеспечения сельского хозяйства,
Инженерно-технологический институт,
Государственный аграрный университет Северного Зауралья,
625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Республики, 7;
e-mail: kornev.sm@gausz.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о влиянии киберпространства на социализацию личности при получении всех уровней образования и перспектив ее участия в жизни общества. Быстро меняющиеся социально-экономические условия современного мира требуют от социума комплексной динамичной адаптации, не всегда совпадающей по ритму с возможностями личности. Кроме того, человек существо биологическое и ему свойственно уставать морально и физически, он может заболеть в самый неподходящий момент, ему нужно совмещать профессиональную стажировку с очной формой обучения. Да и мало ли, какие причины могут воспрепятствовать запланированному ходу событий. А в мире рыночной экономики уже никому невозможно представить оправдания в виде уважительной причины. Работодателю, партнеру, экзаменующему преподавателю не интересны причины. Им интересен результат, который либо есть, либо его нет. Поэтому мы вынуждены находить компенсирующие компромиссные решения, в том числе и при получении образования независимо от его формы. Настоящее время стало временем интенсификации в сфере высоких технологий и невиданных инноваций, создавать которые должны профессионалы завтрашнего дня, т.е. сегодняшние учащиеся и студенты. Сегодняшнему развивающемуся человеку уже есть чем ответить на такие запросы настоящего времени, уже доступны информационно-коммуникационные технологии, позволяющие широко получать и использовать информацию во многих сферах, в том числе и в персонализированном обучении.

Для цитирования в научных исследованиях

Корнев С.М. Цифровое пространство как средство формирования социализирующейся личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 322-330. DOI: 10.34670/AR.2024.25.19.027

Ключевые слова

Цифровые технологии, киберпространство, социализирующаяся личность, мотивация, информационные ресурсы, инновации, дезинформация.

Введение

Сегодня страна взяла курс на поиск и внедрение прорывных инноваций. Национальный проект «Наука и университеты» исполняется по указам Президента РФ от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21.07.2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Настоящее время стало временем интенсификации в сфере высоких технологий и невиданных инноваций, создавать которые должны профессионалы завтрашнего дня, т.е. сегодняшние учащиеся и студенты. Но даже талантливым молодым людям нелегко найти себя в новых социально-экономических условиях современной науки и научного производства, и успешно личностно развиваться.

Но сегодняшнему развивающемуся человеку уже есть чем ответить на такие запросы настоящего времени, т.к. современному человеку уже доступны информационно-коммуникационные технологии, позволяющие широко получать и использовать информацию во многих сферах, в том числе и в персонифицированном обучении.

Основная часть

По исторической информации, впервые термин «киберпространство» был использован в 1984 году Уильямом Гибсоном в романе «Сожжение Хром» (Burning Chrome). Этот термин в современном контексте означает открытое пространство для использования в мире компьютеров и других цифровых устройств. С точки зрения французского философа Пьера Леви, киберпространство – гладкое пространство высокой точности, функционирующее в упорядоченной цифровой форме, при взаимодействии множества исполнителей в режиме реального времени. Это взаимодействие позволяет получать, регистрировать, систематизировать, моделировать, редактировать и передавать информацию, используя цифровой код в режиме реального времени [Киберпространство..., www].

Такие возможности цифрового пространства в современном мире позволили людям с едиными интересами объединиться в общие группы для решения своих локальных вопросов и задач. Эффективность влияния глобальной сети на скорость распространения информации среди таких групп и общества в целом неоспорима. Она сегодня превосходит практически все уже существующие СМИ. Но вот какой из эффектов (позитивный или негативный), оказывающих влияние на социализацию населения в мире, а особенно в молодежной среде, доминирует, пока изучено недостаточно хорошо. Для ответа на вопрос: «Какое влияние, положительное или отрицательное, оказывает эта мировая компьютерная сеть?» необходимы глубокие исследования.

Пока в обществе формируется мнение о *важной положительной* роли интернета в социализации как подростков и молодежи, так и активной работоспособной части нашего населения. Ранее его рассматривали как условие, влияющее на социализацию по территориальному или региональному признаку, но в новом времени исследователи пересмотрели его роль, признав его одним из глобальных условий, влияющих на социализацию в рамках нашей планеты [Тазов, 2020].

Используемые цифровые технологии дают возможность значительного упрощения и автоматизации решаемых задач. Электронные единые формы облегчают обработку больших

массивов информации. Специализированные программы, практически во всех видах производства, бизнеса и формах образования экономят финансовые ресурсы и время, снимая физическую нагрузку с человека и ускоряя процесс коммуникации оппонентов через электронную почту, социальные сети, мессенджеры, видеоконференцсвязь и др.

Мир цифровых технологий предоставляет новые возможности и для переключения вида деятельности с целью более быстрого восстановления от усталости при выполнении некоторых видов монотонной работы через развлечения в видеоиграх, просмотр фильмов, прослушивание музыки и самовыражении через создание контента в виде фотографий, видео и текстовых постов. Они также способствуют легкому обмену мыслями и идеями, обеспечивают поиск единомышленников и создание сообществ по интересам [Иванова, 2013].

Примерами преимуществ могут быть:

Многообразие функциональных возможностей

Благодаря цифровым технологиям происходит существенное облегчение нашей жизни, через использование разнообразных возможностей, таких как:

Мировое взаимодействие через общение в социальных сетях, мессенджерах, электронной почте, в формате видеосвязи, обеспечивая легкость и удобство в общении.

Быстрое получение интересующей информации благодаря поисковым системам, где мы можем моментально получать доступ к огромному объему информации, находя ответы на возникающие ситуационные вопросы, следить за новостями в режиме реального времени. То есть использовать полезную информацию в любое время и в любом месте.

Экономия времени и усилий используя возможности *онлайн-шопинга* при сравнении цен и товаров, анализа отзывов, оформлении заказов и доставки прямо на дом.

Систематизация трудовой деятельности через легкость создания и редактирование документов, хранение больших объемов данных в облаке, а также планирование задач и встреч с использованием онлайн-календарей и расписаний.

Легкость накопления, переработки и переброски данных

Использование цифровых устройств, программ и приложений, позволяют управлять большим объемом информации без существенных физических и временных затрат. Возможность хранения данных в цифровом формате на смартфонах, персональных компьютерах, в облаке интернета или на внешних носителях, таких как флеш-диски или жесткие диски, облегчает сбор и обновление информации без необходимости использования больших физических хранилищ. Кроме того, эти данные могут быть удобно организованы и автоматически отсортированы по различным критериям.

Современные технологии также обеспечивают возможность обмена целыми блоками документов через облачные сервисы, улучшая качественно этот процесс. А еще, цифровые технологии поддерживают обмен данными в различных форматах (текст, аудио, видео и т.д.), что придает гибкость и разнообразие в обработке и использовании информации.

Уменьшение временных и финансовых затрат

Опыт общения в Интернете, сформированный в раннем юношеском возрасте, когда молодые люди искали новых друзей из субкультур, стремясь принадлежать к определенным группам по интересам, обменивались мнениями и участвовали в обсуждениях проблем положительно сказывается на учебной деятельности в период студенческой жизни.

Студенты обращаются к использованию интернета по разным мотивам. Один из основных – это «деловой» мотив, когда Интернет используется для профессиональной деятельности и достижения конкретных результатов, например, в учебе. Еще одним важным мотивом является

«информационно-познавательный», когда студенты обращаются к сети для поиска различных сведений, независимо от того, связана ли информация с их учебной или является интересом частного характера [Корнев, 2023].

Еще одним важным мотивом является «коммуникативный мотив». Сейчас уже нет в развитом мире человека, не использующего интернет для общения с друзьями, родными и близкими, находящимися в других городах или странах. Но чаще всего использующего интернет для контакта с референтной группой, формирующей матрицу его социализации. Эта потребность связана с необходимостью определения точки отсчета и направления личностного развития в векторе его социализации, желанием обмена знаниями, мнениями и эмоциями.

Для молодых людей также важен мотив самоутверждения, который проявляется в выражении собственного мнения и суждения через различные формы, такие как голосование, ролевые игры, ведение блога и т.д. Этот мотив помогает им реализовывать себя как личности и граждан [Никонорова, 2015].

Кроме того, притягивают к использованию интернет-ресурса и общие факторы:

- комфорт и продуктивность, обеспечиваемые цифровыми технологиями;
- быстрое действие и автоматизация операций;
- свободный доступ к информации.

Но вместе с удобствами и расширением социального пространства интернет, являющийся глобальной компьютерной сетью, охватывает собой личностные, административные, экономические, оборонные и другие сети. Где на базе протокола TCP/IP обеспечивается доступ к компьютерам, различным группам и формированиям, личностным и корпоративным хранилищам, электронным системам передачи документов. Сегодня в этой глобальной сети совершается большая часть правовых сделок и финансовых операций. Согласно отчету Международного Телекоммуникационного Союза, в 2014 году количество людей в мире, имеющих возможность использования Интернета, достигло 3 млрд. А это уже 34% от общего числа, приходящихся на долю развивающихся стран.

Это объясняет высокий интерес развитых стран и их стремление к господству в этой сфере. Именно поэтому они ведут активную борьбу за лидерство в информационной части высоких технологий с целью захвата влияния в направлениях социальной, экономической, политической и других видах конъюнктуры, подстраивая все факторы под свои интересы.

Любая информация, попавшая в интернет-пространство, независимо от формы ее размещения, может стать достоянием мировых гегемонов. Все зависит только от порядочности лиц, обладающих ею.

Представители деловых и политических структур США отрицают наличие нелегальной слежки в киберпространстве для получения экономических приоритетов. Но вот бывший сотрудник Агентства Национальной Безопасности США Эдвард Сноуден информирует мировую общественность, что американская сторона неоднократно использовала этот ресурс в своих интересах в зарубежных государствах. Правда пока в большей части – экономически.

В современном лексиконе такие термины как «кибервойна», «кибертерроризм», «кибершпионаж» уже не новы и в настоящее время широко применяются под ширмой «Украина» и используются не только украинским государством и его союзниками, а также террористическими, криминальными организациями, формирующими психологическую деформацию у развивающейся личности.

Это формирует скрытую форму постоянной тревожности, которая всегда присутствует в человеке, разрушая его психику изнутри и вовлекает вопреки сопротивлению его воли в

зависимость от цифровых платформ, захватывающих власть над интеллектом человека.

Учеными уже выделен ряд проблем, возникающих перед личностью, использующей киберпространство:

1. Возможность проникновения практически в любое цифровое устройство, хранящее конфиденциальную информацию и несанкционированное использование ее в корыстных целях.

Практически постоянное использование персонифицированной цифровой информации в режиме реального времени понуждает людей предоставлять ее различным ведомствам и их системам контроля, следовательно, оставлять копии. Безответственное использование этих данных повышает уязвимость личности при растущих возможностях хакеров. Поэтому опасения людей не являются безпочвенными и вопросы о действенности мер безопасности и моральных последствиях обработки персональных данных как корпорациями, так и правительствами вполне правомерны.

2. Наряду с вышеуказанной проблемой, еще более усугубляющей ситуацию, является анонимность для лиц, имеющих возможность осуществлять преследование и устрашение в интернете. Отсутствие возможности у простого человека эффективно защититься и не стать мишенью или даже жертвой со стороны людей, работающих «инкогнито», стало широко распространенной проблемой, формирующей страх. Эта форма цифрового воздействия на развивающуюся личность проявляется по-разному, вызывая эмоциональные страдания и потенциально приводя к серьезным последствиям, таким как проблемы с психическим здоровьем или даже суицид.

3. Распространение дезинформации и фейковых новостей, ставших возможными из-за легкости обмена информацией, формирующих страх быть дезинформированным или стать объектом манипуляций при неточной информации. Данные действия формируют недоверие к цифровым платформам и источникам СМИ. Распространение теорий заговора и пропаганды еще больше усугубляет эти опасения и представляет угрозу в социализации развивающейся личности и приобщению ее к общественной гармонии и демократическим процессам.

4. Вышеупомянутые проблемы в совокупности формируют психологическую неуверенность в своих знаниях и действиях у развивающейся личности. Это, в свою очередь заставляет прибегать к поиску решений в цифровом пространстве и приводит к деградации памяти (медиками диагностируется как цифровой кретинизм), созданию мнимого авторитета гаджета перед личностью. Таким образом, формируется психологическое стремление найти руководителя (координатора) своим действиям в нейросетях. И таких людей не мало. По итогам социологических исследований банка «Открытие» озвученных РИА Новости, можно сделать вывод что 42% респондентов не хотели бы руководить другими людьми, а 6% уже попробовали руководящую работу и больше быть управленцами не желают [Исследование..., www].

Уже сейчас медики и психологи задаются вопросом изучения опасности искусственного интеллекта на психическое здоровье социализирующейся личности. По их мнению, опасность завуалирована в самом механизме, формирования и использования информации. Нейросеть заставляет поверить в используемую информацию за счет большого количества повторяющихся синонимов, которые она размножает без особого труда. Чем и вызывает доверие.

Но вопрос в том, как это использовать? Простой пример: сейчас Сети заполнены фиктивной информацией в виде цитат из высказываний уважаемых в научных кругах людей, которые не имеют документального подтверждения. Используя возможность легкого клонирования и многократного повторения с незначительной трансформацией, публикуемые на разных ресурсах, их превращают в «достоверные». Таким образом насаждается ложное массовое мнение, которое простому человеку трудно опровергнуть. Тем самым создается предпосылка

нейросетям для генерации интерпретированной, растущей неверной информации. В результате создается объем ошибочных знаний [Рыжкова и др., 2023].

Второй пример – падение общего уровня креативности у молодежи. Искусственный интеллект – это как служба доставки идей и алгоритмов решения сложных задач, снимающий напряжение с личности, возникающее при их решении. Зачем учить таблицу умножения и принцип работы со степенями, если можно использовать программируемый калькулятор. Таким образом, гасятся любые творческие настроения и навыки крайне необходимые для интеллектуального развития. Мозг человека требует постоянной тренировки, иначе деменция.

А далее возникает самая главная из возможных проблем – потеря нашей межличностной чувствительности. Используя искусственный интеллект как партнера по общению, у которого нет собственных потребностей и который легко подстраивается под ваши желания, человек сам формирует определенный штамп ожиданий, который переносит в последствии на живого партнера. Такая ситуация может стать серьезной проблемой для выстраивания взаимоотношений в коллективе, семье, государстве, когда бездушный робот окажется более комфортным в общении, чем живой человек. Таким образом теряется актуальность человека как социальной личности [Тазов, 2020].

Прогнозируя быстро растущий объем неверной информации Илон Маск 28 марта 2023 года вместе с Эваном Шарпом и Стивом Возняком (сооснователи Pinterest и Apple), с привлечением некоторых экспертов в области информационных технологий, призвал приостановить разработку и обучение нейросетей предварительно на полгода для систем мощнее GPT-4.

В своем обращении, эта инициативная группа призывала к публичности и действительности данной акции вплоть до введения моратория со стороны правительств тех стран, где такую остановку быстро сделать не получается [Илон Маск призвал..., www].

Психика человека в возрасте от 5 до 13 лет находится в состоянии значительного развития и изменений, характеризующегося быстрым когнитивным, эмоциональным и социальным ростом. Поэтому в этом возрасте просто необходима дозировка использования электронных ресурсов. А детям до двух лет вообще не рекомендуется контактировать с гаджетами. В этом мнении солидарны большинство международных организаций, контролирующих детское здоровье.

Рекомендуемые периоды использования устройств с доступом в интернет из публикации газеты «Коммерсант»:

- для детей от 5 до 6 лет – до одного часа в день;
- для школьников 7-11 лет – от одного до трех часов;
- для подростков 12-13 лет – три-пять часов.

У детей, родители которых придерживаются данных рекомендаций, более высокие показатели развития некоторых когнитивных функций [Рикель, 2023].

Заключение

По мере развития технологий растет и изощренность воздействия на формирующуюся в социальном плане личность. Страх перед угрозой компрометации критически важной инфраструктуры, такой как электросети, финансовые системы или даже военные активы, стал серьезной проблемой как для стран, так и для отдельных лиц. Преобладание в стране людей с неустойчивой психикой может привести все ее общество к хаосу, разрушениям и потенциальной гибели.

В настоящее время Интернет занимает важное место в жизни человека и общества, выступая

основным источником информации, который формирует сознание. В отличие от прошлого, где личное взаимодействие, профессиональная деятельность и путешествия формировали внутренний мир людей, сегодня человек может получать новости из любой точки планеты и общаться, не выходя из дома. Проявление воздействия Интернета на человеческий разум и социализацию может быть как позитивным, так и негативным. Управление этой технологией в интересах человека крайне важно, учитывая ее влияние на позицию, мировоззрение и способность социализироваться. Интернет-среда удовлетворяет многие социальные потребности, и сегодня сложно представить мир без гаджетов.

Важно помнить и понимать, что в киберпространстве страх перед ним у человечества возник из-за проблем, связанных с вторжением в частную жизнь, онлайн-преследованием, дезинформацией и кибератаками. Цифровое сообщество России стремится решить эти проблемы, выступая за улучшение мер безопасности, ответственное обращение с данными, эффективное законодательство и образование в области цифровой грамотности. Хотя киберпространство таит в себе свои угрозы, необходимо научиться находить «золотую середину» между выгодами и потенциальными рисками, чтобы обеспечить более безопасное и инклюзивное цифровое будущее.

Библиография

1. Иванова В.С. Влияние интернета на студенческую молодежь: оценки педокурсов // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 94-100.
2. Илон Маск призвал приостановить разработку и обучение нейросетей. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebee7f7534>
3. Исследование: примерно треть россиян хотят быть руководителями. URL: <https://www.bfm.ru/news/535979>
4. Киберпространство – пространство пятой деятельности. URL: <https://obivatel007.livejournal.com/173030.html>
5. Корнев С.М. Подготовка специалистов аграрного сектора: проблемы и перспективы // Ростовский научный вестник. 2023. № 6. С. 21-26.
6. Никонорова Е.В. Совместное заседание: Секция по издательской и книготорговательской деятельности, Рабочая группа «Библиотеки и социальные медиа» // Информационный Бюллетень РБА. 2015. № 74. С. 56-59.
7. Рикель А.М. Цифровые риски и цифровая безопасность глазами разных поколений: опыт качественного исследования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2023. № 3 (54). С. 68-75.
8. Рыжкова М.И. и др. Когнитивные процессы как основа успешного обучения студентов цифрового поколения // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 11 (225). С. 550-556.
9. Тазов П.Ю. Вопросы цифрового обучения и методы повышения эффективности обучения цифрового поколения в условиях цифровой среды // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 6-2. С. 385-391.
10. Тезисы выступления ректора ФГБОУ ВО ГАУ Северного Зауралья по итогам работы университета в 2023 году.

Digital space as a means of forming a socializing personality

Sergei M. Kornev

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Energy Supply of Agriculture,
Institute of Engineering and Technology,
State Agrarian University of the Northern Trans-Urals,
625003, 7, Respubliki str., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: kornev.sm@gausz.ru

Abstract

The article examines the impact of cyberspace on the socialization of an individual at all levels of education and the prospects for her participation in society. The rapidly changing socio-economic conditions of the modern world require complex dynamic adaptation from society. It does not always coincide in rhythm with the capabilities of the personality. In addition, man is a biological being and he tends to get tired mentally and physically, he can get sick at the most inappropriate moment, he needs to combine a professional internship with full-time education. And there are few reasons that can prevent the planned course of events. And in the world of a market economy, it is no longer possible for anyone to present excuses in the form of a valid reason. The employer, partner, and examining teacher are not interested in the reasons. They are interested in the result, which either exists or does not exist. Therefore, we are forced to find compensating compromise solutions, including when receiving education, regardless of its form. The present time has become a time of intensification in the field of high technology and unprecedented innovations, which must be created by the professionals of tomorrow, i.e. today's students. Today's developing person already has something to answer such demands of the present time; information and communication technologies are already available, allowing them to widely receive and use information in many areas, including in personalized learning.

For citation

Kornev S.M. (2024) Tsifrovoe prostranstvo kak sredstvo formirovaniya sotsializiruyushche isya lichnosti [Digital space as a means of forming a socializing personality]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 322-330. DOI: 10.34670/AR.2024.25.19.027

Keywords

Digital technologies, cyberspace, socializing personality, motivation, information resources, innovations, disinformation.

References

1. *Ilon Musk prizval priostanovit' razrabotku i obuchenie neurosetei* [Elon Musk called for suspending the development and training of neural networks]. Available at: <https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebee7f7534> [Accessed 02/02/2024]
2. *Issledovanie: primerno tret' rossiyan khotyat byt' rukovoditelyami* [Research: approximately a third of Russians want to be managers]. Available at: <https://www.bfm.ru/news/535979> [Accessed 02/02/2024]
3. Ivanova V.S. (2013) Vliyanie interneta na studencheskuyu molodezh': otsenki pevokursnikov [The influence of the Internet on students: assessments of first-year students]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 6, pp. 94-100.
4. *Kiberprostranstvo – prostranstvo pyatoi deyatel'nosti* [Cyberspace is the space of the fifth activity]. Available at: <https://obivatel007.livejournal.com/173030.html> [Accessed 02/02/2024]
5. Kornev S.M. (2023) Podgotovka spetsialistov agrarnogo sektora: problemy i perspektivy [Training of specialists in the agricultural sector: problems and prospects]. *Rostovskii nauchnyi vestnik* [Rostov Scientific Bulletin], 6, pp. 21-26.
6. Nikonorova E.V. (2015) Sovmestnoe zasedanie: Sektsiya po izdatel'skoi i knigorasprostranitel'skoi deyatel'nosti, Rabochaya gruppy «Biblioteki i sotsial'nye media» [Joint meeting: Section on Publishing and Book Distribution, Working Group “Libraries and Social Media”]. *Informatsionnyi Byulleten' RBA* [Information Bulletin of the Russian Library Association], 74, pp. 56-59.
7. Rikel' A.M. (2023) Tsifrovyye riski i tsifrovaya bezopasnost' glazami raznykh pokolenii: opyt kachestvennogo issledovaniya [Digital risks and digital security through the eyes of different generations: experience of qualitative research]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Vector of science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, psychology], 3 (54), pp. 68-75.

8. Ryzhkova M.I. et al. (2023) Kognitivnye protsessy kakosnova uspehnogo obucheniya studentov tsifrovogo pokoleniya [Cognitive processes as the basis for successful learning of students of the digital generation]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [News of the Lesgaft University], 11 (225), pp. 550-556.
9. Tazov P.Yu. (2020) Voprosy tsifrovogo obucheniya i metody povysheniya effektivnosti obucheniya tsifrovogo pokoleniya v usloviyakh tsifrovoi sredy [Issues of digital learning and methods for increasing the effectiveness of teaching the digital generation in a digital environment]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern science-intensive technologies], 6-2, pp. 385-391.
10. *Tezisy vystupleniya rektora FGBOU VO GAU Severnogo Zaural'ya po itogam raboty universiteta v 2023 godu* [Abstracts of the speech of the rector of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Northern Trans-Urals on the results of the university's work in 2023].

УДК 159.9.075

DOI: 10.34670/AR.2024.60.41.031

Взаимосвязь ограничивающих убеждений руководителей малого бизнеса с особенностями построения внутренней корпоративной коммуникации

Кожевникова Марина Владимировна

Магистрант,
Московский институт психоанализа,
121170, Российская Федерация, Москва, просп. Кутузовский, 34;
e-mail: kozhmar@mail.ru

Аннотация

Важной составляющей эффективности бизнеса выступают внутренние корпоративные коммуникации. К факторам, влияющим на их эффективность, можно отнести сформированные на ранних этапах создания бизнеса или перенятые из социума шаблоны и убеждения, которые зачастую не осознаются руководителями и мешают объективному восприятию и выстраиванию эффективных методов коммуникации. Актуальность исследования подтверждается отсутствием в отечественной библиографии трудов, посвященных данному вопросу, а также тем фактом, что имеющиеся зарубежные труды были разработаны с учетом менталитета стран, в которых они создавались, при этом отсутствуют апробированные методики (программы сопровождения, обучающие курсы) по работе с руководителями в бизнесе в части выявления и трансформации их ограничивающих убеждений. Данная статья посвящена результатам исследования по вопросу взаимосвязи ограничивающих убеждений руководителей малого бизнеса с особенностями построения внутренней корпоративной коммуникации. В исследовании приняли участие 60 руководителей малого бизнеса. Из них 34 мужчины и 26 женщин в возрасте от 34 до 53 лет (средний возраст – 39,2 лет). Также в исследовании приняли участие 203 сотрудника их компаний.

Для цитирования в научных исследованиях

Кожевникова М.В. Взаимосвязь ограничивающих убеждений руководителей малого бизнеса с особенностями построения внутренней корпоративной коммуникации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 331-342. DOI: 10.34670/AR.2024.60.41.031

Ключевые слова

Внутренние коммуникации, корпоративные коммуникации, ограничивающие убеждения, установки, руководители, малый бизнес.

Введение

Цель данного исследования заключалась в эмпирической проверке взаимосвязи ограничивающих убеждений руководителей малого и среднего бизнеса с особенностями построения внутренней корпоративной коммуникации в коллективе. Также был проведен сравнительный анализ убеждений руководителей, которые были разделены по размеру бизнеса.

В исследовании использованы авторские анкеты по оценке уровня ограничивающих убеждений в отношении ведения бизнеса и по оценке уровня коммуникативных ограничивающих убеждений, в рамках которой руководители должны были оценить, насколько предложенные утверждения отражают их и насколько они с ними согласны по пятибалльной шкале, где 1 балл – полностью не согласен; 2 балла – скорее не согласен; 3 балла – не знаю/не уверен; 4 балла – скорее согласен; 5 баллов – полностью согласен. Также использованы методика «Диагностика наличия и выраженности иррациональных установок» (СПб) Х. Кассинове в адаптации А. Каменюкина, Д. Ковпака [Каменюкин, Ковпак, 2012], диагностика типа коммуникативной установки В.В. Бойко [Бойко, 1996]. Для оценки особенностей построения внутренней корпоративной коммуникации использовались методика «Диагностика психологического климата в малой производственной группе» В.В. Шпалинского и Э.Г. Шелеста [Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002], анкеты «Оценка различных каналов информации» и «Оценка качества обратной связи» [Киселева и др., 2016].

Основная часть

На сегодняшний день влияние ограничивающих убеждений (чаще всего негативных) на качество жизни, личную эффективность, межличностные отношения и отношения в группах, чувство удовлетворенностью жизнью, успех и на достижение поставленных целей все чаще упоминается в литературе по практической психологии. Однако при более детальном анализе психологической литературы на российском рынке каких-либо специальных опытных научных исследований на эту тему не выявлено. В литературе и профессиональном сообществе наряду с термином «ограничивающие убеждения» синонимически употребляется термин «ограничивающая установка». В зарубежной литературе возможно также встретить термины «Limiting Belief» и «Self-Limiting Belief» [Возняк, Занин, 2022; Ионина, 2021].

Классическим является определение установки/аттитюда, сформированное Г. Олпортом: «Состояние психонервной готовности, сложившееся на основе опыта и оказывающее направляющее и (или) динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов или ситуаций, с которыми он связан» [Склярова, Бродовская, 2023].

Согласно современному общепсихологическому пониманию, под установкой понимается «готовность к действию и предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении им появления определенного объекта и обеспечивающая устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности по отношению к данному объекту» [Низиенко, 2011, 8].

Считается, что убеждение – это наше личное мнение, уверенность в чем-то, основанное на наших собственных рассуждениях, опыте или убеждениях. Убеждения могут быть сложившимися под влиянием семьи, общества, культуры, образования и других факторов. Они формируются на основе мыслей, чувств и личного опыта. Установка же – это более конкретное, предписывающее мышление, которое может быть навязано внешними источниками, такими как религиозные догмы, политические идеологии или другие авторитеты. Установка может быть

более жесткой и менее подверженной изменениям, потому что она обычно основана на внешних предписаниях, а не на собственном мышлении.

Понятия «установка» и «убеждение» приводятся к одной системе у Ф. Зимбардо и М. Ляйппе [Зимбардо, Ляйппе, 2011]. Указывается на то, что установка является ценностной диспозицией личности по отношению к какому-то объекту, приобретает, усваивается путем научения тенденцией думать о каком-либо человеке, предмете или проблеме определенным образом. Авторы употребляют термин «установочная система» и выделяют в ней когнитивную (убеждения и знания), эмоциональную (аффективные реакции) и поведенческую (сложившиеся поведенческие намерения и предшествующее поведение) составляющие. При этом изменение одного компонента системы влечет изменение всей системы.

О.М. Писарев отмечает, что в целом понятие «установка» варьируется по своему содержанию, что приводит к разной смысловой нагрузке, вкладываемой исследователями в сам изучаемый феномен [Писарев, 2010]. Отсюда и употребление разных понятий: установки и убеждения.

Как мы можем увидеть, разграничить данные понятия достаточно тяжело, поэтому в целом данные понятия всё чаще употребляются как синонимы, как и в нашем исследовании.

На основе проведенного анализа определений иррациональных/ негативных/ ограничивающих установок и убеждений [Авдеева и др., 2009; Ахметзянова, 2004; Бек, Фримен, 2019; Гордеева, 2016; Дилтс, 2022; Склярова, Бродовская, 2023; Хох, Алексеева, 2020; Чупахина, 2002; Zimbardo, Lyaipe, 2011] нами сделан вывод, что ограничивающие убеждения – это убеждения, которые выражаются в форме негативных представлений, знаний или идей и оказывают ограничивающее влияние на поведение и отношение человека к себе, другим людям и окружающему миру. Они характеризуются фиксированностью и ригидностью, включая отрицательные эмоционально-оценочные компоненты, а также когнитивные и поведенческие аспекты. Ограничивающие убеждения могут противоречить реальности и объективным условиям, что приводит к дезадаптации личности и возникновению проблем как в эмоциональном состоянии, так и в успешности деятельности. Они также могут выражаться в форме абсолютизаций, категоричных должествований и вызывать отрицательные эмоции и непродуктивное поведение. Убеждения служат мотивацией и разрешением, поддерживая или подавляя способности и формы поведения.

В результате проведенного теоретического и пилотажного исследования был выявлен ряд общих ограничивающих убеждений в отношении бизнеса для руководителей малого и среднего бизнеса, которые были разделены на 10 групп (представлены в таблице 1). В связи с этим считаем, что, помимо выявленных ограничивающих убеждений руководителя как личности, а также по отношению к бизнесу, у руководителя могут существовать и другие убеждения, связанные именно с отношением к коммуникациям (по сути коммуникативные барьеры), которые нами были выделены на основе необходимых условий для создания эффективной системы внутренних корпоративных коммуникаций (представлены в таблице 2). Также стоит обратить внимание в целом на отношение к общению в психологии, которое определяется так называемой коммуникативной установкой.

Таким образом, определена система ограничивающих убеждений руководителя малого и среднего бизнеса в отношении внутренних корпоративных коммуникаций, которая включает в себя общие иррациональные установки руководителя как личности; ограничивающие убеждения в отношении ведения бизнеса; общую коммуникативную установку руководителя; коммуникативные ограничивающие убеждения.

Теоретическое моделирование возможной взаимосвязи системы ограничивающих убеждений и эффективности коммуникаций позволило сделать вывод, что ограничивающие убеждения руководителя могут повлиять на каждый элемент коммуникации. Они могут формировать коммуникативное поле, определять выбор каналов коммуникации, влиять на содержание сообщений, ограничивать обратную связь и влиять на восприятие и реакцию сотрудников, что было доказано эмпирически.

В среднем по группе руководителей малого бизнеса наиболее выраженными иррациональными установками являются катастрофизация, которая характеризует, насколько негативно люди оценивают разные неблагоприятные ситуации в их жизни, и установка в отношении долженствования себя. В совокупности общая оценка степени рациональности мышления у руководителей малого бизнеса находится на среднем и высоком уровнях (рисунок 1).

Рисунок 1 – Выраженность рациональности мышления и иррациональных установок, в %

Для руководителей малого бизнеса характерным является выраженность (более 3 баллов) следующих убеждений в отношении бизнеса:

- 1) Сотрудники должны принимать решения по всем возникающим вопросам самостоятельно.
 - Общество любит победителей.
 - Вокруг полно более успешных и знающих людей.
 - Работа (бизнес) должна всегда быть в удовольствии.
- 2) Наименее выраженными убеждениями в отношении бизнеса у руководителей (1 балл) являются следующие убеждения:
 - Я и так руководитель – зачем мне развиваться?
 - Во всем виноваты подчиненные.
 - Ради денег можно терпеть унижение.
 - Если я сделаю ошибку, это будет означать, что я бестолковый.

Таким образом, портрет руководителя малого бизнеса по его убеждениям в отношении к бизнесу можно описать следующим образом: руководитель, который максимально даёт свободу своим сотрудникам в принятии решения (возможно, связано с халатностью), но не склонен винить только подчиненных и готов признавать свои ошибки; всегда стремиться к победе и к развитию, но при этом склонен занижать их, считая, что вокруг полно более успешных и знающих людей, бизнес для них должен являться удовольствием, и ради денег они не готовы терпеть унижение (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты диагностики по авторской анкете оценки уровня ограничивающих убеждений у руководителей в отношении ведения бизнеса

Убеждение	Среднее	Стандартное отклонение
Правила нельзя нарушать.	2,78	0,97
У опоздания нет оправдания	1,89	0,60
Если подчиненные уходят с работы вовремя, они ленивые.	1,67	1,00
Чтобы все было сделано идеально, нужно контролировать каждый шаг.	2,56	1,42
Если не контролировать – тебя обманут.	2,33	1,12
Я не должен доверять сотрудникам.	1,67	0,71
Большая ответственность – большие проблемы.	2,44	1,51
Чтобы результат был качественный, лучше все сделать самому.	1,89	1,17
Мне нужно больше всех.	2,22	1,39
Не нужно делегировать полномочия и ответственность сотрудникам	1,22	0,44
Я не должен спрашивать мнение сотрудников при принятии важных решений.	1,56	0,53
Делай либо идеально, либо никак.	2,00	1,22
Сотрудники должны всё делать сами.	2,67	1,22
Сотрудники должны принимать решения по всем возникающим вопросам самостоятельно	3,11	0,60
Если давать много свободы подчиненным – тебе сядут на шею.	2,56	1,24
Я лучше знаю, что нужно делать	2,11	0,78
Есть только два мнения: мое и неправильное.	1,11	0,33
Мои сотрудники должны соглашаться со мной всегда (Моя точка зрения самая важная)	1,22	0,44
Я и так руководитель – зачем мне развиваться?	1,00	0,00
Я должен быть лучше, чем другие.	2,22	1,48
Вокруг полно более успешных и знающих людей.	4,00	1,12
Общество любит победителей.	3,56	0,88
Я заслуживаю больше внимания	2,56	1,42
Лучше получать свои стабильные 3 копейки, чем уйти в неизвестность.	1,33	0,71
Нет необходимости признавать заслуги и достижения сотрудников.	1,44	1,01
Я трудолюбив, и все, кто на меня не похож, не заслуживают повышения.	1,44	0,88
Развивать бизнес в России очень тяжело	2,56	1,24
Развитие работников – дело самих работников, а не компании.	2,11	0,93
Зачем вкладываться в развитие, если и так всё работает	1,78	1,30
У меня нет времени и средств для обучения и развития сотрудников	1,89	0,78
Чтобы быть успешным руководителем, нужно, чтобы тебя боялись.	1,11	0,33
Хороших начальников не бывает.	1,33	0,71
Во всем виноваты подчиненные.	1,00	0,00
Во всем виноват я.	1,56	0,88
Подчиненные создают мне только проблемы.	1,56	0,88
Если со мной спорят, меня не уважают.	1,11	0,33

Убеждение	Среднее	Стандартное отклонение
Конфликты и споры в коллективе не мое дело.	1,22	0,44
На работе каждый сам за себя.	1,33	1,00
Работа (бизнес) должна всегда быть в удовольствие	4,00	1,00
Бизнес – это только то, что приносит деньги.	1,89	1,05
Работа (бизнес) не должна быть интересной, главное, чтобы платили.	1,33	0,50
За деньги можно и потерпеть	1,78	0,83
Ради денег можно терпеть унижение.	1,00	0,00
Извинение – это проявление слабости.	1,11	0,33
Я не должен показывать уязвимость	1,78	0,97
Если я сделаю ошибку, это будет означать, что я бестолковый.	1,00	0,00
Если я буду принимать помощь, я буду должен/должна.	2,44	1,59
Если я буду просить помощь, мой авторитет упадет.	1,56	0,88

В совокупности выраженности компонентов негативной коммуникативной установки у 67% руководителей малого бизнеса она ярко выражена (рисунок 2).

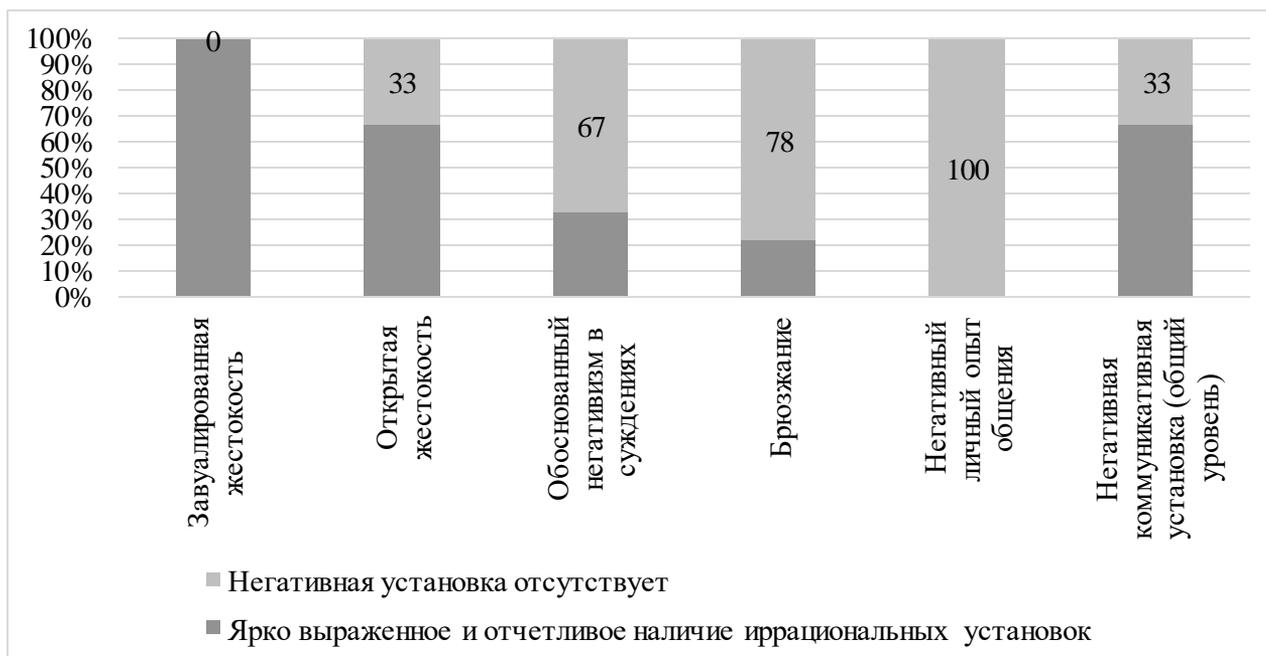

Рисунок 2 – Выраженность негативной коммуникативной установки и её компонентов, в %

Наиболее выраженными коммуникативными ограничивающими убеждениями для руководителей малого бизнеса являются (более 3 баллов):

- Женский коллектив – это всегда сплетни.
- Малый бизнес не требует жесткого корпоративного управления.

Наименее выраженными коммуникативными ограничивающими убеждениями для руководителей малого бизнеса являются:

- Я и так руководитель – зачем мне развиваться?
- Коммуникация – потеря времени.
- Зачем вкладываться в развитие, если и так всё работает (таблица 2).

Таблица 2 – Результаты диагностики по авторской анкете оценки уровня коммуникативных ограничивающих убеждений

Показатель	Среднее	Стандартное отклонение
Я и так руководитель – зачем мне развиваться?	1,00	0,00
Все должны говорить и думать так же, как я	1,11	0,33
Я должен контролировать всю информацию	1,33	0,71
Я должен контролировать каждое сообщение	1,11	0,33
Информация должна держаться в тайне	2,89	0,93
Не стоит тратить время на общение	1,22	0,67
Коммуникация – потеря времени	1,00	0,00
Коммуникация – потенциальный источник конфликтов	1,44	1,33
Развитие работников – дело самих работников, а не компании	1,44	0,88
Зачем вкладываться в развитие, если и так всё работает	1,00	0,00
Женский коллектив – это всегда сплетни.	3,22	1,48
Малый бизнес не требует жесткого корпоративного управления	3,22	1,39
Все должны следовать одной коммуникационной модели	2,56	1,42
Сотрудники не заслуживают моего времени и внимания	1,11	0,33
Похвала и поощрение сотрудников неважны, главное их материально обеспечивать	1,11	0,33
Я не должен допускать критику	1,67	1,12
Обратная связь от сотрудников ничего не даст.	1,11	0,33
Коммуникация – односторонний процесс	1,11	0,33

Таким образом, можно сделать вывод, что руководитель малого бизнеса – это человек, который готов вкладываться в развитие бизнеса и себя, он не считает, что коммуникации – это потеря времени, убежден, что малый бизнес не требует жесткого корпоративного управления и уверен, что женский коллектив – это всегда сплетни.

Уровень внутренних корпоративных коммуникаций в компаниях, по мнению руководителей и сотрудников, при этом находятся на достаточно высоком уровне.

Уровень внутренних корпоративных коммуникаций в компаниях, по мнению руководителей и сотрудников, находятся на достаточно высоком уровне, однако сотрудники оценивают коммуникации выше, чем руководители (рисунок 3). А уровень психологического климата (является интегральной оценкой качества внутренних коммуникаций), по мнению руководителей, значительно выше в сравнении с показателями сотрудников (рисунок 4), однако и те, и другие оценивают достаточно высоко.

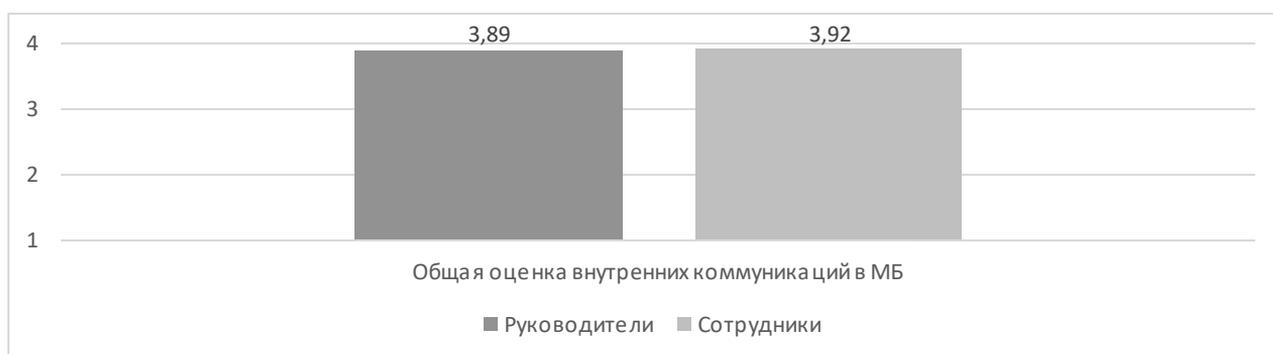

Рисунок 3 – Оценка внутренних корпоративных коммуникаций руководителями и сотрудниками

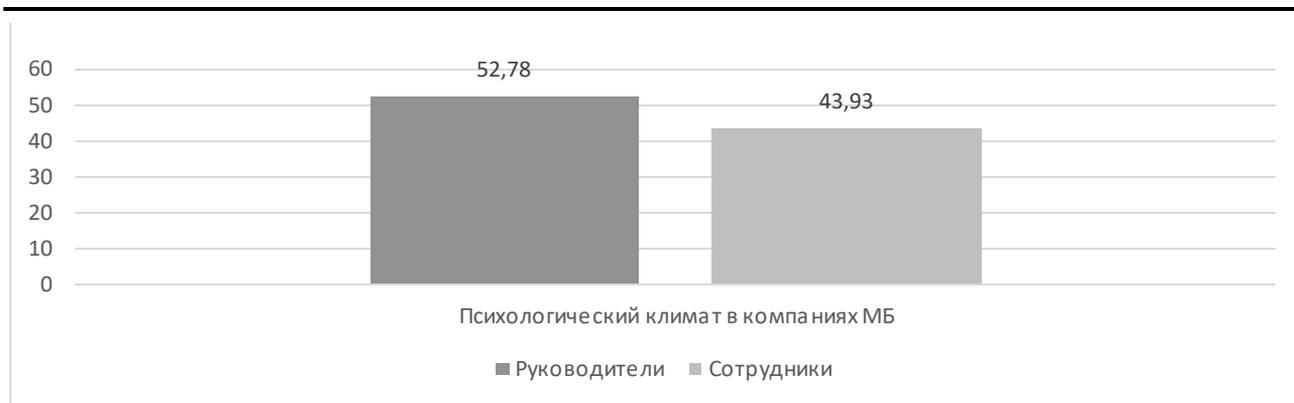

Рисунок 4 – Оценка психологического климата в компании руководителями и сотрудниками

С целью доказательства гипотезы о том, что система ограничивающих убеждений руководителей предприятий малого бизнеса (общие иррациональные установки руководителя как личности; ограничивающие убеждения в отношении ведения бизнеса; общая коммуникативная установка руководителя; коммуникативные ограничивающие убеждения) взаимосвязаны с особенностями внутренней корпоративной коммуникации, нами был проведен корреляционный анализ между показателями выраженности убеждений с показателями климата и коммуникации по оценке руководителей и сотрудников.

Для анализа выбран непараметрический коэффициент Спирмена, так как распределение данных по большинству показателей является ненормальным.

Таблица 3 – Корреляции показателей выраженности установок и ограничивающих убеждений руководителей малого бизнеса с уровнем внутренних корпоративных коммуникаций и психологическим климатом (коэффициент Спирмена)

Показатель	Общая оценка внутренних коммуникаций руководителями	Общая оценка внутренних коммуникаций	Психологический климат по оценке руководителей	Психологический климат по оценке сотрудников
Иррациональные установки				
Должестование в отношении себя	,775*		,715*	
Ограничивающие убеждения				
Не нужно делегировать полномочия и ответственность сотрудникам				,687*
Сотрудники должны всё делать сами.		,687*		
Мои сотрудники должны соглашаться со мной всегда (Моя точка зрения самая важная)			-,728*	
Нет необходимости признавать заслуги и достижения сотрудников.			-,733*	
Подчиненные создают мне только проблемы.	-,768*			,839**
Коммуникативные ограничивающие убеждения				

Показатель	Общая оценка внутренних коммуникаций руководителями	Общая оценка внутренних коммуникаций	Психологический климат по оценке руководителей	Психологический климат по оценке сотрудников
Я должен контролировать всю информацию	-,804**			
Психологический климат по оценке руководителей				
Психологический климат по оценке сотрудников	-,675*	,729*		

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Система ограничивающих убеждений руководителей предприятий малого бизнеса взаимосвязана с общей оценкой внутренней корпоративной коммуникации и психологическим климатом. Так иррациональная установка «долженствование в отношении себя» имеет прямую взаимосвязь с оценкой руководителем коммуникаций (0,775*) и климата (0,715*), то есть чем рациональнее мыслит руководитель в отношении долженствования себя, тем выше уровень и коммуникаций и климата.

Убеждение руководителя о том, что «не нужно делегировать полномочия и ответственность сотрудникам», прямо взаимосвязано с оценкой психологического климата сотрудниками (0,687*). Возможно, исследуемые коллективы не предрасположены к высокому уровню ответственности, и поэтому чем выше убеждение и, соответственно, меньше уровень возлагаемой ответственности от руководителей, тем коллективы чувствуют себя благоприятнее. Возможно, при таком убеждении у руководителя коллектив просто привыкает к низкому уровню ответственности и ему так комфортнее, но в целом подобный коллектив может столкнуться с проблемами эффективности, качества работы и в целом коммуникации, что отчасти доказывается другой выявленной взаимосвязью. Так, если руководитель, наоборот, более убежден в том, что «сотрудники должны всё делать сами», то общая оценка внутренних коммуникаций сотрудниками выше. Таким образом, с точки зрения коммуникаций данное утверждение не является ограничивающим.

Выявлена обратная взаимосвязь между оценкой психологического климата руководителем и следующих убеждений:

- «Мои сотрудники должны соглашаться со мной всегда (Моя точка зрения самая важная)» (-0,728*).
- «Нет необходимости признавать заслуги и достижения сотрудников» (-0,733*).

То есть чем выше проявление данных убеждений, тем психологический климат в коллективе, даже по мнению самого руководителя, хуже.

Чем выше уровень убеждения руководителя о том, что «Подчиненные создают мне только проблемы», тем ниже общая оценка внутренних коммуникаций руководителями (-0,768*), но при этом выше оценка психологического климата сотрудниками (0,839**).

Убеждение «Я должен контролировать всю информацию» также обратно взаимосвязано с общей оценкой внутренних коммуникаций руководителями (-0,804**).

Таким образом, система ограничивающих убеждений руководителей предприятий малого бизнеса взаимосвязана эффективностью внутренней корпоративной коммуникации.

Помимо этого, выявлена взаимосвязь ограничивающих убеждений руководителей предприятий малого бизнеса с особенностями построения внутренней коммуникацией, которые нами были оценены по наиболее частому использованию источников получения информации, отправки информации и доверия к ним, а также по организации обратной связи в компании. Согласно результатам, можно сделать вывод, что ряд ограничивающих убеждений взаимосвязан с частотой использования всех источников получения информации. Выраженность убеждений также коррелирует с уровнем доверия к источникам информации, а также с формами обратной связи, выбираемыми руководителями.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что ярко выраженные ограничивающие убеждения руководителей могут привести к негативным последствиям в построении внутренних коммуникаций.

На основании данных выводов была разработана программа психологического сопровождения, направленная на трансформацию ограничивающих убеждений руководителей предприятий малого и среднего бизнеса для обеспечения изменений внутренней корпоративной коммуникации в компании под рабочим названием «ОРГАНИЗАЦИЯ» (по первым буквам названия занятий).

Библиография

1. Авдеева Н.Н. и др. Большой психологический словарь. 4-е изд., расш. М.: АСТ, 2009.
2. Ахметзянова Н.В. Типы негативных установок личности в межличностных отношениях: На примере супружеских отношений: дисс. ... канд. псих. наук. Казань, 2004. 202 с.
3. Бек А.Т., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб.: Питер, 2019.
4. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинь, 1996. 472 с.
5. Возняк О.В., Занин Д.С. Особенности профессиональной самореализации женщин-предпринимателей // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 1.
6. Гордеева С.С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3 (27). С. 135-140.
7. Дилте Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Питер, 2022.
8. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2011.
9. Ионина О.С. Изучение иррациональных установок студентов (на примере педагогического вуза) // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (50). С. 225-230.
10. Каменюкин А.Г., Ковпак Д.В. Стресс-менеджмент. СПб.: Питер, 2012.
11. Киселева Е.В. и др. Методы организационной диагностики в управлении персоналом. Вологда: Вологодский филиал РАНХ и ГС, 2016. 422 с.
12. Низиенко Е.Л. Условия и факторы формирования установок личности на восприятие инновационных изменений в организациях: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2011. 19 с.
13. Писарев О.М. Особенности смысловых установок личности в закрытой среде : на примере мест лишения свободы: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Томск, 2010. 22 с.
14. Скларова Н.Ю., Бродовская Е.В. Ценности, установки и идентичность молодежи, получающей педагогическое образование в России // Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки: сборник: научное издание. 2023. Вып. 1. С. 107.
15. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
16. Хох И.Р., Алексеева Т.Ю. Теория А. Эллиса: ее значение и практическое применение // Вестник магистратуры. 2020. № 1-1(100). С. 33-34.
17. Чупахина Ю.А. Влияние иррациональных убеждений родителей на иррациональные убеждения детей к юношескому возрасту: автореф. дис. ... канд. псих. наук. СПб., 2002. 24 с.
18. Эллис А., Драйден У. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. СПб.: Речь, 2002. 345 с.

The relationship of the limiting beliefs of small business leaders with the peculiarities of building internal corporate communication

Marina V. Kozhevnikova

Master's Student,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
121170, 34 Kutuzovskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kozhmar@mail.ru

Abstract

Internal corporate communications are an important component of business efficiency. A factor influencing their effectiveness can be attributed to patterns and beliefs formed at the early stages of business creation or adopted from society, which are often not realized by managers and interfere with objective perception and building effective communication methods. The relevance of the study is confirmed by the absence of works on this issue in the domestic bibliography, and the available foreign works were developed taking into account the mentality of the countries in which they were created, and there are also no proven methods (support programs, training courses) for working with business leaders in terms of identifying and transforming their limiting beliefs. This article is devoted to the results of a study on the relationship between the limiting beliefs of small business leaders and the peculiarities of building internal corporate communication. The study involved 60 small business executives. Of these 34 men and 26 women aged 34 to 53 years (average age – 39.2 years). 203 employees of their companies also participated in the study.

For citation

Kozhevnikova M.V. (2024) Vzaimosvyaz' ogranichivayushchikh ubezhdenii rukovoditelei malogo biznesa s osobennostyami postroeniya vnutrennei korporativnoi kommunikatsii [The relationship of the limiting beliefs of small business leaders with the peculiarities of building internal corporate communication]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 331-342. DOI: 10.34670/AR.2024.60.41.031

Keywords

Internal communications, corporate communications, limiting beliefs, attitudes, managers, small business.

References

1. Akhmetzyanova N.V. (2004) *Tipy negativnykh ustanovok lichnosti v mezlichnostnykh otnosheniyakh: Na primere supruzheskikh otnoshenii. Doct. Diss.* [Types of negative personality attitudes in interpersonal relationships: Using the example of marital relationships. Doct. Diss.]. Kazan'.
2. Avdeeva N.N. i dr. (2009) *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Large psychological dictionary]. 4-e izd., rassh. Moscow: AST Publ.
3. Bek A.T., Frimen A. (2019) *Kognitivnaya psikhoterapiya rasstroistv lichnosti* [Cognitive psychotherapy for personality disorders]. Saint Petersburg: Piter Publ.
4. Boiko V.V. (1996) *Energiya emotsii v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugikh* [The energy of emotions in communication: a look at yourself and at others]. Moscow: Filin" Publ.

5. Chupakhina Yu.A. (2002) *Vliyanie irratsional'nykh ubezhdenii roditel'ei na irratsional'nye ubezhdeniya detei k yunosheskomu vozrastu. Dokt. Diss. Abstract* [The influence of parents' irrational beliefs on children's irrational beliefs by adolescence. Doct. Diss. Abstract]. Saint Petersburg.
6. Dilts R. (2022) *Fokusyazyka. Izmenenie ubezhdenii s pomoshch'yu NLP* [Tricks of the tongue. Changing Beliefs Using NLP]. Saint Petersburg: Piter Publ.
7. Ellis A., Draidon U. (2002) *Praktika ratsional'no-emotsional'noi povedencheskoi terapii* [The practice of rational-emotive behavior therapy]. Saint Petersburg: Rech' Publ.
8. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'nykh grupp: uchebnoe posobie* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups: textbook]. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy.
9. Gordeeva S.S. (2016) Sushchnost' i struktura sotsial'noi ustanovki v sotsiologii i sotsial'noi psikhologii [The essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Philosophy. Psychology. Sociology], 3 (27), pp. 135-140.
10. Ionina O.S. (2021) Izuchenie irratsional'nykh ustanovok studentov (na primere pedagogicheskogo vuza) [Study of irrational attitudes of students (using the example of a pedagogical university)]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University], 2 (50), pp. 225-230.
11. Kamenyukin A.G., Kovpak D.V. (2012) *Stress-menedzhment* [Stress management]. Saint Petersburg: Piter Publ.
12. Khokh I.R., Alekseeva T.Yu., Teoriya A. (2020) Ellisa: ee znachenie i prakticheskoe primenenie [Ellis: its significance and practical application]. *Vestnik magistratury* [Bulletin of the Master's degree], 1-1(100), pp. 33-34.
13. Kiseleva E.V. i dr. (2016) *Metody organizatsionnoi diagnostiki v upravlenii personalom* [Methods of organizational diagnostics in personnel management]. Vologda: Vologda branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
14. Nizienko E.L. (2011) *Usloviya i faktory formirovaniya ustanovok lichnosti na vospriyatie innovatsionnykh izmenenii v organizatsiyakh. Dokt. Diss. Abstract* [Conditions and factors for the formation of personal attitudes towards the perception of innovative changes in organizations. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
15. Pisarev O.M. (2010) *Osobennosti smyslovykh ustanovok lichnosti v zakrytoi srede : na primere mest lisheniya svobody. Dokt. Diss. Abstract* [Peculiarities of a person's semantic attitudes in a closed environment: using the example of places of deprivation of liberty. Doct. Diss. Abstract]. Tomsk.
16. Sklyarova N.Yu., Brodovskaya E.V. (2023) Tsennosti, ustanovki i identichnost' molodezhi, poluchayushchei pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Values, attitudes and identity of young people receiving pedagogical education in Russia]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki: sbornik: nauchnoe izdanie* [News of the Tula State University. Series: Humanities: collection: scientific publication], 1, p. 107.
17. Voznyak O.V., Zanin D.S. (2022) Osobennosti professional'noi samorealizatsii zhenshchin-predprinimatelei [Features of professional self-realization of women entrepreneurs]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 10 (1).
18. Zimbardo F., Lyaipe M. (2011) *Sotsial'noe vliyanie* [Social influence]. Saint Petersburg: Piter Publ.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.77.75.041

Обобщение результатов психологического исследования проявления сексуальности у женщин среднего возраста

Родермель Татьяна Алексеевна

Кандидат философских наук, доцент,
Заведующая кафедрой психологии,
Сургутский государственный университет,
628412, Российская Федерация, Сургут, просп. Ленина, 1;
e-mail: tra960@mail.ru

Шамухаметова Елена Сафиулловна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии,
Сургутский государственный университет,
628412, Российская Федерация, Сургут, просп. Ленина, 1;
e-mail: shalesaf@mail.ru

Аннотация

Человеческая сексуальность формируется под влиянием сложного взаимодействия биологических, психологических, социальных и духовных факторов. Она включает широкий спектр индивидуальных реакций и сексуального поведения. Человек рождается с определенным сексуальным потенциалом, который в дальнейшем развивается и трансформируется в зависимости от личностных особенностей, влияния окружающей среды и индивидуального опыта. В данной статье авторы предпринимают попытку исследовать основные психологические характеристики, влияющие на развитие сексуальной культуры у женщин среднего возраста, и понять причинно-следственные связи, ведущие к неудовлетворенности и непониманию в отношениях с противоположным полом. В работе рассматриваются женские сексуальные сценарии с психологической точки зрения. Изучены теоретические аспекты данной проблематики. Представлен диагностический материал, использованный при исследовании практической части вопроса, а также проведен анализ полученных результатов.

Для цитирования в научных исследованиях

Родермель Т.А., Шамухаметова Е.С. Обобщение результатов психологического исследования проявления сексуальности у женщин среднего возраста // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 343-352. DOI: 10.34670/AR.2024.77.75.041

Ключевые слова

Сексуальная культура, психология сексуальности, психосексуальное развитие, психическое здоровье, диагностическое обследование, неудовлетворение сексуальных потребностей, психологическое консультирование, сексуальный сценарий.

Введение

На современном этапе развития общества и, в частности, трансформации семейных ценностей центральное место занимает сексуальная культура, которая наиболее актуальна для женщин среднего возраста. К этому возрасту многие женщины не создали семьи и направили свою энергию на развитие карьеры и профессиональный рост. При практическом исследовании мы выявили, что не для всех женщин среднего возраста сексуальная функция семьи является значимой.

Человеческая сексуальность – сложный феномен, оказывающий влияние на большинство сфер межличностных отношений и приобретающий индивидуальные особенности в контексте внутриличностных различий. Как отмечает Л.И. Козловская, «сексуальность позволяет человеку реализовать свою потребность в самоактуализации через познание себя в общении с партнером» [Доморацкий, 2009].

По мнению руководителя Федерального центра медицинской сексологии и сексопатологии, профессора Н.Д. Кибрика, «неудовлетворение сексуальных потребностей может стать для человека источником серьезных фрустраций, ведущих не только к сексуальной, но и к социально-психологической дезадаптации» [Кибрик, 1999].

Методы исследования

В нашем диагностическом исследовании мы использовали следующие методы и методики:

1. Клиническая беседа. Цель – помочь женщинам осознать свои внутренние трудности и конфликты, скрытые мотивы сексуального поведения. Клиническая беседа также была направлена на психотерапевтическую помощь. Психотерапевтический эффект достигался за счет того, что женщины не только осознавали причины своих затруднений, но и находили пути их преодоления.

При беседе важно обращать внимание не только на содержание вербальных ответов (факты, мнения, чувства, словарь, ассоциации идей и т.д.), но и на их эмоциональную окраску (уверенность, заинтересованность, равнодушие и пр.), а также невербальное поведение (интонации, мимику, взгляд, паузы и т.д.).

2. Опросники, тесты:

1. **Опросник А. Блинова**, позволяющий выявить особенности сексуального развития и сексуальный сценарий испытуемых.

В опроснике содержатся краткие пояснения по каждому вопросу. Время ответов на 87 вопросов занимает около двух часов.

2. **Тест Сакса Леви**. Методика – незаконченные предложения (метод SSCT). Методика незаконченных предложений позволяет выявить осознаваемые и неосознаваемые установки человека, показывает его отношение к родителям, семье, к представителям своего и противоположного пола, к вышестоящим по служебному положению и подчиненным, к своим страхам и опасениям, к чувству вины, к прошлому и будущему, к жизненным целям.

Тестируемому предлагается 60 незаконченных предложений, которые он должен дописать по своему усмотрению.

Тест применялся индивидуально в письменной форме. Заполнялся испытуемым на бланке, время заполнения – от 20 до 40 минут.

Тест С. Леви позволяет выявить признаки внутриличностных и межличностных

конфликтов, нарушение отношений личности, характер которых может затем уточняться в индивидуальной беседе.

3. Тест на сексуальность. Сексуальность – это стиль, с помощью которого человек испытывает и выражает самого себя, свои желания, чувства. Она неразрывно связана с уверенностью в себе. Психологический тест на сексуальность основывается на сближении целого ряда направлений, касающихся развития (эмоции, отношения, а также привязанность). Данный опросник помогает определить, есть ли у вас проблемы в этой сфере или нет, а также объективно оценит вашу сексуальность.

Тест состоит из вопросов, помогающих понять истинное отношение человека к сексу и к сексуальности (21 вопрос). Он создан для того, чтобы подтолкнуть человека раскрыть свой сексуальный потенциал, осознав лично для себя, что именно необходимо улучшить в жизни.

Представленное исследование было направлено на изучение психологических аспектов сексуальной культуры и сексуальности на примере женщин среднего возраста г. С.

Представим результаты исследования сексуальной культуры у женщин среднего возраста.

В исследовании приняли участие 30 женщин в возрасте от 30 до 45 лет, разного социального статуса и профессий; с разным семейным положением (рис. 1).

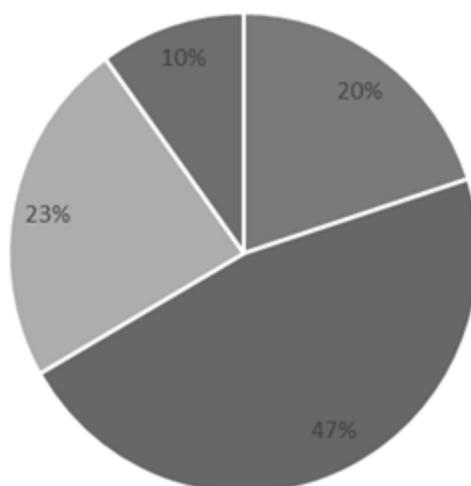

Рисунок 1 - Семейный статус женщин: 47% – замужем; 23% – не замужем; 20% – в разводе; 10% – проживают в гражданском браке

С 10 женщинами проведена клиническая беседа на тему «Особенности сексуального развития и удовлетворенность сексуальной жизнью».

Метод статистического анализа (опросник А. Блинова). Особенности сексуального развития.

Психосексуальное развитие – процесс формирования полового самопознания, половой роли и психосексуальных ориентаций.

В семьях испытуемых в основном положительно или нейтрально относились к сексу. Контроль за проявлением сексуальности осуществляли 22% родителей. Табуировали тему секса 26% матерей и 17% отцов. Родители открыто не обсуждали тему секса со своими детьми, лишь 22% матерей и 9% отцов обеспечивали доступ к литературе по вопросам сексуальности.

Анализ детско-родительского общения на темы секса показал, что большинство родителей предпочитают не обсуждать сексуальные вопросы с детьми.

Результаты исследования

Представленное исследование было направлено на изучение психологических аспектов сексуальной культуры и сексуальности на примере женщин среднего возраста.

В исследовании приняли участие 30 женщин в возрасте от 30 до 45 лет, разного социального статуса и профессий, с разным семейным положением.

47% женщин состояли в браке, 23% – не замужем, 20% – разведены, 10% проживали в гражданском браке.

С 10 женщинами была проведена клиническая беседа на тему особенностей психосексуального развития и удовлетворенности сексуальной жизнью.

Психосексуальное развитие – процесс формирования полового самосознания, половой роли и психосексуальных ориентаций. В семьях испытуемых, в основном, отношение к сексу было положительным или нейтральным. Родители контролировали проявления сексуальности у 22% женщин. Тему секса табуировали 26% матерей и 17% отцов. Родители открыто не обсуждали сексуальные вопросы с детьми, лишь 22% матерей и 9% отцов предоставляли доступ к литературе по вопросам сексуальности.

Анализ детско-родительского общения на темы секса показал, что большинство родителей предпочитали не обсуждать это с детьми.

Средний возраст получения информации о менструации – 11 лет. Основные источники – мать (48%), подруги (35%), литература (9%).

Средний возраст получения информации о мастурбации – 13 лет. Источники – подруги (39%), партнер (30%), СМИ (22%).

Средний возраст получения информации о половом акте – 11 лет. Источники – подруги (48%), литература (26%), мать (13%).

Средний возраст получения информации о контрацепции – 15 лет. Источники – подруги (30%), литература (26%), врач (13%).

О беременности и родах девочки узнавали в среднем в 10 лет, об оральном сексе – в 14 лет, об инфекциях, передающихся половым путем, – в 15 лет, о гомосексуальности – в 14 лет, о сексуальном насилии – в 13 лет, о сексуальных извращениях – в 15 лет.

Начало менструации – очень важный и эмоциональный момент в жизни девушки. Менархе (первые месячные) являются показателем репродуктивного здоровья и должны наступить в установленное природой время. Однако современная акселерация приводит к тому, что месячные часто начинаются в 10 и даже 8 лет, что считается нормальным. В этом случае говорят о раннем половом созревании, но это не патология [Осипов, 2011].

9% женщин отметили, что половое созревание у них началось раньше, чем у большинства сверстниц, у 78% – примерно в том же возрасте, у 13% – позже.

В подростковом возрасте 78% женщин переживали из-за изменений во внешности, связанных с половым созреванием. У 74% были комплексы по поводу своей внешности. 48% считали себя привлекательными в этот период, 39% – непривлекательными, 13% затруднились ответить.

Период полового созревания у девушек начинается раньше, чем у юношей.

Вступление в первые сексуальные отношения у опрошенных женщин произошло в возрасте от 16 до 24 лет (16 лет – 17%, 17 лет – 23%, 18 лет – 33%, 19 лет – 10%, 21 год – 13%, 24 года – 3%). В основном (73%) девушки вступают в сексуальные отношения до 18 лет. Внутреннюю готовность к этому они ощущали с 16-летнего возраста.

Основной мотив для вступления девушек в первую сексуальную связь – влюбленность, романтические отношения (70%). На втором месте – сексуальное желание (48%). Любопытство отметили 17%. Вступили в сексуальную связь по принуждению со стороны партнера или в результате изнасилования 9%. По нашим данным, среди основных причин начала половой жизни выделялось сочетание влюбленности и физиологической потребности.

У всех девушек-подростков первым партнером был мужчина, в основном любимый (48%), далее – супруг и знакомый, не состоящий в браке (по 17%), однокурсник (9%).

В 82% случаев инициатором первого сексуального контакта был партнер, в 9% – девушка, еще в 9% – оба. Наблюдается неравномерная психологическая готовность партнеров к вступлению в первые сексуальные отношения.

Эмоциональные впечатления девушек от первого сексуального контакта зависят от отношений с первым партнером на тот момент. Если респондентки испытывали близость и доверие к партнеру (61%), то эмоциональные впечатления от первого секса у них остались положительными (радость, эмоциональный подъем – 13%, чувство близости и удовлетворенности – 43%).

Одной из ключевых категорий психологии сексуальности является «сексуальный сценарий». По определению И.С. Кона, «сексуальный сценарий – это детерминированная культурой и в значительной мере неосознанная мыслительная схема, на основе которой люди организуют, осмысливают и оценивают свое сексуальное поведение» [Кащенко, 2012].

«Адаптируясь в рамках определенной культуры, люди усваивают именно те паттерны сексуального поведения, которые отвечают их собственным потребностям» [там же].

Поэтому, помимо когнитивных элементов (понятий, представлений, оценочных суждений), важную роль в определении сексуального поведения играют мотивация, поведение и эмоциональные процессы.

Таким образом, сексуальный сценарий можно определить как совокупность когнитивных, поведенческих, эмоциональных и мотивационных элементов, определяющих организацию сексуальной активности человека.

Согласно нашему исследованию, в сексуальном партнере женщинам нравятся следующие физические характеристики:

- Рост (83%) – высокий, средний или выше собственного, что дает ощущение защищенности.
- Телосложение (77%) – спортивное, подтянутое, стройное, без лишнего веса.
- Внешний вид (70%) – ухоженность, опрятность, чистота.
- Прическа (27%) – короткая стрижка и темный цвет волос.
- Цвет глаз (27%) – карие глаза.

Среди психологических качеств, которыми должен обладать мужчина, женщины выделили: ответственность (53%) и надежность (33%); уверенность (50%); чувство юмора (30%); целеустремленность (30%).

Забота (30%) – разумное управление семьей, планирование, управление бюджетом, умение принимать решения, личная забота о женщине, ее безопасности, здоровье и др.

Эмоциональная устойчивость (27%) говорит о силе духа и умении достойно себя вести.

Согласно данным, все опрошенные женщины считают нормальным секс с супругом (96%) или официальным партнером. Нежелательной, аморальной является сексуальная связь с родственником (78%), учениками, воспитанниками (61%), проституткой (61%), незнакомым человеком (4%). Преобладают традиционные сексуальные установки в отношении социального

статуса партнера при вступлении в сексуальные отношения.

78% женщин предпочитают равноправную роль в сексе – совместное решение любых вопросов, договоренности. 52% отметили обучаемую роль, 52% – заботливую, опекающую роль.

Контекст, в котором реализуется сексуальное поведение, играет важную роль в формировании сексуального репертуара и укреплении взаимоотношений. Предпочитаемые женщинами сексуальные стили в длительных отношениях: нежный – 91%, страстный – 78%, одухотворенный – 65%.

Основными мотивами для вступления в сексуальные отношения у женщин являются:

1. Реактивные (гедонистические) – чувственное наслаждение, развлечение (100%), разрядка полового напряжения (91%).

2. Регулятивные (коммуникативные) – психологическая интимность, достижение единства между партнерами (91%), выражение признательности, благодарности партнеру (78%), ритуал, привычка (поддержание стабильности отношений, долг) (74%).

3. Прокреативные (репродуктивные) – деторождение, размножение (83%).

Такие мотивы, как материальная выгода (9%), повышение социального статуса, соответствие групповым стандартам (4%), месть, протест и т.п. (9%), потеря самоконтроля под влиянием алкоголя или иных веществ (9%), принуждение, насилие со стороны партнера (4%), играют незначительную роль.

Для 96% женщин секс является источником положительных эмоций, для 87% – источником чувственного наслаждения и для 61% – средством продолжения рода. 83% свободно общаются с сексуальным партнером на тему секса, 4% – иногда, 13% – не могут этого делать. 52% полностью удовлетворены половой жизнью, 30% – частично, 17% – не удовлетворены.

Рассмотрим влияние различных факторов (особенностей полового воспитания родителей, характера сексуального влечения в подростковом возрасте, оценки собственной физической привлекательности, эмоциональных впечатлений от первого сексуального контакта и др.) на женщин с разными типами сексуального сценария и разным уровнем сексуальной удовлетворенности.

Согласно выборке, количество женщин с разными типами сексуальных сценариев: традиционный – 20 чел.; гедонистический – 3 чел.; секс как высшее проявление любви – 7 чел.

Анализ источников получения информации о сексе женщинами с разным типом сценария показал, что при традиционном сценарии основными были подруги и литература, при гедонистическом – партнер и СМИ, при сценарии «секс как проявление любви» – мать, подруги, врач.

Количество женщин с разными уровнями сексуальной удовлетворенности: полностью удовлетворены – 15 чел.; частично удовлетворены – 11 чел.; полностью не удовлетворены – 4 чел.

Анализ источников информации о сексе женщинами с разным уровнем удовлетворенности показал, что при полной удовлетворенности основными были мать, врач, при частичной – подруги, литература, при полной неудовлетворенности – подруги, СМИ.

Проанализировав факторы, влияющие на тип сексуального сценария, мы пришли к выводу, что у женщин с гедонистическим сценарием и сценарием «секс как проявление любви» позитивные показатели факторов гораздо выше, чем при традиционном сценарии.

Аналогичный вывод получен и при анализе факторов, влияющих на уровень сексуальной удовлетворенности.

Компоненты сексуальной культуры женщин среднего возраста сформированы в разной степени и постоянно претерпевают изменения. Главными факторами формирования сексуальной культуры женщин явились средства массовой информации (Интернет, телевидение), литература, сверстники и родители.

Проанализировав влияние особенностей полового воспитания в родительской семье на сексуальную удовлетворенность женщин, мы обнаружили следующие закономерности. У женщин, полностью удовлетворенных своей сексуальной жизнью, в детстве родители чаще давали адекватную информацию о сексе (53%), чем у частично удовлетворенных (27%) и неудовлетворенных (25%). В семьях неудовлетворенных женщин тема секса чаще табуировалась (75%), чем в семьях частично удовлетворенных (45%) и полностью удовлетворенных (33%).

Позитивное отношение родителей к сексу также связано с более высокой сексуальной удовлетворенностью дочерей во взрослом возрасте. Среди полностью удовлетворенных женщин 60% отметили, что в их семье отношение к сексу было положительным, среди частично удовлетворенных – 36%, среди неудовлетворенных – лишь 25%.

Самооценка физической привлекательности в подростковом возрасте также оказалась фактором, связанным с сексуальной удовлетворенностью. Среди женщин, считавших себя привлекательными в подростковом возрасте, полную удовлетворенность сексуальной жизнью отмечают 66%, тогда как среди считавших себя непривлекательными – лишь 27%.

Мы обнаружили связь между эмоциональной оценкой первого сексуального опыта и уровнем сексуальной удовлетворенности. Среди женщин, у которых первый сексуальный контакт оставил положительные эмоции, полностью удовлетворены сексуальной жизнью 75%, тогда как среди тех, у кого остались негативные впечатления, – 20%.

Наше исследование также подтверждает идею И.С. Кона о том, что сексуальное поведение человека детерминировано не только его биологическими особенностями и индивидуальным опытом, но и социокультурными факторами, усвоенными в процессе социализации представлениями о «нормальной» сексуальности [Кон, 2004].

Несмотря на достаточно большой объем накопленных к настоящему времени данных о женской сексуальности, многие аспекты этой проблемы требуют дальнейшего изучения. Необходимы дополнительные исследования на больших выборках женщин разного возраста, социального статуса, сексуальной ориентации. Важной исследовательской задачей является изучение динамики сексуальности на протяжении жизненного пути женщины, влияния личностных и ситуативных факторов на сексуальное поведение и удовлетворенность.

Отдельного внимания заслуживает проблема сексуальных дисфункций у женщин. По данным разных авторов, те или иные нарушения сексуальной функции встречаются у 25-63% женщин [Мастерс, Джонсон, Колодни, 1998]. Наиболее распространены снижение полового влечения, трудности возбуждения и достижения оргазма. Причины женских сексуальных дисфункций могут быть биологическими (гормональные нарушения, хронические заболевания, побочные эффекты лекарств и др.), психологическими (депрессия, тревога, стресс, негативный сексуальный опыт и др.), социальными (конфликты в партнерских отношениях, неблагоприятные условия жизни и др.). Разработка эффективных методов профилактики и лечения женских сексуальных дисфункций – актуальная задача современной сексологии и медицины.

Заключение

Важным направлением дальнейших исследований является изучение сексуальности женщин в контексте современных социокультурных трансформаций. Либерализация сексуальной морали, рост экономической и социальной независимости женщин, распространение идей феминизма – все эти факторы оказывают влияние на сексуальное поведение и установки современных женщин.

Таким образом, проведенное исследование позволило получить новые данные о психологических аспектах сексуальной культуры женщин среднего возраста. Выявлены некоторые закономерности влияния особенностей полового воспитания, сексуального развития, физического самовосприятия на формирование определенного типа сексуального сценария и уровня сексуальной удовлетворенности женщин. Показано, что женщины с разным типом сексуального сценария различаются по своим сексуальным установкам, мотивации, поведению.

Библиография

1. Доморацкий В.А. Медицинская сексология и психотерапия сексуальных расстройств. М.: Академический проект; Культура, 2009. 470 с.
2. Кибрик Н.Д. Клинико-прогностические аспекты психо-сексуальной адаптации. М.: МНИИП, 1999. 16 с.
3. Кон И.С. Сексология. М.: Академия, 2004. 384 с.
4. Кон И.С. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. 608 с.
5. Кашенко Е.А. Основы социокультурной сексологии. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 256 с.
6. Кашенко Е.А. Психологическое консультирование и ключевые проблемы психологии сексуальности // Кашенко Е. (ред.) Теория и практика психологического консультирования в сексологии. Избранные лекции в авторской редакции к курсу «Психологическое консультирование в сексологии». Воронеж: Научная книга, 2012. 301 с.
7. Коница М.А., Холмогорова А.Б., Сорокова М.И. Феномен неограниченного сексуального поведения в современном обществе: патологические тенденции культуры или патология личности? // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Том. 22. № 2.
8. Мидов М. Трансформация сексуальности, или философия гармоничного секса. СПб. Весь, 2016.
9. Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии. М.: Мир, 1998. 327 с.
10. Осипов Ю.С. (ред.) Маниковский - Меотида. М.: Большая российская энциклопедия, 2011. 714 с.
11. Чалова А.В. Психологические условия сексуального благополучия мужчин и женщин в устойчивых супружеских парах. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2016.
12. Шарыпова Н.В., Свешников А.А. Половая функция у мужчин и состояние менструального цикла у женщин при хроническом действии стресс-факторов чрезвычайной интенсивности. М.: Издательский дом Академии естествознания, 2013. 231 с.
13. Daniels H. Motives, emotion, and change // Cultural-Historical Psychology. 2010. Vol. 6. No. 2. P. 24-33.

Generalization of the results of psychological research manifestations of sexuality in middle-aged women

Tat'yana A. RodermeI'

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Chief of chair of psychology
Surgut State University,
628412, 1 Lenina ave., Surgut, Russian Federation;
e-mail: tra960@mail.ru

Elena S. Shamukhametova

PhD in Psychology,
доцент кафедры психологии,
Surgut State University,
628412, 1 Lenina ave., Surgut, Russian Federation;
e-mail: shalesaf@mail.ru

Abstract

Human sexuality is shaped by the complex interaction of biological, psychological, social and spiritual factors. It includes a wide range of individual reactions and sexual behavior. A person is born with a certain sexual potential, which further develops and transforms depending on personal characteristics, environmental influences and individual experience. In this article, the authors attempt to explore the main psychological characteristics that affect the development of sexual culture in middle-aged women and understand the cause-and-effect relationships leading to dissatisfaction and misunderstanding in relationships with the opposite sex. The work examines female sexual scenarios from a psychological point of view. The theoretical aspects of this problem have been studied. The diagnostic material used in the study of the practical part of the issue is presented, as well as an analysis of the results obtained. In conclusion, conclusions are drawn.

For citation

Rodermel' T.A., Shamukhametova E.S. (2024) Obobshcheniye rezul'tatov psikhologicheskogo issledovaniya proyavleniya seksual'nosti u zhenshchin srednego vozrasta [Generalization of the results of psychological research manifestations of sexuality in middle-aged women]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 343-352. DOI: 10.34670/AR.2024.77.75.041

Keywords

Sexual culture, psychology of sexuality, psychosexual development, mental health, diagnostic examination, dissatisfaction with sexual needs, psychological counseling, sexual scenario.

References

1. Chalova A.V. (2016) *Psikhologicheskie usloviya seksual'nogo blagopoluchiya muzhchin i zhenshchin v ustoychivyykh supruzheskikh parakh* [Psychological conditions for the sexual well-being of men and women in stable married couples]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
2. Daniels H. (2010) Motives, emotion, and change. *Cultural-Historical Psychology*, 6 (2), pp. 24-33.
3. Domratskiy, V.A. (2009) *Meditinskaya seksologiya i psikhoterapiya seksual'nykh rasstroystv* [Medical sexology and psychotherapy of sexual disorders]. Moscow: Akademicheskii proekt; Kul'tura Publ.
4. Kashchenko E.A. (2011) *Osnovy sotsiokul'turnoi seksologii* [Fundamentals of sociocultural sexology]. Moscow: LIBROKOM Publ.
5. Kashchenko E.A. (2012) Psikhologicheskoe konsul'tirovanie i klyuchevyye problemy psikhologii seksual'nosti [Psychological counseling and key problems of the psychology of sexuality]. In: Kashchenko E. (ed.) *Teoriya i praktika psikhologicheskogo konsul'tirovaniya v seksologii. Izbrannyye lektsii v avtorskoi redaktsii k kursu «Psikhologicheskoe konsul'tirovanie v seksologii»* [Theory and practice of psychological counseling in sexology. Selected lectures in the author's edition for the course "Psychological counseling in sexology"]. Voronezh: Nauchnaya kniga Publ.
6. Kibrik N.D. (1999) *Kliniko-prognosticheskie aspekty psikhoseksual'noi adaptatsii* [Clinical and prognostic aspects of psycho-sexual adaptation]. Moscow: MNIIP Publ.
7. Kon I.S. (2010) *Klubnichka na berezke. Seksual'naya kul'tura v Rossii* [Strawberry on a birch tree. Sexual culture in Russia]. Moscow: Vremya Publ.

8. Kon I.S. (2004) *Seksologiya* [Sexology]. Moscow: Akademiya Publ.
9. Konina M.A., Kholmogorova A.B., Sorokova M.I. (2014) Fenomen neogranichennogo seksual'nogo povedeniya v sovremennom obshchestve: patologicheskie tendentsii kul'tury ili patologiya lichnosti? [The phenomenon of unrestricted sexual behavior in modern society: pathological tendencies of culture or pathology of personality?]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 22 (2).
10. Masters U., Dzhonson V., Kolodni R. (1998) *Osnovy seksologii* [Fundamentals of sexology]. Moscow: Mir Publ.
11. Midov M. (2016) *Transformatsiya seksual'nosti, ili filosofiya garmonichnogo seksa* [Transformation of sexuality, or the philosophy of harmonious sex]. Saint Petersburg. Ves' Publ.
12. Osipov Yu.S. (ed.) (2011) *Manikovskii – Meotida* [Manikovsky – Meotida]. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya Publ.
13. Sharypova N.V., Sveshnikov A.A. (2013) *Polovaya funktsiya u muzhchin i sostoyanie menstrual'nogo tsikla u zhenshchin pri khronicheskom deistvii stress-faktorov chrezvychainoi intensivnosti* [Sexual function in men and the state of the menstrual cycle in women under chronic stress factors of extreme intensity]. Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences.

УКД 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.54.12.011

Концептуальное сопоставление различных типов психологического кризиса в зарубежной литературе

Сафонов Павел Александрович

Аспирант,
Лаборатория психологии развития субъекта в нормальных
и посттравматических состояниях,
Институт психологии Российской академии наук,
129366, Российская Федерация, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: 2525320@inbox.ru

Аннотация

В статье обсуждаются идеи зарубежных авторов о сопоставлении двух типов психологического кризиса – возрастного кризиса развития и кризиса ситуативного. Цель настоящего исследования заключается в выявлении теоретических оснований для универсализации категории «кризис». Рассмотрены наиболее яркие попытки сопоставления возрастных и ситуативных кризисов. Научная и практическая значимость работы обусловлена методологическим расширением исследовательских возможностей, которые открываются в поле онтологического единства различных типов кризиса. Критический анализ попыток сопоставления возрастных и ситуационных кризисов зарубежными авторами позволяет выявить слабые стороны прямого сравнения этих феноменов различного порядка и масштаба: так, в одном случае обобщенное теоретическое построение и отсутствие единого терминологического аппарата для смежных психологических дисциплин приводят к локализации теории в рамках существующих концептов и обнуляют изначальную идею эпистемологической интеграции; в другом случае излишняя терминологическая эклектика и отсутствие методологической строгости в дефинициях приводят к размыванию строгих концептуальных рамок и потере теоретических оснований. Учитывая приведенные критические замечания, в статье выделяются наиболее важные положения для дальнейшего построения универсальной психологической категории «кризис», такие как системность и учет уровня сложности организации. Также, избегая прямых сравнений разномасштабных явлений, представляется перспективным сопоставление возрастных и ситуативных кризисов через конкретизацию этапов развития кризиса на различных уровнях сложности.

Для цитирования в научных исследованиях

Сафонов П.А. Концептуальное сопоставление различных типов психологического кризиса в зарубежной литературе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 353-359. DOI: 10.34670/AR.2024.54.12.011

Ключевые слова

Возрастной кризис, развитие, ситуативный кризис, стресс, теория кризисов, сравнение.

Введение

Необходимость сопоставления различных типов кризиса возникает в связи с рядом нерешенных проблем, которые существуют в двух исследовательских областях: возрастной психологии и психологии кризисных состояний.

В числе трудностей возрастной психологии отметим вопросы эмпирического характера: исследование онтогенетического кризиса сопряжено с дилеммой характером феномена, при этом исследовательские методы, будь то тестирование либо эксперимент, носят фрагментарный характер, не отражая исчерпывающей картины возрастного кризиса. Лонгитюдные исследования или методы сплошного наблюдения, которые способны преодолеть эмпирическую неполноту, чрезвычайно затратны и сложны с точки зрения организации. В случае теоретического обоснования сопоставимости возрастного и ситуативного психологического кризиса открываются широкие исследовательские возможности, ведь моделирование кризисной ситуации несравнимо проще и надежнее, нежели чем построение экспериментального плана онтогенетического исследования.

Для психологии кризисных состояний обсуждаемое сопоставление так же принесет ощутимую пользу в контексте включения в теоретические построения факторов, предшествующих кризисному состоянию, социальной ситуации, общей ситуации развития индивида, переживающего кризисное состояние, что является необходимым требованием для построения целостной и непротиворечивой теории.

В настоящей статье мы рассмотрим научные работы авторов, лежащие в основе теоретических построений, позволяющих провести сопоставление кризисов развития и случайных кризисов, а также рассмотрим несколько попыток такого сопоставления в работах Френка Грира [Greer, 1980] и Леонарда Перлина [Pearlin, 2010; Pearlin, 1996; Pearlin, Schieman, Fazio, Meersman, 2005].

Теоретические основания для сопоставления двух типов кризиса

В контексте онтогенетического развития важнейшую роль для обсуждаемой темы сыграли идеи жизненных циклов и жизненного пути Ш. Бюллер, которые создали общую теоретическую рамку для будущих исследований [Buhler, 1975]; периодизация с выделением кризисных этапов развития Э. Эриксона [Erikson, 1994], которая позволила включить кризисное состояние в концепции развития; эпигенетический взгляд на онтогенез Р. Лернера, заключавшийся в том, что на каждом этапе развития появляется новая характеристика, которая отсутствовала на предыдущем этапе [Lerner, 1976].

Упомянув последнего автора, важно отметить две магистральные идеи: во-первых, новая характеристика определяет новый уровень сложности организации системы, то есть в концепции Лернера мы уже можем увидеть системные и даже синергетические предпосылки, которые необходимы для сопоставления двух типов кризиса; и во-вторых, Лернер описывает критические события в жизни как необходимый этап развития жизненного цикла человека, то есть проводит прямое сопоставление и даже отождествление двух исследуемых феноменов.

Приводя теоретические основания для изучения феномена ситуативного, или случайного, ненормативного кризиса упомянем основных авторов, на которых ссылаются Ф. Грир и Л. Перлин.

Важнейшую роль при определении понятия «кризис» и дифференциации его от термина

«стресс» сыграли работы Л. Раппопорт [Rapoport, 1964]. Кризис предстает более объемным понятием, концептуально охватывающим и предшествующий опыт, и условия, и результирующие изменения в личности. А стресс как более узкое понятие отражает состояние индивида в моменте, будучи тесно связанным с ситуацией. Впоследствии теоретики стресса ввели дополнительные дефиниции «психологический стресс», «социальный стресс», «посттравматический стресс», однако мы находим это расширение избыточным при наличии понятия «кризис», которое включает перечисленные феномены.

Общую модель кризиса предложил Дж. Каплан, различая два типа кризисов: «развивающие» и «случайные», к числу первых относятся переходные периоды, которые характеризуют качественный сдвиг в развитии, а к числу «случайных» относятся ситуативные внезапные кризисы, связанные с неординарными ситуациями. Каплан в своих построениях указывал, что развивающие кризисы приходятся на ранние этапы взросления, а случайные происходят во взрослый период [Caplan, Caplan, 2000].

Модификация модели Каплана осуществляется Дж. Тэплиным в основном в рамках когнитивного направления и заключается в расширении концептуального поля – кризис начинает оцениваться не только как негативное событие, но как необходимое условие развития [Taplin, 1971]. В работах Тэплина мы находим уже явное отступление от идей гомеостатического императива, в которых лишь равновесное состояние оценивается как норма, а кризис рассматривается как отклонение, как состояние, близкое к патологическому. Расширение теории кризиса заключается в том, что это состояние включается в естественное движение жизни и развития человека. Похожие идеи мы находим в концепции диалектического восприятия жизненных кризисов, которая была разработана К. Ригелем. В его работах основной акцент стоит на кризисных периодах, в то время как стабильные жизненные периоды – это лишь временные условия между постоянной чередой изменений [Riegel, 1976].

Помимо указанных авторов, важный вклад в теоретические основания сопоставления двух кризисов внесли научные работы Н. Финкеля, исследовавшего способность человека к преобразованию опыта переживания кризисных ситуаций в опыт взросления [Finkel, 1974]. Рассмотрение Финкелем ситуативного кризиса как необходимого компонента, включенного в возрастные изменения, позволило рассматривать различные типы кризисов в контексте целостной теории.

Сопоставление двух типов кризиса

Несмотря на то, что в основополагающих исследованиях упомянутыми выше авторами высказывались идеи о схожести ситуативных кризисов и кризисов развития, рассматриваемая тема не вызывала значительного интереса в зарубежном психологическом дискурсе. Этот дефицит попытались восполнить Ф. Грир в своей статье, опубликованной в 1980 году [Greer, 1980], а затем Л. Перлин в ряде публикаций 1996-2010 годов [Pearlin, 2010; Pearlin, 1996; Pearlin, Schieman, Fazio, Meersman, 2005], при этом отметим, что в работе Грира акцент делается на теоретических основаниях сравнения, в то время как Перлин и соавторы уделяют больше внимания практическим аспектам.

Опираясь на теоретические исследования, приведенные выше, Ф. Грир выделяет общие важные черты, которые объединяют ситуативные кризисы и кризисы развития:

Прежде всего, оба типа кризисов определяются как ситуация или ряд обстоятельств, которые превышают адаптационные ресурсы индивида. То есть и в первом, и во втором типе

кризиса у индивида нет инструментов или навыков для преодоления сложившихся обстоятельств, он должен их получить, расширив свой арсенал решения проблем.

Второе сходство заключается в том, что оба типа кризисов всегда четко локализованы во времени. Исследователю не составляет труда определить временные рамки феномена.

В-третьих, в обоих случаях исследователю предстает картина поэтапного развертывания кризиса, то есть онтологически выделяются фазы развития феномена.

В-четвертых, в обоих случаях мы наблюдаем рост эмоционального и функционального напряжения индивида и общую дезадаптацию.

Перечисленные аспекты позволили Ф. Гриру говорить о концептуальной схожести двух исследуемых типов кризиса. Основная идея автора заключается в том, что случайные кризисы, которые происходят со взрослыми людьми, необходимо включить в общую периодизацию возрастного развития, так как они происходят с человеком при естественном развитии его жизни.

Однако выделенные Ф. Гриром сходства оказались недостаточными для обоснованного и целостного теоретического построения общей концепции развития, включающей ситуативные кризисы. Отсутствие общей терминологической базы и единого методологического инструментария для описания феноменов различного масштаба привели к тому, что в последующих исследованиях Ф. Грир не конкретизировал собственную концепцию, а анализ цитирования его статьи показывает, что предложенные идеи использовались ограниченно, в основном в контексте кризисов взрослой жизни, например в работах Ч. Слейтера [Slater, 2003] или Р. Бедера [Bédard, 2009].

Отметим, что после публикации Грира рассматриваемая тема по-прежнему не вызывала значительного интереса в широкой литературе и на теоретическом уровне исследователи редко включали ситуативные кризисы в периодизацию онтогенетического развития.

Лишь спустя тридцать лет после обсуждавшейся выше работы ученые, ориентированные на психологическую и социальную практику, вновь обратили внимание на схожесть двух феноменов: ситуативного и возрастного кризисов. Так, Л. Перлин и соавторы провели ряд исследований и сделали теоретические выводы о возможности взаимного обогащения двух научных направлений, исследующих психологию развития и психологию стрессовых состояний в случае соотнесения двух типов кризиса [Pearlin, Skaff, 1996; Pearlin, Schieman, Fazio, Meersman, 2005].

В этих работах нетрудно заметить, что авторы уже не проводят строгих различий между понятиями «стресс» и «кризис», что, на наш взгляд, нарушает строгую архитектуру теории. В то время как Ф. Грир вслед за Л. Раппопорт проводит четкие разграничения и использует понятие «кризис», Перлин и соавторы используют более узкое понятие «стресс», пытаются преодолеть концептуальную ограниченность термина через включение его в концепцию жизненного пути [Buhler, 1975], предлагая рассматривать стресс в контексте траекторий естественного развития индивида.

Несмотря на приведенную критику, отметим, что статьи Л. Перлина наполнены многочисленными примерами из практики и эмпирическими данными, которые позволяют развить идею Ф. Грира о включении феноменов ситуативных кризисов в общую схему онтологического развития человека. И хотя в своих работах Перлин не приводит ссылок на Грира, результирующие выводы этих двух авторов во многом совпадают.

Отмечая вышеперечисленные общие черты различных типов кризиса, Перлин приводит широкий теоретический анализ, включая в концептуальное построение такие современные

компоненты, как «социальная поддержка», «копинги», «повседневный и хронический стресс», «социальные роли», «мастерство» (как вид самоконтроля). В качестве критического замечания отметим, что такой широкий охват, который мы видим в ранних статьях Л. Перлина, постепенно сужается и уже в более поздних работах мы видим, что все аргументы обсуждения переживания кризиса сужаются до акцентов на смене социальной роли в процессе развития взрослого человека [Pearlin, 2010], что позволяет оценить попытку построения целостной теории кризиса как далекую от реализации.

Заключение

Очевидно, что избыточное насыщение терминами и попытка интеграции разнородных психологических категорий без учета эпистемологического контекста привели к тому, что работы Л. Перлина и соавторов не получили широкого признания. Строгий теоретический каркас, построенный Ф. Гриром, мог бы послужить хорошим основанием для систематизации приведенных Л. Перлиным научных исследований, однако последний предпочел методологическую эклектику.

В дальнейших исследованиях нам представляются перспективными идеи Ф. Грира о сопоставлении этапов развития двух типов кризиса, что позволит построить впоследствии универсальную прогностическую модель кризисного состояния индивида, применимую при переживании как возрастного кризиса, так и кризиса ситуативного.

Помимо этого, необходимо отметить и чрезвычайно важные системные и синергетические идеи Р. Лернера [Lerner, 1976], развитие которых на современном этапе может послужить хорошим подспорьем при методологических построениях в сопоставлении исследуемых типов кризиса. Обогащая системный взгляд на кризис положениями о самоотношении индивида к происходящим кризисным событиям, которые мы находим уже в ряде работ Н. Финкеля, мы планируем получить объемную картину целостного взгляда на феномен кризиса.

В завершение настоящего обзора отметим, что в отечественной научной психологической школе всем приведенным теоретическим основаниям западной методологии в полной мере соответствует системно-субъектный подход Е.А. Сергиенко, который объединяет идеи системности и самопостроения субъекта через процессы переживания и самоотношения [Sergienko, 2011]. Также отметим, что прямое сопоставление двух типов кризиса и включение ситуативных кризисов в общую периодизацию возрастного развития концептуально крайне уязвимо для критики. В своих исследованиях мы избегаем отождествления ситуативного кризиса и возрастного, проводя сравнение через процессуальную модель, в которой сопоставляются универсальные этапы развития кризиса [Сафонов, 2023].

Библиография

1. Сафонов П.А. Единая модель кризисных и неравновесных состояний в микро и онтогенезе // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т. 3. № 4. С. 33-42. DOI: 10.38098/proceedings_2023_03_04_04.
2. Bédard R. Crise et transition chez l'adulte dans les recherches de Daniel Levinson et de Bernice Neugarten // Revue des sciences de l'éducation. 2009. No. 9(1). P. 107-126.
3. Buhler C.M. Psychologie im Leben unserer Zeit (Sonderausg). Droemer-Knaur, 1975.
4. Caplan G., Caplan R. Principles of Community Psychiatry // Community Mental Health Journal. 2000. No. 36. P. 7-24.
5. Erikson E.H. Identity and the Life Cycle. W. W. Norton & Company, 1994.
6. Finkel N.J. Strens and traumas. An attempt at categorization // American Journal of Community Psychology. 1974. No. 2(3). P. 265-273.

7. Greer F. Toward a Developmental View of Adult Crisis: A Re-Examination of Crisis Theory. 1980. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/002216788002000404>.
8. Lerner R.M. Concepts and Theories of Human Development. 1976. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203581629>.
9. Pearlin L.I. The life course and the stress process: Some conceptual comparisons // The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences. 2010. Vol. 65B(2). P. 207-215.
10. Pearlin L.I., Skaff M.M. Stress and the life course: A paradigmatic alliance // The Gerontologist. 1996. No. 36(2). P. 239-247.
11. Pearlin L., Schieman S., Fazio E., Meersman S. Stress, Health, and the Life Course: Some Conceptual Perspectives // Journal of health and social behavior. 2005. No. 46. P. 205-219.
12. Rapoport L. The State of Crisis: Some Theoretical Considerations | Social Service Review. 1964. Vol. 36. No 2.
13. Riegel K.F. The dialectics of human development // American Psychologist. 1976. No. 31(10). P. 689-700.
14. Sergienko E.A. The system-subjective approach: Justification and perspective // Psychological journal. 2011. No. 32(1). P. 120-132.
15. Slater C.L. Generativity Versus Stagnation: An Elaboration of Erikson's Adult Stage of Human Development // Journal of Adult Development. 2003. No. 10(1). P. 53-65.
16. Taplin J.R. Crisis theory: Critique and reformulation // Community Mental Health Journal. 1971. No. 7(1). P. 13-23.

Conceptual comparison of different types of psychological crisis in foreign literature

Pavel A. Safonov

Postgraduate Student,
Laboratory of the Subject Development Psychology
in normal and post-traumatic condition,
Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
129366, 13 Yaroslavskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 2525320@inbox.ru

Abstract

The article discusses the ideas of foreign authors on the comparison of two types of psychological crisis – an age-related developmental crisis and a situational crisis. The purpose of this study is to identify the theoretical foundations for the universalization of the category "crisis". The most striking attempts to compare age-related and situational crises are considered. The scientific and practical significance of the work is due to the methodological expansion of research opportunities that open up in the field of ontological unity of various types of crisis. A critical analysis of attempts to compare age-related and situational crises by foreign authors allows us to identify the weaknesses of direct comparison of these phenomena of different order and scale: for example, in one case, a generalized theoretical construction and the absence of a unified terminological apparatus for related psychological disciplines lead to the localization of the theory within the framework of existing concepts and nullify the original idea of epistemological integration; in another case, excessive terminological eclecticism and lack of methodological rigor in definitions lead to the erosion of strict conceptual frameworks and the loss of theoretical foundations. Taking into account the above critical remarks, the article highlights the most important provisions for the further construction of the universal psychological category of "crisis", such as consistency and taking into account the level of complexity of the organization. Also, avoiding direct comparisons of different-scale phenomena, it seems promising to compare age-related and

situational crises through specifying the stages of crisis development at different levels of complexity.

For citation

Safonov P.A. (2024) Kontseptual'noe sopostavlenie razlichnykh tipov psikhologicheskogo krizisa v zarubezhnoi literature [Conceptual comparison of different types of psychological crisis in foreign literature]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 353-359. DOI: 10.34670/AR.2024.54.12.011

Keywords

Age-related crisis, development, situational crisis, stress, crisis theory, comparison.

References

1. Bédard R. (2009) Crise et transition chez l'adulte dans les recherches de Daniel Levinson et de Bernice Neugarten. *Revue des sciences de l'éducation*, 9(1), pp. 107-126.
2. Buhler C.M. (1975) *Psychologie im Leben unserer Zeit (Sonderausg)*. Droemer-Knauer.
3. Caplan G., Caplan R. (2000) Principles of Community Psychiatry. *Community Mental Health Journal*, 36, pp. 7-24.
4. Erikson E.H. (1994) *Identity and the Life Cycle*. W. W. Norton & Company.
5. Finkel N.J. (1974) Stress and traumas. An attempt at categorization. *American Journal of Community Psychology*, 2(3), pp. 265-273.
6. Greer F. (1980) *Toward a Developmental View of Adult Crisis: A Re-Examination of Crisis Theory*. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/002216788002000404> [Accessed 12/01/2024].
7. Lerner R.M. (1976) *Concepts and Theories of Human Development*. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203581629> [Accessed 12/01/2024].
8. Pearlin L., Schieman S., Fazio E., Meersman S. (2005) Stress, Health, and the Life Course: Some Conceptual Perspectives. *Journal of health and social behavior*, 46, pp. 205-219.
9. Pearlin L.I. (2010) The life course and the stress process: Some conceptual comparisons. *The Journals of Gerontology. Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*, 65B(2), pp. 207-215.
10. Pearlin L.I., Skaff M.M. (1996) Stress and the life course: A paradigmatic alliance. *The Gerontologist*, 36(2), pp. 239-247.
11. Rapoport L. (1964) The State of Crisis: Some Theoretical Considerations. *Social Service Review*, 36 (2).
12. Riegel K.F. (1976) The dialectics of human development. *American Psychologist*, 31(10), pp. 689-700.
13. Safonov P.A. (2023) Edinaya model' krizisnykh i neravnovesnykh sostoyanii v mikro i ontogeneze [A Unified Model of Crisis and Nonequilibrium States in Micro genesis and Ontogenesis]. *Uchenye zapiski Institutapsikhologii Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences], 3 (4), pp. 33-42. DOI: 10.38098/proceedings_2023_03_04_04.
14. Sergienko E.A. (2011) The system-subjective approach: Justification and perspective. *Psychological journal*, 32(1), pp. 120-132.
15. Slater C.L. (2003) Generativity Versus Stagnation: An Elaboration of Erikson's Adult Stage of Human Development. *Journal of Adult Development*, 10(1), pp. 53-65.
16. Taplin J.R. (1971) Crisis theory: Critique and reformulation. *Community Mental Health Journal*, 7(1), pp. 13-23.

УДК 159.9.072

DOI: 10.34670/AR.2024.94.41.028

Коррекция тревожности у подростков, склонных к девиантному поведению

Газизова Регина Расиховна

Кандидат психологических наук, доцент,
Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,
450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: r.r.gazizova@struust.ru

Усманова Софья Ганизяновна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,
450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: sofochka67@yandex.ru

Сайфуллина Гузель Флюоровна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий,
450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: g.f.sayfullina@struust.ru

Аннотация

В статье проведено обобщение современных научных представлений о феномене формирования девиантного поведения подростков, причинах и формах проявления подростковой дезадаптации и девиации. Раскрытие сути отклоняющегося поведения предполагает поиск его источников. Необходимо понимать причины возникновения девиаций и психологические особенности несовершеннолетних, а также особенности их окружения. Зная глубину и обоснованность социальной работы с подростками, особенность проблемных ситуаций, возникающих в этом возрасте, можно предотвратить многие проблемы, проявляющиеся впоследствии. Для современных подростков основой профилактики и коррекции тревожности, а также развития механизмов адаптации к социальной среде является формирование у них социальной компетентности как системной личностной характеристики.

Для цитирования в научных исследованиях

Газизова Р.Р., Усманова С.Г., Сайфуллина Г.Ф. Коррекция тревожности у подростков, склонных к девиантному поведению // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 360-368. DOI: 10.34670/AR.2024.94.41.028

Ключевые слова

Акцентуация характера, девиантное поведение, дезадаптация, коррекция, подростковый возраст, правила, социальные нормы, тревожность.

Введение

Правила, по которым живут люди в обществе, получили название социальных норм. Такие социальные нормы существуют в большинстве культур и не имеют юридически закреплённого статуса. В связи с этим приходится констатировать, что многие дети и подростки часто нарушают социальные нормы, то есть их действия и поступки не соответствуют требованиям семьи, школы и общества. В том случае, если поведение не укладывается в общепринятые нормы и правила, такое поведение принято называть девиантным. К сожалению, на современном этапе развития общества большинство подростков отличаются девиантным поведением.

Подростничество является одним из самых сложных периодов становления личности человека. Для детей подросткового возраста характерны повышенный уровень эгоцентризма, стремление к проявлениям протеста и бунта, проявление амбивалентных черт личности и характера, тяга к риску, к скорейшему взрослению и отрыву от родительской семьи, низкий уровень сформированности нравственных суждений и моральных установок, склонность к преувеличиванию проблем, которые встречаются на жизненном пути, отрыв от реальности в оценке себя и своего поведения, в восприятии окружающих людей и действительности, трудности в формировании адекватной «Я-концепции», низкая степень готовности к преодолению трудных жизненных ситуаций и т.д. Все вышеперечисленное делает подростковый возраст уязвимым для развития различного рода девиаций и склонности к девиантному поведению в целом.

Сложность возраста заключается ещё и в том, что подросток не только не успевает осознать события и изменения, которые затрагивают его жизнь, но и не может к ним быстро и адекватно адаптироваться. Это приводит к формированию заниженной самооценки, неуверенности, высокому уровню конфликтности, тревожности и агрессивности. Подросток, находящийся под постоянным давлением тревожности, не чувствующий себя в безопасности, склонен демонстрировать личностные качества, способствующие компенсации негативных эмоций. Однако эти личностные качества сами зачастую имеют отрицательную окраску. Так, подросток может проявлять агрессию по отношению к тем окружающим людям, которые, по его мнению, настроены негативно к его личности. Компенсация собственной беспомощности в итоге находит выражение в агрессии, враждебности, которые, в свою очередь, определяют поведение подростка как девиантное.

Основная часть

Проявления тревожности встречаются на различных этапах возрастного развития личности. Совершенно нормальным является тот факт, что каждый период онтогенетического развития имеет свою зону повышенной тревожности. Данная зона является олицетворением наиболее значимых для личности на данном этапе развития потребностей, неудовлетворение которых приводит к депрессивным и паническим состояниям. В подростковом возрасте ребенок, испытывая тревожность, начинает утрачивать веру в собственные силы, что негативно сказывается не только на учебной деятельности, но и детерминирует разрушение личностных структур.

В подростковом возрасте тревожность становится устойчивым личностным образованием, характеризующимся особенностями «Я-концепции», по отношению к себе. Закрепление чувства

тревожности в период подростничества идет циклично, поскольку каждое переживание негативного эмоционального опыта приводит к формированию отрицательных личностных прогнозов относительно той или иной ситуации, что, в свою очередь, детерминирует усиление ощущения тревоги.

Тревожность, в том числе и ее высокий уровень, являются неотъемлемой частью эмоциональной сферы личности. Именно данный параметр часто связывают с достижением успеха человеком в различных жизненных ситуациях. В подростковом возрасте качественное прохождение социализации неизменно связано с достижением успеха. Подростки, которые попадают в учреждения закрытого типа, чаще всего считают себя неудачниками, это, в свою очередь, формирует у них повышенную тревожность, связанную со страхом невозможности социализироваться в социуме.

В рамках внутрисемейных отношений одним из наиболее часто встречающихся факторов формирования тревожности у подростка является предъявление к нему завышенных требований. Тревожность, изначально ощущаемая ребенком как беспокойство, возникает в том случае, если ребенку предъявляются такие требования, которые он объективно не может выполнить. Упреки, стремление родителей вызвать у ребенка чувство вины за данное несоответствие также негативно сказываются на развитии личности подростка.

Постоянная жизнь в страхе перед возможностью несоответствия ожиданиям других, повышенный уровень тревожности приводят к формированию у подростка невротических черт. Проявляемая как черта характера, тревожность выражается в пессимистическом настрое ребенка, жизнь, по его мнению, наполнена угрозами и опасностями. Подросток, постоянно неуверенный в себе, тревожащийся по каждому поводу, становится мнительным и начинает испытывать еще больше недоверие по отношению к окружающим.

Рассмотренная выше ситуация практически всегда приводит к формированию агрессивной психологической защиты. Через агрессию ребенок пытается спрятать от окружающих и самого себя свою неуверенность, тревогу, чувство растерянности и беспомощности. Еще одним вариантом действия механизма психологической защиты является стремление ребенка избегать контактов и общения, кроме обязательных и витальных. Такие подростки обладают малым уровнем активности, замкнуты, одиноки.

Подростки, не получающие положительного эмоционального подкрепления в семье, стремятся найти его в компаниях сверстников, что нередко приводит к тому, что они склонны к сбеганию из дома, бродяжничеству, отсутствию мотивации к обучению, занятиям общественно опасной деятельностью. Только те подростки, которые были неоднократно замечены в нарушении норм поведения, чьи поступки имеют негативную социальную окраску, могут быть признаны девиантными. Следовательно, можно говорить о том, что подростковый возраст является опасным для развития девиантного поведения, поскольку дети в этот возрастной период испытывают трудности адаптации к нормам и правилам, принятым в социуме.

Именно тот факт, что тревожность в подростковом возрасте становится личностной чертой, обуславливает интерес к данной теме. Я-концепция подростка достаточно неустойчива, противоречива, что приводит к невозможности объективно и адекватно оценить свою личность. Частой причиной формирования тревожности в подростковом возрасте является наличие неудовлетворенности потребности в положительной оценке своей личности со стороны окружающих. Однако резкое существенное повышение уровня тревожности можно объяснить также и наличием акцентуаций характера по психастеническому типу. Именно с подросткового возраста тревожность получает роль мотиватора, мобилизующего деятельность и

повышающего ее эффективность.

Возникновение девиантного поведения детерминировано комплексом причин, в частности теми взаимоотношениями, которые выстроены с подростком в семье, школе и социуме. Вопросы формирования и коррекции девиантного поведения не раз становились объектом исследования как в отечественной, так и зарубежной специализированной науке. Но, к сожалению, возникновению девиаций именно в подростковом возрасте посвящено исследований в меньшем количестве. Проблема девиантного поведения детей подросткового возраста предстает перед исследователями как сложный междисциплинарный вопрос, поэтому и должна быть исследована представителями различных наук. В психолого-педагогической науке исследования в большей степени посвящены изучению причин формирования различных форм девиантного поведения у детей и подростков. Особого внимания заслуживают исследования таких авторов, как Б.Н. Алмазов, С.А. Беличева, Г.Г. Бочкарева, Ю.А. Клейберг, И.С. Кон, С.А. Кулаков, А.Е. Личко, В.Т. Лисовский, В.Д. Семенов, Д.И. Фельдштейн, Г.И. Фролова, Л.Б. Шнейдер, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Х. Беккер, Е. Магнус, Г. Крэнг, В.Т. Кондращенко и многих других [Такмакова, 2011].

Причинами девиантного поведения детей подросткового возраста могут быть [там же]:

1. Индивидуально-типологические и психологические особенности. В основе причин данной группы чаще всего лежат ошибки семейного воспитания и нарушения системы детско-родительских отношений.

2. Акцентуация характера, которая формируется в подростковом возрасте. Акцентуация предполагает, что в характере подростка какие-то черты чрезмерно усиливаются, становятся как бы «заостренными» и более устойчивыми к негативному воздействию окружающей среды, а другие становятся «уязвимыми» к такому воздействию. Подростки с различными типами акцентуации характера демонстрируют различные реакции на самые обычные события, а в некоторых случаях могут поступать неадекватно.

3. Кризис подросткового возраста. Данный возрастной кризис характеризуется противоречиями в сфере психологического, психического и физиологического развития подростка. Наибольшее влияние на поведение ребенка оказывает физиологическая перестройка, которая усиливается стремлением подростка продемонстрировать свою взрослость и независимость от окружающих.

4. Негативное влияние стихийного группового общения. Возрастной особенностью подростка является стремление к общению в группе; принадлежность к какой-либо группе является показателем некой «статусности» для подростка. Поэтому подростки стремятся найти «свою» группу. Многие взрослые, зная такую особенность подросткового возраста, могут манипулировать подростками, преследуя различные цели.

5. Социально-педагогические причины. В данную группу причин формирования девиантного поведения подростков следует включить, например, такие, как противоречивость семейного общения и деструктивность детско-родительских отношений. Проблемы в семейном воспитании наиболее ярко проявляются именно в подростковом возрасте. Функционально состоятельными семьями называют такие, где у родителей нет стремления, желания и возможности заниматься воспитанием детей, семьи, имеющие криминальное настоящее, конфликтные семьи и т.д. Зачастую в школе ошибки воспитания семьи только закрепляются, что деструктивно воздействует на личность подростка, формируя и закрепляя проявления девиантного поведения;

Следует особенно отметить, что на сегодняшний день в связи с беспокойной социально-

политической ситуацией девиантное поведение в подростковой среде получило свои особенности. К ним можно отнести высокий уровень групповой преступности; усиление привлечения несовершеннолетних в организованную преступность; более широкое распространение среди несовершеннолетних таких преступлений, которые ранее были характерны для взрослых (торговля наркотиками, разбойные нападения, компьютерные преступления, захват заложников, массовые убийства и т.д.); снижение возраста молодых преступников, подростковая; жестокость и агрессивность.

Н.Н. Савина выделяет четыре типа девиантного поведения:

1. Поведение, не соответствующее принятым нормам, но не нарушающее их (к примеру, поведение, которое не соответствует возрастным характеристикам при сохранном интеллектуальном развитии);
2. Поведение, нарушающее общепринятые нормы, но не являющееся правонарушением (жестокость, жадность, эгоизм и т.д.);
3. Поведение, нарушающее правовые нормы, прописанные в административном или уголовном законодательстве;
4. Поведение, нарушающее общепринятые нормы, обусловленное наличием патологических факторов, отклонений в развитии, заболеваниями [Савина, 2009].

В психологической литературе можно встретить большое количество классификаций девиантного поведения по различным основаниям. В.Н. Липник предпринял попытку составления классификации девиаций, встречающихся у несовершеннолетних, выделив следующие группы [Мищенко, 2015]:

1. Девиации, возникающие во взаимоотношениях подростка с коллективом;
2. Девиации, возникающие в нравственном развитии личности по отношению к интересам социума;
3. Девиации, связанные с пониманием общественных интересов;
4. Девиации, связанные с общественно-полезной деятельностью подростков;
5. Девиации, возникающие вследствие деформации психики;
6. Девиации, связанные с наличием отклонений в мотивационной системе личности;
7. Девиации, возникающие вследствие наличия психических заболеваний и иных соматических отклонений.

При этом в работах А. Адлера, А. Бандуры, А. Баса, С.В. Березина, Л. Берковица, Т.Н. Курбатовой, К.С. Лисецкого, А.А. Реана, А.В. Толстых, З. Фрейда, Э. Фромма, К. Хорни и многих других подчеркивается, что отклоняющееся поведение сопряжено с наличием у человека высокого уровня тревожности, стремления к безопасности, к власти, к удовлетворению потребностей одобрения и поддержки [Такмакова, 2011].

Мы организовали экспериментальное исследование, направленное на выявление склонности подростков к девиантному поведению. В исследование приняли участие 40 подростков. По результатам исследования по методике диагностики девиантного поведения несовершеннолетних (Э.В. Леус) мы выявили, что у 15 подростков обнаружена ситуативная предрасположенность к делинквентному поведению, а у 3 подростков сформирована модель делинквентного поведения. Данные подростки, склонные к девиантному поведению, в количестве 18 человек, приняли участие в формирующем эксперименте по коррекции тревожности. Подростки случайным образом были разделены на две группы по 9 человек – экспериментальную и контрольную. Далее обе группы подростков были продиагностированы по методике диагностики личностной и ситуативной тревожности Ч.Д. Спилберга (адаптация –

Ю.Л. Ханина) и по методике диагностики социально-ситуативной тревоги (Шкала Кондаша).

Результаты исследования тревожности у подростков, склонных к девиантному поведению, показывают, что практически по всем шкалам тревожность выше нормы (за исключением школьной тревожности). Данная категория подростков может характеризоваться как вспыльчивые, раздражительные, они находятся в постоянной готовности к конфликту и защите, даже если в этом объективно нет необходимости. Излишнее внимание к результатам их деятельности, категоричный по отношению к ним тон или тон, выражающий сомнения – все это неизбежно ведет к срывам, конфликтам, созданию различного рода психологических барьеров, препятствующих эффективному взаимодействию с такими детьми [Бекетова, 2017].

Полученные результаты подтверждают, что с данной категорией детей необходима организация целенаправленной коррекционной работы. Далее была реализована программа коррекции тревожности у подростков, склонных к девиантному поведению. В данной работе принимали участие только подростки экспериментальной группе в количестве 9 человек.

Наиболее эффективным методом работы с подростками, склонными к девиантному поведению и имеющими высокий уровень тревожности, будет являться коррекционная программа, ведущим методом которой является арт-терапия, направленная на высвобождение негативных переживаний прошлого и настоящего, выход негативной энергии социально приемлемым способом, коррекцию неадекватных моделей поведения, гармонизацию эмоциональной сферы. Арт-терапия широко используется в психологической практике для коррекции невротических, психосоматических нарушений, трудностей в адаптации, обучении, для разрешения конфликтов, выплеска и коррекции агрессии и тревожности. Коррекционно-развивающие занятия с применением арт-терапии позволяют человеку изучить свои чувства и эмоции, развивают навыки межличностного общения, укрепляют отношения в коллективе, повышают самооценку и уверенность в себе. В ходе арт-терапевтических занятий человек также может освоить социально приемлемые способы выражения негативных эмоциональных реакций.

Разработанная нами коррекционная программа включает арт-терапевтические упражнения, подобранные специально для подростков, которые демонстрируют склонность к девиантному поведению и имеют при этом высокий уровень тревожности. Эти упражнения являются основным методом нашей работы, поскольку их можно использовать в групповой коррекционной работе с теми детьми, чье поведение трудно поддается контролю. В групповой работе с применением арт-терапевтических средств происходит непосредственный контакт участников с материалом, что детерминирует более сильный эмоциональный выплеск, раскрытие бессознательных переживаний и мотивов. Арт-терапия не требует большого участия взрослого, а получившиеся произведения не подвергаются критике. Так ребенок получает возможность отразить свои эмоции, чувства, переживания через цвет и форму. В арт-терапевтической практике также имеются упражнения на снятие эмоционального напряжения, релаксацию, коррекцию внутренних конфликтов и т.д., однако эти упражнения носят вспомогательный характер.

В программе по коррекции тревожности подростков, склонных к девиантному поведению, использовались различные художественные материалы. Мы использовали такие материалы, как цветные карандаши, фломастеры, маркеры, восковые мелки, акварельные краски, гуашь; ватман, обычную и цветную бумагу, картон, светлые бумажные обои, ножницы, клей, плотную хлопчатобумажную нить; музыкальные инструменты, записи спокойных и энергичных музыкальных фрагментов, музыкальные композиции по выбору подростков; медную и

алюминиевую проволоку, кусачки для проволоки, гофрированную бумагу, скотч, степлер; цветные журналы, рекламные проспекты и схожие печатные материалы, содержащие иллюстрации, которые можно вырезать и встраивать в коллажи. Различные «безделушки»: небольшие сувенирные предметы, украшения, которые можно встраивать в создаваемые композиции, костюмы и их элементы; краски для тела и грим, парики, зеркало.

Основное значение упражнений, включенных в программу, состоит в реагировании агрессивности и тревожности, улучшении процесса принятия и проигрывания ролей, преодолении психологических барьеров общения. На этом этапе вводятся элементы арт-терапии, в частности рисуночные техники. Рисование ценно тем, что позволяет подростку выразить себя невербально. Также позволяет подростку отреагировать свои эмоции, выплеснуть тревогу и агрессию на бумагу, дать волю своей фантазии: нарисованное – это в определенном смысле сбывшееся. Используемые нами упражнения дают подростку необходимый жизненный опыт и развивают его психические процессы, воображение, самостоятельность, навыки общения. Каждое упражнение в обязательном порядке заканчивалось обсуждением. Обсуждение – этап, направленный на закрепление результатов занятий, дальнейшее расширение самосознания и возможностей подростков [Бреслав, 2007]. Для подростков обсуждение играет важную роль.

При составлении программы мы опирались на следующие принципы:

- добровольность: каждый участник приходит на встречи по собственному желанию;
- конфиденциальность: все, что происходит внутри группы, не распространяется за ее пределы;
- активность участников: у каждого есть право не участвовать. Акцент делается на цель, для достижения которой все собрались, а также на последствия отказа одного участника, что априори влияет на ход работы всей группы;
- «Я-высказывание»: участник может высказывать только собственную точку зрения;
- «Здесь и сейчас»: важность происходящего в настоящий момент в данном месте (без проекции в прошлое или будущее) [Газизова, Кильмухаметова, 2020].

Результатами реализации программы являются:

- умение подростков понимать переживания, состояния и интересы других людей;
- умение подростков грамотно проявлять свои эмоции и сдерживать тревожные и агрессивные реакции;
- сформированные у подростков навыки конструктивного разрешения межличностных конфликтов;
- сформированные навыки самообладания [Макаренко, 2023].

Заключение

На основе проведенного исследования и работ таких авторов, как Л.А. Азарова, Р.У. Меремкулов, А.М. Прихожан, были сформулированы для педагогов и родителей психолого-педагогические рекомендации по профилактике девиантного поведения и тревожности у подростков.

В результате проведенной работы была выявлена положительная тенденция в изменении практически всех показателей тревожности. В связи с этим можно сделать вывод о том, что разработанная нами программа является эффективной и действенной.

Библиография

1. Бекетова А.В. Профилактика тревожности у подростков средствами сказкотерапии // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 2. С. 55.
2. Бреслав Г.Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности. СПб.: Речь, 2007. 144 с.
3. Газизова Р.Р., Кильмухаметова Р.Ш. Особенности социально-психологического тренинга // Сборник статей пятьдесят седьмой международной научной конференции «Человековедение». Кемерово, 2020. С. 19-21.
4. Макаренко З.А., Фалунина Е.В. Влияние агрессивного поведения старших подростков на межличностные отношения в группе сверстников // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 1. С. 55-58.
5. Мищенко В.И. Отклоняющееся поведение молодёжи как междисциплинарная проблема // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 31-32.
6. Савина Н.Н. Факторы защиты и факторы риска делинквентных подростков // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 4 (82). С. 91-93.
7. Такмакова М.В. Взаимосвязь девиантного поведения подростков и условий обучения в современной школе: дисс. ... канд. псих. наук. М., 2011. 293 с.
8. Gallarin M., Alonso-Arbiol I. Parenting practices, parental attachment and aggressiveness in adolescence: A predictive model // Journal of adolescence. – 2012. – Т. 35. – №. 6. – С. 1601-1610.
9. Muñoz-Reyes J. A. et al. Physical strength, fighting ability, and aggressiveness in adolescents // American Journal of Human Biology. – 2012. – Т. 24. – №. 5. – С. 611-617.
10. Rakhmonovich U. R. Characteristics of demonstrativeness, enthusiasm and aggressiveness in adolescence // Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. – 2022. – Т. 10. – №. 12. – С. 820-824.

Correction of anxiety in adolescents prone to deviant behavior

Regina R. Gazizova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology,
450076, 32 Zaki Validi str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: r.r.gazizova@struust.ru

Sof'ya G. Usmanova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology,
450076, 32 Zaki Validi str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: sofochka67@yandex.ru

Guzel' F. Saifullina

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology,
450076, 32 Zaki Validi str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: g.f.sayfullina@struust.ru

Abstract

The article summarizes modern scientific ideas about the phenomenon of the formation of deviant behavior of adolescents, the causes and forms of manifestation of adolescent maladjustment

and deviation. Revealing the essence of deviant behavior involves searching for its sources. It is necessary to understand the causes of deviations and the psychological characteristics of minors, as well as the peculiarities of their environment. Knowing the depth and validity of social work with adolescents, the peculiarity of problematic situations that arise at this age, it is possible to prevent many problems that manifest themselves later. For modern adolescents, the basis for the prevention and correction of anxiety, as well as the development of mechanisms of adaptation to the social environment, is the formation of their social competence as a systemic personal characteristic.

For citation

Gazizova R.R., Usmanova S.G., Saifullina G.F. (2024) Korrektsiya trevozhnosti u podrostkov, sklonnykh k deviantnomu povedeniyu [Correction of anxiety in adolescents prone to deviant behavior]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 360-368. DOI: 10.34670/AR.2024.94.41.028

Keywords

Character accentuation, deviant behavior, maladjustment, correction, adolescence, rules, social norms, anxiety.

References

1. Beketova A.V. (2017) Profilaktika trevozhnosti u podrostkov sredstvami skazkoterapii [Prevention of anxiety in adolescents using fairy tale therapy]. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik* [International Student Scientific Bulletin], 2, p. 55.
2. Breslav G.E. (2007) *Psikhologicheskaya korrektsiya detskoj i podrostkovoi agressivnosti* [Psychological correction of child and adolescent aggressiveness]. Saint Petersburg: Rech' Publ.
3. Gazizova R.R., Kil'mukhametova R.Sh. (2020) Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskogo treninga [Features of socio-psychological training]. In: *Sbornik statei pyat'desyat sed'moi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Chelovekoznanie»* [Proc. Int. Conf. "Humanology"]. Kemerovo, pp. 19-21.
4. Makarenko Z.A., Falunina E.V. (2023) Vliyanie agressivnogo povedeniya starshikh podrostkov na mezhlchnostnye otnosheniya v grupe sverstnikov [The influence of aggressive behavior of older adolescents on interpersonal relationships in a peer group]. In: *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Proceedings of the Bratsk State University. Series: Humanities and social sciences], 1, pp. 55-58.
5. Mishchenko V.I. (2015) Otklonyayushcheesya povedenie molodezhi kak mezhdistsiplinarnaya problema [Deviant behavior of young people as an interdisciplinary problem]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 5 (54), pp. 31-32.
6. Savina N.N. (2009) Faktory zashchity i faktory riska delinkventnykh podrostkov [Protective factors and risk factors for delinquent adolescents]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 4 (82), pp. 91-93.
7. Takmakova M.V. (2011). *Vzaimosvyaz' deviantnogo povedeniya podrostkov i uslovii obucheniya v sovremennoi shkole. Dokt. Diss.* [The relationship between deviant behavior of adolescents and learning conditions in modern schools. Doct. Diss.]. Moscow.
8. Gallarin, M., & Alonso-Arbiol, I. (2012). Parenting practices, parental attachment and aggressiveness in adolescence: A predictive model. *Journal of adolescence*, 35(6), 1601-1610.
9. Muñoz-Reyes, J. A., Gil-Burmann, C., Fink, B., & Turiegano, E. (2012). Physical strength, fighting ability, and aggressiveness in adolescents. *American Journal of Human Biology*, 24(5), 611-617.
10. Rakhmonovich, U. R. (2022). Characteristics of demonstrativeness, enthusiasm and aggressiveness in adolescence. *Galaxy International Interdisciplinary Research Journal*, 10(12), 820-824.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2024.92.66.034

Связь самооценки и самоповреждающего поведения у подростков

Лутошлива Екатерина Станиславовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1;
e-mail: eka3676@yandex.ru

Архипова Мария Сергеевна

Магистрант,
Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1;
e-mail: 89016717835@yandex.ru

Носов Николай Сергеевич

Выпускник факультета психологии,
Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1;
e-mail: anton.korolev2016@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению связи самооценки с самоповреждающим поведением у подростков. Самооценка рассматривается как динамический процесс, который может изменяться в зависимости от различных факторов, включая образование, социальное окружение, опыт взаимодействия с другими людьми и т. д. Анализ исследований, представленных в научной литературе, показывает, что существует связь между самооценкой подростков и риском возникновения самоповреждающего поведения. Самоповреждающее поведение у подростков часто связано с низкой самооценкой, неудовлетворенностью собой и негативным отношением к своей внешности и личности. Подростки с низкой самооценкой могут использовать самоповреждающее поведение как способ повышения своей самооценки, контроля над своим телом, а также как стратегии восстановления контроля над эмоциями и избавление от напряжения. Представлены результаты эмпирического исследования, выявившие связь самооценки и самоповреждающего поведения у подростков, которая изучалась при помощи корреляционного анализа. Таким образом, мы можем говорить о том, что между низкой самооценкой и самоповреждающим поведением существует связь, понимание которой может помочь в разработке эффективных стратегий улучшения психологического благополучия подростков, что позволит уменьшить риск появления самоповреждающего поведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Лутошлива Е.С., Архипова М.С., Носов Н.С. Связь самооценки и самоповреждающего поведения у подростков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 369-379. DOI: 10.34670/AR.2024.92.66.034

Ключевые слова

Самооценка, самоповреждающее поведение, связь, стратегии самоповреждающего поведения, эмоциональная дисрегуляция.

Введение

Связь самооценки и самоповреждающего поведения у подростков в настоящий момент является актуальной темой для изучения, т. к. именно в подростковом периоде происходит формирование самооценки, которая является фундаментальным образованием личности, играет центральную роль в саморегуляции, определяет направление и уровень активности человека, его отношение к миру, к людям и к самому себе [Попова, 2000]. Самооценка также является важной детерминантой всех форм и видов деятельности и социального поведения человека. В отечественной психологии самооценка определяется как личностное образование, активно участвующее в регуляции поведения и деятельности человека, а также как автономная характеристика личности, являющаяся центральным компонентом и отражающая уникальность внутреннего мира личности [там же; Шакирова, 2019].

Основная часть

В работах таких исследователей как А.Г. Демидова, Я.Е. Прошкина отмечается, что подростки с низкой самооценкой относятся к группе повышенного риска формирования и использования различных неэффективных стратегий поведения, в том числе самоповреждающего поведения [Демидова, 2011; Прошкина, 2017]. Низкая самооценка может выступать в качестве важной детерминанты появления самоповреждающего поведения у подростков в связи с неудовлетворенностью собой, негативным отношением к своей внешности и личности.

Н.А. Польская определяет самоповреждающее поведение как физические действия, которые направлены на повреждение своего тела [Польская, 2014; Польская, 2017].

Современные исследования в области самоповреждающего поведения позволили выделить его как отдельный феномен, который встречается у подростков неклинической выборки, тогда как ранее самоповреждения рассматривались как симптом или проявление психических болезней, таких как ОКР, но чаще рассматривались в контексте пограничного личностного расстройства и других расстройств личности [Зверева, 2013].

Самоповреждающее поведение может иметь негативные последствия для физического и психического здоровья человека. Поэтому в настоящее время самоповреждающее поведение является критической проблемой охраны психического здоровья, однако, недостаточная согласованность в концептуализации этого феномена на данный момент затрудняет его изучение и получение точных данных о распространенности по различным возрастам и выборкам.

Согласно исследованиям, низкая самооценка и самоотношение являются факторами,

способствующими развитию самоповреждающего поведения у подростков [Кириллова, 2015]. Эти характеристики могут быть связаны с конфликтностью «Я», склонностью к самообвинению, импульсивностью, неустойчивостью эмоциональной сферы и низким уровнем поведенческой регуляции. Самоповреждающее поведение рассматривается как стратегия приспособления к психотравмирующим факторам, которая выполняет функцию сохранения целостности «Я-концепции», сохранения самоуважения и самооценки, но при этом может наносить вред здоровью и социальной адаптации [Амбрумова, 2014; Польская, 2010].

Исходя из вышеизложенного, можно достаточно обоснованно утверждать, что низкая самооценка может выступать в качестве важной детерминанты появления самоповреждающего поведения у подростков в связи с неудовлетворенностью собой и негативным отношением к своей внешности и личности. У подростков с самоповреждающим поведением наблюдается низкий уровень самосознания, отрицательное самоотношение, негативное представление о теле в подростковом возрасте, что существенно влияет на формирование отрицательного образа «Я», способствует социально-психологической дезадаптации и повышает риск появления и использования неэффективных стратегий поведения, а также укрепления модели самоповреждающего поведения [Чуева, 2017].

Психологические механизмы, которые объясняют связь между самооценкой и самоповреждениями, включают негативные когнитивные установки и дефицит саморегуляции. Например, низкая самооценка может сопровождаться негативными мыслями о себе, чувством собственной неполноценности и низкой ценности. Эти негативные когнитивные установки могут усиливать эмоциональный дистресс и способствовать появлению самоповреждений в качестве стратегии справления [Бондаренко, 2023; Кириллова, 2015].

Связь между самооценкой и самоповреждающим поведением может быть сопряжена с такими факторами, как наличие социальной поддержки со стороны окружения. Например, подростки с низкой самооценкой, но с наличием поддержки и понимания окружающих, могут быть менее склонны к самоповреждающему поведению. Наличие же самоповреждающего поведения у подростков может ухудшить их отношения со сверстниками, семьей и другими людьми, а также привести к таким серьезным проблемам, как депрессия и суицидальные мысли. Также наличие ролевых моделей самоповреждающего поведения среди сверстников или в семье может увеличивать вероятность самоповреждения у подростков с низкой самооценкой. Подростки могут воспринимать самоповреждающее поведение как способ принадлежности к определенной группе или как способ привлечения внимания и поддержки от окружающих [Польская, 2012].

Для понимания связи между самооценкой подростков и самоповреждающим поведением также важно учитывать различия в гендерных и культурных аспектах. Гендерные различия в связи между самооценкой и самоповреждениями показывают, что девочки чаще склонны к самоповреждениям и имеют более низкую самооценку по сравнению с мальчиками. Это может быть связано с социокультурными нормами, стереотипами и ожиданиями, которые могут оказывать влияние на самооценку и стратегии борьбы с эмоциональными трудностями [Гончарова, 2023].

Культурные стереотипы, ожидания и ценности могут оказывать влияние на самооценку подростков и их реакции на эмоциональные трудности. Например, в некоторых культурах выражение эмоций может быть ограничено или неприемлемо, что может способствовать выбору самоповреждающих стратегий в качестве способа справиться с эмоциональным дискомфортом [Польская, 2018].

Исследования показывают, что самоповреждающее поведение может быть связано с дисрегуляцией нейрохимических систем, таких как серотониновая система, отвечающая за регуляцию настроения и поведения. У подростков с низкой самооценкой могут наблюдаться изменения в функционировании этих систем, что может предрасполагать их к самоповреждающему поведению [Кольчик, 2020].

В целом, связь между самооценкой подростков и самоповреждающим поведением является сложной и многогранной. Самооценка и самоповреждающее поведение являются многомерными конструкциями, и их связь может различаться в зависимости от контекста и специфических характеристик, имеющих у подростков.

Учитывая вышесказанное, изучение связи между самооценкой и самоповреждающим поведением представляет собой значимый предмет для исследований, поскольку понимание этой связи может способствовать разработке эффективных мер по предотвращению и интервенции в отношении самоповреждающего поведения у подростков.

С целью изучения связи самооценки и самоповреждающего поведения у подростков нами было осуществлено эмпирическое исследование, которое проводилось на базе областного государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Иркутский областной психоневрологический диспансер» (ОГБУЗ «ИОПНД»), количество испытуемых, составило 32 человека в возрасте от 13 до 17 лет.

В качестве методов исследования нами были выбраны следующие психодиагностические методики:

1. Методика Г.Н. Казанцевой «Диагностика общей самооценки личности».
2. Методика Н.А. Польской «Шкала причин самоповреждающего поведения».

Для статистической обработки полученных данных нами использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

По результатам проведения методики Г.Н. Казанцевой «Диагностика общей самооценки личности» у подавляющего числа испытуемых (87 %) была выявлена низкая самооценка. У подростков с низкой самооценкой наблюдается негативное искаженное восприятие себя, высокая самокритичность, что может приводить к эмоциональному дискомфорту и способствовать развитию самоповреждающего поведения.

Результаты проведения методики Н.А. Польской «Шкала причин самоповреждающего поведения» показали, что наиболее частым видом действий самоповреждающего характера у подростков являются удары кулаком или корпусом тела о твердые предметы (84%), порезы режущими предметами (81%), уколы и проколы кожи острыми предметами (78%), удары кулаком по своему телу (68%), сковыривание болячек (53%). В подростковом возрасте чаще диагностируется несколько видов самоповреждающего поведения, например, у одного испытуемого могут встречаться как порезы режущими предметами, так и уколы или проколы кожи и т. д. Результаты представлены на рисунке 1.

Результаты, представленные на рисунке 1, говорят о том, что наиболее частым видом действий самоповреждающего характера являются удары кулаком или корпусом тела по твердым предметам (84%), порезы режущими предметами (81%), уколы и проколы кожи острыми предметами (78%), удары кулаком по своему телу (68%), сковыривание болячек (53%).

Мы можем говорить о том, что подростки могут использовать удары по твердым поверхностям как способ справиться с всплеском своих негативных эмоций, то есть получить разрядку и избавиться от напряжения.

Мы считаем, что большое распространение повреждений кожи среди испытуемых связано

с тем, что порезы, проколы и удары являются наиболее доступными способами нанесения себе повреждение. Низкая самооценка может приводить к тому, что подростки используют их с целью наказать себя за существующие или вымышленные недостатки.

Рисунок 1 - Виды самоповреждений у подростков по опроснику «Шкала причин самоповреждающего поведения» (%)

Результаты, представленные на рисунке 1, свидетельствуют о том, что менее частым видом действий самоповреждающего характера являются самоожоги (25%), расчесывание кожи (21%), самоукусы (12%), обкусывание губ (12%), обкусывание ногтей (12%). Мы предполагаем, что обкусывание губ могут быть просто привычкой, сохранившейся с детского возраста или являться симптомом какой-либо физической болезни, то есть непроизвольные движения, а также выступать симптомом сильного напряжения. В этом случае требуется дифференциальная диагностика между самоповреждениями и проявлениями других болезней. Также обкусывание ногтей и губ может ассоциироваться у подростков с неэстетичностью, так как кисти рук и обкусанные губы скрыть сложнее, чем порезы на запястьях и других частях тела, которые подростки зачастую скрывают одеждой с длинными рукавами.

Обкусывание щек может встречаться реже ввиду сильной болезненности слизистой внутренней поверхности ротовой полости, что может приводить к значительным проблемам с питанием в подростковом возрасте, так как боль может ограничивать подростков к приему пищи, вследствие чего данный вид поведения может встречаться реже.

Самоукусы у подростков встречаются реже так как являются более заметными, так как некоторые подростки выбирают более скрытые способы самоповреждений, так как их пугает, что окружающие могут обращать на это внимание. Также самоукусы и расчесывание кожи могут приводить к инфицированию кожных покровов, сопровождаться зудом и приводить к развитию кожных заболеваний.

Для того, чтобы выявить частоту актов самоповреждающего поведения у подростков мы использовали второй блок опросника «Шкала самоповреждающего поведения», который позволяет определить время последнего самоповреждения: от нескольких дней до более года назад (рис. 2)

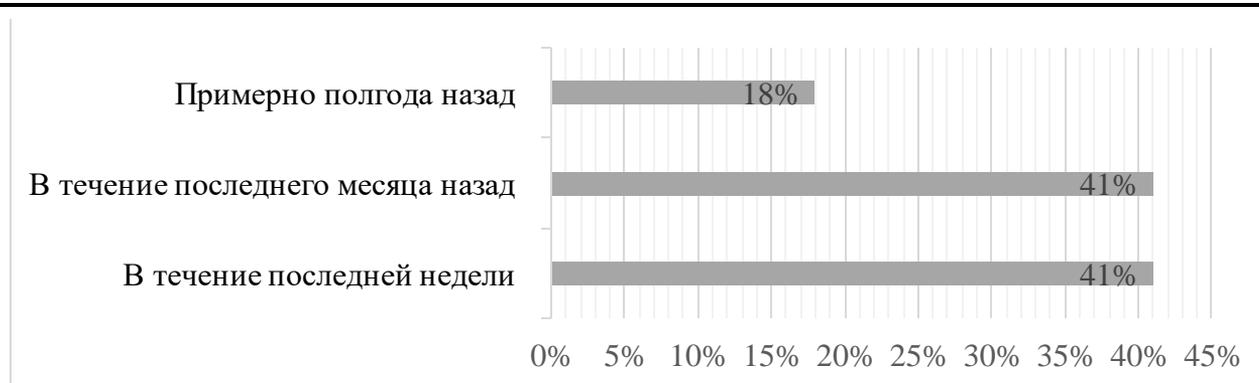

Рисунок 2 - Частота актов самоповреждений у подростков (%)

Данные, представленные на рисунке 2, показывают, что большая часть подростков с самоповреждающим поведением (41% от общего количества выборки) совершала самоповреждения в течение последней недели и в течение последнего месяца. 18% от общего количества выборки, составили подростки, которые совершали самоповреждения около полугода назад.

Для выявления связи между самооценкой и частотой актов самоповреждающего поведения, мы провели корреляционный анализ. При помощи методов математической статистики была выявлена обратная связь $r = -0,400^*$ (при $p < 0,05$) по шкале «Низкая самооценка» и шкале «Частота актов самоповреждающего поведения». Выявленная связь позволяет говорить о том, что низкая самооценка способствует более частому осуществлению действий самоповреждающего характера. Данное поведение может носить временный характер или возникать регулярно в определенных ситуациях стрессогенного характера. Слабость позитивных представлений о себе как о личности, способной вызвать уважение и самоуважение, недостаточность самопринятия связаны с готовностью осуществлять более частые самоповреждения.

В результате факторного анализа по методике Н.А. Польской было выделено четыре стратегии подросткового самоповреждающего поведения, данные представлены ниже (рис. 3)

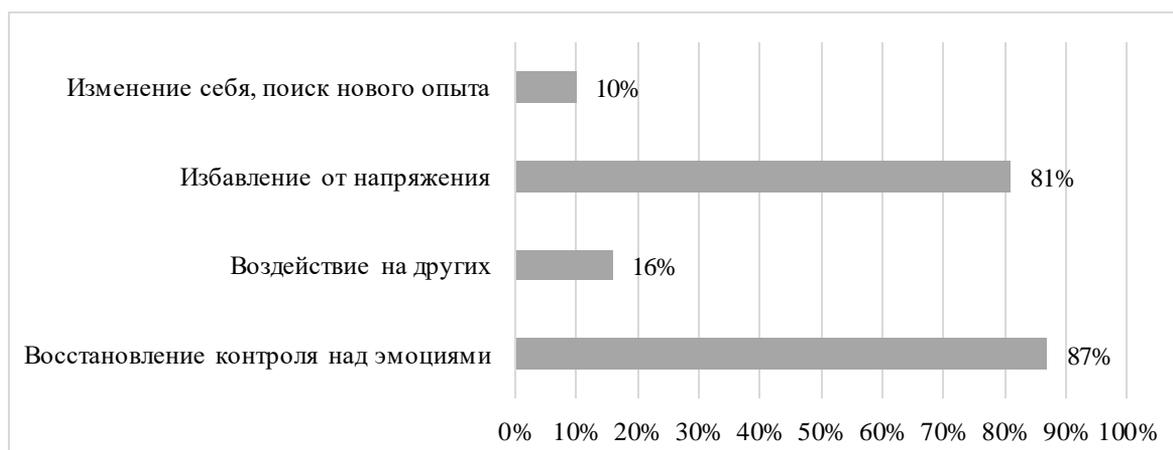

Рисунок 3 - Стратегии самоповреждающего поведения по методике «Шкала причин самоповреждающего поведения» (процентные показатели)

Результаты, представленные на рисунке 3, свидетельствуют о том, что больше всего подростки с самоповреждающим поведением выбирают стратегию «Восстановление контроля над эмоциями» (87%). Мы можем предположить, что низкая самооценка влияет на устойчивость эмоционального фона подростков. Неуверенность в себе, высокая самокритичность, неспособность контролировать эмоции приводит к тому, что подростки с низкой самооценкой используют самоповреждения для того, чтобы справиться со своим негативным эмоциональным состоянием.

На основании полученных данных мы можем говорить, что подростки также выбирают стратегию «Избавление от напряжения» (81%). Низкая самооценка в подростковом возрасте связана с различными физиологическими, социальными и психологическими факторами, что приводит к чувству постоянного напряжения у подростков и к тому, что подростки начинают использовать самоповреждения с целью снижения уровня напряжения.

В меньшей степени подростки выбирают такие стратегии, как «Воздействие на других» (16%) и «Изменение себя, поиск нового опыта» (10%). Мы можем говорить о том, что подростки с низкой самооценкой не склонны к демонстративному поведению, так как низкая самооценка вызывает тревожность и страх, что приводит к тому, что у подростков наблюдаются проблемы в межличностных отношениях. Также можно говорить о том, что подростки не используют самоповреждения с целью получения нового опыта или изменения себя, что чаще всего подростки выбирают первые две стратегии «Восстановление контроля над эмоциями» и «Избавление от напряжения» ввиду низкой самооценки, приводящей к эмоциональной нестабильности.

Мы провели корреляционный анализ с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена, чтобы определить существует ли значимая связь между самооценкой и стратегиями самоповреждающего поведения (табл. 1); статистически значимые взаимосвязи ($p < 0,01$, $p < 0,05$).

Таблица 1 - Корреляция по методике «Диагностика общей самооценки личности» и методике «Шкала причин самоповреждающего поведения»

Коэффициент корреляции	«Воздействие на других»	«Изменение себя, поиск нового опыта»	«Восстановление контроля над эмоциями»	«Избавление от напряжения»
Низкая самооценка	-0,169	-0,144	-0,598**	-0,463*

Условные обозначения: ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); * – корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

В ходе корреляционного анализа нами была выявлена обратная связь $r = -0,598^{**}$ (при $p < 0,01$) между низкой самооценкой и стратегией «Восстановление контроля над эмоциями» (см. табл. 1): чем ниже уровень самооценки у подростка, тем выше уровень стратегии «Восстановление контроля над эмоциями» и наоборот. Мы предполагаем, что негативная оценка собственных действий, непринятие собственной личности, сопровождающейся обостренным чувством вины и недовольством собой, выступают предикторами самоповреждающего поведения у подростков. Чем ниже самооценка в данной категории подростков, тем чаще они используют самоповреждение для восстановления контроля над своими эмоциями.

Значение $p < 0,01$ говорит о том, что вероятность случайной ошибки в данном исследовании

очень мала (меньше 1%), что подтверждает статистическую значимость полученных результатов.

Была выявлена обратная связь $r = -0,463^*$ (при $p < 0,05$) между низкой самооценкой и стратегией «Избавления от напряжения», то есть чем ниже самооценка, тем выше уровень напряжения. Через самоповреждение происходит снятие интенсивности аффекта и восстановления контроля над эмоциями, причиняющими страдания или напряжение. Таким образом, эпизоды самоповреждения несут регулятивную функцию, помогают подросткам избежать некоторых неприятных переживаний, связанных с трудностями самовосприятия и восприятия себя в ситуациях межличностного взаимодействия.

Значимых связей между низкой самооценкой и стратегиями «Поиск себя и нового опыта» и «Воздействие на других» не было выявлено. Это может быть обусловлено тем, что стратегии «Восстановление контроля над эмоциями» и «Избавление от напряжения» выбирается подростками чаще ввиду особенностей возраста, наличием у них эмоциональной нестабильности, низкой самооценки и под влиянием разных неблагоприятных факторов.

Заключение

Таким образом, мы можем говорить о том, что между низкой самооценкой и самоповреждающим поведением существует связь, понимание которой может помочь в разработке эффективных стратегий улучшения психологического благополучия подростков, что позволит уменьшить риск появления самоповреждающего поведения.

Библиография

1. Амбрумова А.Г. Аутодеструктивное поведение подростков // Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии. 2014. № 3. С. 52-62.
2. Бондаренко С.Н. Влияние стресса на самооценку подростков // Юный ученый. 2023. № 3 (66). С. 308-311.
3. Гончарова Е.В. Предикторы самоповреждающего поведения у девушек // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/23PSMN123.pdf>
4. Демидова А.Г. Особенности самооценки интеллекта подростка // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 361-371.
5. Зверева М.В. Самоповреждающее поведение у подростков в норме и при психической патологии // Клиническая и специальная психология. 2013. № 4. С. 23-32.
6. Кириллова Ю.И. Возрастные особенности при склонности к самоповреждающему поведению // Медицина и образование в Сибири. 2015. № 2. С. 71-74.
7. Кольчик Е.Ю. Особенности эмоционального реагирования подростков, склонных к отклоняющемуся поведению // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN620.pdf>
8. Польская Н.А. К проблеме эмпирического изучения самоповреждающего поведения // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. 2010. № 1. С. 714-720.
9. Польская Н.А. Особенности самоповреждающего поведения в подростковом и юношеском возрасте // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 10. № 1. С. 92-97.
10. Польская Н.А. Роль социальных факторов в развитии самоповреждающего поведения // Клиническая и специальная психология. 2012. № 2. С. 45-48.
11. Польская Н.А. Самоповреждающее поведение в клинической практике // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2011. № 2. С. 4-8.
12. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: дис. ... д-ра психолог. наук. М., 2017. 423 с.
13. Польская Н.А. Эмоциональная дисрегуляция в структуре самоповреждающего поведения // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 4. С. 65-82.
14. Попова Л.Г. Самооценка подростков // Психологический вестник Уральского государственного университета. 2000. № 6. С. 60-64.
15. Прошкина Я.Е. Исследование взаимосвязи самооценки и образа тела в подростковом возрасте // Наука и

- образование: сохраняя прошлое, создаем будущее. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 181-184.
16. Чуева Е.Н. Самоповреждающее поведение детей и подростков // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (29). С. 71-77.
17. Шакирова Д.М. Самооценка – что это такое: понятие, структура, виды и уровни. Коррекция самооценки // Вопросы студенческой науки. 2019. № 5 (33). С. 389-392.

The relationship between self-esteem and self-harming behavior in adolescents

Ekaterina S. Lutoshliva

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Irkutsk State University,
664003, 1, Karla Marksa str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: eka3676@yandex.ru

Mariya S. Arkhipova

Master's Student,
Irkutsk State University,
664003, 1, Karla Marksa str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: 89016717835@yandex.ru

Nikolai S. Nosov

Graduate,
Irkutsk State University,
664003, 1, Karla Marksa str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: anton.korolev2016@mail.ru

Abstract

The connection between self-esteem and self-harmful behavior in adolescents is currently a relevant topic for study, since it is during adolescence that self-esteem is formed, which is the fundamental formation of the individual. The article is devoted to the study of the relationship between self-esteem and self-harming behavior in adolescents. Self-esteem is considered as a dynamic process that can change depending on various factors, including education, social environment, experience of interaction with other people, etc. Analysis of studies presented in the scientific literature shows that there is a relationship between adolescents' self-esteem and the risk of self-harming behavior. Self-harming behavior in adolescents is often associated with low self-esteem, dissatisfaction with oneself, and negative attitudes about one's appearance and personality. Adolescents with low self-esteem may use self-harming behavior as a way to increase their self-esteem, control over their bodies, and as strategies to regain control over emotions and release tension. The results of an empirical study revealing the relationship between self-esteem and self-harming behavior in adolescents, which was studied using correlation analysis, are presented. Thus, we can say that there is a connection between low self-esteem and self-harmful behavior, the

understanding of which can help in the development of effective strategies to improve the psychological well-being of adolescents, which will reduce the risk of self-harmful behavior.

For citation

Lutoshliva E.S., Arkhipova M.S., Nosov N.S. (2024) Svyaz' samootsenki i samopovrezhdayushchego povedeniya u podrostkov [The relationship between self-esteem and self-harming behavior in adolescents]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 369-379. DOI: 10.34670/AR.2024.92.66.034

Keywords

Self-efficacy, self-harming behavior, relationship, self-harming behavior strategies, emotional dysregulation.

References

1. Ambrumova A.G. (2014) Autodestruktivnoe povedenie podrostkov [Self-destructive behavior of adolescents]. *Sravnitel'no-vozzrastnye issledovaniya v suitsidologii* [Comparative age studies in suicidology], 3, pp. 52-62.
2. Bondarenko S.N. (2023) Vliyaniye stressa na samootsenku podrostkov [The influence of stress on the self-esteem of adolescents]. *Yunyi uchenyi* [Young scientist], 3 (66), pp. 308-311.
3. Chueva E.N. (2017) Samopovrezhdayushchee povedenie detei i podrostkov [Self-harmful behavior of children and adolescents]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki* [Bulletin KRASEC. Physical and Mathematical Sciences], 1 (29), pp. 71-77.
4. Demidova A.G. (2011) Osobennosti samootsenki intellekta podrostka [Features of self-assessment of a teenager's intelligence]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of Tula State University. Humanitarian science], 2, pp. 361-371.
5. Goncharova E.V. (2023) Prediktory samopovrezhdayushchego povedeniya u devushek [Predictors of self-harmful behavior in girls]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 11, 1. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/23PSMN123.pdf/> [Accessed 02/02/2024]
6. Kirillova Yu.I. (2015) Vozrastnye osobennosti pri sklonnosti k samopovrezhdayushchemu povedeniyu [Age-related characteristics with a tendency to self-harmful behavior]. *Medsina i obrazovanie v Sibiri* [Medicine and education in Siberia], 2, pp. 71-74.
7. Kol'chik E.Yu. (2020) Osobennosti emotsional'nogo reagirovaniya podrostkov, sklonnykh k otklonyayushchemusya povedeniyu [Features of the emotional response of adolescents prone to deviant behavior]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 8, 6. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN620.pdf> [Accessed 02/02/2024]
8. Pol'skaya N.A. (2018) Emotsional'naya disregulyatsiya v strukture samopovrezhdayushchego povedeniya [Emotional dysregulation in the structure of self-harming behavior]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Consultative psychology and psychotherapy], 26, 4, pp. 65-82.
9. Pol'skaya N.A. (2017) *Fenomenologiya i funktsii samopovrezhdayushchego povedeniya pri normativnom i narushennom psikhicheskom razviti. Doct. Dis.* [Phenomenology and functions of self-harmful behavior in normal and impaired mental development. Doct. Dis.]. Moscow.
10. Pol'skaya N.A. (2010) K probleme empiricheskogo izucheniya samopovrezhdayushchego povedeniya [On the problem of empirical study of self-harmful behavior]. *Ekspertimetal'naya psikhologiya v Rossii: traditsii i perspektivy* [Experimental psychology in Russia: traditions and prospects], 1, pp. 714-720.
11. Pol'skaya N.A. (2014) Osobennosti samopovrezhdayushchego povedeniya v podrostkovom i yunosheskom vozraste [Features of self-harmful behavior in adolescence and youth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [News of Saratov University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 10, 1, pp. 92-97.
12. Pol'skaya N.A. (2012) Rol' sotsial'nykh faktorov v razviti samopovrezhdayushchego povedeniya [The role of social factors in the development of self-harming behavior]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical and special psychology], 2, pp. 45-48.
13. Pol'skaya N.A. (2011) Samopovrezhdayushchee povedenie v klinicheskoi praktike [Self-harmful behavior in clinical practice]. *Obozrenie psikhiiatrii i meditsinskoi psikhologii im. V. M. Bekhtereva* [Review of Psychiatry and Medical Psychology], 2, pp. 4-8.
14. Popova L.G. (2000) Samootsenka podrostkov [Self-esteem of adolescents]. *Psikhologicheskii vestnik Ural'skogo*

-
- gosudarstvennogo universiteta* [Psychological Bulletin of the Ural State University], 6, pp. 60-64.
15. Proshkina Ya.E. (2017) Issledovanie vzaimosvyazi samootsenki i obraza tela v podrostkovom vozraste [Study of the relationship between self-esteem and body image in adolescence]. In: *Nauka i obrazovanie: sokhranyaya proshloe, sozdaem budushchee* [Science and education: preserving the past, creating the future]. Penza: Nauka i Prosveshchenie Publ.
 16. Shakirova D.M. (2019) Samootsenka – chto eto takoe: ponyatie, struktura, vidy i urovni. Korrektsiya samootsenki [Self-esteem, what is it: concept, structure, types and levels. Correction of self-esteem]. *Voprosy studencheskoi nauki* [Questions of student science], 5 (33), pp. 389-392.
 17. Zvereva M.V. (2013) Samopovrezhdayushchee povedenie u podrostkov v norme i pri psikhicheskoi patologii [Self-harmful behavior in adolescents in normal conditions and in mental pathology]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical and special psychology], 4, pp. 23-32.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница].
Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
 - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
 - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

